

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ XII

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

关于经济的对话

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2023, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

Ведущие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, состоявшиеся в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития. В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения известных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед. «Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ, 2023

© С.Д. БОДРУНОВ, 2023

ISBN 978-5-00020-112-1

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакционный совет,
Редакционная коллегия,
Научный совет выпуска,
Группа выпуска

ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЯТ

за активное содействие реализации идеи серии «Бесед об экономике»

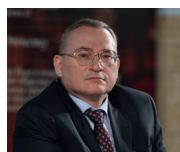
- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по промышленности и торговле,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по экономической политике,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Российскую академию наук,
- Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
- Центральный экономико-математический институт РАН,
- Институт экономики РАН,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом "Э"» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный Союз экономистов,
- Экспертно-деловой Совет МСЭ и ВЭО России по вопросам развития российско-китайского сотрудничества,
- Фонд центральноазиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,
- Китайский народный университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий
Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы,

- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
- Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
- Уральский государственный экономический университет,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**БОДРУНОВ
СЕРГЕЙ
ДМИТРИЕВИЧ**

Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

**АВТНОМОВ
ВЛАДИМИР
СЕРГЕЕВИЧ**

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**АГАНБЕГЯН
АБЕЛ ГЕЗЕВИЧ**

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**АКБЕРДИНА
ВИКТОРИЯ
ВИКТОРОВНА**

Заместитель директора Института экономики Уральского отделения РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

**АКСАКОВ
АНАТОЛИЙ
ГЕННАДЬЕВИЧ**

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, к.э.н. (г. Москва, Россия).

**БУЗГАЛИН
АЛЕКСАНДР
ВЛАДИМИРОВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ГЛАЗЬЕВ
СЕРГЕЙ
ЮРЬЕВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ**

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, академик РАН, д.ф.н. (г. Москва, Россия).

**ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ**

Действительный член Сената ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ГРОМЫКО
АЛЕКСЕЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ**

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д.полит.н. (г. Москва, Россия).

**ДЕМЕНТЬЕВ
ВИКТОР
ЕВГЕНЬЕВИЧ**

Руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория», заместитель председателя Ученого совета ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ДЫНКИН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА**

Заведующая кафедрой банковского дела и страхования Оренбургского государственного университета, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Оренбург, Россия).

**КАЛАШНИКОВ
СЕРГЕЙ
ВЯЧЕСЛАВОВИЧ**

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Президиума Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества», вице-президент от России Международной торговой палаты Великого шелкового пути, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

Член Правления ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, главный экономист ВЭБ.РФ, к.э.н. (г. Москва, Россия).

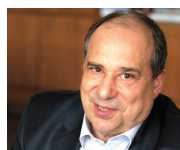
**МАКСИМЦЕВ
ИГОРЬ
АНАТОЛЬЕВИЧ**

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

**МУРЫЧЕВ
АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д.э.н. (г. Москва, Россия).

**НЕКИПЕЛОВ
АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДЕРОВИЧ**

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П.П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д.ф.-м.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ПОПОВ
ГАВРИИЛ
ХАРИТОНОВИЧ**

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного Союза экономистов, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ПОПОВ
ЕВГЕНИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Директор Центра социально-экономических исследований Уральского института управления — филиала РАНХиГС, член-корреспондент РАН, д.ф.-м.н., д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

**ПОРФИРЬЕВ
БОРИС
НИКОЛАЕВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**РЯБУХИН
СЕРГЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, д.э.н. (г. Москва, Россия).

**СИЛИН
ЯКОВ
ПЕТРОВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

**ЭСКИНДАРОВ
МИХАИЛ
АБДУРАХМАНОВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

**ЯКУТИН
ЮРИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель АО «Издательский дом “Экономическая газета”», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газеты», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

А.Н. ПРОКОФЬЕВ

член Правления ВЭО России, шеф-редактор серии «Беседы об экономике» (г. Москва, Россия)

И.Е. БАРСУКОВ

Член Правления ВЭО России, заместитель директора Центра Национальной технологической олимпиады Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», к.э.н. (г. Москва, Россия)

А.В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н.

Р.С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологических отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

А.А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, руководитель Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

М.А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

В.В. СМАГИНА

Руководитель Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Л.Н. УСЕНКО

Член Президиума ВЭО России, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С.Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

**А.В. БУЗГАЛИН, С.Ю. ГЛАЗЬЕВ,
М.В. ЕРШОВ, С.В. КАЛАШНИКОВ,
О.Н. СМОЛИН, С.Н. РЯБУХИН,
А.А. ШИРОВ, Ю.В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА

Главный редактор **Сергей Бодрунов**

Редакционный директор **Маргарита Ратникова**

Шеф-редактор **Андрей Прокофьев**

Редактор-супервайзер **Алексей Савин**

Концепт-редактор **Галина Никитина**

Переводчик **Василий Краснопёров**

Верстка **Игорь Алянкин**

Препресс **Тимофей Ковтун**

Фоторедактор **Вячеслав Кочураев**

Контрольный редактор **Алла Ковалева**

Фотографии предоставлены пресс-службой ВЭО России, фотобанк Shutterstock

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

РОССИЯ В МИРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

БЕСЕДА 1

Мировые тренды экономического развития:
роль и место России СТР. 22

 Global trends in economic development:
the role and place of Russia СТР. 58

 全球经济发展趋势：俄罗斯的作用和地位 СТР. 72

БЕСЕДА 2

Перспективы Большого Евразийского
партнерства СТР. 80

 Greater Eurasian Partnership Prospects СТР. 102

БЕСЕДА 3

Промышленная политика в условиях вызовов
глобальной трансформации СТР. 114

БЕСЕДА 4

Нефть и газ: будущее отрасли СТР. 136

БЕСЕДА 5

Генезис ноономики: Знания. Ментальные
объекты. Креативность СТР. 148

 Noonomy的起源：知识·精神物品·
创造力。 СТР. 194

БЕСЕДА 6

Социализм как способ созидания СТР. 206

 社会主义是一种创造方式 СТР. 216

БЕСЕДА 7

Планирование в условиях глобальной
трансформации СТР. 222

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

БЕСЕДА 1

Всероссийский экономический
диктант – 2023 СТР. 248

БЕСЕДА 2

Каким быть экономическому
образованию в России СТР. 276

 What should economic education
be like in Russia? СТР. 308

 俄罗斯的经济教育应该是什么样子的 СТР. 320

БЕСЕДА 3

Финансово-экономическая грамотность
в России СТР. 328

БЕСЕДА 4

Уроки истории экономических реформ СТР. 340

БЕСЕДА 5

Научное наследие Николая Кондратьева СТР. 350

 赶上康德拉季耶夫浪潮 СТР. 368

Материалы, переведенные на английский или китайский, отмечены флажками
Articles Translated to English and/or Chinese Marked by Flags

ЧАСТЬ III

ФИНАНСЫ И ТОРГОВЛЯ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

БЕСЕДА 1

Мировые тренды экономического развития:
роль и место России. Вторая часть СТР. 376

🇺🇸 Global trends in economic development:
the role and place of Russia. 2nd part. СТР. 414

🇨🇳 全球经济发展趋势：俄罗斯的角色和地位 СТР. 428

БЕСЕДА 2

Финансовая политика России
в новой реальности СТР. 438

БЕСЕДА 3

Российский бизнес: переход
на новый уровень СТР. 448

БЕСЕДА 4

Исламский банкинг в России СТР. 460

БЕСЕДА 5

Россия и Индия: укрепляя партнерство СТР. 472

БЕСЕДА 6

Россия и Китай: путь в новый
экономический уклад СТР. 484

🇺🇸 Russia and China: Common
Modernization Way СТР. 492

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ

Китаю необходимо заново открыть
для себя Россию СТР. 500

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДО И ПОСЛЕ. ПРОГНОЗЫ НАЧАЛА И КОНЦА 2023 ГОДА

БЕСЕДА 1

«Мировое экономическое положение
и перспективы 2023» СТР. 510

БЕСЕДА 2

Консенсус-прогноз: что ждет российскую
экономику в 2024 году и далее СТР. 540

🇺🇸 What awaits the Russian economy:
forecast for 2024 and beyond СТР. 574

TABLE OF

PART I

RUSSIA IN GLOBAL TRANSFORMATION

CONVERSATION 1

Global trends in economic development:
the role and place of Russia СТР. 58
■ 全球经济发展趋势：俄罗斯的作用和地位 СТР. 72

CONVERSATION 2

Greater Eurasian Partnership Prospects СТР. 102

CONVERSATION 3

Industrial policy in the context
of the challenges of global transformation СТР. 114

CONVERSATION 4

Oil and gas: the future of the industry СТР. 136

CONVERSATION 5

Genesis of Noonomy: Knowledge.
Mental objects. Creativity СТР. 148
■ Noonomy的起源：知识。精神物品。
创造力。 СТР. 194

CONVERSATION 6

Socialism as a way of creation СТР. 206
■ 社会主义是一种创造方式 СТР. 216

CONVERSATION 7

Planning in the context of global
transformation СТР. 222

PART II

ECONOMIC EDUCATION AND ECONOMIC SCIENCE

CONVERSATION 1

All-Russian Economic Dictation – 2023 СТР. 248

CONVERSATION 2

What should economic education
be like in Russia? СТР. 308
■ 俄罗斯的经济教育应该是什么样子的 СТР. 320

CONVERSATION 3

Financial and economic literacy in Russia СТР. 328

CONVERSATION 4

Lessons from the history of economic reforms СТР. 340

CONVERSATION 5

Scientific heritage of Nikolai Kondratiev СТР. 350
■ 赶上康德拉季耶夫浪潮 СТР. 368

CONTENTS

PART III

FINANCE AND TRADE: NEW DIRECTIONS

CONVERSATION 1

Global trends in economic development:
the role and place of Russia. 2nd part. CTP. 414
■ 全球经济发展趋势：俄罗斯的角色和地位 CTP. 428

CONVERSATION 2

Financial policy of Russia in the new reality CTP. 438

CONVERSATION 3

Russian business: moving to a new level CTP. 448

CONVERSATION 4

Islamic banking in Russia CTP. 460

CONVERSATION 5

Russia and India: strengthening partnership CTP. 472

CONVERSATION 6

Russia and China: Common
Modernization Way CTP. 492

THEME DEVELOPMENT

China needs to rediscover Russia CTP. 500

AFTERWORD

BEFORE AND AFTER. FORECASTS FOR THE BEGINNING AND END OF 2023

CONVERSATION 1

«World Economic Situation
and Prospects 2023» CTP. 510

CONVERSATION 2

Consensus forecast: what awaits
the Russian economy in 2024 and beyond CTP. 574

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этом томе «Бесед об экономике» редакционная коллегия собрала наиболее важные дискуссии, интервью, мнения, высказанные известными и авторитетными экспертами на мероприятиях, которые прошли на площадках ВЭО России, Российской академии наук, Международного Союза экономистов и на других форумах в 2023 году – и теперь у вас есть уникальная возможность сопоставить оценки и экспертные заключения по мере того, как они менялись в течение всего этого периода. В послесловии мы намеренно поместили обсуждение доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы 2023», которое состоялось в самом начале 2023-го, а сразу за ним дали заключения экономистов, которые были представлены на науч-

ном форуме Абалкинские чтения «Консенсус-прогноз: что ждет российскую экономику?» – для того, чтобы перспектива для вашего взгляда была максимально широкой.

Сразу скажем – хотя думаю, что это ни для кого не секрет – наиболее пессимистичные прогнозы о том, что ждет российскую экономику, не сбылись. Причем этот пессимизм эволюционировал чуть ли не от катастрофических цифр до умеренных, но, как бы то ни было, вопреки постоянному негативному фону экономическая система нашей страны адаптировалась к новым геополитическим и экономическим вызовам, продемонстрировав пластичность, которой не ожидал даже наши Центробанк и некоторые профильные ведомства. И президент России обоснованно констатировал, что восстановление экономики до уровня 2021 года в целом завершено.

Особенно отрадно признать, что растут многие отрасли промышленности, экономика начала понемногу диверсифицироваться, приобретает еще более устойчивое состояние, что не может не обнадеживать. Пожалуй, можно сказать, что грозовые тучи, нависшие над нашей экономикой, не привели к мощной грозе. В то же время общая картина далека от безоблачной, и достаточно даже просто перечислить вызовы, на которые необходимо нашей стране отвечать (и отвечать оперативно!), чтобы понять,

насколько это мягко сказано. Речь идет о фундаментальных для функционирования социально-экономической системы вещах: начиная от создания новой системы международных расчетов и выстраивания сбалансированных внешнеторговых отношений на основе новой логистической сети, и заканчивая необходимостью наращивать расходы в тех областях, которые не дают быстрой отдачи, которая так нужна сейчас – а это, в первую очередь, все, что касается современной социальной сферы, науки, образования.

В этой книге вы найдете также детальный анализ факторов, сдерживающих дальнейший подъем российской экономики, условий для сохранения и развития наметившихся позитивных трендов; они сопровождаются предложениями конкретных научно обоснованных мер по преодолению ограничений научно-технологического, социально-экономического развития России.

На наш взгляд, достойно особого внимания и то, что своим видением российских проблем и путей их разрешения делятся лидеры экспертных центров как нашей страны, так и зарубежные коллеги. Касается это и глобальных проблем, тех вызовов, с которыми столкнулся мир в последние годы. Многие мысли, высказываемые авторами материалов очередного тома наших «Бесед», созвучны идеям,

детально проработанным в ходе недавних очередного заседания Валдайского клуба, встречи лидеров БРИКС. В этом ряду следует отметить обсуждение концепций и сценариев развития цивилизации, состоявшееся в ходе зарубежных поездок делегаций высокого экспертного уровня, организованных Вольным экономическим обществом России, Международным Союзом экономистов, которые провели весной-летом 2023 года большую серию международных конференций, и в рамках которых была получена очень важная обратная связь от коллег из Китая, Турции, Канады, Великобритании, других стран – подлинно научное сообщество ученых, свободное от идеологических догм и навязываемых нарративов, продолжает активную и плодотворную работу над формированием образа будущего мировой системы, переживающей поистине тектонические сдвиги, которые ощущаются, без преувеличения, в любой точке мира.

Сергей Бодрунов,
главный редактор
серии «Беседы об экономике»,
член-корреспондент РАН,
д. э. н., профессор

DEAR READERS!

This volume of “Conversations on Economics” collects the most important discussions, interviews, opinions expressed by well-known and authoritative experts at events that took place at the VEO of Russia, the Russian Academy of Sciences, the International Union of Economists and other forums in 2023 – and You now have a unique opportunity to compare estimates and expert opinions as they have changed throughout this period. In the afterword, we deliberately included a discussion of the UN World Economic Situation and Prospects 2023 report, which took place at the very beginning of 2023, which is immediately followed by conclusions of economists who were presented at the

scientific forum Abalkin Readings Consensus Forecast: What awaits the Russian economy? – so that the perspective for your view is as wide as possible.

Let us say right away – although I think this is no secret to anyone – the most pessimistic forecasts about what awaits the Russian economy have not come true. Moreover, this pessimism has evolved almost from catastrophic figures to moderate ones, but, nevertheless, despite the constant negative informative noise, the economic system of our country has adapted to new geopolitical and economic challenges, demonstrating plasticity that even our Central Bank and some relevant departments did not expect. And the Russian President rightly stated that the economic recovery to the 2021 level is generally complete.

It is especially gratifying to recognize that many industries are growing, the economy has begun to gradually diversify, acquiring an even more stable state, which cannot but be encouraging. Perhaps it can be said that the storm clouds over our economy did not result in a major thunderstorm. At the same time, the overall picture is far from rosy, and it is enough to simply list the challenges that our country needs to respond to (and respond promptly!) to understand how mild I put this. We are talking about things fundamental to the functioning

of the socio-economic system: starting from the creation of a new system of international payments and building balanced foreign trade relations based on a new logistics network, and ending with the need to increase spending in those areas that do not provide the quick return that is so needed now – and this, first of all, is everything that concerns the modern social sphere, science, and education.

In this book you will also find a detailed analysis of the factors constraining the further growth of the Russian economy, the conditions for maintaining and developing the emerging positive trends; they are accompanied by proposals for specific scientifically based measures to overcome the limitations of scientific, technological, socio-economic development of Russia.

In our opinion, it is worthy of special attention that the leaders of expert centers in both our country and their foreign colleagues share their vision of Russian problems and ways to resolve them. This also applies to global problems, the challenges that the world has faced in recent years. Many thoughts expressed by the authors of the materials in this volume of our “Conversations” are consonant with the ideas worked out in detail during the recent regular meeting of the Valdai Club and the meeting of BRICS leaders. In this regard, it should be

noted the discussion of concepts and scenarios for the development of civilization, which took place during foreign trips of delegations of high expert level, organized by the Free Economic Society of Russia, the International Union of Economists, which held a large series of international conferences in the spring-summer of 2023, and within the framework of which the very important feedback from colleagues from China, Turkey, Canada, Great Britain, and other countries which means that a truly scientific community of real scientists, free from ideological dogmas and imposed narratives, continues active and fruitful work on shaping the image of the future of the world system, which is experiencing truly tectonic shifts that can be felt, without exaggeration, anywhere in the world.

Sergey Bodrunov,
Editor-in-Chief of the Series
“Conversations on Economics”,
Correspondent Member of RAS,
Doctor of Economics, Professor

亲爱的读者们！

在 这本《关于经济的谈话》的书中，编委会收集了知名权威专家在各种活动中发表的最重要的观点、讨论和访谈，这些活动曾于2023年在俄罗斯自由经济协会、俄罗斯科学院、国际经济学家联盟等论坛举办。您现在有一个独特的机会来比较和评估专家们的意见，因为它们在此期间发生了许多变化。在跋文中，我们特意加入了对2023年初联合国报告《2023年世界经济形势与展望》的讨论，而随后我们写下了经济学家在阿巴尔金讨论会（题目为“共识预测：俄罗斯经济前景”）上所做出的结论，以便让你的视野更广阔。

首先让我说明一点（其实这对任何人来说都不是

秘密）：对俄罗斯经济前景的最悲观的预测并没有成为现实。而且，这种悲观情绪已经从灾难性的看法演变为中庸的见解，但是，尽管如此，尽管持续的负面背景，我国的经济体系已经适应了新的地缘政治和经济挑战，并表现出了连我国央行和一些有关部门都没有想到的灵活性。甚至俄罗斯总统有依据地地表示，经济复苏至2021年水平已基本完成。

尤其令人欣慰的是，许多产业都在迅速发展，经济开始逐步多元化，进入更加稳定的状态，这不能不令人鼓舞。或许可以说，笼罩在我们经济上空的乌云并未酿成一场大雷雨。与此同时，整体情况远非乐观，只要列出我国需要应对（并迅速应对！）的挑战，就知道我们也不能太乐观。我们说的是对社会经济体系运作至关重要的事情，即建立新的国际支付体系

和建立基于新的物流网络的平衡的对外贸易关系·增加向那些无法提供现在所需要的快速回报的领域的投资·主要包括现代社会领域、科学和教育等。

在本书中·您将会找到对制约俄罗斯经济进一步增长的因素以及维持和发展新兴积极趋势的条件 的详细分析。书中还提出了以科学为基础的具体措施的建议·以克服俄罗斯科学、技术和社会经济发展的局限性。

我们认为·值得特别关注的是·我国专家中心的领导和外国同行分享了他们对俄罗斯问题以及其解决方式的看法。这也涉及到全球性问题·即世界近年来面临的挑战。我们的《谈话》作者所表达的许多想法与近期瓦尔代国际辩论俱乐部例会和金砖国家领导人会晤中详细讨论的意见是一致的。在这方面·值得

注意的是·俄罗斯自由经济协会、国际经济学家联盟在高级别专家代表团出访期间对文明发展的概念和设想进行了讨论。这两个学会于2023年春夏季举办了一系列大型国际会议·在会议框架内收到了来自中国、土耳其、加拿大、英国等国家同事的非常重要的反馈。这说明一种不受意识形态教条和强加观念的影响的科学家群体·继续积极、努力地塑造世界体系的未来形象·这一体系正在经历真正的结构性转变·可以毫不夸张地说·这种转变在世界任何地方都可以感受到。

博德鲁诺夫·谢尔盖
《关于经济的谈话》系列丛书主编

ЧАСТЬ I

РОССИЯ В МИРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ

**МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ**

**GLOBAL TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT:
THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA**

全球经济发展趋势：俄罗斯的作用和地位

**ПЕРСПЕКТИВЫ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО
ПАРТНЕРСТВА**

GREATER EURASIAN PARTNERSHIP PROSPECTS

**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ
ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

НЕФТЬ И ГАЗ: БУДУЩЕЕ ОТРАСЛИ

**ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: ЗНАНИЯ. МЕНТАЛЬНЫЕ
ОБЪЕКТЫ. КРЕАТИВНОСТЬ**

Noonomy的起源: 知识。精神物品。创造力。

СОЦИАЛИЗМ КАК СПОСОБ СОЗИДАНИЯ

社会主义是一种创造方式

**ПЛАНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России, президент
Международного Союза экономистов, директор ИНИР
имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН

Николай Андреевич Макаров,
вице-президент РАН, академик РАН

Александр Александрович Широ́в,
директор ИНП РАН, член Президиума ВЭО России,
член Президиума Международного Союза экономистов,
член-корреспондент РАН

Андрей Николаевич Клепач,
член Правления ВЭО России, член Президиума
Международного Союза экономистов, главный экономист
корпорации ВЭБ.РФ

**Игорь Анатольевич
Ермаков,**
директор департамента стратегического управления
госкорпорации «Росатом»

Борис Николаевич Порфирьев,
научный руководитель ИНП РАН, сопредседатель
программного комитета МАЭФ, вице-президент
ВЭО России, академик РАН

Андрей Дмитриевич Каприн,
генеральный директор Национального медицинского
исследовательского центра радиологии Минздрава,
директор Московского научно-исследовательского
онкологического института имени П.А. Герцена, главный
онколог Минздрава, академик РАН

Степан Николаевич Калмыков,
вице-президент РАН, научный руководитель химического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН

МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ

Мы живем в непростое время: растет геополитическая напряженность, происходят глубокие сдвиги в общественном сознании, технологиях. Мир вступает в новую фазу неопределенности, происходит структурная перестройка экономических, социальных и политических институтов, меняется их роль и нарративы. Россия находится в центре этих процессов, и это не преувеличение. Чтобы занять свое место в новом мире, стране нужны новые решения с учетом тех тектонических сдвигов, которые происходят на наших глазах. Эти новые решения должны иметь глубокую научную основу, базироваться на знании фундаментальных закономерностей развития.

По материалам V Московского академического экономического форума (МАЭФ-2023, Москва, Большой зал РАН, 7 июня 2023 года)

Антон Львович Максимов,
директор Института нефтехимического синтеза
имени А.В. Топчиева РАН, член-корреспондент РАН

Сергей Герасимович Митин,
первый заместитель председателя Комитета Совета
Федерации ФС РФ по аграрно-продовольственной политике
и природопользованию, вице-президент
ВЭО России, д.э.н., профессор

Олег Николаевич Смолин,
первый заместитель председателя Комитета Госдумы
по науке и высшему образованию, член Президиума
ВЭО России, член Президиума Международного
Союза экономистов, академик Российской академии
образования, д.ф.н.

Приветствие президента РАН Геннадия Яковлевича Красникова

«От имени Российской академии наук приветствую всех участников, гостей и организаторов V Московского академического экономического форума. Традиционная экспертная площадка Форума объединяет ведущих ученых России и зарубежных стран-партнеров, молодых исследователей, представителей бизнеса, власти и общественных организаций.»

Тема нынешнего заседания Форума: “Мировые тренды экономического развития: роль и место России”. Она весьма актуальна и своевременна. Известно, что мировая экономика сегодня переживает нелегкий период, она вступает в новую фазу неопределенности, происходит структурная перестройка ее институтов, меняется их роль и предназначение. Россия находится в самом центре этих глобальных процессов. Отечественной экономике предстоит развиваться в сложных геополитических условиях, и поэтому в кратчайшие сроки необходимо укрепить технологический, а также экономический и финансовый суверенитеты государства. Эти цели являются в настоящий момент приоритетными для Правительства Российской Федерации, и, думаю, обсуждению данных вопросов будут посвящены ключевые дискуссии Форума.

Отрадно, что отличительными особенностями Московского академического экономического форума являются его конструктивная высокоуровневая экспертно-аналитическая и сильная региональная составляющие. В преддверии центральных мероприятий МАЭФ прошли научно-практические конференции в различных субъектах Федерации России. Такой масштаб мероприятий, несомненно, позволяет максимально эффективно представить взгляд российских экономистов на перспективы развития отечественной экономической науки и позиционирование России в международном экономическом сообществе.

Уверен, что знания и опыт участников Форума помогут выработать новые инструменты для укрепления экономического потенциала России, будут содействовать ее научному и технологическому прорыву и способствовать развитию сотрудничества с дружественными странами.

Желаю всем участникам, гостям и организаторам Форума активной, качественной и плодотворной работы».

Макаров: Российская академия наук выступает как соорганизатор Московского экономического форума вместе с Вольным экономическим обществом и Международным Союзом экономистов России. У нас общая задача — обсуждение ключевых проблем современного мирового развития, в том числе экономического развития и тех экономических трансформаций, свидетелями и участниками которых мы являемся. Для Академии роль организатора таких больших научных дискуссий органична, и это одно из главных предназначений Академии, и хорошо, что у нас есть такой мощный партнер, как Вольное экономическое общество, которое умеет собирать такие большие аудитории.

Вообще успех обсуждения любой большой научной проблемы, его продуктивность во многом зависит от того, кто приглашен к дискуссии. Мы знаем, что сообщество экономистов — это большое, сложное сообщество. Это и люди, и коллективы бюджетных учреждений науки, это и вузовская наука, это и многие эксперты, которые работают в корпорациях, и свободные исследователи, которых объединяет Вольное экономическое общество России. Это является залогом того, что нас ждут продуктивные дискуссии и выход на решение тех сложных проблем, которые стоят перед нами.

Российская академия наук всегда занималась фундаментальной наукой, но еще и была нацелена на решение проблем науки прикладной, никогда не стеснялась своего качества институции, которая умеет давать конкретные решения того, что нужно сделать в стране. Она этим занималась с самого начала своего основания Петром Великим, и сейчас эти практические задачи актуальны как никогда.

Обеспечение технологического прорыва — наша стратегическая экономическая задача номер один

Бодрунов: Переход к новому уровню технологий индустриального комплекса России должен стать принципом, стержнем нашей новой модели экономического развития. При этом механизмы развития таких технологий и институ-

тов базируются на достижении нового качества материального производства. Это качество производства заключается, во-первых, в переходе к его новому типу, знаниеемкому, то есть к производству, в котором главным ресурсом, определяющим его потенциал, является не сырье, не машины при всей их важности, а знание, воплощенное во всех его компонентах, материалах, организации и структуре производственного процесса, в труде и, безусловно, в новых технологиях, позволяющих максимально рационально, экологично, с сохранением национального природного богатства и среды обитания эффективно создавать и имплементировать в экономику любые передовые формы и методы производства.

Знаниеемкое производство должно базироваться на конвергенции наук, но это достижимо лишь на базе перехода к доминированию в экономике технологий перспективного техуклада и новой технологической парадигмы, включая природоподобные и зеленые решения. Знания для умного производства «добываются» в первую очередь в таких сферах, как наука и образование, причем в их единстве, что важно. Отсюда объективная необходимость приоритетного развития этих сфер в рамках интеграции науки, производства и образования. Хотелось бы надеяться, и шансы на это, в общем-то, просматриваются, что наметившийся отказ от Болонской системы подготовки специалистов для промышленности, фактически разрывавший эту связку, окажет на данный процесс позитивное влияние. Таковы параметры задачи комплексного развития знаниеемкого производства.

Еще одна задача — формирование системы социально-экономических отношений, стимулирующих и обеспечивающих приоритетное развитие вот этого высокотехнологичного производства, ориентированное на культурно-нравственное развитие в рамках устойчивой суверенной национальной системы. База для ее решения у нас в стране постепенно наращивается. Приняты соответствующие поправки в Конституцию, определяющие новые социальные приоритеты. Очевиден наметившийся позитивный тренд в вопросе повышения роли и ответственности государственных и общественных институтов, отвечающих за решение социальных проблем, и т.д. Многие черты таких отношений направлены на реформирование социального облика нашего государства.

Самая сложная проблема возникает тогда, когда мы переходим к анализу средств достижения стратегической цели, способов решения вытекающих из нее задач. Главными из них, на наш взгляд, являются активная промышленная политика и стратегическое планирование.

На Московском академическом экономическом форуме мы по традиции уделяем большое внимание фундаментальным проблемам, исследуем соответствующие направления

и тенденции, которые имеют принципиальное значение для понимания кратко-, средне- и долгосрочных перспектив развития нашей экономики. Если мы хотим войти в ядро нового мирохозяйственного уклада, переход к которому стремительно ускорился в связи с обострением геополитической ситуации, нам нужны уникальные конкурентные преимущества на каждом из этих горизонтов технологии в медицине, экологии, энергетике, сельском хозяйстве, промышленности, безопасности и других областях. Обнадёживает, что в стране начато активное формирование необходимого для этого правового инструментария.

В апреле этого года правительство определило 13 приоритетных направлений по обеспечению технологического суверенитета. Не буду их перечислять, но отмечу, на что они направлены: на восстановление не только утраченных компетенций, но и целых отраслей в кратчайшие сроки, обеспечив решение амбициозной в текущих реалиях задачи достижения технологического суверенитета. Возможно, что-то можно добавить или покритиковать, но в целом тренд ясен и поддерживаем.

Очень важным инструментом в этом может стать разработанная с участием Российской академии наук и принятая на днях правительством новая Концепция технологического развития России до 2030 года, в которой предусматривается принципиально обеспечивающий ее исполнение блок решений. К примеру, запуск промышленных мегапроектов, которые станут неким страновым хребтом нового промышленного комплекса России. Вокруг них, если можно так выразиться, предполагается сформировать сотни проектов НИОКР и ОКР с ежегодным триллионным и более финансированием и вовлечением, с применением уже имеющегося инструментария поддержки семейств средних и малых промструктур. Фактически речь идет о реализации идеи целенаправленного техногенеза, о чем в свое время писал академик Ферсман, и формировании техноценозов, причем в сферах нового уклада. Вот пример создания институциональной и одновременно глубоко фундированной научной идеи — основы столь необходимого технологического рывка, конечно, с определенной при практической реализации донастройкой многих нюансов с учетом текущих реалий.

Теперь пару слов о планировании. Развитие системного стратегического планирования в современных условиях представляется более сложной задачей. Понимая под этим не просто квазипрогноз, а систему конкретных задач развития и средств их достижения, необходимо признать, что такой целостной системы планирования в России пока нет. Да, у нас развивается деятельность по финанси-

рованию, что, конечно, очень хорошо. И нужно отдать должное коллегам, которые этим успешно заняты, в первую очередь Институту народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. Но здесь у нас есть и совокупность национальных проектов, программ развития отраслей, регионов и т.п. После нескольких, я бы сказал, не слишком удачных попыток создана приличная система мониторинга реализации этих проектов и программ. Но сегодня этого все-таки недостаточно. Необходим общегосударственный системный подход, включающий первое — разработку и принятие предусмотренной законом Стратегии национального развития России в качестве основополагающего общего документа, определяющего долгосрочные цели ее развития, и второе — систему современных мер различного уровня, вплоть до создания органа координации, контроля, если угодно Госплана 2.0, на цифровой, технологической базе, или придания таких функций действующим органам государственного управления. К примеру, создание так называемых планово-рыночных структур путем реинжиниринга нынешних институтов и платформизации отраслей, используя специальные алгоритмы планирования на основе анализа больших данных любой такой структуры, ценообразования, износа оборудования, логистически-пространственной локации, графика оказания услуг, выпуска продукции, отгрузки и т.п. Упомянутая Концепция технологического развития тоже является элементом такой стратегии.

Сама жизнь, технологические возможности нового поколения не просто позволяют реализовать эффективный инструментарий планирования для повышения эффективности экономики, но, извините, скоро институт планирования подобным образом войдет в экономику явочным порядком. В то же время эти тенденции есть отклик экономики на увеличивающуюся, с одной стороны, хаотизацию, фрагментацию и локализацию рынков, с другой — на растущие возможности интеллектуальных систем, позволяющие противостоять связанной с этим неопределенности. И обе тенденции, по сути, объективны, поскольку являются производными ускорения развития НТП и перехода к новому техкладу. Так что речь идет уже не о том, нужен ли нам институт планирования или нет, а о том, как обеспечить ему разумную реализацию. Тем не менее до сих пор, несмотря на требование закона о стратегическом планировании, базовый стратегический документ не создан.

При этом следует отметить, что учеными, экономистами, социологами, обществоведами на данный момент проделана большая работа, результаты которой могут и должны быть использованы при подготовке такого документа. Учеными проведен фундаментальный, многоаспектный,

разносторонний анализ экономической ситуации в стране, определены важнейшие факторы глобальной мировой экономики, с которыми сталкивается наша экономика, глубоко исследованы различные аспекты проблемы социального развития, предложены новые стратегические концепты трансформации общества, реформирования экономических и социальных институтов. Нароботан и мощный инструментарий для разработки стратегических решений. В частности, в ЦЭМИ под руководством академика Макарова разработана технология суперкомпьютерного моделирования экономических и социальных процессов.

Остро встает вопрос по государственной системе планирования, особенно сейчас, в условиях возросшей неопределенности экономики, которые не позволяют промышленным инвесторам активно вкладываться в сложно окупаемые индустриальные проекты. Опрос руководителей крупных и средних предприятий промышленности, проведенный государственным университетом управления по заказу Миннауки, показал, что в поддержку создания такой системы высказалось почти 80% респондентов опрошенных. Это требование экономики, реального сектора. при этом опрошены были представители из разных отраслей и разных секторов, от относительно небольших компаний до промышленных гигантов. Наши коллеги из реального сектора экономики говорят о различных современных вариантах реализации института государ-

ственного планирования, к примеру, о создании мощной государственной офсетно-контрактной системы с 10–15-летним горизонтом государственного заказа на продукцию, системы сквозного планирования связанных технологических цепочек в разных региональных, пространственных условиях развития страны и т.д.

Безусловно, рыночной экономике невозможно, да и не нужно пытаться вернуться к некоему подобию директивного планирования, как это было в СССР, но возможно и целесообразно на основе теории стратегирования, в рамках общегосударственной стратегии, обеспечить взаимовязку в единой средне-, долгосрочной государственной программе развития целей, уточняющих их задач, средств и ресурсов, необходимых для их решения. В последнем случае речь должна идти не только о деньгах, а о всей совокупности ресурсов, о кадрах, институциональных условиях, правилах игры и т.п. И вот такой план должен быть увязан и с мерами по проведению активной промышленной политики, и с социальной и культурной политикой страны, и с политикой в сфере охраны здоровья, демографии, пространственного, территориального, регионального развития.

Российская экономика — возможности структурно-технологического маневра

Широв: Когда мы говорим про науку, то мы имеем в виду затраты на НИОКР, но очень мало говорим о том, что сами по себе затраты на НИОКР являются важнейшим инструментом поддержания уровня экономической активности в стране. Посмотрите на мультипликаторы прямых затрат на исследования и разработки. Например, на каждый рубль, потраченный на исследования и разработки, в нашей экономике мы имеем 1 рубль 43 копейки дополнительного прироста ВВП. Это довольно приличный мультипликатор. Но это еще не все. За счет того, что мы тратим на исследования и разработки, мы повышаем эффективность экономики. А это еще добавляет порядка 10–12 копеек в самом худшем случае. То есть вот это взаимовлияние общих объемов затрат на исследования и разработки и их влияние на эффективность экономики — это та вещь, которую нужно считать и на которую нужно обязательно обращать внимание.

Понятно, что затраты на исследования и разработки только тогда оказывают влияние на эффективность экономики, когда связаны с инвестициями. Мы постоянно говорим о том, что нам необходимо повышать норму накопления основного капитала, то есть долю инвестиций в ВВП. Но это не вся правда. Вопрос: как повышать эту норму накопления, до каких уровней и к чему мы должны стремиться? И здесь есть несколько важных аспектов.

Первый: простой рост нормы накопления не всегда приводит к хорошим результатам. 34% нормы накопления в экономике СССР отнюдь не помогли нам избежать того краха, который постиг советскую экономику в конце 1980-х годов. Поэтому простой рост нормы накопления — это еще не все.

Второй момент: важно, как мы насыщаем норму накопления. Пока мы видим, что в технологической структуре инвестиций у нас начинает падать доля машин и оборудования. Мы имели этот спад после первого тура санкций в 2014–2015 году, когда потеряли примерно 7 процентных пунктов в доле машин и оборудования в структуре инвестиций. Мы имеем это уже и в 2022 году. И ясно, что пока тенденция сохранится. Поэтому насыщение машинами и оборудованием нашей инвестиционной активности — это ключевая задача.

И наконец, ясно, что безудержный рост нормы накопления может войти в противоречие с задачами по поддержанию уровня и качества жизни населения. Например, при темпах роста порядка 3,2% среднегодовых и норме накопления 25% потребление домашних хозяйств будет расти

примерно на 2%. А вот если у нас при темпах роста чуть выше 4 норма накопления будет 30%, то это значит, что потребление домашних хозяйств будет практически нулевым. Баланс между инвестициями и потреблением, уровнем и качеством жизни — это тоже ключевая задача. Поэтому мы должны избрать такой путь насыщения инвестиционных потребностей нашей экономики, который бы не приводил к избыточному давлению на уровень и качество жизни населения.

С чем мы столкнулись? С тем, что после событий прошлого года дефицит инвестиционных товаров на нашем рынке составляет в рублях примерно 1,1 трлн. Да, мы расширили немного производство, то есть произошло определенное импортозамещение, да, осуществляется параллельный импорт порядка 700 млрд рублей, но этот дефицит есть. А он как раз и приводит к тому, что проседает доля машин и оборудования в структуре инвестиций. Для того чтобы решить эту проблему, безусловно, требуется новая промышленная и научно-технологическая политика. Казалось бы, 1 трлн — это не такие большие деньги на фоне 160 трлн нашего ВВП, но это требует серьезных усилий. Его-то нам может и не хватить для того, чтобы обеспечить устойчивость роста в средней и долгосрочной перспективе, и это нужно понимать.

Та ситуация, в которой находится наша экономика, не позволяет проводить нам какую-то единую магистральную экономическую политику в долгосрочной перспективе, поэтому, когда мы говорим про стратегическое планирование или про формирование стратегии развития экономики, речь идет прежде всего о выборе направлений эшелонирования экономической политики. И поэтому ближайшая перспектива, до 2035 года, по нашему мнению, распадается на три отрезка: первый — адаптация к тем условиям, которые сложились. При этом многие коллеги отмечают, что адаптация уже состоялась. Я с этим не согласен. Адаптация продолжается, и она будет продолжаться еще 2–3 года, на мой взгляд. Затем мы должны будем перейти к стадии структурной перестройки экономики и, наконец, на этой основе реализовывать тот потенциал, который, как я уже говорил, должен к этому периоду времени, то есть к 2030-м годам, составить не менее 4–5%. Что важно? Важно, что этап структурной перестройки экономики позволяет нам достигать темпов роста порядка 3–3,5%. На это нужно ориентироваться, в том числе ориентироваться с точки зрения решений в области экономической политики.

Конечно, все это связано с тем, что структурная перестройка будет требовать внедрения новых технологий в самых разных видах экономической деятельности, и это

будет приводить к существенным структурным сдвигам в нашей экономике. Что такое структурные сдвиги? Прежде всего это рост значимости одних секторов для формирования экономической динамики и снижение значимости других. И вот если связать структурные и технологические характеристики развития российской экономики, то, по нашим оценкам, мы получаем вот такую картину. Главное направление влияния технологий на структурные характеристики нашей экономики — это снижение торговых, транспортных наценок, доли добычи полезных ископаемых, это постепенный рост энергоэффективности и постепенное снижение влияния на экономическую динамику среднетехнологических отраслей низкого уровня и сельского хозяйства.

Что же будет увеличивать свое влияние на развитие экономики? Прежде всего строительство, но это понятно. К сожалению, у нас нет другого варианта, кроме как временного замещения качественных инвестиционных ресурсов массовыми, поэтому доля стройки в ближайшие годы будет расти. Второй момент — это среднетехнологические отрасли высокого уровня. Речь идет о производстве транспортных средств и оборудования, авиастроении и так далее. Связь и телекоммуникации — вот это как раз выход, увеличение затрат на IT-технологии будет способствовать снижению торговой и транспортной наценки. То есть вот эти межотраслевые взаимодействия будут наиболее интенсивными в этом контуре. Безусловно, рост затрат на исследования и разработки. Мы без этого, к сожалению, не сможем обеспечить никакие приемлемые темпы экономического роста.

И наконец, нужно понимать, что при всей значимости высокотехнологичных отраслей обработки их вклад повысится, но не радикально. У нашей экономики есть перспективы, и главное, что нам здесь предстоит, — это рывок в научно-технологическом развитии.

Экономика технологического суверенитета и благосостояния. Единство и противоречия

Клепач: Сейчас мы говорим уже не просто про прорыв, а про технологический суверенитет, то есть речь идет не просто о нашей независимости, а о целостности и комплексности нашего научно-технологического развития и одновременно росте благосостояния. Но этого достичь достаточно сложно, и есть определенное противоречие между повышением благосостояния и развитием научно-технологического потенциала.

Мы видим стагнацию расходов на НИОКР уже 14 лет. Хотя в реальном выражении они растут, мы должны кардинально изменить расходы на НИОКР как собственные, так и импортируемые (хотя импорт у нас и так был в 2,5–3 раза выше). Теперь импорт научно-технологических разработок из недружественных европейских стран замещаем импортом из дружественных стран, в первую очередь Китая, Индии и других, но при этом общая величина расходов у нас пока не меняется.

Научно-технологический комплекс значительно шире, чем только сфера исследований и разработок. По оценке Росстата, доля в целом наукоемкого и высокотехнологичного сектора нашей экономика гораздо больше, чем НИОКР, порядка 23% ВВП, и пусть медленно, но она повышалась. Правда, сопоставимое значение для развитых стран — это более 30%. Рост в основном шел за последние годы за счет опережающего развития сферы программного обеспечения, некоторого повышения высокотехнологичных секторов, особенно фармы. Но если мы говорим о сфере, связанной с развитием человеческого потенциала (здравоохранение, образование, социальное обеспечение), то здесь — стагнация с небольшими колебаниями, а наши высокотехнологичные отрасли (авиация, космос) дают мизерный объем. И собственно, в последние годы он не вырос, а сократился.

Так или иначе, определенные позитивные подвижки в структуре экономики в направлении научно-технологического развития у нас были. Правительство только что приняло Концепцию технологического развития, и если переводить эти оценки в прогнозные, то расходы на НИОКР с 1% вырастут до 1,4–1,5%. Однако этого недостаточно. По нашему мнению, а оно у нас общее с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, нам нужно как минимум в два раза выше. Есть и другая сторона медали: мы получим технологии, можем даже повысить норму накопления, но у нас (и об этом многократно говорилось на предыдущих заседаниях МАЭФ) — негативная динамика по численности населения.

Я сейчас не беру огромные потери, связанные с ковидом 2020 года и особенно 2021 года, но возникает вопрос: а дальше? Сейчас у нас, с учетом последних данных переписи, 146 с лишним млн человек. Перепись, слава богу, нашла почти 2 млн тех, кого мы по расчетам раньше не видели: в основном, правда, в столичных агломерациях. Но если исходить из показателей динамики рождаемости, даже если она повысится с нынешнего минимального уровня 1,4 до 1,5% и смертность несколько снизится, мы все равно получим сокращающееся население к 2035 году.

В зависимости от динамики миграции это будет от 130 до 138 млн человек. Ни одна страна в мире с сокращающимся населением долго держать высокие темпы роста не могла. Таких примеров история не знает.

Возникает вопрос: за счет чего можно изменить эту динамику? На бумаге можно нарисовать модель, когда население вырастет до 150–153 млн человек. Какие предпосылки? Первое — это существенное повышение коэффициента рождаемости. В перспективе к 2050 году до 1,8–1,86. Кажется невероятным, но у нас кроме Северного Кавказа высокий коэффициент рождаемости пока, слава богу, есть на Дальнем Востоке. Видимо, это все же вопрос не доходов, потому что доходы там ниже, чем в России в целом, а, скорее, вопрос строя жизни и ценностей, которыми руководствуются семьи.

Поэтому здесь возможна большая палитра решений. У нас есть достаточно много практик поддержки семей. В нынешних условиях основная сумма приходится на рождение первого ребенка, на второго — уже существенно меньше, на третьего — в редких регионах. В отличие от этого Сахалин, наоборот, акцентирует поддержку на втором ребенке и на всех последующих. Если мы хотим, чтобы у нас динамика населения с точки зрения рождаемости кардинально изменилась, должна быть система поддержки, которая рассчитана на всех детей, причем, по-хорошему, на второго и третьего — выше, чем на первого.

Есть много других стимулов, но еще раз повторяю, основные — ценность семьи, ценность материнства и ответственность отцовства, потому что есть куча проблем, связанных со здоровьем и отцовским, и материнским. Показатели материнской смертности в 2020 и 2021 годах резко подскочили при рождении ребенка. У нас много разных проблем — деменция, рак, но нам нужно серьезно наращивать усилия и по поддержке материнства, хотя в предыдущие годы с развитием перинатальных центров здесь многое было сделано.

Аспект, который я хотел бы выделить, — показатели смертности. Развитие здравоохранения может внести существенный вклад в их снижение до параметров, которые есть в развитых странах. И миграция, нравится нам это или нет, должна быть где-то под 200 тысяч с лишним человек в год, но если прогнозировать существенный рост населения, особенно в сибирских и дальневосточных регионах, то без миграции, несмотря на все ее социальные последствия, решить эту проблему невозможно. Другое дело, что сейчас миграция во многом идет в те же столичные регионы — туда, где большая стройка, а не на территории, где у нас традиционно крайне низкая плотность населения.

Роль «Росатома» в обеспечении технологической независимости России

Ермаков: Вклад «Росатома» в российскую экономику очевиден, но важнее то, что помимо бизнес-приоритетов мы активно ориентируемся на государственные задачи, в том числе по обеспечению экономического, национального суверенитета нашей страны.

Ядром нашей деятельности, безусловно, является атомная энергетика. Если анализировать перспективы развития мирового рынка, то атомная энергетика, которая развивалась с начала 1950-х годов прошлого века, думаю, будет существовать еще многие века и тысячелетия. Если посмотреть на более близком горизонте до 2050 года, то рост ожидается примерно в полтора раза. При этом нашими основными конкурентами являются не только традиционные игроки — США, европейские компании, но и активно развивающиеся компании азиатского региона — Корея, Китай. Возможно, появятся новые игроки на горизонте ближайших десятилетий. Мы не можем позволить себе почитать на лаврах советской атомной отрасли и должны активно двигаться вперед и быть впереди наших конкурентов.

В части развития атомных технологий мы не только традиционно обеспечиваем энергетическую безопасность нашей страны и стабильное энергоснабжение нашей экономики, но и активно развиваем атомные технологии как на тепловых, так и на быстрых нейтронах, двигаясь в направлении двухкомпонентной атомной энергетике. Также реализуется целый ряд научных проектов на более дальнюю перспективу, в том числе в области термоядерных технологий.

О современных технологиях поколения 3+: реактор ВВЭР 1200 разработан с учетом всех требований безопасности после событий на АЭС в Фукусиме в 2011 году. Применение современных подходов, материалов позволило обеспечить увеличение мощности реактора при сохранении массогабаритных характеристик.

Безусловно, развитие АЭС на базе тепловых нейтронов остается основой развития ядерной энергетике, и если на первом этапе мы двигаемся в направлении унификации, оптимизации проектных решений, то потом мы переходим к развитию двухкомпонентной атомной энергетике, то есть смешанным АЭС на базе тепловых нейтронов и АЭС на базе быстрых нейтронов как с натриевым, так и со свинцовым теплоносителем. Это то, что обеспечит лидирующую роль «Росатома» и нашей страны на десятилетия вперед.

В рамках развития технологий АЭС на быстрых реакторах строятся опытно-демонстрационные энергокомплексы

четвертого поколения на базе реактора БРЕСТ, которые позволят отработать данные технологии, покажут экономическую эффективность и с учетом достигнутых результатов может быть интегрирован в энергосистему Российской Федерации при сооружении реакторов следующего поколения.

На что хотелось бы обратить внимание? Говоря об энергетической безопасности, об энергетическом суверенитете нашей страны, нужно не забывать об исчерпаемости природных ресурсов. То есть мы понимаем, что есть новые месторождения, которые еще не открыты, мы понимаем, что могут быть найдены новые источники тех или иных природных ископаемых, но все-таки можно говорить об определенной ограниченности доступных энергетических ресурсов. Широкое внедрение в атомную энергетику реакторов на базе быстрых нейтронов позволит увеличить обеспеченность энергетическими ресурсами примерно на порядок. Конечно, мы не говорим сейчас о полном переходе на использование АЭС на быстрых нейтронах, но в целом это все равнократно увеличит наращивание нашей минерально-сырьевой базы. Понятно, что есть экспортные ограничения, но это в том или ином виде преодолимо на горизонте ближайших десятилетий.

В границах Российской Федерации доля атомной энергетики сейчас составляет около 20%. Президентом поставлена задача к 2045 году выйти на уровень 25% в структуре российского энергобаланса. У нас есть разработанная стратегия, одобренная в госкорпорации, — Стратегия развития атомной энергетики до 2050 года и далее на горизонт до 2100 года. Мы понимаем, какие реакторы, каких типов, примерно в каких регионах необходимо строить для обеспечения и выполнения поставленных целей. При этом речь идет не только о реакторах традиционно большой мощности, гигаватт и более, но и о развитии линейки реакторов средней и малой мощности.

Мы разрабатываем АЭС малой мощности на базе реакторов РИТМ-200, которые уже эксплуатируются на наших атомных ледоколах на Севморпути. Мы разрабатываем как плавучие атомные электростанции малой мощности, так и АЭСММ в наземном исполнении. И это потенциально очень привлекательный продукт для мирового рынка, который может быть использован для энергоснабжения удаленных регионов, обособленных производственных мощностей или добывающих предприятий. И это касается не только Российской Федерации. Достаточно много стран выражают заинтересованность в данном продукте.

«Росатом» сейчас — это не только атомная энергетика или атомная промышленность. Да, в структуре нашей

выручки эти отрасли сейчас составляют порядка 65–70%, но мы активно инвестируем и развиваем смежные направления деятельности, в том числе те направления, которые выросли из атомной отрасли. Это развитие круглогодичной навигации по Севморпути, развитие и внедрение экологических решений, в том числе в переработке и обращении с промышленными отходами первого и второго класса опасности, большой набор проектов в сфере цифровых технологий.

Не секрет, что в предыдущем году ряд крупных мировых компаний ограничил поставки программных продуктов, на которых традиционно работали российские предприятия, и «Росатом» играет активную роль в их импортозамещении в самом широком спектре информационных технологий. Кроме того, «Росатом» традиционно силен в энергетическом машиностроении. В контур госкорпорации входит машиностроительный дивизион Атомэнергомаш. Но также мы смотрим и в целый ряд других направлений, о которых, может быть, пока невозможно говорить открыто.

Помимо атомной энергетики, «Росатом» активно развивает и направление ветроэнергетики, одно из направлений зеленой энергетики, имеющее минимальные выбросы парниковых газов.

Важно отметить развитие ядерной медицины: от производства оборудования и томографов до создания медицинских изотопов, радиофармпрепаратов, оказания медицинских услуг в центрах радионуклидной терапии и ядерной медицины. Это окажет непосредственное влияние на продолжительность жизни за счет лечения онкологических заболеваний, уменьшения смертности.

Есть целый ряд других направлений, одно из которых — развитие накопителей для электромобильного транспорта. «Росатом» как поставщик энергетических решений является, безусловно, одним из главных игроков в данном направлении.

Ядерная энергетика нового поколения: решение экономических и экологических задач

Калмыков: Мы прекрасно понимаем, что энергетика сама по себе — это одна из сфер экономики, которая не только загрязняет атмосферу парниковыми газами, но в целом является загрязнителем. И решение экологических проблем, связанных с энергетикой, — важнейшая задача.

С одной стороны, мы хотим жить комфортно. Комфорт и развитие государства, экономики в целом зависят от производства электроэнергии. С другой стороны, мы все время говорим о том, что мы должны каким-то образом контролировать производство электроэнергии, потому что оно связано с загрязнением окружающей среды. Пока никто не отменял те нормы ОЭСР, к которым она стремится, — к выбросам в 50 грамм эквивалента CO₂ на 1 киловатт-час выработки электроэнергии. Сейчас по углю — 800 г, по газу — 500 г и так далее. У нас 5 так называемых зеленых источников энергии, из них только 2 являются высококонцентрированными, без которых нельзя развиваться. Почему в ветровой или в гидротермальной энергетике не нулевые значения? Потому что речь идет о полном жизненном цикле того или иного объекта с учетом стройки. Например, гидроэлектростанция — это огромное количество бетона, производство бетона — тоже загрязнение и выбросы CO₂, поэтому нулевые значения невозможны, так же, как и в атомной энергетике. Это важные вещи, которые имеют непосредственное отношение к экономике процесса, к гармоничному развитию в зависимости от региона того или иного источника энергии. В планах ОЭСР — увеличение доли атомной энергетике на 55%. Сейчас атомная энергетика среди зеленых источников составляет 30%.

Важнейший фактор — технологический. Наверное, для меня он на первом месте — это наличие инфраструктуры, прежде всего по обращению с отработавшим ядерным топливом, которое ни в коем случае нельзя путать с радиоактивными отходами.

Здесь есть два сценария. Один — это замыкание, когда из топлива, выгруженного из реактора, мы выделяем ценные компоненты, прежде всего делящиеся компоненты, и возвращаем в энергетiku. Таким образом, мы уменьшаем добычу урана, которая также экологически вредна, и используем то, что у нас после переработки осталось. Но это требует сложной инфраструктуры и технологий. И второй — то, что есть сейчас, — открытый цикл, однократное использование, при котором нужно все время добывать новый уран, производить из него топливо, а то, что выгружается, воспринимается в таком случае как радиоактивные отходы, оттуда полезные компоненты не извлекаются.

Проблема отработавшего топлива — это отдельная проблема. Не перерабатывая отработавшее ядерное топливо, накапливая его, мы оставляем будущим поколениям наследие, которое сотни тысяч лет, а в Европе говорят даже о миллионе лет, будет представлять определенную опасность. Как сделать так, чтобы это время уменьшить?

Существуют современные радиохимические технологии глубокого фракционирования и выделения различных компонентов из отработанного ядерного топлива, в результате их радиоактивность становится меньше, чем радиоактивность урановых месторождений, и тогда отходы можно уже безопасно захоранивать в могильниках. Вот где нужна химия, новые инженерные решения, новые технологии. Если в быту мы должны сортировать бытовой мусор, то здесь сортировка — высокотехнологичный процесс, когда мы сортируем компоненты в зависимости от их физико-химических свойств, от периода полураспада, от ядерно-химических свойств, от того, во что они превращаются, и т.д. В результате мы переходим от миллиона лет опасного хранения к 300 годам безопасного. Это и экологично, и экономично.

Сейчас «Росатом» в содружестве с другими организациями разрабатывает новые способы глубокой переработки и фракционирования. Реактор МБИР будет реактором с рекордными характеристиками по нейтронному потоку. Мы формируем двухкомпонентную атомную энергетику на реакторах на быстрых нейтронах, которые фактически нам воспроизводят сырье, в сочетании с тепловой энергетикой на тепловых нейтронах, вырабатывающей дешевую электроэнергию. Получается двухконтурный модуль, который проблему сырья и выработки электроэнергии.

При этом мы еще решаем вопрос с добычей урана. Добыча урана в Советском Союзе составляла 16–18 тысяч тонн в год, в России — около 3 тысячи тонн. Всего в мире обеспеченность урановым сырьем — около 60%. Если мы не будем развивать и реализовывать концепцию двухкомпонентной ядерной энергетики с быстрыми тепловыми нейтронами, через какое-то время, оценки которого разнятся, будем иметь дело с дефицитом сырья для традиционной энергетики с открытым ядерным топливным циклом.

И в завершение отмечу, что для любого производителя электроэнергии, для любого сырья вопросы экологии являются убыточными. Надо отдать должное «Росатому»: он очень серьезно относится к тому, каким образом отработанные отходы будут захоронены, где это будет, каким образом будет обеспечена безопасность на эти годы. Этому посвящено очень много программ.

И конечно же, нам необходимо стратегическое планирование. Нужно прекратить негласный спор между сторонниками традиционных и зеленых источников энергии. Все зависит от конкретного региона. Вот представьте себе какой-нибудь «Норильский никель», который потребляет, по-моему, 1,4–1,6% всей выработки в стране. Ну какие там

могут быть альтернативные источники? Значит, должен быть высококонцентрированный источник энергии, который такие крупные промышленные, индустриальные районы и города будет обеспечивать.

С другой стороны, у нас есть Краснодарский край, где огромное количество домохозяйств. Современные технологии создания солнечных батарей стремительным образом развиваются, это становится выгодно, себестоимость падает, их КПД увеличивается, то есть это уже интересно в том числе небольшим хозяйствам, которые могут использовать эту технологию. Поэтому очень важно, исходя из экономических, климатических особенностей регионов страны, сделать стратегическое энергопланирование. Невозможно экономическое развитие без высококонцентрированных источников энергетики, важнейшим из которых является ядерная энергетика.

Приоритеты устойчивого развития и климатическая повестка начала 2020-х годов в мире и в России

Порфирьев: Мы находимся на экваторе реализации повестки-2030 ООН по устойчивому развитию, если считать с 2015 года, когда она была принята. Есть возможность подвести некоторые промежуточные итоги. Они подтверждают нам, что цели, которые были сформулированы, остаются актуальными, и, что очень важно, они неразрывно связаны. Прогресс, к сожалению, очень неравномерен по странам и континентам за это время, и в целом ситуация выглядит достаточно тревожно.

Если говорить о мире в целом, то из 17 целей устойчивого развития удовлетворительный плановый прогресс не достигнут ни по одному показателю. частичный прогресс достигнут по 11 целям, регресс наблюдается по 6, то есть больше чем по 1/3 из них.

Если мы посмотрим на конкретные раскладки по важнейшему региону, который является по сути дела наиболее динамичным и крупнейшим экономическим центром — АТР, мы видим, что прогресс недотягивает до плановых отметок уровня 2022 года практически везде, а по климатическим целям наблюдается серьезнейший регресс. Что не менее важно, очень слабый прогресс наблюдается и по таким показателям, как обеспечение чистой водой, а также по сохранению морской биоты.

Даже у промышленно развитых стран, стран ОЭСР, за период с 2015 года по каждой 5-й цели наблюдается

регресс. Если говорить о секторальном разрезе и обратиться, например, к проблеме климата и экологии, то за пост-пандемийные годы выбросы парниковых газов в целом по миру за последние два года (2021–2022) увеличились на 7%, а в 2020-м — на 5,4%, у нас рекордные показатели примерно на уровне 37 Гт только энергетических выбросов по этому году. Если говорить о прогнозе на будущее, то, по данным Международного энергетического агентства, по сравнению с 2010 годом, например, в том же АТР вместо снижения выбросов на 45%, которое должно быть достигнуто за это время, очевидно, будет наблюдаться рост на 16%.

Больше четверти населения, а это порядка 2 млрд, у нас по-прежнему не имеют доступа к безопасной питьевой воде, и почти половина, 46%, — к безопасным санитарным условиям, из-за чего ежедневно умирает более 1000 детей в возрасте до 5 лет. Вода — критический ресурс. Все говорят о нефти, газе, атоме, что, безусловно, важно, но вода определяет благополучие людей и экономики в очень серьезной степени.

Каковы причины и последствия торможения в реализации целей устойчивого развития, которые были сформулированы ООН?

Первая причина — это, конечно, мощнейшее влияние пандемии. На нее наложился и нынешний кризис, но ее фактор продолжает действовать. Вторая причина — неэффективная реализация целей устойчивого развития, которые прежде всего связаны с распределением ресурсов. Здесь важно подчеркнуть некорректные приоритеты целей устойчивого развития. По сути, все эти 7 лет, а на самом деле гораздо больше, педалируется одна и та же цель — климатическая. Эта проблема все время остается в лидерах, несмотря на то что ситуация меняется. Был ковид, его последствия продолжают существовать в существенной степени, теперь возник геоэкономический и геополитический кризис, но мы видим этот показатель наверху.

То же самое мы видим, как ни странно, в корпоративных политиках, которые тоже в существенной мере встраиваются в общую повестку. По данным Fortune, по 500 крупнейшим компаниям мира мы наблюдаем мощнейшую доминанту климатического фактора. К чему это приводит? Во-первых, к колоссальной гипертрофии и серьезной недооценке общестратегических рисков и связанных с ними опасностей. Здесь речь идет о невыполнении или торможении выполнения других национальных целей устойчивого развития, а также корпоративных целей в терминах ESG, которые опираются на природный капитал.

Следующее обстоятельство касается недооценки человеческого капитала и важности связанных с ним целей.

По сути, третья цель — проблема качественного здоровья — тоже отодвигается в сторону.

Означает ли все это снижение актуальности, например, той же климатической повестки и самой системы ценностей и устойчивого развития? Конечно, нет. Проблема климатических изменений остается. Мы все этому свидетели. Также остается экономическая и геополитическая конкуренция по поводу темпов и самой повестки «зеленого» развития. Остаются реальные интересные, прежде всего, бенефициары этой политики в реальном секторе. В 2022 году зеленая экономика по величине была пятым промышленным сектором мировой экономики. Максимальный показатель — в Великобритании. То есть работа над снижением выбросов и достижением целей углеродной повестки продолжается, причем не только в Европе, — такую постановку вопроса мы видим и в 14-м пятилетнем плане Китая, и в стратегиях многих других стран. То же прослеживается и в финансовом секторе, где появляются новые и очень важные вещи, связанные с отчетностью, облигациями и так далее. Речь идет о научно-технологической гонке, важнейшей ареной которой является зеленая экономика.

Безусловно, климатическая повестка используется, если говорить о международном аспекте, прежде всего как рычаг давления на российскую экономику. Мы это знаем. Мы знаем о тех планах, которые озвучивал Евросоюз в отношении использования трансуглеродного пограничного налога, хотя сейчас эта тема стала, так скажем, не сильно актуальной. Но, как говорится, паровоз стоит на запасном пути, и еще не факт, что этот инструмент не будет использован. Конечно, сильно осложнено научно-техническое сотрудничество, в том числе наших академических кругов с нашими партнерами, по известным причинам. Для этого сейчас разыграна карта геоэкономического кризиса.

Но вместе с тем эта повестка открывает для нас определенные возможности, которыми можно и нужно воспользоваться, необходимо проводить собственную политику с опорой на национальные интересы, прежде всего ставя в центр внимания качество жизни, вызовы в сфере технологического суверенитета, а также экологические риски.

Важная составляющая — собственная стратегия с низким уровнем выброса парниковых газов, которую мы обязаны были сформулировать и сделали это. Естественно, сейчас она должна актуализироваться. По расчетам моих коллег, она, прежде всего, должна опираться на структурно-технологическую трансформацию экономики. Именно этот рычаг должен дать основное снижение выбросов парниковых газов. А более специализированные меры, конечно, важно

эшелонировать, с одной стороны, по степени доступности технологий, а с другой — по капиталоемкости.

Как показывают расчеты, до 2/3 снижения выбросов парниковых газов мы можем обеспечить за счет относительно дешевых мер, которые позволяют превратить наши недостатки в технологическом развитии в наше преимущество. У нас есть довольно большой спектр технологических решений, из которых мы можем выбрать, чего не скажешь о западных странах, потому что они во-многом уже эти решения реализовали и дальнейшие их действия оказываются очень дорогими.

Использование углеродсодержащего сырья: возможные перспективы в условиях декарбонизации

Максимов: Остановлюсь на том, что важно для стратегии развития нефтепереработки, нефтехимии и газохимии — трех основных секторов, которые используют углеродсодержащее сырье в России и которые должны стать значительной частью нашего ВВП.

Основной посыл здесь связан с уже не раз упоминавшейся декарбонизацией.

Отказ от ископаемых видов топлива даже к 2050 году кажется нереальным. Даже по пессимистическим сценариям значительное количество энергии мир будет получать с помощью такого топлива. Но ориентация на снижение выбросов диоксида углерода в промышленности и транспорте приведет к тому, что его количество, прежде всего в транспортной сфере, существенно уменьшится. Оценки здесь различные: от самых пессимистичных, стремящихся к нулю, до оптимистичных — 30–40%, но так или иначе это вызов для нефтепереработки. Второй вызов, теперь уже для нефтехимии, — снижение углеродного следа должно быть связано с постепенным отказом от захоронения тех химических и органических отходов, которые появляются, и их повторным использованием. Это рецикл углеродсодержащих отходов. И третий вызов связан с изменением энергетической структуры как следствия декарбонизации. Изменение потоков энергии приведет к тому, что основная энергия, которую мы используем в химии, нефтепереработке, энергетике (это тепло), будет замещаться на электрическую. И это тоже очень существенный вызов.

Если говорить о российской нефтепереработке, то у нас здесь и все хорошо, и все плохо одновременно. С одной стороны, мы не успели завершить модернизацию и в результате у нас — низкий выход топлива с одной тонны нефти. У нас все еще большое количество мазута, несмотря на серьезные

успехи за прошедшие 10 лет. Но мы будем вынуждены сейчас медленно внедрять технологии в лучшем случае из дружественных стран, а надо честно признаться, что они сильно отстают от технологий развитых стран. У нас низкий индекс Нельсона, и это проблема, у нас — экспортоориентированная нефтепереработка, и это тоже проблема. Нам не нужно столько нефтепереработки и столько топлива. С другой стороны, вполне возможно, что незавершенная модернизация может рассматриваться как определенный неиспользованный ресурс. Здесь надо сказать, что сами ресурсы нефти чрезвычайно велики, и говорить о том, что нефть кончится в ближайшее столетие, нельзя. Наверное, кончится дешевая и легкая нефть, а останется прежде всего так называемая тяжелая нефть, то есть нефть, в которой мало фракций, которые мы можем легко превращать в топливо, и много фракций, которые трудно превращать в эти продукты. И первое, что нужно сделать, — научиться перерабатывать вот такие

тяжелые нефти. Отметим, что в России имеются такие технологии, мы не сильно отстали от мира благодаря компании Татнефть (ТАНЕКО). Была фактически создана российская технология гидропереработки тяжелых остатков. Если мы хотим дальше развивать нефтепереработку как отрасль, соответствующую декарбонизации, используя здесь водород и превращая нефть с очень высоким выходом в моторное топливо и нефтехимию, то эта технология тут как раз будет к месту. Она полностью российская, и здесь у нас появляется элемент технологической независимости.

При этом у нас появляется еще один интересный вариант использования такой технологии, который связан с новой концепцией, появившейся лет 6–7 назад в нефтепереработке. Называется она «нефть и нефтехимия». Ведь если мы перейдем к электромобилям, а это уже становится близкой реальностью, так как последние образцы промышленных аккумуляторов, которые нам обещает к концу года китайская компания, — это 500 Вт на килограмм, значит, 1000 километров без подзарядки, то фактически эра обычных видов топлива, углеводородных, для легкового автомобилестроения, может очень быстро подойти к концу.

Возникает вопрос: во что тогда превращать нефть? Ответ такой: давайте производить продукцию нефтехимии. Если мы умеем перерабатывать нефтепродукцию в нефтехимию, а для этого нам нужны как раз такие процессы переработки тяжелой нефти, как гидроконверсия, то мы можем создавать нефтехимические заводы очень большой мощности и высокой конкурентоспособности. Такой завод сейчас строится нашими арабскими коллегами в содружестве с компаниями — мировыми лидерами, разрабатывающими свои технологии. Они собираются

получать 14 млн тонн нефтехимической продукции из 20 млн тонн нефти. Похожий завод уже создан в Китае с немного меньшим выходом нефтехимической продукции — 10 млн тонн из 20 млн тонн нефти, но это намного больше, чем все производство в России таких соединений.

Второе — это принципиальное изменение химической индустрии и создание новых продуктов, которые способны на рецикл. Естественно, одним из самых важных или простых элементов является переработка полимерного сырья. И нефтехимические компании заявляют о том, что это становится частью их стратегии. Например, самый большой нефтехимический завод в Бельгии заявляет, что где-то около 20% составят как раз вторичные полимеры.

Метан, газохимия всегда считались невыгодными — до тех пор, пока в Китае не реализовали технологию переработки угля в олефины. Сейчас производство олефинов из угля (а это дороже, чем из метана) составляет более 10 млн тонн, в ближайшем будущем — 20 млн тонн, а это больше, чем вся российская нефтехимия, в несколько раз. В России такие технологии разработаны до пилотного уровня. Они могут быть реализованы для развития российской нефтехимии с использованием ресурсов Газпрома.

Следующая тема, которая важна: если у нас с вами есть электричество, его нужно использовать в крупнотоннажной промышленности, но технологически это довольно трудно. На смену электричеству приходит водород как промежуточный энергоноситель. Не стоит говорить о водородной энергетике, но нужно сказать о водородных технологиях для энергетике. И водород становится средством декарбонизации промышленности и ряда видов транспорта там, где нельзя заменить углеводородное топливо.

Что касается выделения и использования оксида углерода — это огромная индустрия, которая возникает на наших глазах. Фактически это та наука, которая развивается в последние 15 лет, и теперь это уже промышленность, называемая биорефайнингом, она возникла именно из идеи, что CO₂ нужно связывать с помощью растений. Все эти технологии так или иначе могут разрабатываться в России, и здесь у нас еще есть шанс не потерять время.

Через 20 лет нефтепереработка будет выглядеть как разные виды сырья: не только сырая нефть и биосырье, но и диоксид углерода, и водород, и обязательно будут технологии улавливания диоксида углерода. Для каждой из стран, которая развивает свою экономику, наверное, будет важно соотношение этих видов сырья и процессов, которые используются. У нас, видимо, будет больше нефти и больше процессов улавливания и захоронения диоксида углерода.

В Европе, скорее, не первом месте будет создание топлива на основе водорода и технологий CO₂. То же самое касается нефтехимии.

Современные методы исследования и лечения онкозаболеваний: вклад в развитие человеческого капитала и экономики знаний

Каприн: Еще до пандемии, выступая перед Федеральным Собранием, в 2018 году президент России затронул тему борьбы с онкологическими заболеваниями. Мы получили и финансовую поддержку, и перевооружение регионов. Нам поставили достаточно жесткие индикаторы выполнения программы: 185 случаев смерти от новообразований на 100 тысяч населения, причем мы считаем по грубому показателю, за рубежом — по стандартизированному.

В России в 2022 году выявлено почти 625 тысяч случаев. У нас было большое снижение в 2020 году по понятным причинам, потому что чем выше доля обследованных, тем выявляемость выше. Например, мы не можем утверждать, что в некоторых странах Европы 600 человек на 100 000, а у нас — 428. Извините за вульгаризм, у нас 200 необследованных на 100 000 человек где-то гуляют, которые, конечно, придут с продвинутыми стадиями. А продвинутая стадия — это комбинированное, комплексное лечение. В ковидный год мы необследованных потеряли, и сейчас понимаем, что через 2–3 года, как раз где-то к 2024 году, получим увеличение показателей по продвинутым стадиям.

Онкологическая служба России сама по себе затратная, разбросанная, у нас очень сложная география. Мы понимаем, что есть Красноярский край, а есть небольшие регионы Центрального федерального округа с совершенно другой доставкой препаратов. В связи с этим было придумано движение по центрам онкологической амбулаторной помощи, потому что до этого у нас были очень плохие первичные онкологические кабинеты, где ничего нельзя было сделать. Они тоже нуждаются в определенном укреплении, поскольку мы рассчитываем, что у нас будет приличная замена наших технологий койкозамещающей технологией, которая, конечно, дешевле.

К перспективным направлениям развития онкологии нужно отнести ядерную медицину, которая была у нас немножечко в загоне, а также телемедицинские технологии. Мы не ожидали, что они так выстрелят во время кови-

да. Если до ковида мы начинали где-то с 400 консультаций с нашими региональными диспансерами, то сейчас их уже 16 000 в год. Должна быть создана отдельная служба с отдельным финансированием, потому что нагрузка на врачей, конечно, колоссальная. Если мы хотим, чтобы в регионах нормально лечили с помощью поддерживающих консилиумов, то это будет затратно.

Нельзя не сказать о раннем выявлении. Раннее выявление — это совершенно революционные технологии и методы, которые тоже непонятно, как создавать. У нас, как и во всех странах, есть дефицит первичного звена, но зато там есть и технологии, которых мы ждем от специалистов. Например, информационная поддержка для того, чтобы с учетом нашей ментальности в самых отдаленных регионах с помощью регионо-специфического подхода люди шли на диспансеризацию, в которой есть скрининг, раннее обследование.

При этом в мире все больше и больше говорят о персонифицированной медицине. Персонифицированная медицина — это важно, нужно, но дорого. Слава богу, в последние два года нам разрешили проводить назначение многих препаратов вне инструкции, когда мы видим индивидуальную чувствительность организма, когда он прошел все циклы сложного лечения, а опухоль не реагирует. Это связано с геномными исследованиями, а они непростые, представляют собой отдельное направление, и индивидуализация таких пациентов, при том что мы двигаемся по этому пути, — очень затратная для страны история. В то же время персонифицированная стратегия будет независимым прогностическим фактором лучших исходов.

Сейчас создаются разные системы генетического подхода. Но если мы будем пользоваться иностранными реактивами и иностранными приборами, для нас это будет очень дорого. Мы попытались в нашем центре создать систему, когда генетическая информация превращается в знание, имеющее практическую ценность. Но это надо как-то тиражировать в регионы, потому что качество лечения в регионах должно соответствовать среднему уровню. NGS-панели (самые полные генетические анализы. — Прим. ред.) также вносят свой вклад и в совершенствование персонализированного лечения. Это тоже очень затратная тема, потому что реактивы в нашей стране, к сожалению, пока не выпускаются, да и приборы типа секвенатора Illumina мы тоже пока не делаем. Все это требует, конечно, больших экономических затрат.

На ежегодной конференции Американской ассоциации клинических онкологов (ASCO) обсуждаются новые протоколы, которые собираются по всему миру. И это удивитель-

ные протоколы, говорящие о том, что комбинированное и комплексное лечение препаратами является по некоторым локализациям стопроцентной бесхирургической альтернативой фактически с полной редукцией опухоли. Важная тема? Очень. Надо разрабатывать? Да, очень надо. Для этого нужны сильные фундаментальные исследования, а это тоже — очень затратная тема. Так, сейчас мы с академиком Гинзбургом работаем над созданием внутривезикулярной вакцины на основе БЦЖ-вакцины. Вы знаете, БЦЖ — это противотуберкулезная вакцина, которая адаптирована для мочевого пузыря, вероятность прогрессирования рака мочевого пузыря с такой вакциной падает на 27%, что очень прилично, а риск рецидива — на 32%. И сейчас мы уже на этапе выхода на рынок с этой вакциной. При этом нужно сказать, что она будет в 6 раз дешевле, чем мы ее закупили.

Еще очень интересная тема — ядерная медицина. Так случилось, что она была до некоторых пор заброшена и сырье мы продавали за рубеж. Причем путешествие сырья за рубеж обходилось нам очень дорого и возвращалось в виде лекарственных препаратов в 4–5 раз дороже. Теперь мы начали этим заниматься, но у нас пока нет ни одного производства. Только сейчас «Росатом» начал строить большой завод в Обнинске, на НИФХИ имени Карпова.

При этом препараты в единичном синтезе мы разрабатываем. Нам разрешено даже в нашей ядерной аптеке, которая создана в центре, это делать. И это очень хорошие препараты. Например, при кастрат-резистентном раке предстательной железы (а это огромная популяция мужчин) они позволяют людям жить 5 лет и более с метастазами. Это практически революционный прорыв. И наши американские коллеги посчитали, что если препарат для лечения рака простаты «Лютеций 177» выйдет на рынок, то можно будет заработать 26 млрд долларов. Никто из наших инвесторов не хочет вкладываться в это, потому что это очень долгие деньги и затратная история, которая окупится не скоро. Мы можем синтезировать 11 препаратов, но нет людей, которые возьмут их в производство.

Есть еще одна проблема, с которой мы столкнулись, связанная с разработкой препаратов. Они являются революционными по мировым меркам. Мы способны сами их делать. Но что происходит? Первую и вторую стадию испытаний препарата мы кое-как можем сделать, а вот уже третью, коммерческую, нет возможности. Никто не может заплатить 300–400 млн за эту фазу испытаний. А для министерств это является нецелевыми расходами. Складывается совершенно тупиковая ситуация. Мы, разработав препараты, видим, как нас постепенно обгоняют, то есть у нас пре-

парат готов, но мы не можем вывести его на третью фазу, и производства, которое готово его встретить, тоже нет. И на второй фазе мы останавливаемся. Понятно, что утечка информации есть, и препарат тут же появляется у наших многоуважаемых коллег за рубежом.

Закончу одним тезисом о новых хирургических операциях. Здесь единственная и очень важная проблема в том, что у нас нет ни одного экземпляра эндоскопического, лапароскопического, малоинвазивного оборудования, которое бы мы делали в России.

Технологическое развитие аграрного сектора российской экономики: потенциал и основные тренды

Митин: Для того чтобы построить отечественную модель развития агропромышленного комплекса, мы считаем необходимым оценить существующие глобальные вызовы в развитии сельского хозяйства в мировых масштабах. И прежде всего, к экономическим вызовам я бы отнес интенсивный рост спроса на продовольствие. По данным той же ФАО, в результате роста численности населения и душевых доходов к 2050 году глобальное производство продукции мирового сельского хозяйства должно вырасти на 60–70%, то есть при среднегодовых приростах продуктивности на уровне ниже 1,7%, что по всем расчетам будет ниже темпов прироста численности населения и среднего душевого потребления продовольствия. Таким образом, существует риск превышения темпов роста спроса над темпами роста предложения, который может быть нивелирован только активным внедрением рациональных технологических инноваций.

К экономическим вызовам также мы отнесем субсидирование сельхозтоваропроизводителей в развитых странах, что приводит, конечно, к подавлению роста агропромышленных комплексов развивающихся стран, усилению их зависимости от импорта сырья, технологий, оборудования, готовой продукции. Здесь надо сказать, что у российского сельского хозяйства есть хорошие перспективы, потому что мы усиленно импортируем и экспортируем нашу продукцию. В прошлом году мы добились рекордных цифр — больше 41 млрд долларов. И как раз этот экспорт идет в развивающиеся страны.

Наш агропромышленный комплекс играет очень значительную роль в экономике страны, характеризуется высокой устойчивостью к кризисным явлениям: у нас очень

неплохие темпы роста по всем показателям. В последние годы и отрасль сельскохозяйственного производства, и отрасли пищевой, перерабатывающей промышленности демонстрируют устойчивый рост. Индекс сельхозпроизводства в прошлом году составил 110,2%, а индекс агропромышленного комплекса — 104%. Достигнуты абсолютные рекорды: в России выращено 157 млн тонн зерновых, 29 млн тонн масличных культур, 49 млн тонн сахарной свеклы, свыше 7 млн тонн овощей, 16 млн тонн мяса. Цифры, которые были недоступны еще несколько лет назад и казались фантастикой, сегодня достигнуты.

При этом еще необходимо отметить очень важный факт: Россия обладает одним из крупнейших сельскохозяйственных потенциалов в мире — это 9% мировых пашен, более 50% черноземов, четверть мировых запасов пресной воды и около 10% производств минеральных удобрений. Эти данные очень хорошо ложатся на позитивную оценку существующего сельского хозяйства, однако при таком запасе мировых сельскохозяйственных ресурсов мы в объеме мирового сельскохозяйственного производства занимаем не более 2%.

Налицо потенциал роста, который не используется, и, конечно, мы видим основную причину в низкой эффективности аграрного сектора и в значительном его отставании от стран-лидеров. По натуральному показателю технологического уровня в растениеводстве, например, Россия в 2,5 раза уступает Германии, в 2 раза — Китаю. По очень важному животноводческому показателю — надой молока — отстаем от Соединенных Штатов, Китая, Канады, Германии. Совершенно очевидно, эффективность сельскохозяйственного производства напрямую зависит от внедрения современных агротехнологий, соответствующих машин и механизмов, высокопродуктивной селекции, семеноводства, энерговооруженности, правильно используемых удобрений, средств защиты растений, передовых технологий хранения и переработки. По мнению ученых, в настоящее время российское сельскохозяйственное производство осуществляется в рамках второго, третьего, четвертого и пятого технологических укладов. Почему?

В 2021 году индикаторы, характеризующие инновационную активность бизнеса в Российской Федерации, составляли 11,9%, в то время как в Канаде — 79%, Германии — 68%, Соединенных Штатах — 64%, Китае — около 41%. Если в целом по экономике доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, была в 2021 году 23%, то в различных подотраслях аграрного производства она значительно ниже. Особенно низкий уровень технологических инноваций наблюдается в конечном секторе сельского

хозяйства — животноводстве, он составляет 9,3%, а выращивание многолетних культур — еще меньше, 5,1%.

Особого внимания (и это доказывает практика) требует развитие международной кооперации в области сертификации и лицензирования. Необходимо также дальнейшее стимулирование притока инвестиций в сельское хозяйство, а также в пищевую промышленность. Несмотря на беспрецедентные меры, которые принимает сегодня правительство в рамках государственной поддержки (только в прошлом 2022 году на поддержку агропромышленного комплекса было выделено 424 млрд рублей), в последние годы наметился тревожный тренд снижения индекса инвестиций в сельское хозяйство. Надо внимательно посмотреть на инструменты инвестиционной политики в сельском хозяйстве.

Субсидирование процентных выплат по инвестиционным кредитам — хорошо зарекомендовавший, казалось бы, себя метод. В прошлом году сумма общего кредитования достигла почти 600 млрд рублей. Очень грамотно воспользовались ими сельскохозяйственные предприятия. Но приток капитала в отрасль стимулируется неравномерно. Основная доля попадает в крупные агрохолдинги, которые прекрасно, может быть, справляются со своей задачей, но надо учитывать структуру сельскохозяйственного производства, которая примерно на 50% состоит все-таки из малых и средних предприятий и личных подсобных хозяйств, которые достаточно успешно работают, но только 2,7% государственной поддержки достается им.

Анализ показал еще одну тревожную вещь: аграрная наука существенно недофинансирована. Отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, созданной в отрасли, почти в полтора раза ниже аналогичного показателя по науке в целом: 0,64% и 0,99%. Необходимо обеспечить приоритетное развитие сельскохозяйственных наук, образования, системы внедрения результатов передовых научно-исследовательских разработок в сельскохозяйственном производстве, так как более 60% внутренних затрат на исследования и разработки в области сельскохозяйственных наук — это расходы на фундаментальные исследования, а не прикладные работы.

Еще один очень важный фактор на, который следует обратить внимание, — при полностью частном сельскохозяйственном секторе сельскохозяйственная наука в своей преобладающей степени сосредоточена в государственном секторе. Ее доля во внутренних затратах на исследования составляет около 72%, а вместе с высшими учебными заведениями, которые все государственные, 91%. И конечно,

наблюдается дисбаланс между частным агробизнесом и государственными научными учреждениями. Зачастую научно-исследовательские разработки государственных центров не применяются для обеспечения развития агропромышленных комплексов или просто не востребованы рынком и частными сельхозтоваропроизводителями.

Предложенные меры вписываются полностью в Концепцию технологического развития страны на период до 2030 года, утвержденную Правительством Российской Федерации. Надеюсь, что при непосредственном участии ученых, общественных объединений, в том числе Вольного экономического общества России, появится новая концепция в отраслевом разрезе в виде программы технологического обновления российского агропромышленного комплекса, которая, безусловно, принесет, учитывая имеющиеся у нас ресурсы, положительный результат.

Кадровый кризис в науке и социальной сфере: пути преодоления

Смолин: Согласно официальному запросу Российского союза промышленников и предпринимателей, 70–75% всех процентов опрошенных заявили, что кадровая проблема для них — главное. Подтверждается старый тезис 1930-х годов: кадры решают все.

Всем известно, мы сейчас имеем рекордный низкий уровень безработицы в нашей стране. Причем безработица имеет технологический характер.

При этом по официальным данным имеем дефицит работников в нашей стране порядка 3 млн человек.

Наиболее острый кризис переживает строительная отрасль и промышленность в виде нехватки квалифицированных рабочих и инженеров, а также специалистов в области IT-технологий.

Более 60% всех ребят после девятого класса идут не в старшую школу, а в систему профессионального образования. И при этом у нас дефицит квалифицированных рабочих. Парадокс, который имеет свой простой ответ: большинство из них идут туда не для того, чтобы получать рабочие специальности, а для того, чтобы избежать Единого государственного экзамена и без него затем через систему среднего профобразования поступать в высшие учебные заведения. Поэтому они идут не на рабочие специальности, а на специалистов среднего звена (извините за тавтологию).

При этом грубо нарушается Конституция Российской Федерации, менее грубо — Закон об образовании, который слегка противоречит Конституции. Я напоминаю, что, согласно Конституции, среднее профессиональное образование у нас общедоступно и бесплатно. Согласно Закону об образовании, у нас в стране обязательная полная средняя общедоступная и бесплатная старшая школа. По факту 43% всех, кто учится в системе СПО, платят за свое образование. Причем они платят не только за образование профессиональное, но и за те общеобразовательные предметы, которые при этом получают. Поэтому удивляться нехватке рабочих кадров нам не приходится.

Пользуясь случаем, напомню, что мы неоднократно предлагали законопроекты, и сейчас один лежит в Государственной Думе — о переводе Единого государственного экзамена в договорный режим. Хочешь ты непременно из моего родного Омска поступать в Москву или Питер — сдавай ЕГЭ. Достаточно тебе поступать в вуз в своем городе или в систему, соответственно, СПО, ЕГЭ для тебя не обязателен, ты можешь заменить его классическим экзаменом. Это отдельная большая тема, уважаемые коллеги. Но даже председатель Государственной Думы Вячеслав Володин замечает, что сейчас тема ЕГЭ по остроте входит в пятерку наиболее сильно волнующих наших людей.

Что касается проблемы инженерных кадров, обращаю внимание на одну ее составляющую. Это принудительное введение в России так называемой Болонской системы. Подчеркиваю — принудительное. С 1996 до 2011 год, пока существовала свободная конкуренция, 90% всех выпускников вузов выходили специалистами. Сейчас специалистами выходят 13% выпускников вузов именно потому, что Болонская система была введена как принудительная.

Люблю цитировать многолетнего ректора Омского технического университета, потом президента, который говорил, что специалиста мы готовили как будущего конструктора, а бакалавра готовим как будущего пользователя чужими конструкторскими разработками. Общение с кадровиками оборонных предприятий меня убеждает в том, что они с тревогой смотрят в будущее, когда современное поколение конструкторов исчезнет.

Понятно, что есть сейчас Указ Президента РФ №343. Понятно, что были проведены специальные парламентские слушания, большинство участников которых высказались за то, чтобы расширять подготовку в рамках специалитета, сохраняя возможность бакалавриата для специальностей, не требующих высокой квалификации, и, соответственно, возможность магистратуры по программам, более или менее совместимым с предыдущим бакалавриатом, чтобы,

как нередко бывает, выпускники ветеринарного бакалавриата не получали у нас затем историческое образование и думали, что они становятся специалистами в истории. На самом деле они становятся специалистами нигде.

Но хочу обратить внимание, что среди тех факторов, которые определяют экономические успехи страны, мы всегда выделяем два: это высокие технологии, связанное с ними инженерное образование и, соответственно, развитие человеческого потенциала. Я хочу сказать несколько слов по поводу человеческого потенциала и кадровой проблемы в тех областях, которые этот самый человеческий потенциал создают. Это близкие мне темы образования, науки и здравоохранения.

Начну с того, что, по данным РАНХиГС, в стране не хватает 250 000 учителей. Причем все зависит от того, как считать. Если верно (а это официальные данные), что средний учитель работает на 1,7 ставки и у нас примерно на 1 млн 100 тысяч учителей, то если бы они все начали работать на одну ставку, не хватало бы 700 000 учителей. Если бы они стали работать, скажем, вести по 24 часа, что более-менее разумно (говорю это как в прошлом школьный учитель), то у нас, соответственно, не хватало бы приблизительно 350–400 тысяч учителей и так далее.

Общероссийский народный фронт провел опрос 1300 читателей. И 44% заявили, что в их школах не хватает математиков, 39% — что учителей русского языка и литературы. И так далее. Ситуация в медицине похожая. Если по официальным данным министра здравоохранения, соответственно, дефицит врачей составил около 25 000 человек, а среднего медперсонала — примерно 50 000, то, по данным соответствующего профсоюза, в бригадах скорой помощи у нас практически все работают на полторы-две ставки и при этом кадры не укомплектованы.

Как вообще могут работать образование и медицина в таких условиях? Ответ простой: за счет колоссальной, временами безумной перегрузки. Я уже сказал, что средняя нагрузка российского учителя — 1,7 ставки. Средняя нагрузка учителя в моей родной Омской области — 1,8. В городе Омске, моем родном, — 2,01 ставки на начало текущего учебного года.

Как учитель по первой специальности, я вам скажу, что это невозможно. То есть нормально работать на две ставки невозможно. И не потому, что невозможно провести 36 уроков в неделю, а потому, что невозможно к ним нормально подготовиться. Качество образования неизбежно будет падать.

Обращаю внимание на то, что недавно правительство утвердило соответствующие нормативные акты, где такси-

стов ограничивают 40 часами работы в неделю. Так вот, если вы работаете на две ставки — 36 уроков в неделю, то ваша рабочая неделя, если вы честно все обязанности выполняете, должна приближаться к 80 часам, уважаемые коллеги. Ситуация в медицине похожа. По данным Общероссийского народного фронта, на полторы и более ставки работали 40% учителей 5 лет тому назад, а на две ставки и более — 10% врачей. Ситуация ухудшилась. Просто, к сожалению, Общероссийский народный фронт перестал на своем официальном сайте публиковать соответствующие данные. А жаль. Я думаю, мы узнали бы достаточно много интересного.

Мы понимаем: работая, что называется, за себя и за того парня, российский ученый и врач не получают даже за себя. По данным того же ОНФ, в 75 регионах Российской Федерации из 85 наших канонических регионов (в новых ситуациях — отдельная тема), соответственно, Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года не исполняется. По данным (на сей раз) Высшей школы экономики, 80% всех учителей получают меньше 40 000 в неделю и 40% учителей экономят на всем, кроме еды. По любой методике, более-менее современной, уважаемые коллеги, это прямая бедность.

Похожая ситуация в медицине. По данным Общероссийского народного фонда, 86% всех врачей не получают того, что им положено по Указу Президента РФ №597 от 7 мая 2012 года. И соответственно, 64% среднего медицинского персонала не получают то, что им положено по этому указу. Когда я привожу, скажем, в одной из сельских больниц моего родного округа эти данные и говорю, что ситуация у среднего медперсонала чуть лучше, мне отвечает главный врач больницы, что просто сестрички больше стесняются, когда отвечают социологам, и говорят меньше правды. Оставляю эти высказывания без комментариев, уважаемые коллеги.

Что касается ситуации в науке, по данным РАН, количество научных работников у нас сократилось в 2,7 раза в послесоветский период. За последние годы, по данным той же Академии наук, соответственно, во всех странах Организации экономического сотрудничества и развития число научных работников росло. Например, в Южной Корее — на 120%. Мы — единственная страна, более-менее развитая, где количество научных работников сократилось на 16%.

При этом в Указе Президента РФ №204 была поставлена задача создать условия, благоприятные для работы не только наших, но и зарубежных ученых в нашей стране. К сожалению, статистика показывает, что количество уезжающих за рубеж не сокращается. Таким образом, мы наблюдаем

три основных способа оттока людей, создающих человеческий потенциал. Из госмедицины в основном — в частную, из образования — в другие сферы, из науки — и в другие сферы, и за рубеж. По оценкам Германа Грефа, наши потери от утечки умов за послесоветский период превысили наши потери от утечки обычного капитала.

Совершенно очевидно, что мы не можем решить кадровую проблему, не увеличивая финансирование сфер, создающих человеческий потенциал. Вы меня, естественно, спросите, как спрашивают в Государственной Думе: где деньги, Зин? Тем более что финансовая ситуация в стране резко ухудшилась, уважаемые коллеги. Но я хочу напомнить, что мною был сделан специальный запрос в Министерство финансов Российской Федерации по поводу судьбы нашего Фонда национального благосостояния. Как вы знаете, около половины его оказалось замороженным в результате действий наших отечественных системных либералов.

Ответ Минфина был довольно интересным. Я перевожу его с мудреного экономического на русский. Ответ был такой: мы считаем возможным те средства, которые были заморожены, имитировать в рублях и использовать для развития нашей отечественной экономики. Но если мы считаем это возможным, уважаемые коллеги, тогда мы должны понимать, что при таком отношении к людям, создающим человеческий потенциал, мы будем наблюдать только нарастание кадрового кризиса и в российском образовании, и в российской медицине, и, увы, в российской науке тоже.

Я хочу напомнить, что мы многократно вносили законопроект, направленные на поддержку сфер, создающих человеческий потенциал, в частности на повышение статуса педагогических, медицинских и научных работников. До сих пор такие законопроекты не принимались. Хотя нам каждый раз говорили, что все понимаем, что проблема очень и очень важная. Но опять же, денег нет, но вы держитесь. Мы думаем, уважаемые коллеги, что вложения в человека (это не наше мнение, это мнение всех более-менее современно мыслящих экономистов) — это не бремя государства, это инвестиции в будущее, в долгосрочной перспективе — одни из самых эффективных, которые только можно сделать.

INTERLOCUTORS:

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*co-chairman of the MAEF, president of the VEO of Russia,
president of the International Union of Economists (IUE),
director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial
Development (INIR), Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (RAS)*

Nikolai Andreevich Makarov,
Vice-President of RAS, Academician of RAS

Alexander Alexandrovich Shirov,
*Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS, member
of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium
of IUE, corresponding member of RAS*

Andrey Dmitrievich Kaprin,
*General Director of the National Medical Research Center for
Radiology of the Ministry of Health, Director of the Moscow
Research Oncology Institute named after P.A. Herzen, chief
oncologist of the Ministry of Health, academician of RAS*

Sergey Gerasimovich Mitin,
*First Deputy Chairman of the Committee of the Federation
Council of the Federal Assembly of the Russian Federation
on Agricultural and Food Policy and Environmental
Management, Vice-President of the VEO of Russia, Doctor
of Economics, Professor*

Oleg Nikolaevich Smolin,
*First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Science
and Higher Education, member of the Presidium of the VEO
of Russia, member of the Presidium of IUE, Doctor of Philology,
Academician of the Russian Academy of Education*

Andrey Nikolaevich Klepach,
*member of the Board of the VEO of Russia, member
of the Presidium of IUE, Chief Economist
of the VEB.RF corporation*

**Igor Anatolyevich
Ermakov,**
*Director of the Strategic Management Department
of the State Corporation Rosatom*

GLOBAL TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT: THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA

We live in difficult times when geopolitical tension is growing, profound shifts are taking place in public consciousness and technology. The world is entering a new phase of uncertainty, a structural restructuring of economic, social and political institutions is taking place, their roles and narratives are changing. Russia is at the center of these processes, and this is not an exaggeration. To take its place in the new world, the country needs new solutions taking into account the tectonic shifts that are taking place before our eyes. These new decisions must have a deep scientific basis and be based on knowledge of the fundamental laws of development.

Based on materials from the V Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2023, Moscow, Great Hall of the Russian Academy of Sciences, June 7, 2023)

Stepan Nikolaevich Kalmykov,
Vice-President of RAS, scientific director of the Faculty of Chemistry of M.V. Lomonosov Moscow State University, academician of the Russian Academy of Sciences

Anton Lvovich Maksimov,
Director of the Institute of Petrochemical Synthesis named after A.V. Topchiev of RAS, Corresponding Member of RAS

Boris Nikolaevich Porfiryev,
scientific director of the Institute of Economic Forecasting of RAS, co-chairman of the MAEF program committee, vice-president of the VEO of Russia, academician of RAS

The translation contains a small part of the discussion

The role of Rosatom in ensuring the technological independence of Russia

Ermakov: Rosatom's contribution to the Russian economy is obvious, but what is more important is that, in addition to business priorities, we are actively focusing on government tasks, including ensuring the economic and national sovereignty of our country.

The core of our activity is, of course, nuclear energy. If we analyze the prospects for the development of the world market, then I think nuclear energy, which has been developing since the early 1950s of the last century, will exist for many centuries and millennia. If we look at the closer horizon until 2050, the growth is expected to be approximately one and a half times. At the same time, our main competitors are not only traditional players - the USA, European companies, but also actively developing companies in the Asian region - Korea, China. Perhaps new players will appear on the horizon in the coming decades. We cannot afford to rest on the laurels of the Soviet nuclear industry and must actively move forward and stay ahead of our competitors.

In terms of the development of nuclear technologies, we not only traditionally ensure the energy security of our country and a stable energy supply to our economy, but we are also actively developing nuclear technologies using both thermal and fast neutrons, moving towards two-component nuclear energy. A number of scientific projects are also being implemented for a longer term, including in the field of thermonuclear technologies.

About modern technologies of generation 3+: the VVER 1200 reactor was developed taking into account all safety requirements after the events at the Fukushima nuclear power plant in 2011. The use of modern approaches and materials made it possible to increase the reactor power while maintaining the weight and size characteristics.

Of course, the development of nuclear power plants based on thermal neutrons remains the basis for the development of nuclear energy, and if at the first stage we move towards unification and optimization of design solutions, then we move on to the development of two-component nuclear energy, that is, mixed nuclear power plants based on thermal neutrons and nuclear power plants based on fast neutron base with both sodium and lead coolants. This is what will ensure the leading role of Rosatom and our country for decades to come.

Within the borders of the Russian Federation, the share of nuclear energy is now about 20%. The President has set the task of reaching the level of 25% in the structure of the Russian energy balance by 2045. We have a developed strategy, approved by the state corporation, it is the Nuclear Energy Development Strategy until 2050 and beyond until 2100. We understand what reactors, what types, and approximately in what regions need to be built to ensure and achieve the set goals. In this case, we are talking not only about reactors of traditionally high power, gigawatts or more, but also about the development of a line of medium and low power reactors.

We are developing low-power nuclear power plants based on RITM-200 reactors, which are already in operation on our nuclear icebreakers on the Northern Sea Route. We develop both low-power floating nuclear power plants and land-based nuclear power plants. And this is a potentially very attractive product for the global market, which can be used to supply energy to remote regions, isolated production facilities or mining enterprises. And this applies not only to the Russian Federation. Quite a lot of countries have expressed interest in this product.

Rosatom now is not only nuclear energy or the nuclear industry. Yes, these industries now make up about 65–70% of our revenue structure, but we are actively investing and developing related areas of activity, including those areas that grew out of the nuclear industry. This is the development of year-round navigation along the Northern Sea Route, the development and implementation of environmental solutions, including in the processing and management of industrial waste of the first and second hazard classes, and a large set of projects in the field of digital technologies.

It is no secret that in 2022 a number of large global companies limited the supply of software products on which Russian enterprises traditionally operated, and Rosatom plays an active

role in their import substitution in the widest range of information technologies. In addition, Rosatom is traditionally strong in power engineering. The state corporation includes the machine-building division Atomenergomash. But we are also looking at a number of other directions, which may not yet be openly discussed.

In addition to nuclear energy, Rosatom is also actively developing wind energy, one of the areas of green energy with minimal greenhouse gas emissions.

It is important to note the development of nuclear medicine: from the production of equipment and tomographs to the creation of medical isotopes, radiopharmaceuticals, and the provision of medical services in radionuclide therapy and nuclear medicine centers. This will have a direct impact on life expectancy by treating cancer and reducing mortality.

There are a number of other areas, one of which is the development of storage devices for electric vehicles. Rosatom, as a supplier of energy solutions, is, of course, one of the main players in this area.

New generation nuclear energy: solving economic and environmental problems

Kalmykov: We understand perfectly well that energy itself is one of the areas of the economy that not only pollutes the atmosphere with greenhouse gases, but is a pollutant in itself. And solving environmental problems related to energy is the most important task.

On the one hand, we want to live comfortably. The comfort and development of the state and the economy as a whole depend on the production of electricity. On the other hand, we always say that we must somehow control the production of electricity, because it is associated with environmental pollution. So far, no one has canceled the OECD standards that are striving for emissions of 50 grams of CO₂ equivalent per 1 kilowatt-hour of electricity generation. Now for coal it's 800g, for gas it's 500g and so on. We have 5 so-called green energy sources, only 2 of which are highly concentrated, without which it is impossible to develop economies. Why are the values not zero in wind or hydrothermal energy? Because we are talking about the full life cycle of a particular object, taking into account construction. For example, a hydroelectric power station means a huge amount of concrete, the production of concrete also causes pollution and CO₂ emissions, so zero values are impossible, just like in nuclear energy. These are important things that are directly related to the economics of the process,

to the harmonious development of a particular energy source depending on the region. The OECD plans to increase the share of nuclear energy by 55%. Currently, nuclear energy accounts for 30% of green sources.

The most important factor is technological. Probably, for me the availability of infrastructure comes first, primarily for the management of spent nuclear fuel, which in no case should be confused with radioactive waste.

There are two scenarios here. One is a short circuit, when we extract valuable components, primarily fissile components, from the fuel unloaded from the reactor and return them to the energy sector. In this way, we reduce uranium mining, which is also environmentally harmful, and use what we have left after processing. But this requires complex infrastructure and technology. And the second is what we have now - an open cycle, one-time use, in which it is necessary to constantly extract new uranium, produce fuel from it, and what is unloaded is perceived in this case as radioactive waste, useful components are not extracted from there.

The problem of spent fuel is a separate problem. By not reprocessing spent nuclear fuel and accumulating it, we leave to future generations a legacy that will last hundreds of thousands of years, and in Europe they say even a million years, and will pose a certain danger. How can we reduce this time? There are modern radiochemical technologies for deep fractionation and separation of various components from spent nuclear fuel; as a result, their radioactivity becomes less than the radioactivity of uranium deposits, and then the waste can be safely buried in repositories. This is where chemistry, new engineering solutions, and new technologies are needed. If in everyday life we have to sort household waste, then here sorting is a high-tech process when we sort components depending on their physical and chemical properties, half-life, nuclear chemical properties, what they turn into, etc. As a result, we move from a million years of dangerous storage to 300 years of safe storage. It is both environmentally friendly and economical.

Now Rosatom, in collaboration with other organizations, is developing new methods of deep processing and fractionation. The MBIR reactor will be a reactor with record neutron flux characteristics. We are creating two-component nuclear energy using fast neutron reactors, which actually produce raw materials for us, in combination with thermal energy using thermal neutrons, which generates cheap electricity. The result is a double-circuit module, which solves the problem of raw materials and electricity generation.

At the same time, we are still resolving the issue of uranium mining. Uranium production in the Soviet Union was 16–18 thousand tons per year, in Russia - about 3 thousand tons.

The world's total supply of uranium raw materials is about 60%. If we do not develop and implement the concept of two-component nuclear energy with fast thermal neutrons, after some time, estimates of which vary, we will be faced with a shortage of raw materials for traditional energy with an open nuclear fuel cycle.

And in conclusion, I would like to note that for any electricity producer, for any raw material, environmental issues are unprofitable. We must honor Rosatom for it takes very seriously how waste will be disposed of, where it will be, and how safety will be ensured for these years. There are a lot of programs dedicated to this.

And of course, we need strategic planning, we need to end the unspoken debate between supporters of traditional and green energy sources. It all depends on the specific region. Just imagine some industrial giant like "Norilsk Nickel", which consumes, in my opinion, 1.4–1.6% of the total output in the country. Well, what alternative sources could there be? This means that there must be a highly concentrated source of energy that will provide such large industrial areas and cities.

On the other hand, we have Krasnodar region, where there are a huge number of households. Modern technologies for creating solar panels are rapidly developing, it is becoming profitable, the cost is falling, their efficiency is increasing, and there this is economically interesting, including for small farms that can use this technology. Therefore, it is very important, based on the economic and climatic characteristics of the regions of the country, to make strategic energy planning. Economic development is impossible without highly concentrated energy sources, the most important of which is nuclear energy.

Sustainable development priorities and climate agenda of the early 2020s in the world and in Russia

Porfiryev: We are at the equator of the implementation of the UN 2030 Agenda for Sustainable Development, if we count from 2015, when it was adopted. It is possible to draw some intermediate results. They confirm to us that the goals that were formulated remain relevant and, very importantly, they are inextricably linked. Progress, unfortunately, has been very uneven across countries and continents during this time, and the overall situation looks quite alarming. If we talk about the world as a whole, then out of the 17 sustainable development goals, satisfactory planned progress has not been achieved on any indicator, partial progress has been achieved on 11 goals, regression is observed on 6, that is, more than 1/3 of them.

If we look at the specific layouts for the most important region, which is essentially the most dynamic and largest economic center - the Asia-Pacific region - we see that progress falls short of the planned levels for 2022 almost everywhere, and there is a serious regression in terms of climate goals. Equally important, very little progress is observed in such indicators as the provision of clean water, as well as the conservation of marine biota.

Even industrialized countries, OECD countries, have experienced regression in every 5th goal since 2015. If we talk about a sectoral perspective and turn, for example, to the problem of climate and ecology, then in the post-pandemic years, greenhouse gas emissions throughout the world over the last two years (2021–2022) increased by 7%, and in 2020 - by 5.4%, we have record figures of approximately 37 Gt of energy emissions alone for this year. If we talk about the forecast for the future, then, according to the International Energy Agency, compared to 2010, for example, in the same Asia-Pacific region, instead of reducing emissions by 45%, which should be achieved during this time, there will obviously be an increase of 16% .

More than a quarter of our population, about 2 billion, still do not have access to safe drinking water, and almost half, 46%, to safe sanitation, causing more than 1,000 children under 5 to die every day. Water is a critical resource. Everyone talks about oil, gas, and nuclear energy, which is, of course, important, but water determines the well-being of people and the economy to a very serious extent.

What are the causes and consequences of the slowdown in the implementation of the sustainable development goals that were formulated by the UN?

The first reason is, of course, the powerful impact of the pandemic. The current crisis has also affected it, and this factor continues to operate. The second reason is the ineffective implementation of sustainable development goals, which are primarily related to the distribution of resources. Here it is important to highlight the incorrect priorities of sustainable development goals. In fact, all these 7 years, and in fact much more, the same goal has been pursued of reducing the effects of climate change. This problem remains top of mind all the time, despite the fact that the situation is changing. There was Covid, its consequences continue to a significant extent, now a geo-economic and geopolitical crisis has arisen, but we see this indicator at the top.

We see the same thing, oddly enough, in corporate policies, which are also largely integrated into the general agenda. According to Fortune, across the 500 largest companies in the world, we observe the most powerful dominance of the climate factor. What does this lead to? Firstly, to colossal hypertrophy

and serious underestimation of general strategic risks and the dangers associated with them. Here we are talking about underachievement or inhibition of the implementation of other national sustainable development goals, as well as corporate goals in ESG terms that rely on natural capital.

The next circumstance concerns the underestimation of human capital and the importance of goals associated with it. In fact, the third goal – the problem of quality health – is also being pushed aside.

Does all this mean a decrease in the relevance, for example, of the climate agenda and the very system of values of sustainable development? Of course not. The problem of climate change remains. We are all witnessing this. There also remains economic and geopolitical competition over the pace and agenda of green development. There remain real interests, first of all, the beneficiaries of this policy in the real sector. In 2022, the green economy was the fifth largest industrial sector in the global economy. The maximum figure is in the UK. That is, work to reduce emissions and achieve the goals of the carbon agenda continues, and not only in Europe - we see such a formulation of the issue in China's 14th Five-Year Plan and in the strategies of many other countries. The same can be seen in the financial sector, where new and very important things appear related to reporting, bonds, and so on. We are talking about a scientific and technological race, the most important arena of which is the green economy.

Of course, the climate agenda is used, if we talk about the international aspect, primarily as a lever of pressure on the Russian economy. We know that. We know about the plans announced by the European Union regarding the use of a transcarbon border tax, although now this topic has become, so to speak, not very relevant. But, as they say, the locomotive is on a siding, and it is not a fact that this tool will not be used. Of course, scientific and technical cooperation, including between our academic circles and our partners, is greatly complicated for well-known reasons. To achieve this, the card of geo-economic crisis has now been played.

But at the same time, this agenda opens up certain opportunities for us that can and should be taken advantage of; it is necessary to pursue our own policies based on national interests, primarily focusing on the quality of life, challenges in the field of technological sovereignty, as well as environmental risks.

An important component is our own low-carbon strategy, which we had to formulate and did. Naturally, now it should be updated. According to the calculations of my colleagues, it should, first of all, be based on the structural and technological transformation of the economy. It is this lever that should

provide the main reduction in greenhouse gas emissions. And it is, of course, important to differentiate more specialized measures, on the one hand, by the degree of availability of technology, and on the other, by capital intensity.

As calculations show, we can achieve up to 2/3 of the reduction in greenhouse gas emissions through relatively cheap measures that allow us to turn our shortcomings in technological development into our advantage. We have a fairly large range of technological solutions from which we can choose, which cannot be said about Western countries, because in many ways they have already implemented these solutions and their further actions turn out to be very expensive.

Use of carbon-containing raw materials: possible prospects in the context of decarbonization

Maksimov: I will focus on what is important for the development strategy of oil refining, petrochemistry and gas chemistry which are the three main sectors that use carbon-containing raw materials in Russia and which should become a significant part of our GDP. The main message here is related to decarbonization, which has already been mentioned more than once.

Quitting fossil fuels even by 2050 seems unrealistic. Even under optimistic scenarios, the world will receive a significant amount of energy using such fuel. But a focus on reducing carbon dioxide emissions in industry and transport will lead to a significant reduction in its amount, primarily in the transport sector. Estimates here vary: from the most pessimistic, tending to zero, to optimistic - 30–40%, but one way or another this is a challenge for oil refining. The second challenge, now for the petrochemical industry, is that reducing the carbon footprint should be associated with a gradual abandonment of the disposal of those chemical and organic wastes that appear and their

reuse. This is a recycling of carbon-containing waste. And the third challenge is related to changes in the energy structure as a consequence of decarbonization. Changes in energy flows will lead to the fact that the main energy that we use in chemistry, oil refining, and energy (this is heat) will be replaced by electricity. And this is also a very significant challenge.

If we talk about Russian oil refining, then everything here is good and everything is bad at the same time. On the one hand, we did not have time to complete the modernization and as a result we have a low fuel yield per ton of oil. We still have a large amount of fuel oil, despite major advances over the past

10 years. But we will now be forced to slowly introduce technologies from, at best, friendly countries, but we must honestly admit that they lag far behind the technologies of developed countries. We have a low Nelson index, and this is a problem; we have export-oriented oil refining, and this is also a problem. We don't need so much oil refining and so much fuel. On the other hand, it is quite possible that unfinished modernization can be considered as a certain untapped resource. Here it must be said that the oil resources themselves are extremely large, and it is impossible to say that oil will run out in the next century. Probably, cheap and light oil will run out, and what will remain first of all is the so-called heavy oil, that is, oil in which there are few fractions that we can easily convert into fuel, and many fractions that are difficult to convert into these products. And the first thing you need to do is learn how to process such heavy oils. Let us note that Russia has such technologies; we are not far behind the world thanks to the Tatneft company (TANECO). A Russian technology for hydroprocessing heavy residues was actually created. If we want to further develop oil refining as a decarbonization industry, using hydrogen here and turning oil from very high With a high yield in motor fuel and petrochemicals, this technology will be just right here. It is completely Russian, and here we have an element of technological independence.

At the same time, we have another interesting option for using this technology, which is associated with a new concept that appeared 6-7 years ago in oil refining. It is called "oil and petrochemicals". After all, if we switch to electric vehicles, and this is already becoming a close reality, since the latest samples of industrial batteries that the Chinese company promises us by the end of the year are 500 W per kilogram, which means 1000 kilometers without recharging, then in fact the era of conventional fuels, hydrocarbons, for the passenger car industry, may very quickly come to an end.

The question arises: what then should we turn oil into? The answer is: let's produce petrochemical products. If we know how to process petroleum products into petrochemicals, and for this we need heavy oil refining processes such as hydroconversion, then we can create petrochemical plants of very high capacity and high competitiveness. Such a plant is now being built by our Arab colleagues in collaboration with world leading companies developing their own technologies. They are going to receive 14 million tons of petrochemical products from 20 million tons of oil. A similar plant has already been created in China with a slightly lower output of petrochemical products - 10 million tons out of 20 million tons of oil, but this is much more than the entire production of such compounds in Russia.

The second is a fundamental change in the chemical industry and the creation of new products that can be recycled. Naturally, one of the most important or simple elements is the processing of polymer raw materials. And petrochemical companies say this is becoming part of their strategy. For example, the largest petrochemical plant in Belgium states that somewhere around 20% will be secondary polymers.

Methane and gas chemistry were always considered unprofitable until China implemented the technology for processing coal into olefins. Now the production of olefins from coal (which is more expensive than from methane) is more than 10 million tons, in the near future – 20 million tons, and this is several times more than the entire Russian petrochemical industry. In Russia, such technologies have been developed to the pilot level. They can be implemented for the development of Russian petrochemicals using Gazprom resources.

The next topic that is important: if you and I have electricity, it needs to be used in large-scale industry, but technologically this is quite difficult. Electricity is being replaced by hydrogen as an intermediate energy carrier. There is no need to talk about hydrogen energy, but we need to talk about hydrogen technologies for energy. And hydrogen is becoming a means of decarbonizing industry and a number of modes of transport where hydrocarbon fuels cannot be replaced.

As for the release and use of carbon monoxide, this is a huge industry that is emerging before our eyes. In fact, this is a science that has been developing in the last 15 years, and now it is an industry called biorefining, it arose precisely from the idea that CO₂ needs to be fixed with the help of plants. All these technologies can be developed in Russia one way or another, and here we still have a chance not to waste time.

In 20 years, oil refining will look like different feedstocks: not just crude oil and biofeedstocks, but also carbon dioxide and hydrogen, and there will definitely be carbon dioxide capture technologies. For each country that is developing its economy, the ratio of these types of raw materials and the processes that are used will probably be important. We will probably have more oil and more carbon dioxide capture and storage processes. In Europe, the creation of fuel based on hydrogen and CO₂ technologies will most likely not be in the first place. The same is true for petrochemicals.

全球经济发展趋势： 俄罗斯的角色和地位

我们已经进入了向世界新秩序过渡的急速阶段。其新形势要求我国明确战略方针，并在此基础上形成经济发展新模式。
基于第五届莫斯科学术经济论坛2023的材料

对话者：

米海尔·尤里耶维奇·戈洛夫宁，俄罗斯科学院经济研究所所长、俄罗斯自由经济协会主席团成员、国际经济学家联合会主席团成员、俄罗斯科学院通讯院士

阿列克谢伊·夫拉季米罗维奇·库普里亚诺夫，普里马科夫俄罗斯科学院国家世界经济与国际关系研究所印度洋地区中心主任

叶列娜·夫拉季米罗夫娜·帕妮娜，俄罗斯战略国际政治经济研究所所长，俄罗斯自由经济协会主席团成员，俄罗斯工业家和企业家联盟副主席，经济学博士，教授

俄

俄罗斯联邦的战略规划——地缘政治方面

帕妮娜：在特别军事行动之前，复杂的威胁就开始出现在俄罗斯面前。无条件信任西方控制的国际金融机构以及依赖所谓的国际分工的政策，即我国所需要的一切来换取原材料，事实证明其概念完全站不住脚的。我不会详述俄罗斯已经和正在为这种幻想上付出了多少代价。

现在更重要的是如何在短时间内从根本上改变现状。不仅仅不输掉战争，但维护我国的主权，在正在取代旧世界秩序的新世界秩序中的世界保持政治和经济中心之一的地位。这是俄罗斯到2050年的地缘政治目标。

为了实现其地缘政治目标，需要解决以下长期问题。

首先，当然不要在军事对抗中输给西方集体。其次，将俄罗斯提升为地缘政治权力中心之一。第三，确保形成一个能够有效抵抗西方集体的国家集团。

这所一切都离不开经济的几个部门的多重增长。首先期涉及到机械工程、机床制造、电子、微电子，所有这些相关高科技领域。换句话说，苏联以苏联公民几十年无私劳动为代价所寻求和实现的东西，俄罗斯将不得不在未来最多5年内要完成。我不能谈论这此分阶段。我们不会有分阶段行动。最多就5年，而在军事技术领域上最多1到2年。

很明显，俄罗斯联邦的战略规划系统应该充分地考虑到今天的地缘政治方面，特别是长期方面的因素。

让我们关注影响我们战略规划的主要地缘政治因素。首先是世界秩序的转变以及有利于集体西方之外国家的影响力的重新分配。对我们来说，这是需要考虑到经济技术合作的贸易流向其他地区重新定位，并考虑到我们现在所说的友好国家的发展战略。或者说，无论如何，是我们今天正在更大程度发展并注重发展经济合作的国家。并且需要在我们的战略规划中考虑到向地缘经济战略的过渡。

世界经济中心的转移开始得更早。如果我们观察主要经济体名义上在世界总产值中所占份额的动态，我们会发现从1970年到2021年，美国的份额显著下降——从31%下降到23.9%，德国、法国的份额也重要下降。但中国和印度进入了前五名。并且，按名义国内生产总值计算，中国位居世界第二，按购买力平价计算，早在2014年就领先于美国。据伦敦经济与商业研究中心预测，到2030年，印度将超过德国，位居第三。我只列举了这些国家，但很明显，今天印度尼西亚、越南和伊斯兰世界的经济发展潜力巨大。土耳其正在成为西亚和中亚的主要参与者。

世界也正在走向多极货币制度。因此，2000年美元在世界贸易中的份额是75%，今年已经是43%。美元在国际外汇储备中的比重仍然较大，但也明显下降。2000年为72%，今年为54%。

当然，工业生产量具有代表性。这里也正在进行多年的转型，为了追求高利润，美利坚合众国实现了国家非工业化，将工厂转移到其他国家。如今，全球工业25%在中国生产，生产量大约超过美国2.5倍。尽管俄罗斯排名第四，但与中国和美国领先者的多重差距超过了2倍。

全球经济的这些变化是显而易见的，因此，我们的战略规划系统应该向世界其他地区调整方向。

我们战略规划的第二个地缘政治因素是我们需要考虑到国家结构的长期重大变化。它是从第一个因素开始的，也是世界上正在进行的制裁战争的结果。因此，俄罗斯在国际经济合作中的战略载体是由新的外交政策概念设定的。这首先是在独联体、独联体联盟国、欧亚经济联盟、上海合作组织、东南亚国家联盟、以及金砖五国。扩大与拉丁美洲和加勒比国家的伙伴关系。

我们看到对外贸易发生了什么样的变化。仅去一年，与中国的贸易额增长了29.3%，土耳其的份额增加了2倍。当然，通过它和其他国家的平行进口在这里产生了非常重要的影响。但不仅仅是它。我们已经认真开始开发联合物流项目，投资项目。

现在让我们看看我们的物流，我们的运输基础设施是否已经准备好进行贸易，经济和投资合作的重新定位。

因此，现有铁路基础设施的领土集中在乌拉尔的左侧。多年来，我们一直在制定我们的政策，专注于与西方的互动。因此，只有乌拉尔以外的关键高速公路，显然不足以解决我们面临的任务。高速公路也是如此。我们必须建设和重建南北运输走廊、西伯利亚大铁路、滨海边疆区、西欧-中国西部公路、高速公路、铁路分支和运输。管道运输也是如此。新项目面向南部和东部。但这些都是物流的巨大，大规模的变化，而不仅仅是物流。我们必须在基础设施旁边建造城市，因为企业需要劳动力资源。我们面前有一大堆任务，它们是相互关联的。它们通常是根据部门战略和计划在部门方向上解决的，不幸的是，这些战略和计划往往不相互联系。

俄罗斯战略规划中的第三个地缘政治因素是需要考虑到我们需要考虑到我们正在与之建立新关系的世界上那些友好经济体的发展战略，我们需要建立相互协调的机制或制度。

最大经济体和西方的经济发展，不仅是中国和印度，还有市场经济发达的西方国家，都是基于其中的战略规划体系。很明显，加强与中国、印度和土耳其的经济伙伴关系不仅涉及到考虑这些国家的发展战略，还涉及制定一种机制，将我们的战略目标与这些国家结合。没有这一点，就不可能达到最大的经济效果。

例如，俄罗斯和中国需要就军事技术、核能、太空等关键领域的双边合作进行广泛而详细的共同规划。与其他国家的互动也有类似的发展潜力。比如，中印两国都有统一的国家长远发展战略，都有共同的五年规划。我们还没有一个完整的国家发展战略规划体系，没有统一的规划。有预测，有部门和地区战略。据俄罗斯审计院估计，有6万种不同的策略。很难将它们与中国或印度的发展战略结合起来。

这就产生了建立一个跨部门的战略规划协调机构的问题。我们并不在谈论国家计委的复兴。关键是，如果没有国内战略规划的集中协调，没有集中体系的垂直整合机制，没有与其他国家相关机构的互动，在解决这些地缘政治问题上几乎不可能实现互动协调。

在所有发达经济体的当局系统中也有类似的协调机构，在美利坚合众国此是总统领导的机构。中国和印度都有相关机构。印度非常积极地使用现代战略分析和规划机制。它们结合了长期规划20-25

年，中期计划五年和当前计划一年度。印度考虑到了世界的经验，当然也考虑到了苏联的经验。五年计划发挥了主要作用。因此，如果我们谈论扩大与各国的合作，我们需要考虑到我们的战略规划系统是如何相互联系，并找到互动，控制，监测，执行既定计划，实现既定目标的机制。

俄罗斯战略规划中的第四个地缘政治因素是需要考虑到世界主要经济体向超国家地缘经济战略规划的过渡。虽然其他国家也有地缘经济战略项目，中国今天在这方面发挥着主导作用。2013年中国启动了全球地缘经济项目«一带一路»，其项目由两个项目组成：丝绸之路经济带和海上丝绸之路。中国的«一带一路»项目被列入中国政府制定的战略任务，并被纳入国家五年发展规划。也就是说，这不是某种未来战略，而是一种已经转变为当前计划的战略，包括年度计划。

在俄罗斯，这样的地缘经济战略项目可以而且正在逐渐成为北极地区的开发计划。此发展领域是符合新的外交政策概念，将北海航线发展为有竞争力的国家运输动脉，而且有可能将其用于欧洲和亚洲之间的国际运输，运输时间将变更短，成本也将变更低。

我们还有其他地缘经济战略规划的机会。这是一条交通走廊，特别是南北交通走廊。最后，总而言之，我想说的是，地缘政治现实对我国经济管理提出了新的要求。首先，因为任务的规模对俄罗斯来说至关重要。这需要加强单一决策中心的作用，并为此创建必要的管理和方法体系以及垂直整合的基础设施。

第二，在国家战略规划体系中，在全国范围内已经有必要制定一系列国家五年发展的长期战略规划。全面规划，结合五年的规定性和指示性方法以及一年的持续计划。

第三，粗放编制预算的限制已经耗尽。我们需要将资源集中到新的地缘政治挑战所决定的领域。为此，预算必须成为实施国家战略计划的重要工具之一。

最后一个，第四，有必要确保俄罗斯战略计划与新的地缘政治伙伴的互动发生转变，不是用东方或南方的进口替代失去的西方进口，而是实施联合项目，包括经济项目。

俄罗斯金融部门在不断变化的全球金融体系

戈洛夫宁：在不断变化的条件下（在报告范围内）不可能涵盖与俄罗斯金融部门相关的所有问题。我将集中讨论与这一部门的开放性有关的问题。当然，这里的核心作用是对俄罗斯实施的制裁。其导致了资本流动几乎完全堵塞。即使在没有直接实施制裁的情况下，例如，对于已经进行的一些直接投资，我们也观察到了所谓的外国公司自愿退出俄罗斯的过程。

有一个总体指标表明经济的金融开放程度。它的计算很简单 - 作为进入俄罗斯的直接投资和其他投资的总和和离开俄罗斯的投资，因为该国既是资本的出口国又是资本的进口国。因此，为了考虑两种类型的流量，将它们相加。这是国际方法论中采用的方法。

此指标显示了什么？2007-2009年危机前，我们参与国际资本流动达到顶峰，随后急剧下降，文献中称之为“资本流动骤停”。然后2014-2016年在我们这里发生了危机，第一制裁，我们看到指标从此到2020年显著严重下降。

然后一个有趣的观点：在2021年，我们的资本流动突然增加，并且在2022年增加。为什么这不是自相矛盾的？从绝对数字来看，流量

确实很大，但在2022年，俄罗斯的资金几乎完全流出，流入完全是由于资产减少。换句话说，这些不是俄罗斯经济的新外国投资，而是我们的经济代理人分别从国外撤出的资产。

现在让我们来看看与金融部门参与开放经济相关的主要组成部分。第一个与金融交易无关，但非常重要。金融部门进行计算。我们就在进行外贸结算方面遇到了重大问题。我们看到了这些计算的货币结构的有逻辑的变化。我们看到了，有时即使是一个数量级，人民币的份额在2022年中增加，卢布的份额也显著增加。很明显，这是由于美元和欧元的份额减少了。至于其他友好国家的货币，它们的份额没有发生重大变化，这是有客观原因的。一方面，这些货币对俄罗斯卢布没有流动性市场，不像人民币市场，因为它现在实际上是俄罗斯外汇市场的主要市场，逐渐挤出卢布和美元。另一方面，这些是在各自国家使用的限制。我们都很清楚与印度的外贸结算问题，包括与该国存在严重的货币限制相关的问题。

现在，关于俄罗斯的国外和国内投资。

我们在国外大幅增加了投资，但我们不应将其完全视为一种消极现象。我提醒大家，在2022年有一个非常明显的国际收支经常账户的正余额，它从2021年的122十亿增加到233十亿。我们实际上无法增加储备资产，只能在一定程度上使用友好货币。因此，引导资金的唯一选择是资本外流。当然，在这里，向友好国家的外流也发挥了作用，即使在制裁下，风险也要减少得多。当然，这部分和纯粹的形式是资本外流，但服务外贸活动有关的业务也非常重要，正如我已经提到的那样。

同时也出现了单独的项目，这对于建立对友好国家资产的投资是很重要的因素。例如，圣彼得堡交易所与阿斯塔纳金融中心开设了一个联合项目。甚至俄罗斯阿尔法资本平台也因此获得了印度外国投资证券投资者的地位，有机会投资相关资产。越来越多的资产以及友好国家的货币（主要是人民币）计价，相应地，投资者资产多元化的机会也出现了。

当然，关于吸引来自国外的投资，情况是可悲的，但也没有特别的需要：我重复关于经常账户盈余的命题。

俄罗斯股票在国外出现了重大问题。事实上，目前正在国外交易平台进行退市。然而，他们试图在同一时间切换到友好的平台，已经有例子，当阿斯塔纳金融中心刚刚通过我们公司的全球存托凭证上市。他们没有在俄罗斯注册，但我们很清楚这些是俄罗斯公司（包括俄罗斯农业集团），现在正试图通过其他司法管辖区筹集资金。

接下来我们可以期待什么？当然，资本离开俄罗斯后，资本流动将会枯竭是合乎逻辑的预期。从一方面，这有可能并不是不好的现象。事实上，在此之前，我们的证券市场很大程度上是建立在非居民资本的基础上的。也许时间到了创建一个以国家资本为基础的证券市场了，对友好国家的资本保持开放当然很重要。

在外贸结算方面，人民币的比重很可能会继续增长。然而问题是，这对于与第三国的贸易有多大影响，但总的来说，改用人民币支付的选择是大有可能的。当然，一个有前途的方向是使用中央银行的数字货币，但这离实际实施还是很远，关键的是为这些货币提供兼容的平台。

还有一个非常微妙的一点：我们的交易对手需要不受到二级制裁。这一方面涉及到了俄罗斯发行人的证券进入友好国家的证券交易所，从另一方面也涉及到了俄罗斯投资者在欧亚金融一体化新机遇下投资友好国家资产的可能性。

去年，尽管遇到了各种困难和限制，但表明整合存在于基层，并且已经开始发挥作用，尽管是以开户等意想不到的形式，而现在，在我看来，整合是有机会再进一步的发展。

全球动荡背景下的南亚经济：突破与危机之间

库普里亚诺夫：在目前的情况下，当我们发现自己与西方市场、技术、投资隔绝时，没有必要解释为什么南亚经济对我们很重要：事实上，我们还剩下两个关键的潜在合作伙伴——中国（世界第二经济体）和印度（世界第五经济体）。此外，如果中国本身现在正处于与美国脱钩的过程中，即部分受到制裁，并且很可能将继续在制裁之下蠕动，那么印度则相反，被美国、欧洲视为日本作为主要合作伙伴之一，愿意在其中投资资金和技术，以在中国南部边境建立一种制衡，成为对抗中国影响力增长的堡垒。

对于俄罗斯来说，这打开了一扇机会之窗，因为现阶段的印度当局并不打算成为美国的附庸，他们的策略也很简单，就是从西方获取最多，向西方给予最少。也就是说，理论上我们现在可以利用印度作为一种枢纽、一个转移中心，通过它我们可以接收西方技术、投资并将我们的商品出口到西方市场，现在这已经发生了。

西方和我们的媒体报到，印度经济无法消化目前流向那里的所有巨大石油量；最终，印度基本上将它们重新出口：要么直接将它们发送到西方，要么以加工形式。

这个过程正在朝着相反的方向进行，但很混乱，因为我们从印度获得投资、技术和西方商品，但这些进口的大部分大部分是隐藏的，因为没有一家印度公司希望落入二级西方制裁，所以我们从印度得到的一些东西会与第三国进行贸易。这些国家主要是埃及、中国、阿拉伯联合酋长国、伊朗和土耳其。

印度出口商当然害怕，因此大型印度公司与我们的互动非常糟糕，主要是中小型公司，这些公司不怕风险，愿意从大公司的角度采取相当冒险的行动。而且这个过程会增加，因为俄罗斯的制裁不会取消的，并且为了至少部分地使这个过程合法化，降低成本，有必要了解南亚经济总体上如何运作。

首先要理解的是，当我们总体上看到印度经济和南亚经济时，我们只看到冰山一角，因为这个经济体中有一个巨大的，巨大的影子部门。它的确切数量不能由国家自己计算，因为例如，根据官方数据，巴基斯坦经济的影子部门的比例从35%扩大到40%，根据非官方数据，从50%扩大到92%。

在印度，截至2022年1月份，根据中央统计局的数据，整个经济的53%处于影子部门，整个农业部门的97%，建筑业的75%和所有贸易的87%。而在该地区的所有国家约90%的劳动力就业在影子部门。这个部门有自己的银行系统即著名的哈瓦拉，基于信任关系，汇款通过它，包括国外，国家政府不以任何方式控制它。数字的差异并不奇怪，因为影子经济是一个脉动的东西。例如，当国家成功地结合了皮鞭加蜜糖饼干政策，提供了便利的金融服务，并威胁不使用它的报复时，很明其会被使用它，影子经济的数量就会减少。如果成本变得太高了，就会有解决方法绕路。

这到底意味着什么？事实上，南亚国家只收集在其土地上生长的所有东西的顶部。在印度，所得税由总劳动年龄人口的12%支付。国家正试图与此作斗争，但到目前为止没有成功。这场斗争的最新例

子是2016年的货币改革，当时在两个月内，甚至更短时间，政府紧急退出流通所有500和1000卢比的纸币，即整个货币供应量价值的85%左右。此外，那些交出大笔款项的人必须提交收入申报表或纳税。结果相当可悲，因为它没有以任何方式影响影子经济，执政党最终失去了很多人气，从那以后政府变得更加谨慎。很明显，这样的经济体系有它的利弊。好处是，任何政府的决定，无论多么不成功，都不能拖累经济。而缺点是，这种经济的运作脱离了国家，不允许它积累资金来解决任何具体问题。

南亚国家如何应对当前危机？中小国家现在正经历一个非常困难的时期，因为它们主要专注于生产轻工业产品并向西方市场出口。此外，它们连接成一个单一的生产综合体：例如，印度和巴基斯坦是排名前五的棉花生产国，然后棉花被运往劳动力成本较低的孟加拉国和斯里兰卡，衣服在那里缝制并出口到西方国家市场。孟加拉国几乎90%的出口产品是纺织品，销往欧洲。新冠疫情对南亚轻工业部门造成了非常大的打击，因为首先，封锁期间产量下降，其次，西方消费者明显减少了纺织品的购买量，尤其是昂贵的纺织品。该行业开始慢慢地复苏，然后在2022年，印度的干旱和巴基斯坦的洪水遭受了新的打击。结果，斯里兰卡发现自己陷入了危机，那就是新冠期间游客流量不足更是雪上加霜。巴基斯坦实际上已经一只脚踏入了这场危机，而孟加拉国现在正摇摇欲坠。在很大程度上，最后两个国家之所以免于陷入危机，只是因为外国投资（主要是中国投资）的大量涌入。

印度的情况则完全不同。由于其规模和多样性，这个经济体不会受到如此剧烈波动的影响。印度经济存在着其他方面的问题。21世纪头几十年，印度经济快速增长，GDP增长率接近10%。这主要得益于服务业的快速增长。从那时起，增长率几乎永久地逐渐下降。这还不是经济下降，而是一个信号，表明当前由服务出口确保增长的经济模式已接近枯竭，特别是在可能发生全球危机的背景下。

印度经济还面临一些结构性挑战。首先，人口压力。印度人口持续增长，根据各种消息来源，每年大约有10-1500万年轻劳动年龄人口涌入市场，而经济最多只能吸收7-800万，也就是说，有盈余形成的要么移民，要么隐藏在隐性失业中，因为印度的官方失业率是8%，非官方失业率在30%左右，其中包括那些没有固定收入、依靠日常工作的人口。

其次，这是人口的贫困。根据官方数据，约33%的印度人口每天的生活费不足一美元。印度肥沃的土壤正在枯竭，主要是在人口压力的条件下印度恒河平原的土壤。印度进行了两场绿白革命，摆脱了两个世纪以来笼罩在其头上的饥荒幽灵之后，从这两次革命中获得的安全边际似乎已经接近耗尽。去年的结果就表明了这一点，当时，由于干旱，小麦收成大幅下降；由于季风来得晚，水稻生产开始出现问题；结果，印度政府被迫推出了一项减产计划。禁止出口小麦和碎米。虽然印度不是小麦最大出口国之一，但在大米出口方面却位居第一，而印度对其主要出口项目之一实施临时禁令意义重大。

第三，政治不稳定。现在印度的自发城市化仍在继续，中产阶级的数量正在不断增长，在印度，中产阶级包括所有年收入在50万至300万卢比的家庭。卢比现在比卢布稍微便宜一些。你自己可以根据印度的计算大致算出什么是中产阶级。这是一个每月总共收到约47,000卢比的大家庭。这是一个家庭，通常是由父亲、母亲和几个孩子组成，而不仅仅只有一个孩子的家庭。表面上，这是中产阶级，但事实上，这是一个贫穷的中产阶级，他们一是相当爱国，二是保守，三是视印度“中上层阶级”为主要敌人。莫迪称KHAN

MARKET GANG为来自Khanmarket的帮派，即那些与印度前政权有联系的人，即印度国大党政权。

村里的紧张局势正在加剧。右翼正在积极利用这一点，他们呼吁正义感及国家的伟大。印度现在基本上分为两派：一派是旧的、更世俗的道路的支持者，另一派是新印度的支持者，后者更右翼，更倾向于依赖印度教作为文化基础。

印度政府正以某种方式试图释放这台锅炉的蒸汽，现在正押注于一项雄心勃勃的经济发展计划。它预计美国与中国之间的对抗将会加深，西方将帮助印度成为中国的替代品，即生产链总体上是以替代中国的位置而建立起来的。西方企业迫于政府压力，将离开中国前往印度，因为印度离中国很近，并且拥有廉价的英语劳动力。总的来说，从各方面来看，印度都是一个有利进入的平台。

问题是印度的基础设施并不发达。现在莫迪正在积极实施该项目，以更快的速度创建它。该计划被称为萨加马拉，它涉及开发集装箱港口，修建运河以及将它们与铁路和公路连接起来，也就是说本质上这就是罗斯福新路线的一种类比，因为一方面，它可以让你吸引投资，另一方面，它可以为每年积累的剩余劳动力提供就业机会。这是一个非常雄心勃勃、风险巨大的计划，而且已经遭受了多次挫折。因为，例如旨在使农业部门走出阴影，提高其生产力，将传统经济转变为资本主义经济的土地改革，在大规模抗议的影响下，最终以当局的让步而告终。并且改革被取消。但这种策略有非常大的安全边际，包括由于规划机制本身的变化。

截至2017年，印度不再制定五年计划。印度目前在实施“3-7-14”的计划。也就是说，3年是值得具体规划，7年是总体战略，14年是一种愿景。

总体说，如果莫迪的计划成功，那么印度大有可能一切都会好起来，到2040年印度确实会成为世界第三经济体。如果由于某种原因，该计划在内部失败，比如执政的印度人民党陷入政治危机，或者外交政策条件发生变化，比如美国和中国找到共同点，那么该战略就会以失败告终，印度经济将陷入衰退，并将拖累南亚所有经济体。

俄罗斯能做什么？

现在我们可以利用与印度合作给我们带来的机遇。印度允许我们的石油和化肥进入亚洲市场，对印度经济和农业产生有利影响。也就是说，印度作为货物运输国获得了自己的份额。很明显，就我们而言，我们可以以比之前更高的价格获得了必要的商品、技术和投资。

进一步的合作取决于印度对这一突破的押注效果如何。如果她上场，我们就能抓住印度经济的机会，并以某种方式提升自己。如果失败了，那么我们也可能会帮助印度免于崩溃。

СОБЕСЕДНИКИ:

Ван Вэнь,

директор Института финансовых исследований Чуньян Китайского народного университета, сопредседатель Экспертно-делового совета ВЭО России и Международного Союза экономистов по вопросам развития российско-китайского сотрудничества, эксперт Валдайского клуба

Сергей Дмитриевич Бодрунов,

президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор ИНИР имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН

Син Гуанчэн,

директор Отдела стратегических исследований Китайского центра по исследованию современного мира при Международном отделе Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК)

Сергей Юрьевич Глазьев,

член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН, вице-президент ВЭО России

Валерий Анатольевич Крюков,

директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, академик РАН

Ли Динсинь,

директор, научный сотрудник отдела стратегических исследований Центра исследований современного мира Международного отдела ЦК КПК

Александр Владимирович Ломанов,

руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, профессор РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

13–16 апреля 2023 года состоялся визит делегации ВЭО России и Международного Союза экономистов (МСЭ) во главе с Сергеем Бодруновым, президентом ВЭО России, президентом МСЭ, директором ИНИР имени С.Ю. Витте, членом-корреспондентом РАН, в Пекин. Делегация ВЭО России и МСЭ была приглашена Институтом финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета. Организаторы: Китайский народный университет, ВЭО России, МСЭ и ИНИР имени С.Ю. Витте. Материал подготовлен по одному из мероприятий — XI Китайско-Российскому экономическому диалогу, печатается с сокращениями.

Полностью материалы всех мероприятий с участием российских экономистов в Китае собраны в издании ИНИР имени С.Ю. Витте «Международный форум “Большое Евразийское партнерство — базовая платформа для формирования перспективного мирового экономического порядка” и XI Китайско-Российский экономический диалог» — смотрите на сайте inir.ru.

Владимир Львович Квинт,
заведующий кафедрой экономической и финансовой
стратегии Московской школы экономики МГУ
имени М.В. Ломоносова, член Правления ВЭО России,
член Президиума Международного Союза экономистов,
иностраннный член РАН

Лю Суй,
научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского
института Китайского народного университета

**Дмитрий Аркадьевич
Митяев,**
член Бюро Научного Совета РАН по комплексным проблемам
евразийской экономической интеграции, к.э.н.

Ван Вэнь: Позвольте сказать, что китайско-российские отношения важны для отношений между всеми крупными державами. Эта проблема существует и в России, и в Китае, мы во многом находимся под влиянием Европы и США. Я был в России много раз, и я также думаю, что здесь слишком много проамериканских и проевропейских фракций и, конечно, много проамериканских фракций в Китае. Существует в связи с этим определенное общее между Россией и Китаем. Но всегда есть некоторые ученые, которым это не особенно нравится.

У всех нас есть очень важное желание, которое заключается в совместном продвижении экономических, социальных исследований и во взаимодействии ученых Китая и России для дальнейшего понимания и признания друг друга, потому что китайско-российские отношения имеют хороший потенциал. Если их развивать, наш годовой объем торговли в 2023-м вырастет более чем на 20–30%. В прошлом году он составил 190 млрд долларов. Сегодня есть большая вероятность, что объем достигнет 250 млрд долларов. В следующем году, если мы продолжим развиваться такими темпами, он превысит 300 млрд долларов. Высока вероятность, что к 2030-му товарооборот между Китаем и Россией может составить 400 млрд долларов и даже больше — по некоторым оценкам, более 450 млрд долларов. И достигнет уровня торговли с США. Почему? Китайско-американская торговля сокращается. В прошлом году ее объем упал с 750 млрд до менее 700 млрд долларов. Судя по темпам снижения, это означает, что в ближайшие семь лет — к 2030 году объем торговли между Китаем и Россией, скорее всего, сравняется с объемом торговли между Китаем и США. Это вполне возможно.

Таким образом, китайские и российские ученые должны активно содействовать сотрудничеству и обменам, а исследования и диалог между их аналитическими центрами также должны продолжать продвигать и поддерживать связи между странами. Тема сегодняшнего обсуждения — «Большое евразийское партнерство: базовая платформа для построения перспективного мирового экономического порядка». В этом сотрудничестве, однако, много очень слабых мест. Например, Китай и Россия будут торговать в долларах США, так как базовая финансовая инфраструктура между нашими странами еще не налажена. У нас есть свой SWIFT? Нет. Наши чипы очень слабы. Китайско-российская торговля продолжает расти, а железнодорожных и автомобильных путей не хватает: железнодорожных путей всего три, протяженность китайско-российской границы в Синьцзяне — более 50 км, но на этом участке нет прямой железной дороги — только три железнодорожные ветки. Я был на двух из них — они перегружены. Иными словами, торговля между Китаем и Россией должна расти, и речь не идет о том, кто импортирует, а кто экспортирует, — наших технических условий, автомобильных и железных дорог не хватает, как и нефтепроводов и газопроводов. Поэтому наш коммуникационный канал очень и очень важен.

Бодрунов: Развитие обменов между Россией и Китаем — это не только развитие торговли. На мой взгляд, мы должны в первую очередь сосредоточиться на научно-техническом сотрудничестве. Почему это особенно важно в настоящее время? Потому что момент, который мы переживаем сейчас, как сказали наши национальные лидеры, — это переходный период, переходная ситуация в мировой экономике. В настоящее время формируется мировая парадигма, в основе которой — новый технологический уклад. Статус определенных людей, стран или сил в мире очень важен, и они не откажутся от своего лидерства, будут сопротивляться, сохранять его путем объединений или иным образом, и новые центры развития займут свое место.

Наша задача — найти такие механизмы, которые позволят нам более комфортно перейти в новое состояние общества. Хотя мы сталкиваемся с противодействием, Китай и Россия вместе являются новым центром мира. Это требует от нас комплексного подхода, включая исследования и разработки технологий, укрепление инфраструктуры, внедрение их на практике. Нам необходимо создать новые идеи сотрудничества, которые должны быть основаны на общечеловеческих ценностях. Эти ценности также должны базироваться на концепции общего будущего для человечества, выдвинутой Китаем. Все эти идеи являются

теоретическими, но — также и практическими. Поскольку нет лучшей теории, чем проверенная на практике. С участием ученых и практиков мы должны выработать прагматичные решения и активизировать наши усилия в этом отношении.

Я хотел бы выразить особую признательность господину послу Чжан Ханьхуэю за помощь. Дело в том, что кратно выросло число россиян, которые хотят приехать в Китай, по мере того, как мы перестраиваем механизмы для взаимных решений для более удобного взаимодействия, включая цифровую экономику, финансы, построение технологической инфраструктуры, включая космос и транспорт. Объем двусторонней торговли Китая возник не на пустом месте. И теперь, с одной стороны, нужно продумать и реализовать план с точки зрения экономики, а с другой — с точки зрения технологий и права, чтобы люди могли прибегнуть к механизмам расширения объема торговли.

Син Гуанчэн: Большое евразийское партнерство — это институциональная схема, предложенная Россией для стран Евразии. Это очень новая идея. Россия выдвинула ее несколько лет назад, а сейчас ситуация сильно изменилась. Конфликт между Россией и Украиной продолжается. США и западные страны, а также Япония, пытаются сдерживать Россию по всем направлениям. Это принципиально новая ситуация. Я понимаю, что, если мы хотим говорить о евразийском сотрудничестве, есть четыре вопроса, на которые мы должны обратить внимание на несколько вещей.

Американцы говорят, что тот, кто контролирует евразийский континент, контролирует мир. Поэтому они с большой гордостью утверждают, что контролируют Евразию и без там ничего не сделать. Это очень четкая точка зрения американских ученых, и ее нужно иметь в виду. Европа плюс Азия плюс Южно-Тихоокеанский регион. На мой взгляд, это общая евразийская концепция. Россия исключает из евразийского пространства Западную Европу, но сама Россия — это Европа и Азия. Так что все зависит от того, какую основу мы берем.

Китай предлагает миру сообщество с общим будущим для человечества. Эта идея является глобальной. Мы предлагаем мировую платформу, которая выражается также в инициативе «Один пояс, один путь». Китай строит «Один пояс, один путь» в прилегающих к нему районах и строит сообщество с общим будущим для человечества. Когда он налаживает отношения с соседями, то включает сюда и Россию. Таковы наши мысли.

Еще одним важным моментом, если смотреть на него с широкой точки зрения, является ключевое сотрудниче-

ство между странами АСЕАН и Китаем. Это очень важный аспект китайской инициативы «Один пояс, один путь». В рамках АСЕАН, ВРЭП (Всестороннее региональное экономическое партнерство) мы серьезно углубляем сотрудничество. Это также аспект, который беспокоит США с экономической точки зрения.

У нас — глубокое сотрудничество с Европой, которое заключается в том, чтобы сломать разные меры, введенные США и Европой в отношении Китая. Если она не будет идти в ногу с Соединенными Штатами или дистанцируется от них, у Китая появится очень большая стратегическая возможность для подъема. Поэтому наш «Один пояс, один путь» и углубленное партнерство с ЕС имеют стратегическое значение. С этой точки зрения Европа также готова сотрудничать с нами, я имею в виду и недавний визит президента Макрона в Китай. Когда мы сейчас говорим об этом, нам особенно необходимо обсудить с нашими российскими друзьями то, что ваш план сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства очень хорош, а как отношения с Европой? Ведь Россия и Европа находятся в состоянии конфликта. На ваш взгляд, это состояние временное или долгосрочное? Если проблема не будет решена, отношения между Россией и странами Запада или Россией и странами Европы все равно будут полномасштабной конфронтацией.

На мой взгляд, Большое Евразийское партнерство, которое хочет построить Россия, состоит в том, чтобы исключить Западную Европу, то есть развитую часть.

Есть и другая проблема: если Китай и Россия будут сотрудничать, Россия и Запад еще больше разойдутся по украинскому вопросу. И даже если Россия будет напрямую конфликтовать с Европой и НАТО, США и Европа еще более ожесточенно заставят некоторые евразийские страны выбирать чью-то сторону. Двусторонние отношения между Китаем и Россией сильно пострадают, и сейчас они уже испытывают негативное влияние. Это — не вопрос конфронтации между Россией и Западом, это вопрос гегемонии Запада, особенно США, которые требуют принятия какой-либо стороны. Этот вопрос очень неопределенный, который нам нужно изучить.

Есть еще вопрос: сможет ли Россия вернуться на Восток? Как насчет скорости и масштаба этого поворота? Я не думаю, что он произойдет в ближайшее время. Дело не в лозунгах: Россия очень слаба в Сибири и в кадровом, и в технологическом, и в рыночном плане. Думаю, российские ученые тоже очень подробно исследовали Дальний Восток и Сибирь, которые выполняют миссию дальнейшего подъема вашей страны. Но это как раз слабое

звено России. Она не может изменить свои многовековые связи, я думаю, это очень сложно и связано с построением отношений между Россией и Западом.

Если Россия действительно хочет реализовать свои стратегические интересы в незападном мире, в пространстве Евразии, я думаю, нам нужно решить важные проблемы с системным сотрудничеством. Первое — России нужно помочь Китаю вместе прорвать российскую блокаду со стороны Западной Европы, то есть использовать мощь Востока: не только Китая, но и Южной Кореи и Юго-Восточной Азии. Очень важно, чтобы мы продолжали сохранять пространство России, Азии и Европы, особенно Западной Европы, его транспортные каналы или трубопроводы должны быть разблокированными. Это очень реалистичный аспект прорыва блокады России. Это необходимо сделать, сейчас это нарушено. Система «Восток — Запад» должна быть создана, и то, что мы называем взаимосвязью, должно продолжаться.

Во-вторых, я хотел бы предложить следующее: Россия и Китай должны построить стратегический канал «Север — Юг»: во-первых, по побережью России, от Владивостока через Корейский полуостров, Ляонин на северо-востоке Китая, до Юго-Восточной Азии. Второй путь проходит по середине России: это Сибирь в России, Синьцзян в Китае и Средняя Азия. С помощью существующего китайско-пакистанского экономического коридора он выходит к Индийскому океану, который может привести в Индию. Таким образом, у нас есть два стратегических канала с севера на юг, которые являются двумя очень важными аспектами для прорыва российской осады со стороны Запада. Хочет ли Россия рассматривать этот вопрос? Если да, Россия и Китай, Россия и Индия, а также Юго-Восточная Азия сформировали бы единую сеть «Восток — Запад» и «Север — Юг». Если так, то в ближайшие десять-двадцать лет провалится стратегический замысел осады России.

Это может быть очень полезно для развития Евразийского региона. Мы должны внимательно изучить эти вопросы, чтобы увидеть не только нашу неоднородность, но и реальные возможности. Должны ли мы использовать сейчас различные инструменты, такие как Большое Евразийское партнерство, «Один пояс, один путь» в Китае и других странах, а особенно сотрудничество между Россией, Китаем и прибрежными районами Юго-Восточной Азии. Это очень активное направление, и российская сторона должна его учитывать. Если китайско-пакистанский экономический коридор будет продлен на север, я хотел бы предложить своим российским друзьям использовать западную часть Китая,

наш Синьцзян, Казахстан и Западную Сибирь как каналы экономического сотрудничества через порты. Россия, Казахстан и китайский Синьцзян находятся близко друг к другу и лучше связаны с китайско-пакистанским экономическим коридором.

Глазьев: Выступление профессора Син Гуанчэна для меня — взгляд на восток. Это уже далеко от плакатности и лозунговости, такой разворот уже совершился, товарооборот между Евразийским экономическим союзом и Китаем растет. И я верю, что эта тенденция будет неуклонно развиваться. Начиная с 2015 года происходившие события сильно ускорили эту торговлю, и можно не сомневаться, что эта тенденция сохранится. Китай является нашим крупнейшим торговым партнером, и постепенно структура внешней торговли также диверсифицируется. Давайте посмотрим на кардинальные изменения, которые произошли в прошлом году: товарооборот России со странами Запада и Японией сократился, это одна сторона, а другая сторона — это объемы торговли с нашими партнерами. Если вы посмотрите на весь ЕАЭС — объем торговли с Китаем составляет 260 млрд долларов. Вес недружественных стран уменьшился на 13%, зато с дружественными — увеличился симметрично — на 13%. Китай уже является крупнейшим торговым партнером России, и эта тенденция будет нарастать.

Далее я представлю вам концепцию, наше долгосрочное видение и взгляды. Сейчас мы переживаем технологическую революцию. Согласно теории, они всегда происходят через депрессию. Пытаясь сохранить свое господство и ослабить своих конкурентов так же, как англичане, которые спровоцировали Первую мировую войну между Россией и Германией 100 лет назад, американцы спровоцировали войну сейчас. Западная геополитика в своем самом примитивном изводе успешно повторяется: они действительно считают, что ключ к управлению миром лежит через Евразию.

Стратегия США по ослаблению своих геополитических конкурентов проходит через несколько этапов: этап развязывания войны в Европе уже пройден. И здесь поправлю коллег: война на Украине — это не война между Россией и Украиной, а война между Западом и Россией. Украинский национализм культивируется американцами на протяжении многих лет. Украинцев использовали как пушечное мясо в этой войне. Я понимаю всю сложность этого процесса: на Запад в первую очередь ложится бремя того, что Соединенные Штаты должны сохранить свою глобальную гегемонию. Они следуют многоступенчатой концепции — отделить Европу от России, подчинить Россию, уничто-

жить Иран и, наконец, изолировать Китай как главного геэкономического противника. Им это не удастся. На этот раз США проиграют, поскольку они потеряли свое главное преимущество — эмиссии мировой резервной валюты. По нашему прогнозу, мы достигнем важного поворотного момента в гибридной войне в 2024 году, потому что, хотя военный бюджет Запада — в 10 раз больше, чем России, они не могут достичь своей цели сохранения мировой гегемонии: поскольку они уже проиграли экономическую войну, мы считаем, что мир перешел в новую форму управления.

Я не буду подробно останавливаться на разнице между либерализацией и глобализацией, но это означает, что в новом мирохозяйственном укладе задача государства — концентрация всех ресурсов для повышения уровня и качества жизни людей.

Мы используем национальные валюты для расчетов вместо долларов США. Это уже показывает, что США потеряли свое доминирование.

Таким образом, на смену глобализации придет сотрудничество между различными странами, а не либерализация торговли. Именно сотрудничество на основе совместных инвестиций позволит странам реализовать комбинацию преимуществ. Государство регулирует цены, осуществляет промышленную политику, заботится о росте трудовых доходов, активно охраняет окружающую среду, и словом, стремится к достижению социальной гармонии и защиты всех слоев общества. Этот новый тип производственных отношений находится в Китае. Поэтому Китай становится мировым лидером.

В этой новой системе управления государство получает наивысший морально-этический приоритет. В этот период под его целеполагание должна подводиться строгая система ценностей. Государства сохраняют свою социальную функцию, восстанавливают суверенитет, поймут ответственность за поддержание мира, защиту цивилизации. КНР сегодня, осмыслив и приняв выверенную систему нравственных императивов социально-экономического развития, реализуют именно такую политику, стремясь гармонизировать государственные и частные интересы во имя роста общественного благосостояния.

Все прогнозы показывают, что значение Китая и азиатского центра мирового развития будет расти. Продукция, производимая государствами Юго-Восточной Азии, теперь лежит в основе мировой экономики. Китай, Индия и другие страны, в том числе страны Юго-Восточной Азии, будут полностью доминировать в мировой экономике и мировой торговле.

Таким образом, США пытаются сохранить свою гегемонию и заниматься гибридными войнами, как это делала в свое время Великобритания. Но у них ничего не получится — не потому что у них нет силы, а потому что у них все строится на старой парадигме мышления, игре с нулевой суммой, получении выгоды через чужие интересы, эксплуатацию других стран, навязывание своих интересов. Но она уже не действует: США разрушили международное право и не являются больше эмитентами мировой резервной валюты. Мир стремительно уходит от этой имперской системы.

В то же время в мире происходит технологическая революция. Современная научно-техническая парадигма базируется на нано-, био- и информационно-коммуникационных технологиях. Это точка роста. Мы считаем, что после того, как кривая Кондратьева поднималась более десяти лет, Китай и Индия смогли создать ядро новой технологии у себя, Россия по ряду технологий скоро вырастет до 5–6% в мировой доле, а другие страны могут внедрить передовые технологии нового уклада за 20 лет. В результате страны Юго-Восточной Азии на фоне уходящего мирового порядка продолжают расти.

С возвышением Китая будет установлена новая глобальная парадигма и американской гегемонии придет конец. В этой новой экономической парадигме президент Владимир Путин выдвинул идею «Большого Евразийского партнерства». Конечно, нужно согласиться с тем, что сказал Син Гуанчэн: в Большом Евразийском партнерстве нет ни Европы, ни Японии, но войну в Европе затеяли американцы, что вернет европейцев к разуму. В кондратьевском цикле к власти придут демократические люди, они будут рациональны и прагматичны, они будут формировать товарищества.

Взаимная выгода — очень важный фактор. Мы видели, что инициатива Китая «Один пояс, один путь» очень интересна и в рамках этой концепции будут производиться инвестиции в будущее. Учитывая сравнительные преимущества конкуренции в разных странах, проекты «Одного пояса, одного пути» должны быть адаптивными, чтобы позволить нам двигаться вперед.

Наконец, я хотел бы ответить на еще один вопрос академика Син Гуанчэна: мы готовы соединить Евразийский экономический союз и «Один пояс, один путь», чтобы сделать их надежной, устойчивой и решающей платформой и инициативой на ближайшие несколько десятилетий. Для нас стабильность и устойчивость, приверженность новой экономической парадигме состоит в том, чтобы соединить эти два проекта, включая перевод расчетов на националь-

ные валюты, создание совместных институтов развития, а также интеграцию финансовых рынков. Очень интересно организовать единое цифровое пространство для обращения валюты, что в итоге приведет к единой международной расчетной валюте, выгодной и Евразии, и всему миру.

И наконец, о сетевой безопасности: американцы пытаются использовать свое господство для злоупотребления долларом в валютно-финансовой сфере, включая информационные технологии, запрещают экспорт современных технологий и активно занимаются кибертерроризмом. У Китая уже есть прочная технологическая база в этом контексте. Уместно с ее использованием поставить вопрос ребром: либо США отказываются от кибертерроризма, прекращают кибератаки, либо мы оставляем за собой право контролировать продукты, товары и технологии, поступающие из Соединенных Штатов. Пока США не подпишут международную конвенцию о кибербезопасности, чтобы сделать свою систему более справедливой и прозрачной. Я думаю, что это будет сильно способствовать нашему сотрудничеству и развитию наших передовых технологий.

В завершение я бы хотел ответить на вопрос Син Гуанчэна в отношении того, может ли Россия полностью изменить сложившееся в истории мышление. Насколько я понимаю, имелись в виду отношения Европы с Россией, отношения с Западом. Президент Путин говорил о традиционных ценностях, и, если сравнивать российские ценности с европейскими, Китай гораздо ближе к нам. В этом нет никаких сомнений, и мы надеемся, что здоровые силы в Европе поддержат нас, в том числе в интеграции с Китаем.

Крюков: Только что представленный доклад коллеги Сергея Глазьева был очень обстоятельным. Я лишь вкратце его дополню. Мы часто говорим о проблемах регионального сотрудничества, которые заключаются прежде всего в необходимости создавать инфраструктуру, транспортную, информационную и коммуникационную, для делового сотрудничества.

В основе нашего взаимодействия не могут не лежать пространственно связанные проекты. Важно создать эффективный подход к их реализации. Нельзя не согласиться с тем, что в числе перспективных направлений нашего сотрудничества — недропользование и освоение природных ресурсов, поскольку Россия — страна, богатая природными ресурсами, а Китай является одним из их крупнейших потребителей в мире. Однако рамки подобных проектов должны быть современными. Я имею в виду, в частности, совместную работу над созданием материалов и технологий по обе стороны нашей общей границы.

Модель, основанная только на добыче природных ресурсов и их продаже на внешних рынках, не отвечает ни интересам России, ни интересам Китая. Благодаря сотрудничеству в области высоких технологий, связанных с освоением природных ресурсов, мы можем продвигать наше сотрудничество со всех сторон на более высокий уровень.

Прежде всего это касается высокотехнологичных сервисных услуг. К сожалению, в России в 1990-х годах развитие этого сектора не получило должной поддержки со стороны новых частных собственников активов в горнодобывающей отрасли. Сейчас ситуация стремительно меняется. Мы можем создать комплекс компаний, предоставляющих совместно сервисные услуги. Это позволит учиться друг у друга, а также получать новые знания, развивать уникальные навыки и компетенции. Конечной целью развития экономики наших стран является обеспечение достойных условий жизнедеятельности и благосостояния граждан России и Китая. Развивая сотрудничество, мы способствуем решению и социальных, и профессиональных, и культурных проблем.

У нас уже есть ряд успешных совместных проектов — таких как «Ямал СПГ». Россия активно развивает, например, «Восточный полигон» — сеть железных дорог и портовой инфраструктуры на Дальнем Востоке. Проблемы во многом связаны с тем, что строительство трансграничной инфраструктуры требует времени. Здесь важно выстроить систему приоритетов и согласованных шагов. Мы считаем, что было бы целесообразно чаще встречаться и обсуждать возникающие вопросы. Один из них — стыковка транспортной инфраструктуры востока России с китайскими решениями в рамках проекта «Один пояс, один путь». Было бы правильно сформировать рабочую группу для обмена мнениями.

Ли Динсинь: Позвольте мне кратко остановиться на нескольких точках зрения.

Ученые из России и Китая пришли к единому мнению: в нынешней новой международной обстановке Китаю и России необходимо дальнейшее укрепление сотрудничества в рамках консенсуса глав государств. В этом нет никаких сомнений. Уже более 100 лет, как говорят российские друзья, коллективный Запад доминирует над ситуацией, не позволяя более активно двигаться вперед евразийскому континенту или евразийской группе стран. Стратегическая логика Соединенных Штатов заключается в двойном сдерживании и подавлении Китая и России.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин заявил, что масштабные изменения, невиданные за столетие, ускорятся.

С одной стороны, трехлетняя пандемия и украинский кризис продолжают бродить, вызывая изменение или фрагментацию евразийского континента, с другой — страны евразийского континента и страны среднего размера, такие как Турция и государства Центральной Азии, обособляют группу тюркоязычных стран. Индия и большинство государств Южной и Юго-Восточной Азии не последовали за США в установлении санкций против России. Вместо этого они поддержали Россию через торговое сотрудничество, особенно это касается Ирана, крупной державы на Ближнем Востоке. Недавно Иран и Саудовская Аравия достигли исторического примирения при посредничестве Китая. Все это означает, что новая геополитическая структура евразийского континента формируется ускоренными темпами.

Для США еще больше усложнился контроль над евразийским континентом, а их способность формировать и влиять на мир будет снижаться.

Мы не должны игнорировать тот факт, что Соединенные Штаты в данный момент доминируют в одиночку. Академики Глазьев и Бодрунов подчеркивали, что США все еще имеют значительные силы в Евразии. Ряд экономических показателей прямо сейчас указывает на то, что в обозримом будущем Соединенные Штаты останутся одной из самых могущественных и доминирующих держав в мире. В этой связи к сотрудничеству между Китаем и Россией нельзя относиться легкомысленно, учитывая, что важной стратегией англосаксонских стран во главе с США и Великобританией является система сдержек и противовесов и они никогда не отказывались от провокации отчуждения по отношению к странам евразийского континента.

Я лично хотел бы высказать некоторые общие мысли и предложения.

Во-первых, мы должны следовать консенсусу, достигнутому на предыдущих встречах глав двух государств, в качестве фундаментальной основы для вывода китайско-российского сотрудничества на новый уровень. Только что академик Бодрунов предложил углубить отношения на высоком уровне между двумя сторонами. Китайско-российские отношения политически — «горячие», а экономически — «холодные». Эта проблема до конца не решена. Сейчас, когда мы находимся в очень хорошей политической обстановке, беспрецедентно укрепив статус сотрудничества, особенно когда генеральный секретарь КПК посетил Россию и главы двух государств подписали Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане

развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года.

Что касается проектов практического сотрудничества, то они должны быть реализованы в первую очередь. Следует сказать, что усилиями обеих сторон у нас больше не должно быть ситуаций, как с мостами Хэйхэ и Тунцзян, которые строились много лет, но так и не были соединены. Кому выгодна эта ситуация? Мы должны думать вместе, особенно в том, что касается Дальнего Востока и Сибири, где географически Китай и Россия наиболее близки. Мы должны укреплять обе стороны: не только приграничные, но и межрегиональные обмены. У нас так много возможных точек сопряжения: с российской стороны — Поволжье, Сибирь, с китайской — среднее и нижнее течение реки Янцзы, некоторые другие провинции, не говоря уже о Северо-Восточном регионе, где такое тесное соседство и рамочные договоренности, что нам остается только их реализовать.

Мы в Китае должны отказаться от исторически сложившейся традиции в отношении России. Хотя некоторые факторы недостаточного взаимного доверия постепенно уменьшаются, они все же существуют. Я думаю, что элитам в стратегических и идеологических кругах здесь необходимо работать вместе, чтобы свести к минимуму разногласия между двумя сторонами. Это должен быть стратегический вопрос. Как уменьшить масштаб разногласий? Мы можем укрепить доверие между двумя странами посредством тесного сотрудничества наших стратегических, деловых, информационных акторов, включая новостные и коммуникационные, а также путем общения официальных лиц разного уровня, неправительственных и государственных организаций, чтобы создать атмосферу взаимовыгодного и дружественного сотрудничества и не допустить, чтобы США спровоцировали и разделили Китай, Россию и страны Евразии, воспользовавшись каким-то удобным случаем.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин во многих выступлениях, беседах и встречах излагал наши взгляды на украинский кризис. Мы придерживаемся принципа мирного убеждения и содействия переговорам и надеемся, что на Земле настанет мир. В нашем распоряжении есть много инструментов, в том числе политических и институциональных, таких как платформа Шанхайской организации сотрудничества, где мы можем использовать соответствующие преимущества Китая и России для содействия в формировании более прочного стратегического взаимного доверия, регионального консенсуса. Состав ШОС значительно расширился. Мы должны способствовать большему консенсусу между государствами-членами, чтобы создать больше синергетических сил.

Россия может в полной мере использовать свои преимущества. Традиционные дружеские отношения между Россией и Индией способствовали тому, чтобы трехсторонние отношения между Китаем, Россией и Индией были более гармоничными, и очень важно, чтобы евразийская континентальная интеграция или Большое Евразийское партнерство образовывали более твердые гармоничные тектонические плиты, а не трещины.

Есть еще Монголия. Китай и Россия являются двумя наиболее важными соседями Монголии, обе стороны могут сотрудничать в этом отношении. Вместе мы вовлечем наши соседние страны в исторический процесс установления мира в Евразии.

В нашем сотрудничестве нам по-прежнему необходимо придерживаться ориентации на стабильность и эффективность. Наши коллеги в идеологических и стратегических кругах должны в первую очередь укреплять взаимное доверие и повышать роль коммуникации. Чунъянский институт финансовых исследований Китайского народного университета уже проделал очень важную работу, которая заключается в продвижении такого неофициального обмена. Это также демонстрирует, что университеты и институты социальных исследований наших двух сторон становятся все более заметными и важными, играют роль коммуникационного моста между двумя великими народами. Эта ситуация очень хорошо показывает, что власть общества возросла. Это также в большей степени способствует развитию связи между гражданами двух стран.

Сейчас многие ученые упомянули, что возникают ситуации, когда люди недостаточно понимают друг друга. Нам нужно больше двусторонних встреч, подобных нашей сегодня, и больше неправительственных обменов. Сегодня здесь присутствуют коллеги и друзья не только из академических, но и из деловых и общественных кругов, которые могут тесно сотрудничать, чтобы практически продвигать совместные проекты и преодолевать отсутствие взаимного понимания по некоторым вопросам.

Нам нужно формировать стратегическое или тактическое деловое понимание, то есть больше и меньше говорить.

Ломанов: Через десять дней исполнится год со дня важного события в жизни университета, в стенах которого проходит наш семинар. 25 апреля 2022 года генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин посетил Китайский народный университет. Он призвал ускорить строительство системы философии и общественных наук с китайской спецификой, создавать самостоятельную систему знаний.

К ученым было обращено пожелание брать свою страну в качестве точки отсчета, принимать во внимание запросы времени, опираться на собственную практику, решая китайские проблемы.

Призыв к исследователям брать свою страну в качестве исходной точки стал концентрированным выражением духа новой эпохи. Прежде наши научные круги исходили из приоритета западной системы знаний. Внешние формы различались, но по сути эта черта была общей для России и Китая в последние несколько десятилетий. Теперь мы прощаемся с вестернизаторской парадигмой, интеллектуальные круги в каждой из стран проходят этот путь по-своему. Настало время задать вопрос о том, можем ли мы вместе взять Евразию в целом в качестве точки отсчета для расширения нашего общего подхода. Обращаясь к выступлению профессора Ли Динсиня, могу сказать, что в этом случае мы сможем сформировать консенсус не только на уровне «верхов», то есть политических элит двух стран, но также среди интеллектуальных элит России и Китая.

Потребность в углублении нашего взаимного понимания обусловлена не возникновением какого-либо конфликта, а важностью и самоценностью совместного и вместе с тем самостоятельного поиска общих ценностей и перспектив.

26 мая 2022 года президент России Владимир Путин на I Евразийском экономическом форуме пояснил, что возникновение идеи Большого Евразийского партнерства связано не с политической конъюнктурой, а с глобальными экономическими тенденциями и постепенным перемещением центра мирового экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. Российский лидер сделал еще одно важное дополнение. Он охарактеризовал Большое Евразийское партнерство как «большой цивилизационный проект», учитывающий многообразие моделей развития, культур и традиций всех народов Евразии.

На этом фоне обсуждение вопросов соотношения регионализации и глобализации обретает большую актуальность и практическую значимость. Региональное сотрудничество в Евразии — это альтернатива старой модели глобализации или ее дополнение? Если глобализация является необратимой исторической тенденцией, нынешняя волна деглобализации представляет собой лишь временное «отступление» от этой главной тенденции. Но как долго продлится этот период? Как изменится за это время содержание глобализации? Смогут ли Россия и Китай совместно предложить общее видение процессов глобализации и региональной интеграции в Евразии, привлекательное для большого количества стран?

Недавно известные российские исследователи высказали предположение, что Китай считает себя лидером азиатской глобализации. Это «закрытый регионализм», который определяется географическими факторами. На этом фоне становится важным вопрос о ценностях, о способности поставить национальный суверенитет и культурную самобытность выше западной идеологической модели и американского «порядка, основанного на правилах». Может ли «закрытый» азиатский регионализм стать в будущем открытым для стран из других регионов, придерживающихся сходных взглядов на мировое развитие? Многие страны не хотят становиться на чью-то сторону и делать выбор между Россией и Западом, между Китаем и США. Принципиально важно, что евразийское партнерство не направлено против Запада. Оно нацелено на обеспечение нашего собственного развития и создание коллективных конкурентных преимуществ. Вместе с тем становится все труднее говорить об экономике в отрыве от политики и идеологии в ситуации, когда Запад все шире использует экономическое сотрудничество как инструмент политического и идеологического давления на другие страны.

Вчера Си Цзиньпин побывал в Гуанчжоу с инспекционным визитом, он высказал целый ряд важных соображений относительно будущего развития Китая в целом. Китайская политика реформ не изменится, страна не намерена «закрывать двери». Вместе с тем Китай как большое государство должно добиться суверенитета по ключевым технологиям, готовить кадры, укреплять собственную научно-техническую базу, не отказываясь при этом от международного сотрудничества. Эти направления не противоречат друг другу, более того, они являются составными компонентами концепции модернизации китайского типа.

Итак, первая проблема, которая заслуживает внимания и изучения, — соотношение между регионализмом и участием в глобализации, и вторая проблема — определение оптимального баланса между открытостью внешнему миру и национальным технологическим суверенитетом. Углубленное обсуждение этих вопросов поможет нам внести вклад в формирование стратегий развития России и Китая, а также в продвижение совместного сотрудничества в Евразии

Квинт: Исследованиями глобальных трендов — регионализации и глобализации — я занимаюсь давно, с середины 1970-х годов, начал еще в Сибирском отделении АН СССР. До сегодняшнего дня не вижу никакого противоречия во взаимодействии этих крупнейших трендов.

Я думаю, что в мире есть востребованность взаимосвязанной реализации стратегий, использующих эти тренды.

Мы видели искажение многих экономических трендов во время пандемии. Подобные эффекты наблюдаются в период распространения эпидемий, а также при анализе и учете космических угроз, возникновение которых не имеет ничего общего с деятельностью человека, но последствия и предупреждение их воздействия требуют усилий международного сообщества. За последние 35 лет сложилось глобальное сообщество, взаимодействующее на глобальном экономическом пространстве, закрыть которое невозможно.

В процессах этого сотрудничества каждое государство стремится сохранить свой технологический суверенитет. И это обосновано. Это очень важный вопрос суверенитета любой крупной экономической державы (Россия, Китай и др.), это два современных взаимосвязанных направления человеческого развития. Есть термин «глокализация», который объединяет глобальные, региональные и локальные экономические, технологические системы и платформы. Невозможно покинуть такую платформу, поэтому крупные страны, такие как Китай, Россия и США, активно участвуют в глобальных и региональных процессах экономического взаимодействия.

Более того, я думаю, что глокализация — это перспективный тренд, который нужно учитывать при разработке и реализации национальных и региональных стратегий.

Лю Сюй: Я хотел бы высказать два пункта: во-первых, мы должны учитывать влияние Запада на отношения между Китаем и Россией или на интеграцию евразийских регионов, которые мы сегодня обсуждаем. Декан Ван Вэнь упомянул очень важный факт, что объем нашей двусторонней торговли значительно увеличился в прошлом году, в то время как объем торговли других регионов соответственно уменьшился. Мы не можем игнорировать ситуацию с конфликтом между Россией и Украиной. Мы видели, что цены на энергоносители растут и многие материалы не могут напрямую поступать на российский рынок из-за санкций, введенных Западом. Поэтому многие рынки — через Среднюю Азию, а другие — через Китай — вышли и на российский рынок. Это особая ситуация, то есть в будущем, когда мы будем больше сотрудничать в торговле и инвестициях, мы также должны учитывать давление со стороны Запада. Насколько мне известно, многие китайские компании придают большое значение фону западных санкций, когда думают о сотрудничестве с Россией, и я считаю, что российские компании также

должны учитывать эту ситуацию при таком международном сотрудничестве. Когда мы рассматриваем китайско-российские отношения и упоминаем Запад, у кого-то может сформироваться представление о конфронтации или системе сдержек и противовесов, то есть о том, что Китай и Россия заключат союз против Запада. Но надо понимать, что в условиях огромного политического и экономического давления, оказываемого на Россию всем Западом, проблема отношений с ней касается не только Китая, но и других стран мира, которые стремятся создать и поддержать дружественные связи с Россией.

Только что многие профессора и иностранные гости упоминали вопрос регионализма, евразийского регионального сотрудничества. Я предпочитаю говорить о многосторонности, в рамках которой нам нужно рассматривать третьи страны во всем регионе. Например, очень важной стороной является Центральная Азия. В прошлом году мы уделили больше внимания таким вопросам, как отношения между Россией и Западом, однако я обнаружил, что Центральная Азия как очень важная часть евразийского континента претерпела довольно серьезные изменения, например, в январе была проблема с Казахстаном, а в июле и августе — с Таджикистаном и Кыргызстаном, после этого возникают проблемы внутри Узбекистана. В какой-то степени это свидетельствует о том, что Китай и Россия могут укреплять политическое сотрудничество, разрешать региональные споры и лучше обеспечивать благоприятную политическую среду для евразийской интеграции. С другой стороны, страны Центральной Азии также рассматривают возможность дальнейшего развития отношений с Россией и Китаем на фоне западных санкций. Как Китай и Россия могут лучше работать вместе с Центральной Азией, чтобы способствовать ее интеграции? Например, Россия предложила «союз по природному газу». Фактически Китай также может присоединиться к нему. Мы можем использовать диалог между стороной предложения и стороной спроса.

Митяев: Нынешняя международная финансовая система столкнулась с серьезными проблемами и даже с риском краха. Есть ли у нас выбор: мы должны предпринять какие-то активные действия или ждать худшего исхода? Какие общие меры мы должны принять, чтобы перезапустить глобальный финансовый кругооборот и восстановить его нормальную работу? Как использовать поддержку международных финансовых институтов для скорейшего перезапуска международной финансовой системы? В международной торговле есть три центра, одним из которых является Китай, за которым следуют США и Германия.

После пандемии 2020 года возобладала такая логика: большая часть международной торговли осуществляется по морю, и цена морского фрахта выросла в несколько раз, рвутся глобальные цепочки поставок и кооперации. Из-за постоянного возникновения войн и конфликтов в различных местах цена будет продолжать расти и падать в разы, в зависимости от ситуации, что также усугубит дисбаланс в мировой торговле и неравномерное распределение богатства, особенно разрыв между Востоком и Западом, в том числе в технологиях, торговле и производстве. Глобальный центр развития сместился или, скорее, вернулся в Азию (он уже был тут 200 лет назад, перед началом бурного развития капитализма и колониализма), что также является необратимой тенденцией.

Впервые после экономического кризиса 2008 года опасность краха мировой финансовой системы стала вновь реальной, это касается в том числе инфляции. В Китае инфляция — умеренная благодаря гибкой и адекватной экономической политике (в том числе многоканальной целевой денежной эмиссии), а также некоторому охлаждению темпов роста после 30 лет рекордного подъема. Лидирует инфляция в Европе: ее темпы там остаются высокими, иногда выше, чем в США. В финансовой сфере Соединенные Штаты и весь Запад столкнулись с проблемами галопирующего госдолга и «двойного дефицита» (бюджета и торгового баланса, каждый из которых превысил 1 трлн долларов в год) и с тем, как контролировать инфляцию для достижения устойчивого и стабильного экономического развития — инструментов нормальной политики уже не осталось.

У нас в ШОС, БРИКС и ЕАЭС есть ряд эффективных стратегических ресурсов, чтобы изменить эту ситуацию. Китай и Россия — две страны с большими золотовалютными резервами, профицитами торговых балансов (в 2022 году — 400 и 240 млрд долларов соответственно). У нас есть еще один вариант — превратить нашу валюту в резервную, и никто не может нам в этом помешать в рамках стран БРИКС. Мы можем сделать страны БРИКС, в том числе страны БРИКС и Новый банк развития, регионом для развития прототипа мировой резервной валюты для постепенного формирования более эффективной, прозрачной и справедливой мировой финансовой системы.

Какое соглашение в этой сфере является реалистичным в ближайшие годы? Сначала целесообразно сформировать многостороннюю (в рамках БРИКС или ШОС) группу экспертов, которая должна подготовить дорожную карту и разработать пакет документов для международной кон-

ференции наподобие Бреттон-Вудской. Большое Евразийское партнерство может создать общие рамки. Для реализации такой идеи необходимо сформировать единое биржевое и торгово-платежное пространство, расширить объемы нашей торговли (что уже происходит) и наше инвестиционное сотрудничество.

Нам нужна не лукавая (так любимая Западом) система двойного стандарта (вот тут — остаемся в старой системе и играем по чужим, колониальным правилам, а тут — подпольно создаем свои правила), а прозрачный

и честный процесс разработки и согласования единых, открытых для всех участников правил глобальной финансовой системы, приходящей на смену долларовой.

У нас сейчас есть родственные системы, которые можно соединить.

Следующая проблема — это проблема стыковки. Нам нужно создать единое гуманитарное пространство. На мой взгляд, надо как можно скорее отменить соответствующие визовые ограничения по примеру уже существующих соглашений КНР с Республикой Беларусь и Республикой Кореей, что принесет нам больше возможностей.

INTERLOCUTORS:

Wang Wen,

Director of the Chongyang Institute of Financial Studies of the People's University of China, co-chairman of the Expert Business Council of the VEO of Russia and the International Union of Economists on the development of Russian-Chinese cooperation, expert of the Valdai Club

Sergey Dmitrievich Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the Institute of Economic Research named after. S.Yu. Witte, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

GREATER EURASIAN PARTNERSHIP PROSPECTS

On April 13–16, 2023, a delegation of the VEO of Russia and the International Union of Economists (IUE), headed by professor Sergei Bodrunov, President of the VEO of Russia, President of the IUE, Director of the Institute of New Industrial Development (INIR) named after S.Yu. Witte, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, visited their colleagues in Beijing. The delegation of VEO Russia and IUE was invited by the Chongyang Institute of Financial Studies of the People's University of China. Organizers: People's University of China, VEO of Russia, IUE and INIR named after S.Yu. Witte. The material was prepared for one of the events - the XI Chinese-Russian Economic Dialogue, and is printed with abbreviations.

The materials of all events with the participation of Russian economists in China in full are collected in the publication of the S.Yu. Witte INIR "International Forum "Greater Eurasian Partnership - a basic platform for the formation of a promising world economic order" and the XI Sino-Russian Economic Dialogue" which can be found on the website inir.ru.

Xing Guangcheng,

Director of the Strategic Research Department of the China Modern World Research Center under the International Department of the Central Committee of the Communist Party of China (CPC Central Committee)

Sergey Yurievich Glazyev,

Member of the Board (Minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC), Academician of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the VEO of Russia

Wang Wen: Let me say that Sino-Russian relations are important for relations between all major powers. This is present both in Russia and China; we are largely influenced by Europe and the USA. I've been to Russia many times, and I also think there are too many pro-American and pro-European factions there, and of course many pro-American factions in China. In this regard, there are certain common features between Russia and China. But there are always some scientists who don't particularly like it.

We all have a very important desire to jointly promote economic, social research and interaction between scientists from China and Russia to further understand and recognize each other, because Sino-Russian relations have good potential. If we develop them, our annual trade volume in 2023 will grow by more than 20–30%. Last year it amounted to \$190 billion. Today there is a high probability that the volume will reach \$250 billion. Next year, if we continue to grow at this rate, it will exceed \$300 billion. There is a high probability that by 2030, trade turnover between China and Russia could reach \$400 billion and even more—according to some estimates, more than \$450 billion reaching the level of trade with the United States. Why? Sino-American trade is declining. Last year its volume fell from \$750 billion to less than \$700 billion. Based on the rate of decline, this means that within the next seven years to 2030, the volume of trade between China and Russia will likely equal the volume of trade between China and the United States. It is quite possible.

Therefore, Chinese and Russian scholars should actively promote cooperation. Exchanges, and research and dialogue between their think tanks should also continue to promote and maintain ties between the countries. The topic of today's discussion is "The Greater Eurasian Partnership: a basic platform for building a promising world economic order." This cooperation, however, has many very weak points. For example, China and Russia will trade in US dollars, since the basic financial infrastructure between our countries has not yet been established. Do we have our own SWIFT? No. Our chips are very weak.

Sino-Russian trade continues to grow, but there are not enough railway and road overpasses: there are only three railway lines, the length of the Chinese-Russian border in Xinjiang is more than 50 km, but there is no direct railway in this area - only three railway lines. I've been to two of them - they are overloaded. In other words, trade between China and Russia must grow, and it is not a question of who imports and who exports - our technical conditions, roads and railways are lacking, as are oil and gas pipelines. Therefore, our communication channel is very, very important.

Bodrunov: The development of exchanges between Russia and China is not only the development of trade. In my opinion, we should first of all focus on scientific and technical cooperation. Why is this especially important at this time? Because the moment that we are experiencing now, as our national leaders have said, is a transition period, a transitional situation in the global economy. Currently, a global paradigm is being formed, based on a new technological structure. The status of certain people, countries or forces in the world is very important, and they will not give up their leadership, they will resist, maintain it through associations or otherwise, and new centers of development will take their place.

Our task is to find mechanisms that will allow us to more comfortably transition to a new state of society. Although we face opposition, China and Russia together are the new center of the world. This requires us to take an integrated approach, including research and development of technologies, strengthening of infrastructure, and implementation of them in practice. We need to create new ideas of cooperation, which must be based on universal human values. These values should also be based on China's vision of a shared future for humanity. All these ideas are theoretical, but also practical. Because there is no better theory than one tested in practice. With the participation of scientists and practitioners, we must come up with pragmatic solutions and intensify our efforts in this regard.

I would like to express special gratitude to Mr. Ambassador Zhang Hanhui for his assistance. The fact is that the number of

Russians who want to come to China has increased exponentially as we rebuild mechanisms for mutual solutions for more convenient interaction, including the digital economy, finance, and the construction of technological infrastructure, including space and transport. China's bilateral trade volume did not emerge out of nowhere. And now, on the one hand, it is necessary to think through and implement the plan from an economic point of view, and on the other, from the point of view of technology and law, so that people can resort to mechanisms for expanding the volume of trade.

Xing Guangcheng: The Greater Eurasian Partnership is an institutional scheme proposed by Russia for the countries of Eurasia. This is a very new idea. Russia put forward it several years ago, but now the situation has changed a lot. The conflict between Russia and Ukraine continues. The United States and Western countries, as well as Japan, are trying to contain Russia in all directions. This is a fundamentally new situation. I understand that if we want to talk about Eurasian cooperation, there are four issues that we need to pay attention to.

Americans say that whoever controls the Eurasian continent controls the world. Therefore, they claim with great pride that they control Eurasia and nothing can be done there without it. This is a very clear point of view of American scientists, and it must be kept in mind: Europe plus Asia plus the South Pacific. In my opinion, this is a general Eurasian concept. Russia excludes Western Europe from the Eurasian space, but Russia itself is Europe and Asia. So it all depends on which point of view we take.

China offers the world a community with a shared future for humanity. This idea is global. We offer a global platform, which is also expressed in the One Belt, One Road initiative. China is building One Belt, One Road in its surrounding areas and building a community with a shared future for humanity. When it improves relations with his neighbors, it includes Russia. These are our thoughts.

Another important point in a broader perspective, is the key cooperation between ASEAN countries and China. This is a very important aspect of China's Belt and Road Initiative. Within the framework of ASEAN, RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership), we are seriously deepening cooperation. This is also an aspect that worries the US from an economic point of view.

We have deep cooperation with Europe, which is to break the various measures introduced by the United States and Europe regarding China. If it does not keep pace with the United States or distances itself from it, China has a very large strategic opportunity to rise. Therefore, our Belt and Road and deepened partnership with the EU are of strategic importance. From this

point of view, Europe is also ready to cooperate with us, I mean President Macron's recent visit to China. When we talk about this now, we especially need to discuss with our Russian friends that your cooperation plan within the framework of the Greater Eurasian Partnership is very good, but what about relations with Europe? After all, Russia and Europe are in a state of conflict. Is in your opinion this condition temporary or long-term? If the problem is not resolved, relations between Russia and Western countries or Russia and European countries will still be a full-scale confrontation. In my opinion, the Greater Eurasian Partnership that Russia wants to build is to exclude Western Europe, that is, the developed part.

There is another problem: if China and Russia cooperate, Russia and the West will diverge even further on the Ukrainian issue. And even if Russia comes into direct conflict with Europe and NATO, the US and Europe will force some Eurasian countries to choose sides even more bitterly. Bilateral relations between China and Russia will suffer greatly and are already experiencing negative impacts. This is not a question of confrontation between Russia and the West, it is a question of the hegemony of the West, especially the United States, which requires taking sides. This is a very uncertain question that we need to study.

There is another question: will Russia be able to return to the East? What about the speed and scale of this turnaround? I don't think it will happen any time soon. It's not a matter of slogans: Russia is very weak in Siberia in terms of personnel, technological, and market terms. I think that Russian scientists have also studied in great detail the Far East and Siberia, which are fulfilling the mission of the further rise of your country. But this is precisely Russia's weak link. She cannot change her centuries-old ties, I think this is very difficult and is connected with building relations between Russia and the West.

If Russia really wants to realize its strategic interests in the non-Western world, in the Eurasian space, I think we need to solve important problems with systemic cooperation. First, Russia needs to help China together break through the Russian blockade from Western Europe, that is, use the power of the East: not only China, but also South Korea and Southeast Asia. It is very important that we continue to preserve the space of Russia, Asia and Europe, especially Western Europe, its transport channels or pipelines must be unblocked. This is a very realistic aspect of breaking the Russian blockade. This needs to be done, it is now broken. The East-West system must be created and what we call interconnection must continue.

Secondly, I would like to propose the following: Russia and China should build a strategic North-South canal. First, along the Russian coast, from Vladivostok through the Korean Peninsula, Liaoning in northeast China, to Southeast Asia. The

second path runs through the middle of Russia: this is Siberia in Russia, Xinjiang in China and Central Asia. Through the existing China-Pakistan Economic Corridor, it connects to the Indian Ocean, which could lead to India. Thus, we have two strategic channels from north to south, which are two very important aspects for breaking the Russian siege from the West. Does Russia want to consider this issue? If so, Russia and China, Russia and India, and Southeast Asia would form a single East-West and North-South network. If so, then in the next ten to twenty years the strategic plan of besieging Russia will fail.

This can be very useful for the development of the Eurasian region. We must study these issues carefully to see not only our heterogeneity, but also the real possibilities. Should we now use various instruments such as the Greater Eurasian Partnership, One Belt, One Road in China and other countries, and especially cooperation between Russia, China and the coastal regions of Southeast Asia. This is a very active area, and the Russian side must take it into account. If the China-Pakistan Economic Corridor is extended to the north, I would like to invite my Russian friends to use the western part of China, our Xinjiang, Kazakhstan and Western Siberia as channels of economic cooperation through ports. Russia, Kazakhstan and China's Xinjiang are close to each other and better connected to the China-Pakistan Economic Corridor.

Glazyev: For me, Professor Xing Guangcheng's speech is a look to the east. This is already far from posterity and sloganeering, such a reversal has already taken place, trade turnover between the Eurasian Economic Union and China is growing. And I believe that this trend will develop steadily. Since 2015, events have greatly accelerated this trade, and there is no doubt that this trend will continue. China is our largest trading partner, and gradually the structure of foreign trade is also diversifying. Let's look at the dramatic changes that occurred last year: Russia's trade turnover with Western countries and Japan has decreased, this is one side, and the other side is the volume of trade with our partners. If you look at the entire EAEU, the volume of trade with China is \$260 billion. The weight of unfriendly countries decreased by 13%, but with friendly ones it increased symmetrically by 13%. China is already Russia's largest trading partner, and this trend will increase.

Next, I will introduce you to the concept, our long-term vision and views. We are currently experiencing a technological revolution. According to the theory, they always occur through depression. Trying to maintain their dominance and weaken their competitors just like the British who provoked World War I between Russia and Germany 100 years ago, the Americans have provoked a war now. Western geopolitics in its most

primitive version successfully repeats itself: they really believe that the key to ruling the world lies through Eurasia.

The US strategy to weaken its geopolitical competitors goes through several stages: the stage of unleashing a war in Europe has already been passed. And here I will correct my colleagues: the war in Ukraine is not a war between Russia and Ukraine, but a war between the West and Russia. Ukrainian nationalism has been cultivated by Americans for many years. Ukrainians were used as cannon fodder in this war. I understand the complexity of this process: the burden falls primarily on the West that the United States must maintain its global hegemony. They follow a multi-stage concept - to separate Europe from Russia, subjugate Russia, destroy Iran and, finally, isolate China as the main geo-economic enemy. They won't succeed. This time the US will lose because it has lost its main advantage which is issuing the world reserve currency. We predict that we will reach a major turning point in hybrid warfare in 2024, because although the West's military budget is 10 times larger than Russia's, they cannot achieve their goal of maintaining world hegemony: since they have already lost the economic war, we believe that the world has moved to a new form of governance.

I will not dwell in detail on the difference between liberalization and globalization, but this means that in the new world economic order the task of the state is to concentrate all resources to improve the level and quality of life of people. We use national currencies for payments instead of US dollars. This already shows that the US has lost its dominance.

Thus, globalization will be replaced by cooperation between different countries, rather than trade liberalization. It is cooperation based on joint investments that will allow countries to realize a combination of advantages. The state regulates prices, implements industrial policy, takes care of the growth of labor income, actively protects the environment, in a word, strives to achieve social harmony and protection of all segments of society. This new type of industrial relations is located in China. Therefore, China is becoming a world leader.

In this new system of government, the state receives the highest moral and ethical priority. During this period, his goal setting should be guided by a strict system of values. States will retain their social function, restore sovereignty, and understand responsibility for maintaining peace and protecting civilization. The PRC today, having comprehended and accepted a verified system of moral imperatives for socio-economic development, is implementing precisely such a policy, seeking to harmonize public and private interests in the name of increasing public welfare.

All forecasts show that the importance of China and the Asian center of world development will grow. Products produced

by the countries of Southeast Asia now form the basis of the world economy. China, India and other countries, including Southeast Asian countries, will completely dominate the world economy and world trade.

Thus, the United States is trying to maintain its hegemony and engage in hybrid wars, as Great Britain did in its time. But they won't succeed - not because they don't have power, but because everything for them is built on the old paradigm of thinking, a zero-sum game, gaining benefits through other people's interests, exploiting other countries, imposing their own interests. But it no longer works: the United States destroyed global laws and are no longer issuers of the world reserve currency. The world is rapidly moving away from this imperial system.

At the same time, a technological revolution is taking place in the world. The modern scientific and technical paradigm is based on nano-, bio- and information and communication technologies. This is a growth point. We believe that after the Kondratiev curve has been rising for more than ten years, China and India have been able to create the core of a new technology at home, Russia in a number of technologies will soon grow to 5-6% in the world share, and other countries can introduce advanced technologies of a new way for 20 years. As a result, the countries of Southeast Asia will continue to grow against the background of the outgoing world order.

With the rise of China, a new global paradigm will be established and American hegemony will end. In this new economic paradigm, President Vladimir Putin put forward the idea of the Greater Eurasian Partnership. Of course, one must agree with what Xing Guangcheng said: there is neither Europe nor Japan in the Greater Eurasian Partnership, but the Americans started the war in Europe, which will bring the Europeans back to reason. In the Kondratiev cycle, democratic people will come to power, they will be rational and pragmatic, they will form partnerships.

Mutual benefit is a very important factor. We have seen that China's One Belt, One Road initiative is very interesting and investments will be made in the future within the framework of this concept. Given the comparative advantages of competition across countries, Belt and Road projects must be adaptive to allow us to move forward.

Finally, I would like to answer one more question from Academician Xing Guangcheng: We are ready to connect the Eurasian Economic Union and the Belt and Road to make them a reliable, sustainable and decisive platform and initiative for the next few decades. For us, stability and sustainability, commitment to a new economic paradigm is to combine these two projects, including the transfer of payments to national

currencies, the creation of joint development institutions, as well as the integration of financial markets. It is very interesting to organize a single digital space for currency circulation, which will ultimately lead to a single international settlement currency that will be beneficial to both Eurasia and the whole world.

And finally, about network security: Americans are trying to use their dominance to abuse the dollar in the monetary and financial sphere, including information technology, ban the export of modern technologies and are actively engaged in cyber terrorism. China already has a strong technological base in this context. It is appropriate to use it to put the question bluntly: either the United States renounces cyber terrorism, stops cyber attacks, or we reserve the right to control products, goods and technologies coming from the United States. Until the US signs an international convention on cybersecurity to make its system fairer and more transparent. I think this will greatly promote our cooperation and the development of our advanced technologies.

Finally, I would like to answer Xing Guangcheng's question regarding whether Russia can completely change the historical thinking. As far as I understand, they meant relations between Europe and Russia, relations with the West. President Putin spoke about traditional values, and if we compare Russian values with European ones, China is much closer to us. There is no doubt about this, and we hope that healthy forces in Europe will support us, including in integration with China.

СОБЕСЕДНИКИ:

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН*

*Сергей Юрьевич Глазьев,
член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике
Евразийской экономической комиссии, вице-президент ВЭО
России, вице-президент Международного Союза экономистов,
академик РАН*

*Владимир Валентинович Окрепилов,
академик РАН, научный руководитель Института проблем
региональной экономики РАН*

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Теория и практика перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2).

По материалам VIII Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2023)

*Абел Гезевич Аганбеян,
заведующий кафедрой экономической теории и политики
факультета финансов и банковского дела РАНХиГС
при Президенте РФ, академик РАН*

*Виктор Евгеньевич Дементьев,
член-корреспондент РАН, руководитель научного
направления «Макроэкономика и институциональная
теория» ЦЭМИ РАН*

*Альберт Рауфович Бахтизин,
директор ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН*

Бодрунов: Начну с главного: с постановки стратегической цели и конкретизирующих ее задач. Мы исходим из посыла, что цель и высшая ценность развития любого общества, любой экономической системы — это человек, живущий в гармонии с обществом и природой.

Эта постановка, однако, столь же верна, сколь и абстрактна. Мы в работах Института нового индустриального развития ее конкретизировали, показав, что долгосрочная перспектива развития общества — это движение к ноономике. Понятие ноономики в наших работах получило конкретное содержательное наполнение, подверглось серьезному обсуждению в научном сообществе в нашей стране и за рубежом, стало предметом изучения и основой образовательных курсов, читаемых во многих ведущих университетах. Нами был обоснован вывод о неизбежном, объективно обусловленном постепенном переходе цивилизационного развития к новому, постэкономическому способу удовлетворения потребностей, в материальной основе которого лежит умное, автономизированное и интеллектуализированное индустриальное производство, к общественному пространству, в котором происходит развитие человека творческого, культурного, неэкономического, к миру ноо, а не зоо.

При этом мы, не будучи романтиками, постоянно подчеркивали, что противоречия современной цивилизации глубоки, что мир зоо неуступчив, стремится не утратить нынешние позиции, а где возможно — взять реванш. Но такой мир — в сегодняшней практике — это мир агрессии, санкций, острой борьбы в любых, даже порой недопустимых для здорового человека разновидностях, и он стоит и у наших границ, и правит бал во многих других центрах политических и экономических интересов. Мы вступили в период острой фазы перехода к новому мироустройству. И эти новые условия требуют уточнения стратегических ориентиров развития. Последний год показал, что гуманизм должен уметь и защищаться, и наступать, а без сильной, устойчивой, обладающей высокой степенью независимости экономико-политической системы развитие человека, его традиционных, вечных гуманистических ценностей окажется под угрозой. Для нашей страны в связи с этим встает задача обеспечения развития технологически и экономически независимой национальной системы.

Подчеркну важный момент: независимость не означает автаркии. Необходимо развивать международное технологическое сотрудничество и индустриальную кооперацию. Брать лучшее, объединять усилия. И — наращивать собственный промышленный потенциал на качественно новой основе, замещая технологический ущерб от ухода бывших партнеров и опережая конкурентов за счет развития наиболее передовых областей индустрии. Но независимость технологий и экономики — и мы выражаем уверенность в верности этой позиции, настаиваем на ней! — при этом не может достигаться лишь за счет решения важной, но все же ситуативной задачи импортозамещения. Решение главной проблемы — достижения технологической независимости — может и должно быть обеспечено лишь за счет

выхода на такой уровень развития, когда мир не сможет обходиться без тех или иных наших отечественных технологий и развитых экономических институтов. Возможно, нам возразят: такой уровень технологического развития — скорее мечта, чем достижимая реальность. Мы возражим, в свою очередь: у нас, у России, есть опыт подобных прорывов в советское время: в космосе, авиации, в атомной энергетике, химии, физических дисциплинах и т.д. О возможности технологического и, соответственно, экономического рывка говорит и опыт Китая, совершившего гигантский скачок в технологическом развитии за последние 30 лет и поставивший — впрямую скажем — под угрозу лидерство западных компаний в телекоммуникациях, создании многофункциональных транспортно-логистических систем и многих других зонах экономического развития.

Решаема ли такая же задача для нас? Уверен, при рациональной и целенаправленной работе, реализации комплексной промышленной политики с учетом наших интеллектуальных и природных ресурсов — безусловно да.

Далее. Механизмы развития таких технологий и институтов были раскрыты и описаны в рамках концепции нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), показавшей: путь к ноономике лежит через достижение нового качества материального производства. Это качество заключается в развитии производства, которое будет, во-первых, знаниеемким — производством, в котором главным ресурсом, определяющим потенциал национальной системы, является не сырье, не машины, а знания, воплощенные в новых технологиях, позволяющих максимально рационально, экологично, с сохранением национального природного богатства и среды обитания эффективно создавать и имплементировать в экономику наиболее передовые формы и методы производства. Этот вывод во многом (и в позитивном, и негативном аспектах) подтвердили события последних лет, о чем, я уверен, еще будет не раз говорить на Конгрессе.

Во-вторых, знаниеемкое производство будет базироваться на НБИКС-конвергенции, достижимой лишь на базе перехода к доминированию технологий V и VI технологических укладов, перспективного VII техуклада и в рамках вхождения России в интегральный мирохозяйственный уклад, концепцию которого представил наш коллега академик РАН С.Ю. Глазьев.

В-третьих, подчеркну наверняка очевидный для теоретиков, но, что называется, «по жизни» слабо воспринимаемый практиками вывод о том, что знания для умного производства «добываются» в первую очередь в таких сферах, как наука и образование. Отсюда — объективная необходимость приоритетного развития этих сфер в рамках столь нужной интеграции науки, производства и образования. Конкретные пути этой интеграции мы также показали в предшествующие годы на наших Конгрессах ПНО, и сегодня также этой теме будет посвящен один из наших центральных семинаров.

Таковы контуры задачи номер два — задачи развития знаниеемкого производства.

Задача номер три — формирование системы социально-экономических отношений, стимулирующих и обеспечивающих приоритетное развитие высокотехнологичного производства, ориентированного на прогресс человеческих качеств в рамках устойчивой, суверенной национальной системы. База для решения этой задачи у нас в стране постепенно наращивается. Приняты соответствующие поправки

в Конституцию, определяющие новые социальные нарративы, очевиден наметившийся позитивный тренд в вопросе повышения роли и ответственности государственных и общественных институтов, отвечающих за решение социальных проблем, и т.д. Многие тренды таких отношений, направленные на реформирование социального облика нашего государства, мы также обрисовали ранее, но они нуждаются в детализации и доработке, чему будут посвящены сразу несколько семинаров и секций нашего конгресса. Нам, коллеги, с учетом новых условий, предстоит подтвердить вывод о важности развития социализации экономики и общества, исследовать и предложить новые механизмы достижения этой цели, причем — и на уровне национальной системы, и на уровне бизнес-структур. Без этого не будут созданы основы для развития отношений солидарности, а это, в свою очередь, база для стабильности нашей экономики, целостности нашего общества, эффективности государственного управления. И именно в единстве с этим, как подчеркивает теория ноономики, могут и должны развиваться процессы реформирования отношений собственности, обеспечивающие партнерство, диалог частного и государственного подпространств экономики, развития диффузных тенденций в этой сфере.

Глазьев: Мы уже много лет ведем мониторинг показателей смены технологических укладов и отмечаем, что новый технологический уклад фактически вступил в экспоненциальную фазу быстрого роста. По ключевым нанотехнологиям, которые формируют одну из составляющих ядра нового технологического уклада, можно измерять его динамику. И приходится констатировать, что, по всей видимости, мы проспали то окно возможностей, которое возникает при смене технологических укладов.

Мы также проспали смену предыдущих технологических укладов 50 лет назад, и вот сейчас, в то время как весь мир, передовые страны переходят уже к фазе экспоненциального роста, у нас с нанотехнологиями (как, впрочем, и со многими другими ключевыми направлениями технологического развития нового уклада) все обстоит совсем иначе: снизилось число не только разработанных, но и используемых технологий, что самое удивительное. Получается, что-то разработали, внедрили, отчитались, а дальше это не получает массового спроса.

Приходится констатировать, что, по всей видимости, мы это окно возможностей для экономического рывка, которое всегда возникает при смене технологических укладов, увы, упустили или упускаем. Во всяком случае, времени на рывок остается все меньше и меньше, во все меньшем количестве отраслей, где у нас есть научно-технические

заделы. Мы начинаем вновь быстро отставать по передовым производствам, в то время как Китай и Индия, которые формируют ядро нового мирохозяйственного уклада, поднявшись на волне его роста, уверенно идут вперед и формируют новый центр мировой экономики.

Технологические сдвиги, таким образом, переходят в политико-экономические, в геополитические трансформации, и, оседлав новую длинную волну роста на базе шестого технологического уклада, который мы назвали интегральным, потому что государство здесь объединяет всех хозяйствующих субъектов, все социальные группы вокруг общего критерия подъема общественного благосостояния в соответствии с теми принципами ноономики, о которых пишет много Сергей Дмитриевич Бодрунов. По всем прогнозам, нет никаких сомнений в том, что центр мировой экономики смещается в Азию и азиатский цикл накопления капитала становится абсолютно доминирующим.

Именно с распада Советского Союза начался переход к новому мирохозяйственному укладу. Сейчас этот переход завершается с распадом *Pax Americana*, как мы и прогнозировали. (*Pax Americana*, что в переводе с латыни означает «Американский мир», — это период экономической и общественно-политической стабильности, сложившейся в западных странах после окончания Второй мировой войны. Название взято по аналогии с названием Римской империи во времена ее стабильности — *Pax Romana*. — *Прим. ред.*)

Именно поэтому идет обострение военно-политической напряженности, гибридная война: властвующие финансовые элиты уходящего мирохозяйственного уклада пытаются всеми силами сопротивляться переменам. Но у них ничего из этого не выйдет, потому что новый мирохозяйственный уклад, который объединяет, как в свое время предсказывали классики нашей теории конвергенции у нас и на Западе, сильные стороны плановой и рыночной экономики и во многом свободен от их недостатков, регулируя рынок в целях подъема общественного благосостояния, стремительно демонстрирует на порядок большую эффективность. Мы, к сожалению, оказались на периферии уходящего мирохозяйственного уклада, единственным центром которого после распада Советского Союза стали США. Но Китай, а сегодня уже и Индия показывают темпы роста в 3 раза более высокие, чем на Западе, в течение последних трех десятилетий, и за последнюю четверть века они рванули вперед пятикратно по ВВП, восьмикратно по уставному капиталу и по кредитам для развития экономики.

В силу того, что мы, вместо того чтобы осваивать институты нового интегрального мирохозяйственного

уклада, оказались на периферии американского цикла накопления капитала, мы теряем наши позиции в мире, снижается вес Евразийского экономического союза как в мировой экономике, так и в Шанхайской организации сотрудничества. И происходит это прежде всего потому, что мы не развиваем свой научно-технический потенциал или развиваем гораздо медленнее, чем наши соседи. Если Советский Союз был сравним с США по научно-техническому потенциалу, то Россию с трудом можно разыскать в системе координат НИОКР, наукоемкости ВВП и трудовых ресурсов.

Понятно, что причин этого много, но очевидной причиной является существенное недофинансирование НИОКР. Как мы можем обеспечить технологический суверенитет (такую задачу, вы знаете, поставил президент нашей страны), если по объемам НИОКР Россия уступает в 2–3 раза передовым странам, а по расходам на НИОКР — в 2 раза отстает от среднемирового уровня? Наукоемкость нашего ВВП — на уровне слаборазвитых стран по этим показателям.

Это сказывается на структуре нашей экономики, где в международном разделении труда доминирует экспорт сырья в обмен на импорт технологий и готовой продукции. И, как следствие этой технологической отсталости, мы имеем колоссальный вывоз капитала. В среднем мы теряем по 6–7% ВВП в год по объему вывоза капитала, а в прошлом году этот объем достиг критической величины — более 200 млрд долларов. Эти деньги частично возвращались в страну, но после экономических санкций этого уже не происходит. До 2013 года, пока была доступна статистика Центрального банка, мы уже потеряли 1 трлн долларов вывезенного частного капитала, а за последующие годы — еще 1 трлн.

То есть фактически, находясь на периферии американского цикла накопления капитала, куда мы сползли после начала перехода к новому мирохозяйственному укладу, вместо того чтобы формировать его базовые институты, мы копируем институты, которые транслирует Международный валютный фонд, и в результате стали крупнейшим донором мировой экономики. А после введения санкций та часть капитала, которая была вывезена государством в виде валютных резервов, уже арестована, и 1,5 трлн долларов, которые вывезли компании частного сектора, находятся под угрозой ареста. И хотя мы могли бы паритетно ответить на санкции, мы этого не делаем, а продолжаем вывоз капитала. В прошлом году мы погасили долговых обязательств на 100 млрд долларов, фактически ничем не ответив на западные санкции.

Между тем мир стремительно меняется. Переход к новому мирохозяйственному укладу заметно ускорился в предыдущем году в связи с резким изменением геоэкономической обстановки. Он ускорился уже при ковиде, а после того как мир разделился на дружественные и недружественные страны, которые ведут против нас гибридную войну, этот уклад развивается стремительно. И мы все ближе и ближе подтягиваемся к ядру нового азиатского цикла накопления капитала. Долгосрочная тенденция снижения доли Европейского союза и Северной Америки перерастает в резкий сдвиг в пользу партнеров из Юго-Восточной Азии. Доля Китая и Индии стремительно растет, в прошлом году это были кратные величины роста, товарооборот с Индией увеличился в 3 раза, с Китаем — в полтора раза. Это хорошая тенденция, но очень важно, чтобы мы вошли именно в ядро нового мирохозяйственного уклада, а не остались на его периферии в качестве источника сырья.

И здесь я хотел бы обратить внимание, что для того чтобы войти в ядро интегрального мирохозяйственного уклада, нужно понимать, как оно устроено. Оно принципиально отличается от ядра американского цикла накопления капитала. Государство здесь реализует общественные интересы, работает на рост народного благосостояния. В новом мирохозяйственном укладе это прослеживается абсолютно четко. Общественные интересы являются абсолютным приоритетом. И то же самое мы видим по всем (не буду сейчас подробно раскрывать) элементам макроэкономической политики. Она кардинально меняется, в том числе резко возрастает значение промышленной политики, институтов развития. И нам необходимо создавать такие же инструменты развития.

Мы пока еще имеем возможность совершить экономический рывок, пусть и на ускользящей от нас новейшей технологической базе, но тем не менее. Производственные мощности у нас загружены наполовину, и за счет расширения загрузки мы можем получить прирост промышленного производства практически вдвое. Но для этого нам необходимо правильным образом организовать денежное предложение. У правительства есть такие инструменты, как СПИК, Соглашение по защите инвестиций и другие, которыми оно пытается поддержать инвесторов, но если нет долгосрочного кредита, если денежно-кредитная политика не встроена в общую стратегию управления экономикой, то трудно рассчитывать на опережающее развитие.

Есть возможности с точки зрения перераспределения природной ренты. Мы посчитали, как можно было бы системно решить вопрос перетока природной ренты

от экспорта сырьевых товаров в развитие нашей экономики: вернуть экспортные пошлины, отменить налоговый маневр, восстановить механизмы изъятия природной ренты за счет экспортных тарифов на вывоз сырьевых и биржевых товаров. И таким образом объем примерно 50 трлн рублей, по нашей оценке, вполне мог бы стать основой (может быть, не в полной мере) для формирования бюджета развития.

Вместо стабилизационного фонда, который у нас арестован, как вы понимаете, бюджет стал бы трансформировать сверхприбыль от экспорта сырьевых товаров в развитие. Но для этого, разумеется, нужно стратегическое управление, стратегическое планирование. Все возможности для выхода на темпы роста не менее 8% в год у нас имеются при реализации такой системной целеориентированной государственной экономической политики.

Аганбегян: Инновации — это катализатор движения всего человечества к вершинам цивилизации. Основа инноваций — это научный комплекс, это знания. И надо сказать, что наша страна с позиции развития научного комплекса, образования — одна из ведущих в мире. Научный комплекс России занимает 7-е место в мире, очень высокое. И ее главное богатство — не природные ресурсы, как многие полагают, а образованность нашего трудоспособного населения. По продолжительности обучения Россия занимает высокое 29-е место, в то время как Франция — 41-е, Италия — 44-е. Но кроме уровня образования важно качество. Можно много лет учиться и быть плохо образованным. Качество у нас пониже, чем уровень. Нельзя сказать, что намного ниже. Мы занимаем здесь 39-е место. Это все равно выше Франции и Италии. И мы 35-е в рейтинге региональных систем высшего образования в разных странах.

Как мы выглядим на глобальном инновационном фоне? В мире есть рейтинг глобального инвестиционного индекса. Увы, здесь мы — 47-е. По ресурсам, которые входят в формирование этого индекса, мы на 42-м месте, а по результатам — на 58-м. Этот достаточно сложный индекс формируется из 81 показателя.

Какую долю в мире мы представляем по производству инновационных товаров и услуг? 1,3% — как в Турции, Тайване. В Бразилии — 1,5%, в Индии — 1,8%. Франция, которая ниже нас по уровню образования, дает 2,8%. США — 20%. Совсем плохо у нас с долей экспорта инновационных товаров и услуг. Тут мы фантастически отстаем. 0,3% — наша доля в мире, у США — 39%, Японии — 30%, то есть в 100 раз выше. А каков уровень инновационной активности предприятий и организаций России? Всего 9% промышленных предприятий и организаций имеют инно-

вазии. В Великобритании это 59%, в Канаде — 79%, в США — 65%.

А теперь я начну говорить о самых инновационных товарах — роботах. На 10 000 работающих в промышленности у России — 6 роботов, в Южной Корее — 932. Японии — 390, США — 255, Италии (с худшим образованием) — 224. То есть у нас страна без роботов. А суперкомпьютеров, с помощью которых можно рассчитывать цифрового двойника целой экономики, в России — 7. Говорят, еще есть один, закрытый. В Китае — 162, в США — 127, Канаде — 10, Франции — 24.

Все дело прежде всего в отсталости нашей сферы, которая называется «экономика знаний». Это НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, здравоохранение. Доля всей сферы экономики знаний в валовом продукте России — 14%, в Китае — 22%, в полтора раза больше. Западная Европа — 30%, Америка — 40%. У нас доля промышленности в создании ВВП вдвое выше, чем доля экономики знаний. В США наоборот: доля промышленности в создании ВВП — 20%, а экономики знаний — 40%, поэтому у них главный фактор роста, весьма качественного, — это экономика знаний, а у нас — инвестиции в уставной капитал, совсем как в развивающихся странах.

Есть инновационные фирмы, которые называются «единороги». Это фирмы нереализованных, некоммерциализированных инноваций, которые оцениваются более чем в 1 млрд долларов. В 2022-м таких компаний насчитывалось 1402 в мире, причем они каждый год очень сильно растут. За 2022 год их количество увеличилось на 30–40%. В США их — 616, в Китае — 275, в Европейском союзе — 105, в Индии — 74, в Израиле — 23 (на 9 млн человек). В России — 0. Была одна фирма с 2014 по 2019 год — Avito, но она коммерциализировалась. И таких, уже состоявшихся инновационных компаний с капитализацией более 1 млрд долларов всего пяток в России. Больше всего этих фирм в финансовых услугах, потом — электронная коммерция, искусственный интеллект, информационные технологии. Их довольно много в области здравоохранения, разной инженерии и так далее. Самая крупная компания ByteDance, китайская, владелец TikTok, стоит 140 млрд долларов. (Упала с 380 млрд за последние два года.)

Очень важно подчеркнуть, что 28 компаний-единорогов созданы россиянами последнего поколения, теми, кто получил высшее образование в России. Но создали они эти 28 фирм, увы, не в России — в США, Германии, Гонконге и так далее. Есть важное исследование европейских стран, которое выявило 2 500 крупных состоявшихся инноваци-

онных компаний — тех, у кого расходы на НИОКР составляют более 35 млн долларов. В России таких фирм — 3. Илим, Роснефть и Норникель.

Вот пример инновационного развития добычи нефти и газа в сравнении России и США. В России в 2022 году добыто 524 млн тонн нефти. В Америке — 711, из них 455 из сланцевых пород. Россия ведет эксперименты добычи сланцевых пород. А там 455 млн тонн. Берем газ: в России в 2022 году 573 млрд кубов, в США — больше 1 трлн, из них 850 — из сланцевых пород. Вы понимаете, что такое инновации? Вот конкретный пример.

Россия втрое увеличила венчурное финансирование в 2021 году. (В 2022-м оно снизилось, но возьмем хороший показатель.) Оно составило 2,4 млрд долларов. В Китае — 130 млрд, в США — 390 млрд.

Я сделал классификацию Кремниевых долин в мире. Если мы возьмем американскую Кремниевую долину, это 5 000 квадратных км, 3 млн жителей, 7 000 фирм, 173 компании-единорога с капитализацией 600 млрд долларов, 4 университета. Треть всего венчурного капитала США собирает Кремниевая долина. Как можно Сколково с ней сравнить? Это в сто раз меньше, если брать грубо. Пекинская Кремниевая долина — в 2 раза меньше американской, на втором месте, на третьем месте — Израиль.

Нам нужны какие-то кардинальные меры. Много раз мы заявляли об этом. У нас доля инвестиций в валовом продукте — 17%. Чтобы как-то начать экономический рост, нужно минимум 25%, а чтобы экономический рост был опережающим, в том числе за счет инноваций, нам надо поднять долю инвестиций в валовом продукте до 30% и долю экономики знаний — тоже до 25–30%. То есть нужен очень сильный поворот экономической и инновационной политики.

Окрепилов: Главным смыслом любой трансформации всегда являлось повышение качества жизни людей. Сегодня этот фактор приобретает особое значение. Коротко напомним основные положения этого научного направления — экономики качества, оно разрабатывалось многими учеными. Появились научные школы, в том числе в Петербурге. Она включает комплекс учебных программ — от первичных занятий в школе до вузов и научных исследований. В одном Петербурге 30 кафедр готовят таких специалистов высшей квалификации. При Отделении общественных наук РАН существует Научный совет «Региональные проблемы экономики качества», а базовые элементы этого направления — стандартизация, управление качеством и метрология — курирует Совет по метрологическому обеспечению и стандартизации при Президиуме РАН.

Мы в своих исследованиях проанализировали, как происходит эволюция методов воздействия качества на экономические результаты. С начала 1990-х годов с переходом на рыночные отношения стали развиваться законы в области качества. Поразительно, но до 1990-х у нас не было вообще ни одного подобного закона — сейчас их пять. В большей степени методы управления качеством сейчас заключаются в собственной оценке производителей по национальным критериям качества и требованиям международных стандартов.

Если переходить к цифровой экономике, то можно рассматривать ее как единую систему, и здесь выделяется 3 основных направления: экономическое, которое способствует прежде всего достижению максимальной прибыли; экологическое, когда минимизируются изменения под воздействием производственной деятельности, в том числе людей; социальное — связанное с достижением наиболее высокого общественного благосостояния. Важно соединить все эти 3 направления, обеспечить их выполнение от национального уровня до муниципального — как раз этими вопросами занимается экономика качества.

Сегодня в России в метрологии, в сфере средств измерений задействовано 2 млн человек. И очень важно отметить, что финансирование измерений увеличивает ежегодный ВВП примерно на 0,8–1,5% за счет повышения качества продукции. Эта работа получила большую поддержку, когда в 2020 году в Конституцию были внесены изменения, поправки, включившие метрологию в число важнейших предметов ведения Российской Федерации. У нас существует Стратегия обеспечения единства измерений в Российской Федерации до 2025 года, и сейчас уже работа идет по более длительной перспективе. Мы создали и первый учебник «Цифровая метрология» в Государственном университете аэрокосмического приборостроения.

Вообще я должен сказать, что в этом направлении мы занимаем передовые позиции. Первое и второе места мы делим с Китаем уже на протяжении многих лет. И это подтверждают международные организации. Но есть серьезный недостаток. Дело в том, что в ближайшее время по решению международных организаций весь мир должен переходить на новую эталонную базу, и если у нас более или менее нормально обстоят дела с вопросами чистоты продукции, то с мерой, весом и так далее есть большие проблемы. Это вопрос, над которым надо работать.

Второй момент — экономика качества и стандартизация. В странах-членах ВТО влияние стандартизации на рост ВВП — примерно в 27%, а на рост производитель-

ности труда — 30%. На уровне предприятий ее преимущество оценивается как вклад в валовую прибыль компании на уровне до 5% от годового объема продаж. Мы сегодня проводим большую работу в России по переводу действующих стандартов в цифровую форму. Например, комплексная программа стандартизации в области искусственного интеллекта на 4 года насчитывает 200 стандартов, а цифровизация позволит существенно ускорить срок их разработки. Приведу такую цифру: если в России раньше стандарт создавался в течение 2 лет, то сейчас — в пределах 9 месяцев. Мы уделяем внимание обучению, подготовили специалистов, пишем вместе с Росстандартом учебник по цифровой стандартизации, который будет издан в Санкт-Петербургском экономическом университете.

Опыт наших многолетних научных исследований убедительно показывает, что с помощью методов управления качеством можно решить любую проблему: независимо от общественного строя, формы собственности, характера и размера производства, возможно, внедрив международные стандарты, получить конкретный экономический эффект. Сегодня миллионы компаний в 170 странах мира их внедрили. Они основаны в том числе на опыте наших отечественных специалистов. Наверно, многие помнят, как создавались территориальные системы еще в советское время, и многое взято в международные стандарты.

Сейчас принятая версия международных стандартов прежде всего учитывает интересы потребителей. При этом сегодня стандарты стали распространяться не только на отдельные отрасли экономики, но и на конкретные виды деятельности человека. Сейчас даже создан международный стандарт по пространственному развитию. И мы в России совсем недавно его утвердили.

3 основных показателя качества жизни являются базовыми в экономической системе. Так, в Стратегии социально-экономического развития Петербурга на период до 2035 года это ВВП на душу населения, продолжительность жизни и уровень образования. Хочу сказать, что активное участие в разработке стратегии приняли члены Вольного экономического общества России, в том числе и нашего отделения — в Санкт-Петербурге, очень большую помощь оказали члены РАН — академики Аганбегян, Макаров, Ивантер, иностранный член Российской академии Квинт, член-корреспондент Бодрунов. По их предложениям генеральной целью стратегии было обозначено повышение качества жизни населения, а в качестве приоритетов как раз были включены вопросы экономики знаний. Сегодня доля этой отрасли в Петербурге составляет 25%, в отличие от российской — 15%. И в стратегии стоит — до 2030 года

довести эту долю до 30–35%, а это будет практически соответствовать показателям ведущих стран мира. Можно уверенно утверждать, что, несмотря на возникшие сложности с пандемией, сегодня выполняются основные элементы стратегии.

Вы, наверное, знаете, что недавно подведены итоги 2022 года по показателям продолжительности жизни населения. По России, по данным Росстата, этот показатель вырос на 2,7 года и составил 72,7 года. В Петербурге этот прирост был на 3,3 года, и средняя продолжительность жизни сегодня — 75,8 года. Это несколько ниже, чем в Москве, но один из лучших показателей в стране. В целом, по последним рейтингам качества жизни, которые проводятся различными научными центрами, Петербург и Москва входят в лидирующую группу.

Если говорить о международной деятельности, то по стандартизации, метрологии и управлению качеством мы выглядим очень прилично в мире. Несмотря на санкции, нас не исключили ни из одной организации. Мы работаем и в ВСО, которая объединяет 170 стран мира, и в Бюро мер и весов, где 150 стран. Я думаю, это позволит нам и дальше уверенно чувствовать себя в мировом сообществе.

Применение элементов экономики качества позволило разработать модель оценки качества. Мы получили патент на базу данных по этому вопросу, а также грант Петербурга на моделирование оценки качества жизни. В течение ближайших двух лет в Институте проблем региональной экономики, который я представляю, благодаря гранту российского фонда будет проведена работа по оценке качества жизни населения Северо-Западного региона. Таким образом, на уровне страны, округа и города разработаны и предложены конкретные меры по улучшению качества жизни.

Дементьев: Отсутствие компаний-единорогов (фирмы, выросшие из стартапов и оцениваемые в 1 млрд долларов и выше) — это одна из причин технологической инерции, торможения формирования новых технологических укладов в России. А к чему эта технологическая инерция приводит? К слабой динамике производительности труда. До сих пор у нас не получилось догнать Португалию ни по подушевому ВВП, как мы собирались, ни по производительности труда.

В России есть быстрорастущие компании. Однако у них после периода быстрого роста происходит стремительное падение скорости развития. В дальнейшем они начинают уступать даже среднестатистическим компаниям. Зарубежный опыт показывает, что многие фирмы-едино-

роги действуют на рынках, где большую роль играет эффект масштаба производства. Когда значительная часть рынка занята убыточными предприятиями, единорогу просто негде развернуться, сложно реализовать свою потенциальную эффективность. Длительное существование убыточных компаний означает, что не работает механизм созидательного разрушения. По Йозефу Шумпетеру, именно этот механизм является ключевым для индустриальных трансформаций.

Во многих исследованиях основное внимание уделяется креативной составляющей созидательного разрушения, однако на практике самоочищение рынка от менее эффективных участников может быть весьма медленным. Как следствие, окно возможностей для становления российского единорога может закрыться раньше, чем он появится. Окно закроют чужие единороги. Чтобы активизировать процесс созидательного разрушения в российской экономике, снижения реальных процентных ставок недостаточно. Одна из причин — сохраняющиеся внутриотраслевые различия в эффективности производства. Удельный вес убыточных организаций в российской экономике остается весьма значительным. Причем такая ситуация наблюдается в самых разных сферах производства, включая станкостроение и программное обеспечение.

Проблема внутриотраслевых различий в эффективности производства актуальна не только для России. Растет число публикаций о фирмах-зомби. Имеются в виду не стартапы, а компании со стажем, которые не в состоянии покрыть расходы на обслуживание долга за счет своей прибыли. Уже накопилась обширная литература о негативных последствиях существования фирм-зомби. Получаемая поддержка ослабляет их мотивацию к экономии ресурсов, к внедрению новых технологий, демпинг фирм-зомби нарушает процесс воспроизводства и у остальных предприятий, повышает для них риски инвестиционной деятельности, а следовательно, и стоимость заемного капитала. В итоге в отраслях высокой концентрации фирм-зомби замедляется рост производительности труда.

Что позволяет существовать фирмам-зомби? Правительство предоставляет субсидии таким фирмам ради сохранения занятости и социальной стабильности. В России неэффективным предприятиям дольше оставаться на рынке помогает система государственных закупок, что было показано в исследовании Банка России. Банки поддерживают фирмы-зомби своей политикой вечнозеленых кредитов (не путать с зелеными кредитами). Имеется в виду предоставление должнику дополнительных кредитов для выплаты процентов по непогашенным долгам.

В Китае помнят о японском кризисе 1991 года и проявляют большую обеспокоенность в связи с существованием фирм-зомби. Местные ученые фиксируют внимание на том, что распространенность таких компаний тесно связана с избыточными мощностями. Низкая загрузка мощностей сказывается на рентабельности и российских предприятий. На конец 2022 года загруженность мощностей была на уровне 64%. Для сравнения: начало 2023 года — уровень использования производственной мощности в США составлял 78%, в Японии — 89%, зоне Евро — 81%, в той же Германии — 84%. Повторяю, на начало 2023 года. В некоторых российских отраслях этот уровень гораздо ниже 64%. Низкая загрузка уже имеющихся мощностей, сохраняющееся присутствие на рынке убыточных предприятий ограничивают возможности активизации инвестиций с помощью общего снижения реальных процентных ставок. Такое снижение способно повысить доступность кредитов для нацеленных на технологические инновации фирм. Однако одновременно оно может продлить существование компаний-зомби, сдерживающих развитие инновационных предприятий. Влияние фирм-зомби не ограничивается тем, что они оттягивают на себя значительную часть спроса. Происходит ухудшение институциональной среды. Создается обстановка, в которой лоббирование государственных субсидий и льгот становится одной из бизнес-стратегий.

Ситуация в российской экономике с убыточными предприятиями и с использованием имеющихся мощностей указывает на то, что рыночные механизмы следует сочетать с внутриотраслевой политикой, а не ограничиваться антимонопольным регулированием. Недостаточное внимание к отраслевой промышленной политике сужает возможности активизации инвестиций с помощью мер денежно-кредитного характера.

Как я уже говорил, от одного снижения реальных процентных ставок механизм созидательного разрушения не заработает. Важно ослабить сопротивление фирм-зомби потенциальным единорогам. Свои меры по ограничению вечнозеленого кредитования может предпринять Центральный банк. Сокращение поддержки фирм-зомби госзаказами повысит загрузку мощностей более эффективных предприятий. А как показали сотрудники Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, достижение достаточно высокого использования мощностей одновременно стимулирует инвестиционную активность.

В такой ситуации может наконец заработать механизм созидательного разрушения. Для его поддержки целесоо-

бразно, во-первых, стимулирование частных инвестиций с помощью субсидированного кредитования проектов, которые обеспечивают структурные сдвиги в экономике, во-вторых, лицензирование и создание новых мощностей в отраслях с сильным эффектом в масштабах производства. 80% загрузки мощностей в странах-лидерах по производительности труда свидетельствуют о высоком уровне координации экономической деятельности. Для выхода нашей экономики на устойчивый режим обновления технологической базы производства необходимо развитие системы индикативного планирования, охватывающей и реальную, и финансовую сферу экономики.

Бахтизин: Наиболее цитируемые поставщики экономических прогнозов по странам мира — это, конечно, Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие международные институты, которые создают повестку и для лиц, принимающих решения, и для инвесторов, правительств и так далее. Лидер мнений — Международный валютный фонд, который является наиболее цитируемым. И если посмотреть, насколько достоверны их оценки относительно России, США, Китая и так далее, можно видеть, что среднее отклонение — около 2%, по России — 6%, по Китаю — 1,5% и прочее. А вот агентство Bloomberg провело более масштабное исследование по оцениванию прогнозов от Международного валютного фонда, проанализировало более 3 000 прогнозов, и среднее отклонение составляет 2%, а также очевидна ангажированность в пользу США и против Китая. То есть в 80% случаев имеет место переоценка прогноза в пользу США и только в 20% случаев — Китая.

The Economist тоже провел оценку нескольких тысяч прогнозов за период по 2017 год, и видно проценты расхождения относительно ведущих экономик мира в зависимости от горизонта прогнозирования. Если горизонт более 16 месяцев, то отклонение 4–6%, а чем он меньше, тем, соответственно, меньше отклонение. То есть из этого можно сделать выводы, что прогнозы по всем странам мира, причем анализируются прогнозы именно от ведущих поставщиков, — надежны только в краткосрочной перспективе и они гораздо лучше предсказывают периоды роста, чем спада.

Также обращает на себя внимание хронология оценок изменения ВВП по России от МВФ и Центрального банка, который в нашей стране является одним из лидеров мнений. В среднем разница составляет 10 дней. В начале апреля публикует прогноз МВФ, через 10 дней — Банк России. И цифры Банка России примерно совпадают с прогнозами МВФ. То есть сначала смотрят, что публикует МВФ и соот-

ветственно подстраиваются под него, хотя должно быть наоборот. Очевидна ангажированность МВФ в пользу США. Но уж коль скоро прогнозы являются инструментом манипулирования общественным мнением, то логично же публиковать их раньше, чем это делает МВФ.

На чем основывается большинство прогнозов, которые выдают поставщики решений? Как правило, это равновесные модели либо модели векторной авторегрессии. В общем-то, инструментарий не такой плохой, но, к сожалению, в периоды пертурбаций в экономических системах они в большинстве случаев неспособны давать адекватные оценки. Это можно определить с помощью соответствующего инструментария, часть которого имеется в свободном доступе, например, глобальная экономическая модель, или модель NiGEM, или модели Всемирного банка. Можно их скачать, посмотреть.

И какие из этого можно сделать выводы? Что если прямолинейно повысить уровень монетизации экономики или опустить ставку Центрального банка в нашей стране, то мы получим прогноз о том, что это приведет к повышению инфляции и снижению темпов экономического роста. Почему так? Потому что коэффициенты, зашитые в этих моделях, приводят к таким ситуациям. Мы в ЦЭМИ вместе с Валерием Леонидовичем Макаровым провели модификацию базового уравнения производственной функции, которое используется секторами производства, включив туда фактор эндогенного экономического роста, и результаты расчетов начали меняться. То есть в зависимости от инвестиций в сектор НИОКР, от повышения уровня монетизации в нашей стране вместо спада получается рост, и это доказывается с помощью альтернативных методов анализа экономических систем.

Дальше больше. Коль скоро эти поставщики экономических прогнозов забивают инфополе, наверное, грядет некий новый этап с использованием генерации контента, который, наверно, в ближайшее время будет преобладать. Пока эти модели не дают прогнозов, хотя могут, в принципе, это делать, но они могут строить экономические модели, и, надо, сказать, достаточно неплохо. Я сам оперировал при помощи ChatGPT с одной из наиболее известных генеративных моделей. ИИ построил неплохую ISG-модель, которая сопоставима с тем, что использует Всемирный банк. Я думаю, что он и обучался на соответствующих примерах.

Одна из задач прогнозистов нашей страны — противодействовать негативному информационному полю, которое создают для нас наши геополитические оппоненты, риторика которых, кстати, стала гораздо более жесткой.

Когда только началась специальная военная операция, их прогнозы показывали, что будет в случае изменения каких-то показателей, а сейчас исследования носят более агрессивный характер. Вот одно из них. Называется так: «Разработка оптимальных санкций против России». И если вы откроете это исследование от Европейского университета, которое объединяет 24 страны, там будет обозначена основная цель — нанести ограничениями максимальный ущерб экономике нашей страны. Используется равновесная модель с включением порядка 40 стран, которые осуществляют антироссийскую экономическую политику. Результаты показали, что искомая стратегия — это выборочное давление на 8 секторов, которые заключаются в частичном повышении тарифов на 22–25%.

Еще пример одного из последних расчетов центра исследования экономики и политики. Это тоже прямолинейная модель по оценке эмбарго, присоединению к нему Китая и встречное эмбарго со стороны России на товары противороссийского альянса. Видно, что снижение для нас получается весьма существенное. Почему так происходит? Потому что используется прямой арифметический счет без возможности отыгрывания сценариев противодействия такому агрессивному давлению.

RAND Corporation выпустила в конце 2022 года довольно примечательный отчет, где используется равновесная модель для оценивания активности США в сфере военного сотрудничества против ряда стран, в том числе и России, и влияния подобного рода активности на благосостояние граждан своей страны и стран, которые участвуют в торговых цепочках.

Я буквально пару слов скажу про те результаты, которые мы получили у себя с использованием наших собственных средств разработки. Конечно, картина международной торговли сильно поменялась. Значительно вырос товарооборот с Китаем, Турцией, Индией, снизился — со странами ЕС. Мы у себя просчитали 3 сценария: первый — это эмбарго на товары российского экспорта со стороны США и стран ЕС с перенаправлением товарных потоков в сторону дружественных для России стран; сценарий второй — полное эмбарго на экспорт российских товаров со стороны в том числе дружественных стран; и третий сценарий — гипотетический союз России с Германией. Даже простой арифметический счет показывает, что глобального провала по ВВП страны не будет, хотя зарубежные аналитики утверждают другое. Это лишний раз подчеркивает, что не так все плохо, как нам рисуют. Задача — как-то противодействовать этому в информационном поле.

Почему была выбрана Германия в качестве потенциального союзника, который, конечно, в краткосрочном периоде невозможен, но, может быть, будет возможен в дальнейшем? Потому что мы сопоставили межотраслевые балансы (унифицированные, которые полностью совпадают по набору отраслей) по 66 странам в разрезе 40 отраслей, и сравнили их технологическую близость путем сопоставления технологических коэффициентов. И результаты показали, что наибольшая технологическая близость у Франции, Великобритании и Италии, а также и у США и Канады, а что касается России, то максимальная схожесть у нас как раз с Германией.

Коллеги уже много раз говорили, что есть различные сценарии для изменения ситуации. Я хотел бы лишь продемонстрировать, что показал анализ проблем, связанных со сглаживанием дифференциации по субъектам нашей страны. У США различие показателей ВРП на душу населения по штатам составляет 2,2%, в Индии — 10%, в Бразилии — 5,7%, в Китае — 4,5%, а в России — 62%. Это обозначено и в Стратегии национальной безопасности, и в Стратегии территориального развития, и это является предметом для расчетов, которые показывают, что будет, если использовать сглаживающие механизмы при помощи налоговых льгот и субсидий в ряде проблемных субъектов. И вот только этот простой механизм позволяет в среднем увеличить прирост ВВП страны на полпроцента в год.

Основной посыл такой: расчеты, которые направлены против нашей страны, носят заведомо ангажированный характер, и, конечно, наша задача как прогнозистов этому противостоять и создавать свои сценарии, которые могут быть направлены на улучшение ситуации.

НЕФТЬ И ГАЗ: БУДУЩЕЕ ОТРАСЛИ

Нефтегазодобыча и отчасти переработка — базовые в нашей экономике отрасли. Доходы от них составляют основу российского бюджета. Поэтому, говоря о технологическом развитии, наверное, не совсем дальновидно решить, что деньги от нефти и газа тянут нас назад, поэтому нужно от них постепенно отказаться, а то и вовсе полностью переходить на зеленую энергию. Гораздо логичнее представляется заняться высокотехнологическим развитием именно этой отрасли.

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 16.12.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

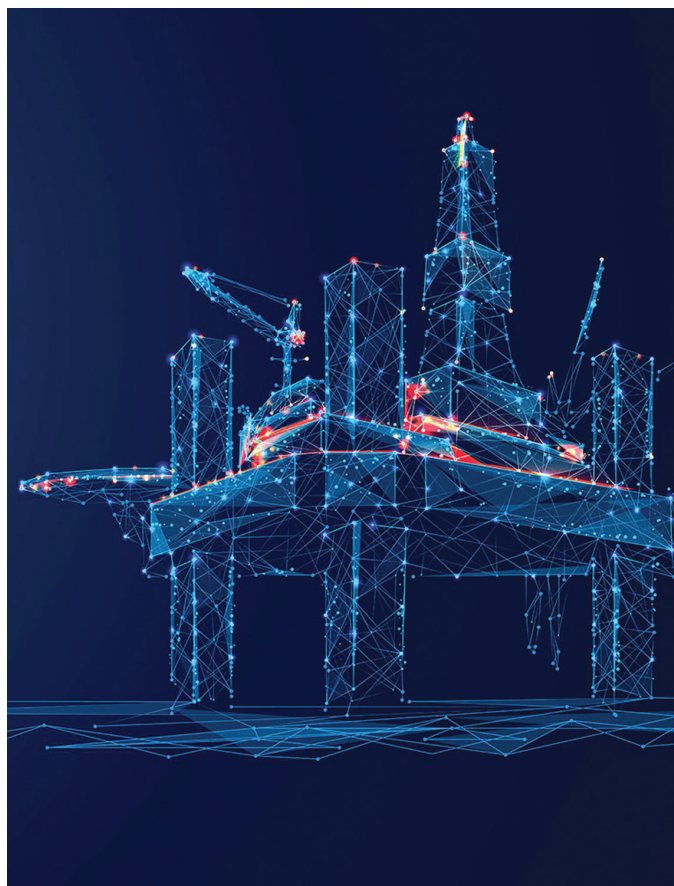
*Василий Игоревич Богоявленский,
заместитель директора Института проблем нефти
и газа РАН, член-корреспондент РАН, д.т.н.*

*Антон Львович Максимов,
директор Института нефтехимического синтеза
имени А.В. Топчиева РАН, член-корреспондент РАН, д.х.н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН*

Бодрунов: Российский нефтегазовый комплекс неплохо в нынешних условиях справляется с санкционным давлением и другими вызовами. Понятно, что сегодня есть и технологические трудности в связи с тем, что возникли проблемы с поставками технологического оборудования, усилились проблемы логистики. Есть ряд других проблем, в том числе связанных с финансированием отрасли. Однако, наверное, не будет преувеличением сказать, что отрасль — как, впрочем, и экономика в целом нашей страны — несмотря на то, что находится сейчас в непростой ситуации, не потеряла того краха, на который рассчитывали те, кто говорил, что экономика России разорвана в клочья. Эти эпитеты сегодня неприменимы в том числе и к рассматриваемой сегодня отрасли.

Василий Игоревич, начну с вопроса к вам. Российская энергетика связана с мировыми рынками оборудования и энергосервисных услуг. Насколько сильна наша зависимость от импортного оборудования? Понятно, что мы не можем все произвести сами, но какова оценка этой зависимости?

Богоявленский: Во-первых, я скажу, что нет ни одной страны в мире, которая бы могла заявить, что абсолютно независима по тем или другим технологиям от других стран. Хотим мы или не хотим, существует глобализация. Есть страны, которые преуспели в производстве электроники, другие — в строительстве судов разного назначения, какие-то преуспевают в военном производстве и так далее. У нас есть преимущества по ряду направлений, в том числе по военному производству, блестящие результаты — по сельскому хозяйству.

ЭКСПЕРТ

**ВАСИЛИЙ
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

**Один из ведущих
специалистов в России по
геофизическим методам
поиска и разведки
месторождений
углеводородов.**

Ученый исследовал перспективы нефтегазоносности ряда регионов Мирового океана, суши и акватории Арктики, обосновал стратегически важные направления развития топливно-энергетического комплекса России. Неоднократно участвовал в научных экспедициях. Результаты его исследований внедрены в более чем 35 организациях и компаниях России и других стран. Член совета по вопросам развития Дальнего Востока, Арктики и Антарктики при Совете Федерации. Главный редактор журнала «Арктика: экология и экономика». Удостоен звания «Почетный разведчик недр». Автор более 350 научных работ и патентов на изобретения.

Ну и исторически мы занимаем первое или второе место по добыче углеводородов — нефти и газа. Хочу сказать, что, к сожалению, в 1990-х годах дела обстояли очень неблагоприятно в силу известных обстоятельств и произошло очень сильное падение объемов добычи нефти. Газовая отрасль из всех кризисов вышла очень хорошо. Отчасти это еще обусловлено тем, что порядка 70% газа мы потребляем внутри страны. А по нефти, напротив, более 70% мы экспортируем в виде сырой нефти и нефтепродуктов.

Бодрунов: В основном все же сырой нефти.

Богоявленский: Да. И вроде бы часто говорили, что нужно слезть с нефтегазовой иглы. На самом деле многие страны нам просто безумно завидуют. По газу 70% запасов были открыты во времена СССР, и тогда существовали те же санкции. Они по-разному назывались, но проблемы были не меньше, и мы опирались исключительно на собственные технологии во всех направлениях, в том числе и программное обеспечение, и различное оборудование для сейсморазведки, геофизики, бурения. И справлялись успешно. Если бы не события 1990 годов, когда многие направления нашей отрасли по сути дела были разрушены, мы бы производили морские буровые платформы полностью в России без зарубежных запчастей, это уже было реальностью. Но потом это оборудование было заменено зарубежным.

Бодрунов: И сейчас нам ставят искусственные препятствия для получения этого оборудования.

Богоявленский: Мы вынуждены заниматься очень серьезно импортозамещением, по сути дела — возрождать то, что было создано в советские времена.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, Антон Львович, какие важные направления нашего экономического развития закрывает сегодня нефтегазовый комплекс России помимо бюджетных вливаний в наш бюджет?

Максимов: Помимо добычи нефти мы сегодня находимся, наверное, на 3-м месте по нефтепереработке в мире. В ней — значительная доля высококачественных продуктов, которые существенно дороже нефти, в частности дизельного топлива класса 5, что обычно называли раньше Евро-5. К сожалению, в большинстве своем для переработки использовались зарубежные технологии. Но надо сказать, что в части катализаторов в нефтепереработке вопрос с импортозамещением в течение ближайших лет будет окончательно решен и независимость от зарубежных стран будет достаточно высока.

Бодрунов: То есть фактически переработку нефти с использованием катализаторов мы обеспечим самостоятельно полностью?

Максимов: Да, но там есть один момент. Ведь мы используем нефть для превращения в топливо не на 100%. Мы можем использовать 70–80%, а лучше бы — 90–95%. И вот наши заводы как раз находились на стадии модернизации, для того чтобы перейти от 80 к 95% глубины переработки. И конечно, здесь есть определенные проблемы, которые решаются в том числе и с участием российских исследовательских организаций.

ЭКСПЕРТ

АНТОН МАКСИМОВ
Признанный эксперт
в области нефте-
и газохимии и катализа.

Под руководством Антона Львовича проводятся исследования по разработке новых процессов гидрирования, гидродеароматизации, гидроизомеризации, гидрокрекинга нефтяных фракций с использованием наногетерогенных катализаторов и процессов для газовой нефтехимии. Научные достижения Антона Львовича отмечены премией правительства России в области науки и техники. Автор более 200 научных публикаций.

Есть несколько технологий, которые дошли до промышленного или опытно-промышленного использования. Например, технология гидроконверсии гудрона и остатков, которая реализуется сейчас на «Танеко» (нефтеперерабатывающая компания, входящая в «Татнефть». — Прим. ред.) в опытном масштабе, уже установка работает. У нас есть свои технологии коксования. И в целом, если мы сможем подключить к созданию технологий машиностроение, мы добьемся независимости. Наша нефтяная отрасль — локомотив теперь и для машиностроения, и для информационных технологий, и для самых различных областей химии, то есть фактически это то, что называется вытягивающей отраслью, которая может и должна обеспечить работой другие предприятия. Если, скажем, 15 лет назад почти все оборудование, которое поставлялось, было зарубежным, то сейчас российские компании уже вполне могут большую часть оборудования, за исключением отдельных достаточно сложных позиций, производить непосредственно в России. Например, реактор гидрокрекинга мы даже в советское время не могли сделать, а сейчас мы его делаем. Я думаю, что и здесь мы себя обеспечим в течение 3–5 лет. Поэтому нефтепереработка с точки зрения технологической независимости выглядит довольно выигрышно, наверное, потому что эту работу начали в 2008–2010 годах, когда стало ясно, что надо делать что-то свое.

Бодрунов: Василий Игоревич, я в связи с этим хотел бы задать такой вопрос: какие ключевые проблемы сегодня вы видите в отрасли? Что может нам помешать двигаться по этому пути?

Богоявленский: У нас с каждым годом стареет инфраструктура, которая построена еще в советские времена. Многие трубопроводы требуют как минимум ремонта, а где-то уже замены. Слава богу, что сейчас налажено производство труб для нефти и газа и эта проблема решена раз и навсегда. Проблема отрасли, я бы сказал, в том, что

у нас по-прежнему низкий коэффициент извлечения нефти. Может быть, он стал сейчас ниже, чем планировался или рассчитывался в советские времена. В то время как развитые страны, в первую очередь Норвегия и Соединенные Штаты, умудряются извлекать из месторождений, в том числе сложных, больше 60%, у нас эта цифра значительно ниже. Хотя это можно расценить и как некий положительный момент.

Бодрунов: Остаются запасы на будущее, которые мы сможем извлекать по мере развития технологий. При этом разведка уже проведена, мы знаем, сколько нефти и где, и инфраструктура готова.

Богоявленский: Проведены такие эксперименты. В Предкавказье компании брали бесплатно формально выработанные месторождения, вскрывали старые скважины или бурили новые, и оттуда начинали бить фонтаны точно такие же, как 100 лет назад. То есть за прошедшие 50 лет давление восстановилось, и можно заново разрабатывать месторождения.

Бодрунов: Нефть поднялась, а вода опустилась.

Богоявленский: Да-да, именно так.

Бодрунов: Я бы хотел еще один вопрос задать Антону Львовичу. Что у нас сегодня с теми технологиями, которые позволяют не только увеличить извлечение ресурсов, но и более эффективно их использовать? Эти технологии, в общем-то, очень дорогостоящие, насколько мне известно, очень высокая химия, крупные исследования.

Максимов: У нас глубина переработки формально стоит на уровне 82%. На самом деле на Западе используют немножко другие термины, что называется «выход светлых». Он у нас не очень высокий, где-то 55% в лучшем случае. А это означает, что мы должны научиться оставшуюся часть нефтепродуктов превращать в бензины, керосины, дизельные топлива. Это задача довольно сложная, и не сказать, что она в мире целиком и полностью решена. И те технологии, которые здесь создаются, как и вообще все технологии в нефтепереработке, — очень дорогие, просто потому что объемы производства большие. Стандартное большое нефтехимическое предприятие типа «ЗАПСИБ-2», которое построил «СИБУР», — это 2 млн тонн, а для нефтеперерабатывающего завода — это вообще ничто. Обычно это 10, 15, 20 млн тонн. Соответственно, установка переработки тяжелых остатков должна быть на 2, 3, 4 млн тонн тяжелого гудрона.

Бодрунов: То есть если небольшие объемы, то нерентабельно строить такие производства.

Максимов: Небольшие объемы и нерентабельно. А это означает очень большие инвестиции даже в часть, которая связана с опытно-промышленным освоением.

Бодрунов: Видите, мы точно вскрыли вот эту проблему.

Максимов: Это большие инвестиции на той стадии, когда еще не до конца ясно: а заработает или не заработает? Да, вероятность высока, но, может, что-то не учли, что-то не поняли.

Бодрунов: А стоит игрушка очень дорого.

Максимов: Игрушка стоит миллиарды. Тот способ, который представляется наиболее важным и интересным со всех точек зрения: когда берут остаток и с помощью водорода и специальных катализаторов, специальных процессов почти полностью превращают в некий аналог легкой синтетической нефти, который дальше просто подается по заводу и перерабатывается по технологиям, которые уже есть. И вот такую технологию сейчас в России создают. Повторюсь, что на предприятии «ТАНЕКО» запустили в июне установку на 50 тысяч тонн в год. Для нефтянки это очень небольшая мощность, но для опытно-промышленной установки...

Бодрунов: Как говорят китайцы, путь в тысячу ли начинается с первого шага.

Максимов: Да. Я думаю, что в течение одного года эта технология будет отработана. Там понятно, что нужно доделывать. Где-нибудь через полтора — два года мы уже сможем говорить, что мы будем строить свой миллионник. Мало того, мы эти миллионники можем строить на новой российской технологии, которая создавалась действительно очень долго — 20 лет.

Бодрунов: Замечательный пример. Есть еще одна проблема, которая может нам помешать, — проблема изменения климата: тает вечная мерзлота. Мы знаем, что многие дороги, которые там проложены, — временные. Это может привести к повреждениям инфраструктуры, потому что из-за проседания почв могут лопаться трубы. Василий Игоревич, как решаются эти проблемы у нас, исследуются ли эти проблемы?

Богоявленский: Во-первых, в Академии наук есть институт криосферы Земли, который исторически занимает лидирующие позиции в мире в изучении и продвижении такой науки, как мерзлотоведение. Проблема существует для нашей инфраструктуры в Арктике, но нефтяники и газовики, и не только они, но и другие производственные предприятия, знают, как ее решать. Повсеместно используются термостабилизаторы. Например, в Сабетте под одним бетонным резервуаром для хранения сжиженного природного газа обустраиваются порядка 950 термостабилизаторов, которые заглублены примерно на 20–40 метров. По сути дела, под такими предприятиями обустраивается мерзлотный остров, который на фоне всей деградирующей мерзлоты ведет себя очень стабильно.

Бодрунов: Я бы хотел попросить вас, коллеги, оценить ситуацию, которая сегодня заключается в дальнейшем структурировании этой отрасли в связи с теми санкционными рисками, отказом иностранных инвесторов участвовать в развитии наших месторождений.

Максимов: Моя сфера чуть больше связана с переработкой, и там ситуация, и в особенности с нефтехимией, существенно сложнее. Она состоит в том, что действительно технологии, которые в нефтехимии в России используются, на сегодняшний день — практически все зарубежные. Так или иначе, в каждом отдельном случае, по-видимому, возникает свое решение, если какое-то оборудование есть и понимание, как дальше технологию развивать.

В случае Дальнего Востока есть китайские партнеры, которые непосредственно работают с «СИБУРОМ», входят в его капитал, и, соответственно, здесь так или иначе, по-видимому, проблемы будут решены. Но в других случаях нам, вероятно, придется делать что-то свое, и вполне возможно, мы должны пойти по тому пути, по которому шла КНР. Они фактически копировали то, что у них делали зарубежные партнеры. Это принципиальный момент.

Когда вы вначале первую копию делаете, может быть, она будет похуже, но вторая уже чаще всего оказывается не хуже, а лучше, и это принципиальный момент, и мы не можем отказаться. Мы поставлены в такие условия, что нам уже деваться некуда, с одной стороны, а с другой стороны, надо признать, что, например, технологии производства аммиака и метанола в СССР были советскими, то есть большая часть агрегатов была построена по технологиям, созданным внутри страны.

Бодрунов: Многие процессы вообще впервые в Советском Союзе были открыты.

Максимов: Если говорить о добыче, ясно, что когда останавливается добыча месторождения с очень интересной по свойствам нефтью, как я понимаю, эта марка на самом деле может быть использована для получения очень специфических продуктов. Это ситуация, при которой мы естественным образом вынуждены брать дальше добычу на себя. Естественно, у нас могут быть какие-то проблемы с сервисом, с реагентами, с контролем. Все эти проблемы так или иначе надо решать. Мало того, решение их в одной точке позволит нам распространить эту практику на всю страну. Да, этот процесс будет медленным, я думаю, просто в силу того, что для этого требуются инвестиции. Но в каких-то точках, наверное, и компании, и государство примут решение о том, что это необходимо.

Богоявленский: Я здесь добавлю, что мы могли бы сейчас без проблем увеличить добычу и газа, и нефти, однако насколько мы заинтересованы в том, чтобы добывать больше и больше? Еще недавно, несколько лет назад, сложилась ситуация с профицитом углеводородов, и цена упала. Многие наши арктические проекты оказались на грани рентабельности, а то и нерентабельными. Мы всегда призывали не просто гнаться за рекордами, надо искусственно уменьшать объемы добычи. Вот посмотрите, что буквально недавно произошло: с ОПЕК было принято совершенно уникальное решение, объемы сокращены. В итоге цена поднимется, и мы, продавая меньшие объемы, получим гораздо большие деньги. По сути дела, в прошлом и в этом году совершенно установлены рекорды по доходам бюджета за счет нефтегазовой отрасли.

Бодрунов: И сколько западный мир ни просил Арабский Восток дать побольше нефти, чтобы сбить цены, по политическим или экономическим причинам Восток на это не согласился. А Россия в этом плане выиграла как участник процесса.

Богоявленский: Да, мы выиграли, а они погнались за жар-птицей в виде зеленой энергетики, которая, конечно, будет развиваться, но не теми темпами, как их экономисты мечтали. И результат какой? Весь мир попал в огромный энергетический кризис, потому что банки перестали инвестировать в геологоразведку.

Максимов: Здесь я бы хотел вот что добавить. На самом деле нам имеет смысл использовать свое относительно дешевое сырье, разумно выдавая его и на внешний рынок,

и для себя, с той скоростью, которая кажется нам оптимальной с точки зрения будущего страны.

Бодрунов: Российская нефтяная отрасль, условно говоря, заточена на поставки на экспорт и по стране через трубопроводы. По стране понятно: газовозами не завезешь, значит, надо по трубе, но за рубеж вроде бы хорошо было по трубе, однако последние события показали, что трубы — штука уязвимая. Хорошо было бы иметь кроме трубы, на мой взгляд, еще какие-то заводы по сжижению: погрузили — повезли, например, по Северному морскому пути. Мы можем перенаправить этот поток в Африку, куда-то еще. Есть у нас осознание важности этой задачи, Василий Игоревич?

Богоявленский: Есть полное осознание и планы увеличения объемов производства сжиженного газа, которые могут транспортироваться специальными танкерами — газовозами. Что отрадно, что если для первого, например, завода на Сахалине все газовозы строились за рубежом, для второго завода «Ямал СПГ» они строились тоже за рубежом, главным образом в Корее, то для проекта «Арктик СПГ-2» производство организуется на Дальнем Востоке. Поэтому и то, и другое направление должны развиваться. На расстоянии трех тысяч километров, конечно, трубный газ будет дешевле. На большие расстояния будет уже рентабельнее сжижать газ.

СОБЕСЕДНИКИ:

Алан Фриман,

член Исследовательской группы геополитэкономики,
профессор Университета Манитобы (Канада)

Сергей Дмитриевич Бодрунов,

президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор ИНИР имени С.Ю. Витте,
член-корреспондент РАН

Аннамария Артнэр,

PhD, старший научный сотрудник Института мировой экономики, профессор Университета имени Милтона Фридмана (Венгрия)

Александр Владимирович Бузгалин,

д.э.н., профессор, руководитель Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Радика Десаи,

PhD, директор Исследовательской группы геополитэкономики, профессор Университета Манитобы (Канада)

Андрей Иванович Колганов,

д.э.н., профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Геннадий Васильевич Лобастов,

д.ф.н., профессор кафедры философии МАИ

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: ЗНАНИЯ. МЕНТАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ. КРЕАТИВНОСТЬ

По материалам семинара ИНИР имени С.Ю. Витте от 5.04.2023

Мелег Аттила,
PhD, профессор, директор Института демографических исследований, Институт социологии Университета Корвина в Будапеште (Венгрия)

Михаил Юрьевич Павлов,
к.э.н., доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зенфира Рафкатовна Хабибуллина,
к.э.н., ведущий научный сотрудник ИНИР имени С.Ю. Витте

Наталья Геннадьевна Яковлева,
д.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Бузгалин: Уважаемые коллеги, хочу сразу подчеркнуть, что эта встреча — одна из многих. Наши семинары начались в Санкт-Петербурге, мы встречались в Кембридже, впереди нас ждет Китай. Как только немного изменится ситуация, нас хотят пригласить в Бразилию, где на португальском языке вышла книга Сергея Дмитриевича Бодрунова. Я уже не говорю про Сербию, Германию и так далее. Несмотря на сложную международную обстановку, диалог ученых из разных стран мира с российскими учеными продолжается. Ученые понимают реальные противоречия сегодняшнего мира, их сложность, анализируют и объективно оценивают их. Наш сегодняшний семинар — тому подтверждение.

Его основная тема контрапунктом соединила исследования Сергея Дмитриевича Бодрунова, теоретика ноономики, и Алана Фримана, не просто исследователя креативной экономики и автора сотен работ на разных языках, но и практика. Он работал советником по развитию креативной экономики мэра Большого Лондона. Большой Лондон — это экономическая система, сопоставимая со средней страной мира. Именно стык проблем креативности, ноономики и феномена «ментальный объект» (возможно, мы поймем сегодня, что это такое) и является темой нашей встречи.

Алан Фриман: Мой основной тезис состоит в том, что в экономике существует незамещаемый труд. Это труд, который не может быть замещен машинами, станками, роботами. Я утверждаю, что такой вид труда сейчас растет по отношению к общему объему труда. Это, по сути, новый этап капитализма. До сих пор локомотивом прогресса была замена ручного труда машинами. Однако этот этап заканчивается, потому что творческий труд и другие виды труда не могут заменить машины. А значит, неоклассическая производственная функция уже не дает нам понимания или представления, куда двигаться дальше. Поэтому машины, на которые ориентируется сегодня капитал, по сути, выдохлись, истощили перспективы, потенциал своего развития. Мы должны задействовать машины только как вспомогательный механизм, и тогда мы переходим как раз к тому, что я называю «незамещаемый труд, незамещаемые трудовые ресурсы».

Здесь есть два вида ресурсов — творческие трудовые ресурсы и человеческие ресурсы. В некоторых аспектах люди просто предпочитают общаться с людьми, даже если машины делают что-то лучше. Также есть области, в которых невозможно использовать машины, потому что есть разница между предикативными расчетами (то, что делают люди) и механическими (то, что делают машины). Я хотел бы здесь сослаться на Алана Тьюринга, который доказывает, что жизненные функции человека, особенно творческие, невозможно заменить машиной. Это некое фундаментальное утверждение, фундаментальный тезис.

Давайте перейдем к конкретным доказательствам.

Ранее я заблуждался, думая, что слово «ноономика» на английский язык лучше перевести как *mental economy*, но теперь я понимаю, что это неправильно. Изучив труды, которые мне направил Сергей Бодронов, я понял, что ошибался. Английский термин *поопоту* вводит немного в заблуждение. На мой взгляд, лучше использовать *Noonomics*, что снимет часть заблуждений.

И еще одна поправка, которую нужно внести, — «творческая отрасль». Этот термин придуман не мною. С 1990-х годов эта отрасль повлияла на национальную политику Австралии, Великобритании. Существует обширная литература по ней, поэтому в своем исследовании я лишь по касательной затрагиваю творческие отрасли, творческие профессии, и в этой части оно не является исчерпывающим. Я хочу построить некий мостик между творческими профессиями, творческими отраслями и ноономикой.

Сосредоточусь на своей теории — теории ментальных объектов, интеллектуальных объектов. Считаю, что как

раз она поможет нам приблизиться к тому, что называется знаниеемким или наукоемким производством. Однако, чтобы понять, что за ними скрывается, требуется рассмотреть несколько вопросов.

Во-первых, что же такое наукоемкое производство: сервисная отрасль или сектор услуг? Сейчас 84% рабочих ресурсов находится как раз в сфере услуг, и в целом мы наблюдаем, что в ней появляется все больше и больше рабочих мест. Тут возникает проблема с терминологией, потому что в основном мы используем термины из материального производства, но сейчас капитализм по сути уже производит не материальные объекты, а нематериальные, неосвязаемые, поэтому следует задаться вопросом: а что же они производят?

Во-вторых: достаточно ли хорошо определена концепция наукоемкой экономики? Если нет, можем ли мы использовать какую-то альтернативу? Можно ли каким-то образом количественно измерить ноономику, используя теоретическую основу для этого? Каким образом мы можем обеспечить надежную сравнительную статистику? Когда есть цифры, можно изучать тенденции, есть возможность оценивать, что происходило в стране со временем. На эти вопросы я и попытаюсь ответить. Итак, а что же такое производство? Очень простой вопрос. Но я задам его иначе: что, допустим, делают компании, которые производят программное обеспечение (ПО)? Статистика, которая у меня есть, считаю, она точная, свидетельствует, что самый большой сектор, подсектор в сфере услуг — это производство ПО. И, по сути, именно на основе ПО развиваются и другие сферы, например мобильные телефоны и т.п. То есть все, что связано с компьютерными технологиями, фактически основывается на ПО. В 2022 году две из трех крупнейших компаний в мире — Apple и Microsoft — 10 лет назад не входили даже в пятерку. Так в чем же дело? В чем смысл продукции, которая используется ими? И каким образом мы определяем результаты их деятельности как знание?

Хотел бы ввести очень важный экономический пункт: ментальные, интеллектуальные объекты — это как раз результат деятельности сферы услуг. Сначала мы определим их. Но отмечу, что они могут рассматриваться и как сырье, и как результат деятельности.

Представим: есть автомобиль и для того, чтобы задействовать, скажем, его трансмиссию, можно использовать компьютерную программу. В этом случае компания должна закупить ПО у той компании, которая его производит, то есть интеллектуальный труд используется в качестве источника, ресурса для производства данного ПО. Затем производитель автомобилей применяет эту

программу. У нас появляются отдельные этапы: создание программы, а затем ее применение.

Теперь перейдем к компаниям, которые производят программное обеспечение. Что же они делают? Мне кажется, эта отрасль — архетип. И результаты их труда — это неосязаемые, нематериальные объекты, то есть мы не можем их потрогать, пощупать, понюхать. Нет какой-то конкретной материальной формы. Программное приложение где может быть реализовано? В компьютере, телефоне, в виде текста или даже в голове. И здесь можно провести аналогию с книгой: она может быть написана писателем в печатном виде, электронном или вообще храниться в его голове. Это примерно одно и то же, ведь, по сути, книга одна и неважно, на бумаге она, в компьютере: ее наличие не зависит от формы.

Хорошо, а что же скрывается за ней? Для этого надо определить, что такое книга, что такое компьютерное приложение и для чего оно используется. Мне кажется, что тут могут прозвучать два неверных ответа на этот вопрос. Первый: эти интеллектуальные продукты особо никак не используются. Зачем нам TikTok? Он бесполезен, в него просто дети играют. Или еще: ПО не повышает продуктивность. По-моему, такой ответ — очень серьезная ошибка, потому что эти интеллектуальные ресурсы никак количественно не определяются. Мне кажется, что ответить на такие возражения очень просто: люди их используют. Карл Маркс тоже приводил такой аргумент. В первом томе «Капитала» он отмечает, что польза — это то, что используют люди либо для живота, либо для головы. Если люди используют, значит, от этого есть какая-то польза, правильно?

Второй неправильный ответ, который я слышу: ПО используют неправильно, не нужно так использовать, не нужно рэп придумывать, и граффити рисовать на стенах или TikTok использовать. Я так не считаю. Все можно использовать неправильно. Машины, танки — они же все равно товары, их по-прежнему производят. И нет разницы между материальным и ментальным объектом. Нельзя просто так сказать, что это правильно используется, а это — неправильно. И кроме того, мы же ученые, мы не критики, наша задача — не критиковать моральный выбор людей. Мы должны просто внимательно изучать выбор, который они делают, бесстрастно. И здесь ноономика как раз и вступает в силу. Надо изучать механизм, каким образом они приходят к этому выбору. Это рыночный механизм? Рыночный механизм не смог дать людям правильный выбор, он заставляет людей приходить к неправильному

выбору. Речь не идет о том, что это производство. Да, это производственный момент, потому что деньги-то получают, но рыночный механизм превращает это в некую очень неприятную, неправильную форму производства.

Что же такое производство? Согласно теории капитализма, производство создает некие ценности на продажу, то есть товары. Об этом говорил и Смит, и Маркс. В капитализме ПО тоже является товаром. А для чего оно используется?

Здесь проведем границу. А именно, речь идет о создании, применении и воспроизводстве некоего ментального объекта. Это все считается продуктивной деятельностью, производственной деятельностью. И мы должны просто анализировать эти формы в обществе. То же самое касается, кстати, искусства.

Что же такое ментальный объект? Я определяю его следующим образом: это что-то, чье содержание остается таким же независимо от материальной формы. Это может быть компьютерное приложение, текст, музыка, видео. То есть можно переносить и передавать, можно менять, переносить из одной формы в другую, передавать другому человеку. Это носит нематериальный характер. Можно переносить из одной материальной формы в другую, но при этом некая сущность остается. Я же могу написать книгу, затем записать ее на аудио, расшифровать, напечатать. Правильно? Но этот объект существует в двух основных формах — активной и пассивной.

Идея в моей голове помогает мне поменять что-то. Вот я говорю: «Поменяйте слайд» — и слайд меняется, то есть мысль меняет что-то в материальном мире. У компьютера, допустим, активное взаимоотношение. Вы не можете положить книгу на стол и сказать: «Книга, поменяй слайды». Нет. А компьютеру можете сказать: «Сири, пожалуйста, следующий слайд» — и Сири пролистнет слайд. То есть фактически ментальный объект — это что-то активное.

Здесь очень простая таксономия. Творческая отрасль делится на три аспекта: сначала это создание, затем — применение и воспроизводство. У нас есть несколько примеров создания: это может быть написание компьютерной программы, открытие теории, создание симфонии. Применение — это конкретная реализация программы, создание какого-то устройства или же исполнение музыкального произведения. И воспроизведение — это уже массовое производство конкретного устройства, и здесь нам нужны как раз машины. Нам нужно машинное производство как фундамент для массового воспроизводства креативных объектов.

У нас есть примеры по каждому из этих этапов. Но самый емкий процесс из них — это именно воспроизводство. Я сейчас занимаюсь воспроизводством: сначала я написал слайды, то есть создал, затем упаковал их в программу — это применение, а сейчас я их воспроизвожу.

И тут возникает важный вопрос как раз для дискуссии: должны ли ментальные объекты быть бесплатными? Да, но в капиталистическом мире — нет. Ведь создание, применение и воспроизводство — это этапы, на которых используются трудовые ресурсы. Воссоздать что-то без воспроизводства нельзя. Точнее, можно, конечно, но это будет как в Средние века: художник нарисовал картину, она где-то висит, но никто об этом не знает. Если у вас нет доступа к дворцу, то вы никогда ее не увидите. Поэтому в целом творческое производство (здесь могут быть как раз вопросы и сомнения, потому что мы можем говорить о разных аспектах) не бесплатно. Это одна из функций ноономики.

Функция экономики — как раз сделать это бесплатным. Поэтому нужно найти нерыночные механизмы, чтобы творческие товары были доступны бесплатно. Воспроизводство, конечно, стоит чего-то, но в тысячи раз меньше, чем создание. Допустим, четыре человека создали вакцину от коронавируса, а затем уже миллионы людей задействованы для того, чтобы ее воспроизвести. Не знаю, хорошо это или плохо, но ведь люди покупают или государство закупает. Это же тоже товар. Здесь нужно много чего учитывать.

И начать нужно с системы интеллектуального права. На мой взгляд, она сейчас плохо ассоциирована с основной функцией рынка. Необходимо вознаграждать создателей интеллектуальных товаров. Существующая проблема с массовым доступом к искусству в чем заключается? В том, что творческие люди получают недостаточное вознаграждение, потому что владельцы интеллектуальной собственности все монополизируют. Поэтому законы по интеллектуальной собственности должны быть реформированы. И мне кажется, ноономика могла бы внести важный вклад в это. И в Китае, и в Великобритании сейчас все обсуждают новые идеи о том, каким образом необходимо изменить систему интеллектуального права. Даже в Австрии критикуют интеллектуальное право. Говорят, что оно создает ограничения для торговли вместо того, чтобы снимать барьеры. Капитализм ограничивает доступ к чему-то, чтобы обеспечивать законы собственности.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, друзья, единомышленники, я счастлив, что у нас есть возможность собраться. Этот международный семинар, организованный нашим Институтом нового индустриального развития имени С.Ю. Витте продолжает долгую и славную традицию международных диалогов. На междисциплинарном уровне мы рассматриваем фундаментальные проблемы общественного развития. И хотя институт называется «нового индустриального развития», на самом деле он изучает проблемы общественного развития. Почему? Потому что в основе того, как мы понимаем общественное развитие, лежат индустриальные изменения, индустриальное развитие. Именно так поставлена цель. Сегодня это важно подчеркнуть как никогда.

События последнего десятилетия, особенно последних 3–4 лет, вместивших в себя пандемию, природные катастрофы, политические и военные конфликты, обострившиеся экономические проблемы, не могут не наложить свой серьезный отпечаток на деятельность всего научного сообщества, и поэтому наша сегодняшняя международная встреча очень важна. Очень ценно наше международное сотрудничество, которое позволяет вырабатывать идеи, предложения, направленные на устранение последствий возникающих препятствий на пути, я бы сказал, цивилизационного развития, и недопущение возникновения новых таких препятствий. Полагаю, что эту ценность ощущают все участники научной встречи.

Я рад приветствовать всех коллег — и тех, кто смог приехать в Москву, и тех, кто присоединился к нам онлайн. Надеюсь, что, несмотря на жаркую научную дискуссию, которая, уверен, сегодня состоится, мы все сохраним теплое чувство причастности к международной семье ученых, совместно решающих важнейшие проблемы нашей современности.

В прошлом году наш институт отметил свое 25-летие. В этом году исполняется 15 лет нашему семинару. За эти годы мы встречались десятки раз, наши семинары, как вы знаете, проходили в Доме ученых в Санкт-Петербурге, в Московском государственном университете, в Кембридже, Вене, Мексике, Бразилии, во многих других странах мира, где мы, как ученые, дискутировали на тему развития нашего общества, как мы его понимаем. Конечно, обсуждали пути решения проблем, которые выдвигает наш институт. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность пригласившему нас сегодня Международному Союзу экономистов, который предоставил нам помещение, техническое обслуживание и все свои возможности для встречи.

Итак, доклад.

Тема нашей встречи очень актуальна. Она важна не только как продолжение исследования в сфере индустриального развития и теории ноономики, чему посвящена работа нашего института, но и в контексте поиска ответа на те вызовы, которые ставит перед нами начавшийся переход к новому этапу цивилизационного развития.

Сегодня в центре внимания оказалась сложнейшая проблема, над решением которой человечество бьется без всякого преувеличения тысячелетия, но которая по-прежнему остается открытой, — это исследование феномена творчества. Ему посвящены многочисленные работы философов, психологов, теологов, экономистов. В мои задачи, конечно же, не входит анализ всего этого гигантского наследия. Предметом моего сообщения является на первый взгляд более узкая тема — это экономический взгляд на творчество, приближенный к реальным проблемам рыночной экономики. Подчеркну: рыночной экономики. В то же время он не может не быть обращен к ряду фундаментальных вопросов. Уже сам названный мною спектр наук, рассматривающий этот феномен, подчеркивает необходимость его исследования не только такими узконаправленными методами, но и комплексно, в рамках, я бы сказал, метатеоретического подхода.

Что касается творчества как феномена рыночной экономики, то в современной экономической литературе оно рассматривается преимущественно через призму креативного бизнеса, креативных индустрий, в центре которых оказываются сферы, статистически относимые к таковым в международной статистике. Алан не зря поднял вопрос: как измерять? Это, действительно, огромная проблема. Однако многие экономические измерения являются условными, например, мы говорим об условности ВВП. Условно и измерение многих других показателей. Можно сказать, что многие из них находятся на уровне «нравится — не нравится». И это проблема. Конечно, понятно, что можно исследовать то, что можно измерить и сразу посчитать, — это сферы шоу-бизнеса, моды, игр, дизайна, производства программного обеспечения и так далее.

Но достаточно ли этого? Думаю, что нет. Даже не обращаясь к фундаментальным проблемам метатеоретического дискурса, в котором нужно рассматривать феномен творчества, и, оставаясь на уровне анализа практик, мы можем и должны зафиксировать, что наиболее массовыми сферами, в которых труд может носить и отчасти носит творческий характер, является не только искусство в рыночном сегменте, но и наука, образование и производство в той мере, в какой оно становится знаниеемким в рамках перехода

к НИО.2, новому индустриальному второму поколению (мы еще вернемся к этой теме). Мы эту тему давно развиваем на нашем ежегодном конгрессе «Производство. Наука. Общество», посвященном исследованиям проблем развития и интеграции производства, науки и образования, где анализируется потенциал этих сфер как подпространств творческой деятельности и одновременно подчеркивается, что в условиях господства неолиберальной модели капитализма их творческая природа деформируется процессами коммерциализации и бюрократизации. Коллеги по этому поводу написали много научных работ.

Это еще не все. Человек — вообще-то творец, демиург, креатор по своей природе, и вся его деятельность неразрывно сопровождается творением, в том числе экономическая, где оно присутствует в разной пропорции, в разных сферах, вплоть до тех, где оно занимает основное место, в тех самых сферах, о которых я упоминал. Тем не менее опущу здесь анализ сфер творчества, отмечу только, что один из признанных лидеров в социологическом исследовании феномена творчества Ричард Флорида в своих работах, посвященных исследованию так называемого креативного класса, показал, что пространство его жизнедеятельности в развитых странах уже в прошлом десятилетии составляло порядка 40% занятых.

Однако творческая деятельность, даже в экономике, очевидно, не должна сводиться только к креативным индустриям. Наш уважаемый коллега, по существу, также не сводит проблемы творчества в экономике к этим креативным индустриям, и я с ним в этом согласен. Но тем не менее считаю, что феномен творчества в современной экономике — это не экзотика, это уже, действительно, центральный вопрос будущего развития производства и общества. Почему? На этом хочу остановиться специально.

Выше я упомянул, что современное производство становится знаниеемким. Доказательству этого тезиса мы посвятили 10 лет работы, и сейчас он стал едва ли не общепризнанным. Но что имплементирует знания в производство? Подчеркну: знания и как ресурс, и как результат, и как атрибут процесса производства. Я скажу: творческая деятельность, по-моему мнению, именно она.

Во-первых, творчество в процессе создания технологий самого производства, создания знаниеемкого производства — это НИОКР, программное обеспечение, ноу-хау и, прежде всего, фундаментальная наука.

Во-вторых, творчество есть непрменный компонент процесса управления знаниеемким производством.

В-третьих, творчество непосредственно в процессе производства как труд высококвалифицированных, квалифи-

цированных, то есть обладающих квалификацией, знанием предмета и, более того, знанием использования знания, то есть креативным потенциалом, специалистов.

Важнейшие наблюдения есть и у профессора Алана Фримана. Говоря о творческом продукте, он отмечает в своей книге, цитирую: «отличительной особенностью является квалифицированный характер задействованной в его создании работы». И тут же добавляет: «вот откуда возникает добавленная стоимость». Таким образом, профессор Фриман практически признает связанность творческого и знаниевого компонентов труда. С возрастанием одной, растет и другая.

Коллеги, а с деградацией объема знаний, задействованных в труде при производстве продукта, снижается и творческий элемент трудового процесса. Здесь нет противоречия с понятиями знаниеемкого продукта, знаниеинтенсивного производства, где, подчеркну, снижается количество труда. Не растет, а снижается, поскольку мы говорим о труде исключительно как об особом компоненте производства, труде человека. Машина, заменяющая труд человека, не заменяет его труд как вид деятельности, а лишь замещает эту компоненту производства (труд человека) работой технического устройства. Тем самым мы четко отделяем труд человека от замещающей его работы механического устройства: первый содержит творческий элемент, а второй — нет.

Что скажут мои оппоненты? Разве в других сферах деятельности человека нет места творчеству? Об этом пишет и наш коллега, и я с ним соглашусь: безусловно, есть. Но, друзья, именно индустриальное развитие материального производства, переход к технологиям более высоких укладов, повышающих знаниеемкость общественного производства и обеспечивающих возрастание роли знания как фактора производства, становящегося его основным фактором, основным ресурсом, является базовым отличительным признаком (это у нас в теории ноономики) нового качества индустрии эпохи НИО.2. При этом творческий процесс не только неотделим от процесса открытия, переработки, имплементации знания в технологии и другие компоненты производства, в том числе в труд, а наоборот и есть, собственно говоря, создание, осознание и освоение нового знания, метазнание. Именно эти процессы и становятся основным фактором повышения доли креативной индустрии в современной экономике.

Отступлю от темы сегодняшней дискуссии в порядке разъяснения своей позиции по вопросу применения знаний в производстве. Уважаемый профессор в одной из своих статей пишет: «Подводя итог, отметим, что знание не применя-

ется в качестве внешнего фактора к процессу производства, но еще до начала производства является “встроенным” в материалы, инструменты и объединяющий их труд. Поэтому Бодрунов приближается к истинному положению дел, когда пишет, что сегодня развитие техносферы обусловлено не орудиями производства и их квалифицированным применением, а силой знания, которое включено в эти инструменты и лежит в основе способности применять их и повышать эффективность производства. Ему (Бодрунову) только надо было убрать слово “сегодня”. То, что меняется в современной экономике, — это не существование ментального содержания и не добавление чего-то, что на самом деле всегда было там, а тот способ, в котором это ментальное содержание соотносится с производством».

Коллеги, странно, что Алан, мой друг, упрекает меня в том, с чем я абсолютно согласен и не раз декларировал. Более того, посмотрите на так называемый крест Бодрунова. Он как раз об этом. Другое дело, что я всегда подчеркивал то, что упустили при анализе многие коллеги, в том числе и Алан, — взгляд на индустриальное развитие на основе смены тех укладов или парадигм развития, если смотреть по Карлоте Перес, который приводит к вопросу: а что является их границей, новым качеством и так далее?

Нынешний этап — переходный. Подчеркиваю. И хотя, конечно, знание с большой буквы, условно говоря, есть неотъемлемая часть всех компонент производства (и так было всегда, более того, доля знаний и, заметим, творческой компоненты постоянно росла), но именно сейчас знания становятся тем самым основным фактором развития производства, в отличие от предыдущего этапа. Именно знание, а не наличие сырья, материалов, энергии и так далее сейчас действительно начинает превалирующим образом обуславливать развитие. Отсюда заметно и возрастание доли творческого элемента в труде и экономике. Рост был всегда. Текущий скачок роста мы объяснили. Именно это я и подчеркиваю. Полагаю, что в этом мы абсолютно сходимся с профессором Фриманом, как и в ряде других вопросов, где он по-своему трактует идеи ноономики.

По поводу его критики моих представлений, которые он почерпнул из моей книги «Ноономика», скажу, что тут, вероятно, проблема в недостаточной развернутости тезисов в ней, разбросе моих тезисов по нескольким сотням статей и десяткам других книг либо в нюансах перевода. Я согласен с Аланом, здесь действительно много нюансов. Пора, видимо, писать большую книгу, систематизировать все аспекты теории ноономики, так сказать, в одном флаконе и оставлять поменьше нераскрытых лакун и неясных формулировок.

Сделаю еще одну ссылку на профессора Фримана. Он пишет, что постиндустриальное общество остается экономическим. Мы же в теории ноономики убедительно доказываем, что общественное развитие, идя по пути достижения нового качества индустрии, в том числе за счет постепенного снижения доли труда человека в политэкономическом понимании в общественном производстве, с одновременным качественным преобразованием характера труда, знаниеинтенсивный и преимущественно творческий, переходящий в деятельность, не являющуюся трудом, продвигается к постэкономическому, неэкономическому обществу, притом остающемуся индустриальным по способу обеспечения потребностей человека, но на основе осознанного, творческого и квалифицированного участия человека в контроле и развитии индустриального процесса, то есть на основе тех самых особых отношений с машинами (это слова Алана), о которых, полагаю, говорит в своей книге наш уважаемый коллега. И я с ним в этом смысле полностью согласен, когда он говорит: «мы являемся свидетелями не конца индустрии, а нового типа индустрии».

Концептуальное обобщение в теории ноономики этих глубоких изменений, затрагивающих все сферы жизнедеятельности общества в условиях развития высоких технологий и перехода от репродуктивного труда к преимущественно творческой деятельности, и не только в производстве, науке, образовании и так далее, но и в социально-экономических отношениях, институтах, культуре, мы с вами наблюдаем сегодня. Нами в ИНИРе уже более 10 лет назад была предложена в качестве такого концептуального обобщения как раз теория нового индустриального общества второго поколения НИО.2. Большинство участников знакомы с ней, поэтому идем дальше.

Теория НИО.2, дав ответы на вопросы, которые ставит развитие высоких технологий, в том числе частично затронув проблему о месте и роли в этом процессе творческого труда, оказалась недостаточна для ответа на многие более масштабные вызовы теории и практики. Какие именно? Я имею в виду вызовы, связанные в том числе с феноменом творчества как предмета не только и не столько экономического, сколько социологического исследования.

Обратимся вновь к идеям профессора Фримана, к его фундаментальным работам по проблеме творчества. Хочу заострить внимание на двух очень важных характеристиках креативности, которые он дает. Это, во-первых, характеристика творчества как немеханизируемой деятельности, во-вторых, деятельность, в которой присутствуют так называемые ментальные объекты. Об этом сегодня уже шла речь. Хотел бы, в целом признавая глубину представления феномена творчества с точки зрения этих характеристик, дать свое видение

Первая характеристика вызывает у меня меньше всего возражений. Действительно, со времен Карла Маркса, а может быть, даже с Леонардо да Винчи, известно, что будущее общество должно достигнуть такого уровня развития, когда машины будут выполнять вместо работников все функции репродуктивного, нетворческого труда, а человек будет развиваться в пространстве царства свободы, лежащего, по словам того же Маркса, по ту сторону собственно материального производства. Это не простые слова. Вдумаемся в них. Конечно, мы также это принимаем. В теории ноономики мы говорим о самодействующей индустриальной системе под контролем человека.

Однако здесь мы подходим к необходимости взглянуть на проблему творчества шире. В самом деле, если творчество — это немашинизируемый труд, то он, по-видимому, должен обладать неккими атрибутами, качественно отличающими его от машинизируемого труда. Какими именно? Не предвосхищая анализа понятия «ментальные объекты», к которым мы обратимся чуть ниже, я замечу: в работах философов, социологов, экономистов второй половины XX века, вышедших как в нашей стране, так и за рубежом, отмечается такая важнейшая, для нашего анализа особенно, черта творческого труда, как самомотивация.

Мотивацией к труду в пространстве творчества является сам труд, где он как таковой становится потребностью. Более того, я бы добавил: в неэкономическом обществе, где материальной базой удовлетворения потребностей станет самодействующая производственная система и где труд как экономический феномен и элемент производства трансформируется в деятельность, а творческий труд — в творческую деятельность, самомотивация станет единственной мотивацией такой деятельности. Эта характеристика, я бы сказал, переворачивает, сбрасывает, если можно так сказать, с шахматной доски истории всю привычную аксиоматику современной экономической науки, во всяком случае, ее неоклассической версии. Напомню, за редким исключением, мы специально оговариваем, например, что в рамках поведенческой экономики труд вообще является обременением, а ценностью являются деньги. В рассматриваемом нами случае постепенного продвижения к умному производству и к творческой деятельности как доминирующим все меняется: труд все более творческий и постепенно теряющий экономический смысл, переходя в нетрудовую творческую деятельность, становится все более неэкономической потребностью творить, а утилитарное благо — средством развития человека как человека творческого, человека культурного. Именно так осуществляется переход к новому постэкономическому способу

удовлетворения потребностей, и именно из этого рождается новая постэкономическая реальность.

Вот так мы переходим в пространство генезиса ноономики, качественно нового мира, в котором на смену экономическому приходит постэкономический способ бытия человека.

Мы посвятили разработке и развитию концепции ноономики много лет. Нами и многими нашими коллегами опубликованы сотни статей, масса книг на разных языках, мы не раз обсуждали эти идеи на наших встречах. Более того, профессор Алан Фриман является одним из авторов нашей с ним и профессором Радикой Десаи совместной книги. Поэтому я не буду подробно останавливаться на базовых идеях теории ноономики, но остановлюсь на анализе тех феноменов или категорий, о которых пишет и говорит наш коллега и которые в свете теории ноономики, я бы сказал, получают новое звучание. Собственно, этот анализ во многом дополняет нашу совместную книгу, и, пожалуй, сегодняшняя дискуссия может войти — это мое предложение — в ее второе издание.

Прежде всего остановлюсь на понятии «немеханизированный труд». Это определение творческой деятельности, на наш взгляд, весьма продуктивно для характеристики этого специфического типа трудовой деятельности в, подчеркниваю, экономическом обществе. Оно перекликается как с классическим определением творческого труда в работах ученых XX века и даже с характеристиками мира будущего в программе построения материальной базы коммунизма, принятой на XXII Съезде КПСС еще в 1961 году, так и с многочисленными презентациями этого мира в работах советских писателей-футурологов, например Ивана Ефремова, известного советского писателя, профессора. Данное понятие также уместно в свете идей большого ученого Кристофера Фримана. Это понятие, наконец, созвучно и тем характеристикам производства, основанного на высоких технологиях, которые даются учеными XXI века.

Мы в ИНИРе однако склонны говорить об этом, используя термин «умное производство», в котором определяющую роль, как я уже отметил, играют знания, а также о знаниеинтенсивном производстве знаниеемкого продукта как неотъемлемом атрибуте нового индустриального общества второго поколения. Это не вопрос вкуса и выбора терминов. Задача замещения труда человека функционированием машин с одновременным возрастанием роли и доли немеханизированного труда решается только как следствие перехода к НИО.2 во всем богатстве его характеристик, и никак иначе. Именно выбором термина «знаниеемкое производство» мы даем не просто расширительное понимание тако-

го типа труда, как творческий процесс в ходе процесса индустриального, но и связываем воедино основные факторы, обеспечивающие этот процесс знания, процесс их освоения, имплементации и, главное, перетекания творческого элемента деятельности в машинизируемый.

Вам кажется, я оговорился. Нет, не оговорился. Дело в том, что творчество как феномен имеет особое овеществление, проявление в бытии человека. С этим, как мы понимаем, согласен и профессор Фриман, говоря о материализации ментальных объектов, о которых мы расскажем чуть позже. Творческий процесс в ИНИРе мы считаем немашинизируемым, в отличие от тех, кто сегодня готов утверждать, что искусственный интеллект способен быть творцом, однако творческий труд позволяет создать вполне нетворческий продукт. Более того, любой продукт — изначально результат творческого акта, цепочки творческих актов, творческого процесса, направленного на преобразование действительности. Далее этот процесс создания продукта, его масштабирование в своем развитии становится машинизируемым. Мимоходом замечу, что машина не есть творение Божие, она творение человека, результат материального воплощения того же творческого акта. Существует невидимая грань, пройдя которую немашинизируемый творческий процесс перетекает в машинизируемый.

Надо хорошо знать производство, коллеги. И здесь мы обратимся к наследию Кристофера Фримана, цитирую: «любая инновация как результат творческого освоения действительности постепенно с развитием технологий и иных производственных процессов опять же через творческое постижение этой реальности машинизируется, но открывая тем самым человеку новое пространство для постижения нового знания и для нового акта творчества».

В связи с этим хотелось бы особо обсудить понятие «ментальный объект», которому в работах Алана Фримана придается большое значение, равно как и феномену и соответствующему понятию «ментальная экономика», с которым он нас сегодня немножко познакомил. Более того, в наших диалогах Алан даже предлагал мне использовать его вместо понятия «ноономика», аргументируя это тем, что в обоих случаях речь идет о разуме. То, что в основе данных понятий лежит новое представление о бытии и деятельности человека, преобразовании окружающего мира через знание — это абсолютно верно. Однако мне представляется, что ментальная экономика и ноономика существенно различаются, они не совпадают ни по содержанию, ни по объему понятия.

Как мы поняли, феномен «ментальный объект» во многом остается не строго определенным. Профессор Алан

Фриман определяет его «как воспроизводимую сущность, проявляющуюся в различных физических формах, с распознаваемой самобытностью, независимой от этих физических форм». Очень хорошее определение. При этом физическая форма ментального объекта может преобразовываться из одного вида в другой, а сам ментальный объект становится частью бытия формы. Не будем погружаться в философскую проблему, насчитывающую тысячи лет, — соотношения формы и содержания. Но есть один момент — переход ментального объекта в часть нашего бытия, в некую форму, в которой и может быть реализован некий материальный объект. Таким образом, ментальный объект, как я это понимаю, — некий продукт разума, если хотите, даже результат творческого акта, существующего в пространстве разума, и, как можно предположить, трансформирующийся в другие объекты, имеющие предметное бытие в процессе деятельности человека. Во всяком случае, я бы так интерпретировал это понятие на языке социальной философии.

Данное понятие, безусловно, весьма интересно, и фиксирует важную сторону творческой деятельности, точнее ее результат, но оно вряд ли может претендовать на роль системного качества творческой деятельности. Данная деятельность не сводится исключительно к производству ментальных объектов — вот что я хотел бы подчеркнуть. Кроме того, ментальный объект не является, как мы понимаем, даже безусловным атрибутом творческой деятельности, творчества как феномена, которое может происходить и без создания ментальных объектов.

Подчеркну: мы исходим из примата производства, из качественных изменений в его содержании вследствие роста и его знаниеемкости, а не из некоторых свойств человеческого разума, способного творить и генерировать ментальные объекты, и не из соответствующих изменений в содержании труда, которые есть лишь одно из немногих слагаемых процесса общественного производства. Само такое изменение его содержания есть лишь следствие роста его знаниеемкости. В связи с этим мы согласны с тем, что термин «ментальный объект» весьма полезен для исследования феномена творческой деятельности, которое в свою очередь, как мы видим, полезно для исследования качественных текущих изменений социума.

Целостная характеристика этих изменений не может быть сведена к одному понятию — ни к ментальным объектам, ни к какому другому понятию творческой деятельности. На мой взгляд, требуется комплексная характеристика, объединяющая в систему различные стороны и аспекты переживаемых трансформаций. Именно такой

подход, такую метатеорию мы с вами сегодня и обсуждаем на нашем семинаре, выдвигая концепцию генезиса ноономики на базе развития нового индустриального общества второго поколения, что позволяет концептуализировать и обобщить частные характеристики изменений, описываемые в работах отечественных и зарубежных ученых, включая труды многих наших коллег, в том числе проблемы интеллектуальной экономики, ментальных объектов и так далее.

Отметим также, что наш уважаемый коллега из Китая — президент Всемирной политэкономической ассоциации член Китайской академии наук, профессор Чен Эньфу — разрабатывает вместе со своими коллегами концепцию так называемой интеллектуальной экономики. Так вот, ее основу составляет идея интеллектуализации и повышения творческого уровня труда. В выпущенной им книге, он пишет, что интеллектуализация входит в идейный каркас теории ноономики. Тем более мы не можем согласиться с отождествлением понятий «ментальная экономика» и «ноономика». Почему?

Во-первых, ноономика — это уже не экономика, это постэкономический способ удовлетворения общественных потребностей. Во-вторых, ноономика — это умная номика. Ноономика как способ хозяйствования, способ жизни, закон. Это не просто постэкономический мир, в котором изменяется все существующее в настоящее время общественное бытие. Мы только что отметили, что в нем изменяется производство, которое становится знаниеемким, но, главное, в нем изменяется и человек, который трансформируется из человека экономического в человека культурного, в человека творческого. Человечество в целом движется от зоо- к нооэре, и эта эра — в том числе эра творчества, бесконечного творчества на базе бесконечного знания. В-третьих, эти трансформации обусловят изменения в системе общественных отношений и институтов, опосредующий переход к постэкономической реальности.

Генезис ноономики предполагает единство четырех процессов — технологического прогресса, диффузии собственности, социализации экономики и общества и прогресса солидаризма. Вот эта квадрига ноономики, безусловно, предполагает в процессе продвижения ее элементов наличие феноменов, о которых мы сегодня говорим. Поэтому она принципиально не может быть сведена только к прогрессу немашинизируемого труда и к экономике ментальных объектов. Характеристику этих принципиальных отличий можно было бы продолжить, но в данном случае мне представляется более важным подчеркнуть следующее.

Концепция перехода к НИО.2 и дальнейшее продвижение к ноономике — это не академическая игра с понятиями или терминами, это теоретическое отображение глобального выбора человечества, того самого выбора между ноо и зоо. И сегодня мы — свидетели того, что этот выбор является не умозрительным, а уже сугубо практическим, начавшимся с мирового финансового и экономического кризиса 2008–2010 годов, продолжившимся пандемией и обострением сверх обычного политических конфликтов, эскалацией геополитических и экономических процессов, фундаментально исследуемых нашим другом профессором Радикой Десаи. Мы издали ее книгу — фундаментальный труд по этому поводу.

XXI век фактически ставит нас всех на грань выживания. Цивилизация как раз подходит к переломной точке своего развития, точке бифуркации, о которой мы говорили много-много лет назад. И выбрать позитивное развитие, а не хаос и регресс, можно лишь имея целостную научную картину объективных трендов прогресса. Концепция ноономики по поводу различных аспектов, о которых мы дискутируем, в том числе и сегодня, как показали последние годы, обретает все больше оснований для того, чтобы дать такую объективную картину. И я искренне благодарен всем, кто вносит свою лепту, свои краски в эту картину.

Мелег Аттила: Самое главное — дискуссию по ментальным объектам, то, о чем говорил Алан Фриман, и необходимость к прямому человеческому труду, на мой взгляд, нужно, конечно, привязать к вопросам социальных изменений. Что я имею в виду? Любой полноценный анализ, который пытается изучить потенциал человечества с разных сторон, должен, прежде всего, изучить динамику и разные факторы перемен в обществе. Нужно выявить эти тенденции в обществе, чтобы мы могли оценить потенциал. Поэтому я поддерживаю представленные Аланом Фриманом выкладки. Речь идет не просто о некоем будущем, но и об ориентировании на то, что происходит сейчас. Я не такой большой эксперт в создании ментальных объектов, я социолог и занимаюсь не совсем этими вопросами, но хотел бы добавить кое-что от себя.

Во-первых, любой анализ потенциала должен начинаться с образования. Мы видим, что есть проблемы. Наблюдается снижение качества образования, потому что все превращается в товар, услуги, и мы воспроизводим неглубокие знания в массовом порядке, что мешает развитию творчества. Кроме того, мы не знаем, какие есть институциональные гарантии, способные сформировать новые роли университетов, которые, по сути, потеряли

свое значение, они уже не несут некой миссии, как это было ранее. Поэтому сейчас нужно найти для них новую нишу, новую роль.

Во-вторых, у нас есть то, что называется «прямой человеческий труд», который обычно противопоставляется высококвалифицированному труду. Взять, допустим, нянечек в системе здравоохранения, тех, кто заботится о престарелых. Здесь у нас назревает масштабный кризис. Почему? Если коротко, то из-за того, что общество стареет. Конечно, с одной стороны, вроде бы ничего страшного, но, с другой, распределение труда и доходов происходит не в пользу производительных сил, что приводит к снижению стандартов качества, и наблюдается миграция тех, кто занимается этим видом труда. В итоге превращение данных услуг в некий товар на рынке вызывает огромные проблемы и с этим нужно что-то делать в будущем.

Аннамария Артнэр: По поводу творческого характера, креативности: говорят, что у нас наблюдается рост. А как его измерять? Допустим, огонь появился, начал распространяться. Как можно сказать, больше огня или меньше огня? Как посчитать? Поэтому я не доверяю голословному утверждению, что креативность на подъеме.

Мы говорим о наукоемких, знаниеемких отраслях экономики и про ментальные объекты, но сейчас у нас есть несколько полюсов: первый — это развитые страны, второй — развивающиеся страны. Поэтому мы не можем просто говорить о некой монолитной творческой креативной экономике. Аттила Мелег говорил, что нужно также думать о типе, режиме, способе производства, а профессор Бодрунов — о мотивации. Но самомотивация все-таки в разных обществах отличается, есть разные формы и степени мотивации — при коммунизме один настрой, а при капитализме — другой. Если при капитализме у нас мотивации, основанные на эгоизме, то при коммунизме у нас есть некое чувство общности, и именно это является основной мотивацией. А значит, и способы творчества, и его результаты тоже могут серьезно отличаться. Связь работника с его профессией, трудом, работой и его творческими интересами может быть разная.

Если капиталистический способ производства исчезнет и наступит социалистическая эволюция, то мы сможем тогда полностью развить эти взаимосвязи. Необходимо также создавать некий контент, который будет приносить пользу, — это тоже определяется способом производства. Мне кажется, основные вопросы: как можно сформулировать способ производства, который будет способствовать развитию креативности и пользе тех продуктов, которые будут создаваться? Речь не о том, что у нас будет или

не будет. Понятно, что будет социализм или варваризм. Но каким образом мы достигнем этого социализма?

У меня есть несколько комментариев к тому, что говорил Сергей Дмитриевич Бодрунов, по поводу ноономики. Ранее он писал и делал акцент на решительности экономической базы, говорил в том числе о надстройке и ее роли в связи с экономическим базисом. В этой связи я хотела бы подчеркнуть: иногда надстройка имеет более важную роль, особенно при трансформации общества от одной формы к другой — от капитализма к социализму.

И еще одна ремарка — технологическое развитие. Сергей Дмитриевич говорил о том, что технологии приводят к неким серьезным измерениям, в том числе в надстройке. Сначала технологический прогресс — потом изменения в обществе. Мне кажется, что это вписывается в концепцию технологического детерминизма. Необходимо говорить и о скорости, и о способе изменений, характеристике структур. Все это определяется способом производства и соответствующей надстройкой, поэтому в рамках общества, в рамках капитализма невозможно достичь уровня технологического развития следующего общества социализма.

Итак, трансформация общества требует изменения способа производства, базы, изменения отношения собственности и надстройки, конечно. Эти изменения приведут к новой технологии, новому уровню, новому технологическому укладу. Это будут революционные изменения. Но люди без этого не достигнут социализма и, конечно, не смогут быть оторваны от производства.

Бодрунов: Конечно, с госпожой Артнэр я во многом согласен, но, коллеги, хотел бы расставить акценты.

Первое. Говоря о мотивации и самомотивации, я, безусловно, понимаю, что мотивация существует разная. У одного одна мысль, у другого — другая. И даже к одному и тому же предмету мы относимся с разным интересом, отсюда разные мотивы поведения в отношении предмета или чего-нибудь другого. Когда я говорю о творческом труде, я не имею в виду мотивацию как таковую, как феномен, я имею в виду разновидность как самомотивацию. Самомотивация — это когда человек хочет сам творить не потому, что ему нужно экономически это делать, по экономическим причинам или по каким-то иным, а он просто захотел быть таким, захотел делать это. Когда вы делаете что-то, изучаете что-то не с экономической целью, это и есть самомотивация творческого труда. Если мы говорим о труде как об исключительно творческом труде, тогда мы говорим о самомотивации — основном мотиве творческого труда. Именно это я подразумевал, когда говорил

о том, что в будущем ноообществе труд превратится просто в деятельность, а не будет трудом ради экономических достижений и целей, в этом случае у человека не будет экономической мотивации, у него будет только мотивация творческого типа, самомотивация.

Что касается второго замечания, то профессор Артнэр сказала очень важную вещь. В рамках нашего политэкономического дискурса она обозначила в терминологии марксизма — базиса и надстройки — соотношение между экономической основой продвижения и изменением институтов общества. Понятно, что, если опираться на это, можно говорить о развитии из экономической базы некой надстройки, и в этом случае, действительно, возникает вопрос о технологическом детерминизме. Действительно ли только это так мешает или так обуславливает развитие?

Коллеги, я говорю о другом. Это не различие между базисом и надстройкой. На самом деле все находится в одном флаконе, и одно влияет на другое непрерывно, поэтому это и есть та самая системная связь, которая позволяет нам без революции, постепенно, но с позиции разума выстроить перестройку своих общественных отношений на благо человека, а не во вред ему, о чем говорил господин Фриман. Достижения научно-технического прогресса, достижения разума, достижения творчества нужны, чтобы построить нормальную жизнь, которая соответствовала бы новым критериям поведения в жизни.

И когда мы говорим о том, что в рамках капитализма это построить нельзя, я не могу с этим согласиться. Общество развивается, понятно, что его по-разному можно категорировать, по-разному выстраивать некие этапы развития общества в зависимости от разных критериев. Но я полагаю, что оно развивается непрерывно, постоянно и в зависимости от того, каковы базовые вещи в нем, можно по-разному его квалифицировать. Поэтому нынешнее общество вполне в состоянии на основе тех достижений, которые сегодня есть, достижений разума в технологиях, в понимании общественного устройства, в развитии философских наук, социологии и так далее выстроить нормальные отношения и построить нормальное общество во всем его многообразии.

Яковлева: В своем коротком выступлении я постараюсь сделать некую переключку и акцентировать позиции Сергея Дмитриевича и Алана и задать им один вопрос. Тема сегодняшней дискуссии, действительно, стратегическая, она будет обсуждаться годы, несмотря на то что уже обсуждается много лет. Почему? Потому что будущее за творческой деятельностью, но вопрос в том, что же это

такое — творческая деятельность? Если Алан Фриман отвечает на него, делая акценты в творчестве именно на нематериализуемому труду и на ментальных объектах, то Сергей Дмитриевич Бодрунов подчеркивает, что это важные моменты, но необходимо более широко смотреть на трансформации XXI века, описывать их и с учетом этого характеризовать творческую деятельность. Ведь трансформации XXI века захватывают все общественное производство — и технологии, и содержание труда, и социальные институты, и политику, и культуру.

Сергей Дмитриевич обобщает эти трансформации, вводя системно два понятия, а скорее, две крупные теории — это новое индустриальное общество второго поколения, в основе которого лежит знаниеемкое производство, и ноономика. Последняя отражает именно новое качество общественного бытия в этом широком системном понимании, в котором на смену экономическому выходит неэкономический способ удовлетворения человеческих потребностей. То есть, как подчеркивает Сергей Дмитриевич, в мире ноономики на смену человеку экономическому приходит человек культурный, то есть на смену императиву зоо приходит императив ноо. Алан Фриман делает, на первый взгляд, другой акцент, но это лишь на первый взгляд. Он достаточно подробно анализирует ту часть экономики, где творческая деятельность имеет широкое распространение, так называемая креативная экономика. И он приходит к выводу, что в этом пространстве — именно в этом пространстве — создаются ментальные объекты. Эта постановка кажется более узкой, нежели подход Сергея Дмитриевича, но в нем есть важнейший аспект, который пересекается с фундаментальным положением о ноопринципе будущего бытия общества.

В чем еще есть пересечения наших дискуссионтов и ученых? Они связаны с обращением к исследованию мира, в котором существуют необычные феномены. Сегодня об этом говорил и Алан, и Сергей Дмитриевич. В самом деле, посмотрите: стихи, симфонии, технологии — ведь они имеют многообразное материальное воплощение, но вместе с тем они существуют при этом в каждом из нас. Конечно, разница в том, как мы можем распредметить ту или иную симфонию, тот или иной рассказ. И Алан Фриман называет это ментальными объектами, а Сергей Дмитриевич называет, вернее не называет, а говорит именно о мире ноо в широком смысле.

Но у этого феномена, о котором я говорила, есть и другое имя — это «идеальное». Трактовка идеального как представления или отображения материальных феноменов в других материальных феноменах, возникшая

в результате творческой деятельности, — это важнейшее достижение творческого советского марксизма (ну, пожалуй, назову одно имя — это Эвальд Васильевич Ильенков). Так вот эти феномены были интерпретированы как культура.

И какие же следствия вытекают из этой постановки проблемы? Первое: творчество как пространство, время создания феноменов культуры может и должно по своей природе лежать по ту сторону отношений отчуждения, то есть рынка, частной собственности и так далее. И эта связь с особым авторским категориальным преломлением отражает теорию ноономики. Но есть и другой аспект, который подчеркивает Алан, — это практика позднего капитализма, где все более активно развивается креативный бизнес. О нем Алан как раз таки и говорит.

В этой связи возникает вопрос, который я хотела задать и Сергею Дмитриевичу, и Алану: как может и должно разрешаться противоречие между хронотопом, то есть временем и пространством творческой деятельности, творчества и миром отчуждения, в частности рынком в современном мире? И здесь хочу сделать особое уточнение — о том, как эту проблему решить в системе образования? Потому что образование, с одной стороны, это сфера, где творчество является атрибутивной характеристикой, а с другой, рынок и частная собственность хоть присутствуют, но не то чтобы не приживаются, они не являются важными и основными.

Алан Фриман: Хочу поблагодарить всех за сделанные комментарии и проиллюстрировать свой ответ примером метрополии Лондона.

Когда мы начинали преобразовывать Лондон, мы задали очень простой вопрос, мы спросили людей: «Вы живете, чтобы работать, или работаете, чтобы жить?» Это вопрос самомотивации. И 12% ответили: «Я живу, для того чтобы работать». Остальных в общем-то вынуждали работать, для того чтобы прокормиться. И мы захотели в два раза увеличить количество людей, которые живут, чтобы работать, но для этого нам надо было трансформировать организацию самого Большого Лондона, изменив все аспекты того, каким образом организована там была жизнь. Вот вам ответ.

Приведу один пример, с вашего позволения. Мы обнаружили, что в школах есть 300 языков, на которых говорят дети. Это их родные языки. Поэтому нам надо преобразовать систему образования так, чтобы освободить творчество тех детей, для кого английский не родной язык. 70% нашей жизни мы не всегда тратим на работу, ну люди в общем-то любят работать: когда я работал в профсоюзе, люди работали по 18 часов в день, а нам приходилось

их просто как-то останавливать от трудоголизма. В работе, с одной стороны, есть средство развития человека, а с другой стороны, важно, каким образом человек используется в производстве. Как-то надо найти баланс.

Бодрунов: На провокационный вопрос Натальи Геннадьевны хочется ответить, немного жестко. В мире на сегодняшний день существует одна очень важная проблема, которую мы все осознаем и часто умалчиваем. Это проблема не только отчуждения, это проблема расчеловечивания вообще. Я бы сказал так: современное общество дошло до состояния, когда человек постепенно, его функции превращаются в товар. Все функции, включая творческие. Об этом Алан тоже говорил. Когда мы превращаем некие акты творчества в экономические объекты, а их дальше уже превращают в объекты торга, купли-продажи и т.д., отсюда и возникает проблема с теми вещами, которые позволяют творчеству развиваться, например с образованием.

Что есть образование? Образование — это получение знания. Получение знания, как мы только что проследили в моем докладе, — это элемент приобщения к творчеству. Без знаний творчества не существует. Его нет. Поэтому повышение уровня образования, доступа к образованию в нашем современном обществе — это главная проблема и задача. Сегодня ее надо решать экономическими методами — через управление, повышение роли государства в обеспечении доступа к образованию для тех, кто не в состоянии его получать с юных лет. Высокий уровень образования необходим для того, чтобы развивался творческий процесс, чтобы творческие люди не терялись, чтобы их творческий потенциал рос и чтобы творческий элемент внедрялся во все элементы нашего бытия, во всю нашу жизнь, в том числе в производство и дальнейшее развитие нашего общества. Поэтому, когда мы говорим в ноономике о необходимости развития культуры в широком смысле этого слова, мы подразумеваем в том числе и развитие креатива, творчества, так сказать, творческого начала в людях и так далее.

Колганов: Концепция ноономики включает в себе огромный креативный потенциал. Это широкая междисциплинарная теоретическая платформа, что является редкостью среди теоретических концепций новейшего времени, они обычно более узко специализированы. Фактически мы видим перед собой пример применения материалистического понимания истории и человеческой цивилизации к современной эпохе, к проблемам ее развития. Таким образом, концепция ноономики дает нам методологиче-

ское основание для разработки и решения более специальных проблем как в рамках данной теории, так за ее пределами.

Какие проблемы мы можем решать?

Например, проблему содержания труда, проблему перехода от труда к творческой деятельности, проблему роста знаниеемкости производства и, в конечном итоге, проблеме эволюции современных производительных сил вообще: не только перехода от одной технологической парадигмы или технологического уклада к другому, но и качественной оценки тенденции развития этих производительных сил. Потому что когда мы говорим просто о технологических укладах или технологических парадигмах, не хочу сказать, что вообще выпадает из внимания, но в значительной мере остается в стороне то, что принципиально меняется роль знания и культуры в развитии производства. В теории ноономики это центральный момент.

Именно с позиций теории ноономики можно понять те проблемы, с которыми сталкивается, например, человечество при использовании искусственного интеллекта. Недавно появилось письмо большого числа экспертов в этой области, которые призвали остановить процесс машинного обучения, опасаясь тех последствий, к которым это может привести. Я думаю, они не в том увидели проблему.

Искусственный интеллект действительно таит в себе потенциальные риски, но они не связаны с тем, что он приобретет мифическую самостоятельность и случится бунт машин. Его основной риск в том, что люди начнут использовать искусственный интеллект как интеллектуальные костыли и перестанут развивать свой собственный интеллект. В этом основная его проблема. Аналогичная проблема возникает при гиподинамии, когда человек перестает двигаться и тем самым наносит ущерб самому себе, своей собственной природе. Та же самая проблема с перееданием, когда в погоне за вкусовыми ощущениями люди неконтролируемо начинают потреблять пищу и в результате возникает ожирение. Фактически в чем опасность искусственного интеллекта, точнее его применения? В отказе от приобретения новых знаний в пользу ограничения только подбором и систематизацией уже имеющихся. Да, это очень полезная функция, которую может выполнять искусственный интеллект для человека, но если не ограничить себя только этой функцией, то мы лишаем себя перспективы развития. Вот в чем проблема.

Другая сторона вопроса: а как влияет креативность на изменение экономических отношений, а затем — и на проблему эволюции экономических общественных отноше-

ний в неэкономические? Мы видим, что с развитием креативности у нас происходит изменение, эволюция отношений собственности, рынка, планирования, в конце концов меняется наша оценка того, какую роль играет в экономике финансовый капитал, и т.д. Креативность меняет социально-классовую структуру общества. Она уже не та, какая была в XIX веке, и даже не та, что была в середине XX века. Эта структура меняется именно под воздействием изменений роли творческого труда. Меняется природа самого человека. Новые знания, новые технологии, новые возможности создают развилку. Человек по-разному их может использовать: он может их использовать для развития своего потенциала, а может — для разного рода неконтролируемых, неосознаваемых и нерациональных процессов, которые могут подорвать сами основы человеческого существования. И мы тоже наблюдаем такие тенденции.

Ну и наконец, можно сказать, что есть проблема столкновения творческих процессов, творческой эволюции человеческой деятельности с существующей оболочкой экономических отношений, которые придают им очень искаженную форму. Скажем, концепция человеческого капитала — это, на мой взгляд, неадекватное отражение возрастания роли творческой деятельности человека, потому что она сводит этот процесс только к зарабатыванию денег.

Павлов: Сегодня поднимались очень интересные темы, причем, на мой взгляд, сразу в нескольких плоскостях — с точки зрения теории, с точки зрения движения от абстрактного к конкретному и с точки зрения реальности. Много говорилось и о материализме. Материализм Маркса состоит в том, что должны произойти определенные материальные трансформации бытия, определяющего сознание. Должны были произойти очень большие пространственные изменения в плане конфигурации производства и деятельности человека в целом, потребления в том числе. Но эти изменения не произошли. Сегодня мы можем говорить о том, какими они будут. И вот огромная заслуга докладчиков в том, что они попытались дать более четкие характеристики этим изменениям.

Что касается организации пространства, то из неомарксистов об этом достаточно скупое сказал Лефевр. Безлюдное производство — это уже намного более конкретная характеристика. А вот еще одна из важнейших характеристик, таких же, как ментальные объекты, — неосязаемые активы. Казалось бы, это что-то размытое, но и Алан Фриман, и Сергей Дмитриевич Бодрунов подчеркивают, что у них будет совершенно четкое техническое воплощение. Пример с программным обеспечением в автомобиле — это что-то

такое неосязаемое, но машина работает четко на определенных рычагах, а значит, это абсолютно измеримо. Поэтому, если что-то еще не измерили, просто до этого не дошла очередь.

Также сегодня обсуждали человека творческого и человека экономического. Это принципиально важно. На мой взгляд, здесь всего лишь наложение двух измерений — ноочеловека культурного и человека экономического. Это не два разных человека, а сочетание в одном человеке двух начал. Сейчас все четче проясняется, что творческая деятельность — это немашинизированный труд. Например, у Ричарда Флорида в категории творчества оказалось сельское хозяйство или парикмахер (ремесло), получилась путаница: сложный труд смешан с творческой деятельностью. На мой взгляд, подлинное творчество — это то, что сдвигает кривую производственных возможностей.

Очень важно то, что Алан Фриман подчеркивал: должны выделяться социальные отношения в товаре, не только физическая сущность, но и, например, готовность общества к его признанию. Любимый пример Сергея Дмитриевича — смартфон. Он подарил нам множество возможностей: здесь и видекамера, видеомэгафон, телевизор с миллионом каналов, библиотека из миллиарда книг и так далее, но люди этого не ценят, потому что чаще всего посят завтраки. То есть ценность смартфона во многом зависит не только от его технической начинки, но и от его социального выражения, того, как мы им будем пользоваться.

Очень бы хотелось надеяться на продолжение этой дискуссии.

Чень Хун: Тема семинара чрезвычайно актуальна и для Китая, и для России, и для мирового сообщества, поэтому я благодарна, что вы подключили нас к дискуссии.

Прослушав доклады профессора Бодрунова и Алана Фримана, я убедилась еще раз, что проблемы творчества и ноономики очень тесно связаны, но при этом поднятая Аланом Фриманом тема ментальных объектов как свойства креативной экономики, с одной стороны, и тема ноономики, поднятая Сергеем Бодруновым, с другой стороны, существенно различаются, хотя и имеют общие основы. К этим общим основам следует отнести то, что и в одном, и в другом случае речь идет о приоритете развития человеческих качеств, о значимости творческого потенциала человека и о том, что творческий труд должен лежать в основе развития экономики и общества будущего.

В Китае уделяется большое внимание развитию человеческого потенциала и прогрессу высоких технологий, раз-

витию экономики знаний, и достижения нашей страны в этой сфере всемирно известны. В то же время для нас является открытым вопросом исследование того, как в будущем будут развиваться экономика и общество, каковы стратегические перспективы этого развития в мире, где творческий труд приобретает все большее значение. Следует подчеркнуть, что в Китае мы планируем развитие на долгую перспективу вперед, не только на пять лет, но и на десятилетия. Стратегия развития Китая до 2049 года, когда исполнится 100 лет со дня образования Китайской Народной Республики, предполагает глубокие изменения, в том числе в содержании труда, а также в развитии человеческих качеств. По какому пути пойдет человечество?

И другой открытый вопрос.

Здесь очень важна дискуссия, которую ведут профессор Бодрунов и Алан Фриман. Безусловно, тезис профессора Бодрунова о том, что будущее — это не просто экономическое общество, это общество, в котором человеческие ценности и прогресс человека культурного приобретают определяющее значение, нам кажется очень прогрессивным и важным, он очень созвучен фундаментальным ценностям китайской цивилизации. Но в то же время важна и оценка Алана Фримана фактических вопросов развития креативной экономики на основе прогресса творчества труда.

Также представляется принципиально важным тезис о том, что творческий труд — это немеханизируемый труд в условиях развития искусственного интеллекта. Это определение Алана Фримана приобретает особое значение. Мы не отождествляем концепции ментальной экономики и ноономики. Концепция ноономики профессора Бодрунова принципиально более широкая — социальная, философская, а не только экономическая концепция. Положения Алана Фримана носят больше политэкономический характер и могут быть одной из составных частей концепции ноономики профессора Бодрунова.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что рассмотрение этой темы было бы весьма интересным и с позиции марксистской методологии, поскольку сегодня марксистская наука переживает новое рождение. Как вы знаете, во всех университетах Китая созданы факультеты и институты марксизма. На наш взгляд, весьма плодотворно для развития концепции Алана Фримана и концепции профессора Бодрунова и очень уместно провести взаимосвязь между тезисом Маркса и Энгельса о будущем обществе как царстве свободы, с одной стороны, тезисом о будущем обществе в мире ноономики по концепции профессора Бодрунова, с другой стороны, и идеями Алана Фримана о развитии креативной экономики, с третьей стороны.

Развитие этих подходов тем не менее не отрицает того, что у них еще общие основы, они отражают единые объективные тренды. Поэтому этот диалог будет очень продуктивным. И мы будем продолжать его в будущем.

Лобастов: Сегодняшний разговор, конечно, обозначил много проблем и интересных подходов. Но возникает вопрос: каким образом масса всех представлений в широком пространстве производства человеком самого себя может быть синтезирована в единую концепцию? Здесь неоднократно упоминали о восхождении от абстрактного к конкретному, ссылались на Маркса и Ильенкова. Но кто бы мог показать, кто и где в экономической, в психологической науке или еще в какой-либо, даже в философской, осуществил свой научный труд в этой самой форме, в этом самом методе. Из обоснованного размышления выдал всю полноту тех проблем, через которые проходит исторический человек и с которыми он остается по сей день.

Мы видим, что нерешенные умом проблемы человечества решаются бомбами. Это понятно. Понятно, и почему человеческая деятельность, в первую очередь умственная, делится не только по профессиональному признаку, но и по идейно-человеческому. Почему один — фашист, а другой — коммунист, почему они могут менять позиции. Мы видим некую недоразвитость умственной способности, той потенции, которую историческая культура выработала в таком объеме и в такой глубине своих возможностей, что становится очевидной неспособность или же нежелание, сознательный уход в сторону или даже сознательная ампутация этих самых возможностей, которые человеческая культура дает человеку сегодня.

Разговор про умное производство. Но о каком производстве идет речь? Если речь идет не об экономическом производстве, а о производстве самого человека, производстве человеческого ума, производстве человеческого знания, то как совместить эту задачу с буржуазными общественными отношениями, с капитализмом, где реально производится товар во всех видах: от всякой вещественной продукции до продукции умственной и, собственно говоря, человеческой, то есть производится сам человек в его индивидуальных способностях, во всем многообразии способностей. И каждая способность формируется, создается, удерживается общественным сознательным или же бессознательным — неважно, в школе или вне школы, но она создается как товар. Это тот мир, который Маркс обозначал как мир всеобщей проституции.

Поэтому находить основания того, как жить и что делать умом и как этим умом обогащать эту самую действительность во всех ее производящих, творящих формах, не может

быть решена без разрешения тех фундаментальных проблем, которые порождают в человеке его суть. Суть человека — в общественных отношениях. Каковы отношения, таковы и мы, и в той мере протитутуируем, в какой мы сами выносим себя на этот товарный рынок. Более того, мы науку превращаем в околонуку: без попытки найти истину, пытаемся продать что-то, откуда-то своровать. Воровство — это нормальный образ буржуазного существования. Эта способность формируется в школе. Развитие, формирование, удержание этой способности сохраняется до сих пор.

Бодрунов: Уважаемый Геннадий Васильевич, замечательное выступление. Но обращаю ваше внимание на следующее: с бывшим руководителем философского факультета МГУ в свое время мы обсуждали курс ноономики, который хотели запустить на факультете. К сожалению, с его уходом факультет такой возможности лишился. Одним из элементов квадриги ноономики, генезиса ноономики является социализация. Это такой феномен, когда человек формирует, внося свой вклад в развитие общества, его институты, стандарты, жизненные установки, ценности и прочее. Но и общество влияет на него взаимобразно, и это всегда непрерывный процесс. Когда вы говорите о производстве человека, это точно и совершенно правильно. И мы, когда говорим о ноономике как некоем производстве, тоже говорим в первую очередь о производстве человека. Это очень важный момент. Мы говорим при этом, что производство человека происходит в том числе через творческий процесс. А в творчестве образование, знание, емкость знаний играют особую роль.

Так вот, если говорить о преподавании, то необходимо переходить к преподаванию такого рода курсов не только на философских факультетах, а везде. Курсы, связанные с привитием нооценностей, ноопонимания жизни, уже преподают в двух десятках университетов. Мы надеемся, что это движение будет развиваться и дальше и будет постепенно работать на большую задачу — формирование нового человека и нового общества.

Хабибуллина: Сегодня процесс изменения человеческой деятельности при переходе от критериев экономической эффективности к критериям социальной справедливости является очень важной задачей. В этой связи роль науки несомненна, поскольку именно она обладает мощным прогностическим потенциалом. В этом качестве экономическая наука призвана сосредоточиться не на простом описании форм различных функциональных связей, происходящих в производственной сфере, а на понимании объективных оснований системы политэкономических, социофилософских, культурно-нравственных, геополити-

ческих и производственных отношений, происходящих в жизни. Анализируя происходящие сегодня в жизни события, нельзя не признать, что будущее, которое предсказывали, наступило гораздо быстрее, чем мы ожидали. Поэтому целый набор законов, принципов, которые регламентируются рыночной экономикой, оказались неработающими.

И вот здесь возникает научная задача — показать тот вектор, который достойно заменит рыночный фундаментализм. Ни для кого не будет новостью, если сказать, например, что коллективный Запад в лице его куратора и их последователей, руководствуясь политикой собственной безнаказанности и исключительности, граничащей с шовинизмом, допускает целый ряд фатальных упущений, благодаря чему рыночный фундаментализм вошел в пике ошибок, разрешить которые будет весьма и весьма непросто.

Мы наблюдаем процессы, когда на кон ставится все, лишь бы получить сверхприбыль. Это неправильно, потому что побочным эффектом являются экологические проблемы, проблемы неравенства, проблемы, когда искусственно мутированными вирусами пытаются регулировать общество, его численность, и т.д. Мы понимаем, что нужно двигаться в другом направлении. Один из сценариев такого направления и предлагает Сергей Дмитриевич Бодрунов. Это теория ноономики и нового индустриального общества второго поколения. Но, говоря о ноономике, нужно сказать, что это принципиально не экономический способ взаимодействия людей. Ноономика — это не про то, как нужно построить идеальное общество. Это про то, как может и должен быть устроен мир, откажись он от чисто экономических законов и принципов, в основе которых лежит человеческий эгоизм и защита интересов больших кошельков. Этого не должно быть. Я очень горда, что такая теория появилась именно в России.

Радика Десау: Если позволите, у меня есть несколько комментариев по презентациям Алана и Сергея. Мы с Аланом очень много обсуждали правильность перевода ноономики на английский язык. Алан считает, что это понятие лучше переводить как Noonomics, а не поопоту. Мне кажется, можно переводить и так, и так. В первом случае это похоже на economics, то есть на науку про экономику, а во втором — на астрономию. Проблема, с которой сегодня работают Сергей, Алан и другие коллеги из разных стран, — это попытка понять динамику интеграции знаний в производство. Маркс об этом говорил как о развитии производительных сил.

Алан, у меня вот такие вопросы к вам. Вы сказали, что новая эпоха наступает в производстве ментальных объектов и этот процесс выйдет за пределы замены машинами человека, человеческого труда и так далее. Но я думаю, что сам процесс замены человека частично машинами был творческим процессом. Надо же было творческий акт осуществить для того, чтобы машину сотворить, правильно? По-моему, мы слишком переоцениваем умственный труд по сравнению с физическим. Это не совсем правильно, но это результат развития нашего общества, что поделаешь. Почему вы говорите о ментальном объекте, а не о ментальном продукте? Мне кажется, что продуктом его назвать было бы лучше. И последнее. Скажите, пожалуйста, воспроизводство как применение, а именно тиражирование — это что, тоже творческий подход? Если вы, например, CD-диски производите миллионами, разве это творческий процесс?

Вопросы к профессору Бодрунову. Современное производство все более требует знаний. Это фундаментальный принцип, но надо к нему подходить осторожно. Мы говорим об экономике творчества, экономике знаний и так далее. А что есть экономика глупости тогда? Наверное, так нельзя, потому что в труде всегда был элемент знаний. Маркс говорил, есть пчела, а есть архитектор и это две большие разницы. Мы как бы получили за тысячелетия знания других людей, которые жили до нас, поэтому важно, как мы применяем эти знания, просто или немножко посложнее. Может, здесь лучше говорить о степени, а не о качестве?

Еще пара вопросов. Мы видим, что умственный и физический труд все дальше уходят друг от друга. Считаю, что к этому надо критически отнестись. Мы говорим, что экономика знаний растет. Давайте это отметим, поздравим друг друга, отлично. Но опять же мы разделяем то, что разделять не надо. А если мы это разделяем и дальше, то мы, может быть, не в том направлении умственный труд направим. Извините за тавтологию. Это опять схоластический спор по поводу того, сколько может быть микробов на кончике иглы, сколько мы захотим производить, используя какое количество людей, занимающихся физическим трудом? Если идет деградация труда, то может быть это не интенсивный труд, который требует больших знаний и так далее.

Мы живем в обществе, где умственный труд все-таки сосредоточен непропорционально в развитых странах, а физический — в странах третьего мира. И это сделано искусственно, создается такое впечатление, как будто твор-

ческий труд растет в своей доле и у нас не было разделения между умственным и физическим трудом.

Мы часто говорим, что есть такая вот экономика, основанная на знаниях, но иногда финансовая инженерия идет не в том направлении, какие-то социальные сети появляются, которые отвлекают людей от реальной жизни и так далее. Люди не могут развивать свой интеллект из-за того, что им лень или какие-то вещи негативные происходят и тому подобное. А многие знания сегодня связаны с культурным, социальным контролем, с наблюдением за людьми, вы понимаете, о чем я говорю.

Связь производства знаний с творчеством Сергей связывает с тремя вещами, а я вижу только одну. По-моему, не совсем правильно говорить, что технология основана только на экономике знаний. Да, знания нужны, но, все-таки мы говорим об использовании технологии в смысле тиражирования, распространения продуктов и т.п. И вот эту деятельность надо как-то контролировать. Мы говорим о том, что есть профессиональный класс управленцев. На Западе, например, эти люди работают в крупных капиталистических корпорациях. Каким образом они себя воспроизводят? Мы говорим: ага, экономика знаний, а на самом-то деле, посмотрите, король-то голый! Это просто тиражирование подходов, неэкономическая экономика, если хотите. Это не более и не менее, чем то, о чем говорил Джон Мейнард Кейнс в своем эссе «Экономические возможности для наших внуков». Давно мы об этом уже говорили. И вот прогресс производительных сил высвобождает все больше и больше времени для людей. Некоторые из нас все меньше и меньше работают, больше могут заниматься собой. Это тоже надо отразить в ноомике. Опять же, это может происходить и в каждой нише, где производитель получает автономность, например, ремесленники. В обществе всегда были какие-то классы, где люди работают с удовольствием.

Что касается ментальных объектов и ментальной нономики, то профессор Бодрунов говорит, что их определение важно, но недостаточно, надо разработать какую-то всеобъемлющую концепцию, какой-то метафорический подход для того, чтобы посмотреть, каким образом человечество будет развиваться. Опять же, феноменология творчества тоже тут упоминается. Но надо понять, что такое творчество человека, какие у него основы, столпы? Есть какие-то отрицательные признаки капитализма, которые, может быть, ведут к тому, что настанет утро ноономии?

Но опять же кто-то здесь говорил о зоопарке. Я думаю, что это униженно для животных. Все-таки у многих

из них есть социальная жизнь, когда они учат своих щенков, оленят, медвежат, как себя вести в обществе, стаде и так далее. В книге «Моби Дик» про белого кита Герман Мелвилл как раз описывает жизнь китов, и он пишет, что были такие киты, которые изучали в свое время Землю как животные, а за ними уже следили моряки и выстраивали свои навигационные карты благодаря китам. Они многому научились у китов. Так что животных не надо оскорблять, наверное.

Бузгалин: Прежде чем предоставить слово для заключения нашим главным докладчикам, я хотел сказать несколько слов. Думаю, что наша сегодняшняя дискуссия сделала бы честь многим научным сообществам. Отмечу несколько моментов, точнее три блока проблем.

Первый. Мы поставили в центр проблему творчества, и это принципиально правильно, ибо в этом случае приходится отвечать на фундаментальнейшие вопросы — соотношение материального и идеального. Не случайно этот вопрос прямо поставили Наталья Геннадьевна Яковлева и профессор Лобастов, но доклады вокруг этого не то что вращаются, они пронизывали эту тему, или эта тема пронизывала оба доклада. Проблема соотношения человека как продукта, как творца истории: в какой мере Homo creator может творить мир и в какой мере он является рабом отношения, отчуждения. Проблема способов производства: наши коллеги из-за рубежа использовали этот подход, но Сергей Дмитриевич Бодронов раскритиковал его, а Алан Фриман деликатно обошел его своим вниманием, хотя, скорее, он является его сторонником, чем критиком.

Вопрос о границах рынка. Он прямо был поставлен в двух докладах и, по сути, на него был дан позитивный ответ о том, что эволюционно, через противоречия, но творческий мир, мир ноономики, мир ментальных объектов, мир креативной экономики находятся в противоречии с миром рынка и первый может вытеснить второй. Ну и наконец, проблема парадигмы экономической науки. При помощи какой экономической теории все это надо исследовать? Ответ, по сути, был дан — при помощи междисциплинарного подхода, и ни одна из парадигм не была подчеркнута авторами и принята в полной мере. У Алана Фримана есть что-то от марксизма, у Сергея Дмитриевича Бодропова — в меньшей степени, это, скорее, сложный синтетический философско-экономический взгляд.

Второй блок проблем — характеристики творчества. Пожалуй, это самая главная тема, которая сегодня звучала. Несколько коротких комментариев. Еще раз хотел бы подчеркнуть, что для творческой деятельности нет границы между свободным и рабочим временем. Это я обращаюсь,

прежде всего, к Алану Фриману. Когда мы беседовали во время обеда, это был отдых или это был труд? Когда мы беседовали во время ужина, это был отдых или это был труд? Нет границы, ее принципиально нет и не может быть. Можно ли установить рабочий график для профессора, если его основная работа будет проходить за пределами лекций, иногда, может во время лекций, он, наоборот, будет отдыхать?

Вопрос о том, насколько может быть ментальный объект свободным — free mental object. В данном случае английское слово free очень многозначное, потому что вопрос свободного доступа, то есть бесплатного получения ментальных объектов в той или другой материальной форме, и вопрос затрат на производство этих материальных видов ментальных объектов — это два разных вопроса. Как-то странно звучит — иметь бесплатный доступ к поэзии, музыке, науке, педагогике, образованию, здравоохранению, ко всему, что дает творческая деятельность. Означает ли это, что не будет издержек? Нет.

Вопрос в том, что здесь можно измерить какие-то материальные издержки репродуктивного труда, а вот издержки свободного труда, творческого труда измерить нельзя. Творческий труд невозможно измерить ни рабочим временем, ни деньгами. Нельзя измерить деньгами труд творческого человека. Рынок может дать оценку Homo creator, который является частным собственником и производит интеллектуальную частную собственность, так же как рынок может дать оценку частному труду наемного работника, являющегося творческим работником. Но сам творческий труд оценить таким образом нельзя. Вы можете получать 100 тысяч долларов в неделю, но ваш творческий результат будет близок нулю.т миллиона долларов.

И третий блок проблем. Идею украсть нельзя, украсть можно только интеллектуальную частную собственность. В связи с этим остро встает вопрос, на который наши докладчики дают примерно одинаковый ответ: необходимо двигаться от ограниченного частной собственностью рынка к феноменам творчества, к ноофеноменам на языке Сергея Дмитриевича Бодрунова, к ментальным объектам — на языке Алана Фримана, к максимально свободному доступу к этим феноменам. Это вопрос очень практический и обсуждается в Госдуме, когда дебатруется вопрос о бюджете на государственное образование, увеличение или снижение его финансирования.

Алан Фриман: Творчество — это все-таки что-то врожденное, но творчество подавлялось в механический век. Право на творчество является врожденным правом человека. Это то, с чем мы рождаемся. До промышленного общества, до появления производства мы занимались творчеством. Посмотрите на аборигенов, на их тесные связи с природой, как организовано их общество, как творчески они подходят, впитывают в себя уроки природы.

Что же такое новое индустриальное общество? Мне очень нравится эта идея. Мне нравится это больше, чем постиндустриальное общество, потому что идея постиндустриального общества заключается в том, что мы будем сидеть, пить кофе, а машины будут работать вместо нас. Кем мы станем тогда? Помните аристократов, которые сидели и ничего не делали, у Герберта Уэллса в «Машине времени»? Это такое апокалиптическое видение — аристократы-бездельники, поэтому речь идет просто о восстановлении прав, которые подавлялись. Почему подавлялись? Мне кажется, Радика Десаи прекрасную аналогию предложила — разницу между Ренессансом и периодом Реформации. Во время Ренессанса появлялись новые возможности для людей. В рамках Реформации они стали доступны большему количеству людей, не только элите. Французская революция использовала девиз «Свобода. Равенство. Братство». А американская к этому добавила стремление к счастью. И новое промышленное, индустриальное общество даст всем доступ к товарам промышленности. Поэтому стремление к счастью было расширено с элиты на другие категории людей, но творчеством пришлось пожертвовать. Жертва эта была в механический век. В этом есть что-то фаустовское, мефистофельское.

Да, вот ешьте, наслаждайтесь, но творчеством придется пожертвовать. А почему мы должны этим пожертвовать? Потому что это был механический век. Что значит механический? Механический не означает что-то неестественное. У нас могут быть неорганические мозги в будущем. Может быть, они будут сконструированы не на механическом принципе. Механический означает воспроизводство идентичных одних и тех же действий, огромное количество одних и тех же действий. Это то, чего добился промышленный век. Мы заплатили, мы пожертвовали нашим творчеством, получили машины, дома, все блага, мы теряли. А теперь ситуация меняется. Наше врожденное право на творчество нужно восстановить. Но по принципу Реформации, а не по принципам Ренессанса, то есть все должны получить доступ к ним.

Самые главные продукты — товары цивилизации — должны быть доступны всем. Нам, конечно, нужна помощь, все равно машины нужны, они должны помогать. Возникают новые отношения между машинами и челове-

ком, теперь мы должны реализовать свой творческий потенциал за счет машин. Мы можем творить.

Отвечу Радике и Александру по поводу воспроизводства. Да, воспроизводство становится творческим процессом, когда воспроизводитель будет иметь право интерпретировать. Знаете, как в музыке интерпретация — это тоже некое творчество, создание. То есть воспроизведение становится творческим актом. Обратимся к ремесленникам. Почему мы должны платить за объект, который был создан вручную, больше, чем за то, что было создано на станке? Потому что мы видим и чувствуем руку ремесленника. Это не простая чашка, а он добавляет к ней свою душу — появляется некая непосредственная связь с творцом.

Хорошо, какие есть препятствия к расширению доступа к творческим процессам, результатам? Капитализм не признает это как ресурс, которым может управлять. Почему? Потому что фактически производитель отделяется от средств производства в рамках капитализма. Если ментальные объекты станут средством производства, вы же не сможете их отделить, правильно? Что же вы будете делать, лоботомию проводить, что ли, трепанацию черепа или создавать нового Франкенштейна? Нет, именно поэтому капиталисты не могут позволить себе отделять творческие рабочие ресурсы, и именно в этом заключается задача общества. Поэтому, я считаю, что Наталья особенно провокационно заострила этот момент.

Что мы должны были сделать в Лондоне? Просто обеспечить равенство преподавания на всех трехстах языках, потому что образование — это лишь верхняя часть айсберга. Нужно было снять расовые ограничения, провести программы и мероприятия китайской культуры, индийской культуры, российской культуры. Поэтому у нас появились фестивали ирландской культуры, черной культуры. Нам важно было, чтобы люди радовались, гордились своей культурой, чтобы они равным образом участвовали в процессе образования. То есть то неравенство между разными районами Лондона, на которое некоторые наши участники ссылались, мы должны были нейтрализовать. Для этого нужно было создать новую систему железных дорог, высокоскоростных дорог и создать в самых бедных районах центры для развития. И затем мы организовали Олимпийские игры в Лондоне и провели их.

Какие уроки можно извлечь из этого? Это не значит, что бедные общества ничего не могут сделать, а развитые могут. Нет. Мы создали культурный форум городов. И как раз города и сети городов могут изменить общество. И вот у нас 40 крупных городов, в том числе большинство из них в третьем мире, и мы встречаемся достаточно часто, обсуж-

даем центры творчества. Центры творчества и новых идей — они не в столицах, не в богатых элитах. Кто придумал джаз? Бедные. Кто придумал самбу? Бедные. Культура создается в том числе и бедными, небогатыми людьми. Города нужны, но города нужно воспринимать как равные. Именно этого мы и пытаемся достичь.

Только что я представил вам идею социальных трансформаций, которые необходимы для реализации экономического потенциала, но нам нужно будет сделать это совместно, вместе с машинами, производственными машинами, для того чтобы восстановить наше универсальное право на творчество.

Бодрунов: Коллеги, в ходе дискуссии прозвучало несколько вопросов, я попробую сконцентрированно ответить на некоторые из них. Вопрос, которого коснулись многие выступавшие, и который постоянно возникал еще на первом этапе представления теории ноономики, даже когда она еще так не называлась, — вопрос измерения. В чем мерить увеличение знаниеемкости? Могу сказать, что многие вещи невозможно измерить количественно. В математике есть качественные методы измерения. Они позволяют нам заниматься, например, экстраполяцией, интерполяцией и так далее каких-то промежуточных результатов, которые, в принципе, подтверждаются на большом количестве конкретных вещей, которые можно измерить. В частности, знаниеемкость мы мерили путем выстраивания динамических рядов — в одной из отраслей — по количеству патентов, стоимости знаний и других показателей. Затем то же самое мы сделали для автомобилестроения в конкретных направлениях, например двигателестроения. Почему надо брать длительный период? Потому что необходимо использовать сравнимые вещи. Мы видели, как меняется динамика в одной отрасли, потом в другой, третьей и смогли говорить, что здесь есть научно-технический прогресс, он такой, вот показатели, а вот качественные методы, которые подтверждают возможную приемлемость, распространение измерений для того, чтобы сделать общие выводы.

В каких-то случаях увеличение творческого потенциала можно мерить, например, через креативные технологии, креативные индустрии. То, что сегодня креативные индустрии занимают гораздо бо льшую долю измеримых параметров в экономике, — это тоже показатель примерно такого же типа. Поэтому, когда мы говорим, что невозможно измерить, хочется вспомнить Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». То есть ментальный объект не продается как объект, как творчество, но продать книгу, рукопись можно вполне и измерить,

сколько она стоила, тоже. Таким образом, мы понимаем, что доля творчества в индустрии в соизмеримых показателях растет.

Точно так же мы можем говорить о том, что меняется соотношение в направлении диффузии собственности, меняется отношение к собственности как к политэкономическому понятию. Но при этом я апеллирую к тому, что растут показатели, например ассоциативной экономики, экономики совместного пользования — всевозможные кар-сервисы, каршеринги, и т.п. Именно они подтверждают, что отношение к собственности меняется, и в экономике это изменение стремительно растет в тех показателях, которые можно измерить. Например, в Китае — продвинутая экономика, которая развивается темпами 5–7% в год, каршеринговая экономика выросла за 10 лет в 140 раз и достигла уровня 300 млрд долларов. О чем это говорит? О том, что есть тенденция, которая очень четко подтверждает определенную динамику, которую можно распространить на другие позиции и сделать из этого более емкие выводы, чем просто вывод о том, что надо вкладывать деньги в каршеринг. Вот о чем я бы хотел сказать. Это очень важный момент с точки зрения научных методов исследований, методологии исследований. Не надо ударяться в сугубо практические вещи: «Если мы не можем взвесить на весах, то мы не можем говорить, а действительно верно это посчитали?». Существуют разные методы, их надо применять, иначе мы ничего не достигнем в исследовательском процессе.

Второе. Алан сказал, что мы, как исследователи, должны смотреть со стороны, что происходит, и объективно оценивать. Я согласен и не согласен одновременно. В нашей книге с Сергеем Глазьевым (на днях была ее презентация) есть раздел об этических границах применения знаний. Почему? Потому что знания (тоже сегодня было сказано Аланом) могут быть применены человеком во вред себе или другим людям, обществу. Поэтому естественным ограничителем такого типа применения должно быть другое знание — знание правильности тех или иных способов применения знания, то есть определенное метазнание, которое выражается в определенных качественных критериях, ноокритериях поведения, понимания и применения.

Сегодня мы выступаем против того, чтобы изменять полчеловека в детском возрасте. А например, в Соединенных Штатах в одном штате говорят: «Надо это делать», в другом: «Мы не хотим этого». Разные критерии. Понимаете? Будет это или нет знанием, через которое оно будет кристаллизовано в каких-то ценностях, — время покажет. Но мы понимаем, что существуют те самые ценности, которые становятся границами применения такого знания. Да, мы знаем, как прооперировать человека, как накачать его необходи-

мыми лекарствами, чтобы он превратился из мужчины в женщину или наоборот, но надо ли это делать? В каком возрасте? Надо ли дать человеку возможность принять осознанное решение? Это другое знание, которое и становится этической границей применения научно-технического прогресса. Это еще один очень важный момент в ноомике в том числе.

Прозвучал вопрос о платности или бесплатности использования результатов творческой деятельности. На мой взгляд, здесь нет дискуссии. В экономическом обществе, конечно, платно, в неэкономическом, конечно, бесплатно. И мы, постепенно расширяя бесплатный спектр такого рода видов деятельности, услуг, идем к формированию того самого социального пространства, которое, уже по-другому социализируя общество, направляет его на решение социальных проблем в своем устройстве. В этом плане чем больше таких бесплатных услуг, тем более социализировано общество по отношению к человеку, тем больше в него вкладывается. Конечно, нет такого момента перехода из экономического в неэкономическое общество. Это постепенный процесс. Больше всех вопросов поставила Радика. С ней очень интересно работать, потому что она ставит такие вопросы, после которых думаешь: надо писать еще одну ноомику, чтобы ответить на такой маленький вопрос. В этом ценность большого ума великого ученого. Я счастлив, что мне приходится работать с таким ученым — госпожой Десаи.

Начну отвечать с последнего — насчет этических норм у животных. Не стоит забывать, что, когда писатель пишет, он придает человеческие качества животным. Не существует в животном мире ничего, что можно было называть правильным в человеческом понимании, в гуманитарном, от слова Ното, «человек», в понимании устройства общества. У пчел своя социальная организация, у других животных своя. Все это прекрасно, но это не та социальная организация, о которой мы говорим, когда говорим о переходе к ноосоциальной организации. То есть человеческая социальная организация принципиально отличается от социальной организации каких бы то ни было живых существ. В этом — Божья благодать, которая распространяется на человека, и мы должны ее ценить, понимать и осуществлять, приближаясь к ней. Это мое мнение.

Далее — контролируемое использование знания, только что я говорил об этом. Здесь вопроса вообще никакого нет, потому что мы пришли к такой ситуации, когда знание, которое воплощено в технологиях, настолько мощно, что в любой момент мы можем нажать не ту кнопку и не только стереть в интернете любимое лицо и никогда его

потом не восстановить, но и стереть всю Землю со всеми любимыми лицами и никогда не восстановить. Так что надо быть аккуратными.

Разделение умственного и физического труда. Они уходят все дальше друг от друга. И какое количество физического труда в умственном? Я думаю, что здесь принципиальный вопрос в слове «труд». Будет экономическое общество переходить в стадию неэкономического, труд сам по себе будет уходить как труд, и это будет тоже занятие, тоже вид деятельности. Человек будет больше заниматься не трудом от слова «трудно», у него будет занятие. Захотел — этим занимаешься, захотел — этим. Если есть больше интеллектуальных способностей, занимаешься тем, к чему душа лежит. А твои потребности — ментальные, физические, биологические и прочие — удовлетворяются самодействующей системой удовлетворения потребностей людей, которая работает под интеллектуальным контролем человека. Вот мое понимание этой темы.

А что касается непропорционального разделения между странами умственного и физического труда, которое создается специально, и что, может быть, творческого труда и не больше на самом деле, потому что где-то больше физического, то ответ простой: НТП, ускорение НТП. Не было бы ускорения НТП — можно было бы об этом говорить. Действительно, неравномерность есть, спору нет, но в целом общая тенденция говорит о том, что есть ускорение научно-технического прогресса. Более того, мы пишем об этом уже в книге «НИО.2» — об ускорении ускорения научно-технического прогресса, потому что у нас сегодня уже вторая производная ускорения пошла, через новые технологии нового уклада, пятого, шестого и седьмого потенциального уклада.

И последний вопрос: есть ли экономика глупости? Есть. Что мы делаем сегодня? Симулятивная потребность — это разве не экономика глупости? Да она просто сегодня правит балом, по большому счету, и в этом плане множество ментальных объектов создается как раз для того, чтобы удовлетворять потребность в глупости, а не в уме. Вот это, к сожалению, недоразвитость нашего образования, нашего понимания жизни. Мы не тому учим наших детей. Наше общество еще недостаточно социализировано в этом смысле, потому что в комплекс социализации входит в том числе и привитие людям нооценностей.

Это надо воспитывать у людей, этому надо учить, начиная с детства, и постепенно формировать более рациональное отношение к своей жизни, потому что эти симулятивные потребности, эти глупости приводят к колоссальному экономическому и потенциальному цивилизационному

ущербу. Мы тратим свои ресурсы. Одни женские колготки сегодня выпустить — сколько мы тратим? 4,5 тонны чистой воды. Одна пара обуви стоит 12 тонн чистой воды. Вы понимаете? У нас одна телеведущая (не буду называть фамилию) показала свою комнату — у нее 700 пар обуви. Вот представьте себе, сколько ущерба природе нанесено ее симулятивной потребностью. Она объясняет: «Я на каждую передачу надеваю новые туфли. Я не могу надеть те же самые. Мне же стыдно». В этом смысле я думаю, что нужно воспитывать в обществе другие ценности, тогда все будет в порядке.

Коллеги, думаю, я всех убедил, что мы все люди хорошие, что мы руководствуемся правильными ценностями и мы с Аланом не имеем никаких противоречий. «Ноономия» не должна быть «ноономикс», потому что теория ноономики — это не просто теория, это наука. Почему? Потому что любая наука является неким синтетическим отражением какой-то реальности. Например, астрономия отражает синтетическое представление, в том числе физическое, о расположении звезд, движении планет, и т.д. Точно так же ноономика как научное направление отражает тенденции развития общества — социологические, физиологические, биологические, экономические и пр. В этом смысле я голосую за ноономию.

Noonomy的起源：知识。精神物品。创造力。

根据2023年4月5日谢尔盖*尤利耶维奇*威特新工业发展研究所研讨会的材料。

报告：

艾伦·弗里曼, 地理经济学研究小组成员·曼尼托巴大学教授(加拿大)。

谢尔盖·德米特里耶维奇·博德鲁诺夫, 俄罗斯自由经济学会主席、国际经济学家联盟主席、谢尔盖*尤利耶维奇*威特新工业发展研究所所长、俄罗斯科学院通讯成员。

我

弗里曼: 我的主要论点是, 经济中存在着无法替代的劳动力。这是机器、机床、机器人无法替代的劳动力。我声称这类劳动力现在相对于劳动力总量来说正在增长。事实上, 这是资本主义的一个新阶段。到目前为止, 进步的火车头一直是机器取代体力劳动。然而, 这一阶段即将结束, 因为创造性劳动力和某些其他类型的劳动力无法被机器取代。这意味着新古典生产函数不再给我们一个该何去何从的理解或想法。因此, 资本今天关注的各种机器, 实际上已经失去了动力, 已经耗尽了发展的前景和潜力。我们应该只把机器作为一种辅助机制, 这样我们就转到我所说的“不可替代的劳动力, 不可替代的劳动力资源”。

这里有两种类型的资源——创造性的劳动力资源和人力资源。在某些方面, 人们只是更喜欢与人交流, 即使机器做这些事儿做得更好。还有一些领域不能使用机器, 因为预测计算(由人做的)和机械计算(由机器做的)之间存在差异。我想在这里提到艾伦·图灵, 他认为人类的重要功能, 尤其是创造性功能, 不能被机器取代。这是一种基本的陈述, 一个基本的论点。

让我们来谈谈具体的证据。

以前, 我错误地认为俄语单词“Ноономика”最好翻译成英语作为心理经济, 但现在我明白这是错误的。研究了谢尔盖·博德鲁诺夫给我的作品后, 我意识到我错了。英语术语“noonomy”有点误导人。在我看来, 最好使用“Noonomy”, 这将消除一些误解。

还有一项需要修正的是“创意产业”。这个词不是我创造的。自20世纪90年代以来, 该行业影响了澳大利亚和英国的国家政策。有大量关于创意经济的文献, 所以在我的研究中, 我只非直接地涉及创意产业和创意职业, 而且我研究中的信息并不是详尽无遗的。我想在创意职业、创意产业和Noonomy之间架起一座桥梁。

我将专注于我的理论——心里对象理论, 智力对象理论。我相信, 这将帮助我们更接近所谓的知识密集型或科学密集型生产。然而, 要了解背后的原因, 必须考虑几个问题。

首先, 什么是知识密集型制造业或服务行业? 现在84%的劳动力位于服务业, 总的来说, 我们看到越来越多的就业机会出现在服务业。在这里, 术语出现了一个问题, 因为我们主要使用来自物质生产的术语, 但现在资本主义基本上不再生产物质对象, 而是无形的, 因此, 人们应该问这样一个问题: 它们到底产生的是什么?

第二，知识经济的概念是否有明确定义？如果没有，我们可以使用一些替代方案吗？有可能用一个理论框架来量化Noonomy吗？我们如何才能提供可靠的比较统计数据？当你有数据时，你可以研究趋势，有可能评估这个国家随着时间的推移发生了什么。我会尽力回答这些问题。那么，什么是生产？很简单的问题。但是，我会问不同的问题：比如说，生产软件的公司做什么？我所掌握的统计数字，我认为是准确的，显示服务业中最大的部门，子部门是软件生产。事实上，正是在软件的基础上，其他领域正在开发，例如手机等。也就是说，与计算机技术相关的一切实际上都是基于软件的。2022年，全球三大公司中有两家是苹果和微软，但10年前它们甚至还没有进入前五。那怎么回事？他们生产的产品用途是什么？我们如何将他们活动的结果定义为知识？

我想介绍一个非常重要的经济学观点：精神和智力物品正是服务业活动的结果。首先，我们将定义它们。但我注意到，它们既可以被认为是原材料，也可以被视为生产过程的结果。

让我们想象一下：有一辆汽车，为了使用它的变速器，你可以使用一个计算机程序。在这种情况下，生产车的公司必须从生产软件的公司购买软件，也就是说，智力劳动被用作生产该软件的资源。然后汽车制造商应用此程序。我们有不同的阶段：创建一个程序，然后应用它。

现在让我们来谈谈生产软件的公司。他们在做什么？我认为这个行业就是一个典型。该行业中工作的结果是无形的物体，也就是说，我们无法触摸、感觉或闻到它们。没有具体的材料形式。软件应用程序可以在哪里实现？在你的电脑、手机、短信上，甚至在你的脑海中。在这里，我们可以用一本书来比喻：它可以由作家以印刷形式、电子形式书写，甚至可以存储在他的脑海中。这是一样的，因为事实上，只有一本书，无论是在纸上还是在电脑上都无关紧要：它的存在并不取决于形式。

好吧，但它背后隐藏着什么？要做到这一点，你需要定义什么是书，什么是计算机应用程序，以及它的用途。在我看来，这个问题可能有两个错误的答案。首先：这些智力产品并没有以任何方式被特别使用。为什么我们需要抖音？它没用，孩子们只是玩而已。再说一遍：软件并不能提高生产力。在我看来，这样的回答是一个非常严重的错误，因为这些智力资源没有以任何方式量化。在我看来，对这些反对意见的答案很简单：人们使用它们。卡尔·马克思也提出了这个论点。在《资本论》的第一卷中，他指出，效用是人们用于胃部或头部的东西。如果人们使用它，那么它会带来一些好处，对吧？

我听到的第二个错误答案是：软件的使用方式不对，没有必要那样使用，没有必要发明说唱、在墙上涂鸦或使用抖音。我不这么认为。任何东西都可能被错误地使用。汽车、坦克——它们仍然是商品，它们仍然被生产。物质和心理对象之间没有区别。你不能只说这个用得正确，那个用得不正确。此外，我们是科学家，我们不是批评者，我们的任务不是批评人们的道德选择。我们必须冷静地仔细审查他们所作的选择。这就是Noonomy的用武之地。我们需要研究他们做出这一选择的机制。这是市场机制吗？市场机制未能给人们正确的选择；它迫使人们做出错误的选择。我们不说这是一个生产的过程。是的，这是一个生产时刻，因为钱是赚的，但市场机制把它变成了一些非常不愉快、不正确的生产形式。

什么是生产？根据资本主义理论，生产创造了一定的销售价值，即商品。史密斯和马克思都谈到了这一点。在资本主义中，软件也是一种商品。它是用来做什么的？

让我们在这里划线。也就是说，我们谈论的是某种心里对象的创造、应用和再现。这些都被认为是富有成效的、生产的活动。我们必须简单地分析社会中的这些形式。顺便说一句，艺术也是如此。什么是心里对象？我对它的定义是：它是一种无论其物质形式如何，其内容都保持不变的东西。它可以是计算机应用程序、文本、音乐、视频。也就是说，它可以被转移，改变，从一种形式转移到另一种形式，转移到另一个人。这是一种无形的性质。它可以从一种物质形式转移到另一种物质形态，但仍保留着某种本质。我可以写一本书，然后录音，转录，然后打印。对吧？但这个客体存在于两种主要形式中——主动和被动。

我脑子里的一个想法帮助我改变一些事情。比如，我说：“改变幻灯片”，幻灯片就被改变，也就是说，一个想法改变物质世界中的一些东西。例如，计算机具有主动关系。你不能把一本书放在桌子上，然后说：“书，换幻灯片”。不，但你可以对电脑说：“Siri，请打开下一张幻灯片”，Siri就会换到下一张幻灯片。也就是说，事实上，一个心里对象是一种主动的东西。

这是一个非常简单的分类法。创意产业分为三个方面：首先是创造，然后是应用和复制。我们有几个创作的例子：它可以是写一个计算机程序，发现一个理论，创作一首交响乐。应用是程序的特定实现、设备的创建或音乐片段的表演。复制意味着大规模生产一种特定的设备，这里我们需要机器。我们需要机器生产作为创造性物体大规模复制的基础。

我们有每个阶段的例子。但其中最广阔的过程是复制。我现在从事复制工作：首先我写了幻灯片，也就是说，我创建了它们，然后我把它们打包成一个程序——这就是应用程序，现在我正在复制它们。

这里有一个重要的问题需要讨论：心里对象应该是免费的吗？是的，但在资本主义世界中，不是。毕竟，创造、应用和复制是劳动力资源使用的阶段。如果没有复制，就不可能重新作出某些东西。更确切地说，它可以被复制，当然，但这会跟在中世纪中那样：艺术家画一幅画，它挂在某个地方，但没有人知道。如果你不能进入宫殿，你就永远看不到这幅画。因此，总的来说，创造性生产（这里可能有疑问和疑虑，因为我们可以谈论不同的方面）不是免费的。这是Noonomy的功能之一。

Noonomy的功能是把这些东西做免费的。因此，必须找到非市场机制，免费提供创意商品。当然，复制需要一些成本，但数千倍低于创造。比方说，四个人创造了一种冠状病毒疫苗，然后数百万人参与疫苗的复制。我不知道这是好还是坏，但人们购买还是国家购买。这也是一个产品。这里有很多需要考虑的问题。

我们需要从知识法律体系开始。在我看来，它现在与市场的主要功能联系得很差。有必要奖励知识产品的创造者。目前大众接触艺术的问题是什么？问题是，创造性的人获得的报酬不足，因为知识产权的所有者垄断一切因此，知识产权法应该进行改革。在我看来，Noonomy可以为此做出重要贡献。在中国和英国，专家在讨论如何改变知识产权法律体系的新想法。即使在奥地利，知识产权法也受到批评。据说，它为贸易创造限制，而不是消除壁垒。资本主义为了执行财产法而限制对某些东西的使用。

博德鲁诺夫：亲爱的同事、朋友、志同道合的人，我很高兴我们有机会相聚。谢尔盖*尤利耶维奇*威特新工业发展研究所组织的这次国际研讨会延续了国际对话的悠久而光荣的传统。在跨学科层面上，我们考虑社会发展的根本问题。尽管该研究所被称为“新工业发展的研究所”，但实际上它研究的是社会发展问题。为什么？因为

我们理解社会发展的核心是产业变革，产业发展。这正是我们的目标。今天，比以往任何时候都更重要的是要强调这一点。

过去十年，特别是过去3-4年的事件，包括大流行病、自然灾害、政治和军事冲突以及日益恶化的经济问题，不能不对整个科学界的活动留下严重的印记，因此，我们今天的国际会议非常重要。我们的国际合作非常宝贵，它使我们能够提出各种想法和建议，以消除文明发展道路上新出现的障碍的后果，并防止出现新的此类障碍。我相信，科学会议的所有参与者都感受到了这种价值。

我很高兴欢迎我的所有同事——既有能够来到莫斯科的同事，也有在线加入我们的同事。我希望，尽管我相信今天将进行激烈的科学讨论，我们都将对共同解决我们时代最重要问题的国际科学家大家庭保持一种温暖的归属感。

去年我们学院成立25周年。今年是我们研讨会15周年。多年来，我们已经见过几十次面，正如你所知，我们的研讨会在圣彼得堡的科学家之家、莫斯科州立大学、剑桥、维也纳、墨西哥、巴西和世界上许多其他国家举行，作为科学家，我们在那里讨论了我们社会的发展，正如我们所理解的那样。当然，我们讨论了我们研究所提出的解决问题的方法。借此机会，我要感谢今天接待我们的国际经济学家联盟，它为我们的会议提供了场地、技术服务和所有设施。我开始我的报告。

我们会议的主题非常相关。这一主题不仅是在工业发展和Noonomy理论领域研究的延续（我们研究所工作重点）的方面很重要，而且在寻找应对正在向文明发展新阶段过渡给我们带来的挑战的答案的背景下，也很重要。

今天，焦点是一个非常复杂的问题，人类几千年来一直在努力解决这个问题，但这个问题仍然悬而未决——这就是对创造力现象的研究。哲学家、心理学家、神学家和经济学家的大量著作都致力于这一主题。

当然，分析这个庞大的遗产不是我的任务。乍一看，我的信息主题是一个更窄的话题——创造力的经济学观点，接近市场经济的真正问题。让我强调一下：市场经济。与此同时，它不能不从事一些根本问题。我所命名的研究这一现象的科学领域强调，不仅需要用这种狭隘的方法来研究它，而且需要在元理论方法的框架内进行全面的研究。

至于创造力作为市场经济的一种现象，在现代经济文献中，它主要是通过创造性商业、创造性工业的棱镜来观察的，其中心是在国际统计中被统计分类的领域。艾伦有意地提出了一个问题：如何衡量？这确实是一个巨大的问题。然而，许多经济衡量都是有条件的，例如，我们谈论的是GDP的条件。许多其他指标的衡量也是有条件的。我们可以说，许多指标都处于“喜欢，不喜欢”的水平。这是个问题。当然，很明显，你可以研究可以测量和立即计算的领域——这些领域是演艺、时尚、游戏、设计、软件制作等等。

但这足够了吗？我认为没有。即使不从事元理论话语（其中应该考虑创造力现象）的基本问题，并停留在实践分析的层面，我们也可以而且应该确定，劳动可以具有并部分具有创造性的最广泛领域不仅是市场艺术，还有科学，在某种程度上，教育和生产（在某种程度上，如果生产变得知识密集型，而且如果生产为向NIO.2过渡的一部分，NIO.2为新的工业第二代，我们稍后将回到这个主题）。在我们的年度大会“生产、科学、社会”上，我们已经很长一段时间研究这个题目，该大会致力于研究生产、科学和教育的发展和整合问题，并分析这些领域作为创造性活动的子空间的潜力，同时强调在新自由主义资本主义模式的情况下，它们的创造性在商业化和官僚

化的过程中发生了变形。同事们就这个问题写了许多科学论文。这还不是全部。事实上，人是一个天生的创造者，他的所有活动都与创造密不可分，包括经济活动，在经济活动中，它以不同的比例、不同的领域存在，一直到它占据主要位置的领域，在我提到的那些领域。然而，我将省略对创造力领域的分析，我只会注意到，在创造力现象的社会学研究中，公认的领导者之一，理查德·佛罗里达，在他致力于研究所谓的创造性阶层的作品中，表明在过去的十年里，发达国家创意阶层的生活活动空间已经占员工的40%左右。

然而，创意活动，即使在经济学中，显然也不应局限于创意产业。我们尊敬的同事本质上也没有把经济中的创造力问题归结为这些创造性产业，我同意他的观点。但是，尽管如此，我认为现代经济中的创造力现象并不奇怪；事实上，这是未来生产和社会发展的核心问题。为什么？我想具体谈谈这一点。

我在上面提到，现代生产正变得知识密集型。我们花了10年的时间来证明这一论点，现在它几乎已经被普遍接受。但是，是什么将知识转化为生产？让我强调：知识是一种资源，也是一种结果，也是生产过程的一种属性。我要说的是：在我看来，创造性活动正是如此。

首先，创造生产技术的过程中的创造力，创造知识密集型生产——这是研发、软件、专有技术，最重要的是基础科学。

其次，创造力是管理知识密集型生产过程中不可或缺的组成部分。

第三，创造力直接在生产过程中作为高素质专家的劳动，即具有资格、学科知识以及知识使用知识的专家，即具有创造性潜力的专家。

艾伦·弗里曼教授也有最重要的观察。在谈到创意产品时，他在书中指出：“一个独特的特点是创意产品创作所涉及的工作具有技巧性。”他立即补充道：“这就是附加值的来源。”因此，弗里曼教授实际上认识到工作的创造性和知识性之间的联系。一个增加，另一个也增加。

同事们，随着产品中涉及劳动的知识量的下降，劳动过程中的创造性元素也减少。这与知识密集型产品、知识密集型生产的概念并不矛盾，我强调，在知识密集型的生产中，减少的是劳动的数量。它不是增加，而是减少，因为我们谈论的劳动只是生产的一个特殊组成部分，人类劳动一台取代人类劳动的机器并不能取代人类的作为一种活动的劳动，而只是用技术设备的工作取代生产的这一组成部分（人类劳动）。因此，我们清楚地将人类劳动与取代它的机械设备的的工作区分开来：第一个包含创造性元素，第二个不包含。

我的对手会怎么说？在人类活动的其他领域没有创造力的容身之地吗？我们的同事也写过这方面的文章，我当然同意他的观点。但是，朋友们，正是物质生产的工业发展，向更高阶技术的过渡，该技术增加社会生产的知识强度，确保知识作为生产要素的作用越来越大，成为其主要因素、主要资源，这是NIO.2时代工业新质量的基本特征（这在Noonomy理论中）。同时，创造过程不仅离不开知识被发现、加工和实施为技术和包括劳动在内的其他生产组成部分的过程，相反，它实际上是新知识的创造、意识和发展，是元知识。正是这些过程成为增加创意产业在现代经济中所占份额的主要因素。

我将今天的讨论话题退一步，以澄清我对在生产中应用知识问题的立场。受人尊敬的教授在他的一篇文章中写道：“总之，我们注意到，知识并不是作为一个外部因素应用于生产过程，但即使在生产开始之前，它“内置”在材料、工具和将它们结合在一起的劳动

中。因此，博德鲁诺夫写道，今天技术领域的发展不是由生产工具及其熟练使用决定的，而是由知识的力量决定的，知识包含在这些工具中，是使用这些工具和提高生产效率的能力的基础。他（博德鲁诺夫）只是需要去掉“今天”这个词。现代经济的变化不是精神内容的存在或事实上一直存在的东西的增加，而是精神内容与生产的关系方式”。

同事们，奇怪的是，我的朋友艾伦却因为我绝对同意并且不止一次声明过的事情而责备我。此外，看看所谓的博德鲁诺夫十字。他介绍的就是这个。另一件事是，我一直强调的是，包括艾伦在内的许多同事在分析中遗漏了什么——如果您看看卡洛塔·佩雷斯的作品，您就会发现下列的问题：它们的边界是什么，一种新的品质是什么等等。

当前阶段是过渡阶段。我强调。当然，尽管相对而言，知识是生产的所有组成部分的一个不可分割的组成部分（这一直是如此，此外，知识和创造性的重要性不断增长），但与前一阶段相比，现在知识正成为生产发展的主要因素。现在真正开始主导发展的是知识，而不是原材料、材料、能源等的可用性。因此，创造性元素在劳动力和经济中的份额显著增加。增长是永远在的。我们已经解释了当前经济的快速增长。这就是我强调的。我相信弗里曼教授和我完全同意这一点。我在其他某些问题上也同意他的观点，在这些问题上，他以自己的方式解释Noonomy的思想。

关于他从我的书《Noonomy》中收集到的对我思想的批评，我想说，这里的问题可能是其中的论文发展不足，我的论文分散在几百篇文章和几十本其他书中，或者翻译的细微差别。我同意艾伦的观点，这里确实有很多细微差别。写一本更大书的时间到了，可以说，需要把Noonomy的理论的各个方面系统化，放在一个瓶子里，减少未公开的空白和不明确的公式。

我会再联系弗里曼教授一次。他写道，后工业社会仍然是经济社会。在Noonomy理论中，我们令人信服地证明，社会发展沿着实现新的工业质量的道路，包括通过逐步减少人类劳动在生产社会中的政治经济理解中的份额，同时对劳动性质进行质的转变，知识密集型且大多是创造性的，转变为非劳动的活动，正在走向后经济、非经济社会，同时，以满足人类需求的方式保持工业性，但在有意识、有创造性和合格的人类参与控制和发展工业过程的基础上，基于与机器的特殊关系（这是艾伦的话），我相信，我们尊敬的同事在他的书中谈到了这一点。从这个意义上说，我完全同意他的观点，他说：“我们看到的不是行业的终结，而是一种新型行业的出现”。

在高技术发展和从生殖劳动向主要创造性活动过渡的条件下，深刻变化影响着社会生活的各个领域，不仅生产、科学、教育等方面，而且社会经济关系、制度和文化方面，其都是Noonomy理论的概念概括。我们今天看到了这些变化。我们新工业发展研究所已经10多年前提出了第二代新工业社会(NIO 2)理论，作为一种概念概括。大多数参与者都很熟悉它，所以让我们继续前进。

该理论为高科技发展带来的问题提供了答案，包括部分解决了创造性劳动在这一过程中的地位和作用问题，但事实证明，它不足以回答许多更大规模的理论和实践挑战。具体是哪些？我的意思是，除其他外，与创造力现象相关的挑战。在这里创造力不仅是经济研究，而是社会哲学研究的主题。

让我们再次谈谈弗里曼教授的思想，谈谈他关于创造力问题的基本著作。我想重点谈谈它所赋予的创造力的两个非常重要的特征。这首先是创造力作为一种非机器活动的特征，其次是一种包括所谓心

里对象的活动。这一点今天已经被讨论过了。我想，在从这些特征的角度普遍认识到创造力现象表现的深度的同时，给出我的愿景。

第一个特点使我最不反对。事实上，从卡尔·马克思时代，甚至从列奥纳多·达·芬奇时代，人们就知道，未来的社会必须达到这样一个发展水平，即机器将代替工人履行所有生殖性、非创造性劳动的功能，而人将在自由王国的空间中发展，该自由王国对面是物质生产本身。这些都不是简单的词语。让我们考虑好它们。当然，我们也接受这一点。在Noonomy理论中，我们谈论的是一个在人类控制下的自我作用的工业系统。

然而，在这里，我们需要更广泛地看待创造力的问题。事实上，如果创造力是非机器劳动，那么它显然必须具有某些属性，才能在质量上与机械化劳动区分开来。哪些？在不期待我们稍后将转向的对“心里对象”概念的分析的情况下，我将注意到：20世纪下半叶在国内外发表的哲学家、社会学家、经济学家的研究注意到创造性工作的一个非常重要（特别是对我们的分析来说）的特征，那就是自我激励。在创造力的空间里劳动的动机是劳动本身，在那里劳动就成为一种需要。此外，我想补充一点：在一个非经济社会中，满足需求的物质基础将是一个自我作用的生产系统，劳动作为一种经济现象和生产要素转化为活动，创造性工作转化为创造性活动，自我激励将成为这种活动的唯一动机。这种特征可以说是从历史的棋盘上逆转，抛出现代经济学的所有通常的公理学，至少其新古典主义版本。让我提醒你，除了极少数例外，我们特别规定，例如，在行为经济学的框架内，劳动通常是一种负担，金钱是一种价值。在我们正在考虑向智能生产、以创造性活动为主导的方向逐步进步的情况下，一切都会发生变化：劳动越来越有创造力，并逐渐失去经济意义。劳动越来越多地变成非劳动的创造性活动，成为越来越非经济的创造需要，其意思越来越多地为人类作为一个有创造力的人、一个有文化的人发展的手段。这就是向满足需求的新的后经济方式过渡的方式，也正是由此产生了一个新的后经济现实。

这就是我们如何进入Noonomy起源的空间，完全新的世界，在这个世界里，一个人的后经济生活方式取代经济生活方式。

我们多年来致力于发展Noonomy的概念。我们和我们的许多同事已经用不同的语言发表了数百篇文章和许多书籍，我们在会议上不止一次地讨论了这些想法。此外，艾伦·弗里曼教授是我们与他和拉迪卡·德赛教授合著的书的作者之一。因此，我不会详细讨论Noonomy理论的基本思想，但我将重点分析我们的同事所写和谈论的那些现象或类别，我想说，根据Noonomy理论，这些现象或类别具有新的意义。事实上，这一分析在很大程度上补充了我们的联合著作，也许今天的讨论可以包括在我们书的第二版中（这是我的建议）。

首先，我将详述“非机器劳动”的概念。在我们看来，创造性活动的该定义对于，我强调，在经济社会中描述这种特定类型的劳动活动是非常有成效的。它既呼应了20世纪科学家作品中对创造性工作的经典定义，也呼应了1961年苏共第二十二次代表大会通过的建设共产主义物质基础计划中对未来世界的特征，还呼应了苏联未来主义作家作品中对这个世界的大量介绍，例如，苏联著名作家伊万·埃夫雷莫夫教授。根据伟大科学家克里斯托弗·弗里曼的思想，这个概念也是恰当的。最后，这一概念与21世纪科学家提出的基于高科技的生产特征相一致。

然而，在我们的研究所，我们倾向于用“智能制造”一词来谈论这一点，正如我已经指出的，知识在其中起着决定性的作用。我们还倾向于将知识密集型产品的知识密集型生产视为第二代新工业社会

的一个组成部分。这不是品味或术语选择的问题。用机器的功能取代人类劳动，同时增加非机器劳动的作用和份额，这一任务的解决只是由于向第二代新工业社会概念 (NIO.2) 的转变，而不是其他的。通过选择“知识密集型生产”一词，我们不仅对这种劳动作为工业过程中的创造性过程提供广泛的解释，而且还确保这一知识过程、知识发展、实施过程以及最重要的是活动的创造性要素流向机械生产的主要因素联系起来。

有些人会认为，我说错了。不，我没有犯错误。事实上，创造力作为一种现象在人类生存中有着特殊的体现和表现。据我们所知，弗里曼教授也同意这一点，他谈到了心里对象的物化，我们稍后会讨论。我们认为我们研究所的创意过程是不可机器化的，不像那些准备宣称人工智能有能力成为创造者的人。然而，创造性劳动可以让人创造出某些完全没有创造性的产品。此外，任何产品最初都是一个创造性行为的结果，一系列创造性行为，一个旨在改变现实的创造性过程。此外，这种创造产品的过程及其在开发中的扩展变得可机器化的。让我迅速注意到，机器不是上帝的创造，它是人的创造，是同一创造性行为的物质体现的结果。有一条看不见的线，在这条线之后，一个不可机器化的创作过程变成一个可机器化的过程。

同事们，我们需要熟悉生产。在这里，我们来谈谈克里斯托弗·弗里曼的遗产，我引用他的话：“随着技术和其他生产过程的发展，通过对现实的创造性理解，任何作为现实创造性发展结果的创新都是逐渐变得机器化的，但从而为一个人理解新知识和新的创造性行为开辟新的空间”。

在这方面，我想特别讨论一下艾伦·弗里曼作品中非常重视的“心里对象”的概念。这位教授也非常重视“心理经济”的现象和相应的概念，他今天把该现象向我们介绍了一下。此外，在我们的对话中，艾伦甚至建议我用它来代替“Noonomy”的概念，认为在这两种情况下，我们都在谈论心灵。事实上，这些概念是基于对人类存在和活动的重新理解，通过知识对周围世界的转变是绝对正确的。然而，在我看来，心理经济学和Noonomy有着显著的不同；它们在概念的内容或范围上都不一致。

正如我们所理解的，“心里对象”概念在很大程度上仍然没有定义。艾伦·弗里曼教授将其定义为“一个以各种物理形式表现出来的可复制实体，具有独立于这些物理形式的可识别身份”。定义很好。在这种情况下，心里对象的物理形式可以从一种类型转换为另一种类型，心里对象本身成为形式存在的一部分。让我们不要去探究一个可以追溯到数千年前的哲学问题——形式和内容之间的关系。但有一点——心里对象转变为我们存在的一部分，转变为某种物质对象可以实现的某种形式。因此，据我所知，一个心里对象是心理的某种产物，甚至是存在于心理空间中的创造性行为的结果，正如人们可以假设的那样，它可以被转化为在人类活动过程中客观存在的其他对象。无论如何，这就是我用社会哲学的语言来解释这个概念的方式。

这个概念当然非常有趣，它抓住了创造性活动的一个重要方面，或者更确切地说，它的结果，但它很难声称是创造性活动的系统质量。这种活动并不局限于心里对象的产生——这就是我想强调的。此外，正如我们所理解的，心理对象甚至不是创造性活动的无条件属性，创造性是一种在没有心理对象创造的情况下可能发生的现象。

让我强调：我们从生产的首要地位出发，从其内容因增长和知识强度而发生的质的变化出发，而不是从人类思维的某些特性出发，

这些特性能够创造和生成心理对象。我们也没有从劳动内容的相应变化出发，这只是社会生产过程中为数不多的组成部分之一。其内容本身的这种变化只是其知识能力增长的结果。在这方面，我们同意“心里对象”一词对研究创造性活动现象非常有用，正如我们所看到的，创造性活动反过来又对研究当前社会的质的变化非常有用。

这些变化的整体特征不能归结为一个概念——既不能归结为精神对象，也不能归结为任何其他创造性活动的概念。在我看来，需要一个全面的表征，将正在经历的转变的各个方面和方面结合成一个系统。我们今天在研讨会上讨论的正是这种方法，这种元理论，在第二代新工业社会发展的基础上提出Noonomy起源的概念，这使我们能够概念化和概括国内外科学家作品（包括我们很多同事的作品）中描述的变化特定特征，包括知识经济、心里对象等问题。让我们也注意到，我们尊敬的同事——世界政治经济学学会主席、中国科学院成员程恩富教授——正在与他的同事们一起发展所谓知识经济的概念。因此，它是基于智能化和提高劳动创造性水平的思想。在他出版的书中，他写道，智能化是Noonomy理论意识形态框架的一部分。此外，我们不能认同“心理经济学”和“Noonomy”这两个概念。为什么？

首先，Noonomy不再是经济学，它是一种满足社会需求的后经济方式。其次，Noonomy是一种智力科学。Noonomy是一种管理方式，一种生活方式，一项法律。这不仅仅是一个所有现有的社会存在都在发生变化的后经济时代。我们刚刚注意到，生产在其中发生变化，变得知识密集型，但最重要的是，人在其中也发生变化，从经济人转变为文化人，转变为有创造力的人。人类作为一个整体正在走向一个创造力的时代，在无限知识的基础上无尽的创造力的时代。第三，这些转变将导致社会关系和制度体系的变化，从而促成向后经济现实的过渡。

Noonomy的产生预设了四个过程的统一——技术进步、财产扩散、经济社会社会化和团结主义的进步。当然，这种Noonomy的概念在推广其要素的过程中，预设了我们今天所谈论的现象的存在。因此，该概念原则上不能归结只是为不可机器化劳动的进步和心里对象的经济。对这些基本差异的描述可以继续，但在这种情况下，我认为更重要的是强调以下几点

向NIO.2过渡和向Noonomy进一步发展的概念不是一场有概念或术语的学术游戏，这是人类全球选择的理论反映，即Noo和Zoo之间的选择。今天，我们见证了这样一个事实，即这种选择不是推测性的，而是纯粹的实际选择。这种选择始于2008-2010年的全球金融和经济危机，随着疫情的蔓延和政治冲突的超出通常范围的加剧而持续，地缘政治和经济进程升级。我们的朋友拉迪卡·德赛教授根本调查这些趋势。我们出版了她的一本书——这是一本关于上述主题的基础著作。

21世纪实际上把我们所有人都置于生存的边缘。文明正接近其发展的转折点，这是我们多年前谈论过的一个分叉点。只有当人类对进步的客观趋势有一个全面的科学图景时，选择积极的发展而不是混乱和倒退才是可能的。正如近年来所显示的那样，关于我们正在讨论的各个方面的今天，Noonomy的概念正在获得越来越多的理由来给出这样一个客观的画面。我衷心感谢每一位为这张照片贡献自己的力量和色彩的人。

СОБЕСЕДНИКИ:

Радика Десаи,

член Международного комитета ВЭО России, профессор
департамента политических исследований, содиректор
Исследовательской группы геополитической экономики
Университета Манитобы (Виннипег, Канада), эксперт
Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Алан Фриман,

член Международного комитета ВЭО России, содиректор
Исследовательской группы геополитической экономики
Университета Манитобы (Виннипег, Канада), эксперт
Международного дискуссионного клуба «Валдай»,
соредактор серии книг «Геополитическая экономия»
(издательство Manchester University Press), член
редколлегии журнала *Revista de Economia Politica*,
заместитель председателя Всемирной ассоциации
политической экономики

«СОЦИАЛИЗМ КАК СПОСОБ СОЗИДАНИЯ»

Обострение глобальных противоречий мировой цивилизации становится все более очевидным. Резкое ускорение научно-технологического прогресса, развитие «умного», знаниеемкого производства создают предпосылки для качественного изменения существующей модели общественного устройства. Какой она может быть?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 25.11.2022

*Александр Владимирович Бузгалин,
вице-президент ВЭО России, директор Центра современных
марксистских исследований философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ
имени М.В. Ломоносова*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН*

«Причина нынешнего кризиса — упадок Америки»

Бодрунов: Профессор Фриман, профессор Десаи, не так давно завершил свою работу Валдайский форум, в котором вы принимали участие и были в числе его спикеров. Тема форума — «Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех». На ваш взгляд, знаменует ли нынешний геополитический кризис конец продолжительного этапа в истории капиталистического мирового порядка, который характеризует фактическое или мнимое доминирование отдельных держав?

Алан Фриман: На Западе считают, что причиной нынешнего кризиса является подъем Китая, России и других сил в мире. Это неверно. Причина — упадок Америки. Я могу доказать это с помощью статистики. В 1974 году 75% мирового роста приходилось на США, к 2000 году эта цифра упала до 25%. Я подсчитал, что было бы к 2000 году, если бы США продолжали расти темпами 1974 года. Доля США в мировом росте не изменилась бы. Причина падения Америки — экономика Америки. Что будет с будущим — во многом вопрос преодоления кризиса американской экономики и политики. Могу привести простую аналогию: был ли крах Рима вызван нашествием варваров или нашествие варваров было вызвано крахом Рима? Проблема в том, что варвары не были готовы к краху Рима. Это стало причиной Смутного времени. Если мы хотим избежать нового Смутного времени, мы должны быть готовы к краху Америки.

РАДИКА ДЕСАИ

«Я бы сказала, что крах Советского Союза не был переломным моментом. Настоящий перелом произошел в 1970-х годах, как сказал Алан, когда западная капиталистическая экономика вступила в период глубокого кризиса. Из него было два выхода. Можно было либо сделать экономику более социально ориентированной, либо развиваться по либеральному направлению. Запад выбрал либеральный путь развития в надежде возродить производство. Но этого не произошло. Мы до сих пор испытываем на себе последствия того времени. На протяжении последних 40 лет либерализма рост Запада снижался, сейчас мы живем в новой фазе этого кризиса»

Бодрунов: Причины тех явлений, которые происходят в мире, вы обозначили. Но мне кажется, очень важно понимать сегодня, что нам готовит будущее, на чем акцентировать внимание в российской экономической политике и политике других стран с учетом ситуации, которая складывается.

Радика Десаи: Я согласна с Аланом. Чтобы понять настоящее, нужно заглянуть в прошлое. Существует распространенное мнение о том, что мы подходим к концу однополярного мира, который сформировался после окончания холодной войны. В книге «Геополитическая экономия», переведенной на русский язык и находящейся в свободном доступе на сайте ИНИР имени С.Ю. Витте, я утверждала, что США стараются сохранить статус гегемона. Но по факту им это никогда не удавалось. Весь мир страдал от попыток США сохранить статус гегемона. Однако сейчас та мощь, которой обладали США в прошлом, сходит на нет. Почему же это происходит?

Бодрунов: Александр Владимирович, если бы экономика США и западные экономики выбрали другую парадигму развития, была бы сегодняшняя ситуация столь же напряженной? Как вы полагаете?

Бузгалин: Капитализм — это жесткая, агрессивная экономическая система, но он может быть частично социализирован, смягчен. Это по-другому выстроило бы мир. Противоречия были бы, но гораздо меньшими, и их можно было бы разрешать мирно и конструктивно.

Бодрунов: Я с вами согласен, противоречия все равно возникали бы, другое дело, что до конфликта дело бы не доходило. В перспективе — глубокий кризис того, что можно назвать поздним капитализмом. Развитие идет не в интересах людей, а в интересах бюрократии, крупного спекулятивного капитала. И либо мы меняем систему, либо будет кризис, который затронет все страны мира.

«Нам необходима новая модель мирового развития»

Бодрунов: Сегодня поиском новой модели развития занимаются многие специалисты, в том числе и западные. Мне кажется, что в рамках геополитэкономических исследований, которые ведет госпожа Десаи, можно увидеть наметки тех решений, которые позволили бы построить более справедливые отношения между людьми в сфере экономики и политики.

Радика Десаи: Я думаю, уже сейчас ясно: капитализм, мечтающий об экономике, в которой капиталист удерживает бразды правления, не приведет человечество ни к чему хорошему. Мы точно не знаем, какой путь лучше, но эксперименты в рамках социализма — единственный путь, который приведет нас к лучшему будущему для людей. Как сказал Алан, мы не можем ждать, пока западные страны и особенно США пойдут социалистическим путем. Китай уже показывает, что мы можем двигаться в этом направлении. Каждая страна должна идти своим собственным путем. Такое положение дел мы называем не просто многовекторностью, а многополярностью. То есть мироустройство с большим количеством разных экономических систем.

Алан Фриман: Как должны быть устроены отношения между странами с разным общественным строем? Ответ на этот вопрос прост: развитие торговли. В идеальном мире вы торгуете с кем-то, даже если не согласны с тем, как устроен его общественный строй. Проблема американской гегемонии в том, что она стремится навязать американские представления о том, как должны быть организованы культура и общество в тех странах, с которыми Америка имеет дело. А это невозможно. Мы не можем диктовать партнерам, как им вести бизнес. Так что в определенном смысле наши дальнейшие шаги по преодолению кризиса — не движение вперед, а шаг назад, к ценностям Организации Объединенных Наций. Изобретите эти правила заново, не нужно их менять, нужно просто заставить их работать.

Бузгалин: Я вспомнил одну из конференций в Нью-Йорке, где коллеги из США утверждали, что НАТО и США — это полицейские и лучше плохой полицейский, чем беспорядок. Я тогда в ответ сказал, что это полицейский-убийца. Свободная торговля по равным правилам — хорошо, но когда у одного в руках револьвер, а другой должен вести с ним честную торговлю без револьвера, то из этого, как правило, ничего не получается. Это первая ремарка. Вторая — Америка разная. Есть Америка крупных корпораций, есть Америка бизнеса, который сращен с государством, есть Америка, паразитирующая на всем мире, есть Америка обычных людей. Я много общался с представителями общественных движений, я жил в семье американских рабочих. Поэтому, мне кажется, задача всех стран, которые хотят создавать новый, более справедливый мировой порядок, — обратиться к людям, перестать думать, что геополитэкономия — это исключительно отношения между правительствами и миллиардерами.

«Капитализм терпит поражение»

Бодрунов: Госпожа Десаи, Александр Владимирович поднял глубокую тему: интересы людей, которые проживают в тех или иных странах, могут принципиально отличаться от интересов стран, которые диктуют те, кто стоит у власти. Выявление этих интересов может лежать в основе новой экономической модели.

Радика Десаи: Абсолютно верно. Капитализм терпит неудачу. Мы должны найти новый способ организации экономики. Я бы добавила, что капитализм терпит поражение в течение длительного времени, так что в определенном смысле и большевики, и Ленин не ошиблись, предположив, что капитализм достигнет апогея примерно к началу XX века, а после этого времени начнет деградировать. После Второй мировой войны многие интеллектуалы представляли будущее как путь в социалистическом направлении. Конечно, они ошибались. Капиталистические страны не пошли этим путем. Но у них были успешные три десятилетия благодаря социалистическим реформам: реформе занятости, образования, социального обеспечения. Именно эти реформы определили самые выдающиеся достижения капитализма.

Бодрунов: Самое важное в социализме, на мой взгляд, — это социализация общества, то есть повышение уровня общественного сознания, хорошего отношения общества к человеку. Это является одним из глобальных трендов, который сегодня все больше востребован.

РАДИКА ДЕСАИ

«Когда пришел новый либерализм, все думали, что он возродит капитализм, но этого не произошло. Западные страны должны вернуться к периоду после Второй мировой войны, взять оттуда все лучшее и реорганизовать экономику в интересах народа. По той простой причине, что, если у обычных людей не будет возможности потреблять, спрос не будет достаточным для того, чтобы система продолжала работать исправно. Нет проблем в использовании силы рынка. Крупные корпорации только говорят об этом, но по факту они — монополисты, в них нет энергии рынка и конкуренции»

«Самое главное в творческом труде — это то, что он незаменим»

Алан Фриман: Я бы хотел перейти к обсуждению того, как новые технологии влияют на выбор, который у нас есть. Экономисты думают, что люди и машины являются субститутами, могут заменить друг друга. Но чего же добилась промышленная революция? Увеличения количества вещей и их размеров. Чего она не добилась — улучшения качества вещей. Это очевидно. Я изучил технологические преобразования, связанные с творческими отраслями экономики и ростом сферы услуг. И хочу сделать простой вывод: доля американской рабочей силы, производящей материальные объекты, сейчас составляет 14%. 86% американской рабочей силы производят услуги, а не предметы. Итак, мы исчерпали потенциал промышленной революции. Что мы видим?

Креативные отрасли экономики — это новый вид труда, и самое главное в творческом труде — это то, что он незаменим. Машина не в состоянии сделать то, что может создать воображение человека. Я проработал в сфере создания программного обеспечения 50 лет. В моем первом компьютере были лампы! Мы 50 лет ждали создания компьютера, который мог бы сам создавать программное обеспечение. Мне 76, а такого компьютера до сих пор не создано.

Существуют математические теоремы, созданные Аланом Тьюрингом и Алонсо Черчем, которые показали, что это возможно. Самый важный ресурс, к которому мы должны обратиться, — это кадровый потенциал. Вся экономическая наука построена вокруг так называемой неоклассической совокупной производственной функции, которая предполагает, что труд и капитал являются взаимозаменяемыми. Но заменить творческое начало невозможно. Значит, приходится думать о другом способе организации производства, в котором основное внимание уделяется сохранению, созданию и развитию творческого потенциала человека.

Бузгалин: Мы давно ведем товарищескую полемику с Аланом Фриманом. Я согласен: человек и машина могут и должны дополнять друг друга. Творческая деятельность — это то, чего требует социализация. Главная работа человека — это образование на протяжении всей жизни, начиная с яслей и заканчивая обучением пенсионеров.

Бодрунов: Я бы добавил, что человек остается человеком до тех пор, пока он учится.

Бузгалин: Образование должно быть общедоступным, демократичным, должно преодолевать сегрегацию, которая есть в этой сфере. Дети из малообеспеченных семей, если это не гении, не имеют возможности пробиться в жизни. Образование, здравоохранение, искусство, наука, творчество — для того чтобы эти сферы могли развиваться, они должны быть социальны. Они не должны быть коммерциализированы, подчиняться бюрократии и финансовому капиталу.

«Капитализм не может создать творческий ресурс»

Радика Десаи: Я согласна. Но хотелось бы сделать пару уточнений.

Но в то же время нельзя оставлять без внимания промышленно-производственную часть этого уравнения. Это

РАДИКА ДЕСАИ

«Очевидно, что капитализм привнес неестественность в этот мир. Неестественность отношения человека к себе, отношения человека к другим людям, человека к природе. Восстановление естественности — это то, что мы всегда называли социализмом. Если мы хотим назвать это как-то по-другому — это нормально. Конечно, творчество — это путь, по которому нам надо идти. Социализм — это способ созидания, высвобождения творческих способностей человечества»

вопрос того, где будет предел передовых достижений человечества. Если сейчас в производственных отраслях работают только 14% американцев, то это отчасти вызвано слабостью американского промышленного капитализма. Американцы разместили свое промышленное производство в других странах. Творческий труд — это способ повышения производительности труда человека. Венгерский экономист Янош Корнай сказал, что социализм в том виде, в котором он существовал, — это система с ограниченным предложением, а капитализм — это система с ограниченным спросом. Теперь все наоборот. Социалистический Китай не имеет ограничений предложения, тогда как капиталистическая система ограничена в этом. Капитализм не может производить, он может поставлять.

Алан Фриман: Проблема, на мой взгляд, в другом. Социализм способен сделать то, на что не способен капитализм. Следовательно, чтобы получить результат, мы должны спросить себя, что на самом деле создает капитализм? Что он не может сделать? Как социализм может добиться этого? Что же, есть две вещи, которых капитализм не может достичь: он не может создать творческий ресурс. Он не может создать «человека» в переносном смысле. Если вашим основным ресурсом является трудовой ресурс, нужна система, цель которой сделать труд как можно более качественным, а не дешевым.

В каждой стране мира существует минимальный срок, в течение которого человек получает образование. Если вы посмотрите на историю капиталистической цивилизации, то каждые 50 лет к этому периоду добавляется 1 год. Это началось еще в Викторианскую эпоху. Сначала этот период составлял 11 лет, потом — 14, затем — 16 лет. Одна из причин успеха немецкого и американского капитализма в том, что они смогли увеличить этот период до 18 лет, чего не сделали другие страны. Итак, сколько времени нужно, чтобы подготовить человека с высоким творческим потенциалом? По крайней мере — 21 год. Развитие творчеств — это постоянный процесс. Принцип обеспечения государством образования для всех нуждается в расширении. Этого можно добиться только за счет государственных ресурсов.

Бодрунов: Очень важно, что главные идеи, которые сегодня обсуждаются ведущими мировыми экспертами, заключаются в следующем: необходимы решения, которые не может обеспечить современное общество. Эти решения должны лечь в основу новых экономических моделей или новых моделей развития человечества.

Бузгалин: Совершенно верно. Это ключ к решению геополитических противоречий. Если суммировать, капитализм не может обеспечить сбалансированное развитие. Не рост, а развитие. Для этого нужны планирование и активная промышленная политика. Капитализм не может решить проблемы развития человека, ибо для этого нужен социальный сектор: бесплатное общедоступное образование и здравоохранение, искусство, наука и так далее. Капитализм не может решить проблему неравенства, которая стала основой нестабильности практически любой социальной системы. Эти внутренние противоречия капитализм пытается разрешить через военный конфликт. Поэтому, чтобы разрешить геополитические противоречия, надо разрешить противоречия капитализма как системы. Реформировать ее в том направлении, о котором мы говорили.

Бодрунов: Очень важно, что сегодня мы получили ответ на вопрос «Что делать?». Нам необходимы социально ориентированное развитие, дальнейшая социализация общества, экономики, всего, чем живет человек. В России это обсуждается на самом высоком уровне. В Конституции появилось понятие солидаризма. Принимается много программ, направленных на решение социальных проблем, поддержку населения, развитие творческих способностей. Мне представляется, что если мы будем двигаться в этом направлении, то в конце концов мы, наверное, сможем построить более справедливое, социально ориентированное, расположенное к человеку общество.

РАДИКА ДЕСАИ

«В любом случае путь к социализму очень долг. И на этом пути общество пройдет множество форм. Так что я согласна с тем, что мы должны сосредоточиться в основном на отношениях между людьми. В ближайшие десятилетия нам нужно будет обеспечить развитие производства, творческой деятельности, равенство. Каждое общество должно ставить человека в центр своей деятельности. Если вы не хотите называть это социализмом, вы можете называть это как угодно. Но это путь в будущее. Вот почему мы выбираем многополярность. Каждая страна, осознавая возможность использования рыночных механизмов, даже если речь идет о капиталистических корпорациях, должна понимать, что общий контроль над всеми процессами должен оставаться в руках государства, представляющего интересы народа. Главное — двигаться в этом направлении»

《社会主义是一种创造方式》

世界文明全球矛盾的加剧越来越明显。科技进步的急剧加速，「智能」、知识密集型生产的发展为现有社会结构模式的质变创造了先决条件。会是什么呢？

对话者:

拉迪卡·德赛 (Radika Desai),
政治研究系教授、曼尼托巴大学 (加拿大温尼伯) 地缘政治经济研究小组联合主任、俄罗斯自由经济学会国际委员会成员、《瓦尔代》国际讨论俱乐部专家

艾伦·弗里曼 (Alan Freeman),
曼尼托巴大学 (加拿大温尼伯) 地缘政治经济研究小组联合主任、《瓦尔代》国际讨论俱乐部专家、俄罗斯自由经济学会国际委员会成员、《地缘政治经济》系列丛书 (Manchester University Press 出版社) 联合编辑、《Revista de Economia Politica》编辑委员会成员、世界政治经济学协会副主席

亚历山大·布兹加林 (Alexander Buzgalin),
罗蒙诺索夫莫斯科国立大学哲学系现代马克思主义研究中心主任、罗蒙诺索夫莫斯科国立大学荣誉教授、俄罗斯自由经济学会副主席

谢尔盖·博德鲁诺夫 (Sergey Bodrunov),
俄罗斯自由经济学会会长、国际经济学家联盟主席、俄罗斯科学院通讯员、教授

«当前危机的原因是美国的衰落»

博德鲁诺夫 (Bodrunov)：弗里曼教授与德赛教授，不久前完成了《瓦尔代》论坛的工作，你们参加了论坛并在论坛上发言。本次论坛的主题是《霸权之后的世界：人人享有正义与安全》。在您看来，当前的地缘政治危机是否标志着资本主义世界秩序历史上长期以个别大国的实际或感知统治为特征的时期的结束？

弗里曼 (Freeman)：西方认为当前危机的原因是中国、俄罗斯和世界其他力量的崛起。这不是真的。原因是美国的衰落。我可以用统计数据来证明这一点。1974年，美国占全球增长的75%，到2000年，这一数字已降至25%。我计算了如果美国继续以1974年的速度增长，到2000年会发生什么。美国在全球增长中的份额不会改变。美国衰落的原因是美国的经济。未来会发生什么在很大程度上是克服美国经济和政治危机的问题。我可以举一个简单的比喻：罗马的崩溃是由野蛮人的入侵引起的，还是野蛮人的入侵是由罗马的崩溃引起的？问题是野蛮人还没有为罗马的崩溃做好准备。这是混乱时期的原因。如果我们想避免新的混乱时期，我们必须为美国的崩溃做好准备。

博德鲁诺夫 (Bodrunov)：您已经确定了世界上发生的现象的原因。但是，在我看来，今天了解我们的未来是非常重要的，考虑到正在发展的情况，俄罗斯经济政策和其他国家的政策应该关注什么。

德赛 (Desai)：我同意艾伦的观点。要理解现在，你需要看看过去。人们普遍认为，冷战结束后形成的单极世界即将结束。在《地缘政治经济》一书中，翻译成俄语并在维特(Witte S.U.)新工业发展研究所的网站上免费提供，我认为美国正在努力保持霸主的地位。但实际上他们从未成功。整个世界都遭受了美国维持霸权地位的企图。然而，现在美国过去所拥有的力量正在化为乌有。为什么会这样？

博德鲁诺夫 (Bodrunov)：亚历山大·弗拉基米罗维奇，如果美国经济和西方经济选择了不同的发展范式，那么目前的局势是否会如此紧张？您认为如何？

布兹加林 (Buzgalin)：资本主义是一个强硬、侵略性的经济体系，但它可以部分社会化、软化。它会以不同的方式建立世界。会有矛盾，但要小得多，它们可以和平和建设性地解决。

博德鲁诺夫 (Bodrunov)：我同意您的观点，矛盾仍然会出现，另一件事是它不会发生冲突。在未来，有什么可以被称为晚期资本主义的深刻危机。发展不是为了人民的利益，而是为了官僚主义的利益，大量的投机资本。要么我们改变体制，要么就会发生影响世界各国的危机。

«我们需要全球发展的新模式»

博德鲁诺夫 (Bodrunov)：今天，许多专家，包括西方专家，都在寻找新的发展模式。在我看来，在德赛女士进行的地缘经济研究的框架内，人们可以看到这些解决方案的轮廓，这些解决方案将使人们在经济和政治领域建立更公平的关系。

德赛 (Desai)：我认为现在很清楚，梦想着由资本家掌握权力的经济的资本主义不会给人类带来任何好处。我们不知道哪条路最好，但在社会主义内部进行试验是唯一可以引领我们为人类创造更美好未来的方法。正如艾伦所说，我们不能等待西方国家，特别是美国走社会主义道路。中国已经表明我们可以朝这个方向前进。每个国家都必须走自己的路。我们称这种事态不仅是多向的，而且是多极化的。也就是一个拥有大量不同经济体系的世界秩序。

弗里曼 (Freeman)：不同社会制度的国家之间的关系应该如何安排？这个问题的答案很简单：贸易的发展。在理想的世界里，你和某人交易，即使你不同意他们的社会制度是如何运作的。美国霸权的问题在于，它试图强加美国关于在与美国交易的国家应该如何组织文化和社会的想法。这是不可能的。我们不能向我们的合作伙伴发号施令他们如何做生意。因此，从某种意义上说，我们克服危机的进一步步骤不是朝着联合国价值观念前进的一步，而是后退的一步。重新发明这些规则，你不需要改变它们，你只需要让它们发挥作用。

布兹加林 (Buzgalin)：我记得在纽约的一次会议，来自美国的同事认为北约和美国是警察，一个坏警察总比一团糟好。然后我回答说这是一个警察杀手。平等规则下的自由贸易是好的，但是当一个人手中有一把左轮手枪，而另一个必须在没有左轮手枪的情况下与他进行公平贸易时，通常不会有任何结果。这是第一句话。第二个是美国是不同的。有一个大公司的美国，有一个与国家融合的商业美国，有一个寄生于整个世界的美国，有一个普通人的美国。我和社会运动的代表谈了很多，我住在一个美国工人家庭。因此，在我看来，所有想要建立一个新的更公正的世界秩序的国家的任务是呼吁人们，停止认为地缘经济完全是政府和亿万富翁之间的关系。

拉迪卡·德赛 (Radika Desai)：

我会说苏联的崩溃不是一个转折点。真正的转折点发生在20世纪70年代，正如艾伦所说，当时西方资本主义经济进入深度危机时期。有两条出路。既可以使经济更加面向社会，也可以朝着自由的方向发展。西方选择了自由的发展道路，希望恢复生产。但这并没有发生。我们仍在经历那段时间的后果。在过去40年的自由主义中，西方的增长一直在下降，现在我们生活在这场危机的新阶段。

«资本主义正在失败»

博德鲁诺夫 (Bodrunov)：德赛女士，亚历山大·弗拉基米罗维奇提出了一个深刻的话题，生活在某些国家的人的利益可能与当权者所支配的国家的利益有根本的不同。这些利益的识别可能构成新经济模式的基础。

德赛 (Desai) : 绝对正确。资本主义正在失败。我们必须找到组织经济的新方法。我想补充一点，资本主义已经遭受了很长一段时间的失败，所以在某种意义上，布尔什维克和列宁都没有错误地假设资本主义将在二十世纪初达到顶峰。第二次世界大战后，许多知识分子将未来想象成社会主义方向的道路。当然，他们错了。资本主义国家没有走这条路。但由于社会主义改革，他们取得了成功的三十年：就业，教育，社会保障改革。正是这些改革决定了资本主义最杰出的成就。

博德鲁诺夫 (Bodrunov) : 在我看来，社会主义最重要的是社会的社会化，即提高公众意识水平，社会对一个人的良好态度。这是当今需求越来越大的全球趋势之一。

«创造性工作中最重要的是它是不可替代的»

弗里曼 (Freeman) : 我想继续讨论新技术如何影响我们的选择。经济学家认为人和机器是替代品，可以相互替代。但工业革命取得了什么成就？增加事物的数量和它们的大小。她没有达到的是事物质量的提升。很明显。我研究了与经济创意部门和服务部门增长相关的技术转型。我想做一个简单的结论：美国劳动力生产物质对象的份额现在是14%。86%的美国劳动力生产服务，而不是物品。所以，我们已经耗尽了工业革命的潜力。我们看到了什么？

创意产业是一种新的工作，在创意工作中最重要的是它是不可替代的。机器是不能够做什么人类的想象力可以创建。我在软件开发领域工作了50年。我的第一台电脑有灯！我们已经等待了50年来创建一台可以自己创建软件的计算机。我是76，这样的计算机尚未创建。

有艾伦·图灵 (Alan Turing) 和阿隆索·切尔奇 (Alonzo Church) 创建的数学定理表明这是可能的。我们应该转向的最重要的资源是人力资源。经济学的整体是围绕所谓的新古典主义联合生产函数构建的，该函数假定劳动力和资本是可互换的。但它是不能取代创造力。因此，我们必须考虑另一种组织生产的方式，其中主要关注的是保存，创造和发展一个人的创造潜力。

布兹加林 (Buzgalin) : 长期以来，我们一直在与艾伦·弗里曼进行同志式的争论。我同意：人和机器可以而且应该相辅相成。创造性活动是社会化所需要的。一个人的主要工作是一生的教育，从托儿所开始，到养老金领取者的培训结束。

博德鲁诺夫 (Bodrunov) : 我想补充一点，只要一个人学习，他仍然是一个人。

布兹加林 (Buzgalin) : 教育应该是公开的，民主的，它应该克服这个地区存在的隔离。来自低收入家庭的孩子，如果不是天才，就没有机会在生活中突破。教育，医疗保健，艺术，科学，创造力-为了使这些领域发展，它们必须是社交的。它们不应该被商业化，受制于官僚主义和金融资本。

拉迪卡·德赛 (Radika Desai) :

当新自由主义来临时，所有人都认为它会复兴资本主义，但没有发生。西方国家应该回到第二次世界大战后的时期，从那里采取一切最好的，并重组经济以人民的利益。原因很简单，如果普通人没有机会消费，需求将不足以让系统继续正常工作。利用市场的力量是没有问题的。大公司只谈论它，但实际上他们是垄断者，他们没有市场和竞争的能量。

«资本主义不能创造创造性资源»

拉迪卡·德赛 (Radika Desai) :

很明显，资本主义给这个世界带来了不自然。一个人对自己的态度，一个人对其他人的态度，一个人对自然的不自然。恢复自然是我们一直所说的社会主义。如果我们想叫它别的东西，那很好。当然，创造力是我们需要走的路。社会主义是一种创造方式，释放人类的创造能力。

德赛 (Desai) : 我同意。但我想澄清一下。

但与此同时，这个等式的工业和生产部分也不容忽视。这是一个人类先进成就的极限将在哪里的问题。如果只有14%的美国人目前在制造业工作，这部分是由于美国工业资本主义的弱点。美国人已经把他们的工业生产放在其他国家。创造性工作是提高人类生产力的一种方式。匈牙利经济学家贾诺斯·科尔奈 (Janos Kornai) 说，存在形式的社会主义是一个供应有限的系统，资本主义是一个需求有限的系统。现在情况正好相反。社会主义中国没有供给约束，而资本主义制度在这方面是有限的。资本主义不能生产，它可以供应。

弗里曼 (Freeman) : 在我看来，问题是别的。社会主义有能力做资本主义不能做的事。因此，为了得到一个结果，我们不得不问自己，资本主义实际上创造了什么？他不能做什么？社会主义如何实现这一目标？那么，有两件事是资本主义无法实现的：它不能创造一种创造性的资源。他不能在比喻意义上创造一个«男人»。如果您的主要资源是劳动力资源，您需要一个系统，其目标是使劳动力尽可能高质量，而不是便宜。

在世界上的每一个国家都有一个人接受教育的最短时期。如果你看看资本主义文明的历史，那么每50年1年就会添加到这个时期。它始于维多利亚时代。起初，这一时期是11年，然后是14年，然后是16年。德国和美国资本主义成功的原因之一是他们能够将这一时期延长到18年，而其他国家没有这样做。那么，需要多长时间来准备一个具有高创造潜力的人？至少21岁。创造力的发展是一个持续的过程。国家为所有人提供教育的原则需要扩大。这只能以牺牲国家资源为代价来实现。

博德鲁诺夫 (Bodrunov) : 非常重要的一点是，世界领先专家今天正在讨论的主要想法如下：需要现代社会无法提供的解决方案。这些决定应成为新经济模式或人类发展新模式的基础。

布兹加林 (Buzgalin) : 没错。这是解决地缘政治矛盾的关键。综上所述，资本主义不能保证均衡发展。不是增长，而是发展。这需要规划和积极的产业政策。资本主义不能解决人类发展的问题，因为这需要一个社会部门：免费的公共教育和医疗保健，艺术，科学等等。资本主义无法解决不平等问题，而不平等已经成为几乎任何社会制度不稳定的基础。资本主义正试图通过军事冲突来解决这些内部矛盾。因此，为了解决地缘政治矛盾，有必要解决资本主义作为一种制度的矛盾。我们谈到的方向来改革它。

博德鲁诺夫 (Bodrunov) : 非常重要的一点是，今天我们收到了“该做什么？”这个问题的答案。我们需要以社会为导向的发展，社会、经济以及人们赖以生存的一切进一步社会化。在俄罗斯，最高层正在讨论这个问题。宪法中出现了团结的概念。正在采用许多旨在解决社会问题、支持人口和发展创造力的计划。在我看来，如果我们朝着这个方向前进，那么最终我们很可能能够建设一个更加公正、以社会为导向、以人为本的社会。

拉迪卡·德赛 (Radika Desai) :

无论如何，通往社会主义的道路很长。在这条道路上，社会将采取多种形式。所以我同意我们应该主要关注人与人之间的关系。在未来几十年，我们将需要确保生产，创造性活动，平等的发展。每个社会都应该把一个人放在其活动的中心。如果你不想称之为社会主义，你可以随意称呼它。但这是通往未来的道路。这就是我们选择多极化的原因。每个国家，意识到使用市场机制的可能性，即使我们谈论的是资本主义公司，也应该明白，对所有过程的全面控制应该留在代表人民利益的国家手中。最主要的是朝着这个方向前进。

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
Союза экономистов, член-корреспондент РАН

Николай Владимирович Новичков,
член Комитета Государственной Думы РФ
по развитию Дальнего Востока и Арктики

Александр Александрович Курдин,
заместитель декана экономического факультета, старший
научный сотрудник кафедры конкурентной и промышленной
политики МГУ имени М.В. Ломоносова, главный аналитик
Управления промышленности, энергетики и экологии
Аналитического центра при Правительстве России, к.э.н.

Александр Александрович Широ́в,
директор ИНП РАН, член Президиума ВЭО России,
член Президиума Международного Союза экономистов,
член-корреспондент РАН

Алексей Леонидович Ведев,
заведующий лабораторией финансовых исследований
Института экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, д.э.н.

Сергей Владимирович Кислицын,
руководитель Центра изучения стратегического
планирования ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, к.п.н.

ПЛАНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Интерес к плановым методам управления экономикой, к планированию как к институту, способствующему достижению национальных целей развития, в нашей стране растет. Это обусловлено, с одной стороны, современными экономическими и социальными реалиями, внутренними и внешними вызовами, с которыми сталкивается Россия, с другой стороны, углубленной работой экспертного сообщества, наработками ученых экономистов в области исследования потенциала института планирования. Какое планирование нужно экономике России и нужно ли?

По материалам 33-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра политических
технологий

Александр Васильевич Петриков,
директор Всероссийского института аграрных проблем
и информатики имени А.А. Никонова,
член Президиума ВЭО России, академик РАН

Сергей Александрович Толкачев,
первый заместитель руководителя департамента
экономической теории Финансового университета
при Правительстве РФ, д.э.н., профессор

Бодрунов: О необходимости возрождения обновленного института планирования сегодня говорится как на экспертном, так и на государственном уровне. Так, в прошлом году, выступая на заседании Совета Безопасности РФ, президент России Владимир Владимирович Путин отметил, позволю себе процитировать: «Нам нужна сбалансированная единая целостная система стратегического планирования. Чтобы создавать современные, выверенные, нацеленные на конкретные результат планы и программы, которые будут настраивать все органы власти, гражданское общество в целом, деловые круги работать в единой логике и вместе добиваться достижения приоритетных целей ради успешного благополучного будущего России».

Вольное экономическое общество России в последние годы на конференциях, форумах, семинарах неоднократно обращалось к теме планирования и наряду с другими общественными институтами внесло свой вклад в инициирование дискуссии по вопросам формирования принципиально новых подходов к системе планирования, которая ведется сегодня на самых разных уровнях.

Говоря о сложностях современного этапа, я имею в виду не только санкции и ограничения. Более того — они отражение других более глубоких процессов. Наше время — это время глобальных трансформаций, обусловленных переходом к новому мирохозяйственному укладу на базе технологий нового технологического уклада. Опережающими темпами развиваются наукоемкие, так называемые, высокие технологии. Очень важно, чтобы этот процесс не завел нас в тупик, чреватый глобальной катастрофой, а, наоборот, обеспечил более-менее комфортное, целенаправленное и планомерное продвижение к этому новому мирохозяйственному укладу и новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). И здесь планирование как систематизирующий экономическую деятельность и социальную жизнь институт становится не просто востребованным, а, безусловно, необходимым инструментом для выбора правильного вектора развития, в том числе технологического, для выбора курса, позволяющего разрешать глобальные противоречия.

В каком виде мы можем видеть возрождающийся институт планирования в России? Полагаю, что повторение опыта директивного планирования СССР – невозможно. Тем не менее — институт планирования, несомненно, должен получить развитие на новом уровне. Система планирования должна включать элементы стратегирования разноразрядных задач, пронизывающих все сферы социально-экономической жизни страны — от деятельности отечественных корпораций и предприятий до реализации национальных целей развития. В этом я солидарен со многими экспертами ВЭО России.

В России внедрение государственного планирования в отдельных отраслях экономики уже допускают в органах государственной власти. В частности, Минпромторг не исключает возможности возрождения своеобразного Госплана в оборонной промышленности и — в более широком смысле — в сфере обеспечения государственной безопасности. Но вопросов возникает немало. Следует ли распространить практику формирования плановых заданий, показателей, индикаторов на всю экономику или только на отдельные ее отрасли? Вопрос дискуссионный. Еще немало копий будет сломано в вопросах сопряжения плана и рынка. Именно сопряжения, а не противопоставления. Здесь много упрется именно в методологию. Надеюсь, сегодня наши уважаемые эксперты поделятся своим мнением на эту тему.

Принципиально важный момент — практическая реализация идеи по использованию принципов и методов плановой экономики в современных условиях. Это очень важная задача, здесь много факторов, которые могут создать базу для внедрения элементов плана, на них нужно обратить особое внимание. И в первую очередь это технические средства.

Многие полагают, что именно недоразвитие счетной техники вызвало многие проблемы советского института планирования, которое привело к огульной дискредитации института планирования в целом. Представляется, что современные информационные и технологические решения, развитые методы обработки данных, технологии блокчейна и искусственного интеллекта, нейросети и многое другое сегодня уже делают возможным — воплотить на практике идею с условным названием «Госплан 2.0». Хотелось бы услышать мнение наших уважаемых экспертов по этому вопросу — есть ли у нас соответствующие информационные технологии?

В завершение скажу — России нужен модернизационный рывок. Но без принципиально нового подхода к государственному планированию осуществить этот рывок,

решить задачи реиндустриализации экономики на новой технологической основе, более того — обеспечения технологического суверенитета, будет непросто, если не невозможно.

И сегодня перед нами, экспертным и научным сообществом, стоит непростая задача — подготовить предложения для разработки институциональных методов и основ обеспечения и технологического суверенитета страны, и в целом — ускорения экономического развития страны, которые могут быть реализованы в экономическом пространстве России, в том числе — с помощью совершенствования института планирования.

Новичков: Для меня вопрос, нужно госпланирование или не нужно, не стоит. Ответ однозначно «да». Нам необходимо планирование, более того, мы осознанно используем понятие «Госплан 2.0» и «Цифровой госплан».

Почему мы считаем, что Госплан 2.0 предопределен? Для этого есть несколько оснований. Первое основание — геополитическое. После 24 февраля у нас, хотим мы этого или нет, началась новая жизнь. Начавшиеся или обострившиеся санкции выявили ту проблему, которую мы как специалисты всегда понимали, и ученые об этом всегда говорили. У нас есть целые отрасли народного хозяйства, которые критически зависят от импорта. Понятно, что сейчас ведется большая работа, и нужно отдать должное и Минпромторгу, и Министерству сельского хозяйства, и Минцифры, но тем не менее есть еще куда двигаться.

При чем здесь Госплан? А при том что быстро нарастить производство любой продукции, сложной и не очень, когда есть заказ только на 10 или даже на 10 000 единиц, крайне трудно, практически невозможно, потому что должна быть материально-техническая база, должны быть кредиты, должны быть ресурсы. А когда заказ в масштабах страны, когда мы понимаем, что необходимо, условно, 10 ледоколов, 10 000 судов на воздушной подушке для того, чтобы восстановить речной флот, это уже немножко другая задача. И решить ее с точки зрения экономического планирования проще, потому что понятен горизонт планирования, объем заказов, порядок заработка.

Наша страна по сути дела может превратиться в единый хозяйственный комплекс, в единую национальную экономическую систему, в которой большой заказ на производство товаров, важных для экономики, для жизни людей, становится понятным и прозрачным. Здесь нет противоречий между государством и рынком. Потребителя не особо интересует, кто произведет эти самые суда на воздушной подушке: главное, чтобы они были, чтобы речной флот возродился.

Сейчас ведется большая работа по восстановлению портовых хозяйств. Государство очень много для этого делает. Если государство говорит, что ему нужны данные корабли, частник может сориентироваться и начать реализовывать эти задачи. Майские указы — это серьезный вопрос в сторону государственного стратегического планирования. Давайте Майские указы распространим на весь комплекс народного хозяйства, чтобы они были обязательными не только для губернаторов и министров, а для всей страны.

Нужно понимать, что мы технологически сильно продвинулись. Госплан работал на перфокартах, а сейчас у нас есть не только самые современные (один из крупнейших суперкомпьютеров находится в Российской Федерации) мощности, но и накопленные информационные технологии позволяют обрабатывать серьезные массивы.

В некоторых местах даже агропрома мы критически зависим, до 90%, от поставок из-за рубежа. Если по зерновым, зернобобовым у нас уже есть существенные наработки и мы можем говорить о какой-то независимости, то существуют области с тотальной зависимостью, потому что мы пустили все на самотек и решили, что мы можем закупать семена за рубежом и из них также все вырастить. Но, во-первых, вырастет не так, как нам хочется, и, во-вторых, в определенный момент все это может прекратиться. То же самое — с пестицидами. У нас по целому комплексу действующего вещества зависимость от импорта. И в машиностроении, и в сельском хозяйстве у нас есть куда развиваться, поэтому если мы поставим себе целевой ориентир — обеспечить импортонезависимость больше чем на 80%, то это уже и есть планирование.

Нам планирование нужно не только в оборонно-промышленном комплексе. (Конечно, там оно нужно в первую очередь, потому что мы должны понимать, сколько у нас производится снарядов, ракет, как они тратятся и так далее.) А есть вещи неочевидные, связанные с рыночным регулированием.

У нас есть технологическое оборудование, мощности, специалисты, желание. В чем возникает сложность? В отличии между персональными и обезличенными данными. Маршрут передвижения депутата Новичкова по городу Москве — это персональные данные, а вот маршрут передвижения десяти миллионов москвичей — это уже обезличенные данные, и они являются в цифровой экономике товаром. Кому они сейчас принадлежат — большой вопрос. Как правило, они принадлежат агрегаторам.

Сейчас мы стоим на пороге того, чтобы принять федеральный закон о госмонополии на обработанные, обезличенные данные. Почему? Потому что с этими данными

можно оперировать с точки зрения не только безопасности, но и планирования народного хозяйства. Перемещение людей, капиталов, предприятий, транспортных средств — все транзакции в широком смысле слова в обезличенном формате должны контролироваться государством, и уже на основе этих первичных данных можно строить прогнозы, ставить задачи, делать выводы.

Информация Росстата нас, конечно, устраивает, но не до конца. Я буквально недавно общался с мэром одного из северных городов. У него проблема: не хватает милиционеров, потому что по нормативу у него город-стотысячник, а у него не стотысячник, а стопятидесятитысячник. Я говорю: «А в чем проблема-то? Ты не можешь взять данные из Федеральной налоговой службы по резидентам, которые платят налоги?» — «Я не могу. У меня для этого нормативки нет».

Поэтому чем быстрее мы определимся с тем, как управлять данными, которые обрабатываются конкретно в регионах, в отраслях, в комплексах, чем быстрее мы с этими данными наведем порядок, тем эффективнее мы сможем строить планы и прогнозы, реализовывать «Госплан 2.0». Я на эту тему буквально в этих же словах разговаривал сегодня с министром цифрового развития Шадыевым, и он действительно подтверждает, что возможности технологические имеются. Конечно, ему нужна эта нормативка, о которой я только что сказал, по обработке данных. У нас есть все основания для того, чтобы двигаться в том направлении, о котором я говорил. Это реальность сегодняшнего дня, а может быть, чуть-чуть завтрашнего.

Завершая свое короткое выступление, хочу сказать, что нам необходимо планирование:

1. Потому что мы не понимаем часто, где находимся в развитии.
2. Чтобы обеспечивать импортнезависимость и импортозамещение.
3. Потому что это позволяет расти быстрее, чем остальной мир. И примеры сильно развитых экономик Востока говорят ровно о том, что информацию надо перекладывать в конкретные планы и прогнозные решения.

Широв: На вопрос планирования можно смотреть с точки зрения политологической, а можно — с практической, имея в виду использование инструмента планирования для принятия решений в области экономической политики. Издесь, наверно, главный вопрос: а что мы собираемся планировать, в каких объемах, какие институты будут этим заниматься, какие ресурсы есть для того, чтобы использовать такие инструменты планирования, как это

может быть устроено? И когда мы начинаем об этом рассуждать не с точки зрения политики, а с точки зрения прикладных решений, возникает масса вопросов.

Суть состоит в том, что ни одна крупная экономика мира без планирования жить не может. Вопрос в том, что мы вкладываем в это слово. И если мы посмотрим на текущую российскую экономику, на те решения, которые принимаются у нас, и на механизмы их принятия, то нужно прямо сказать, что они этим самым планированием пронизаны. Есть ли от этого серьезный позитивный результат?

Само по себе планирование не является панацеей. Если мы посмотрим на российский федеральный бюджет, то это не что иное, как план. Например, индикативный план — это прогноз социально-экономического развития на ближайшие 3 года. Там есть директивный план — это распределение расходов федерального бюджета по тем или иным направлениям. Это план, причем план двигательного характера. Но там масса проблем, и то, как эти планы формируются, нас не устраивает.

Что касается крупных корпораций, безусловно, они все безостановочно занимаются планированием. Крупнейшие департаменты в любой крупной публичной компании — это департаменты стратегического анализа, прогнозирования, планирования и так далее. Это не один, как правило, уже департамент, а их несколько, и все они занимаются планированием.

Таким образом, планирование как таковое — это необходимый элемент формирования экономической политики на всех уровнях управления, начиная от стратегического планирования (указы президента), и до уровня уже конкретных компаний.

Вопрос, можем ли мы создать нечто, что было бы похоже на то, что было в Советском Союзе? Наверно, нет, потому что такое планирование предполагает не только планирование производства, но и планирование спроса, а значит — распределение ресурсов, управление динамикой цен. Понятно, что вместе с Госпланом нужно тогда воссоздавать Госснаб и Госкомцен. Думаю, что даже с учетом развитых методов математического моделирования и других элементов, которые позволяют нам более эффективно это делать, ресурсов пока не хватает.

Конечно, цифровая экономика и те новые многократно увеличившиеся потоки данных позволяют нам повышать качество планирования и прогнозирования. Но проблем еще больше на самом деле, потому что нас всех, в том числе тех людей, которые принимают решения, не устраивает качество статистики Росстата, даже не столько качество, сколько сроки, в которые эти данные поступают.

У нас есть замечательные цифровые данные, которые собираются агрегаторами, сотовыми компаниями, системой «Платон», метрополитеном и так далее. И при помощи этих данных мы можем неплохо управлять экономикой. Яркий пример — данные ФНС, контроль кассовых аппаратов. Они практически используются органами исполнительной власти и на региональном уровне, и на федеральном, и мы видим, что, к сожалению, это тоже не панацея, потому что когда мы начинаем работать с такими данными, то сталкиваемся с проблемами, с которыми, по-видимому, сталкивались наши предшественники давно-давно, в 1930–1940-е годы, когда создавали системы национальных счетов, так как иметь данные недостаточно — нужно уметь с ними работать, очищать их от шума. Например, даже в одном и том же населенном пункте, более или менее крупном, месяц от месяца, неделя от недели набор кассовых аппаратов очень сильно меняется, никакой стационарности в этих рядах нет. И собственно, когда вы начинаете использовать их так же, как данные Росстата, то сталкиваетесь с тем, что их качество намного хуже. Понятно, что эти ведомственные данные, мировая статистика должны приходиться в контур принятия решений, и многие с этим работают. Но мы должны потратить очень много ресурсов — и интеллектуальных, и финансовых — для того, чтобы перейти от простого сбора этих данных (собирать их несложно) к тому, чтобы они использовались в том числе для того, чтобы принимать решения в области экономической политики.

И резюмируя, что можно сказать? Конечно, элементы планирования нужно расширять. Но здесь надо понимать ограничения, которые существуют. И если потратим определенные ресурсы и время, решим кадровую проблему (потому что еще нам нужны люди, которые с этими данными могут работать и могут планировать на этом уровне), ситуация может измениться. Но с этим у нас пока проблема, и на этом нужно сосредоточиться и нам как экспертам, и системе образования, и тем людям, которые формируют экономическую политику.

Ведев: Я хотел бы напомнить, что в 2013–2014 годах был подготовлен, разработан и принят 172 Федеральный закон, который называется «О стратегическом планировании», где как раз содержится нормативная база и необходимый набор документов стратегического планирования. Более того, там содержится определение прогноза и безопасности.

В 2015–2017 годах был разработан стратегический прогноз развития Российской Федерации, включающий пространственное размещение производительных сил, а также

различные концепции: энергетической, аграрной безопасности и так далее. Вопрос, насколько это было сделано хорошо или плохо, — относительный, так же, как и то, идет ли речь об индикативном или директивном планировании.

Если мы рассмотрим нашу экономику, формально доля государства в ней растет и с каждым годом мы становимся ближе к возможности проведения директивного планирования и, может быть, отходим от индикативного. Если мы говорим о добывающих отраслях, то здесь просто напрашивается планирование и какая-то концентрация усилий, и, конечно же, в условиях геополитической нестабильности и санкций поддержка государства для добывающих отраслей и предприятий из этих отраслей крайне необходима.

В обрабатывающей промышленности ситуация совершенно противоположная.

С 2007 года у нас интенсивно развивается промышленная сборка. Это означает, что мы собираем стиральные машины, автомобили и так далее, и как раз в отраслях промышленной сборки на предприятиях давно осуществляется планирование, но это, к сожалению, иностранное планирование, поскольку, конечно же, предприятиям указывается, что им производить, в каких количествах, а потом куда поставлять.

Сейчас это достаточно большая отрасль. Одних комплекующих мы импортируем примерно на 140 млрд долларов в год. И конечно же, один из ключевых вопросов — что с этим всем мы будем делать в ближайший год, два или три. Я не могу согласиться с выступающими коллегами о том, что импортозамещение — это вообще долгий процесс. Это 10, может быть, 20 лет, если вообще есть для этого возможности, и, к сожалению, он часто не зависит от планирования, но зависит, например, от развития технологий, квалификации исследователей и других факторов.

Важный аспект состоит в том, что в последние годы демонстрируют развитие отрасли, где государства нет и в помине, никакого планирования нет, есть только минимальное регулирующее воздействие. Я могу сразу привести в пример пищевую промышленность, ресторанный бизнес. В последние 2–3 года идет просто фантастический бум в легкой промышленности, где одежда с пометкой «Сделано в России» пользуется гораздо большим спросом, чем одежда из остальных стран. И конечно же, здесь директивное планирование вряд ли окажет какое-то эффективное воздействие.

В финансовом секторе, в банковской сфере у нас есть мегарегулятор, который осуществляет пруденциальный

надзор и какое-то регулирование, но, я думаю, в этой сфере будет крайне затруднительно какое-то планирование, поскольку крупнейшие финансовые институты интуитивно строят экосистемы, соревнуются, конкурируют с иностранными фирмами. И здесь вопрос о планировании — наверно, очень тяжелый, так как слишком велика неопределенность с точки зрения будущего развития. Это что касается возможных условий для стратегического планирования.

Я хотел бы также остановиться на институтах.

У нас три ветви экономического блока правительства. Условно, потому что я включаю сюда и Центральный банк, который отвечает за ценовую стабильность, а также это Министерство финансов, которое отвечает за бюджет, и Минэкономразвития, которое отвечает за экономический рост. За последние 5 лет у нас было по меньшей мере 2 случая — я имею в виду вторую половину 2019 года и вторую половину 2021 года, — когда наиболее остро проявлялись абсолютные противоречия между целями развития стратегического планирования и экономическим блоком.

В качестве ключевой задачи ставился устойчивый экономический рост, за который отвечает Минэкономразвития, но при этом, конечно же, и в 2019, и в 2021 году принимался бюджет, который нельзя было назвать бюджетом развития или стимулирующим бюджетом, на котором настаивало Министерство финансов. А Центральный банк проводил, конечно, жесткую денежную политику, настаивая на том, что ключевой целью является снижение цен, а никак не экономический рост. И лишь начиная с апреля 2022 года произошло некое согласие между тремя ведомствами и, соответственно, задачами, которые на них возложены.

Я думаю, если мы говорим о планировании, какого-то рода Госплане, то, конечно же, роль Министерства экономического развития и задачи выхода на траекторию устойчивого экономического роста должны быть актуализированы. И конечно же, Центральный банк и Министерство финансов должны продолжить поддерживать такие понятия, как стимулирующая финансовая политика, низкие процентные ставки, для того чтобы оказать максимальное содействие именно экономическому росту, для того чтобы наша экономика вышла из зажатого состояния и стагнации, как это было в последние 12 лет.

Курдин: Возродить Госплан в советском облике уже невозможно, и у этого есть две причины. Первое. Сложно делать какое-то полноценное планирование в экономике,

где работает частный собственник. Если требовать от него сделать что-то, он попросит что-то взамен, начнутся торги. В приказном порядке работать не получится, если, конечно, мы не согласимся с тем, что нам нужна всеобщая национализация.

Второе — проблема стимулов. Если мы говорим о планировании, возникает вопрос: а есть ли в этом планировании место конкуренции? Для меня как сотрудника кафедры конкурентной промышленной политики этот вопрос очень важен. Конкуренция на рынке порождает правильные сигналы. Если у нас имеются какие-то хорошие предприятия, допустим автомобильный завод КАМАЗ, который довольно конкурентоспособен по мировым меркам, он конкурентоспособен не только потому, что сам по себе хорош, а потому, что он находится на мировом рынке в конкурентной среде, где есть MAN, Scania и другие компании. Так что КАМАЗу надо каким-то образом спланировать свою конкурентоспособность по цене, по технологиям, другим составляющим для того, чтобы делать хорошую, качественную продукцию. Если мы выстраиваем систему планового хозяйства, то возникает вопрос: в этой системе будет конкуренция или нет или мы меняем механизмы на командные? И тогда конкуренция может исчезнуть, и, соответственно, рыночная информация тоже будет формальная. Есть проблема недостатка информации. Частично это, конечно, восполняется с помощью существующих цифровых платформ, но у них свои проблемы. Здесь недостаточно иметь доступ к информации, надо еще правильно задавать вопросы. И я позволю себе процитировать турецкого экономиста Дани Родрика, который сказал, что существуют правительства, которые даже сами не знают, чего именно они не знают.

И еще одна проблема, о которой тоже надо говорить, — это проблема ретроориентированного поведения, когда у нас рыночная конкуренция подменяется конкуренцией за плановое задание, за государственную поддержку, которая оказывается в обмен на выполнение той или иной задачи. Соответственно, открываются большие возможности для того, чтобы заниматься коррупционной деятельностью.

Так вот, если понять эти ограничения, которые у нас есть сейчас и с которыми мы обязательно столкнемся, то возникает осознание, что двигаться в направлении выстраивания системы более совершенного планирования надо поэтапно.

Я бы выделил 3 контура.

1. Само государство. Чтобы государственные заказы и поддержка распределялись и способствовали правильно, производственным цепочкам. Те люди,

с которыми я общался в государственных корпорациях, говорят: «Мы видим, что есть разные послы у одного вице-премьера, у другого вице-премьера». Потому что вице-премьер, который ответственен за экономику и финансы, и вице-премьер, который ответственен за промышленность, по-разному видят то, как должна осуществляться промышленная политика, отраслевая политика. Надо начать хотя бы с этого. Если мы пытаемся построить систему координации во всей экономике, для начала надо скоординировать политику государства и добиться того, чтобы она действовала как целостный организм. Сейчас делаются попытки создать что-то подобное.

2. Сейчас, когда ставятся вопросы о необходимости импортозамещения, о том, что какие-то жизненно важные виды продукции надо производить, где-то рыночные механизмы координации должны уступать место гибридным и иерархическим механизмам координации. В таком случае здесь надо, видимо, отделять одно от другого. Сегодня проблема состоит в том, что зачастую антимонопольный регулятор занимается не столько защитой конкуренции, сколько попытками регулирования в отраслях. Давайте мы скажем, что у нас есть какие-то производственные цепочки, в которых мы должны применять иерархический механизм координации и командное регулирование, но в других сферах мы не будем этого делать, а будем ориентироваться на рынок для конкурентных механизмов.

Например, говорят, что нужен приоритет удовлетворению внутреннего спроса над внешним. И если обнаруживается, что внутренний спрос не удовлетворяется в полной мере (как это считается, непонятно), то к предприятию могут быть применены соответствующие санкции. И все это делается под соусом защиты развития конкуренции, хотя на самом деле к нормальной внешней конкуренции это не имеет никакого отношения, это чистой воды регулирование.

3. Еще одна важная опасность реализации механизмов планирования состоит, конечно, в целях политиков, которые, к сожалению, не всегда могут быть верными в этом отношении, в связи с опять же недостаточной информацией, недостаточной квалификацией. У кого-то возникает идея о том, что у нас в экономике чего-то не хватает, допустим, не хватает гвоздей, и сейчас мы все начнем производить гвозди. Сохраняются риски того, что возникнет кампанейщина, стремление к быстрым победам, привязка к избирательному циклу вместо того, чтобы заниматься действительно долгосрочной экономической повесткой.

Кислицын: Я не припомню примеров, чтобы какая-либо капиталистическая страна пришла к состоянию директивного планирования эволюционным путем. Все подобные режимы утверждались именно революционным путем, переворотом, переделом собственности, перераспределением активов и так далее. Есть примеры того, как плановые экономики вынуждены были встраиваться в рынок, но не наоборот. Развитые капиталистические страны, Соединенные Штаты в первую очередь, напротив, во время кризисов перемещались в сторону выработки системы стратегического планирования. В Штатах это были 1980-е годы, после тяжелых 1970-х и первых лет 1980-х годов. Постепенно внедрялась законодательная база, но по-прежнему в Соединенных Штатах не создана система стратегического планирования в прямом понимании. Нет, например, стратегии социально-экономического развития, и ее создание просто не предполагается.

В то же время федеральное правительство регулирует деятельность государственной экономики за счет косвенных средств и инструментов. Они выражены, в частности, в Акте о модернизации закона о работе правительства и ее результатах 2010 года. Там есть плановая составляющая — обязанность государственных органов готовить три типа документов: стратегические планы, прикладные планы для реализации стратегических планов и отчетные документы. Там устанавливается цикл 4 года, и все эти государственные органы ориентируются на стратегию национальной безопасности, которая обновляется с каждой новой президентской администрацией (в идеале, но это не всегда происходит после каждых президентских выборов). На этом держится система стратегического планирования Соединенных Штатов. Естественно, она регулируется бюджетом, меняются какие-то соотношения средств.

При этом американская система планирования в этом виде не вмешивается в деятельность каких-то отдельных агентов американской экономики и работала нормально до последнего времени. Но затем возник интересный парадокс, вызванный американо-китайской стратегической конкуренцией. Соединенные Штаты, в отличие от Китая, не могут финансировать крупные зарубежные инфраструктурные проекты, просто федеральный бюджет никогда это не может включить в себя, Конгресс никогда не разрешит делать подобные вещи, и в этом смысле США начинают уступать в этой своей внешнеэкономической активности Китайской Народной Республике.

Китай — это как раз экономика, эволюционировавшая слева направо, которая при этом сохраняет гигантский, значительный государственный сектор, государственное влия-

ние. Государство имеет возможность контролировать средства, способно продвигать такие проекты, как «Пояс — путь», который развивается в Центральной Азии, в Африке и в Латинской Америке, где баланс сил постепенно смещается в сторону Китая от Соединенных Штатов. Это неожиданное системное противоречие для американской экономики и ее планирования, которое, я думаю, не закладывалось и не рассматривалось в 1980-е, 1990-е и в нулевые годы.

Опыт Франции, про который тоже много говорят в последнее время, — негативное планирование после Второй мировой войны, когда произошла национализация отдельных отраслей во стране. Как раз самый быстрый в истории Франции экономический рост 1950–1970-х годов связан с государственным планированием. Тут все-таки надо отметить, что она ориентировалась на план Маршала, который дал возможность получить стране 2,5 млрд долларов, плюс Франция не находилась под санкциями — она активно участвовала в мировой экономике, привлекала инвестиции. В нашем случае мы так делать не можем, поскольку находимся под санкциями. Китай, Индия и другие наши партнеры все-таки вынуждены с этим считаться, опасаясь вторичных санкций.

Системы стратегического планирования во всех странах, где они существовали или существуют, построены по принципу пирамиды. Есть какая-то верхняя регулирующая часть, и дальше выстраиваются стратегии. В связи с этим хочется отметить несколько моментов с точки зрения организации процесса работы, которые кажутся мне ключевыми проблемными точками в нашей системе стратегического планирования по сравнению с тем, как она работает в зарубежных странах.

Первое — это несогласованность ряда документов. Попытка повысить их согласованность, их взаимозависимость не приводит к быстрому решению. Стратегии приняты, программы действуют, соответственно, поменять их с ходу не получится. Это длинный горизонт времени, среднесрочная перспектива как минимум. Второе — это бюрократическая проблема, когда происходит планирование ради планирования. И обе эти проблемы — во многом проблемы контроля за работой системы стратегического планирования и, самое главное, комплексного анализа вопросов, которые возникают, сбоев в работе системы.

Я полагаю, что здесь даже могут возникать какие-то проблемы, которые были описаны венгерским экономистом Яношем Корнаи, например мягкие бюджетные ограничения с сохранением нерентабельных производств просто из-за того, что есть план. Соответственно, комплексный анализ вопросов здесь крайне необходим. И есть еще проблема чрез-

мерного планирования, когда мы начинаем планировать то, что планирования не требует и может развиваться самостоятельно, и это тоже серьезная проблема. Ситуация, в которой находится Российская Федерация, действительно крайне тяжелая. Наверно, если обращаться к историческим аналогиям, подобного у нас не было с 1920-1930-х годов. Отсюда возникает много национальных идей о том, что надо внедрять второй Госплан, «Госплан 2.0» или что-то подобное.

Я хочу обратить внимание, даже если абстрактно принять решение что-то подобное делать, на скорость запуска подобных проектов. Например, в Советском Союзе с момента создания Госплана до запуска первой пятилетки прошло 7 лет. Китайская Народная Республика при поддержке уже советских специалистов планирования готовила план 4 года, если я не ошибаюсь, с 1949-го по 1953 год. То же самое, 4 года это заняло во Франции. Соответственно, в текущей ситуации, когда у нас происходит перестройка наших внешнеэкономических связей, трансформируется в целом международная система, мы выходим за горизонт 2025 года при любых попытках как-то изменить систему и как-то ее трансформировать.

Но если вспомнить прогнозы марта, например, этого года, где спад ВВП предполагался на уровне 10-значных цифр, а инфляция прогнозировалась невысокая, за несколько месяцев экономика адаптировалась. Цифры, конечно, не прекрасные, но тем не менее. Соответственно, принимать какие-то резкие решения в данный момент, обгоняя среднесрочный горизонт, — это крайне серьезный риск. Но повышение координации, а планирование подразумевает именно координацию, создание координирующего центра может быть полезно. Но опять же, если такое решение будет принято, оно может вызвать серьезную бюрократическую борьбу внутри госаппарата и государственного управления в случае запуска подобных программ и попытки форсированного развития.

Масленников: Мы много говорим о золотом сечении, которое заключается в том, что если, грубо говоря, вы хотите, чтобы рост ВВП составил от 3% и выше, то инвестиции должны расти на 5–6%, производительность труда примерно так же. Возникает вопрос: надо такое сечение закладывать в бюджетной проект или нет? Если закладывать, то тогда как мерить производительность труда? По классике, как Росстат считает, или все-таки ориентироваться на более продвинутый подход по совокупной факторной производительности? Если по последней, то возникает еще куча вопросов. Например, что такое инновации, что такое технологический суверенитет? Как измерять качество институтов?

Мне представляется, что здесь можно было бы подумать о некой позитивной синергии всех трех крупных блоков экономической политики: и структурной, и налогово-бюджетной, и денежно-кредитной, но выход я вижу все-таки в четких инвестиционных процессах с заданной скоростью. Причем часто инвестиционные — не государственные. У государства есть 16% общих инвестиций, ну и не надо ему больше. А все остальное пока у нас не работает.

Второй мой тезис касается вопроса: как измерять при этих задачах уровень интеграции в мировую экономику в разных вариантах ее будущего облика? Сохранится ли глобальная хозяйственная конфигурация либо произойдет геоэкономический раздел? Я думаю, что здесь стоило бы вернуться к идее второй половины десятых годов, когда немало говорилось и писалось о таргетировании счета текущих операций. Это опять-таки сложный структурный показатель баланса экспорта и импорта товаров и услуг, оттока капитала, баланса инвестиционных доходов и много чего другого. По сути в структуре СТО отражается вся структура экономики. И здесь тоже есть принципиальный вопрос: а надо ли нам четко идти на таргетирование валютного курса?

Я в принципе не против, потому что, по большому счету, де-факто оно уже происходит. Надо ли нам говорить об этом де-юре, особенно в условиях ограниченной конвертируемости рубля, не знаю. Этот вопрос заслуживает обсуждения, но при этом как-то стыдливо замалчивается. Тем более что попытки установления целевых проекций, подобия внешних расчетов в рублях уже есть — 40% к 2025 году. Как это согласуется со всем остальным — вопрос, конечно, особый. Если говорить о переходе госуправления к структурно сложным таргетам, следует упомянуть, конечно, реально располагаемые доходы населения, потому что здесь таргет — синоним социальной отдачи экономического роста. Это мой третий тезис.

Управлять их уровнем, этим сложным системным показателем, предполагает и действия по стабилизации и сокращению обязательных платежей и сдерживание инфляции. Я имею в виду политику в отношении доходов в широком смысле слова — зарплат, доходов от собственности, включая финансовые активы, социальных трансфертов с учетом пенсий, доходов от предпринимательской деятельности, когда объектам регулирования становится очень комфортно с условиями ведения бизнеса малого, среднего и индивидуального предпринимательства. Показатель сложен, но его таргетирование — это социальная структурная политика не на день, а ближайшую цель можно совершенно четко определить. У нас отставание от 2013 года —

порядка 10%. Вот, пожалуйста, господа, принимающие решения в области экономической политики, вам таргет, по которому будет понятно, куда движется экономика и что она дает каждому конкретному гражданину.

Конечно, все, что я сейчас сказал, — это постановка вопросов, не более того, но мне кажется, что это перспективнее метафоры «Госплана 2.0» и практик прямых плановых заданий предприятиям за пределами оборонно-промышленного комплекса. Естественно, придется корректировать, на мой взгляд, предмет первого чтения проекта трехлетнего бюджета. И в структуре правительства придется вводить, очевидно, специальное подразделение, возможно, департамент в аппарате Белого дома с подчинением первому вице-премьеру как куратору всего этого макроэкономического блока.

Есть другой вариант. Он более сложный, но тем не менее он более более эффективен с точки зрения публичной открытости. Это должен быть некий орган, аналогичный российской трехсторонней комиссии, поскольку, если будет таргет, условно говоря, по реально располагаемым доходам, он будет выработать этот целевой макропрогноз и контролировать его исполнение.

Петриков: Советская экономическая история имела разные этапы. Если вспомнить НЭП, то там был опыт в планировании хозяйства, когда речь шла о сочетании государственных директив с фактически существовавшим рынком. В этом году исполняется сто лет со дня рождения Николая Дмитриевича Кондратьева. Это один из классиков разработки метода планирования, и первые технические работы по сочетанию директивного и индикативного планирования принадлежат ему — он возглавлял плановую комиссию Наркомзема РСФСР и Конъюнктурный институт. То есть, с одной стороны, он был государственный человек, а с другой стороны — эксперт, исследователь рыночных процессов. Кондратьев различал два подхода к планированию: генетический, когда план рассматривался в русле реальных тенденций в экономике и важная роль здесь принадлежала прогнозированию; и так называемый теологический подход, когда государство ставит определенные задачи и думает над теми условиями, которые необходимо обеспечить, чтобы решить эти задачи. Кредо Николая Дмитриевича заключалось в том, чтобы сочетать генетический и теологический подходы.

Важный опыт имеется в аграрной отрасли. Еще до принятия вышеупомянутого закона в 2014 году Минсельхозом России была разработана государственная программа развития сельского хозяйства. Принята она была в 2007 году на 2008–2012 годы. Сейчас наша аграрная отрасль пережи-

вает уже третью пятилетку, если употреблять советский язык. И все отмечают — и со стороны либерального, и со стороны условно консервативного лагеря — успехи нашего сельского хозяйства. Отчасти это обусловлено тем, что в этой отрасли, на которую недостаточное внимание обращали макроэкономисты, нам удалось создать довольно удачный опыт индикативного планирования. И то, что Россия осуществила в нулевые годы восстановительный рост в сельском хозяйстве и сейчас уже перешла к такому формированию экспортного потенциала, заслуга этого документа. Кстати, первая редакция Доктрины продовольственной безопасности была тоже принята в 2010 году, за 4 года до закона о стратегическом планировании. К сожалению, на этот опыт мало обращают внимание экономисты, а он очень поучительный.

Эта программа не директивного, а индикативного планирования. Хотя должен сказать, что в ней присутствуют целевые показатели как в целом для отрасли, так и на уровне субъектов Российской Федерации. И Министерство сельского хозяйства заключает ежегодно соглашение с органами управления АПК регионов, в котором регионы берут на себя определенные обязательства по выполнению этих целевых индикаторов, а федеральный центр предоставляет им необходимые для этого ресурсы. Скажу даже больше, что по условиям реализации этой программы (эта позиция была согласована с Минфином) субъекты Российской Федерации, не выполнившие эти индикаторы, возвращают деньги в федеральный бюджет. Это первый контур государственной программы.

Но главное в том, что эта программа построена на управлении экономическим поведением сельхозтоваропроизводителей, а их у нас не десятки, не сотни, не тысячи, а миллионы. Тем не менее государство поставило задачу управления их экономическим поведением за счет определенных инструментов финансово-кредитной, налоговой, антимонопольной политики и регулирования агропродовольственных рынков. Кстати, программа называется «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».

Что еще можно сказать? Главным ключевым фактором в реализации этой программы является предоставление сельхозтоваропроизводителям так называемых длинных денег путем двух мер — это льготные инвестиционные кредиты и компенсация понесенных капитальных затрат на осуществление конкретных проектов. Около 40% ресурсов программы тратится на эти цели. Но обязательно существует такая организационная инфраструктура для управ-

ления, что эти конкретные инвестиционные проекты будут исполнены инвесторами. Просто на волю инвесторов это не отдается. Эти инвестиционные проекты попадают в региональные программы развития АПК, и субъект Российской Федерации, выполняя эти целевые показатели, разверстывает как раз данные инвестиционные проекты и целевые показатели по регионам и отвечает в том числе своими деньгами за их реализацию, потому что непременным условием выделения федеральных денег является софинансирование этих проектов со стороны субъектов Российской Федерации и частных инвесторов. То есть это такой слоеный пирог из трех частей — деньги федерального центра, деньги субъекта Российской Федерации и деньги частного инвестора.

Очень важный элемент этого управления экономическим поведением сельхозтоваропроизводителей — участие их представителей в разработке данной государственной программы и всех инструментов по ее реализации. Этот механизм прописан в специальном законе о развитии сельского хозяйства, где сказано, что союзы и ассоциации сельхозтоваропроизводителей, которые поставляют на рынок более 50% определенного продукта, имеют право участвовать в разработке этих программ и в определении условий, определяющих их реализацию. Более того, ассоциации и союзы этих предприятий и фермерских хозяйств участвуют в разработке национального доклада о реализации программы, который представляется, помимо экспертного сообщества, широкой общественности, в Федеральное Собрание, Государственную Думу и Совет Федерации. И министр сельского хозяйства ежегодно докладывает этот национальный доклад Федеральному Собранию. Это очень важное условие управления поведением рыночных агентов, из участия в разработке этих целевых показателей и условий для их выполнения.

И еще об одном очень важном аспекте не следует забывать: были созданы специальные институты развития по реализации этой госпрограммы. Я имею в виду создание в 2000 году специального Россельхозбанка, который является, конечно, универсальным банком, с одной стороны, но его главная задача — это предоставление и сезонных, и инвестиционных кредитов для сельского хозяйства. В программах кредитования участвует не только Россельхозбанк, но тем не менее специальный банк существует. Был создан Росагролизинг, который занимается государственным лизингом сельскохозяйственной техники и племенного скота. Пожалуй, это основные элементы реальности индикативного планирования в нашей отрасли.

Наш институт разрабатывал проект первой государственной программы совместно с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН в 2006–2007 году. И я помню, что девизом нашей работы была цитата из наследия другого классика аграрно-экономической науки Александра Васильевича Чаянова, что экономическая политика — есть прежде всего искусство осуществления, а не искусство строить планы.

Толкачев: С развитием глобальных процессов тектонической трансформации сфера действия конкурентных рыночных отношений снижается, и поэтому актуализируются вопросы замены этого рыночного механизма координации плановым механизмом. Можно привести неудачный пример попытки замены планового механизма Европы в вопросе обеспечения газом. ЕС решил отказаться от Газпрома и заменить предполагаемое сотрудничество рыночным механизмом, что вызвало рост цен, и теперь Европа вместо 300 долларов за кубометр платит 1200 и радуется что не 2 и не 3 тысячи. Сфера действия плановых механизмов по мере усложнения современного глобального мира очень сильно расширяется. Я отважусь сказать, что даже в Европе любой мелкий рыночный торговец тоже занимается планированием своей деятельности. В Италии любое домохозяйство покупает у своего зеленщика помидоры, зелень и так далее. Устанавливаются стабильные отношения — предсказуемые, прогнозируемые и планируемые. Поэтому любой зеленщик, мелкий торговец знает, сколько у него закажет домохозяйство одно, второе, третье, и, соответственно, формирует свой прогноз и плановый заказ приобретения у фермеров.

Вопрос о соотношении плана и рынка в настоящий момент не так однозначен и прост, как представляется в учебниках по экономической теории, которые, к сожалению, до сих пор пропагандируют взгляд, что есть рыночные механизмы, которые дают правильные сигналы, но есть искажения рынка, которые нужно по возможности лечить, и тогда эти правильные рыночные механизмы обеспечат удовлетворение потребностей и все прочее. Мир устроен не так.

Еще один пример, из которого можно сделать очень далеко идущие выводы о необходимости замещения плановыми механизмами недостаточных рыночных механизмов координации. Вчера я участвовал в круглом столе в Государственной Думе, где собрались производственники, в том числе директор одного машиностроительного завода, не буду называть, он очень известен. Он жаловался на то, что остается извечная проблема — трудно получить кредиты по доступной банковской процентной ставке, драконовские залоги и так далее, и так далее.

Представитель Ассоциации российских банков у него спрашивает: «А вы не пытались обращаться в другие банки?» Он говорит: «Да что вы! Мне вот этот банк (не буду его тоже называть, он очень известный) сказал, что, если только попробуешь, мы тебе вообще всю кредитную линию полностью аннулируем и вообще ничего не увидишь».

К сожалению, подобные механизмы и факты, которые являются предметом для рассмотрения в антимонопольной службе, у нас тотальны, повсеместны, и это не скроешь. Тогда встает вопрос: раз уж такие рыночные механизмы не действуют, то не получается с помощью рыночных механизмов произвести достаточное количество продукции, требуемое в настоящий момент, и возникает вопрос о том, что надо их заменить плановым механизмом координации. Выходит, что применительно к финансовой, кредитно-денежной сфере существующая у нас сверхжесткая, это уже не секрет, денежно-кредитная политика, направленная на макроэкономическую стабилизацию, вызывает на уровне предприятий огромные транзакционные издержки, связанные с поиском альтернативных методов обеспечения кредитными ресурсами.

И эти наши предприятия реального сектора вызывают к необходимости воссоздания отраслевых и общегосударственных механизмов координации, по крайней мере, из-за недостатка кредитных ресурсов. В Соединенных Штатах, где избыток кредитных ресурсов, где сверхразвитый финансовый рынок, такого острого вопроса нет, я думаю, хотя стратегическое планирование там существует и достигает высочайшего уровня.

В очередной раз придется повторить, что общий курс макроэкономической политики не способствует развитию рыночной среды и ресурсов, которые могли бы быть доступны на рыночных условиях для того, чтобы заменить планирование. Именно недостаток подобных ресурсов и высокие транзакционные издержки, связанные с поиском этих ресурсов, вызывают необходимость замены рыночных механизмов плановой координацией.

В частности, эта плановая координация проявляется и в экосистемах. Мы еще не до конца осмыслили теоретически это явление, феномен. Экосистема, представляя собой межотраслевую интеграцию различных сфер, отраслей, сервисов, заменяет рыночные механизмы координации искусственным интеллектом. То, что раньше каждое домохозяйство или фирма должны были с помощью своего естественного интеллекта искать, выбирать, оценивать и подавать рыночные сигналы, теперь делает искусственный интеллект в рамках экосистемы. Один из разработчиков экосистемы в Сбербанке говорил, что это бесшовная среда,

где потребители могут путешествовать, свободно выбирая товары и услуги. Эта бесшовная среда — уже есть отсутствие конкуренции, отсутствие механизма выработки тех рыночных сигналов, которые должны естественным образом возникать в условиях свободного выбора потребителя. Экосистема — это уже не свободный выбор потребителя, а выбор ему навязывает искусственный интеллект.

Рынок как система обмена, человеческого взаимодействия — это вечная система, ее невозможно заменить, если только это не будет какая-то сверхтоталитарная система. Не замена рыночной системы координации, а определенный сдвиг в сторону отдельных элементов плановой системы координации в настоящий момент совершенно очевиден.

И это не только наша реальность, это реальность западных стран. Все эти современные проекты будущего устройства, которые высказывает Клаус Шваб и прочие футуристы, как раз построены на том, и это читается между строк, что этой свободы выбора, конкуренции там уже не будет. На мой взгляд, мы очень часто недопонимаем или умалчиваем, что живем не при рыночной экономике, а при капитализме. А капитализм — это цивилизационно иной уровень развития человеческого общества по сравнению с рыночной экономикой. Это как хищник над стадом млекопитающих. Капитализм использует рыночную конкуренцию для того, чтобы достичь монополии. Для капитализма важны высокие нормы прибыли. Одна рыночная конкуренция обеспечить их не может, нужна монополия. Это совершеннейшая азбука, которая также, увы, говорит о том, что для противостояния, в частности, футуристической алчности, которая может погубить и всю рыночную экономику, нужны механизмы координации помимо рынка.

ЧАСТЬ II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ – 2023

ALL-RUSSIAN ECONOMIC DICTATION – 2023

**КАКИМ БЫТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ
В РОССИИ**

**WHAT SHOULD ECONOMIC EDUCATION
BE LIKE IN RUSSIA?**

俄罗斯的经济教育应该是什么样子的

**ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ
В РОССИИ**

УРОКИ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ КОНДРАТЬЕВА

赶上康德拉季耶夫浪潮

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор ИНИР им. С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН

Олег Николаевич Смолин,
Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, академик Российской академии образования (РАО), д.ф.н.

Екатерина Владимировна Харченко,
заместитель председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, член Правления ВЭО России, д.э.н., профессор

Михаил Абдурахманович Эскиндаров,
президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, вице-президент ВЭО России, академик Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор

Александр Александрович Широ́в,
директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Геннадий Геннадьевич Тербеков,
директор Фонда развития наследия Юрия Лужкова

Андрей Викторович Журанков,
руководитель аналитической группы ТАСС

Всероссийский
экономический
диктант

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ – 2023

11 октября состоялась седьмая общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант» с традиционной темой «Сильная экономика – процветающая Россия!». Экономический диктант написали более 340 000 человек во всех 89 регионах России и 10 зарубежных странах – Беларуси, Монголии, Армении, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Турции, Туркменистане, Сирии и Китае.

По материалам пресс-конференции в ТАСС, посвященной Всероссийскому экономическому диктанту, 10 октября 2023

Бодрунов: Вначале коснусь целей проведения акции, их несколько. Первая – просветительская: расширить экономический кругозор, необходимый в современном мире; развить интерес к экономической науке, к экономической истории нашей страны; к актуальной экономической повестке. Вторая, связанная с первой – показать, подтвердить значимость экономической грамотности в постоянно меняющихся реалиях современности. Многие россияне принимают участие в акции ежегодно, потому что Экономический диктант – это возможность не только проверить свою экономическую грамотность, но и узнать что-то новое об экономике как науке и экономике как хозяйстве. При этом важно и то, чтобы у участников формировалась «связка» с предтечей тех или иных нынешних экономических реалий, что откуда и как произошло, научиться видеть причинно-следственные связи между явлениями в нашей жизни и т.д. Поэтому – отдельное направление – историческое, вопросы о выдающихся деятелях прошлого, чьи реформы и преобразования изменили ход отечественной экономической истории. Наконец, есть еще культурно- познавательский аспект – акция позволяет посмотреть на экономическую историю страны через призму литературы, культуры – и для этого тоже в канву диктанта имплементированы соответствующие вопросы.

Для Вольного экономического общества важны и еще две цели: 1) оценка экономической грамотности населения по разным выборкам (стратам: регионам, возрастным группам, образовательному уровню и т.д.), 2) оценка экономической активности населения (также по стратам).

Площадки (а их в этом году уже около тысячи двухсот, и регистрация еще идет) откроются для участников акции во всех субъектах Российской Федерации и в 10 зарубежных странах. Мы благодарим администрации регионов России, руководителей образовательных организаций, которые поддержали акцию и организовали площадки проведения Экономического диктанта. Выделю наиболее активные регионы – это Тамбовская область (47 площадок), Свердловская область – (42 площадки), Ульяновская область – (37 площадок). Отметим, что это, наверное, неслучайно – в этих регионах наиболее активные региональные отделения и организации ВЭО.

Что это за площадки? Экономический диктант ежегодно пишут в университетах, лицеях, колледжах, техникумах, гимназиях, школах, то есть в образовательных учреждениях. Им это – по профилю. Но, что важно, всё больше площадок, так сказать, непрофильных – в библиотеках, центрах развития предпринимательства, ведомствах и администрациях российских регионов. К примеру, в этом году участники акции в Москве впервые смогут проверить свои экономические знания в Музее – в мемориальной квартире академика Глеба Максимилиановича Кржижановского, первого председателя Госплана. Чувствуете, какая историческая связь? И здесь – не только история, но и экономика, культура, просвещение.

Немного – о локализации площадок. И здесь тоже наблюдается всё большее разнообразие, принцип у нас – такой: мы работаем над тем, чтобы участие в акции стало максимально доступным всем, независимо от региона, его финансовых, логистических и прочих возможностей. К акции присоединились как крупные города, например, Санкт-Петербург, Москва, Барнаул, Архангельск, Калининград, Петропавловск-Камчатский, Екатеринбург, Новосибирск, Казань, так и небольшие села, деревни, станицы и поселки. В некоторых из малых поселений Экономический диктант напишут всего несколько школьников. Но для нас очень важно, что у этих ребят будет возможность проверить свою экономическую грамотность! Так, если смотреть по регистрации – в селе Адо-Тымово Сахалинской области Экономический диктант напишут три школьника, в селе Мгачи Сахалинской области – пять, а в селах Николо-Александровка и Калинино Амурской области – по восемь учеников. Эти ребята – из далеких сел, но они должны чувствовать себя членами большой российской семьи, полноценными участниками общественных акций.

Подчеркну, принять участие в Экономическом диктанте может любой человек. Но – есть одна особенность. Это –

человек, который знает русский язык. Писать Экономический диктант по традиции, по уже наработанной нами практике, будут самые разные группы населения: профессора, научные сотрудники, учителя, преподаватели вузов, сотрудники администраций субъектов РФ, министерств и ведомств, школьники, студенты, их родители, бабушки и дедушки. Таким образом, можно сказать, что акция объединяет поколения. Это сегодня, как никогда, важно в ином аспекте – укрепления единства страны. О структуре диктанта. Она – матричная. С одной стороны, Экономический диктант пишут и на региональных площадках, и индивидуально.

Задания акции, с другой стороны, составлены в двух вариантах: для учащихся 9-11 классов среднего общего и профессионального образования; для студентов вузов; других возрастных категорий. Есть и технические особенности, расширяющие возможности принять участие в акции. Бумажный вариант, традиционный, не исключен. Большинство же участников акции пишут Экономический Диктант на сайте акции. По данным конца прошлой недели, для участия в Экономическом Диктанте зарегистрировалось уже более 340 тысяч пользователей – в полтора раза больше, чем в прошлом году.

У Экономического диктанта сформировались за семь лет традиции. Одной из таких традиций является и то, что Экономический диктант каждый год читает заслуженный артист Российской Федерации Сергей Чонишвили. Его голос сопровождает написание Экономического Диктанта на региональных площадках акции.

По результатам Всероссийского экономического диктанта ежегодно формируются аналитический и статистический отчеты. Это – наш так называемый «Экономический барометр ВЭО». Его данные позволяют судить и об уровне экономической грамотности, и об уровне экономической активности как различных групп населения страны, так и отдельных регионов России. Мы также, с расширением участия в Диктанте зарубежных участников, косвенно можем оценить и изменение уровня экономических связей соответствующих стран с Россией. И, конечно, и об изменении всех этих уровней и параметров, и даже о результатах тех или иных воздействий, эффектов от мероприятий органов власти, структур образовательных и так далее на общественное «экономическое сознание». Для примера назову некоторые данные. Так, в прошлые годы в рейтинге регионов России по уровню экономической грамотности населения лидирующие позиции занимали Москва, Курская, Свердловская области, Татарстан и Воронежская область, Санкт-Петербург. Это –

нас не удивляло. Но – в прошлом году впервые в число регионов-лидеров также вошли Чувашская Республика, Брянская область, Костромская область, Белгородская область. Это говорит о том, что по итогам предыдущих результатов там, похоже, сделаны выводы и усилена соответствующая работа.

По итогам аналитического отчета также разрабатываются практические рекомендации для составителей школьных и вузовских программ по экономике. Так, в прошлом году оказалось, что у студентов больше всего трудностей вызвали вопросы, связанные с отдельными периодами экономической истории России, текущей государственной политикой в сфере денежного обращения, научно-технической политикой, региональной экономикой. А школьники «плавали» в таких темах, как налогообложение, экономика домохозяйств, экономическая география и, тем более – в макроэкономике, ее связи с жизнью экономических акторов всех уровней. И мы видим, что и в каких направлениях надо подтягивать, чтобы наш «барометр» показывал «ясно», более ясную, осмысленную перспективу.

Над организацией Экономического диктанта, в соответствии с Положением, утвержденным ВЭО России, работает Оргкомитет. В его состав в этом году вошли известные экономисты и эксперты, государственные и общественные деятели, ректоры ведущих вузов страны, директора и научные руководители Институтов РАН.

Задания Экономического диктанта разрабатывает компетентная Методическая комиссия. Все задания – оригинальные, не повторяют предыдущие. Составлены они при этом на основе междисциплинарного подхода, то есть связаны не только с экономикой, но и, для достижения целей Диктанта, с обществознанием, литературой, историей, правоведением. Например, в прошлом году, чтобы правильно ответить на вопрос, кто из русских классиков подарил нам выражение «бешеные деньги», нужно было освежить в памяти школьную программу по литературе. А те, кто интересуется отечественной историей, уверен, вспомнили, какие банкноты называли «катенькой» – от эпохи правления Екатерины Великой до конца правления династии Романовых, и почему. И, конечно, в заданиях акции находит отражение актуальная экономическая повестка. Дополнительный интерес к Диктанту, его «разогрев» призван вызвать Молодежный конкурс ВЭО «Лучший вопрос для Экономического диктанта». Мы его стали проводить недавно, но уже получили множество вопросов. И это тоже материал для оценки грамотности.

В перечень заданий также входят вопросы, отобранные Методической комиссией акции по итогам этой акции. Четыре вопроса – победителя из них комиссия в этом году включила в Экономический диктант. Хочу еще раз подчеркнуть, что Экономический диктант – это общероссийская акция. Мы хотим показать, что экономическая грамотность важна и нужна для каждого, особенно в условиях современного быстроменяющегося мира. Безусловно, Экономический диктант – это не соревнование. Здесь – победители – все! И это – не экзамен. Он, конечно, своими вопросами не может охватить весь громадный спектр вопросов экономики. Но мы уверены, что подбор вопросов-заданий, осуществленный Методической комиссией с участием крупных экономистов, социологов, историков, правоведов, деятелей культуры, а также размер исследуемой выборки позволяют сделать Диктант «лакмусовой бумагой» для обобщенной оценки тенденций в состоянии экономической грамотности и активности россиян.

Я желаю всем участникам акции удачи! Результаты акции будут представлены – традиционно через месяц – 11 ноября, на Всероссийском экономическом Собрании, посвященном профессиональному празднику «День экономиста», который, в свою очередь, установлен Правительством России в дату основания ИВЭО.

Смолин: Я, кажется, единственный здесь – не экономист, поэтому буду говорить не с экономической точки зрения, а с точки зрения просветительской. Начну с того, что много лет назад в статьях по инвайронментальной социологии я прочитал гипотезу, согласно которой в информационном обществе человек может стать более дезинформированным, и, увы, во многом эта гипотеза подтверждается. Вы помните, что если, скажем, 12 лет назад 28% россиян думали, что Солнце – это спутник Земли, то, по последним данным, уже 35%. Что касается исторической грамотности, то более 50% опрошенных убеждены, что Царя в 1917 году свергли большевики, хотя большевиков там и рядом, что называется, не было.

У нас в школах активно обсуждается тема финансовой грамотности, хотя с моей точки зрения, детям достаточно знать, что им нельзя связываться с так называемыми «пирамидами» и с мошенниками – наиболее типичные приемы им нужно объяснить, а вот экономическая грамотность – это вещь чрезвычайно важная, она важна в том числе и тем, что сказывается на политическом поведении граждан, и важно, чтобы они могли избегать уловок упрощенных пропагандистских построений. Я, например, слышал от пенсионеров, что пенсию не повышают, потому что цены пойдут вверх, а недавно я то же самое слышал от учителя. Но серьезные экономисты говорят, что в России инфляция

имеет в первую очередь немонетарный характер. Что происходит с ценами на бензин и GSM, вы прекрасно знаете.

Я хотел бы отметить, что кроме практической, Экономический диктант имеет очень важную общекультурную направленность. Знаменитый российский педагог Василий Сухомлинский говорил, что надо учить любить культуру ради культуры, а не только ради компетенций, сейчас страшно модных. И в этом смысле я поддерживаю включение в Экономический диктант междисциплинарных вопросов из литературы, истории и других сфер, для того, чтобы люди понимали, что экономика – это не узкоспециализированная область, это область, которая касается и других разделов человеческого знания.

Мы понимаем, что составить единые вопросы для тех, кто уже получает образование, планируя стать экономистом, и для школьника из села в таком-то регионе РФ достаточно сложно. Может быть, на будущее стоило бы подумать о том, чтобы была, условно говоря, базовая экономика и, как называется у нас математика, профильная – для людей, которые уже стали или собираются стать профессионалами. Я думаю, что мы должны всячески приветствовать продолжающуюся инициативу проведения Всероссийского экономического диктанта, и подтвердить формулу, что здесь нет проигравших, а все являются победителями, хотя бы победителями собственной лени. Я хочу пожелать всем, кто примет участие, максимальных успехов.

Бодрунов: Я сразу отвечу на вопрос Олега Николаевича. Мы думали о отдельных вопросах уже в этом году, но есть и технические сложности, потому что надо программу цифровой платформы переписывать, а это непростая вещь, и важно проводить предварительный эксперимент, потому что если мы объявим на 500 тысяч человек изменения, то может возникнуть проблема, которую потом не решить. И второе: есть методологические проблемы, потому что для того, чтобы обрабатывать разные страты по разным матрицам, нужны другие методики, в том числе и из социологии, поэтому там важна дополнительная научная проработка. Как бы то ни было, мысль эта есть, и спасибо, Олег Николаевич, что Вы обращаете на это серьезное внимание.

Журанков: Александр Александрович, Вы как представитель научного сообщества, академического института, в чем видите значение диктанта? Конечно, мы говорим сейчас о большой просветительской роли и о междисциплинарном подходе, а вот с точки зрения прихода новых ученых и их понимания того, что такое экономическая наука, какие в целом изменения вы для себя фиксируете?

Широв: Понятно, что мы возлагаем на такого рода акции определенные надежды, потому что люди, которые выбирают себе профессию, думают, в какой университет пойдут, чем будут заниматься, обратят более пристальное внимание на экономическую науку. А здесь у нас есть некоторые проблемы, которые состоят в том, что экономическая наука и вообще экономика как дисциплина – очень многообразна, и ее место в числе научных дисциплин очень неоднозначно. Ясно, что когда человек выбирает себе эту профессию и готовится, допустим, в Финансовый университет, или МГУ, или НИУ ВШЭ, он концентрируется на определенных предметах, которые не являются экономикой сами по себе. В значительной степени это математика, может быть, обществознание, но понимание о том, что такое сейчас экономическая профессия и в академическом, и в прикладном смысле, есть далеко не у всех. И эта некоторая профессиональная дезорганизация, конечно, сильно вредит общему делу, потому что профессионалы вырастают из тех людей, которые целенаправленно готовятся и хотят посвятить себя определенной профессии. И такого рода диктант позволяет человеку, в том числе и еще не поступившему в университет, задуматься о том, какой же диапазон знаний должен быть у современного экономиста. И как правильно сейчас сказал Сергей Дмитриевич, это абсолютно не только знание узких экономических вопросов. Не бывает экономиста только в области банковского дела или только в области финансов. Экономист – это человек с кругозором, который понимает связь и с правом, и с гуманитарными науками. И экономика – это наука, которая невозможна без точных вычислений, прогнозирования, моделирования. Поэтому Экономический диктант – это как раз возможность посмотреть на весь этот диапазон. С другой стороны, как меня учили старшие товарищи, экономика может быть интересной, как детектив, потому что задачи, которые мы должны решать – это почти расследование. Решение экономических задач требует, чтобы человек полностью погрузился в это, что очень интересно. И хочется, чтобы те люди, которые будут участвовать в экономическом диктанте, поняли, что экономика – это отнюдь не сухая наука, а очень интересная дисциплина, которая заслуживает того, чтобы выбрать ее как призвание и профессию.

Журанков: Понятно, что основная аудитория, на которую направлен диктант – молодая, хотя хорошо, что не только она участвует. Но в любом случае, поскольку подавляющая часть – молодежь, важно понять, как система высшего образования должна реагировать на подобные акции, диктанты, которых у нас в стране несколько. Какую роль именно Экономический диктант играет для высшего образования.

Харченко: В этом случае сложно отделить высшее образование от всей экосистемы образования. Экономический диктант затрагивает разные объекты исследования для того, чтобы разных участников привлечь. Я начну с себя: я мама инженера, еще у нас в семье есть молодая учительница иностранного языка, и мы идем завтра вместе писать Экономический диктант, потому что очень важно привлекать людей из других областей экономики и рассказывать, как это интересно.

В 2000 году ВЭО России проводило одну из своих масштабных всероссийских акций, и я, аспирантка 1 курса, приняла в ней участие, выиграла, приехала в Москву, чтобы получить награду. И это обусловило мой профессиональный жизненный путь, поэтому, действительно, профориентационная миссия экономического диктанта – безусловна, и очень важно охватывать как можно больше школьников. В чем проблема выбора сейчас состоит? Очень многие школьники, 11-классники, которые сдают ЕГЭ, не понимают, куда хотят поступать, и выбор вуза и будущей профессии делают неосознанно. Очень хочется надеяться, что кто-то из тех участников, которые почувствуют в себе силы, переломят свой страх, лень, и рискнут принять участие во Всероссийском экономическом диктанте, выберут один из лучших экономических вузов или экономической факультет в своем регионе, ведь возможности экономического образования в нашей стране безграничны.

Помимо просветительской миссии я бы остановилась на возможности проанализировать результаты, те большие данные, которые мы получим. Сейчас происходит трансформация всей системы высшего образования, мы знаем, что в соответствии с майским указом Президента определены 6 пилотных вузов, которые разрабатывают новые модели, и сейчас как раз то время возможностей, когда мы можем изменить систему высшего экономического образования. ВЭО России играет большую роль в этих трансформационных процессах, и сейчас, совместно с Минобрнауки, запущен процесс мониторинга вообще всей системы экономического образования, и мы изучаем, по каким учебникам учат студентов экономике на экономических факультетах. Те данные, которые мы получим по итогам Экономического диктанта, могут помочь понять, чего не хватает, что добавить в учебно-методические комплексы и образовательные программы. Завершая, хочу сказать, что очень важно сейчас привлекать осознанных талантливых детей в экономическую науку, ведь величие России, как сказал недавно на Валдае наш Президент, заключается в суверенитете – в технологиях, безопасности, финансах

и экономике в целом. Мы должны готовить грамотную, профессиональную смену поколению наших больших академиков – экономистов, и я очень надеюсь, что кто-то из участников Всероссийского экономического диктанта когда-либо будет с гордостью представлять Россию и получит Нобелевскую премию по экономике.

Бодрунов: Я хочу сказать, что летом ВЭО России совместно и комитет по образованию Государственной Думы провели Всероссийское собрание по реформе экономического образования. Это собрание подытожило предварительный этап обсуждения в регионах, где провели множество конференций. Эта тема также детально обсуждалась и на Московском академическом экономическом форуме на двух секциях. Вольное экономическое общество России еще со времен Императорского ВЭО всегда занималось развитием образования.

Если хорошо копнуть историю, то мы увидим, что коммерческие школы в России, многие теперешние вузы были созданы по инициативе Общества. Инициатор создания ИВЭО великий Ломоносов говорил много о том, насколько важно наладить грамотное хозяйство в стране, а для этого нужны грамотные люди. Мы с себя этой задачи не снимаем. Мы, люди, которые занимаются экономикой не только по образованию, но и по призванию, прекрасно понимаем, что сегодняшнее экономическое образование в России необходимо реконструировать. Тот мейнстрим, под засильем которого наше образование было в течение многих лет, необходимо модернизировать. И не только мы об этом думаем. ВЭО России вместе с Международным Союзом экономистов провело в апреле большую конференцию в Китае, где мы встречались с руководством Китайской академии общественных наук. И там – та же самая задача обсуждается в отношении китайских студентов. Мир меняется – должно меняться и экономическое образование. И Экономический диктант направлен на то, чтобы помочь в этом.

Журанков: Михаил Абдурахманович, Вы как руководитель Финансового университета при Правительстве РФ с самого начала поддержали эту акцию, были одним из ее организаторов, и открытие диктанта проходит в Финансовом университете. Вам слово.

Эскиндаров: Да, приглашаю всех на открытие: больше 1000 студентов и школьников будут писать Экономический диктант. В продолжение мыслей о необходимости реформирования экономического образования: мы в 1990-е годы убедили себя в том, что у нас нет своих правильных экономистов и взяли американские учебники, точнее англо-сак-

сонские, назову так, а свои практически выбросили. Два дня назад Нобелевскую премию присудили даме из Соединенных Штатов Америки. Если честно, то присутствующий здесь Александр Александрович Широ́в проводит гораздо более глубокие исследования, чем те, за которые дали премию. Там речь идет о гендерной экономике, в том числе о том, что женщины получают меньше, чем мужчины. Понятно, что тут роль сыграла больше политика, чем наука, но у нас есть гораздо более серьезные исследования на эту тему.

Говоря о диктанте, считаю, что даже если всего лишь один человек всерьез заинтересуется проблемами экономики и донесет до других важность понимания экономических процессов, которые происходят в стране, это будет значить, что диктант выполнил свою задачу. Я помню, как несколько лет назад один студент, хотя и не экономической специальности, по окончании диктанта подошел ко мне и сказал: «Я впервые узнал, что есть такие теории, такие взгляды, такая интересная история у российской экономической мысли». В том, чтобы привлечь людей к проблемам экономики, тоже состоит наша задача, и наш замечательный девиз «Сильная экономика – процветающая Россия» говорит о том, что от того, насколько процветает экономика, зависит любая другая политика: и военная, и социальная, и какая угодно другая. Поэтому чем больше людей будут задействованы в понимании этого вопроса и решении этих задач, тем лучше для нас. И диктант безусловно выполняет эту свою функцию.

Мы заинтересованы в том, чтобы молодые люди, которые сегодня пишут Диктант, были вовлечены в экономические процессы, происходящие в стране, а они – действительно грандиозные, связаны с возрождением экономики страны, со строительством новых заводов, фабрик, дорог, автомобилей, самолетов и так далее и так далее. Не важно, какую специальность они изберут – главное, чтобы они понимали, что сегодня страна переживает очень важный этап развития, и, безусловно, Финансовый университет заинтересован в том, чтобы к нам пришли молодые люди, которые сегодня сидят и решают задания Экономического диктанта, потому что в будущем они возглавят ту стержневую систему, которая называется финансовой.

Журанков: Геннадий Геннадьевич, в чем миссия Фонда Юрия Лужкова совпадает с миссией ВЭО России и Всероссийского экономического диктанта?

Теребков: Фонд поддерживает Экономический диктант уже второй год, и чтобы понять, почему, стоит вспомнить личность Юрия Михайловича. Сложно переоценить его вклад в развитие экономического образования Москвы, России, ту поддержку, которую он оказывал Вольному экономическому обществу России в очень сложный период истории нашей страны. Не буду перечислять все заслуги, отмечу лишь, что в 2005 году ВЭО России за вклад в развитие самого Общества, Международного Союза экономистов, экономической науки и международных экономических связей удостоило мэра Москвы самой высокой своей награды – Большой золотой медали. А когда Юрия Михайловича не стало, во вторую годовщину его смерти, в старинном здании Дома экономиста, штаб-квартире ВЭО России, была открыта мемориальная доска на парадной лестнице.

Юрий Михайлович всегда понимал важность экономической науки. Когда в 1990-е годы проходили массовые реформы, он неоднократно сокрушался о том, что эти реформы выплеснули из государственной системы кадры квалифицированных управленцев. Он всегда подчеркивал, что экономическая наука была брошена, считал, что без поддержки со стороны государства экономической науки, отраслевой экономики нет будущего. Именно поэтому Фонд Юрия Лужкова, основная цель которого – увековечивание памяти о Юрии Михайловиче и развитие традиций, инноваций и инициатив, которым он дал старт, считает правильным подключиться к этой акции, и она не единственная в числе тех, которые мы поддерживаем, даже в рамках Вольного экономического общества. Например, мы учредили небольшой специальный приз для самого юного участника конкурса на лучший вопрос к диктанту.

Мы очень высоко оцениваем вклад Диктанта в повышение экономической грамотности, достаточно привести цифры, которые всем известны, но одну цифру я сегодня услышал новую – о 340 тысячах зарегистрированных на сайте Диктанта, то есть рост за годы проведения акции, с 2017-го – в 6 раз, это прекрасный экономический показатель.

Журанков: Какие вопросы вам больше всего запомнились из прошлых лет? Или, может быть, есть вопросы, которые бы вы хотели задать, но они не прозвучали?

Бодрунов: Мой любимый вопрос я уже сегодня озвучил – про катеньку. Но я бы хотел признаться – может быть, это прозвучит не совсем комильфо – я собираю разные смешные истории, вопросы, случаи, анекдоты об экономике, экономистах, академиках. Когда-нибудь я опубли-

кую это. Мне, например, нравится афоризм о том, что экономика может быть признана лженаукой, потому что при постоянном росте показателей, уровень жизни никак не меняется. Такие шутки отражают реалии нашей экономической жизни, интерес и оценки людей, и мне бы хотелось в будущем включать такие шуточные вопросы, которые могли бы разрядить обстановку. Или даже конкурс на лучший анекдот.

Журналист: Сергей Дмитриевич, Вы упоминали, что каждый год делается аналитический отчет, есть регионы – постоянные участники, есть регионы, которые сразу попали в рейтинг. Чем Вы объясните такую разницу в уровне экономической грамотности в регионах и такие неожиданные рывки в рейтинге? И еще вопрос: какие меры, активности могут быть наиболее эффективны для повышения экономической грамотности, на Ваш взгляд.

Бодрунов: В первый и второй год диктанта скачки были связаны, в основном, с организационной стороной дела. Мы в то время не обращали пристального внимания на это и не составляли серьезных рейтингов – только определяли тех, с кем можно сотрудничать в организационном плане. Постепенно накапливалась статистика, и мы стали видеть некоторые тенденции. Те регионы, которые вошли в десятку, мы их сегодня назвали – например, Чувашия, – не сразу стали лидерами, они постепенно шли вперед. Это говорит о том, что там проводилась какая-то работа в этом направлении. Что касается инструментов для продвижения экономического образования, то их немало. Диктант – наиболее комплексный, долгоиграющий и многосторонний инструмент, который имплементирует разные методологии и подходы, чтобы получить возможность охватить разные сферы, чтобы принести пользу участникам и дать основу для собственной аналитической работы. Диктант позволяет квалифицированно дать понять каждому участнику, каким инструментом пользоваться, чтобы поднимать свой уровень экономического образования.

Эскиндаров: Я бы добавил к инструментам продвижение финансовой грамотности. Вольное экономическое общество тоже имеет к этому отношение, но изначально это была государственная задача, на нее выделяются довольно значительные деньги, работа идет с разными категориями населения. Второе, на что я бы хотел обратить внимание: если мы хотим серьезно заинтересовать молодежь, нужно менять задачки в школьных учебниках, чтобы они были направлены на понимание элементарных экономических процессов: не о том, за сколько времени из бочки

в бочку переливается вода, а, скажем, сколько потратят родители денег на свет, если ты забыл выключить свет в туалете на 8 часов?

Захарченко: Сейчас хорошее время – объединять усилия тех, кто пишет учебники и тех, кто преподает по ним. Как инструмент повышения экономической грамотности важно соучастие – чтобы преподаватели вузов приходили в школы, представители бизнеса – в колледжи. Сейчас – время возможностей и время объединения усилий, и площадка Вольного экономического общества – всегда тому подтверждение.

Бодрунов: Здесь есть по меньшей мере трое авторов учебников. Каждый профессор этим так или иначе занимается. Но мы должны на что-то ориентироваться, понимать, что интересно, что нужно, что важно не с нашей точки зрения, а с точки зрения развития науки и тех людей, которые читают учебники. Нужно как-то направить их мысль. И такие акции, как Экономический диктант, позволяют увидеть многие вещи. Эта обратная связь важна при подготовке учебников, методических рекомендаций, разработок, учебных программ. Здесь очень важное объединение такого рода усилий, и мы признательны комитету по образованию Госдумы, который не только поддержал акцию, но и активно продвигает ее результаты, барометр экономической грамотности, наработки наших ученых.

В продолжение темы

КАК ГОТОВИЛСЯ ДИКТАНТ

Каждый год подготовкой заданий для диктанта занимается Методическая комиссия. Для того, чтобы дать правильный ответ, участникам могут потребоваться знания из самых разных областей экономики. В преддверии акции руководитель методической комиссии Всероссийского экономического диктанта, член Президиума ВЭО России профессор Роман Голов, д.э.н., ответил на наиболее частые вопросы участников о подготовке заданий.

ВЭО России: Роман Сергеевич, Вы руководите работой по подготовке заданий для Всероссийского экономического диктанта уже третий год. Расскажите, пожалуйста, о принципах этой работы.

Голов: Для меня руководство Методической комиссией – это, прежде всего, большая ответственность перед многочисленной аудиторией наших участников. При разработке заданий для Экономического диктанта мы учитываем значительное число факторов, чтобы они вызывали живой интерес, мотивировали к повышению экономической грамотности. К примеру, мы всегда стараемся расширить спектр областей экономики, которым посвящаем наши вопросы. В сам процесс разработки вопросов мы всегда вносим творческий импульс, без которого невозможно говорить о создании реальной мотивации к изучению экономики. В частности, при разработке некоторых вопросов мы используем примеры из классической литературы, которые позволяют нашим участникам взглянуть на экономику по-новому – через призму известных произведений.

ВЭО России: Учитываете ли Вы при разработке заданий Экономического диктанта те результаты, которые были достигнуты участниками в предыдущем году?

Голов: Да, мы уделяем особое внимание анализу результатов прошлого года, поскольку именно на их основе мы можем понять – какая конкретно область экономики или тема вызывает у той или иной категории участников наибольшие затруднения. В частности, в Экономическом диктанте прошлого года сложнее всего для студентов вузов оказались вопросы, связанные с функциями Казначейства России, экспериментальными налоговыми режимами, а также одним из крупнейших проектов советской экономики. Надеюсь, многие участники акции, сталкиваясь с подобными сложными для них вопросами, впоследствии уделяют внимание изучению связанных с ним материалов. Мы выделяем подобные темы и учитываем их при разработке вопросов, чтобы оценить – насколько участники смогли устранить соответствующие пробелы. Кроме того, мы отмечаем подобные сложные для них темы в рекомендациях, каждый год составляемых нами для Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ.

ВЭО России: Что особенного будет в заданиях этого года?

Голов: Как показывает опыт прошлых лет и та обратная связь, которую мы получаем от наших участников, значительная часть из них принимает участие в его написании ежегодно. Разумеется, за эти годы они успели познакомиться с приличным числом вопросов из классической экономической теории, изучить несложные методы экономических расчетов, термины из области финансов и т.д. Безусловно, в своей работе мы учли этот фактор и постарались, наравне с заданиями из классической экономической теории, ввести такие вопросы, которые связаны с современными банковскими технологиями, цифровой экономикой и сопровождающими ее рисками. Мы стремимся к тому, чтобы каждый год задания в совокупности формировали некий уникальный интеллектуальный ландшафт, освоение которого поможет нашим участникам открыть для себя новые грани экономической науки.

ВЭО России: Как Вы оцениваете влияние этой акции на развитие экономического просвещения?

Голов: На протяжении всех прошедших лет мы наблюдали устойчивый рост аудитории Экономического диктанта. В нем принимает все большее число людей самых разных возрастов и профессий – студенты, учащиеся школ, опытные профессионалы и люди, совершенно не связанные с экономикой, то есть диктант стал для многих десятков тысяч людей не только способом проверить уровень своей экономической грамотности, но стимулом к дальнейшему изучению ее основ. В этом смысле наша задача – пригласить их в этот многообразный мир экономической науки, создав максимально комфортные условия для знакомства с ним. И мы твердо уверены, что для многих наших участников этот опыт становится началом нового маршрута на пути к собственному интеллектуальному развитию и приобретению экономических знаний.

Материал подготовлен пресс-службами ВЭО России и Международного Союза экономистов

ОТЗЫВЫ УЧАСТНИКОВ О ДИКТАНТЕ

Дарья Горбунова,

студентка РЭУ им. Г.В. Плеханова

Как говорится, человек учится всю жизнь. Даже после четырех лет в экономическом университете для меня были вопросы, которые требовали осмысления. Это здорово! Наука ведь не стоит на месте, появляются новые термины, видоизменяется конъюнктура рынка. Продолжу все это изучать. Иногда в процессе обучения не успеваешь уделять этому должное внимание, погружаясь в цифры, статистику, последние новости. А ведь труды тех, кто стоят у истоков экономической теории, могут дать ответы на актуальные вопросы. Мне были интересны задания, связанные с актуальными экономическими тенденциями в России и в мире. В частности, вопросы о расширении БРИКС, динамике российского ВВП в условиях санкционного давления, о распределении расходов государственного бюджета и прогнозных долях нефтегазовых и ненефтегазовых поступлений. Это то, что формирует экономическую реальность, в которой мы живем. Зная ответы на такие вопросы, люди могут анализировать происходящее, а главное — предпринимать правильные действия. Это касается и обычных граждан, например, планирующих свой семейный бюджет, и профильных специалистов, ученых.

Ирина Уколова,

*студентка Саратовского социально-экономического института
РЭУ им. Г. В. Плеханова*

Есть интересные вопросы по литературным произведениям. Там даются отрывки откуда-то и даются задания, связанные с экономикой, которая там отражена. И это гораздо интереснее, чем вопросы про кредитные карты или векселя.

Лидия Яндубаева,

студентка Северо-Восточного федерального университета имени С.К.Аммосова

Я уже в третий раз участвую в Диктанте, с 1 курса. Пришла, чтобы узнать, хватит ли моих знаний на то, чтобы написать задания. В принципе, вопросы не настолько сложные, чтобы обычный человек не мог на них ответить: про деньги, про курс рубля и так далее.

Мария Белякова,

студентка Владимирского филиала РАНХиГС

Я поняла, что стоит освежить в памяти историю нашей страны. Физмату, а я учусь именно на этом направлении, тяжело даются гуманитарные науки. Я набрала 70 баллов — есть куда стремиться.

Анастасия Перепелица,

Студентка Брянского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Задания, связанные с экономическими терминами, законами и решением небольших экономических задач, были, на мой взгляд, самыми сложными, но в то же время интересными. После акции мне захотелось более углубленно изучить исторический аспект становления российской экономики, а также современные тенденции ее развития.

Ольга Баранова,

заведующая кафедрой экономики и бухгалтерского учета ЗабГУ

Вопросы — интересные! Вопросы касаются истории экономики РФ, сегодняшней экономической жизни, тех процессов, которые происходят в экономике, поэтому эта акция вызывает традиционный интерес не только у студентов, но и у преподавателей.

КАК ПРОШЕЛ ДИКТАНТ-2023?

Всероссийский экономический диктант за годы своего проведения стал не просто крупной общественной образовательной акцией, но и значимым событием для всего российского экономического сообщества, включая не только учащиеся школ и вузов, но и профессионалов, которые получили возможность проверить собственную память и знания.

СОБЕСЕДНИКИ:

Роман Сергеевич Голов,

член Президиума ВЭО России, руководитель методической комиссии, аналитической группы и рабочей комиссии по проверке результатов Всероссийского экономического диктанта, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного института, д.э.н., профессор

**Андрей Николаевич
Прокофьев,**

шеф-редактор журнала «Вольная экономика» и серии «Беседы об экономике», член Правления ВЭО России

Прокофьев: Роман Сергеевич, как бы Вы как бессменный член организационной комитета Диктанта оценили его подготовку в этом году?

Голов: Одним из безусловных и неизменных за последние годы наших достижений стал рост числа участников. Если в 2022 году участие в Экономическом диктанте приняли более 234 тысяч человек, то в нынешнем – уже более 340 тысяч. Согласитесь, прирост более чем внушительный. И его ценность для нас заключается, прежде всего, в том, что он отражает растущий интерес, доверие к нам как к организаторам и к самим идеям, заложенным в основе акции, со стороны десятков тысяч самых разных людей. При этом мы отмечаем, что определенная часть людей вошла в число постоянных участников, что также ценно для нас и подтверждает плодотворность наших усилий. Расширяется и международная география. Если в прошлом году были жители 8 зарубежных государств, то в нынешнем – 10. Можно сказать, что для экономического просвещения нет непреодолимых границ.

Прокофьев: Вы уже не впервые возглавили методическую комиссию, которая разработала задания для участников. Расскажите об этой работе.

Голов: Разработка заданий для Экономического диктанта – это задача, которая требует как строгого следования канонам экономической науки, так и творческого подхода. По-настоящему интересные вопросы из разных областей экономики способствуют ежегодному увеличению количества наших постоянных участников. Творчески осветив какую-либо область экономических знаний в разработанном задании, мы пробуждаем ответный живой интерес у нашей аудитории. За прошедшие шесть Экономических диктантов мы смогли продемонстрировать их участникам самые разные грани экономической науки. Мы стараемся представить нашим участникам экономику как палитру интересных вопросов, в том числе связанных с классической литературой, историей – теми областями, погружение в которые способствует культурному обогащению.

нию. К примеру, в этом году при ответе на один из вопросов участники должны были выбрать, какие номиналы монет были распространены на Руси в XV веке, или выбрать, кто из государственных деятелей Российской империи не проводил денежную реформу. Взглянуть на экономику через призму классической литературы мы предложили в вопросе, связанном с комедией Александра Николаевича Островского «Бешеные деньги»: нужно было указать, монету какого достоинства упоминает Кучумов. Еще одно задание, связанное с литературой, потребовало от участников правильно выбрать из предложенных вариантов вид договора, заключенный героями романа «Двенадцать стульев» Бендером и Воробьяниновым для поиска сокровищ мадам Петуховой.

Прокофьев: Вы ранее говорили, что многие задания связаны с практическим применением экономических знаний.

Голов: Да, мы всегда исходим из истинности слов великого русского полководца Александра Васильевича Суворова: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа», и разработали ряд практических заданий, требующих несложных экономических расчетов. Подобные задания, на наш взгляд, не только пробуждают живой интерес, но и мотивируют их к освоению практических инструментов, которые впоследствии могут пригодиться в жизни. Например, в одном из заданий мы предлагаем рассчитать размер налога на профессиональный доход, полученный девушкой, которая работала как самозанятая репетитором. Другой вопрос был связан с актуальной сегодня темой цифровизации и предполагал определить величину среднегодовой производственной мощности предприятия после цифровой трансформации. Подобные вопросы, не требуя глубоких познаний в экономической теории, позволяют участникам прикоснуться к прикладным аспектам экономики, с которыми ежедневно сталкиваются профессиональные экономисты.

Прокофьев: Вы упоминали, что хотите провести эксперимент с искусственным интеллектом. Расскажите, что получилось?

Голов: С исследовательской точки зрения нас заинтересовал вопрос: насколько успешно сможет выполнить задания Экономического диктанта искусственный интеллект, который сегодня особенно на слуху в связи с вводом общедоступных моделей. Мы решили провести эксперимент и загрузить наши задания в широко известный сегодня ChatGPT, который, по мнению многих экспертов, представ-

ляет сегодня одну из наиболее развитых систем данного класса. Мы ожидали, что для системы не составит особого труда верно ответить на все вопросы, но она смогла дать верные ответы лишь на третью часть заданий. Несмотря на колоссальные ресурсы, вкладываемые в продвижение ChatGPT как самого высокого искусственного интеллекта, на деле он оказался куда слабее нас и не смог решить даже те задания, которые легко решают старшекласники и студенты первых курсов российских вузов. Это в очередной раз доказывает, что человеческий интеллект сегодня во всем этом информационном шуме о грядущем господстве ИИ сильно недооценен и важной задачей является как раз не заменить людей машинами, а создать те возможности, которые бы обеспечили развитие интеллектуального потенциала людей. В качестве примера одной из таких возможностей можно назвать как раз Экономический диктант.

Прокофьев: Теперь вашей комиссии предстоит проанализировать результаты диктанта. Как это делается и что вы хотите и можете увидеть?

Голов: Обработка и анализ результатов Экономического диктанта – это трудоемкая и ответственная работа, которая подразумевает проведение целого ряда аналитических процедур, по итогам которых мы формируем сводный аналитический отчет, который условно разделен на два основных раздела. В первом разделе мы отражаем общие статистические данные о количестве участников, региональных площадок, в том числе зарубежных, далее формируем рейтинг активности регионов в плане участия в Экономическом диктанте. Потом мы обращаемся к анализу распределения аудитории по ряду ключевых критериев: пол участников, их возраст, уровень образования, сфера деятельности и отношение к экономике. Сравнивая полученные данные с данными предыдущего года, мы определяем не только уровень участия отдельных категорий респондентов в нынешнем году, но и оцениваем динамику изменения по сравнению с данными прошедших акций. Все это позволяет нам получить точный срез аудитории по каждому из критериев. Например, по уровню образования мы имеем возможность оценить долю студентов, принявших участие в Экономическом диктанте. Или, анализируя его аудиторию по критерию отношения к экономике, мы видим, какую долю в аудитории занимают профессиональные специалисты. Получение подобных срезов очень важно, поскольку именно эти данные отражают реальное стремление различных категорий граждан к экономическому просвещению и повышению экономической грамотности, от которого зависит, кстати, не только экономическое поведение нашего общества, но и, скажем, возможность оценить пропагандистские уловки или дезинформацию. Ну, и это вносит вклад в укрепление нашей экономики.

Прокофьев: Вы говорили, что есть второй раздел.

Голов: Да, второй раздел отчета посвящен непосредственно оценке экономической грамотности наших участников. Для этого, прежде всего, мы устанавливаем оценочные интервалы, отражающие уровень по полученным баллам. В 2023 году, как и годом ранее, нами были установлены два оценочных интервала – от 0 до 44 баллов, в который входят участники с базовым уровнем экономических знаний, и от 45 до 100 баллов, в который нами включаются респонденты с продвинутым уровнем. Далее мы составляем рейтинг экономической грамотности по регионам. То есть сначала определяем процентное распределение аудитории, а затем оцениваем уровень экономических знаний по категориям.

Прокофьев: Диктант – образовательная акция и его основная цель – просветительская. Какое влияние, на Ваш взгляд, он оказывает на образовательную систему, которая призвана обеспечить студентов и учащихся необходимыми компетенциями?

Голов: Я думаю, сейчас твердые знания и компетенции в сфере экономики становятся важным преимуществом, а на уровне государства определяют благосостояние общества. Необходимо стремиться к непрерывному совершенствованию преподавания соответствующих дисциплин как в школах, так и в вузах. Чтобы содействовать достижению этой цели мы каждый год отдельно анализируем результативность ответов старшеклассников и студентов на каждый из вопросов Экономического диктанта. Благодаря этому мы выявляем те вопросы, которые вызвали у них серьезные затруднения и определяем соответствующие области экономики. На основе полученных данных мы формируем рекомендации для Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ, в которых детально указываем выявленные нами проблемы в знаниях и даем практические рекомендации для составителей школьных и вузовских программ по экономике. Так мы оказываем содействие в совершенствовании соответствующих программ, внося свой посильный вклад в развитие экономического образования в России.

КАКИМ БЫТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В РОССИИ

Принимая во внимание поставленную Президентом России (Послание ФС РФ 21.02.2023) задачу конструктивного участия в разработке вопросов реформирования экономического образования с учетом новых требований к специалистам в экономике, ВЭО России и МСЭ в тесном контакте с РАН, профильными комитетами обеих палат нашего парламента организовали широкую многоступенчатую общероссийскую дискуссию о содержании и возможностях реформы экономического образования в стране с учетом вызовов и задач, стоящих перед Россией в новой геополитэкономической реальности.

По материалам Общероссийского Собрания по реформе экономического образования, организованного ВЭО России и Международным Союзом экономистов

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН

Екатерина Владимировна Харченко,
заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по науке и высшему образованию, член Правления ВЭО России, д.э.н., профессор

Валерий Леонидович Макаров,
научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН

Сергей Юрьевич Глазьев,
член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, академик РАН

Абел Гезевич Аганбегян,
заведующий кафедрой экономической теории и политики факультета финансов и банковского дела РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН

Олег Николаевич Смолин,
первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, академик Российской академии образования, д.ф.н.

Екатерина Анатольевна Каменева,
проректор по учебной и методической работе Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н., профессор

Яков Петрович Силин,
вице-президент ВЭО России, президент Уральского
отделения ВЭО России, ректор Уральского государственного
экономического университета,
д.э.н., профессор

Роман Сергеевич Голов,
заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг
высокотехнологичных отраслей промышленности»
Института инженерной экономики и гуманитарных наук
МАИ, член Президиума ВЭО России, д.э.н., профессор

Александр Александрович Аузан,
декан экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

Андрей Иванович Колганов,
заведующий лабораторией сравнительного исследования
социально-экономических систем экономического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный
сотрудник Института экономики РАН, член Президиума
ВЭО России, член Президиума Международного Союза
экономистов, д.э.н., профессор

Ирина Викторовна Новикова,
профессор кафедры экономической и финансовой стратегии
Московской школы экономики МГУ
имени М.В. Ломоносова, д.э.н.

Виталий Григорьевич Минашкин,
проректор по научной деятельности РЭУ
имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

Бодрунов: Предваряя сегодняшнюю дискуссию, скажу несколько слов — хотя я тоже уже высказывался по ряду позиций ранее, в том числе и в федеральной прессе, но здесь я полагал бы важным, не ограничивая предстоящий разговор жесткими рамками заданных тем, тем не менее просто напомнить о тех задачах, мимо которых просил бы не пройти сегодня.

Бодрунов: Первое, на чем я хотел бы остановиться подробнее, — это содержание образовательных программ, точнее — необходимость их обновления. Мир стремительно меняется. На смену глобализации, обеспеченной в том числе научным обоснованием экономического мейнстрима конца XX — начала XXI века, идут иные процессы: т.н. глокализация, реглобализация и т.д. Россия оказалась в качественно новой международной ситуации, в стране началась глубокая перестройка экономики. Мы наконец-то уходим от рыночного фундаментализма, господствовавшего на протяжении десятилетий, от мифов постиндустриализма, происходит поворот к человеку, к повышению уровня социализации общества и построению социально ориентированного государства, к приоритизации традиционных ценностей. Между тем экономическая теория, экономическое образование у нас остаются в основе своей такими же, как и в кризисные 1990-е годы. Их база — все та же неоклассическая теория, микро- и макроэкономика с добавлением в ряде случаев нового институционализма. Но экономика XXI века — это далеко не только рынок. Более того — рынок или нечто иное? В чем сегодня интересы и реальные потребности людей и каковы современные и перспективные механизмы их удовлетворения? И все более ясно, что экономистам надо думать не только о прибыли и стоимостных показателях, но — об интересах страны и Человека.

В рамках Общероссийского Собрания по реформе экономического образования с 1 марта по 2 мая 2023 года прошли пленарные сессии, научно-практические конференции, семинары, круглые столы на 87 региональных площадках V Московского академического экономического форума в 51 субъекте РФ. При подготовке основного пленарного заседания были учтены многие идеи, высказанные коллегами в ходе обсуждения этой проблемы, в том числе в МГУ и ряде других университетов. Дискуссия стала предварительным итогом и одновременно дала старт более широкой междисциплинарной полемике в научных кругах, включая заседание Отделения общественных наук РАН. В обсуждениях приняли участие специалисты со всей страны — представители образовательного сообщества, в том числе ректоры экономических вузов и деканы профильных факультетов, ведущие экономисты, ученые, представители органов государственной власти и делового сообщества, общественных институтов. Идеи и предложения Собрания нашли отражение в подготовленном экспертной группой проекте экспертного заключения.

России, очевидно, нужно создать экономическое образование, отражающее происходящие изменения. До тех пор, пока мы не сформируем мощную когорту новых специалистов, вооруженных системными знаниями в области экономической теории, включая гетеродоксальную экономическую теорию (в частности, основы классического институционализма и политической экономии), мы не будем иметь ни объективного анализа экономической реальности (в том числе — и ее отражения в общественном пространстве), ни новой экономической политики.

Второе. Запрос рынка труда — вот что принципиально важно. Согласно данным Росстата на конец 2022 года, треть россиян находится в квалификационной яме — то есть работает не по профессии. Тех, кто трудится не в соответствии с уровнем квалификации, еще больше. Нам нужно сокращать разрыв между кадровой потребностью на рынке труда и структурой подготовки будущих экономистов, развивать современные формы и методы соединения экономического образования с наукой и практикой, механизм целевого обучения, выстраивать систему планирования потребностей регионов в кадрах, обновлять образовательные программы с учетом требований бизнес-сектора.

Третье. Не менее важным представляется расширить учебные курсы по экономике, включив базовые знания в программы для обучающихся по неэкономическим специальностям. На мой взгляд, максимальный экономический эффект достигается там, где работают профильные специалисты, руководители, менеджеры, имеющие фундаментальное экономическое образование.

Ну и наконец, четвертое. Здесь присутствует замечательный специалист Олег Николаевич Смолин, написавший фундаментальный труд, главной идеей которого является образование «через всю жизнь». Начинать

и экономическое образование тоже следует со школьной программы. Конечно, ученики как начальной, так и средней школы получают некоторый объем экономических знаний на уроках математики, информатики, окружающего мира, обществознания, географии. Но получают — несистемно, да и преимущественно — вне контекста тех задач, которые актуальны для нашей страны. Уверен, следует особенно серьезно расширить блок по экономике в рамках предмета «Обществознание».

Харченко: Тот переход в системе образования, который начался, нацелен прежде всего на качество. Сейчас идет много дискуссий на разных экспертных и профессиональных площадках о продолжительности обучения, о моделях образовательного процесса, о том, как должны трансформироваться бакалавриат и магистратура, какие должны быть ступени в образовательной модели. Но самое главное, что понимают и федеральные органы исполнительной власти, и законодатели, и экспертное, и профессиональное сообщество: фокус должен быть на качество образовательного процесса, на его практическую ориентацию.

В пилотном проекте, который сейчас запущен, участвуют 6 значимых вузов Российской Федерации:

ФГБОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта».

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)».

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС».

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет».

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Безусловно, для того чтобы эта вся система заработала, нужно будет внести изменения в сотни законов и в огромное множество нормативно-правовых актов, в том числе локальных документов. Эксперимент будет длиться 3 года.

Для оценки реализации пилотного проекта будут применяться три ключевых требования, главное из которых — качество преподавателей. Мы особое внимание в рамках парламентского контроля будем уделять снижению бюрократической нагрузки, чтобы за переработкой рабочих и учебных планов, рабочих программ и прочих документов не потеряли самое главное — студентов в аудитории, чтобы было время заниматься преподаванием. Второе — это качество абитуриентов, уровень их подготовки на ступени общего образования. Тут огромный пласт работ предстоит

провести по повышению квалификации педагогов, популяризации педагогического, математического и физического образования. И третий критерий — качество содержания образования. Мы должны делать акцент на практическую ориентацию, но при этом нельзя потерять баланс между фундаментальностью высшего экономического образования и его практической ориентацией.

Для трансформации механизмов целевого обучения принят законопроект о его новой модели, и сейчас в очень плотном взаимодействии Минобрнауки, Минцифры и Минтруд дорабатывают платформу, которая интегрирует в себя функционал таких платформ, как «Работа в России», Минтруд, «Госуслуги» и «Поступай в вуз онлайн». С этого года закон не запустили, потому что необходимо все наладить для того, чтобы в масштабах страны обеспечить прозрачный механизм его реализации, чтобы абитуриент, вуз и работодатель на конкурсной основе могли найти друг друга. И здесь мы опускаемся опять на уровень школьного образования и говорим о необходимости усиления работы Министерства просвещения в рамках профориентации для того, чтобы школьники осознанно делали выбор профессии, в том числе и по экономическим направлениям подготовки.

Что же нужно сделать для трансформации системы экономического образования? Те коллеги, которые имеют большой опыт работы в системе высшего образования, помнят старый формат учебно-методических объединений, которые включали в себя вузы, помнят наличие примерных образовательных программ. Сейчас, когда мы перешли к компетентностному подходу, мы потеряли принцип «знать, уметь, владеть» — то, что раньше было прописано в рабочих программах, также утрачены и те примерные образовательные программы, которые включали в себя в том числе рабочие и учебные планы. Сейчас в стране реализуется 2 200 образовательных программ по нашей УГСН (укрупненной группе специальностей и направлений подготовки) 38.00.00 «Экономика и управление». Когда студенты хотят перевестись из Финансового университета в Высшую школу экономики или наоборот, им приходится досдавать на третьем курсе 30 дисциплин из-за разницы в рабочих и учебных планах. О каком единообразии образовательного пространства мы можем говорить?

На данный момент отсутствует единый федеральный перечень учебников и учебных пособий для использования в сфере высшего образования. И конечно же, необходимо привлекать по максимуму экспертное, профессиональное сообщества и научные институты.

Целью создания методологического фундамента единого образовательного пространства и формирования бесшовной экосистемы высшего образования от школы до послевузовской подготовки необходима институционализация и систематизация функционалов УМО, в частности по направлению «Экономика и управление». Федеральные учебно-методические объединения могут выступить экспертной площадкой для координации процесса модернизации федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения по экономике, анализировать проекты перечней специальностей и направлений высшего образования и внедрять механизмы, которые обеспечат разработку его примерных образовательных программ.

Нам необходимо при подготовке федерального государственного образовательного стандарта четвертого поколения учесть возможность получения нескольких квалификаций. Мы должны разработать концепцию по преподаванию экономических дисциплин, уже есть опыт концепции по преподаванию истории, методологический фундамент для того, чтобы все преподаватели могли брать за основу и использовать ее в образовательном процессе.

Глазьев: Фундаментальные дисциплины, которые преподаются в наших вузах, для практической задачи подготовки специалистов в области евразийской экономической интеграции никакого смысла не имеют. А это живой реальный процесс, в котором участвуют десятки тысяч людей. Механистические подходы, которыми грешит мейнстрим нашей экономической теории, не только не помогают, а они даже вредят с точки зрения подготовки специалистов.

Я приведу живой пример. Ко мне обратился советник одного из премьеров государств ЕАЭС, только что выпустившийся из Лондонской школы экономики и политических наук (англ. The London School of Economics and Political Science, LSE), и говорит: «Вы представляете, все, чему нас учили, никакой пользы не имеет. Вообще все по-другому, это не та экономика. Мой профессор два-три раза со мной переговорил, а теперь трубку не берет, не может объяснить, что мне делать».

Мы, к сожалению, это сейчас повторяем в наших вузах. Если студенты всерьез воспринимают теории мейнстрима, макро- и микроэкономики, то они в системе управления наносят колоссальный вред, как мы видим по нашему Центральному банку, например, где используются абсолютно неадекватные реальности модели, которые экономическая практика отвергла уже 40 лет назад. Они

по-прежнему ориентируются на механистические модели равновесия с кривой Филлипса и всерьез считают, что инфляция и безработица имеют причинно-следственные связи. Я уж не говорю про абсолютно оторванное от реальности представление о ценообразовании, о том, как устроена инфляция и тому подобное.

В учебнике «Евразийская экономическая интеграция. Теория и практика» мы дали теорию научно-технического прогресса, закономерности смены технологических и мирохозяйственных укладов, которые раскрывают причинно-следственные связи происходящих сегодня трансформаций. Кроме этого, мы в этом учебном пособии использовали философско-исторические предпосылки евразийской интеграции. Казалось бы, наследие философов-евразийцев оторвано от экономики, но обратите внимание: когда сегодня китайское правительство декларирует свой интеграционный проект «Один пояс, один путь», то всерьез говорит о том, что хочет объединить народы в человеческое сообщество единой судьбы. Какое это имеет отношение к экономике? Но оказывается, самое прямое, потому что идеология интеграции, согласование интересов и подготовка реализации проектов, где соединяются эти интересы, где достигается синергетический эффект, — это реальная управленческая задача, над которой нужно работать. И конечно, использовать функционал Евразийской экономической комиссии.

Мне кажется, опираясь на эти маленькие примеры из практики, нужно сделать простой вывод о том, что экономика как предмет изучения и объяснения в преподавательском процессе требует междисциплинарного подхода. Сведение преподавания экономики к узкой группе дисциплин, красивых в теории, но неадекватных в практике, готовит догматиков, неспособных чувствовать реальные экономические процессы и тем более неспособных ими управлять, что мы видим на примере большого количества ошибочных решений в нашей макроэкономической политике.

Например, у нас с воинствующим догматизмом отстаивают абсолютно антинаучные подходы типа таргетирования инфляции в реальном инструментарии. Медицина не была наукой до тех пор, пока не вышла на молекулярный уровень, пока ученые не поняли причинно-следственные связи и процессы, происходящие в живых организмах на клеточном уровне, пока не оснастилась молекулярная биология, а сейчас — биоинженерия. Только теперь медицина подходит к пониманию того, как устроена физиология организма, и из этого сразу вытекает огромное количество новых подходов, новых методик, намного более эффективных и обеспечивающих продление жизни человека до 100 лет.

А наша экономическая наука, мейнстрим я имею в виду, и система образования — сродни средневековой медицине, где главный рецепт от любых болезней — кровопускание. Наши денежные власти именно этим и занимаются. Когда им кажется, что высокая инфляция, они повышают процентные ставки и снижают денежное предложение, то есть устраивают кровопускание, по сути дела. Открывают вывоз капитала для того, чтобы в стране было меньше денег. И такие эскулапы, которые в медицине работали 200 лет назад, сегодня руководят нашей экономикой, опираясь на догматические представления, которые в свою очередь они усвоили из мейнстримовских учебников.

И продолжая эту аналогию, могу сказать, что, конечно, медицина не смогла бы обеспечить повышение продолжительности жизни человека в среднем от 30 лет два-три столетия назад до 80 лет сейчас в развитых странах, если бы она оставалась на уровне кровопускателей. Также и наша экономика не может обеспечить экономическое управление и развитие, если в органах государственного регулирования экономики работают люди, которые не понимают реальных закономерностей развития экономики.

Поэтому если мы хотим подготовить специалистов, которые способны понимать и управлять, то, конечно, они должны знать закономерности научно-технического прогресса, основы социальной психологии, особенности инновационных процессов, диалектику взаимодействия производственных сил и производственных отношений.

И в завершение — по поводу интеграции системы экономического образования. Когда я впервые оказался в командировке в Гарвардской бизнес-школе, я с удивлением обнаружил, что управленцев в Америке совсем не учат экономической теории. Это две совершенно разные темы. Экономической теории учат людей, которые затем работают профессорами в вузах, а бизнесменов учат совсем по-другому, по другим методикам, на всевозможных кейсах, на понимании психологии, мотивации людей и тому подобном. Нам надо, мне кажется, с учетом и нашего печального опыта, и зарубежных проблем говорить о подготовке, разработке объединяющей интеграционной модели экономического образования, где, может быть, не всем нужно знать какие-то направления, которые необходимы для глубокого понимания, но по меньшей мере опираться на общую парадигму.

Аганбегян: По уровню и качеству образования наша страна занимает достаточно высокое место — 29-е и 35-е соответственно. Это выше Италии, Франции, всех стран БРИКС, то есть достойное место в мире. Хотя когда мы запу-

стили спутник, то, по данным анализа спецслужб США, причина их проигрыша была в том, что система образования в России оказалась лучше, чем в Америке. Это главный вывод, который они сделали. И президент Кеннеди тогда сказал, что Россия победила Америку в космосе за школьной партией. Тогда мы занимали лидирующее место в мире по образованию. На образование в то время тратилось 11% национального дохода, в США — 4%. С того момента мы пятимся назад по рейтингам. Пока спустились до 29-го и 35-го места, а в процентах к валовому внутреннему продукту образование в России занимает, по разным рейтингам, от 100-го до 120-го места в мире, немногим более 4%, из них государственные расходы — примерно 3,7%.

Еще одна характеристика образования — его эффективность. К каким результатам его уровень и качество приводят, умеют ли люди, получившие образование, с толком его использовать, добиваться высокой производительности, эффективности, результатов? И здесь мы совсем плохо выглядим. Несмотря на наши высокие знания, мы по производительности труда вдвое с лишним отстаем от Италии, Франции, да и по другим показателям эффективности тоже очень сильно отстаем.

Поэтому у нас первая задача — вернуть одно из лидирующих мест, ну хотя бы в первой десятке, по уровню и качеству образования. Для этого нужно, чтобы это образование давалось более квалифицированными людьми. У нас очень низкий уровень учителей в школе. Они получают маленькую зарплату. В 2023-м — 45 787 рублей — при средней зарплате в первом квартале 2023 года в России 59 340 рублей. Мы — одна из немногих стран в мире, где учитель получает ниже среднего. И учителя не все имеют настоящее высшее образование, учителем можно стать и с трехлетней выучкой, и с четырехлетней. Плохо поставлено дело в повышении квалификации учителей, они перегружены. Многие из них для того, чтобы заработать, трудятся на полторы ставки. Причем вы понимаете, что средний показатель — это не медиана. 75% (я называю цифры официальной статистики) имеют зарплаты до уровня средних учителей, то есть медиана там меньше и нам нужно резко поднять зарплаты преподавателям: и не только в школе, но и в средних профессиональных учебных заведениях, и в вузах.

При этом для вузов крайне важно интегрировать высшие учебные заведения с наукой, что не сделано. Многие научные работники преподают в вузах, но это не интеграция. Интеграция — это когда вузы и научно-исследовательские институты работают совместно именно как учреждения, в тесной связи, где обучающиеся проходят стажировку, работают частично, обучаясь и в исследовательских инсти-

туда, и на их оборудовании, которое, конечно, на порядок выше и лучше, чем в высших учебных заведениях.

Но самая главная проблема — крайне низкая эффективность образования. Где у нас самые высокие зарплаты из всех отраслей? Без районных коэффициентов и северных льгот самая высокая заработная плата в России в финансовой сфере. В специализированных финансовых организациях работает миллион сто тысяч человек. Их средняя зарплата — 132 000 в месяц, выше — только в нефтяной промышленности, но это из-за районных коэффициентов и северных льгот.

При этом худшее, что есть в нашей экономике, — это финансовый сектор: и монетизация самая низкая, и доля банковских активов втрое ниже, чем даже в Китае, и доля инвестиций в валовом продукте — 17%, и финансирование жилья из общих инвестиций — 14%. В развитых странах — от 25 до 30% инвестиций, в Китае 18% из 43-процентной нормы инвестиций идет на жилье. И Китай по средней жилищной обеспеченности превзошел нас. Я не говорю уже о финансировании инноваций, оно в десятки раз ниже, чем за рубежом. Объем внебанковских фондов длинных денег — 20% к ВВП, в Европе — 120%, в Америке — 200%. Просто несопоставимые данные нашей финансовой системы и зарубежной, а зарплата огромная.

И сколько людей у нас работает в Центральном банке? В 2 раза больше, чем в Федеральной резервной системе, где денег вдесятеро больше. В 3 с лишним раза больше, чем в Банке Англии, а Англия — мировой финансовый центр, несопоставимые деньги там крутятся и на биржах, биржа — в 10 раз больше нашей по капитализации. Поэтому наше экономическое образование не дает, увы, результатов.

Математика у нас — лучшая в мире, несопоставима с Индией, например, однако Индия на 190 млрд долларов обеспечивает США, Японию и Европу математическими программами. Главный центр мира по информационным технологиям, где больше всего инновационных фирм-единорогов, — это Бангалор в Индии, где 8 млн человек занимается, в основном, информационным бизнесом. А где мы? Наш экспорт — 10 млрд. Вся сумма нашей информационной деятельности — 20 млрд, а если взять передачу данных, телефоны и так далее — 30 млрд. Просто совершенно несопоставимые цифры.

Дело в том, что знание — это одно, а умение — это другое. Каких знаний вы шоферу ни дадите, без стажировки он машину не поведет, хотя будет отвечать на все ваши вопросы на отлично. И на тренажере вы можете сколько угодно его тренировать, но он не сможет нормально вести машину, пока часов 40 не посидит. А если взять самолет?

А люди думают, что управлять цехом, быть мастером или руководить участком легче, чем управлять машиной? Достаточно просто лекции прочесть, семинары провести, экзамены принять, и он — готовый специалист. Да никакой он не специалист! Его не учили умению применить эти знания. Вот этого обучения у нас нет. У нас нет стажировки, а на Западе вам не выдадут диплом без нее. Если вы хотите преподавать в школе иностранный язык, достаточно бакалавриата, если хотите в старших классах преподавать, нужно окончить магистратуру, но диплом вам не выдадут — вы должны сначала пройти 305 часов занятий в какой-нибудь передовой школе под руководством ее лучших педагогов, и только после того как вы пройдете такую аттестацию, вы получите диплом.

По многим специальностям США диплом не выдают, пока вы не проработаете несколько лет в должностях, которые обеспечат вас опытом. Недостаточно высшего образования, чтобы преподавать, например, в государственной школе иностранный язык. В Америке есть специальные степени. Например, CPA (certified public accountant). Нельзя быть финансовым директором или главным бухгалтером в крупной фирме без CPA. Это 2 года учебы, 4 экзамена по 4 с половиной часа каждый. Проходит его 15% из 100% претендентов. Можно понять, что это за экзамены. Их финансовые директора по знаниям несопоставимы с нашими совершенно, и главные бухгалтеры тоже. Нам нужно подумать над тем, как перенять эту западную систему, как включить в образование умения.

Что касается финансирования, то нам нужно поставить какие-то задачи: хотя бы 6% на образование к 2026 году и 8% от валового продукта на образование к 2030 году.

Макаров: Абел Гезевич правильно сказал, что не хватает практики. А практикой занимаются отнюдь не профессора. На самом деле, это очень важный вопрос — вопрос практики. Есть такое понятие тьютор, по-русски это наставник. Наставники должны быть одними из ведущих в практическом образовании, платить им надо больше. И вообще понятие наставника должно существовать, потому что, когда ты студент, надо к кому-то обращаться как можно чаще. Если у тебя хороший наставник, то тогда легче и умение получить.

Мне кажется, важно также совершенствовать критерии оценки. У нас сложилось: если ты двоечник, значит, плохой, пятерочник — хороший. А потом жизнь показывает, что вчерашние пятерочники — непонятно кто, а двоечники стали великими людьми. Значит, есть какие-то другие способы. Нам необходимо пересмотреть основы образова-

ния, и особенно в нашей сфере, в сфере экономики, социологии, политологии и прочее.

Последнее, что я хотел сказать: мы сейчас живем в цифровом мире, в цифровой экономике, и я везде, где только можно, говорю, что наши учебники должны быть обязательно цифровыми. Молодежь на цифровой учебник смотрит более заинтересованно. А он чем хорош? Там можно выбирать то, что тебе нравится, задавать вопрос и получать ответ. То есть речь идет не просто о цифровизации обычного учебника, а о создании учебника другого качества. Сейчас в Финансовом университете мы пытаемся учебник Public Economics сделать именно цифровым, чтобы студентам объяснять, что такое общественные блага, где они берутся и так далее. Так что хочешь не хочешь, а практика является важнейшим вопросом, обучение цифровой грамотности должно стать частью образования. Образование, особенно в общественных науках, должно существенно измениться, и у нас есть все основания, чтобы это сделать.

Смолин: Не совсем точно, что у нас нет конкретных предложений по развитию системы нашего образования.

Мне довелось быть автором двух фундаментальных, осмелюсь сказать, законопроектов. Один назывался «О народном образовании», второй — «Об образовании для всех». Мы предлагали там в течение 5 лет поэтапно (подчеркиваю) поднять расходы на образование с 3,5 или 3,7% до 7% ВВП, причем речь идет о государственных расходах. Мы предлагали исполнить наконец Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года в части оплаты труда педагогических работников. Парадокс не только в том, что учителя получают очень мало, — они получают очень мало, работая за себя и за того парня. Средняя нагрузка учителя в России — 1,7 ставки, по официальным данным. В моем родном городе Омске — 2,01 ставки. Недавно я был в школе. За 2 ставки учитель получает 35 тысяч, то есть за одну получал бы 17 или 18.

Мы одновременно предлагали перевести единый государственный экзамен в добровольный режим и снова это предлагаем, поскольку мы полагаем, что нет прямой связи между качеством сдачи ЕГЭ, так как это во многом работа репетиторов, и последующими академическими и практическими успехами выпускников.

А теперь, если можно, про экономическое образование, хотя здесь я выступаю не как экономист, а как гуманитарий. Что я хочу по этому поводу сказать?

В начале 90-х годов мы пережили, конечно, не радикальные реформы, а очередную революцию. Законы революции как исторической ситуации крайне жесткие. В соот-

ветствии с законом тотального отрицания произошел полный отказ от господствовавшей экономической теории парадигмы так называемого советского марксизма, причем парадоксальным образом марксизм подвергся критике в качестве экономического материализма, но был заменен самым примитивным вариантом экономического материализма, я имею в виду монетаризм. Причем, на мой взгляд, монетаризм стоит ниже, чем концепция Адама Смита. Помните пушкинского Онегина? «И был глубокий эконо́м, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет и почему, не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Вот монетаристы этого уже не знают. Монетаризм привел к стагнации с 2013 года в нашей истории и к другим вещам, а в преподавании — к воспроизводству кадров, которые вновь воспроизводили ту же самую парадигму.

В соответствии с той же логикой тотального отрицания произошел разрыв в традиции преподавания политической экономии не только советского, но и досоветского периода. Курсы политической экономии были ликвидированы, заменены курсами экономической теории на основе исключительно современных западных, преимущественно американских концепциях. Между тем, хочу напомнить, что сейчас курсы политической экономии сохраняются не только в Китае, но также и во многих ведущих университетах Запада, например в Кембридже.

На наш взгляд, экономическое образование не может быть нацелено только на формирование национального агента рынка, квалифицированного потребителя или инвестора. Оно должно, на наш взгляд, обеспечивать возможность человеку понимать, в каком обществе он живет, что является прогрессом и регрессом, почему, в каком направлении изменяется эта общественная система, какие социально-экономические силы и с какими интересами выступают в том числе в экономической жизни общества.

Всем известно, что Вольное экономическое общество России и ИНИР имени С.Ю. Витте много лет выступают с концепцией новой индустриализации. Надеюсь, большинству известно, что эта концепция поддерживается Союзом промышленников и предпринимателей и, я бы сказал, лидерами большинства фракций в Государственной Думе. Если мы исходим из концепции новой индустриализации, то нам необходимы изменения не только в экономическом управлении, но и в преподавании экономической теории.

В новых условиях изменение моделей преподавания экономической теории необходимо и возможно. Для этого следовало бы, на наш взгляд, изменить содержание курсов

по экономической теории, в частности дополнить программы микро- и макроэкономики базовыми курсами, которые отражают другие направления, в том числе такие, как классическая политическая экономия, институционализм, экономика развития и другие. Включить в программу по экономическим специальностям курсы типа «Российская экономическая система», поскольку все-таки наша экономическая система — во многом особенная. Далее разработать базовые учебные программы и курсы в соответствии с этими изменениями. И наконец, организовать соответствующую систему повышения квалификации.

Я позволю себе предложения в проект решения ВЭО России. Этих предложений три. Рекомендовать Комитету Государственной Думы по науке и высшему образованию и Комитету Государственной Думы по экономической политике провести парламентские слушания или круглый стол по данной проблематике, по концепции экономического образования. Далее, Министерству науки и высшего образования рекомендовать организовать широкое совещание, включая представителей Российского союза промышленников и предпринимателей, ВЭО России, профильных парламентских комитетов, Российского союза ректоров. И наконец, в средствах массовой информации провести публичную дискуссию по вопросам содержания экономического образования в профессиональных учебных заведениях.

Широв: Наверное, главная проблема экономического образования состоит в том, что экономика — общественная наука. Так как она общественная, то ее роль и место в семье наук не до конца определено. И поэтому в нашем деле не существует точных доказательств правоты той или иной точки зрения. Только опыт. И когда мы учим людей, то прежде всего они должны понимать, что здесь нет догм и что борьба научных школ и борьба направлений в экономической политике — это вещь, которая всегда сопровождает и экономическую науку, и экономическую политику. Я всегда говорю, экономика — это наука, а экономическая политика — искусство. И тому, и другому можно научиться.

Вторая проблема, с которой мы именно сейчас сталкиваемся, — это не геополитический вызов, который стоит перед нашей страной, а то, что у нас происходит активная смена поколений. Сейчас экономику в университетах преподают три поколения специалистов: первое — те, кто получил высшее образование еще в советский период; второе — те, кто учился в советской школе, но высшее образование получал уже в новой России (ко второму я себя отно-

шу); и третье — собственно те, кто и учился, и высшее образование получал в российский период. У них разный жизненный опыт и разное отношение к тому предмету, которым они занимаются. И свести вместе опыт, квалификацию этих людей — это, наверное, ключевая задача перспективного экономического образования.

И здесь, конечно, возникает вопрос, в каком направлении нам двигаться. У меня нет готовых ответов, но есть ключевые точки. Прежде всего, как показывает опыт анализа образовательных программ и уровня студентов Физтеха, Московского государственного университета, академии Плеханова, то есть ключевых институтов, которые поставляют нам сотрудников, мы имеем две ключевые проблемы.

Первое. Когда мы, например, хотим из студента Физтеха третьего курса сделать экономиста, то понимаем, что он вообще не знаком с основами экономики, никак, нигде с ними не сталкивался, кроме курса обществознания в восьмом, девятом классе. Из первых, вторых курсов неэкономических вузов экономика постепенно вымывается, и это значит, что уровень осведомленности о том, чем занимается экономика вообще и какие есть направления, равен практически нулю. Это значит, что профессиональная ориентация школьников старших классов и студентов первых, вторых курсов — околонулевая. Это, наверно, задача органов управления среднего образования, потому что без этого трудно разговаривать с человеком, которому 20 лет, но который вообще не понимает ничего в экономике. Но если такие студенты не пойдут в вузе по направлению «Экономика», то как они будут руководить предприятием? У нас в этом уже проблема.

Второе. В экономических вузах 4 года бакалавриата не позволяют дать людям хоть какой-нибудь приличный уровень экономического кругозора. Почему? Потому что мы забиваем время якобы экономическими дисциплинами, которые на самом деле таковыми не являются. И главная претензия у меня здесь все-таки к преподаванию математической экономики, экономико-математических методов, потому что мы учим людей якобы эконометрике или матметодам в экономике, которые не основываются на понимании того, как это можно применить для экономического анализа. На самом деле матметод нам нужен прежде всего для того, чтобы лучше понимать экономику. Это инструмент. Математика в нашем деле — это инструмент. Это не главное. Мы должны заниматься исследованием и моделированием, и любой нормальный экономист должен уметь это делать, потому что без этого вы не экономист. Но если вы не понимаете, зачем вы это делаете

и какой экономический смысл вы вкладываете, то все это никому не нужна трата времени. В результате мы имеем огромное количество статей и каких-то работ, в которых есть много формул, но попытаться при помощи всего этого обосновать хоть какие-то решения в области экономической политики бесполезно, а студенты четвертых, пятых курсов, даже магистратуры наших крупнейших вузов не понимают, как знаки влияют на итоговые параметры уравнений, и смотрят совсем на другие показатели.

И наконец, у нас отсутствует предмет «Национальная экономика» в том виде, в котором он должен оценивать особенности нашей страны, в том числе институциональных, отраслевых процессов. Функциональную экономику мы не преподаем, поэтому люди на четвертом курсе плохо себе представляют, что такое современная российская экономика. Это беда.

И последнее. Мы говорим про междисциплинарные исследования, про междисциплинарную подготовку специалистов. На самом деле да, конечно, междисциплинарные исследования — это будущее. Мы все про это говорим. Но мы не смотрим, что сейчас очень важно для тех же самых финансовых организаций. Финансовые организации начинают смотреть не на заемщика, а на проекты, а если они смотрят в большей степени на проекты, то им требуются специалисты, которые понимают в этих проектах, которые знают, что такое стройка, что такое предприятие и так далее. И я могу сказать, что в советское время у нас были вузы типа Московского государственного университета, где на экономическом факультете готовили специалистов широкого профиля, макроэкономистов, политэкономов, специалистов в области экономической кибернетики. А, например, в Институте управления выпускали инженеров-экономистов, у которых был большой объем специальностей, связанных с инженерным делом, которые как раз и могли сказать где-нибудь в Промстройбанке, что это за проект и как он устроен. Это направление нам точно нужно восстанавливать, потому что в этом заинтересованы и предприятия, и финансовая система.

Каменева: Мы с коллегами участвуем в реформе образования, которая длится уже очень давно. Я представлю конкретные проблемы, которые мы видим, и конкретные пути их решения. Мы составили список профессий завтрашнего дня. Что интересно, профессии будущего в экономической сфере указывают: критически важным будет умение работать в условиях непредсказуемости и неопределенности. И что еще очень важно — глубокое знание отраслевой специфики.

Коллеги, у нас высшее образование сейчас формально не профессиональное, но на самом деле оно как было профессиональным, так и осталось. Чтобы исключить эту коллизию, мы предлагаем вернуть это слово и внести соответствующие изменения в часть 5-ю статьи 10-й 273-го Федерального закона. В высшем образовании мы осваиваем большой блок профессиональных компетенций, у нас классификация направлений подготовки на основе их принадлежности к профессиональной деятельности, и программы у нас тоже разделяются на виды профессиональной деятельности, и вся практическая подготовка также связана с будущей профессиональной деятельностью.

На сегодняшний день мы очень ярко видим такую проблему: к нам поступают абитуриенты с весьма слабой подготовкой по истории, по математике, пишут вообще никак. Но зато в школах у нас сегодня углубленное изучение экономики, информатики и еще каких-то предметов, которые на самом деле концептуально к среднему общему образованию отношения не должны иметь. Возникает проблема: нам не хватает времени на изучение профильной части, когда мы должны додавать студентам и историю, и иностранный язык, и остальные общегуманитарные компетенции, которые они должны были, в принципе, в школе получить.

А что произошло за этот год? Иногда мне казалось, что Минобрнауки забыло, что у нас учебный план не резиновый. Мы за год получили 20 рекомендаций включить в учебные планы по 20 дисциплин и модулей по стратегическому управлению, по искусственному интеллекту, причем это должно быть везде. Мы, конечно же, с этим справились, но включить все невозможно, у нас не останется места для освоения профильных дисциплин. Есть обязательство, как вы знаете, в 2 раза увеличить контактную работу по истории России, и она увеличилась в учебном плане. Мы исторический курс фактически начинаем с нуля. Что они в школе-то делали? «Основы российской государственности» — безусловно, важный предмет, мы его включили во все учебные планы, но ведь это же школьная подготовка, старшие классы школы. И вот этот разрыв связи, этой цепи «школа — вуз» у нас на сегодняшний день есть, получается, что у нас разные цели подготовки.

Если мы посмотрим на государственные образовательные стандарты четвертого поколения, работу над которыми сейчас активно ведет Минобрнауки, там как не было профильного ядра, так и нет. Во ФГОСах — универсальные компетенции, теперь появятся базовые. А где ядро? Если к нам захочет перевестись студент РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Плехановского университета с четвертого курса, он попа-

дет в лучшем случае на второй курс, потому что разница в дисциплинах будет огромная. Это не потому, что чьи-то учебные планы лучше, а чьи-то хуже, — нет. Это потому что, когда мы выпускаем финансиста в Москве и финансиста в регионе — это две разные истории. Даже когда мы в Москве выпускаем финансиста из Финансового университета и Высшей школы экономики — это тоже две разные истории. О каком едином пространстве мы говорим?

Следующее: у нас перечень направлений подготовки специальностей прошел оптимизацию, но я бы сказала честно, что формальную. С 1 сентября 2024 года вступит в силу новый перечень. На наш взгляд, произошло формальное укрупнение. Представьте себе: федеральный образовательный стандарт называется «Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия». Это 4 абсолютно разные профессиональные сферы деятельности, которые нужно описывать очень скрупулезно, чтобы было единое образовательное пространство. А у нас это будет один ФГОС. Зачем? Это тоже непонятно.

И последняя проблема: кого и сколько нам нужно? Мы провели небольшое исследование. Коллеги, у нас нет единой системы мониторинга рынка труда. Как вуз понимает, кому и сколько ему готовить? Такое ощущение, что как вчера выдавали, так и сегодня, с учетом каких-то небольших изменений. И мы для себя тоже проводим исследование на разных сайтах работодателей, общаемся с ними, у нас создается атлас профессий, но это один вуз, это мы делаем для себя. А на наш взгляд, Минтруд должен озаботиться тем, чтобы сделать серьезный мониторинг федерального уровня потребности рынка труда в кадрах и доводить эту информацию до вузов и колледжей, чтобы мы могли своевременно сформировать портфель программ и тоже готовить тех, кого нужно.

Силин: Мы в регионах в своих профильных экономических вузах обеспокоены и ищем способы решения накопившихся проблем. Без взаимного понимания и выработки профессиональных, продуманных способов, методов, путей решения не обойтись.

В 2000-е годы непрерывно сокращались бюджетные места для подготовки экономистов. Во многом вся подготовка экономистов стала коммерческой. У нас в университете 85% — это коммерческая подготовка. К великому сожалению, эта тенденция увеличивается по стране. Состояние нынешней экономики показало, что кого и как готовим, то и имеем. Практически везде звучит критика в адрес уровня развития экономики. Мы же это сделали сами. Это была ошибка, когда бюджетные места вымывались.

В нашем профильном университете на экономику в бакалавриате в ушедшем году было 30 мест, а с сентября их 10. И это в самом мощном оборонно-промышленном регионе. Направления, связанные с подготовкой (я в глубинном, в хорошем смысле говорю) теоретиков исследований в экономической науке, понесли колоссальный ущерб.

Государство перестало обращать должное внимание и финансировать подготовку академических кадров, что привело к катастрофическому дефициту преподавателей экономической теории и экономического анализа. Таких фанатиков, которые вместо коммерции и так далее, пойдут в теорию, нет. Только государственная политика и соответствующие системные решения могут дать результат. Преодолеть сложившуюся ситуацию может, во-первых, формирование новой программы образования в экономической теме, а во-вторых — целенаправленная подготовка преподавателей современной экономической теории. Даже небольшая часть наших известных ученых, кто присутствует здесь, годами говорит об этом, обосновывая позицию, — их труды достаточно и необходимо включить в программы обучения.

Необходимо трансформировать предмет экономической теории, расширить его с рынка и фирмы до вопросов социальной справедливости, экологической безопасности, но только в глубинном смысле. Это будет способствовать развитию нравственных ориентиров тех, кого мы готовим, нынешних молодых студентов. Когда мы выпустили на базе макро- и микроэкономики преподавателей, им было 25–30 лет. Мы это внедрили. Так им сейчас 55–60, они меняться не хотят. Мы стали назначать заведующими кафедрами докторов наук в 35–36 лет. Они хорошо ориентируются в процессах, происходящих в стране, и они не хотят ни провалов, ни развалов. Фундамент такого образования наряду с положениями неоклассической, микро- и макроэкономики должен включать историю и теорию экономических систем, институциональной, поведенческой экономики, политэкономию — обязательно, теорию общественного сектора, эволюционную экономическую теорию, теорию экономического роста, макроэкономики, других направлений. Еще раз хочу подчеркнуть: кроме всего перечисленного, в программе должны быть достижения нашей отечественной экономической науки.

У нас практически нет выпускающих кафедр для подготовки специалистов в области экономической теории. Они и не появятся, если государство не будет финансировать и поддерживать вузы в этом направлении. Генеральной линией через всю программу подготовки должно проходить преподавание экономической теории не только

на первом курсе, но и на втором и третьем. У нас в университете лишь на первом курсе дисциплина «Микроэкономика» читается в первом семестре, 28 часов — лекции и 26 часов — практика. «Макроэкономика» — на первом курсе во втором семестре: 18 и 36 часов.

Основано 9 диссертационных ваковских советов по экономической теории. Только 8 защит. Может быть, я и ошибаюсь, я не великий специалист в экономтеории, но мы с нашими профессорами посмотрели: к собственно чистой экономической теории относятся две работы за полгода в стране. Наверно, это маловато. Есть о чем думать.

Голов: Московский авиационный институт вошел в перечень шести пилотных вузов, в которых в настоящее время происходит эксперимент в сфере трансформации системы высшего образования. Одним из ключевых направлений деятельности МАИ является выпуск профессиональных кадров именно инженерно-экономического профиля. Здесь неоднократно звучало о том, что действительно существует большая разница в области подготовки экономистов, скажем так, общего профиля и тех экономистов, которые работают по отраслям. В рамках данной подготовки помимо непосредственно экономических знаний учащиеся осваивают уникальные инженерные компетенции, которые позволяют им эффективно ориентироваться в инженерно-технической специфике подобных производств. Тем самым, получая образование в данном случае в Московском авиационном институте, они уже в ближайшие годы становятся лидерами изменений, внося значимый вклад в развитие российской авиационной промышленности в общем и смежных высокотехнологичных отраслей и в частности.

Кроме того, особое внимание в подготовке профессионалов инженерно-экономического профиля мы уделяем компетенциям, связанным с кластерным менеджментом, то есть вот это взаимодействие науки, образования и бизнеса, о котором сегодня неоднократно говорилось. Мы считаем, что действующие в России кластеры на сегодняшний день в полной мере доказали свою эффективность в качестве одного из механизмов кооперации науки и промышленности, и в рамках реализации программ аспирантуры мы вот эту кластерную школу достаточно активно развиваем.

Аузан: Во-первых, как председатель Федерального учебно-методического объединения по экономике и управлению, я не буду говорить о содержании предметов. Я лучше об этом потом скажу как декан. Но я расскажу о позиции ФУМО (Федеральное учебно-методическое объединение) по поводу того, в каких организационных формах было

бы правильно продолжать нашу с вами деятельность по экономическому, управленческому и финансовому образованию. Конечно, я имею в виду реакцию совета Федерального учебно-методического объединения на запрос руководства министерства науки и высшего образования в связи с предлагаемой реформой уровней образования, с начавшимся экспериментом, который должен пройти до 2026 года, где участвуют шесть вузов. Нас спросили: а как для нашей сферы экономики, управления и образования мы представляем эту структуру, уровни и так далее?

Общая позиция, которую заняли в результате обсуждения, состоит в том, что возможны три варианта сочетания ступеней образования. Может быть специалитет, как это было в советское время. Может быть 4 + 2 — отдельно магистратура, отдельно бакалавриат. Может быть интегрированная магистратура, что практикуется на многих факультетах Московского государственного университета, где происходит практически бесшовный переход, но все-таки это два диплома — бакалаврский и магистерский.

При этом для разных специальностей продолжительность образования, видимо, должна быть разной. Я приведу два примера. Скажем, коллеги по государственному и муниципальному управлению полагают, что им нужно уходить на пятилетний специалитет, а вот по экономике взгляд, который я разделяю, состоит в том, что 4 + 2 — это правильная структура, потому что немало биологов, физиков, математиков, историков и так далее идут в экономическую магистратуру, чтобы отточить эту сторону образования, особенно если они начинают заниматься какими-то экономическими, предпринимательскими проектами. Они приходят на экономику, финансы, менеджмент.

Единая точка этой позиции состоит в том, что дипломы обязательно должны быть узнаваемы. О чем идет речь? Условные обозначения «базовая ступень», «специальная ступень», «профессиональная ступень» не будут понятны в других странах мира. Не надо забывать, что наша с вами страна — крупный экспортер образовательных услуг. Это не такие деньги, как экспорт алмазов или зерна, но это гораздо больше влияния. И отказываться от этого влияния было бы неразумно. У нас на факультете каждый шестой студент — иностранец, из 24 стран мира студенты. Зачем же нам пилить сук, на котором мы сидим, когда мы имеем образовательное влияние через принятие, понимание наших дипломов, притягательность бакалаврского и магистерского диплома или диплома специалитета, который понимают хорошо в других странах. Вот сохранить эту транспарентность, понимаемость для мирового рынка

образовательных услуг и в итоге сохранить и усилить нашу образовательную экспортную позицию нам бы хотелось всем, и это общая позиция ФУМО, которую мы сообщили в министерстве.

Теперь скажу как декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Я взялся бы сформулировать эту нашу позицию в трех пунктах.

Во-первых, мы считаем важным сделать социальный поворот в экономическом образовании. Я сошлюсь на публичную беседу с хорошо известным вам человеком, ректором МГИМО Анатолием Васильевичем Торкуновым. Когда я излагал эти идеи, Анатолий Васильевич нашел очень хорошую формулировку. Он сказал: «Александр Александрович, вы что, хотите сделать экономистов социально озадаченными и социально озабоченными?» Я ответил: «Очень точно, дорогой академик. Вот этого мы хотим».

Что для этого мы предполагаем предпринять? Мы предполагаем, причем опираясь именно на кафедру политической экономии, которая с 1804 года у нас существует, меняя, разумеется, формат и направления деятельности, сделать новый курс. Пока мы его называем «Общественные проблемы и экономическая политика». Мы берем семь признанных великих вызовов: бедность, рост неравенства, климатические изменения и так далее. И берем — вот это важно! — матрицу разных альтернативных ответов, которые дают разные экономические теории, не только мейнстрим, но и посткейнсианство, неомарксизм, неоавстрийская, традиционные институциональные, новые институциональные теории и так далее. Где есть ответы разных альтернативных экономических теорий на эти большие вызовы, мы включаем их в программу, в матрицу, рассказываем студентам, для того чтобы они, с одной стороны, понимали, что в этом мире экономикой занимаются для людей, а с другой — осознавали, что ответы бывают разными, — и им выбирать, какой из них правильный, на каком повороте и в каких исторических условиях какой инструментарий применять.

Тезис номер два. Означает ли это, что мы ослабляем преподавание математики, всего спектра количественных методов? Нет, не означает. Мы провели серьезный анализ того, что происходит в мировой науке, а отдельно — в ведущих университетах. За последнее десятилетие произошел эмпирический переворот в мировой науке. Колоссальный рост эмпирических работ, которые количественными методами и инструментами исследуют экономические и не только экономические вопросы. Но мы, разумеется, хотим придать этому некоторые фундаментальные основания. В частности, мы предполагаем развивать школы и в макро-

и в микроанализе, и в поведенческой экономике. А еще думаем усилить преподавание количественных эмпирических методов, имея в виду не только саму математику, но и социологию, способность работать с разными количественными полями.

Третье и последнее. То положение, в котором мы как страна оказались сейчас, чрезвычайно поднимает значение специфических российских условий и факторов, потому что чем меньше доступ к технологиям, к другим источникам развития, к коммуникациям — тем больше надо постараться извлечь из российской специфики. Мы резко усиливаем преподавание российской специфики материалов и включаем во всю цепочку: от статистики и математических методов, начиная с третьего курса, до итогового курса «Экономика России», который у нас читается со свежими научными результатами, при этом в двух вариантах, и мы полагаем, что это очень правильно. Социальный поворот, усиление возможностей эмпирического анализа на фундаментальных основаниях и повышение значения российского материала, исследования российской специфики. И хочу сказать, что мы и образ экономиста будущего видим несколько по-другому, исходя из того, что мы пытаемся сделать.

Колганов: Я сосредоточусь на вопросе преподавания экономической теории. Главная наша задача — это ответить на вызовы времени сейчас. Экономическая теория лежит в основе преподавания всех остальных курсов. Без понимания основ экономической теории невозможно обеспечить правильное направление в преподавании всего остального — и статистики, и мировой экономики, и менеджмента и так далее.

К сожалению, ситуация сейчас сложилась так, что преподавание экономической теории в начале девяностых годов было резко трансформировано под ту экономическую модель, которая формировалась радикальными экономическими реформами (под либеральную модель), и преподавание экономической теории было призвано заложить, так сказать, основы кадрового и идеологического воспроизводства именно этой модели. Но эта модель не просто исчерпала себя, как иногда говорят, а, смею заверить, она с самого начала была тупиковой, и поэтому придется столь же радикально пересмотреть основы преподавания экономической теории, с тем чтобы от этой модели уйти.

Преподавание экономической теории даже в наших недружественных странах, как их теперь называют, не ограничивается микро- и макроэкономикой. Там преподают очень широкий спектр теоретических дисциплин.

В том числе, если вы посмотрите на американские университеты, там даже марксизм преподается — и хорошо. Микро- и макроэкономика — это почтенные теоретические дисциплины, это действенные инструменты экономического анализа. Но если мы будем ограничиваться только ими, то получим однобокий, а поэтому неверный взгляд на экономическую ситуацию.

Нам нужен не только рациональный агент рынка — потребитель, инвестор и так далее, но и другой человек. Человек активный, сознательный и разбирающийся в том, что происходит в обществе, что такое регресс, прогресс, что такое хорошо, что такое плохо, какие у нас существуют социальные противоречия. Опыт преподавания политической экономии, например, наряду с другими дисциплинами у нас, хотя и с большими трудами, но все-таки сохранился. Имеются учебные пособия на эту тему. Так что восстановить это можно, опыт не утрачен. И надо знакомить с различными альтернативными направлениями в экономической теории еще и потому, что та социальная проблематика, о которой говорил Александр Александрович Аузан, не может преподаваться как некий довесок к мейнстриму. Необходимо преподавание тех направлений экономической теории, которые объясняют природу этих социальных проблем и возможные пути их преодоления. Студент, получающий экономическое образование, должен понимать, какие социальные противоречия существуют в обществе, чем они вызваны, глубинные, фундаментальные основы этих противоречий. А микро- и макроэкономика ничего вам о социальных противоречиях в обществе не скажут. Таким образом, мы смотрим на действительность в лучшем случае одним глазом, а надо смотреть обоими.

Новикова: Мы — стратеги, для нас фактор времени — самое главное. Первое, что мы поняли, что, для того чтобы к нам подходили морально-психологически, нравственно готовые специалисты, у них должно быть стратегическое мышление. Начинать мы должны в школе. Поэтому мы создали международный проект «Школа юных стратегов Владимира Львовича Квинта». Он действует уже с 2016 года и эффективно функционирует. В Санкт-Петербурге он был открыт по инициативе директора 622-й гимназии, который увидел потребность развивать у всех школьников старших классов стратегическое мышление.

Стратег — это всегда оптимист, поэтому мы формируем оптимистическое мышление у подрастающего поколения. И самое главное требование, которое реализуется в этом проекте, — дети с помощью своих наставников (про это тоже сегодня говорилось) разрабатывают реальные проекты

и воплощают их в жизнь. Уже работает проект в Кузбассе — здесь и Президентское кадетское училище, и женские гимназии, а также интернаты, техникумы, колледжи. Результаты действия этого проекта — успешное участие в конкурсах, конференциях и так далее. В Москве есть только одна школа, к сожалению, еще одна — в Узбекистане.

Следующее наше направление — образование на протяжении всей жизни, поэтому у нас реализуется программа магистратуры. Что же делать с бакалавриатом? В бакалавриате мы читаем отдельные дисциплины. Также некоторые вузы реализуют такое направление, как «Научное общество в области стратегии». В Московском государственном университете 15 лет назад была открыта первая кафедра — «Финансовая стратегия». А сейчас она называется «Экономическая и финансовая стратегия». Затем в Кемеровском государственном университете появилась кафедра стратегии регионального отраслевого развития. И МИСИС открыл кафедру индустриальной стратегии, где будет готовить уже индустриальных стратегов.

Для того чтобы наши школьники и студенты могли начинать первые шаги в науке, мы организуем и проводим с 2017 года международные конференции по стратегии «Теория и практика стратегирования». Сейчас это несколько площадок на несколько регионов: «Университариумы стратега». Также с 2017 года мы проводим международный конкурс «Инновационные стратегии развития», и, несмотря на все санкции и все ограничения, в конкурсе в прошлом году участвовало 49 стран. Это и школьники, и молодые ученые, а также бакалавры, студенты, магистры, аспиранты.

Для того чтобы после магистратуры мы могли самые лучшие практики закрепить в науке, у нас действует уникальный диссертационный совет на базе Московской школы экономики и Высшей школы государственного администрирования МГУ. Здесь защищаются кандидатские и докторские диссертации исключительно по тематике стратегирования. По направлению стратегирования за 5 лет мы защитили 18 диссертаций: 14 кандидатских и 4 докторских. До конца года мы планируем защиты еще четырех кандидатских диссертаций.

Конечно, мы не только должны преподавать, учить. Мы должны показывать нашим молодым людям, как это реализовать на практике. Поэтому по инициативе ректора был создан Центр стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ имени М.В. Ломоносова, где мы разрабатываем стратегии. Чтобы все то, что мы делаем, мы могли показывать большому

числу интересующихся лиц, конечно, у нас очень активная издательская деятельность. Более 250 университетов мира используют при обучении стратегов учебники кафедры, которые написаны нашими преподавателями. Они изданы в 14 странах.

Минашкин: Высшее учебное заведение — это не только образование, но и наука, причем наука как фундаментальная, так и прикладная, а также наука как элемент подготовки будущих специалистов.

Во-первых, должна быть действительно выстроена система поддержки студентов в жизни современных российских вузов, потому что к науке часто мы относимся как бы по остаточному принципу. Должна быть целая система, которая вовлекает специалистов в этот процесс. И я еще побоясь этого сказать: здесь должна быть именно модель поддержки и закрепления кадров в вузе. Потому что все, кто работают в высших учебных заведениях, знают, как трудно оставить молодых преподавателей, молодых исследователей. И поэтому если раньше это были действительно лучшие, вуз имел возможность оставить лучшего студента себе, то сейчас, дай бог, если это будет человек, который учится на четыре с небольшим плюсом. И здесь финансирование играет не последнюю роль.

Я поделюсь тем, что в Плехановском университете мы пытаемся делать в этом направлении. У нас есть такой элемент, как система внутренних грантов, то есть мы выделяем определенные средства, до 100 млн рублей ежегодно, на исследования наших студентов. У нас есть четкие критерии предоставления этих грантов, и один из них — это обязательное участие энного количества студентов в этих работах не на общественных началах, а именно на условиях договора. Это очень здорово, когда ребята участвуют в конкретных проектах. Это проекты по заказу Росстата, Государственной Думы, министерства экономического развития и так далее. Ребята выполняют НИР, участвуют в отчетах, получают замечания и исправляют эти замечания — это реальная часть образовательного процесса.

Мы организуем отдельный конкурс на выполнение НИР молодежными коллективами по направлениям научной деятельности университета в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Где-то до 500 тысяч рублей мы выделяем на такие проекты для студенческих групп, которые выполняются от полугода до десяти месяцев. Мы реализуем отдельный конкурс, который у нас называется «Шаг в науку», для студентов и аспирантов. Каждый из проектов (это индивидуальные

работы) получает, если он принят и утвержден, по 60 тысяч рублей — и это некоторые элементы финансовой поддержки и привлечения специалистов, закрепления их на местах в университете.

Отдельно скажу про стипендиальную поддержку. Назначая повышенные государственные стипендии в Плехановском университете, мы исходим из того, что наука стоит выше всего. Поэтому за учебную, спортивную и культурно-творческую деятельность — это 3 500, за общественную деятельность — максимум 11 500, ну а за научную деятельность и за успехи в ней — 12 500. Конечно, на все эти финансовые вложения нужны средства, и где-то они есть, где-то их нет. Поэтому для того, чтобы выстроить такую комплексную систему поддержки студентов, нужно это учитывать. Безусловно, это не только образовательный процесс, но и вовлечение ребят в науку, в том числе закрепление их в университете.

INTERLOCUTORS:

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia, President of the International
Union of Economists (IUE), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences (RAS)*

Ekaterina Vladimirovna Kharchenko,
*Deputy Chairman of the State Duma Committee of the Federal
Assembly of the Russian Federation on Science and Higher
Education, member of the Board of the VEO of Russia,
Doctor of Economics, Professor*

WHAT SHOULD ECONOMIC EDUCATION BE LIKE IN RUSSIA?

Taking into account the task set by the President of Russia (Message of the Federal Assembly of the Russian Federation 02.21.2023) of constructive participation in the development of issues of reforming economic education, taking into account new requirements for specialists in economics, the VEO of Russia and ITU, in close contact with the RAS, the relevant committees of both chambers of our parliament, organized a wide a multi-stage all-Russian discussion about the content and possibilities of economic education reform in the country, taking into account the challenges and tasks facing Russia in the new geopolitical-economic reality.

Based on materials from the All-Russian Meeting on the Reform of Economic Education, organized by the VEO of Russia and the International Union of Economists

Sergey Yurievich Glazyev,
*Member of the Board (Minister) for Integration and
Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC),
Vice-President of the VEO of Russia, Vice-President of IUE,
Academician of RAS*

Abel Gezevich Aganbegyan,
*Head of the Department of Economic Theory and Politics, Faculty
of Finance and Banking, RANEPa under the President of the
Russian Federation, Academician of RAS*

Bodrunov: The first thing I would like to dwell on more in detail is the content of educational programs, or more precisely, the need to update them. The world is changing rapidly. Globalization provided, among other things, by the scientific justification of the economic mainstream of the late 20th - early 21st centuries, is being replaced by other processes: the so-called glocalization, reglobalization, etc. Russia found itself in a qualitatively new international situation. A deep restructuring of the economy began in the country. We are finally moving away from market fundamentalism, which has dominated for decades, myths of post-industrialism. There is a humanistic turn towards increasing the level of socialization and building a socially oriented state, towards prioritizing traditional values. Meanwhile, economic theory and economic education in our country remain fundamentally the same as in the crisis years of the 1990s. Their basis remains neoclassical theory, micro- and macroeconomics, with the addition in some cases of new institutionalism. But the economy of the 21st century is far from just a market. Moreover, is it a market at all or something else? What are the interests and real needs of people today and what are the modern and promising mechanisms for satisfying them? And it is increasingly clear that economists need to think not only about profit and cost indicators, but about the interests of the country and the individual.

Russia obviously needs to create an economic education that reflects the changes taking place. Until we form a powerful cohort of new economists, armed with systematic knowledge in the field of economic theory, including heterodox economic theory (in particular, the foundations of classical institutionalism and political economy), we will not have an objective analysis of economic reality (and its reflection in public space), nor the new economic policy.

Second. The demand of the labor market is what is fundamentally important. According to Rosstat data at the end of 2022, a third of Russians are in a qualification hole - that is, they work outside their profession. There are even more people who do not work according to their skill level. We need to reduce the gap between the personnel needs in the labor market and the structure of training future economists, develop modern forms and methods of combining economic education with science and practice, a mechanism for targeted training, build a system for planning regional personnel needs, update educational programs taking into account the requirements of the business sector.

Third. It is equally important to expand educational courses in economics by including basic knowledge of economics in programs for students in non-economic specialties. In my opinion, the maximum economic effect is achieved where specialized specialists, executives, and managers with a fundamental economic education work.

And finally, fourth. Present here is a wonderful specialist Oleg Nikolaevich Smolin, who wrote a fundamental work, the main idea of which is education “throughout life.” Economic education should also begin with the school curriculum. Of course, students of both primary and secondary schools receive a certain amount of economic knowledge in the lessons of mathematics, computer science, the environment, social studies, and geography. But they receive it - unsystematically, and mostly — outside the context of the tasks that are relevant for our country. I am sure that the block on economics within the large school discipline named Social Studies should be especially seriously expanded.

Kharchenko: The transition to the education system that is beginning nowadays has its focus primarily on quality. Now, at various expert and professional meetings there are many discussions about the duration of training, about models of the educational process, about how should be outlined bachelor’s and master’s degrees being under large transformation now. But the most important thing is that the federal executive authorities, legislators, and the expert and professional community understand that the focus should be on the quality of the educational process, on its practical orientation.

The pilot project, which has now been launched, involves 6 significant universities in the Russian Federation:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Immanuel Kant Baltic Federal University».

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow Aviation Institute (National Research University)».

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Technological University MISIS».

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Pedagogical University».

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg Mining University».

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University».

In order for this system to work, it is necessary to make changes to the constitutional laws and to a huge number of regulations, including local documents. The experiment will last 3 years.

To evaluate the implementation of the pilot project, three main requirements will be applied. The main one of which is the high level of the professor. As part of parliamentary control, we will pay special attention to reduce the bureaucratic burden so that the students will be more important than writing curriculum plans, work programs and other documents so that there is time to teach. Secondly, this is the quality of students, the level of their preparation at the level of general education. There is a lot of work to be done here to improve the qualifications of teachers, popularize education and popularize mathematics and physics education. And the third criterion is the quality of educational content. We must emphasize practical orientation, but at the same time we must not lose the balance between the fundamental nature of higher economic education and its practical orientation.

To transform the criterion of targeted training, a law was adopted on its new model, which is now in a very tight mode of the Ministry of Education, the Ministry of Digital Development and the Ministry of Labor, finalize the platform that integrates such digital platforms as Work in Russia, the Ministry of Labor, State Services and Enroll in a University Online. This year the law was not launched because everything needs to be regulated in order to provide a transparent mechanism for its implementation throughout the country, so that the applicant, the university and the employer can find another instrument on a competitive basis. And here we descend again to the level of school education and talk about the need to strengthen educational work within the framework of career guidance so that schoolchildren consciously make a choice of profession, including in economic areas of training.

What needs to be done to transform the economic education system? Those colleagues who have extensive experience in the higher education system remember the old forms of educational and methodological associations and remember the presence of exemplary educational programs. Now that we have moved to a competency-based approach, we have lost the principle of “know, be able, master” – what was previously written in work programs, and those exemplary educational programs, including

indicative work and technological plans. Currently, the country is implementing 2,200 educational programs for each UGSN (enlarged group of specialties and land training) under line 38.00.00 “Economics and Management”. When students want to transfer from the Financial University to the Higher School of Economics or vice versa, they have to pass 30 more disciplines in the third year due to changes in work and curriculum. What kind of uniformity in the educational space can we talk about?

At the moment, there is no unified federal list of textbooks and teaching aids for use in higher education. And, of course, it is necessary to involve expert and professional communities and scientific institutions to the maximum. The goal of creating a methodological foundation for a unified educational space and forming a seamless ecosystem of higher education from school to postgraduate training is to institutionalize and systematize the functionality of educational institutions, in particular in the area of “Economics and Management.” Federal educational and methodological associations can act as an expert platform for coordinating the process of modernizing the new generation of federal state educational standards in economics, analyzing draft lists of specialties and areas of higher education training, and introducing mechanisms that will ensure the development of exemplary educational programs for higher education.

When developing the fourth generation federal state educational standard, we need to take into account the possibility of obtaining several qualifications. We must develop a concept for teaching economic disciplines; we already have experience with a concept for teaching history, a methodological foundation so that all teachers can take it as a basis and use it in the educational process.

Glazyev: The fundamental disciplines in our universities do not make any sense for the practical task of training specialists in the field of Eurasian economic integration. And this is a living, real process in which tens of thousands of people participate. Mechanistic approaches, which the mainstream of our economic theory is guilty of, not only do not help, but they even harm from the point of view of training specialists.

I’ll give you a living example. An adviser to one of the prime ministers of the EAEU states, who had just graduated from the London School of Economics and Political Science (LSE), approached me and said: “Can you imagine, everything we were taught is of no use. In general, everything is different, this is not the same economy. My professor talked to me two or three times, but now he doesn’t pick up the phone, he can’t explain what I should do.”

Unfortunately, we are now repeating this in our universities. If students take seriously the theories of the mainstream, macro- and microeconomics, then they cause enormous harm in the

management system, as we see in our Central Bank, for example, where they use models that are absolutely inadequate to reality, which economic practice rejected 40 years ago. They continue to rely on mechanistic models of Phillips curve equilibrium and seriously believe that inflation and unemployment have cause-and-effect relationships. I'm not even talking about the idea of pricing, how inflation works, and the like, which is completely divorced from reality.

Our new textbook "Eurasian Economic Integration. Theory and Practice" give the theory of scientific and technological progress, the patterns of change in technological and world economic structures, which reveal the cause-and-effect relationships of the transformations taking place today. In addition, we used the philosophical and historical prerequisites of Eurasian integration. It would seem that the topic of our heritage of Eurasian philosophers is divorced from economics, but pay attention: when today the Chinese government declares its integration project "One Belt, One Road", it seriously says that it wants to unite peoples into a human community of a common destiny. What does this have to do with economics? But it turns out that there is a direct interrelation, because the ideology of integration, coordination of interests and preparation for the implementation of projects where these interests are connected, where a synergistic effect is achieved is a real management task that needs to be worked on using the functionality of the Eurasian Economic Commission.

It seems to me that, based on these small examples from practice, we need to draw a simple conclusion that economics as a subject of study and explanation in the teaching process requires an interdisciplinary approach. Reducing the teaching of economics to a narrow group of disciplines, beautiful in theory, but inadequate in practice, prepares dogmatists who are unable to understand real economic processes and, even more so, unable to manage them, as we see in the example of a large number of erroneous decisions in our macroeconomic policy.

For example, some economists defend with militant dogmatism absolutely anti-scientific approaches such as inflation targeting by real instruments. Medicine was not a science until it reached the molecular level, until scientists understood the cause-and-effect relationships and processes occurring in living organisms at the cellular level, until molecular biology was equipped, and now it got to bioengineering. Only now we have a medical understanding of how the physiology of the body works, and from this immediately follows a huge number of new techniques that are much more effective and ensure the extension of human life to 100 years.

And our economic science, I mean its mainstream, and the education system are akin to medieval medicine, where the

main recipe for any disease is bloodletting. Our monetary authorities are doing exactly this. When it seems to them that inflation is high, they raise interest rates and reduce the money supply, that is bloodletting in essence. They open the export of capital so that there is less money in the country. And such doctors, who worked in medicine 200 years ago, today lead our economy, relying on dogmatic ideas, which in turn they learned from mainstream textbooks.

Continuing this analogy, I can say that, of course, medicine would not be able to ensure an increase in human life expectancy on average from 30 years 200–300 years ago to 80 years now in developed countries if it remained at the level of blood-letters. Likewise, our economy cannot ensure economic management, cannot ensure economic development, if the government bodies regulating the economy employ people who do not understand the real laws of economic development.

Therefore, if we want to prepare specialists who are able to understand and manage, they must know the laws of scientific and technological progress, the foundations of social psychology, the features of innovation processes, the dialectics of the interaction of production forces and production relations.

And finally, I'll touch the integration of the economic education system. When I first went on a business trip to Harvard Business School, I was surprised to discover that managers in America are not taught economic theory at all. These are two completely different topics. Economic theory is taught to people who then work as professors in universities, but businessmen are taught in a completely different way, using different methods, using all kinds of cases, understanding psychology, people's motivation, and the like. We need, it seems to me, taking into account both our sad experience and foreign problems, to talk about preparation, the development of a unifying integration model of economic education, where, perhaps, not everyone needs to know some areas that are necessary for a deep understanding, but, at least rely on a common paradigm.

Aganbegyan: In terms of the level and quality of education, our country occupies a fairly high place - 29th and 35th, respectively. This is higher than Italy, France, all the BRICS countries, a worthy place in the world. Although, when we launched the satellite, according to the analysis of the US intelligence services, the reason for their loss was that the education system in Russia was better than in America. This is the main conclusion they made. And President Kennedy then said that Russia defeated America in space at a school desk. At that time we occupied a leading place in the world in education. At that time, 11% of national income was spent on education compared to 4% in the USA. Since then we have been moving backwards in the ratings. So far we have dropped to 29th and 35th places, and as a per-

centage of the gross domestic product, education in Russia ranks, according to various ratings, from 100th to 120th place in the world with a little more than 4%, of which government spending is approximately 3.7%.

Another characteristic of education is its effectiveness. What results does this level and quality lead to? Do people who have received education know how to use it effectively and achieve high productivity, efficiency, and results? And here we look really bad in the world. Despite our high knowledge, we are more than twice as far behind Italy and France in labor productivity, and in other efficiency indicators we are also very far behind.

Therefore, our first task is to regain one of the leading places, well, at least in the top ten, in terms of the level and quality of education. To do so, it is necessary that this education be given by more qualified people. We have a very low level of teachers at school. They receive very low wages. In 2023 the average is only 45,787 rubles, with the average salary in the first quarter of 2023 in Russia being 59,340 rubles. We are one of the few countries in the world where teachers are paid below average. And not all teachers have a real higher education; you can become a teacher with either a three-year or a four-year degree. The process of improving the qualifications of teachers is poorly done; teachers are overloaded. Many of them, in order to earn money, work at one and a half times the rate. And you understand that the average is not the median. 75% of teachers (I'm citing official statistics) have salaries up to the level of average teachers, that is, the median is less, that is, we need to sharply raise teachers' salaries: not only in schools, but also in secondary vocational schools and universities.

At the same time, it is extremely important for universities to integrate higher education institutions with science, which has not been done. Many scientists teach at universities, but this is not integration. Integration is when universities and research institutes work together precisely as institutions, in close connection, where students undergo internships, work part-time while studying, both at the research institute and on their equipment, which, of course, is a way higher and better, than in higher education institutions.

But the most important problem is the extremely low efficiency of education. Where do we have the highest salaries of any industry? Without regional coefficients and northern benefits, the highest salary in Russia is in the financial sector. One million one hundred thousand people work in specialized financial institutions. Their average salary is 132,000 per month, only the oil industry has higher wages, but this is due to regional coefficients and northern benefits.

At the same time, the most primitive branch of our economy is the financial sector: monetization is the most questionable

topic, and the share of banking assets is three times lower than even in China, where the share of investments in the gross product is 17%, plus housing financing from investment funds is 14%. As a result, from 25 to 30% of investments go into the country's economy; in China 18% of 43% of investments go into housing. In China, the level of average housing security has already surpassed ours. Not to mention the financing of innovation, it is ten times lower than abroad. The volume of non-bank funds is 20% of GDP in Russia, while in Europe it is 120%, in America - 200%. With this simply incomparable data from our financial system and foreign ones, the salary in the sector is huge.

How many people work in our Central Bank? Two times more than in the Federal Reserve, where they have 9 times more money. Three times more than in the Bank of England, and England is the World Financial Center with incomparable money circulation on the exchanges, 10 times larger than ours in terms of capitalization. Therefore, our economic education unfortunately does not produce results.

Our mathematics is the best in the world, but India provides the USA, Japan and Europe with 190 billion in mathematics programs. The world's top IT hub, where unicorn firms are most successful, is Bangalore in India, where 8 million people work primarily in the information business. Where are we? Our exports are \$10 billion. Our entire information activity is 20 billion, and if we take the transfer of data, telephones, and so on, we get 30 billion. Just completely unmatched numbers.

The fact is that knowledge is one thing, skill is another. No matter what kind of knowledge you give to the driver, he won't drive a car without an internship, he'll still do well in all your exams, and you can train him on the simulator as much as you like, but he can't get behind the wheel until he drives for 40 hours.

Do people think that managing a workshop, or being a foreman, or managing a construction site is easier than driving a machine, perhaps? It is enough to simply teach, read, conduct seminars, take exams, and he is a ready-made specialist. No. He was not taught the ability to apply this knowledge. We don't have this training. We don't have an internship, and in the West you won't be given a diploma without an internship. If you want to teach a foreign language at school, a bachelor's degree is sufficient; if you want to teach in high school, you need to get a master's degree, but you won't be given a diploma - you must first complete 305 hours of classes in some leading school under the guidance of its best teachers, and only after that you pass such certification will you receive a diploma.

In many specialties, US degrees are not issued until you have worked for several years in positions that will provide you with

experience. A higher education is not enough to teach, for example, a foreign language in a public school. In America there is a special degree. For example, CPA (chartered accountant). You can become a director or chief accountant in a large company without an CPA. This is 2 years of study, 4 exams of 4 and a half hours each. 15% of applicants pass it. You can understand what kind of exams these are. Their financial director's knowledge is completely incomparable with ours, and neither are the chief accountants. We need to think about how to adopt this Western system, how to include educational skills. As for financing, we need to set some goals. At least 6% for education by 2026 and at least 8% of the gross product for education by 2030.

俄罗斯的经济教育应该是什么样子的

考虑到俄罗斯总统（2023年2月21日俄罗斯联邦会议致辞）规定的建设性参与经济教育改革问题发展的任务，同时考虑到对经济学专家的新要求，自由经济协会和国际经济学家联盟在与俄罗斯科学院以及我们议会两院的相关委员会密切联系下，组织了一次广泛的、多阶段的全俄讨论，讨论该国经济改革的内容和可能性，同时考虑到俄罗斯在新的地缘政治经济现实中面临的挑战和任务。

基于俄罗斯自由经济协会组织以及国际经济学家联盟组织的全俄经济教育改革会议的材料

对话者:

谢尔格伊·德米特里耶维奇·博德鲁诺夫，
俄罗斯自由经济协会主席、国际经济学家联盟主席、俄罗斯科学院
通讯院士

叶卡捷丽娜·夫拉季米罗夫娜·哈尔琴科，俄罗斯联邦科学与高等
教育联邦会议国家杜马委员会副主席、俄罗斯自由经济协会董事
会成员、经济学博士、教授

谢尔格伊·尤里耶维奇·格拉济耶夫，欧亚经济委员会一体化与宏观
经济委员会委员（部长）、俄罗斯自由经济协会副主席、国际经
济学家联盟副主席、俄罗斯科学院院士

阿别尔·格泽维奇·阿甘别吉扬，俄罗斯联邦总统国民经济和行政学
院金融与银行学院经济理论与政治系主任，俄罗斯科学院院士

我

博德鲁诺夫：我想更详细地关注的第一件事是教育计划的内容，更确切地说，其更新的需要。世界正在迅速变化。由20世纪后期至21世纪初的经济主流的科学理论促使的全球化正在被其他进程所取代：所谓的全球在地化、非全球化等。俄罗斯发现自己处于一个全新的国际形势下，该国已经开始了经济的深度重组。我们终于摆脱了几十年来盛行的市场原教旨主义，从后工业主义的神话中，转向人类，转向提高社会社会化的水平以及建立面向社会的国家，转向优先考虑传统价值观。与此同时，我们的经济理论和经济教育与20世纪90年代的危机基本相同，其基础仍然是新古典主义理论、微观经济学和宏观经济学，在某些情况下还加入了新的制度主义。但二十一世纪的经济不仅是一个市场。而且，它是一个市场还是别的什么的？今天人们的利益和真正需求是什么，满足这些利益和需求的现代及有希望的机制是什么？越来越明显的是，经济学家不仅需要考

虑利润和成本指标，还需要考虑国家和个人的利益。俄罗斯显然需要建立反映正在发生的变化的经济教育。除非我们形成一支强大的拥有经济理论领域的系统知识新经济学家队伍，包括非正统的经济理论（特别是古典制度主义和政治经济学的基础），否则我们将无法对经济现实进行客观的分析（包括其在公共空间中的反映），也无法对新的经济政策进行分析。

第二个，劳动力市场的需求才是最重要的。根据俄罗斯统计局2022年底的数据，三分之一的俄罗斯人处于资格缺乏中，也就是说他们在自己专业范围之外工作。还有更多的人不按照自己的技能水平工作。缩小劳动力市场人才需求与未来经济学家培养结构之间的差距，发展经济教育科学与实践相结合的现代形式和方法，建立校企合作机制，建立区域人才需求规划体系，根据商业部门的要求更新教育计划。

第三个，同样重要的是，通过将经济学基础知识纳入非经济专业学生的课程中来扩大经济学教育课程。我认为只有受过基础经济教育的行政人员和经理才能发挥最大的经济效应。

最后一个，第四个。这里有一位出色的专家奥列格·尼古拉耶维奇·斯莫林，他写了一部基础著作，其主要思想是“终身教育”。经济教育也应该从学校课程开始。当然，中小学生在数学、计算机科学、环境、社会研究和地理课程中获得一定的经济知识。但他们接收的信息是非系统性的，而且大多是在与我们国家相关的任务范围之外。我确信“社会研究”学科中的经济学范围应该特别认真地扩大。

哈尔琴科：已经开始的教育系统的改革主要是为了质量。在各种专家和专业平台上，有很多关于培训持续时间，教育过程模型，学士和硕士学位应该如何转变，教育模式应该采取哪些步骤的讨论。但最重要的是，联邦行政当局、立法者以及专家和专业界都明白：重点应该放在教育过程的质量和实践方向上。

该试点项目现已启动，涉及俄罗斯联邦的6所重要大学：

俄罗斯联邦国家预算高等教育机构“伊曼纽尔·康德波罗的海联邦大学”。

俄罗斯联邦国家预算高等教育机构“莫斯科航空学院（国立研究大学）”。

俄罗斯联邦国家预算高等教育机构“国立研究技术大学-莫斯科国立钢铁合金学院”。

俄罗斯联邦国家预算高等教育机构“莫斯科国立师范大些”。

俄罗斯联邦国家预算高等教育机构“圣彼得堡矿业大学”。

俄罗斯联邦国家预算高等教育机构“托木斯克国立研究技术大学”。

当然，为了使整个体系发挥作用，需要对数百部法律和大量法规进行修改，包括地方性文件。该实验将持续3年。

为了评估试点项目的实施情况，将采用三个关键要求，其中最重要的一个是教师素质。在议会控制的范围内，我们会特别注重减轻官僚负担，这样在处理工作和课程计划、工作方案和其他文件的过程中，我们就不会失去最重要的东西即课堂上的学生，这样才有时间教书。其次，学生的素质也很关键，他们在普通教育上的准备水平。这里有还有大量的工作，需要提高教师素质，普及教师教育，普及数理教育。第二个标准是教育内容的质量。我们必须强调实践导向，但不能失去高等经济教育的基础性和实践导向之间的平衡。

为了转变校企合作的机制，已经通过了一项关于其新模式的法案，现在教育和科学部、数字发展部和劳动部在密切合作，最终确定一个平台，该平台将结合“在俄罗斯的工作”、劳动部、国家服务部和“在线进入大学”等平台的功能。今年，该法律没有启动，因为一切都需要调整，以便为该法律在全国范围内的实施提供透明的机制，以便申请人、大学和雇主能够在竞争的基础上找到彼此。而这里我们又回到学校教育层面，讲一下要加强教育部在就业指导范围内的工作，让学童自觉做出选择。

需要做些什么来改变经济教育体系？那些在高等教育系统中拥有丰富经验的同事还记得包括大学在内的教育和方法论协会的旧格式，还记得模范教育计划的存在。现在我们已经转向了以能力为基础的方法，我们已经失去了»知道，能够，拥有»的原则，其以前在工作计划中规定的内容，以及那些包括模范工作和学习计划。目前，2200教育计划正在我们的UGSN（扩大的专业和培训领域组）38.00.00»经济与管理»在该国实施。当学生想从金融大学转到高等经济学院或相反，由于工作和学习计划的不同，他们必须在三年内完成30个学科。我们怎么能谈论教育空间的统一性？

目前，没有统一的联邦高等教育使用的教科书和教具清单。当然，还需要最大限度地吸引专家、专业团体和科学机构的参与。

为统一的教育空间创造方法论基础，形成从学校到研究生培训的无缝高等教育生态系统，其目标是使教育机构功能制度化和系统化，特别是在“经济和管理”领域。联邦教育和方法协会可以充当专家平台，协调新一代联邦国家经济学教育标准的现代化进程，分析高等教育培训专业和领域的草案清单，并引入确保示范性大学发展的机制，高等教育的教育计划。

在制定第四代联邦州教育标准时，我们需要考虑获得多种资格的可能性。我们必须建立经济学科的教学理念。我们已经有了历史教学理念的经验，这是一个方法论基础，以便所有教师都可以以其为基础，并在教育过程中使用它。

格拉济耶夫：我们大学所教授的基础学科对于培养欧亚经济一体化领域的专家的实际任务没有任何意义。这是一个鲜活、真实的过程，有成千上万的人参与其中。我们主流经济理论所犯的机械方法不仅没有帮助，从培训专家的角度来看甚至有坏处。

我给你举一个例子。欧亚经济联盟国家一位总理的顾问找我，他刚刚从伦敦政治经济学院毕业（英文：The London School of Economics and Political Science, LSE）。他跟我讲：“你能想象吗？我们所学到的一切都没有用。总的来说，一切都不同了，这不是同一个经济体。我的教授跟我谈过两三次，但现在他不接电话，他无法解释我应该做什么”。

不幸的是，我们现在在大学里重复这种情况。如果学生认真对待主流的宏观和微观经济学理论，那么他们就会对管理体系造成巨大的危害，就像我们在中央银行看到的那样，他们使用的模型绝对不适合现实，而经济实践40年前被拒绝。他们继续依赖菲利普斯曲线均衡的机械模型，并坚信通货膨胀和失业之间存在因果关系。定价的想法、通货膨胀如何运作等等根本不用说了，其完全脱离了现实。

在教科书《欧亚经济一体化。理论与实践》中我们给出了科技进步的理论，技术和世界经济结构的变革模式，揭示了当今正在发生的变革的因果关系。此外，在这本教科书中，我们使用了欧亚一体化的哲学和历史前提。似乎我们欧亚哲学家遗产的话题与经济脱节，但请注意：当今天中国政府宣布其一体化计划“一带一路”时，严肃地表示希望将各国人民团结成一个人类共同体，命运共同体。这与经济学有什么关系？但事实证明这是最直接的，因为整合的思想，利益的协调以及为这些利益相关联的项目的实施准备，从而实现协同效应，这是一项真正的需要从事的管理任务。当然，还要利用欧亚经济委员会的功能。

在我看来，基于这些实践中的小例子，我们需要提出一个简单的结论：经济学作为一门研究和解释的学科，在教学过程中需要采用跨学科的方法。将经济学教学简化为一小部分学科，理论上很美好，但实践上却很不足，这会培养教条主义者，他们无法感知真实的经济过程，更无法管理，正如我们在一个例子中所看到的那样。我们的宏观经济政策存在大量错误决策。

例如，我们以激进的教条主义捍卫绝对反科学的方法，例如实际工具中的通胀目标制。医学直到达到分子水平，直到科学家们了解了细胞水平上生物体中发生的因果关系和过程，直到分子生物学和现在的生物工程，才成为一门科学。直到现在，医学才逐渐了解身体的生理机能如何运作，并由此立即产生大量新方法、新技术，这些方法、新技术更加有效，可确保将人类寿命延长至100年。

我们的经济科学，我的意思是主流经济科学和教育系统类似于中世纪医学，其中任何疾病的主要方法都是放血。我们的货币当局正在这样做。当他们认为通货膨胀很高时，他们就会提高利率并减少货币供应量，也就是说，他们本质上是在放血。他们开放资本输出，

从而减少该国的资金。这些 200年前从事医学工作的医生如今依靠教条思想来引领我们的经济，而这些思想又是他们从主流教科书中学到的。

继续这个类比，我可以说不但在发达国家医学仍停留在放血水平，医学将无法确保人类的平均预期寿命从200-300年前的30岁提高到现在的80岁。同样，如果管理经济的政府机构雇用了不了解经济发展真正规律的人，我们的经济就无法保证经济管理以及无法保证经济发展。

因此，要培养懂事、懂管理的专家，当然要懂得科技进步的规律、社会心理学的基础、创新过程的特点、人与人之间相互作用的辩证法、生产力与生产关系。

最后，关于经济教育体系的整合。当我第一次去哈佛商学院出差时，我惊讶地发现美国的管理者根本没有接受过经济理论的教育。这是两个完全不同的话题。经济理论是教给后来在大学当教授的人，但商人的教授方式完全不同，使用不同的方法，使用各种案例，了解心理学，人们的动机等等。在我看来，考虑到我们的悲惨经历和外国问题，我们需要谈论准备发展经济教育的统一整合模式，也许并不是每个人都需要深刻地了解经济教育所必需的一些领域。但是至少需要掌握一个共同的范式。

阿甘别吉扬：在教育水平和质量方面，我国占据相当高的位置，即分别排在第29位和第35位。这比意大利、法国，所有金砖国家都高，也就是在世界上值得去的地方。虽然，当我们发射卫星时，根据美国情报部门的分析，他们失败的原因是俄罗斯的教育体系比美国好。这是他们得出的主要结论。肯尼迪总统随后在课桌上表示，俄罗斯在太空中击败了美国。当时我们的教育在世界上处于领先地位。当时国民收入的11% 用于教育，而在美国只是4%。从那时起，我们的收视率一直在倒退。到目前为止，俄罗斯的教育水平已下降至第29位和第35位，根据各种评级，俄罗斯的教育占国内生产总值的百分比在世界上排名从第100位到第120位，略高于4%，其中政府支出约为3.7%。

教育的另一个特点是其有效性。这样的水平和质量会带来什么样的结果？受过教育的人是否知道如何有效地运用它并获得高生产力、效率和成果？在这里情况比较糟糕。尽管我们的知识很高，但我们的劳动生产率比意大利和法国落后两倍多，在其他效率指标上我们也落后得多。

因此，我们的首要任务就是在教育水平和质量上重新夺回一个领先的位置，至少是前十名。为此，有必要由具有更高的资格水平的人来进行教育。我们学校的师资水平非常低，他们的工资非常低。2023年为45,787卢布，俄罗斯2023年第一季度的平均工资为59,340卢布。我们属于世界上少数几个教师工资低于平均水平的国家之一。并不是所有的教师都受过真正的高等教育，你可以成为一名才拥有三年制或四年制学位的教师。提高教师资格的过程做得很差，教师负担过重。教师中的许多人为了赚钱，以一倍半的工资工作。此外，您知道平均值不是中位数，75%的教师（我引用的是官方统计数据）的工资达到了平均教师的水平，也就是中位数更少，也就是说，我们需要大幅提高教师的工资：不仅是学校教师，而且是中等职业学校和大学教师。

同时，对于大学来说，将高等教育机构与科学相结合非常重要，但目前尚未做到这一点。许多科学家在大学任教，但这并不是结合。一体化是指大学和研究机构像机构一样紧密合作，学生能够在研究机构，使用其设备来实习，兼职工作。当然研究机构的设备比高等教育机构设备更好。

但最重要的问题是教育效率极低。我们哪些行业的工资最高？不含

地区系数和北方福利。俄罗斯薪资最高的水平是在金融行业。一百一十万人在专业金融机构工作。他们的每月平均工资为132,000卢布，仅石油行业的工资更高，但其是由于地区系数和北方福利所致。

同时，我们经济中最差的领域为金融业：货币化程度最低，银行资产比例比中国还低三倍，投资占GDP比重的17%，住房融资占总投资的14%。在发达国家，25%至30%的投资为与住房有关的投资，而在中国投资率为18%，其中43%的投资投向了住房。而且，中国的平均住房供应量已经超过了我们。别说创新的融资，比国外低几十倍。非银行长期货币基金规模占GDP的20%，欧洲为120%，美国为200%。我们的金融系统和国外的金融系统根本无法比拟的数据，况且工资是巨大的。

我们的中央银行有多少员工？比俄罗斯联邦储备系统多了2倍，但俄罗斯联邦储备系统储的钱多了9倍。比英国银行多3倍多，而且英国是世界金融中心，那里的交易所流通着无与伦比的货币，交易所的资本规模是我们的10倍。很遗憾的是我们的经济教育没有出成果。

我们的数学是世界上最好的，比方说它比不上印度，但印度为美国、日本和欧洲提供了价值1900亿美元的数学项目。印度班加罗尔是世界顶级IT中心，拥有最具创新性的独角兽公司，该市有800万人主要从事信息行业。我们在哪里？我们的出口等于100亿，我们的信息活动总量为200亿，如果加上数据传输、电话等就是300亿，这根本就是一个完全无法比拟的数字。

事实上，知识是一回事，但技能是另一回事。不管你给司机什么知识，没有实习他就不会开车，虽然他会完美地回答你所有的考题，你可以在模拟器上训练他，但他不能开车。直到他开车开了40个小时左右。飞机更不用说了？

人们是否认为管理车间，担任工头或管理工地比驾驶机器更容易？只要看讲座，参加研讨会，通过考试就足够了，他就成为了专家。他并不是专家！他没有被教导应用这些知识的能力。我们没有这个培训。我们没有实习，在西方没有实习就不会获得文凭。如果你想在学校教外语，学士学位就足够了；如果你想在中教外语，你需要完成硕士学位，但获得文凭之前你必须要在一些高级学校完成305个小时的课程，在其最佳的老师的指导下，只有通过此认证

后，您才会获得文凭。

在美国的许多专业中只有您在职位上工作了几年之后才会颁发文凭。例如，高等教育不足以在公立学校教授外语。在美国有特殊学位。例如，SPA（注册会计师）。如果没有SPA，您就无法成为大公司的财务总监或总会计师。这是2年的学习，4次考试，每次4个半小时。100%的申请中才有15%能通过。你可以了解其是什么类型的考试。他们的财务总监的知识和我们完全没法比，他们的总会计师知识也无法比。我们需要思考如何采用西方的这种体系，如何将技能纳入教育。

至于融资，我们需要设定一些目标。到2026年至少国内总产量的6%用于教育，到2030年至少8%用于教育。

ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ В РОССИИ

Мы часто сталкиваемся с тем, когда россияне проявляют колоссальную неграмотность в вопросах не то что инвестиций, а просто в передаче денег кому бы то ни было, путаясь в финансовых технологиях и легко подвергаясь обманам. Финансовые власти России давно работают над повышением уровня финансовой и экономической грамотности населения. Как обстоят дела сейчас?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 21.10.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

Ростислав Александрович Кокорев,
заведующий лабораторией финансовой грамотности
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
к.э.н.

Сергей Александрович Лочан,
первый заместитель директора Ассоциации развития
финансовой грамотности, профессор Финансового
университета при Правительстве РФ, д.э.н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН

Бодрунов: Уважаемые коллеги, напомню сразу, что одна из главных задач Вольного экономического общества России — просветительская, поэтому мы также через разные механизмы работаем над повышением финансовой и экономической грамотности. Мы проводим, например, Всероссийский экономический диктант, в котором в этом году приняли участие больше 200 тысяч человек.

Государство в лице Министерства финансов также оценивает грамотность людей. Этим занимается и Центральный банк, и Министерство просвещения, которое вводит специальные курсы и в школах, и в вузах. Проблема — большая, занимаются ей многие, хотелось бы задать несколько вопросов вам как специалистам, которые в этой теме находятся постоянно и глубоко в нее погружены.

Сергей Александрович, как вы оцениваете уровень финансовой грамотности или, может быть, в целом экономической грамотности населения? У вас есть какие-то оценки?

Лочан: Конечно, работаем. Как уже справедливо отметили, у нас на современном рынке есть два основных игрока — Минфин и Банк России — которые по правилу двух ключей управляют вопросами финансового просвещения. Каждый из них обладает и своей особенной спецификой, и своими задачами, но при этом они согласуют эти действия между собой, взаимодополняют друг друга и решают некоторые вопросы совместными усилиями. И это здорово, потому что тяжело решать задачи одному, необходима разумная команда, необходимо разумное сотрудничество различных игроков. Мы видим положительный результат от этого сотрудничества, недавно ИТАР-ТАСС опубликовал результаты индекса финансовой грамотности, который подрос на 2%. Эти результаты можно по-разному воспринимать. Но любой устойчивый рост начинается с малого, мы уже не первый год двигаемся в этом направлении.

Бодрунов: Методики у вас уже, можно сказать, хорошо отработаны?

Лочан: Наверное, давайте я в двух словах скажу свое видение финансовой культуры. Уровни финансовой культуры и финансовой грамотности должны как-то соответствовать. Финансовая культура складывается из таких понятий, как финансовая безопасность, финансовая устойчивость, финансовая открытость. Эти три поля, пересекаясь, формируют финансовую культуру. Для каждого человека финансовая культура своя, а поскольку общество состоит из множества людей, то формируется поле финансового просвещения, финансовой культуры.

Бодрунов: Финансовая культура общества, так сказать.

Лочан: Да. И общество меняется, культура меняется, а степень соответствия этой культуре отдельного индивидуума это и есть, с моей точки зрения, финансовая грамотность.

Бодрунов: Отлично. Очень хороший подход. Остается только понять, а как же эту культуру-то оценить?

Лочан: Культура — понятие общее, в нее каждый вносит свой вклад. Ее тяжело оценивать только количественными параметрами, поэтому когда мы с коллегой обсуждали, то сошлись во мнениях, что различные индикаторы видят только отдельные срезы. Мы можем видеть рост 10%, 20%, 2%, но это может быть один и тот же темп развития просто с разных точек зрения.

Кокорев: Я бы добавил, что интересно оценить место россиян по международной шкале, провести сопоставления в области финансовой грамотности в той мере, в какой они вообще корректны с учетом разности финансовых культур. Я скажу сейчас, может быть, неожиданную вещь, но россияне далеко не в худшем положении по финансовой грамотности по сравнению со многими другими странами. И грамотность довольно неоднородна. Есть очень финансово грамотные люди, финансово грамотные регионы, финансово грамотные демографические страты. Есть люди, которые, конечно, сильно провисают, но если попытаться усреднить, то у россиян далеко не худший уровень, например, по умению пользоваться теми же банковскими продуктами благодаря тому, что у нас банковские технологии на очень высоком уровне: 25 млн человек имеют брокерские счета, и из них, наверное, миллионов 5 — активны.

Всероссийский экономический диктант

Откуда появилось выражение «Деньги не пахнут»? Какие банкноты называли «Катенька» во времена правления императрицы Екатерины II? Чем зарабатывала на жизнь Алена Ивановна из романа Достоевского «Преступление и наказание» и что показывают индексы Лернера, Баласса и Пааше? Стать отличником Всероссийского экономического диктанта нелегко, но задача акции — не выставить оценку, а мотивировать к самообразованию и ликвидации пробелов в экономической грамотности. В 2022 году диктант, организованный Вольным экономическим обществом России при участии Международного Союза экономистов, написали в 88 регионах Российской Федерации и 7 странах — в Белоруссии, Монголии, Армении, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и Турции. География экономического диктанта и число его участников растут на протяжении 6 лет. Это не только крупные региональные центры страны, но и малые города, села, деревни, станицы. Экономический диктант ежегодно пишут не только студенты и школьники, но и учителя, профессора, преподаватели, представители органов государственной власти, делового сообщества.

Бодрунов: Уже?

Кокорев: Да, уже сейчас.

Бодрунов: У меня есть данные прошлого года — тогда миллион всего был активный.

Кокорев: Здесь такая проблема, что все замеры, которые делают НАФИ, ФОМ, на мировом уровне — делает ОЭСР с разными соисполнителями, оценивают в основном знания. То есть задают вопрос какой-то человеку, например, что такое сложный процент, инфляция, дисконтирование, как банк работает. Мы мерим его знания на эту тему, а по-хорошему — надо мерить навыки, поведение, а это гораздо сложнее, потому что тут не обойдешься простым набором тестов, нужно проводить углубленное интервью, а чтобы выборка была репрезентативной, надо охватить очень большое количество людей. Это получается очень дорого.

Бодрунов: И подборка всех этих вопросов тоже — очень специальная.

Кокорев: Да. Поэтому все наши замеры, о которых Сергей Александрович говорил, дают довольно приблизительно картину, приблизительный срез состояния финансовой культуры и финансовой грамотности.

Бодрунов: Коллеги, это очень важно. Ведь когда говорят о росте или снижении финансовой грамотности, всякий раз тогда хочется спросить: «А судьи кто?»

Кокорев: А судьи — народ, Сергей Дмитриевич. Если народ выходит на фондовый рынок и хочет заниматься и потреблять финансовый продукт, то мы в любом случае не можем говорить о падении финансовой грамотности. Мы можем говорить о трудностях роста, о трудностях понимания тех или иных инструментов, об оценке эффективности использования. Но о понижении уровня финансовой грамотности мы точно не можем говорить.

Бодрунов: Здесь я хотел бы на один момент обратить внимание. Допустим, уважаемый банк предлагает научить детей пользоваться правильно деньгами и предлагает сделать детскую карту, например, или еще что-то. Грамотность ли это? Я не думаю, что ребенку можно втолковать, как это все работает, если он научится правильно нажимать пин-код.

Кокорев: Я думаю, что это составная часть финансовой грамотности. Финансовые организации, ответственные и играющие вдолгую, конечно, заинтересованы в том, чтобы их потребитель был финансово грамотным. Если же банк, страховая компания или негосударственный пенсионный фонд настроены реально работать вдолгую, то он больше денег заработает на грамотном потребителе, чем на неграмотном. Здесь противоречия нет.

Бодрунов: Поэтому хотят начать с детей.

Лочан: И это разумно. И поэтому проводятся совместные работы Минфина и Банка России, результатом которых стала единая рамка финансовой грамотности, то есть основа, по которой мы четко понимаем, что должен знать ребенок, в каком возрасте, чтобы быть финансово грамотным. На этой основе строятся разные учебники, разная методическая литература.

Вы знаете, мне бы хотелось тут отметить немножко другой аспект. Тут самое главное, наверно, не то, что не надо учить или надо учить, главное — чтобы при желании это было доступно для понимания ребенка. Какая польза ему будет от этого продукта? Допустим, у него есть электронные деньги, которые перевела на карточку мама, он пришел в школу, может заплатить за обед, а может пойти с ребятами куда-то гулять, заплатить за самокат.

Бодрунов: И если у него есть этот лимит, он уже будет потихоньку привыкать к тому, что надо как-то распределять.

Лочан: Да, что не все деньги надо тратить сразу, которые получил, а потом опять бежать и просить. Это уже воспитывает характер, воспитывает понимание, что потребление должно быть разумным.

Бодрунов: Это вообще основа следующего его понимания бюджета семьи, собственного бюджета, бюджета государства.

Лочан: Вот-вот, мировоззрение расширяется. Формируются как раз те самые навыки, те компетенции, которые в будущем могут быть полезны.

Бодрунов: Вы знаете, у меня всегда складывается впечатление, что когда учат детей пользоваться картой или инструментами, которые им доступны, то важно увязывать это с общей экономической грамотностью.

Лочан: Конечно, это часть любой нормальной программы финансовой грамотности и в школах, и в вузах — прежде чем говорить о банках и фондовом рынке, объяснить, откуда берутся деньги, что такое доходы у человека, откуда они берутся, что такое расходы и как балансируется личный бюджет. Это самое обязательное начало, фундамент.

Бодрунов: Обучить человека можно: даже в преклонном возрасте можно научиться работать на компьютере. Но именно этим мошенники пользуются, они широкой сетью, что называется, забрасывают свои предложения, а люди ошибаются, люди доверяют. Я в свое время изучал такое направление, как технологии доверия. Что это такое? Это те технологии, которые позволяют сделать такое предложение или выстроить такой способ общения, при котором невозможен обман. Например, к этим технологиям доверия относятся блокчейн-контракты. То есть такого типа технологии, с которыми проще защититься от такого рода проблем. Как вы относитесь к таким технологиям доверия?

Кокорев: Проблема доверия на финансовом рынке является одной из самых важных ключевых проблем. И, к сожалению, добросовестным игрокам приходится тратить много сил и времени на то, чтобы купировать недоверие и отделить себя от жуликов. Многие люди, которые не обладают достаточным уровнем финансовой грамотности, в результате того, что столкнулись с мошенниками, будут бояться, потому что пуганая ворона куста боится. Необходимо солидарное взаимодействие госорганов,

участников рынка и объединений, представляющих потребителей. Что касается блокчейна, не все можно перевести на блокчейн. Зачем обычные кредиты или депозит переводить на блокчейн.

Лочан: Цифровые технологии и платформы, безусловно, надо использовать. И мы тоже стараемся это делать. У нас два интереснейших проекта, один из них — иммерсивная выставка «Территория финансовой грамотности» в Ассоциации развития финансовой грамотности, где мы пытаемся собрать в режиме постоянно действующего выставочного пространства основных игроков с их продуктами, чтобы было понимание, что есть на рынке, какие просветительские программы проводит тот или иной участник и так далее. И есть интересный проект, который мы реализуем совместно с Народным фронтом, который называется «Мошеловка», от слова «мошенник».

Есть интересный проект «Расскажи бабушке» — для информирования старшего поколения. Если там люди приходят, они понимают, где узкие места, как можно не попасться мошенникам. Если попались, что можно сделать, чтобы текущую ситуацию разрулить. Параллельно сейчас родился проект «Моя финансовая история», где люди, которые попали в эту ситуацию — сложную, финансово-экономическую ситуацию — и вышли из нее победителями, рассказывают, как это можно сделать.

Бодрунов: На что хотел бы обратить внимание: мы все время говорим, что мы учим в основном либо бабушку, малограмотную в финансовом плане, либо ребенка, но надо всем, как говорится, идти в ногу со временем.

Кокорев: Должна выстраиваться система пожизненного финансового образования, чтобы человек учился постепенно на протяжении всей своей жизни и понимал, что развитие не должно остановиться, что он не может считать себя финансово грамотным на всю оставшуюся жизнь.

Бодрунов: Тем более что сами по себе технологии стремительно развиваются, каждый день все новое.

Кокорев: Именно потому, что появляются новые продукты, новые технологии доступа к продуктам, новые информационные технологии. Человек должен постоянно все отслеживать. В начальных классах должны знать одно, в средних — другое, в старших — третье. Потом человек приходит в вуз, там он уже что-то сам зарабатывает, там он должен, на мой взгляд, набрать максимум практических сведений, на которых он дальше всю жизнь должен что-то надстраивать.

Бодрунов: В связи с этим я еще раз хотел бы обозначить позицию Вольного экономического общества России в этом плане. Мы полагаем, необходимо постоянное образование в сфере экономической грамотности. Необходимо введение не только обществознания как предмета, хотя это правильно абсолютно, потому что устройство нашего общества надо изучать с младых ногтей, но должно быть и экономическое образование, чтобы люди понимали связку экономики, как она примерно работает, как это связано с использованием технологий, как это дальше на твою жизнь влияет.

Лочан: Когда я начинаю знакомиться со студентами, начинаю задавать им вопросы, пытаюсь понять уровень их мировоззрения и регулярно спрашиваю: «Коллеги, а сколько мне нужно заплатить денег как директору фирмы, чтобы вам выплатить 100 рублей зарплаты?» Ну и тут начинается: «Мы не знаем, какие налоги». Я говорю: «Бог и с ними, с налогами, ваши личные налоги». Все знают про 13% и называют 113 рублей. Я говорю: «Ребята, теперь умножаем на 0,87 эту сумму, сколько получилось?» — «98». — «А зарплату вы себе будете сами доплачивать или как? Где 2 рубля?» Вот это линейное мышление, которое человеку свойственно по природе своей, мешает ему в решении каких-то задач и создает возможности для мошенников. Помимо чисто экономических и математических решений нужно воспитывать и психологически человека, чтобы он не стеснялся спрашивать. У нас же часть людей попадает в мошеннические схемы, потому что они стесняются спросить.

Кокорев: Позвольте, я бы здесь развил мысль, которую начал Сергей Александрович. Это для Вольного экономического общества тоже должно быть интересно. Это поведенческая экономика — современная дисциплина, которая на стыке экономики и психологии, которая многие психологические вещи подтягивает, потому что объясняет, откуда берутся распространенные ошибки людей, поведенческие шаблоны, якорения, эффекты толпы. Эти вещи не очень разъясняются людям в курсах экономики.

Лочан: Когда преподаешь какие-то социальные дисциплины, которые напрямую не связаны с предметом, или, напротив, когда менеджерам преподаешь математику, студенты думают: «Зачем мне это, тут же математика. Мы же пришли учиться, условно, не экономике, мы учим маркетинг». Я объясняю. Когда вы приходите ко мне с каким-то проектом, я же должен понимать, что он принесет прибыль, иначе мне как директору потом вам же нечем будет зарплату платить. Мне проще отказаться от ваших услуг, и тогда

вы становитесь не востребованы как работник, а я — как директор, как руководитель этого направления, и, значит, мне нечем показать свою полезность. Если вы здесь сейчас не научитесь правильно мыслить, вы потом совершите ошибки, которые также негативно скажутся вообще на всей экономике страны.

Бодрунов: Уважаемые Сергей Александрович, Ростислав Александрович, вы с разных сторон обозначили ту задачу, которую я хотел бы в завершение подытожить. Когда я начинал сегодняшнюю передачу, я сказал, что мы исследуем в Вольном экономическом обществе не только экономическую грамотность, но и экономическую активность. Это связанные вещи. Человек неграмотный может быть активен, но неэффективен, это первое. Второе, он может

быть неактивен, потому что он будет опасаться, бояться, обжегшись на молоке, дуть на воду и не заниматься тем, чем мог бы заниматься и вносить реальный вклад в экономику. Если он грамотен экономически, он смелее идет на определенные шаги и его шаги более эффективны и для него, и для экономики в целом. И поэтому мне кажется, что огромный потенциал заключается в том, чтобы повысить экономическую грамотность населения, таким образом повысить предпринимательскую активность на благо страны. Мне кажется, что мы с вами нащупали очень важный момент, который показывает, насколько важна экономическая грамотность, чтобы повысить благосостояние людей.

УРОКИ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Вольное экономическое общество России было создано Екатериной Великой в 1765 году, причем первой задачей этой первой в истории общественной организации было, как сейчас принято говорить, проработать вопрос об отмене крепостного права. Можем ли мы считать Екатерину II действительно великой, говоря о ее реформаторской роли? И как замораживание крестьянской реформы повлияло на события реформ Столыпина?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 23.12.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

*Константин Ильич Могилевский,
председатель правления Российского исторического
общества, исполнительный директор
фонда «История Отечества»*

*Юрий Александрович Петров,
директор Института
российской истории РАН, д.э.н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН*

Бодрунов: Я бы хотел начать наш разговор, уважаемые коллеги, с экономических преобразований в России в эпоху правления Екатерины Второй. Можно ли сказать, что в эпоху ее правления начались самые фундаментальные реформы после Петра I? Юрий Александрович, каково ваше мнение?

Петров: Мне кажется, что одной из самых больших заслуг Екатерины перед историей последующих поколений были те начала освобождения труда, которые она внедряла в народную толщу. Она приняла несколько указов о свободе занятия промыслами в России, чего до нее никто не сделал, — крестьяне получили возможность спокойно заниматься прядением, ткачеством, всеми промыслами, которые были им близки и необходимы, и в результате из крестьян выросли наши знаменитые текстильные династии, которыми мы гордимся до сих пор. И вместе с тем императрица была, конечно, государственным деятелем высокого уровня, и интересы и нужды государства она выносила на передний край своих реформаций. Она первой ввела в России бумажное денежное обращение, наряду с медной и серебряной монетой в стране стали ходить ассигнации.

Это было в считанных странах Европы в то время. Россия была в первой пятерке уж точно. Надо, конечно же, отдавать отчет в том, что это было следствием и войны с Турцией, и громадных военных расходов. С помощью этой революционной операции императрица насытила фиск, казну денежными средствами. Это было громадное достижение, которое привилось и прижилось при последующих императорах. Правда, тогда, все-таки должен оговориться, не было ясного представления об опасности излишней эмиссии, и со временем ассигнаций стали печатать так много, что они утрачивали свою стоимость по сравнению с серебром. Это привело потом к кризису денежной системы, особенно после войны 1812 года, и понадобилась новая реформа графа Канкрин, которая исправила эту ситуацию и установила четкое соотношение между бумажными деньгами и серебром. Тем не менее положила начало здесь Екатерина, и это одно из ее самых великих деяний.

Могилевский: XVIII век — по большому счету, в России век Петра и женщин. Екатерина Вторая завершила тот век и оказалась последней женщиной на российском троне, и можно сказать, что последняя попытка оказалась самой удачной. Ее даже сравнивать с ее предшественницами тяжело. Конечно, крупное достижение в том, что Россия территориально поменялась в то время, появились южные губернии — Новороссия, Крым.

И это дало в скором времени мощный экономический толчок, потому что эти земли расширили аграрные возможности страны. Конечно, это было на базе крепостного права. Альтернатив Екатерина и не старалась предложить: работало в то время все вот так, а ее просвещенческие идеи ограничивались рамками действующей системы фактического рабовладения в России. Покончить с ним оказалось задачей уже следующих поколений. В частности, ее внук Александр I начал этим предметно заниматься. Вклад ее неоспорим, на мой взгляд, в философию государственного строительства.

Она реально продолжила дело Петра, и то, насколько Россия изменилась за XVIII век, выйдя к концу XVII из Московского царства и став в начале XIX века крупнейшей и сильнейшей державой Европы, позволило ей одолеть Наполеона. Вот этот XVIII век — это Петр Первый и Екатерина Вторая, оба — Великие.

Бодрунов: О преобразованиях Петра мы говорили недавно в одной из наших передач, и я хотел бы, продолжив эту линию великих реформаторов России, обратиться к такому реформаторскому творчеству другого выдающегося экономического государственного реформатора России — Петра Аркадьевича Столыпина. Всем памятно, наверное, его слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». И вот эти слова стали, наверное, пророческими. Иногда даже говорят, что не умри Столыпин так рано, страна избежала бы потрясений 1917 года, а возможно, пошла бы другим путем. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения. Но как вы полагаете, Константин Ильич, а насколько оправдана такая сентенция, что был бы Столыпин, продолжил реформы, мы бы имели другую Россию, а не ту, которую мы получили к 1919–1920 годам?

Могилевский: Эта сентенция ошибочна, во-первых, чисто с фактической точки зрения. Столыпин сумел — вместе с царем, конечно, Николаем II — осуществить обширную программу реформ, во многом благодаря тому, что условия для ее реализации сформировались по итогам так называемой первой русской революции, и возник феномен, который в историографии получил наименование «испу-

ганный помещик». Крупные землевладельцы, которые традиционно имели в России большую власть, почувствовали экзистенциальную угрозу и дали возможность государственной власти модернизировать страну. Эта модернизация, сочетавшая в себе широкие, масштабные экономические, политические преобразования — начала работу Государственная Дума — и репрессивные меры, направленные против террористов, которые с оружием в руках выступали против власти и общества, быстро дала результат.

Бодрунов: «Столыпинские галстуки», как писали в советских учебниках.

Могилевский: Это неудачное выражение депутата Родичева, за которое он сам потом извинялся, вошло, к сожалению, в обиход.

Петров: Как и «столыпинские вагоны».

Могилевский: Когда в сталинские времена в них стали перевозить заключенных, тогда «столыпинские вагоны» и получили такую коннотацию. Так вот, этот испуганный помещик где-то после 1907–1908 годов начал приходить в себя, и 1909 год (а Столыпин, напомню, был убит в 1911-м) стал переменным годом во взаимоотношениях Столыпина с царем, в его взаимоотношениях с элитой помещиков. Это совершенно очевидно и по темпам прохождения его законопроектов, а чаще всего они не проходили Государственную Думу и Государственный совет, по частоте его встреч с царем. Политически Столыпин к середине 1911 года уже исчерпал свои возможности. Он сам говорил с горечью летом 1911 года про своих оппонентов, в первую очередь оппонентов справа: «Они думают, что революцию я окончательно победил. На самом деле это не так. Я просто ее отложил, что ли. Жиром они моим еще лет пять продержатся». Он ошибся всего на один год. И кроме того, он всего себя отдал стране. Он был тяжело больным человеком в свои 49 лет. В общем, и сам он жаловался на здоровье, и потом уже вскрытие показало, что организм был изношен. Ему в любом случае оставалось недолго. Убийство, тем более политическое, — это, конечно, трагедия, драма.

Кроме того, есть, мне кажется, еще и другая сторона: если Столыпина убили — и Россия утратила перспективы, то, получается, нет Столыпина — и нет надежды. Такой подход не дает возможности извлечь уроки из истории. А извлечь уроки можно, тщательно анализируя, что предлагало столыпинское правительство в той сложнейшей

ситуации, в которой оказалась страна в начале XX века, какие инструменты были использованы, что получилось, что не получилось и почему.

Бодрунов: Юрий Александрович, а как вы полагаете? Сейчас многие возвращаются к наследию Столыпина, и у нас есть немало людей, которые считают, что нужно использовать этот опыт столыпинских реформ. Скажите, пожалуйста, по вашему мнению, какие-то инструменты из тех, что были при правительстве Столыпина предложены, мы можем сегодня применять?

Петров: Когда разговор идет с историками, всегда хотят узнать, чему же история все-таки может научить день сегодняшний.

Бодрунов: Тем более директор института истории.

Петров: Я бы так сказал: главный урок из всей вот этой драмы столыпинской реформы заключается в том, что проводить ее нужно было лет на 20 раньше. Гигантская ошибка прежнего правительства была в том, что, видимо, не боялись и надеялись на авось, на то, что мужик стерпит.

Бодрунов: Я думаю, не созрели еще условия, ментальные условия в первую очередь.

Петров: Там была вполне осознанная линия на замораживание отношений, чтобы не допускать крестьянина к гражданскому состоянию, с чем Столыпин-то и столкнулся. Если бы эту реформу проводить можно было, провели бы ее вместе с отменой временнообязанных отношений (это было начало 1880-х годов), вот тогда у страны и были бы те самые 20 лет покоя, которые Столыпин считал необходимыми для успеха реформ. А в этой ситуации дело даже не в фигуре реформатора. В конце концов, были государственные деятели в России и другие, и, может быть, не меньшего масштаба. Тот же Сергей Юльевич Витте. Он как раз прямо обвинял Столыпина, что тот у него похитил идею реформы, которую Витте вынашивал еще до революции.

Бодрунов: Да, многие исследователи говорят, что основные идеи были у Витте как раз.

Петров: Основополагающие, системные — да, они у Витте были, но у него не было инструмента, рычагов, чтобы довести эти идеи до реальности. В экстремальных

условиях революции их получил Столыпин. И можно сказать, что его реформы — это детище первой российской революции, детище, которое было призвано предотвратить вторую. Сейчас много спорят, могла ли она быть успешна или она была обречена.

Я думаю, что главным форс-мажорным фактором послужила Первая мировая война. Если бы она не произошла, у России все-таки было бы несколько лет спокойного эволюционного развития, и за это время крестьянин мог бы стать той опорой государства, а не его врагом, о чем мечтал Петр Столыпин. Так что самый главный урок для нашего времени и нашего общества, мне кажется, заключается в том, что реформы надо проводить своевременно — не оттягивать, не затягивать, не пытаться прожить как бы прежним капиталом, не ждать, когда сама собой проблема исчезнет. Вот это, пожалуй, главный урок.

Могилевский: Но я бы добавил, что это самый, наверное, сложный вопрос в истории и в жизни: а когда это своевременно? Сейчас-то нам видно задним числом.

Бодрунов: Это как раз то, что я хотел спросить. Всякий раз задаешь вопрос: рано или поздно?

Могилевский: Те решения, которые принимали Александр Третий и его окружение, были сознательными: рассматривались разные варианты, шли дискуссии. То, что они сделали, оказалось действительно ошибкой, но эти решения не были стихийными. Их считали на тот момент своевременными, правильными, оптимальными.

Я бы еще добавил: где тот критерий успешности? Вот, 1941 год, зима, немцы под Москвой. Их отбросили свежие сибирские дивизии. Что это за люди? Это во многом дети столыпинских переселенцев, их сыновья. Если бы тогда не было организовано массовое добровольное переселение за Урал, то у нас не возникло бы там такого резерва человеческого капитала и вообще неизвестно, что с Сибирью было бы.

Бодрунов: То, что это было сделано, — это великое достижение. И идея замечательная была, и реализация.

Могилевский: Да. Это живое наследие Столыпина: новые населенные пункты, которые были тогда на пустом месте основаны, люди, которые и родились во многом благодаря тому, что была дана возможность жить на земле, вылезти из этой нищеты, реализовать свой потенциал, трудиться, работать на себя, на страну.

Бодрунов: Получить, говоря нынешними словами, достаточную экономическую устойчивость для того, чтобы чувствовать себя хозяином в своем доме и дать здоровое экономическое наследие.

Юрий Александрович, в одном из интервью вы сказали, на мой взгляд, замечательную по своему смыслу, я бы даже сказал, крылатую фразу: «Искать режиссеров наших бед бессмысленно, а знать отечественную историю необходимо». Как у нас сегодня обстоят дела с преподаванием истории в стране?

Петров: Мы сделали стандарт школьного образования по истории. Несколько лет назад по заданию президента такой стандарт был подготовлен. Это была такая большая рабочая группа, куда входили и сотрудники нашего института. На основе этого стандарта были подготовлены несколько линейек учебников для средней школы, эти линейки — вполне доброкачественные, и сейчас они в школе утвердились.

Следующий этап, я так думаю, будет вузовское образование, где есть тоже очень много проблем. Мы работаем над этим. Я не скажу, что наши успехи тут очень высокие и решающие, но такая работа идет. То, что интерес к истории в нашем обществе сейчас просто невероятно велик, для нас тоже очевидно и накладывает на нас особую ответственность. На историю сейчас спрос как никогда высок, и мы пытаемся на это реагировать. В частности, в виде таких проектов, как готовящаяся в нашем институте «Академическая история России» в 20 томах, где будет собрана вся сумма достоверных знаний об истории нашей страны, которой сейчас наука располагает. Этот двадцатитомник, я уверен, может послужить и таким хребтом, хорошей базой для подготовки учебников.

Бодрунов: Константин Ильич, Российское историческое общество также занимается важными исследованиями. Что у вас нового в этом направлении?

Могилевский: Мне кажется, большой ущерб историческому просвещению (в самом хорошем, благородном смысле слова) нанесло отношение к истории советского времени, когда на самом деле не ставилась задача понять реальные процессы, происходившие в обществе, а наоборот — подогнать прошлое под какой-то заранее заданный результат. Это, конечно, сказалось, на отношении общества к истории и на профессиональное сообщество наложило определенный отпечаток. Прошло 30 лет, но не так просто

это преодолеть. Однако тенденция благоприятная, и, частности, вот это качество труда, о котором Юрий Александрович говорил, — это то, что нынешнее поколение историков дает обществу. Общество действительно имеет право на качественное, серьезное историческое знание.

Конечно, работа со студентами в этом плане необходима. Я назову несколько цифр. У нас из всех студентов, которые в России получают высшее образование, только 0,4% — историки. У нас по образовательным стандартам изучение истории было обязательным на всех направлениях подготовки: на медицинских, инженерных, математических, физических факультетах. Но часто, к сожалению (а это всегда решение каждого отдельного вуза), это выливалась в имитацию исторического образования, потому что брали минимальное количество часов, которые возможны (это 72 часа), из этих 72 часов до 60% отводили на так называемую самостоятельную работу студентов, применяли еще какие-то ухищрения, которые всегда можно найти, если хочешь не заниматься этим. И в результате получали на историю России вместе со всеобщей историей, которые были записаны в образовательных стандартах, может быть, две лекции и два семинара. И вот сейчас Минобрнауки России по просьбе Российского исторического общества приняло решение. Решение надо было принимать: или просто отказаться от этой имитации (было бы честнее), или сделать по-человечески. Приняли решение в два раза увеличить минимальный объем изучения истории.

Из 144 часов — минимум для очной формы обучения — 80% контактной работы. Отсюда вопрос: какие цели мы перед собой ставим и каким минимумом исторических знаний должны обладать люди, которые получили в России высшее образование, независимо от того, учились они в российской школе или они, может быть, иностранные студенты и вообще в нашей школе не учились?

Для этого под руководством Юрия Александровича Петрова под эгидой Российского исторического общества подготовлен проект вот этого стандарта, этой концепции. Он сейчас проходит общественное обсуждение, профессиональное обсуждение. Дальше мы уже эту концепцию утвердим, и с 2023–2024 учебного года уже будет историческое образование нового качества.

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН

Сергей Юрьевич Глазьев,
действующий член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, академик РАН

Владимир Иванович Маевский,
заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН, академик РАН, лауреат премии имени Кондратьева

Георгий Борисович Клейнер,
заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» ЦЭМИ РАН, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ КОНДРАТЬЕВА

Николай Дмитриевич Кондратьев — российский экономист, который вошел в анналы мировой науки за свои поистине революционные исследования в области циклического развития экономической системы. Хотя основным идеям Кондратьева около 100 лет, они и в настоящее время не утратили своей актуальности. Это неотъемлемое свойство настоящих открытий, которые с полным правом могут быть отнесены к большой науке.

*По материалам научной конференции на тему: «Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность»
(к 130-летию Н.Д. Кондратьева)*

Петр Николаевич Клюкин,
заместитель директора Международного института
Питирима Сорокина — Николая Кондратьева,
д.э.н., профессор

Виктор Юрьевич Татузов,
старший научный сотрудник сектора
внешнеэкономической политики ИМЭМО
имени Е.М. Примакова РАН, профессор

Мамикон Сергеевич Айрапетян,
директор Центра сравнительного изучения цивилизаций
Института государственной службы и управления
РАНХиГС при Президенте РФ

Бодрунов: Идеи Николая Кондратьева касались наличия в экономической динамике больших циклов конъюнктуры, названных длинными волнами Кондратьева. Именно сегодня, судя по всем наблюдаемым индикаторам, мы находимся на историческом разрастании такой очередной волны, которая на десятилетия определит облик и основные черты существующей хозяйственной системы.

В научном сообществе нет четкого и однозначного консенсуса относительно идей Кондратьева о длинных волнах, и они остаются темой для дискуссий и по сей день. Тем не менее множество кризисов было спрогнозировано именно на основе теории длинных циклов: великая депрессия 1929–1933 годов, кризисы 1970-х, 1980-х годов, мировые экономические кризисы 2000–2001 и 2008–2009 годов. В этой связи личность и значимость Кондратьева и его теоретического наследия сегодня сложно переоценить. Его разработки — это не только чистая наука, но и сугубо прикладное знание, которое в современных условиях приобретает особое значение и как методологический базис для изучения сложных переходных процессов развития современной экономики и общества в целом, и как инструментальная основа для реализации эффективной экономической политики. И эти возможности учения Кондратьева, на мой взгляд, пока недооценены.

Действительно, что мы видим в разрабатываемых в современной России, да и не только у нас в России, стратегиях, программах, документах стратегического долгосрочного характера? Некоторую ожидаемую динамику, интенсивность которой от документа к документу и от сценария к сценарию может меняться. Но, как правило, неизменно одно: во всех этих документах так или иначе делается ставка на рост. Это кажется естественным — оптимизмом смотреть в будущее, стремиться к развитию, повышению благосостояния и так далее.

Но на практике мы знаем, и в теории Кондратьева это убедительно показано: долгосрочного монотонного роста не бывает. Экономической динамике присуща не просто неравномерность темпов развития, но и цикличность. Поэтому так важно, намечая долгосрочную стратегию развития, понимать, для каких фаз кондратьевского цикла она рассчитывается, учитывать особенности, присущие этим фазам. И если краткосрочные циклы могут быть в большей или меньшей степени купированы мерами контрциклического регулирования, то инструментария для регулирования долгосрочной динамики пока не создано. Именно эта задача является одной из целевых для многих современных идей, теорий и концепций цивилизационного развития, включая наработки теории технологических и мирохозяйственных укладов, ноономики и других.

Наша цивилизация сегодня находится на переломном этапе развития, и многие современные публикации и оценки отличаются высоким накалом алармизма. Многие говорят об уникальности этой ситуации, но это и так — с точки зрения возросшего могущества технологий, сотрясающего геοэкономическое пространства кризиса, и не так. Современная ситуация в этом смысле вовсе не нова. Комплексные кризисы и раньше случались в истории, и всякий раз их удавалось как-то преодолеть. Ну конечно, преодолеть, подчеркну, на мой взгляд, опираясь так или иначе в конечном счете на научное знание.

Безусловно, многие ученые размышляли об опыте преодоления таких кризисов, но лишь Николай Дмитриевич Кондратьев достиг истинного научного прорыва, обнаружив закономерность, цикличность долгосрочного экономического развития. И его теория обладает высоким прогностическим потенциалом. В частности, базируясь в том числе и на его выводах, еще 10 лет назад в своих разработках по индустриализации, а в дальнейшем по теории индустриального развития общества второго поколения и ноономики мы в Институте нового индустриального развития имени С.Ю. Витте в статьях предупреждали о высокой вероятности системного кризиса, аналогичного тому, что мы сегодня наблюдаем.

Николай Дмитриевич известен не только как создатель теории длинных волн и экономических циклов. Ученый был великим практиком. Он участвовал в разработке основной экономической политики, НЭПа, и методологии народно-хозяйственного планирования. Занимался вопросами развития отечественного сельского хозяйства, агропроизводства. Не теряют своей актуальности и идеи Кондратьева в области методологии общественнознания, в частности его подходы к анализу сущего и должного

в социально-экономических науках: имеем ли мы право оценивать действительность не только с точки зрения сущего, но и должного, то есть идеалов и социальных норм (или, как Кондратьев их называет, суждений ценности). В наше время интерес к этому вопросу не только не ослабевает, но, как мы видим, возрастает. Это вызвано обострением глобальных противоречий мировой цивилизации вследствие ускорения научно-технического прогресса, развития умного знаниеемкого производства. Все эти процессы создают предпосылки для качественного изменения существующей модели общественного устройства.

Но можно ли наметить контуры будущей модели без апелляции к должному? Ценности и идеалы влияют на экономическое развитие и могут быть предметом научного исследования, полагал Кондратьев. И вот в этом также заключается возрастающая актуальность еще одного (например, с точки зрения теории ноономики), чрезвычайно важного аспекта научного наследия главного экономиста НЭПа.

И, коллеги, интерес к идеям Кондратьева возник в мире очень быстро, надо это отметить. Он не ослабевает и в наши дни. Базовые идеи научного творчества Николая Дмитриевича были поддержаны, развиты и активно популяризировались Иосифом Шумпетером, связавшим кондратьевские волны с инновационным обновлением экономики, что, как известно, получило значительное продвижение в работах Герхарда Менша и Кристофера Фримена. Сегодня эти идеи продолжают развиваться в своих работах немало ученых, среди которых особо отметим Шарлотту Перес. Кстати, в ближайшее время на конгрессе в Санкт-Петербурге будет выступать Алан Фримен, сын Кристофера Фримена, с докладом об инновационных решениях, предлагаемых его отцом. Так что это у нас прямая связь.

Я бы хотел сказать также, что, к сожалению, в нашей стране в силу того, что Николай Дмитриевич был репрессирован в 1930-е годы, его научные и практические достижения длительное время замалчивались, однако, уже будучи в заключении, сам Николай Дмитриевич отмечал, что некоторые предложенные им (цитирую его высказывание) «идеи и основанные на них прогнозы получили жизненную проверку и, по-видимому, вошли в фонд признанных положений». Так он полагал, и время доказало правоту ученого. Одним из первых, кто продолжил развивать его идеи, стал академик Дмитрий Семенович Львов, положивший их в основу своей теории научно-технического развития. В дальнейшем этими разработками занимались многие другие ученые. В том числе, как я уже упомянул, теория

Кондратьева повлияла на формирование базовых идей и тех работ, которыми занимается Институт нового индустриального развития под моим руководством.

Интенсификация перехода к новым формам общественного устройства, которая связывается с очередным кондратьевским циклом, где происходит ломка старых форм, — это все продолжение этих работ, собственно говоря. И они опираются также на те работы, которые представляют собой описание технологического фундамента экономики в рамках перехода к шестому и зарождения седьмого технологического уклада по градации нашего уважаемого академика Сергея Юрьевича Глазьева.

Изучение больших циклов конъюнктуры сегодня вышло за пределы сугубо экономического анализа. Появились идеи современных циклических трансформаций не только в экономике, но и в цивилизационной общности в целом, что нашло отражение в концепции мирохозяйственных укладов нашего уважаемого Сергея Юрьевича Глазьева и историка Александра Эрвиновича Айвазова.

Эти идеи хорошо сопрягаются с теми, которые развиваются и в других направлениях исследований наших специалистов, наших ученых. Могу сказать только, что вся совокупность идей, упомянутых выше, отправным пунктом для которых послужили разработки Кондратьева, позволяет нам лучше ориентироваться в перспективах мирохозяйственного развития и определиться с той ролью, которая может и должна, следуя Николаю Кондратьеву, сыграть в этом развития наша страна. Но чтобы это у нас получилось, коллеги, нужна большая совместная работа, которая должна начинаться с разработки концептуальных платформ и адекватной стратегии перехода к новому этапу развития общества.

Глазьев: В советской политэкономии имя Кондратьева было практически предано забвению, и в середине 1980-х годов, благодаря инициативе Георгия Ивановича Микерина (еще одним соавтором был Павел Николаевич Тесля из Новосибирска), мы выпустили обзорную книгу по длинным волнам Кондратьева, где постарались обобщить те исследования, которые в основном, к сожалению, велись уже за рубежом. И мне посчастливилось встречаться и с Крисом Фрименом, и с Шарлоттой Перес, мы многократно дискутировали, удалось собрать даже небольшой коллектив ученых, которые занимались вопросами технологических траекторий и научно-технической политики.

Бум длинноволновых исследований на Западе возник в связи с тем, что мейнстрим никак не мог объяснить, откуда взялся структурный кризис 1970-х годов. Это стимули-

ровало обращение к работам Кондратьева, и тогда возникла школа Криса Фриезна. Также я бы упомянул Сергея Меньшикова и Леонида Клименко, которые внесли немалый вклад в реанимацию наследия Кондратьева. С тех пор эти исследования продолжаются.

Тогда же, в 1980-е годы, под руководством Андрея Семеновича Львова были развернуты работы по теории научно-технического прогресса, и мы выдвинули гипотезу, сегодня известную всем, — о том, что в основе каждой длинной волны Кондратьева лежит жизненный цикл комплекса технологически сопряженных производств, которые образуют воспроизводящуюся целостность, воспроизводственный контур, и этот цикл формирует примерно однокачественный набор требований к ресурсам. Мы ввели тогда понятие совокупности технологически сопряженных производств и показали такие устойчивые воспроизводящиеся целостности на макроуровне. Мы предположили, что жизненный цикл технологического уклада, который несколько длиннее, чем длинная волна Кондратьева, формирует эту длинноволновую динамику. Каждая длинная волна или лежащий в ее основе технологический уклад обозначен через базовую технологию трансформации энергии в полезную работу.

Взаимосвязь между длинными волнами Кондратьева и технологическими укладами выражается в том, что каждый технологический уклад описывается двухфазной логической кривой. Первая фаза — это развитие принципиально новых производств в недрах старого технологического уклада, когда еще экономическая среда не воспринимает базовое нововведение. Известно, что нововведения возникают не тогда, когда они появляются в головах ученых инженеров, а когда менеджерам, собственникам предприятий не остается ничего другого, как внедрять эти нововведения, иначе они рискуют обанкротиться. Вот этот комплекс новых технологий, вызревающих в недрах старого технологического уклада, ждет своего часа, который наступает в эпоху структурного кризиса.

Структурный кризис возникает из-за того, что технологический уклад и технологическая связанность, как любая технология, которая уходит в него, порождают синхронизацию технологий, формирующих технологический уклад, и для него характерно то же самое, что и для каждой отдельной технологии, то есть наступает момент, когда инвестиции в развитие технологий или комплекса технологий, в данном случае технологического уклада, начинают давать убывающую отдачу. У каждой технологии есть предел, как вы знаете, ее совершенствования, и то же самое касается и комплекса взаимосвязанных технологий.

Вторая производная меняет знак. Начинается снижение темпов экономического роста. В конце концов наступает такой момент, когда дальнейшие инвестиции в развитие сложившихся технологических траекторий вообще никакой отдачи не дают. И тогда монополисты пользуются возможностью поднять цены на свою продукцию для того, чтобы удержать норму прибыли. Самый монополизированный сектор — это энергетика, поэтому смена технологических укладов начинается со всплеска цен на энергоносители. То, что не могли долгое время объяснить (и Кондратьев обращал внимание на колебание цен на энергоносители), в этой теории хорошо объясняется: монополисты спекулируют в период, когда уже дальнейшие способы получения прибыли себя исчерпывают, и стоимость взлетает в разы. Это сигнал к структурной перестройке экономики, начинается депрессия, которая длится 10–15 лет (ее прекрасно описала Шарлотта Перес), и в ходе этой депрессии капитал из устаревших производств застревает в финансовом секторе, возникает иллюзия, что экономика финансируется — есть такой модный термин. На самом деле это всего лишь фаза или эпизод, длящийся 10–15 лет, когда старые технологии не работают, а новые еще недостаточно привлекательны, рискованны. И только после того как финансовые пузыри схлопываются и оставшиеся капиталы пробивают себе дорогу к новым технологиям, начинается новый длинноволновый подъем.

Все эти ритмы сложились в период индустриализации, со времен первой промышленной революции. С переходом к постиндустриальному обществу, к экономике знаний, конечно, есть подозрение, что все это может нивелироваться и таких четких циклов уже не будет. Но пока эта модель работает. Нам удалось, во-первых, показать одну из причин краха советской экономики, связанную с тем, что там не было механизма перераспределения ресурсов из устаревших технологических укладов в новые. И мы описали явление технологической многоукладности народного хозяйства СССР. К сожалению, наши рекомендации уже плохо воспринимались, и программа ускорения НТП припоздала. И технологическая многоукладность в итоге привела к резкому падению эффективности плановой директивной экономики.

Уже после того как Римский клуб издал свой знаменитый доклад «Пределы роста» (англ. *The Limits to Growth* — доклад Римского клуба 1972 года по проекту «Проблемы человечества», который содержал результаты моделирования роста человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов. — Прим. ред.), мы запоздало вступили в полемику, объясняя, что нет никаких пределов роста, что

новый технологический уклад снимает и экологические ограничения, и ограничения по эффективности. Переход к нему позволяет в разы поднять энергоэффективность и в разы снизить материалоемкость. И действительно мы видим, что экстраполяция тенденций, характерных для четвертого технологического уклада, основанного на химизации, автомобилестроении, которая породила алармические прогнозы Римского клуба, не сбылась.

Клейнер: Эта идея или, точнее, это направление, я думаю, должно вдохновить многих ученых, потому что обращение к базовым понятиям, фундаментальным основам экономического движения, экономической динамики, в рамках законов динамики в пространстве и времени, мне кажется, может стать основой теории конкретных экономических циклов, технологических, социальных укладов, институциональной динамики и, конечно же, теории социального развития.

Вот это многообразие циклов и кризисов, связанных с ними, порождает такую амбициозную задачу, которую можно рассматривать как вызов: построить единую теорию циклов, охватывающую все эти направления.

Я хочу вам кратко, к сожалению, и без иллюстраций обрисовать общие контуры предполагаемой или строящейся новой пространственно-временной теории циклов.

В основе этой теории положено понятие четырех основных базовых движущих сил экономики по аналогии с классической механикой Ньютона. У Ньютона выделяются силы инерции, трения, отталкивания и притяжения. Они имеют экономические аналоги. Сила инерции, равномерное и прямолинейное движение в механике — продолжение того движения, которое начато. Это фактически эволюция. Если нет изменения извне, то продолжается движение. Вторая сила — трения — наоборот, означает сближение или слияние экономических агентов. Это сила кооперации — так ее следует понимать в экономике. Третья сила — отталкивания — это сила конкуренции в экономическом плане, когда отдельные субъекты как бы отпихивают друг друга, будучи привержены одним и тем же интересам. И наконец, сила притяжения — это интерес, заинтересованность, это та сила, которая в том числе сближает продавца и покупателя.

Эти 4 силы в теории, о которой я вам рассказываю, определяют движение экономики, а их сочетание — ту среду, которая развивается, экономические циклы. В частности, длинноволновый экономический цикл характеризуется доминированием сил инерции, которые заставляют экономику самовоспроизводиться и развиваться дальше. Краткосрочный цикл Китчина, наоборот, связан

с доминированием сил трения, краткосрочных и локализованных в пространстве и во времени. Цикл Жюгляра, промежуточный между долгосрочным и краткосрочным, ассоциируется с движением силы отталкивания, с формированием новых хозяйствующих субъектов. Что такое хозяйствующий субъект? Это субъект, который хочет отпихнуть от себя других с помощью занятия определенной ниши и в пространстве, и во времени, и в конъюнктуре. И наконец, цикл Кузнеца, среднесрочный, занимающий среднее положение между циклом Жюгляра и циклом Кондратьева, соответствует доминированию сил притяжения.

Дальше возникает вопрос о том, можно ли повлиять на эти циклы? Оказывается, можно. Теория системного влияния на экономику говорит о том, как будут действовать вложения в те или иные сферы на циклы. А именно: если вы хотите продолжить длинноволновый цикл, вы вкладываете средства, ресурсы в развитие экономических сред, то есть того, что связывает отдельные субъекты в целом. Это будет эпоха застоя или стабильности, или, другими словами, эпоха инерции.

Если вы хотите усилить влияние инновационных изменений и перейти к эпохе перемен, вы должны вкладывать в инновационные проекты, и вполне понятно, каким образом это делается. Наконец, если вы собираетесь опереться на цикл Жюгляра, то это будет эпоха домостроительства, когда вы на базе конкуренции строите новую систему взаимодействующих хозяйствующих субъектов. И последняя эпоха — глобализации или распространения — связана с процессным движением и развитием процессных систем. Вы должны обеспечить процессное взаимодействие между субъектами, находящимися в разных точках пространства и времени.

Все эти вещи вполне контролируемы и соответствующим образом вы можете предотвратить или смягчить 4 вида кризисов, которые возникают при окончании эпох: кризис разочарования, когда социальные силы разочарованы в существующем укладе; кризис надежд, когда формируются надежды на новые эры; кризис эскапизма, когда люди стремятся либо поменять свое место в географическом пространстве, уезжая из страны или переезжая из города в город, либо изменить свое положение в пространстве отраслей, занимаясь другими вещами — которыми раньше не занимались, и так далее. Когда вы не хотите никуда перемещаться ни по отрасли, ни по географии, а хотите улучшить существующее положение — это кризис модернизации.

Дорогие коллеги, я бы хотел обратить ваше внимание на то, что предложенная конструкция позволяет не только обосновать, почему существует у нас только 4 имени авторов кризисов — Китчина, Жюгляра, Кузнеця и Кондратьева, почему нет 5 или 7 и так далее. И кроме того, она дает реальные возможности принимать те или иные стратегические меры для развития экономической стратегии, обеспечивающей управление экономическими циклами и предотвращение экономических кризисов.

Есть у нас и математические модели. Они должны возникать на базе системных моделей. Я делал большой доклад на тему о методологии построения экономико-математических моделей, где пытался обосновать, что их можно строить только тогда, когда вы вербально описали объект, системно, с помощью терминологии теории систем. Без этого пункта все разваливается и невозможно сравнивать одну модель с другой. Мы и в ЦЭМИ, и в финансовом университете развиваем математические модели, которые базируются на системном моделировании.

Маевский: В научном мире есть большой интерес к длинноволновой тематике, существует ряд интересных направлений. Я выделяю концепцию техноэкономических укладов Кристофера Фримена и Шарлотты Перес, а также теорию технологических укладов Сергея Глазьева. Но дело заключается в том, что при такой серьезной распространенности длинноволновая проблематика отторгается современным мейнстримом.

На сегодняшний день негативное отношение мейнстрима к длинным К-волнам объясняет отсутствие регулярных колебаний экономического выпуска. И я процитирую текст, который написан в очень серьезном, авторитетном учебнике «Высшая макроэкономика» Дэвида Ромера. Автор говорит: «Поскольку в динамике выпуска не наблюдается никакой регулярности, современная макроэкономика больше не рассматривает флуктуации как комбинацию детерминированных циклов разной длины. Попытки выявить циклы разной длины, включая Кондратьева, были прекращены в связи с их неэффективностью».

Превалирующее мнение на данном этапе состоит в том, что экономика выводится из равновесия шоками различной силы и характера, с относительно случайной периодичностью, после чего происходит распространение этих шоков. Основные макроэкономические школы отличаются друг от друга гипотезами о природе шоков и о механизмах их распространения. То есть, уважаемые коллеги, речь идет, в общем-то, о позиции, которую поддерживает примерно 90% тех, кто является сторонниками мейнстрима.

Я на этом слайде говорю, что мы согласны с утверждением Ромера об отсутствии регулярных К-волн в динамике выпуска, имея в виду динамику ВВП и ВВП, но тем не менее считаем позицию Ромера и вообще мейнстрима ошибочной. К-волны, кондратьевские волны, не имеют отношения к этим показателям. Динамика ВВП и ВВП носит по преимуществу экспоненциальный характер. Действительно, ВВП колеблется, но в основном это экспонента. Суть дела в том, что волны Кондратьева проявляются не в динамике ВВП или ВВП. Эта динамика с точки зрения К-волн действительно носит нерегулярный характер.

Они обнаруживают себя в поведении технико-экономических, социально-экономических показателей, отражающих взаимодействие двух сил. Первая сила — это радикальные технологические изменения, сопровождающие переход от одного технологического уклада к другому и вызывающие К-волны технико-экономических показателей, например, таких как капиталоемкость или показатели изменения структуры потребления первичных энергоносителей и так далее. То есть это не ВВП и не ВВП. И вторая сила — это сила, порожденная ответной контрциклической реакцией государства и рынка на радикальные технологические изменения. Действие этой силы проявляется в колебаниях социально-экономических показателей, таких как цены, ставки процента, курсы ценных бумаг и так далее. Напомню, выведение прежде всего индекса товарных цен, курса ренты, курса консоли, индекса роста заработной платы было для Николая Дмитриевича Кондратьева одним из важных аргументов в пользу существования К-волн. Эти две силы как раз подвержены циклическим колебаниям, а ВВП и ВВП — это уже продукт взаимодействия.

Проявляют себя К-волны и через структуру потребления энергоносителей. Одни виды энергоносителей умирают, например лес, потом приходит на смену второй — уголь, затем он тоже начинает отмирать, потом нефть, газ, ядерное топливо.

Мы провели расчеты по поводу капиталоемкости США. Получается такая вещь, что где-то после 2015 года она начинает падать, а это означает, возникают процессы растущей отдачи, а процессы растущей отдачи показывают, что мы переходим к новому укладу. Этот макроэкономический показатель хорош тем, что он может быть использован в макроэкономической модели.

Мы разработали динамическую модель переключающегося режима воспроизводства и показали, как две силы — технологические уклады и контрциклические инструменты — взаимодействуют между собой. Когда

такое взаимодействие возникает, то действительно поведение выпуска, как правильно говорит Дэвид Ромер, не обладает никакой регулярностью, то есть могут быть колебания, могут не быть.

Но суть заключается в том, что 90% ученых не исследуют проблему демпфирования, которая возникает в результате взаимодействия двух сил, они не видят циклы Кондратьева, поскольку ошибочно привязывают их к динамике ВВП и ВНП. А на самом деле волны Кондратьева существуют в системе технико-экономических, социально-экономических показателей, отражающих смену технологических укладов.

Нам удалось кое-что посчитать и показать, что действительно можно использовать макроэкономическое моделирование на основе идей Кондратьева и можно показать, что на разных стадиях длинной волны должны по-разному действовать инструменты, управляющие со стороны регулятора.

Клюкин: Когда мы берем одного экономиста той или иной эпохи, мы часто не получаем всего богатства идей. Если изучать Кондратьева вместе со Слуцким или с Чайновым, появляется многогранность. А на самом деле важно изучение становления российской экономической мысли с конца XIX по первую половину XX века в виде некоей сети, и тогда все краски будут видны. У нас до сих пор этой картины нет. Над этим сейчас работа и ведется.

Я бы хотел коснуться проблемы социальной статистики, динамики и хозяйственных систем. В современных учебниках неоклассической теории пишут, что систем может быть три. На самом деле наши классические экономисты выделяли достаточно много систем, но зачастую переводчики работ либо не были экономистами, либо они не чувствовали контекст той эпохи, то есть, скажем, Александр Чайнов до конца нам неизвестен. Наиболее серьезные его работы были написаны за рубежом в период командировки 1923–24 годов.

Школа Чайнова как раз организуется в это время. Его коллега Николай Кондратьев со своим институтом отпочковывается в 1922 году, а Чайнов организует свой институт, потом едет в командировку, возвращается, после чего происходит формирование его школы. Сейчас на эту тему идут исследования.

Николай Кондратьев после ареста написал бутырскую рукопись и суздальские письма, он продолжал работу. Важно зафиксировать, что до 1930 года у него была гипотеза больших циклов, но она все-таки была гипотезой. В 1933 году он пишет, что эти гипотетические положения вошли в комплекс общепризнанных — после Великой

депрессии и американских статистических исследований. Ему в тюрьму посылали известные работы Саймона Кузнеця, и он видел, что эти расчеты показывают его правоту.

В работах в заключении были не только циклы, но и накопленный арсенал статистических методов. Изучение бутырской рукописи еще не закончилось. В ней Кондратьев пытался и сделать введение в общую теорию своей системы, и сформировать подход к динамике статистики вероятности, он вводил причинно-следственные связи.

Потом его этапировали в Суздаль, и первые 3 года он более или менее нормально работал, продолжая рукопись, но там видно, какие книги он брал за основу. Он проштудировал всего Слуцкого, который был тогда одним из крупнейших экономистов, и понял, что идея больших циклов не бесспорна. В этот момент виден переход к теории экономического роста. Его теория тренда и та модель, которую мы знаем с конца 1980-х годов, — это одна из первых моделей роста.

У него — тоже метатеория, то есть не просто циклы, а еще тренды и социально-экономическая генетика в духе этического идеала Михаила Туган-Барановского о месте человека в системе.

Татузов: В 2022 году исполнилось не только 130 лет самому Кондратьеву, но и 100 лет теории длинных волн. Впервые он высказал эту идею в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны». Уже само название этой книги говорит о том, что она и сегодня актуальна. Там он очень интересно исследовал вопросы инфляции в условиях войны.

В 1925 году Кондратьев развил свои идеи и высказал гипотезу о зависимости военных конфликтов от хода длинных волн в экономике. Обращаю ваше внимание, что он показывал, что большая часть военных конфликтов возникает на повышательной волне. Ему в 1926 году противоречил Дмитрий Опарин, который считал, что больше оснований для возникновения военных конфликтов на понижательной волне, потому что страны могут искать в них выход из своих внутренних проблем.

Академик Сергей Глазьев сделал немало прогнозов, которые реализовались, в том числе ситуация на Украине, связывая это с понижательной волной длинного цикла. Я думаю, что в XX веке действительно ситуация могла поменяться и главные военные конфликты стали больше возникать (как Вторая мировая война) уже не на повышательной, а на понижательной стадии. Но это не умаляет заслуг Кондратьева, потому что саму идею о связи военных конфликтов с ходом длинных волн высказал как раз он. Мы знаем, что сейчас неокейнсианская школа, неолибера-

лы и так далее по-новому используют идеи основоположников, но это не умаляет заслуг основоположников.

Я думаю, что сейчас возникла необходимость, может быть, в неокондратьевской школе, то есть в максимально свободном, не догматичном использовании идей Кондратьева. Мы знаем о понижительных и повышательных волнах: каждая длиной по 20–30 лет, в сумме 40–60 лет. Кондратьев писал про 48–55 лет, допуская какие-то отклонения.

Мы еще в 2009 году в журнале «Банковское дело» опубликовали статью, где анализировали уклады, ссылались на Глазьева и Маевского, проводили параллели между 1930-ми, 1970-ми годами и в 2009 году делали прогноз, что, возможно, началась понижительная волна кондратьевского цикла, то есть будет как минимум 25 лет высокой турбулентности. И тогда же, в 2009-м, Владимир Мау заявил о том, что впереди турбулентное десятилетие, а в 2018 году на страницах «Вопросов экономики» он высказал мнение, что турбулентное десятилетие закончилось и мировая экономика выходит на более спокойную траекторию. Но он оказался неправ, потому что потом последовал ковид и нынешние геополитические обострения.

Точнее говорить, конечно, не об одном турбулентном десятилетии, а как минимум о двух, что, собственно, и соответствует подходам Кондратьева, поскольку он писал именно о 20–30 годах понижительной стадии, и можно предположить, что такая стадия началась ориентировочно в 2009-м или между 2005 и 2010 годом. И уже было 4 падения реального ВВП в Еврозоне с 2009 года. В этом году вроде бы там какой-то рост — 0,1 или 0,2%, что по сути ничего не меняет, а сейчас — четвертое падение реального ВВП в России. То есть эта турбулентность продолжается, и, судя по всему, так и будет длиться лет 20, как и писал Кондратьев.

Я уже почти 40 лет занимаюсь длинными волнами. В кандидатской диссертации еще в 1991 году я нашел в международных трудовых миграциях длинные волны продолжительностью 50–60 лет. В 2014-м мы отмечали, что российская экономика примерно с первого квартала 2013 года демонстрирует признаки стагнации, которая, согласно взглядам Николая Кондратьева, может длиться много лет и способна сопровождаться ощутимыми фазами новых кризисных процессов. К сожалению, так и получилось. Кроме того, в 2018 году, ссылаясь на Глазьева, мы писали, что если через 10 лет после начала Великой депрессии разразилась Вторая мировая война, то трудно ожидать спокойной экономической и политической жизни спустя десятилетие после мирового экономического кризи-

са 2008–2009 годов, что сопоставимо по масштабам с Великой депрессией. Это было опубликовано в 2018 году, а затем последовал ковид и геополитическое обострение на Украине.

В качестве рабочей версии я исходил из того, что с 2008 года началась понижительная волна. Периодизация была сделана около 10 лет назад. Упрощенно говоря, была великая депрессия с 1929 года, добавляем 40 лет — кризис 1969 года и их цепочка в 1970-х годах, прибавляем еще 40 лет — получается 2009 год. Если берем кризисы 1974, 1975, 1980–1982, то, приплюсвав 40 лет, узнаем даты кризисов в России. Это очень упрощенно, конечно.

Многие российские ученые, в том числе Глазьев и Малков, очень точно показывали, что впереди — обострение. Они предупреждали о кризисах. С моей точки зрения, прямые иностранные инвестиции очень точно отражают 40-летний кризис. Если мы берем ПИ в Россию, то с нуля начался рост в 1991 году, он достиг максимума в 2008-м, в преддверии экономического кризиса, когда прямые иностранные инвестиции в российскую экономику составили до 70 млрд долларов, и с 2009 года началось падение, а сейчас — почти ноль. По-моему, этот цикл отражает ход длинной волны. То же самое на глобальном уровне — не так явно. Там тоже наблюдается падение ПИ, международные организации предсказывают, что в ближайшее время перспективы на глобальном уровне у прямых инвестиций тоже достаточно пессимистические.

Айрапетян: На рубеже XIX и XX веков произошла циклическая революция в мировой экономической мысли. И не только в экономической, но и в цивилизационной. Все цивилизационные циклические концепции были разработаны в тот период. Михаил Туган-Барановский стал родоначальником этого направления, вообще общей теории экономических циклов. Об этом — его «Промышленные кризисы в Англии», «Русская фабрика». Дальше идет Ментор Бунятян. Единственная его работа, которая издана была в Российской империи в 1915 году, — «Морфология экономических кризисов, конъюнктура и так далее», а затем Николай Кондратьев. Это 3 фигуры, которые составили костяк вот этой циклической революции.

Циклические концепции, в том числе и Кондратьева, были в то время расстрельными, потому что они имеют политическое значение. Ведь если мы говорим о том, что есть экономический подъем, экономический рост, мы говорим о том, что есть и кризисы. Если есть кризисы, значит, кто-то до этого довел. Но в советское время это было нерезально. При социализме кризисов не было. Потом уже был Институт мирового хозяйства, который возглавлял акаде-

мик Варга, там занимались циклами мирового хозяйства, исключая СССР. Академик Варга докладывал лично Сталину по ситуации на мировых рынках и послевоенной депрессии. Насколько я знаю, академика сняли с должности и прекратили заниматься этим вопросом, потому что он сказал, что нового кризиса мировой системы не будет, это не понравилось, и его убрали.

В США в 1913 году американцы основали Федеральную резервную систему, а в 1920-м Уэсли Клэр Митчелл на основе Гарвардского барометра 1917 года создал Национальное бюро экономических исследований. Оно до сих пор существует, и у него огромный масштаб работ. Кроме циклических вопросов, они рассматривают здравоохранение, образование, трудовые ресурсы и так далее.

Трагичность ликвидации Конъюнктурного института циклических исследований Кондратьева и состоит в том, что страна стала неконкурентоспособной в экономической мысли. Именно Национальное бюро экономических исследований США вместе с Федеральной резервной системой стало одним из факторов того, что Соединенные Штаты вышли на передовые рубежи. Из Национального бюро исследований вышли многие советники президента Соединенных Штатов. Кстати, в Министерстве промышленности США тогда появилась комиссия по датировке циклов.

И Саймон Кузнец оттуда вышел, и многие-многие другие. Если бы был сохранен Конъюнктурный институт, Николай Дмитриевич продолжил работать, возможно, ситуация была бы иной. Мы с вами обсуждали создание такого бюро еще 10–12 лет назад, но это сложный вопрос, потому что власть никогда не любит ответственности за кризис, она любит ответственность за подъем.

赶上康德拉季耶夫浪潮

СОБЕСЕДНИКИ:

谢尔盖·博德鲁诺夫 (Sergey Bodrunov), 俄罗斯自由经济协会主席·国际经济学家联合会主席·以S.Yu维特命名的新产业发展研究所所长。俄罗斯科学院通讯院士·经济学博士·教授。

谢尔盖·格拉济耶夫 (Sergey Glazyev), 俄罗斯自由经济协会副主席·国际经济学家联合会协调委员会成员·欧亚经济委员会 (EEC) 一体化和宏观经济委员会成员 (部长)·俄罗斯科学院院士科学·经济学博士·教授。

Mikhail Golovnin·俄罗斯科学院经济研究所所长·俄罗斯科学院通讯院士·经济学博士。

Abel Aganbegyan·俄罗斯联邦总统领导下的RANEPA经济理论与政策系主任·俄罗斯科学院院士·经济学博士·教授。

Vladimir Mayevsky·俄罗斯科学院经济研究所制度演化·经济学与再生产应用问题中心主任·俄罗斯科学院院士·经济学博士·教授·康德拉季耶夫奖获得者。

Georgy Kleiner·俄罗斯科学院通讯院士·CEMI RAS “中观经济学·微观经济学·企业经济学”科学方向负责人。

这

这位经济学家留下了最宝贵的科学遗产，其理论部分在今天可能与 80 年前一样重要。

随着占主导地位的经济理论崩溃，人们对俄罗斯科学家工作的兴趣突然增加，尤其是

尼古拉·康德拉季耶夫 (Nikolai Kondratiev) 及其前辈和追随者圈子。在实践中重新思考

和使用科学家的遗产成为科学会议“N. D. Kondratiev 的科学遗产和现在”的讨论主题。

恰逢尼古拉·德米特里耶维奇 (Nikolai Dmitrievich) 诞辰 130 周年。

基于俄罗斯自由经济协会（俄罗斯 VEO）组织的“N. D. Kondratiev 的科学遗产和现在”

科学会议（在 N. D. Kondratiev 诞辰 130 周年之际）的材料，社会学系经济科俄罗斯科

学院科学院、俄罗斯科学院经济预测研究所和以 A. A. Nikonov 命名的全俄农业问题

和信息学研究所。

应用理论

“尼古拉·康德拉季耶夫 (Nikolai Kondratiev) 的发展不仅是“纯科学”，而且是纯应用知

识，这在现代条件下具有特别重要的意义，不仅可以作为研究现代经济和社会发展中

复杂瞬变过程的方法论基础，整体而言，也是实施有效经济政策的重要基础。

康德拉季耶夫教义的这些可能性仍然被低估了。”俄罗斯自由经济协会主席、俄罗斯科

学院通讯院士谢尔盖博德鲁诺夫说。

这位科学家回忆说，经济的许多转折点都是根据长周期理论预测的。这些是 1929-

1933 年的大萧条，1970-1980 年代的危机，以及 2000-2001 年和 2008-2009 年的全球经

济危机。康德拉季耶夫的想法涉及经济动态中存在的大联合周期，称为长康德拉季耶

夫波。Sergei Bodrunov 指出，今天，从所有观察到的指标来看，我们正处于这种规

律性波动的历史增长中，这将决定未来几十年现有经济体系的形态和主要特征。

俄罗斯科学院院士、欧亚经济委员会一体化与宏观经济委员会现任委员（部长）谢尔

盖·格拉济耶夫(Sergey Glazyev)回忆说，20世纪80年代后半期，西方出现了长波研究热潮。事实上，主流无法以任何方式解释1970年代的结构危机。这激发了对康德拉季耶夫著作的吸引力，随后出现了英国经济学家克里斯托弗·弗里曼学派，他是经济周期长波概念研究最深刻的人之一。

然而，这所学校在新自由主义经济模式中并不受欢迎。正如俄罗斯科学院院士弗拉基

米尔·马耶夫斯基 (Vladimir Maevsky) 所指出的那样，该奖项的获得者。Konratiev，今天主流对长K波的消极态度解释了经济产出缺乏规律性波动。

我将引用大卫罗默在一本非常严肃和权威的教科书“高等宏观经济学”中写的一段文字。作者说：“由于产出的动态没有规律性，现代宏观经济学不再将波动视为不同长度的确定性周期的组合。由于效率低下，试图确定不同长度的周期（包括康德拉季耶夫）的尝试已经停止。”这位院士说。

技术结构和 K 波

弗拉基米尔·马耶夫斯基认为罗默和一般主流的立场是错误的，因为康德拉季耶夫波与 GDP 和 GNP 的动态无关，而是反映了两种力量的相互作用。

“第一种力量是激进的技术变革，它伴随着从一种技术模式到另一种技术模式的转变，并引起技术和经济指标的 K 波，例如资本密集度或一次能源消费结构变化的指标等。

第二种力量是国家和市场对激进技术变革的反周期反应所产生的力量。”这位科学家说。

谢尔盖·格拉济耶夫(Sergey Glazyev) 院士表示，20世纪80年代，在安德烈·谢苗诺维奇·利沃夫的领导下，苏联经济学家致力于科技进步理论研究。其中一个假设是，康德拉季耶夫的每一次长波浪潮的核心都是基于这个时代占主导地位的技术的复杂行业的生命周期。

根据技术模式理论，在结构性危机时代到来的新技术组合正在蓄势待发。“结构性危机的出现是因为有一段时间，对复杂技术开发的投入开始产生递减的回报。

每项技术都有改进的极限，这同样适用于互连技术的复杂性。”Sergey Glazyev 说。

据这位院士称，向新的技术秩序的转变已经发生，但俄罗斯未能在形成阶段进入，世界领先。尽管如此，该国仍有机会成为世界经济新秩序核心的一部

分，进入康德拉季耶夫的长波。为此，有必要实施超前发展战略，其本质是在尽可能充分利用现有生产能力的情况下加速发展新的技术秩序。

康德拉季耶夫的预测思想

俄罗斯科学院经济研究所所长、俄罗斯科学院通讯院士米哈伊尔·戈洛夫宁(Mihail Golovnin)强调，尼古拉·康德拉季耶夫非常重视国民经济计划方法论的发展。

“尼古拉·德米特里耶维奇·康德拉季耶夫 (Nikolai Dmitrievich Kondratiev) 反对计划的论方法，他呼吁引入计划以实现国民经济的稳定，保持经济平衡，这些想法在我们这个时代极为重要，”这位科学家指出。

俄罗斯科学院通讯院士、CEMI RAS Georgy Kleiner 科学方向“中观经济学、微观经济学、企业经济学”负责人将康德拉季耶夫周期纳入统一时空周期理论。

这位科学家通过类比牛顿物理学中的力解释说，该理论基于决定经济运动的四种主要力量：惯性、摩擦、排斥力和吸引力。

按照 Georgy Kleiner 的说法，惯性力应该理解为进化（如果外部没有变化，运动会继续），摩擦力 - 经济主体的和解，合作，排斥力 - 经济竞争，吸引力 - 经济利益，将买卖双方联系在一起。

科学家认为，尼古拉·康德拉季耶夫的长波经济周期与惯性力的主导有关，约瑟夫·基钦的短期周期由摩擦力决定，朱格拉周期的主导作用属于排斥力，并在西蒙库兹涅茨循环中 - 吸引力。

“拟议的设计可以让你制定经济战略，管理经济周期并防止经济危机，”这位科学家认为。

谢尔盖博德鲁诺夫在谈到康德拉季耶夫理论在预测中的应用时，请注意没有长期单调增长的事实，即该指标通常是所有预测中的主要指标。

“经济动态的特点不仅在于发展速度不均衡，还在于周期性。因此，在规划长期发展战略时，了解计算康德拉季耶夫周期的哪些阶段、考虑这些阶段的固有特征非常重要。如果通过反周期监管措施可以或多或少地阻止短期周期，那么还没有创造出调节长期动态的工具。

正是这项任务是许多现代文明发展思想、理论和概念的目标之一，包括技术结构和世界经济结构、经济经济学等理论的发展。”这位科学家认为。

俄罗斯自由经济协会主席强调，尼古拉·康德拉季耶夫 (Nikolai Kondratiev) 本人已经入狱，他指出，一些提出的想法和基于这些想法的预测接受了生命考验，显然，它们进入了公认条款的基金。

Kondratiev - 农业综合体的实践者

尼古拉·康德拉季耶夫 (Nikolai Kondratiev) 出身于一个大农民家庭，他撰写了大部分关于农业的著作。早在临时政府时期，他就开始从事这一领域的工作，是粮食委员会的领导人之一，自 1922 年以来，这位经济学家成为人民财政委员会联合研究所所长，在那里他还处理了粮食问题。俄罗斯联邦总统、俄罗斯科学院院士 Abel Aganbegyan 回忆说，农业最重要。

“在某种程度上，他是新经济政策的思想家，新经济政策的繁荣很大程度上得益于农业的发展，而农业是当时最重要的产业。”

必须说，他也是第一个五年计划的作者，该计划被称为 23-28 农业五年计划。

他认为资本主义应该在俄国发展，他公开表示股份应该放在富农身上。此后，这位科学家于 1928 年被免去市场研究所所长职务，并于 1930 年被定罪，将其归咎于建立一个据称想推翻领导层的工农党，并被判处八年徒刑。已经在 1938 年的第二个法庭判处他死刑，判决于 1938 年在 Kommunarka 训练场执行。” Aganbegyan 院士说。

ЧАСТЬ III

ФИНАНСЫ И ТОРГОВЛЯ: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

**МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ. ВТОРАЯ ЧАСТЬ**

**GLOBAL TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT:
THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA. 2ND PART**

全球经济发展趋势：俄罗斯的角色和地位

**ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

**РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: ПЕРЕХОД
НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ**

ИСЛАМСКИЙ БАНКИНГ В РОССИИ

РОССИЯ И ИНДИЯ: УКРЕПЛЯЯ ПАРТНЕРСТВО

**РОССИЯ И КИТАЙ: ПУТЬ В НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УКЛАД**

RUSSIA AND CHINA: COMMON MODERNIZATION WAY

**КИТАЮ НЕОБХОДИМО ЗАНОВО ОТКРЫТЬ
ДЛЯ СЕБЯ РОССИЮ**

СОБЕСЕДНИКИ:

Валерий Анатольевич Крюков,
директор Института экономики и организации
промышленного производства Сибирского отделения РАН,
член Президиума ВЭО России, член Президиума
Международного Союза экономистов, академик РАН

Ван Вэнь,
директор Института финансовых исследований Чуньян
Китайского народного университета, сопредседатель
Экспертно-делового совета ВЭО России и Международного
Союза экономистов по вопросам развития российско-
китайского сотрудничества, эксперт Валдайского клуба

Александр Александрович Широ́в,
директор ИНП РАН, член Президиума ВЭО России,
член-корреспондент РАН

Михаил Юрьевич Головнин,
директор Института экономики РАН, член Президиума ВЭО
России, член Президиума Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН

Елен Владимировна Панина,
директор Института международных политических
и экономических стратегий — РУССТРАТ, член Президиума
ВЭО России, вице-президент РСПП, председатель Московской
конфедерации промышленников и предпринимателей,
д.э.н., профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России,
президент Международного Союза экономистов,
член-корреспондент РАН

МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ. ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Мы вступили в период острой фазы перехода к новому мироустройству. Эти новые условия требуют уточнения стратегических ориентиров для нашей страны и формирования новой модели ее экономического развития на их основе.

По материалам МАЭФ-2023

*Алексей Владимирович Куприянов,
руководитель Центра Индоокеанского региона
Национального исследовательского института мировой
экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН*

*Андрей Николаевич Клепач,
главный экономист корпорации ВЭБ.РФ,
член Правления ВЭО России, член Президиума
Международного Союза экономистов*

*Владимир Викторович Иванов,
заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН,
член Президиума ВЭО России*

Задача технологически и экономически независимой национальной системы

Бодрунов: Мы исходим из того, что цель и ценность развития любого общества, любой экономической системы — это человек, живущий в гармонии с собой и природой. Этой гуманистической, но одновременно и объективно необходимой для выживания общества идеей пронизана наша Конституция. Ее постановка, однако, столь же верна, сколь и абстрактна. Мы и в работах, и на наших конгрессах в рамках предыдущих форумов ее конкретизировали, показав, что долгосрочная перспектива развития общества — это движение к новому индустриальному обществу, обосновав вывод о неизбежном объективно обусловленном постепенном переходе цивилизационного развития к новому способу удовлетворения потребностей, в материальной основе которого лежит умное атономизированное и интеллектуализированное индустриальное производство, к общественным пространствам, в которых происходит развитие человека творческого, культурного, неэкономического, образно говоря, к миру ноо, а не зоо.

При этом мы понимаем, что противоречия современной цивилизации глубоки, старый мир неуступчив, стремится не потерять нынешние позиции, а где возможно — взять реванш, но такой мир в сегодняшней практике — это мир агрессии, санкций, острой борьбы в любых, даже порой недопустимых разновидностях. Он стоит у наших границ и правит бал во многих других центрах политических и экономических интересов. Мы вступили в период острой фазы перехода к новому мироустройству. Эти новые условия требуют уточнения стратегических ориентиров для нашей страны и формирования новой модели ее экономического развития на их основе. Последний год показал, что гуманизм должен уметь и защищаться, и наступать, и что бессильная, устойчивая, обладающая высокой степенью независимости экономико-политическая система развития человека и общества в рамках его традиционных вечных гуманистических ценностей окажется под угрозой.

Что это значит для нас? Для нашей страны встает задача технологически и экономически независимой национальной системы, обеспечивающей при этом и текущие социальные гарантии, и следование перспективным мировым цивилизационным трендам. Подчеркну важный момент: независимость не означает автаркию. Я это говорю и говорил неоднократно. Необходимо, насколько и где это возможно, развивать международное технологическое сотрудничество и партнерство, индустриальную кооперацию, брать лучшее, объединять усилия, но и наращивать собственный промышленный потенциал в рамках реиндустриализации экономики на качественно новой основе, заменяя технологический ущерб от ухода бывших партнеров и опережая конкурентов за счет развития наиболее передовых областей индустрии.

Однако независимость технологий и импортонезависимость экономики при этом не могут достигаться лишь за счет решения важной, но все же ситуативной задачи простого импортозамещения. Главное решение проблемы — достижение технологического суверенитета — может и должно быть обеспечено лишь за счет выхода на такой уровень развития, когда внешний мир окажется в зависимости от тех или иных наших отечественных технологий и развитых экономических институтов. И такие ориентиры надо ставить. Они достижимы.

У нас в России есть опыт подобных прорывов в космосе, авиации, атомной энергетике, химии, физических дисциплинах и технологиях и т.д. Есть немалые заделы, в том числе в академических институтах, их надо сохранять и опережающе развивать. Необходим решительный пово-

рот к усилению роли науки, только наука обеспечит технологический суверенитет страны. О возможности технологического и, соответственно, экономического рывка говорит и опыт Китая, совершившего гигантский скачок в технологическом развитии за последние 30 лет и поставившего под вопрос технологическое лидерство западных компаний в телекоммуникациях, в создании многофункциональных транспортно-логистических систем, во многих других технологических контрапунктах и зонах экономического развития.

Определение роли и места России в новом мироустройстве — задача чрезвычайной важности.

Как сегодня говорят, и это действительно так, — экзистенциальная. Ее решение во многом зависит от точности выявления истинных трендов развития цивилизации не только в ближайшие годы, но в перспективе десятилетий и более. Идет мощная трансформация общества. Эти вопросы надо исследовать детально и глубоко. В мировой общественно-научной науке этому сейчас придается колоссальное значение. Академическому сообществу России есть что ответить на этот вызов, возможно главный для всех нас, россиян, но это задача системная, синтетическая, комплексная, она не может быть решена без определенной координации работ структур Академии в этой сфере и, без преувеличения, ученых, не входящих в Академию, которые могут работать под ее методическим руководством.

В связи с этим ВЭО России предлагает создать в структуре Российской академии наук при Президиуме Академии специальный научный совет, возможно совместный, по проблемам современной трансформации общества, наделив его полномочиями консолидации исследований в этой сфере. Учитывая чрезвычайную важность этого направления, при ограниченности ресурсов, полное организационное и финансовое обеспечение деятельности такого совета могло бы по-партнерски оперативно взять на себя ВЭО России. Сотрудничество Российской академии наук и ВЭО России на протяжении всей нашей общей долгой истории всегда было плотным и давало немало позитивных плодов. Представляется, что совместная работа и по данному проекту также могла бы быть результативной и важной для общества и добрым совместным интеллектуальным подарком россиянам в связи с грядущим 300-летием Академии, поскольку поможет определять главные позиции в стратегировании развития страны. Ведь только выверенная, научно обоснованная стратегия развития, понимаемая и поддерживаемая обществом, позволит России занять достойное место в новом мире.

Развитие Азиатской России: проблемы, факторы, сценарии

Крюков: Азиатская часть России — огромная часть и российской, и мировой экономики по запасам полезных ископаемых, биоразнообразию и научно-образовательному потенциалу. Но что происходит с Азиатской Россией? Население убывает, и рабочая сила убывает, основные фонды стареют, валовая добавленная стоимость стремительно уменьшается — такова реальность. Наибольшая плотность населения — на юге, урбанизация — очагового, локального промышленного освоения. Как правило, это центры, восходящие к технологическому укладу, связанному с индустриализацией, то есть с классической структурой экономики, которая предшествует тому, о чем мы много говорим и о чем мечтаем в различных наших построениях и предложениях. Плотность автомобильных дорог и рыночный потенциал с точки зрения плотности населения и наличия экономических агентов — низкие. Стремительно развивается малый и средний бизнес, особенно в сфере услуг, но, к сожалению, его доля явно недостаточна в высокотехнологичных отраслях.

И вот у нас проблема — пространственный дисбаланс. Он в какой-то степени есть и на европейской территории, но для Азиатской России в связи с крупными геополитическими проектами, которые реализуются в Арктике или на локальном уровне в отдельных весьма удаленных центрах экономической активности, возникает и усиливается разрыв. Я бы сказал, это фрагментация пространства Азиатской России между научно-индустриальным потенциалом юга и тем, что реализуется на севере и в средней полосе. Научно-индустриальный и производственно-технологический потенциал средней и особенно южной полосы Азиатской России в очень слабой степени участвует в осуществлении этих проектов. Это касается СМП, проектов СПГ и проектов, связанных с освоением многих видов полезных ископаемых.

Эта проблема легла в основу крупного научного проекта, который был поддержан Академией наук. Мы завершили работу, и те выводы и соображения, которые я представляю, основываются на этой работе. Для реализации был создан консорциум, в котором наш институт стал координатором. Благодарю всех его участников, особенно — Институт народнохозяйственного прогнозирования, Сибирский федеральный университет, Институт катализа и Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья.

Цель проекта — создание методологических и технико-информационных основ разработки и обоснования направлений развития. Мы взяли на себя смелость с помощью современных информационных технологий поработать с этой реальностью и попытаться предложить решение. Мы разработали принципы пространственной политики. Этот проект отличается тем, что он основан на синергии и взаимодействии в рамках пространственно-распределенных цепочек создания не стоимости, а социальной ценности, то есть тех самых экономических мультипликаторов, но эти мультипликаторы должны быть проектно обусловлены, связаны с пространством на востоке России и служить каркасом для реализации дальнейших технологических укладов.

Идейная сердцевина подхода — синергия в рамках цепочек создания ценности различных составляющих, которые или реализуются, или имеют потенциал для реализации. Нам представляется, что только на основе не локальных или отраслевых проектов, а таких синергетически связанных и взаимодополняющих цепочек возможно реализовать те цели, о которых говорили уважаемые коллеги.

Я согласен с точкой зрения о том, что необходима ориентация на повышение сложности нашей экономики. Это в существенной степени обусловлено внешнеэкономическими и внешнеполитическими обстоятельствами. Повышение сложности должно стать целью государственной политики. Нам нужны не просто приросты ВВП, нам нужна материально обусловленная структурная характеристика тех показателей, которые стоят за этими метриками. Необходимо наращивание программ поддержки сложной промышленной экономики, замыкание недостающих элементов. Возникают дополнительные трудности в формировании вертикально интегрированных цепочек. К сожалению, те цепочки и их прообразы, которые были в советской экономике, во многом себя или исчерпали, или сильно укорочены. Все это предполагает формирование новых подходов к системе индикативного планирования.

Мы анализировали динамику и возможности, которые могут быть реализованы в Азиатской России в рамках традиционных направлений, — это металлургия, угольная промышленность, все, что связано с углеводородами. Их потенциал далеко не исчерпан. Опыт Канады, Норвегии, Австралии со всей очевидностью это показывает. К сожалению, у нас реализуется модель, при которой самые высокотехнологичные, наиболее значимые компоненты, оборудование — на 2/3 импортные. В стоимостном выражении они

составляют всего 10%, а с точки зрения экономической отдачи и влияния на итоговый результат деятельности ресурсных компаний и проектов, реализуемых на востоке, это все 90% — огромный дисбаланс. С одной стороны, мы говорим о локализации 60% нефтянки, а с другой — 10% импорта обеспечивают основной результат и основную экономическую эффективность.

Нами был разработан комплекс сценариев взаимосвязи целевых показателей по Азиатской России. Мы сделали современную базу данных, которая работает с большим числом проектов, и разработали базовый, пессимистичный и умеренно оптимистический сценарий. Со всей очевидностью последний показывает наиболее приемлемые результаты.

Что показывают наши расчеты? Если мы берем базу знаний и базу данных по всем проектам, которые упоминаются в средствах массовой информации, мы получаем темпы роста от силы 3%, то есть азиатская Россия не может служить триггером, катализатором экономического развития. Что это означает? Необходимы горизонтальное взаимодействие и углубление, расширение взаимосвязей, то есть дополнение проектной составляющей наработками, которые могут быть получены на базе современных технологий, создание базы знаний по 70 тысячам инвестиционных проектов. Проведена огромная работа. Сейчас мы ее развиваем с нашими коллегами из Уральского отделения РАН, то есть пытаемся осознать, как расширить наше понимание тех возможностей, которые открывают потенциал территории.

На базе знаний и понимания взаимодействия цепочек идет сборка и формирование проектов. Какие выводы это позволяет сделать? Казалось бы, выводы очевидные. Необходимы решения, которые принципиально отличаются от тех, которые были реализованы. Например, это не одна линия железной дороги, а сетевая, древовидная структура железной дороги и транспортной сети, которая является основой экономических взаимодействий на обширной территории и без которой невозможно реализовать те взаимодействия, те горизонтальные связи, которые мы предлагаем.

Ну и главное, мы представляем вашему вниманию современный подход на базе информационных технологий для глубокого понимания отраслей и взаимодействия различных хозяйствующих субъектов на обширных пространствах с осознанием их роли и места в экономике России.

Экономическое будущее Китая и российско-китайское сотрудничество

Ван Вэнь: В течение многих лет международное сообщество не приветствовало развитие китайско-российского сотрудничества. В последние годы Соединенные Штаты начали торговую войну против Китая, пытаются блокировать доступ Китая к современным технологиям и стремятся отделить свою экономику от китайской. Украинский кризис 2022 года привел к тому, что против России было введено более 10 тысяч санкций. Эти новые факторы добавили неопределенности китайско-российскому сотрудничеству. Однако факты показывают, что двусторонняя торговля между Китаем и Россией в последние годы стремительно росла, разрушая навязанные представления о китайско-российском сотрудничестве.

В 2015 году общий объем торговли между Китаем и Россией составлял 68 млрд долларов США, увеличился до 107 млрд в 2018-м, примерно до 147 млрд долларов — в 2021-м и почти до 195 млрд долларов — в 2022 году. За последние семь лет средние темпы роста превысили 20%. За первые четыре месяца 2023 года объем торговли между Китаем и Россией достиг уровня в 73 млрд долларов США, увеличившись в годовом исчислении на 41%. При сохранении такой тенденции поставленная лидерами Китая и России цель в 200 млрд долларов торгового оборота между странами в 2024 году будет выполнена досрочно и торговый оборот даже может достигнуть уровня в 250 млрд долларов США

Как известно, западный мир ввел против России более десяти пакетов санкций, в общей сложности более десяти тысяч санкций, в попытке победить Россию. Однако они недооценили политическую, социальную и экономическую стабильность страны и ее способность противостоять давлению. Запад недооценил коллективную сплоченность и стратегическую волю народа России. Экономика России не только не рухнула, но и демонстрирует уровень инфляции даже ниже, чем в других европейских странах.

Рубль оказался самой сильной валютой мира в 2022 году. В мировом рейтинге совокупного ВВП в 2022 году Россия поднялась с 12-го на 8-е место. Все это в полной мере доказывает ее устойчивость. Проводя политику жесткого блокирования России, некоторые страны также делают попытки мягкого блокирования Китая. Мы видим ограничение

инвестиций китайских компаний за рубежом, злоупотребление правилами экспортного контроля, давление на китайские высокотехнологичные компании и т.п. Такие попытки блокировать поступательное движение Китая не смогли ограничить технологическое развитие страны. Например, Китай является мировым лидером в области технологий 5G, запуск нового авиалайнера C919 разрушил монополию европейских и американских аэробусов, а китайские производители микрочипов смогли запустить революционный процесс 14 нм.

Внешнее давление Запада на Китай и Россию вынуждает эти две страны ускоренно двигаться к углублению и расширению всестороннего сотрудничества. Китайско-российскому сотрудничеству способствуют не только внешние обстоятельства, но и внутренние факторы на трех уровнях.

Во-первых, на стратегическом уровне у руководителей Китая и России высокая степень взаимного доверия. Наибольшее количество двусторонних встреч на самом высоком уровне Китай провел именно с Россией. За последние десять лет лидеры двух стран встречались более 40 раз. Совместное заявление, подписанное двумя сторонами в марте этого года, еще раз продемонстрировало приверженность руководителей Китая и России практическому сотрудничеству.

Во-вторых, на экономическом уровне Китай и России очень дополняют друг друга. От энергетики и сельского хозяйства до высококвалифицированных специалистов и инфраструктуры — у Китая и России есть свои сильные стороны. Углубление всеобъемлющего экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией на самом деле представляет собой задачу поиска взаимного дополнения, в рамках которого страны учатся друг у друга сильным сторонам и компенсируют слабые.

В-третьих, на общественном уровне у Китая и России есть социальная основа для углубления всестороннего сотрудничества даже в бытовом плане. До недавнего времени знания китайцев о России ограничивались современной русской литературой и искусством, например, им был известен Горький и «Подмосковные вечера». В последние годы в Китае стремительно стали популярны квас, русское мороженое и русские магазины на китайских платформах электронной торговли, где от покупателей нет отбоя.

Президент Путин — самый известный иностранный лидер с наибольшим количеством поклонников в Китае. В России также отмечается рост симпатий к китайцам. Видно, что свое влияние оказывают и внешние факторы, такие как давление со стороны европейских и американ-

ских стран, и внутренние факторы политического, экономического и социального характера в обеих странах. У китайско-российского сотрудничества нет и не будет никакого верхнего предела развития.

Распространенная в западных СМИ «теория достижения пика в российско-китайской торговле» обречена на банкротство. Конечно, неограниченная торговля между Китаем и Россией не означает, что эту торговлю нельзя оптимизировать.

Далее я хотел бы высказать некоторые предложения по оптимизации пяти аспектов торговли: структура торговли, сотрудничество в области энергетики, сотрудничество в области сельского хозяйства, инвестиционное финансирование и инфраструктурные проекты.

Один из таких аспектов — это структурная оптимизация китайско-российской двусторонней торговли. Помимо того, что Китай и Россия должны неуклонно наращивать общий объем торговли, им также следует стремиться к структурной оптимизации и искать потенциальные возможности для нее. Китай является крупнейшим торговым партнером России вот уже 13 лет подряд. Основу экспорта из России в Китай составляют энергоносители, в 2022 году на них приходилось 75% всего экспорта. Очевидно, что избыточная доля энергоресурсов не делает структуру торговли между двумя странами разнообразной.

С января по апрель 2023 года экспорт из Китая в Россию составил 33,6 млрд долларов США, что соответствует росту на 67% в годовом исчислении. Согласно последним данным, в апреле Китай экспортировал в Россию товары на сумму 9,6 млрд долларов США и импортировал из России на сумму 9,6 млрд долларов США. Экспорт в Россию китайских автомобилей, смартфонов, бытовой, строительной техники и т.п. значительно увеличился, а двусторонняя торговля стала более сбалансированной и диверсифицированной. В 2022 году китайский экспорт высокотехнологичной продукции в Россию вырос на 51%, а автомобилей и запчастей — на 45%.

Что примечательно, в первом квартале 2023 года Россия стала крупнейшим зарубежным рынком для экспорта китайских автомобилей. Однако совокупная доля китайско-российской торговли по-прежнему относительно невелика. В 2022 году объем торговли между Китаем и Россией составил лишь 3% от общего объема внешней торговли Китая, что меньше, чем общий объем торговли между Китаем и Малайзией, Китаем и Вьетнамом, и лишь около четверти объема торговли между Китаем и Соединенными Штатами. Россия является лишь десятым по величине торговым партнером Китая.

Тем не менее я уверен в перспективах китайско-российской торговли. При сохранении нынешних темпов роста Россия обгонит Южную Корею в 2030 году и войдет в тройку крупнейших торговых партнеров Китая. В связи с этим Китай и Россия должны воспользоваться этой возможностью и превратить краткосрочную инициативу для решения сиюминутных задач в долгосрочную программу глубокого взаимовыгодного сотрудничества.

Во-вторых, Китай и Россия должны стремиться к прорыву в энергетическом сотрудничестве. Они должны неуклонно развивать сотрудничество в сфере традиционной энергетики и в то же время стремиться к прорывам в его методах и расширять перспективы сотрудничества в области зеленой энергетики.

Китай — страна с самым большим энергопотреблением в мире, а Россия — с самыми богатыми природными ресурсами и запасами энергоносителей в мире. Китай должен стать крупнейшим покупателем энергоресурсов России. В феврале 2023 года Россия обошла Саудовскую Аравию и стала самым большим импортером нефти в Китай, и есть надежда, что такая тенденция сохранится.

Что касается сотрудничества в области природного газа, у Китая и России есть возможности для развития и в этом вопросе. В 2022 году объемы импорта СПГ в Китай из России по-прежнему ниже, чем из Австралии, Катара и Малайзии, составляя лишь 10% от всего импорта СПГ. Импорт природного газа по трубопроводам также ниже, чем импорт из Туркменистана, и составил всего 25%.

С модернизацией существующих трубопроводов и строительством новых линий импорт природного газа в Китай по трубопроводам из России в ближайшие несколько лет должен увеличиваться с существующих 15 млрд кубометров примерно на 25 млрд кубометров в год.

При сохранении неуклонного развития сотрудничества в области традиционной энергетики Китай и Россия также должны искать и анализировать новые модели партнерства: например, в области природного газа обеим странам следует изучить возможности для расширения сотрудничества по схеме «Китай — Россия + третья сторона». В будущем они могут продолжить обмен и сотрудничество в таких технологиях, как энергосбережение, энергоэффективность, улавливание и регенерация углерода.

В-третьих, Китаю и России следует стремиться к развитию сотрудничества в области сельского хозяйства. Для оптимизации деловой среды странам следует наладить каналы инвестиционного сотрудничества в смежных областях.

С 2010 по 2020 год объем торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Россией увеличился с 617 млн долларов США до 5,55 млрд долларов США при среднегодовом темпе роста более 10%. В 2022 году объем торговли сельхозпродукцией между двумя странами возрос на 43%, а ее экспорт из России в Китай увеличился до 7 млрд долларов США. Но это явно не предел китайско-российского сотрудничества в области сельского хозяйства.

Ежегодно Китай импортирует около 110 млн тонн зерна, из них только около 1 млн тонн ввозится из России, что составляет менее 1%. На Россию приходится только 1% от общего объема импорта сои в Китай. Численность населения в Китае в 10 раз больше, чем в России, при этом площадь пахотных земель России даже превышает аналогичную площадь в Китае. Высокая степень взаимодополняющих преимуществ в развитии сельского хозяйства между двумя странами еще не нашла своего полного отражения.

Сотрудничество между Китаем и Россией в области сельского хозяйства является не только аспектом общего торгово-экономического сотрудничества, но и фактором продовольственной безопасности, что может помочь обеим сторонам снизить зависимость от западных поставок продуктов питания. Китай и Россия должны изучить и сформулировать стратегию сельскохозяйственного сотрудничества, устранить разногласия в подходах, совместно создать благоприятную деловую среду для сотрудничества в области сельского хозяйства, а также разрешить ряд вопросов и проблем, таких как высокий инвестиционный риск для китайских сельхозпредприятий в России, трудности перемещения рабочей силы в Россию, различия в стандартах импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции и политические барьеры.

В-четвертых, Китай и Россия должны способствовать согласованию правил в отношении финансов и инвестиций. Обе страны должны создавать независимые финансовые организации, продолжать стимулировать расчеты в своих собственных валютах и прагматично увеличивать взаимные прямые инвестиции.

Коэффициент расчетов в местной валюте в торговле между двумя странами быстро вырос, превысив 45% в 2022 году, но взаимные инвестиции между государствами невелики. Ежегодные нефинансовые прямые инвестиции Китая в Россию — не больше 1 млрд долларов США, что составляет менее 1% иностранных инвестиций Китая. Прямые инвестиции России в Китай — всего более 10 млн долларов США, то есть менее 0,1% иностранных инвестиций Китая.

Китайско-российское финансовое и инвестиционное сотрудничество должно идти в ногу с темпами двустороннего политического, экономического и торгового сотрудничества. Создание китайско-российской финансовой экосистемы и содействие созданию независимых китайско-российских финансовых организаций может помочь двум странам избавиться от рисков и ограничений, связанных с европейскими и американскими финансовыми санкциями.

В-пятых, Китай и Россия должны дополнять друг друга в инфраструктурном строительстве. Обе страны должны увеличить инвестиции в инфраструктуру, особенно для улучшения коммуникаций в прилегающих районах.

В 2022 году был открыт первый китайско-российский автомобильный мост через пограничную реку Хэйлунцзян, который соединил города Хэйхэ и Благовещенск. Было завершено строительство железнодорожного моста Тунцзян, первого трансграничного железнодорожного моста между двумя странами, он был введен в эксплуатацию в 2023 году.

Я оценил ситуацию в 21 городе России и увидел, что российская инфраструктура развивается относительно медленно. Есть большой потенциал для строительства высокоскоростных железных дорог, скоростных автомагистралей и сетей. Китай «помешан» на инфраструктурных проектах, страна может активно участвовать в наполнении российского рынка, адаптировать ряд своих инфраструктурных проектов, способствовать быстрому развитию России и помочь в реализации всесторонней интеграции транспортных систем двух стран.

Одним из важных вопросов железнодорожной отрасли является необходимость строительства четвертой китайско-российской железной дороги между китайским районом Синьцзян и российским приграничным районом Алтая с учетом того, что пропускная способность двух железнодорожных узлов Хоргос и Алашанькоу в Синьцзяне практически исчерпана. Нужна магистраль, напрямую соединяющая западные районы Китая и центральные районы России без пересечения границ третьих стран.

Кроме того, есть еще много возможностей для сотрудничества между Китаем и Россией в области высоких технологий, обмена квалифицированными специалистами, образования, цифровой экономики, местного сотрудничества и культурных обменов. Не буду здесь касаться этих аспектов из-за нехватки времени.

Суммируя сказанное, еще раз отмечу, что китайско-российское сотрудничество — это длинная и широкая дорога, которая будет становиться все шире и длиннее.

Китаю и России следует воспользоваться возможностями, которые несет с собой новая ситуация, активно направ-

лять и стимулировать взрывной рост сотрудничества, делать его полномасштабным. В то же время нам следует проанализировать и исправить недостатки прошлого в китайско-российских взаимоотношениях, связанные с активными контактами на высшем уровне на фоне слабой активности на низовом уровне, а также сильной политической составляющей при слабой экономической. Кроме того, следует устранить формализм в сотрудничестве, а также неисполнение ранее заключенных договоренностей.

В будущем китайско-российское сотрудничество должно уделять особое внимание таким аспектам, как прагматичность, своевременность и доведение проектов до фактической реализации. Кроме того, при выполнении конкретных проектов оно также должно работать на опережение ситуации. В то же время такое сотрудничество должно активно формировать общественное мнение, укреплять всестороннее общение и взаимное доверие между двумя сторонами. Китайские компании и общество постепенно открывают для себя потенциал развития России, а обширный рынок Китая раскрывает свои объемы для России.

У регионализации нет альтернативы

Щиров: Прежде всего нужно сказать о том, что происходит в мировой экономике. А здесь, как это ни парадоксально, уровень неопределенности в отношении сценариев развития снижается. С чем это связано? Если еще 2, 3, 4 года назад мы говорили о том, что есть два возможных направления развития мировой экономики — регионализация и продолжение глобализации в некоторых возможных формах, то сейчас у регионализации нет какой-либо внятной альтернативы. Это означает, что крупнейшие развитые и развивающиеся экономики создают свои контуры экономического влияния и пытаются быть независимыми друг от друга. К чему это ведет? Во-первых, к тому, что доля развивающихся экономик, безусловно, увеличивается, но где-то за пределами 2030 года ситуация будет складываться таким образом, что рост доли этих стран начнет замедляться, потому что будут замедляться и темпы роста мировой торговли и мирового ВВП. Что касается контура развитых стран, то мы можем видеть, что есть тенденция к увеличению доли США в структуре мирового ВВП. При этом доля США будет расти, скорее всего, за счет ЕС, Японии, то есть тех стран, которые будут иметь относительно низкие темпы экономического роста.

Прогноз со снижением темпов роста мировой экономики и одновременно ускоряющейся регионализацией создают для России как выгоды, так и вероятные угрозы. То есть мы получаем возможность контроля над дополнительными цепочками создания добавленной стоимости в контуре развивающихся стран, но при этом вся мировая экономика будет развиваться медленнее.

Ключевая проблема регионализации в том, что она невозможна без того, чтобы крупные развивающиеся экономики, такие как Китай, Россия, Бразилия, Индия, не нарастили бы долю затрат на исследования и разработки. Они не смогут конкурировать с развитыми странами, если этого не произойдет, и поэтому это является неизбежным следствием того, что сейчас происходит в мировой экономике. А если это будет иметь место, то, по нашим оценкам, совокупные мировые затраты на исследования и разработки вырастут примерно на 200 млрд долларов в ближайшей перспективе по отношению к текущему уровню. Это около 20%. Это значит, что возникнут условия для существенного ускорения темпов научно-технологического развития. И мы должны понимать, по каким направлениям пойдет это развитие. Прежде всего это цифровизация, медицина и промышленный инжиниринг. И вот здесь для нас опять вызов, потому что Россия сейчас имеет совокупные затраты, внутренние и импортируемые, порядка 2,5% ВВП, а нужно 4%. Вот эти 1,5% ВВП мы должны добрать из собственных затрат на исследования и разработки и из использования затрат на исследования и разработки дружественных стран. Это серьезный вызов для всей научно-технологической политики в нашей стране.

Стратегическое планирование в Российской Федерации — геополитические аспекты

Панина: Комплекс угроз, который начал вырисовываться перед Россией еще до специальной военной операции, с ее началом встал в полный рост. Политика безоговорочного доверия к международным финансовым институтам, контролируемым Западом, опора на так называемое международное разделение труда, когда в обмен на сырьевые ресурсы мы готовы были получить все необходимое для нашей страны, оказалась полностью несостоятельной. Не буду останавливаться на том, как дорого Россия заплатила и платит за подобные иллюзии. Сейчас важнее другое — как в короткие сроки коренным образом поменять

ситуацию. Не только не проиграть войну, но и сохранить нашу страну в качестве суверенной державы, одного из политико-экономических центров мира в новом, идущем на смену старому миропорядку. Именно это является геополитической целью России до 2050 года.

Для того чтобы достичь этой геополитической цели, необходимо решение следующих долгосрочных задач.

В первую очередь, конечно, не проиграть коллективно Западу в военном противостоянии. Во-вторых, вывести Россию на уровень одного из геополитических центров силы. И в-третьих, обеспечить формирование блока стран, способных эффективно противостоять коллективному Западу.

Всего этого невозможно достичь без кратного роста в сфере ряда отраслей экономики. Это в первую очередь машиностроение, станкостроение, электроника, микроэлектроника — все то, что связано с высокотехнологичными сферами. Иными словами, то, чего добивался и добился Советский Союз ценой десятилетий самоотверженного труда советских граждан, России предстоит проделать в ближайшие максимум 5 лет. Я не могу говорить о том, что поэтапно. Нам не дадут возможности поэтапно куда-то двигаться. Максимум — 5 лет. А в военно-технической сфере — 1–2 года.

Очевидно, что система стратегического планирования Российской Федерации должна в полной мере учитывать геополитические аспекты сегодняшнего дня, особенно долгосрочные.

Остановимся на основных геополитических аспектах, которые влияют на наше стратегическое планирование. Первое — трансформация мирового порядка и перераспределение влияния в пользу не входящих в коллективный Запад стран. Для нас это необходимость учета переориентации товаропотоков экономического и технологического сотрудничества на другие регионы и учета стратегии развития дружественных стран, как мы теперь говорим. Или, во всяком случае, стран, с которыми мы сегодня в большей степени развиваем и ориентируемся на развитие экономического сотрудничества. И необходимость учитывать в нашем стратегическом планировании переход на геэкономические стратегии.

Сдвиг мировых экономических центров начался гораздо раньше. Если посмотреть динамику доли ведущих экономик в номинальном выражении в мировом ВВП, то мы видим, что с 1970 по 2021 год сильно снизилась доля США — с 31 до 23,9%, а также Германии и Франции. Зато в пятерку лидеров вырвались Китай, Индия. Причем по номинальному ВВП Китай занял второе место в мире, а по ППС — еще в 2014 году

опередил США. К 2030 году, согласно прогнозу Лондонского центра For Economics and Business Research, уже Индия выйдет на 3-е место, обойдя Германию. Я назвала только эти страны, но понятно, что сегодня есть большие потенциалы экономического развития у Индонезии, Вьетнама, исламского мира. Турция становится важнейшим игроком в Западной и Центральной Азии.

Мир также движется и к многополярному валютному режиму. Так, доля мировой торговли в долларах США в 2000 году составляла 75%, а в 2023-м уже 43%. Доля доллара США в международных валютных резервах все еще велика, но тоже заметно сократилась: 72% в 2000-м и 54% в текущем году.

И конечно, очень показательны объемы промышленного производства. Здесь тоже идет многолетняя трансформация, поскольку в погоне за высокими нормами прибыли Соединенные Штаты Америки деиндустриализовали свою страну, выведя производство в другие страны. Сегодня 25% мирового промышленного производства — это Китай, который опережает США где-то в 2,5 раза. И хотя Россия находится на 4-м месте, но с очень большим кратным отрывом от лидеров — и Китая, и США — в 2 с лишним раза.

Эти изменения мировой экономики налицо, и, соответственно, наша система стратегического планирования должна осуществить переориентацию в сторону других регионов мира.

Второй геополитический аспект для нашего стратегического планирования — это необходимость учета нами в долгосрочном периоде значительных изменений в страновой структуре. Он вытекает из первого аспекта и как следствие той санкционной войны, которая ведется в мире. Поэтому стратегический вектор России в международном экономическом взаимодействии задан новой концепцией внешней политики. А это укрепление партнерства, прежде всего в рамках СНГ, ЕАЭС, а также ШОС, АСЕАН, БРИКС. Расширение сотрудничества со странами Латинской Америки, Карибского бассейна.

Мы видим, как поменялась внешняя торговля. Только за прошлый год товарооборот с Китаем вырос на 29,3%, увеличила в 2 раза свою долю Турция. Конечно, здесь очень серьезно влияет параллельный импорт, который идет через нее и другие страны. Но не только он. У нас серьезно начали развиваться совместные логистические и инвестиционные проекты.

Теперь давайте посмотрим, готова ли наша логистика, наша транспортная инфраструктура к такой переориентации торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Так, территориальное сосредоточение действующей железнодорожной инфраструктуры идет левее Урала. Многие годы мы выстраивали свою политику, ориентируясь на взаимодействие с Западом. Поэтому за Уралом есть лишь ключевые магистрали, которых явно недостаточно для решения стоящих перед нами задач. То же самое — с автомобильными дорогами. Нам предстоит построить и реконструировать транспортные коридоры «Север — Юг», Транссиб, Приморье, участки автодорог Западная Европа — Западный Китай, скоростные магистрали, железнодорожные ветки и транспорт. И то же самое касается трубопроводного транспорта. Новые проекты ориентированы на юг и восток. Но ведь это огромные, масштабные изменения логистики, и не только логистики. Нам предстоит рядом с инфраструктурой выстроить города, потому что предприятиям нужны трудовые ресурсы. Перед нами — огромный комплекс задач, причем взаимосвязанных. Они зачастую решаются в ведомственном направлении по ведомственным стратегиям и программам, которые, к сожалению, часто между собой не сопрягаются.

Третий геополитический аспект в стратегическом планировании России — нам необходимо учитывать стратегии развития тех дружественных экономик мира, с которыми мы выстраиваем сейчас новые отношения, нужно выработать механизмы или системы взаимной координации.

Развитие крупнейших экономик не только Китая и Индии, но и западных стран основано на системах стратегического планирования в них. Очевидно, что укрепление нашего экономического партнерства с Китаем, Индией, Турцией предполагает не только учет нами стратегии развития этих стран, но и выработку механизма сопряжения наших стратегических целей и стратегических целей этих стран, этих экономик. Без этого будет невозможно добиться максимального экономического эффекта.

Например, России и Китаю необходимо развернутое и детальное взаимное планирование двустороннего сотрудничества в таких ключевых областях, как военно-техническая сфера, атомная энергетика, космос. Подобный потенциал развития имеется и во взаимодействии с другими странами. Например, и у Китая, и у Индии есть единая стратегия долгосрочного развития и единые для всей страны пятилетние планы. У нас нет до сих пор целостной системы стратегического планирования развития страны, нет единых планов. Есть прогнозы, есть стратегии отраслевые, территориальные. По оценкам Счетной палаты России, 60 000 разных документов. Довольно сложно будет сопрягать их со стратегиями развития Китая или Индии.

И здесь возникает вопрос создания у нас надведомственного координирующего органа по стратегическому планированию. Речь не идет о возрождении Госплана. Речь идет о том, что без централизованной координации стратегического планирования в стране, без вертикально интегрированного механизма от этой централизованной системы и без сотрудничества с соответствующими структурами других стран добиться координации во взаимодействии, в решении этих геополитических задач практически невозможно.

Подобные координирующие органы с высоким статусом в системе органов власти есть во всех развитых экономиках, в Соединенных Штатах Америки — это агентство при президенте. Есть они в Китае и Индии. Индия очень активно использует современные механизмы стратегического анализа и планирования. В них сочетается долгосрочное планирование — 20–25 лет, среднесрочное — пятилетнее и текущее — годовое. Они учли и лучший мировой опыт, и советский, конечно. Основную роль играет пятилетка. И поэтому, если мы говорим о расширении сотрудничества со странами, надо учитывать то, как сопрягаются наши системы стратегического планирования, и находить механизмы взаимодействия, контроля, мониторинга, исполнения поставленных планов, достижения заявленных целей.

И четвертый геополитический аспект в стратегическом планировании России — необходимость учета перехода ведущих экономик мира к наднациональному геэкономическому стратегическому планированию. Здесь ведущую роль сегодня играет Китай, хотя в других странах тоже есть геэкономические стратегии. В 2013 году Китай начал глобальный геэкономический проект «Один пояс, один путь», который состоит из двух проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь». «Один пояс, один путь» включен в число стратегических задач, поставленных перед правительством Китая, и учтен в пятилетних планах развития страны. То есть это не какая-то там будущая стратегия, а стратегия, которая трансформирована в текущие планы, в том числе и годовые.

В России таким геэкономическим стратегическим проектом может стать и становится постепенно программа развития Арктической зоны. Это направление предусмотрено в том числе новой концепцией внешней политики, развитием Северного морского пути в качестве конкурентоспособной национальной транспортной артерии с возможностью ее международного использования для перевозок между Европой и Азией в более короткие сроки.

У нас есть также и другие возможности для геоэкономического стратегического планирования. Это транспортный коридор, в частности «Север — Юг». И в заключение, подытоживая, хотела бы сказать, что геополитические реалии диктуют новые требования к управлению экономикой нашей страны. Во-первых, потому что масштаб задач является экзистенциально значимым для России. Это требует усиления роли единого центра принятия решений и создания для этого необходимой управленческой и методологической системы, вертикально интегрированной инфраструктуры.

Второе. В системе государственного стратегического планирования уже в масштабе России надо переходить к цепочке долгосрочных стратегических планов по развитию страны свыше пяти лет. Я имею в виду комплексное планирование, сочетающее как директивные, так и индикативные методы на пять лет и текущие планы на один год.

Третье. Лимит экстенсивного бюджетирования исчерпан. Нужна концентрация ресурсов на диктуемых новыми геополитическими вызовами направлениях. А для этого бюджет должен стать одним из важных инструментов реализации государственных стратегических планов.

И наконец, последнее, четвертое. Необходимо обеспечить переход во взаимодействии стратегических планов России с новыми геополитическими партнерами в сторону не столько замещения выпавшего западного импорта на восточный или южный, сколько в сторону реализации совместных, в том числе экономических проектов.

Межрегиональная дифференциация в России

Клепач: Для нашей страны характерна огромная межрегиональная дифференциация. Если брать зарплату врачей и учителей, то разница составляет 2,6–2,7 раза, медицинских работников — 3,6 раза. Поэтому одна из ключевых тем — это изменение пространственного межрегионального неравенства.

Один из основных вопросов: при какой динамике заработной платы мы можем обеспечить технологический рост и найти ресурсы для социальной программы? По сути дела, все последние годы мы развиваемся по траектории, связанной с уменьшением доли заработной платы в ВВП. Если в 2015 году порядка 48% ВВП приходилось на заработную плату, то сейчас — 30%, то есть мы вышли примерно на уровень Польши, но, правда, у нас лучше, чем в Турции. Тем не менее это существенно ниже, чем в развитых странах — США, Германии, Великобритании.

И возникает вопрос: а дальше на чем будет строиться наш экономический рост? Он может идти либо через увеличение прибыли и, соответственно, повышение нормы накопления, либо мы можем обеспечить технологический рывок тогда, когда все-таки существенно повысим заработную плату и в целом в экономике, и в секторах, которые связаны с человеческим богатством.

Если посмотреть на конкурентоспособность нашей заработной платы, то мы отстаем даже от стран Восточной Европы. Понятно, что в первую очередь у нас дефицит капитала и отсюда приоритет повышения нормы накопления. Мы многократно слышали это как одну из целей и в указах президента, но норма накопления у нас в последние 10 лет стагнирует вокруг 21–22%. Тем не менее по заработной плате: с одной стороны, вроде бы не так уж плохо выглядим на уровне Словении, Греции, но даже по сравнению с Польшей наша заработная плата по паритету покупательной способности на треть ниже.

Возникает вопрос: в этих условиях мы должны сохранять существующую тенденцию к сокращению относительной заработной платы и ее доли в ВВП и получению конкурентных преимуществ за счет низкой заработной платы или все-таки идти по линии опережающего роста заработной платы и через это создавать стимулы и для робототехники, и для повышения фонда оплаты труда.

Как мы знаем, у нас заработные платы формируются не просто рынком, но есть целевые ориентиры с 2012 года, особенно в том, что касается здравоохранения, образования, науки. И получается, что мы должны смотреть не только на то, как у нас соотносится рост заработной платы в экономике в среднем с сектором образования, науки и здравоохранения, но насколько наши зарплаты конкурентоспособны с тем, что есть в развитых странах и странах Восточной Европы, и насколько эта заработная плата сопоставима со сравнительной производительностью труда.

Что мы видим?

Даже при грубой оценке наибольшее отставание — в сфере образования. Что на дошкольном уровне, что в общем образовании зарплата почти в 2 раза ниже, чем в Чехии и Эстонии, и в 3 раза ниже, чем во Франции и США. В сфере здравоохранения, несмотря на значительные повышения зарплаты, ковидные надбавки, которые были и в 2021, и в 2022 году, у нас огромный разрыв по среднему, тем более по младшему медицинскому персоналу — практически в 2 с лишним раза. По врачам от Польши — 20%, от развитых стран — примерно вдвое.

Я думаю, у нас есть задача и потребность в существенном повышении сравнительной заработной платы и в ее опережающем росте в сферах образования и здравоохранения.

Если говорить о науке, то картина вроде бы не такая плохая. Мы тут от развитых стран отстаем не так уж сильно и в данном случае выйдем существенно лучше, чем Китай. Опять же, эти цифры не отражают всей степени неравенства в том же научно-технологическом секторе. В среднем в научном секторе зарплата отстает от зарплаты во Франции на 40–50%, но она выше, чем в Китае.

Зато если мы берем инженерно-технические кадры, то у нас средняя зарплата по паритету покупательской способности в секторе и науки, и технологического развития уже ниже, чем в Китае. И поэтому наши разработчики иногда зачастую туда целыми коллективами переселяются, тем более что им дают и жилье, и возможность реализовать многие наработки, которые, к сожалению, не удастся реализовать в России.

Поэтому на самом деле нам нужен серьезный рывок в росте заработной платы в секторах, от которых зависит наше будущее, — здоровье людей, образование и технологическое развитие. Но возникает, естественно, вопрос: а за счет кого? Если посмотреть на сравнительные отраслевые показатели заработной платы, то мы от всех стран отстаем несколькими вещами. Первое: у нас зарплата в финансовом секторе, а также в добывающих отраслях примерно в 2,5 и 1,8 раза выше, чем в среднем по экономике. (Если взять США, там финансовый сектор впереди в 1,6–1,7 раза.) То есть у нас есть сектора, где уровень зарплат намного выше, чем в среднем по экономике.

С другой стороны, хотя и улучшилось соотношение в аграрном секторе, но все равно там зарплаты составляют порядка 70% от средней заработной платы по экономике. Возникает вопрос: вот этот опережающий рост зарплат в сфере науки, образования и здравоохранения за счет кого должен быть сделан? Фактически эти соотношения должны во многом показать, как эффективно используются те конкурентные преимущества, которые у нас есть, в том числе рента и тот избыток сбережений по сравнению с инвестициями, который у нас имеется.

Он обычно составляет 5% ВВП, в последние годы — вообще до 10%. Мы его экспортируем. И хотя дальше рента и возможности для экспорта капитала будут снижаться, у нас все равно существует огромная возможность для того, чтобы эти средства инвестировать в наше развитие: в основной капитал, в дороги, оборудование и в человеческий капитал.

И тогда, по нашим оценкам, мы сможем перевернуть такую шкалу или лестницу сравнительных доходов, которые сейчас есть. До 2012 года у нас реальные доходы населения были выше, чем в Польше. Сейчас они составляют примерно 90%. Если сохранять нынешние тенденции, то они могут скатиться и до 70 с лишним, 80%. Тем не менее при проведении структурного маневра в отношении человеческого капитала мы при темпах роста 3 с лишним, даже 3 с половиной процента можем обогнать и Польшу к 2035 году, а к 2040 году выйти на уровень развитых европейских стран — Франции и Германии. В данном случае ресурсы для этого есть, это вопрос именно структурных и институциональных изменений нашей экономической политики.

Российский финансовый сектор в меняющейся мировой финансовой системе

Головнин: Все вопросы, связанные с российским финансовым сектором в меняющихся условиях, осветить невозможно (в рамках доклада. — Прим. ред.). Сосредоточусь на вопросах, связанных с открытостью этого сектора. Центральную роль здесь, конечно же, играют санкции, введенные в отношении России. Это привело к почти полному перекрытию потоков капитала. Даже там, где напрямую санкции не вводились, скажем, в отношении некоторых прямых инвестиций, уже сделанных, мы наблюдали процесс так называемого добровольного ухода компаний из России, то есть фактически дезинвестиций, ранее сделанных иностранными компаниями.

Есть агрегированный показатель, который говорит о финансовой открытости экономики. Рассчитывается он просто — как сумма прямых портфельных и прочих инвестиций с платежного баланса, поступивших и ушедших из России, потому что страна является одновременно и экспортером, и импортером капитала. Соответственно, чтобы учесть и те, и другие виды потоков, они складываются. Это принятый в международной методологии подход.

Что же он показывает? До кризиса в 2007–2009 годах нами был достигнут пик участия в международном движении капитала, затем произошел резкий спад, который получил в литературе название «внезапная остановка потоков капитала». Потом у нас случился кризис в 2014–2016 годах, первые санкции, и мы видим значительное снижение показателей вплоть до 2020 года.

А вот дальше интересный момент: в 2021 году у нас потоки капитала вдруг увеличиваются, они увеличиваются

и в 2022 году. Почему это не парадоксально? По абсолютным значениям потоки действительно большие, но в 2022 году случился почти исключительно отток капитала из России, а приток шел исключительно за счет сокращения активов. То есть это не новые иностранные инвестиции в российскую экономику, а активы, которые выводили, соответственно, наши экономические агенты из-за рубежа.

Давайте теперь с вами постараемся посмотреть на основные составляющие, которые связаны с участием финансового сектора в открытой экономике.

Первый не связан с финансовыми сделками, но очень важен. Финансовый сектор осуществляет проведение расчетов. И вот как раз значительные проблемы у нас были связаны с проведением внешнеторговых расчетов. И мы видим логичные изменения в валютной структуре этих расчетов. Мы видим, что в разы, даже на порядок повысилась в 2022 году доля китайского юаня и существенно выросла доля рубля. Понятно, что происходило это за счет сокращения доли доллара США и евро. Что касается валют остальных дружественных стран, их доля существенных изменений не претерпела, и здесь есть объективные причины. С одной стороны, нет ликвидных рынков российского рубля с этими валютами, в отличие от рынка с китайским юанем, который теперь является практически основным на валютном рынке России, постепенно тесня рубль и доллар. С другой стороны, это ограничения, которые используются в соответствующих странах. Все мы прекрасно знаем о проблемах внешнеторговых расчетов с Индией, в том числе связанных с наличием серьезных валютных ограничений в этой стране.

Теперь — о российских инвестициях за рубеж и инвестициях в Россию.

У нас резко выросли инвестиции за рубеж, но не надо это воспринимать исключительно как негативное явление. Напоминаю: в 2022 году было очень значительное положительное сальдо текущего счета платежного баланса, оно выросло с 122 млрд в 2021-м до 233 млрд. Резервные активы мы практически увеличивать не могли, только в какой-то степени за счет дружественных валют. Соответственно, единственный вариант направления средств был отток капитала. Здесь, конечно, играл свою роль отток и в дружественные, в том числе даже и подсанкционные страны, где риски были существенно меньше. Это был отчасти и в чистом виде отток капитала, но очень важны и операции, связанные с обслуживанием внешнеторговой деятельности, о чем я уже говорил.

Появились и отдельные проекты, а это важно, по налаживанию инвестирования в активы из дружественных

стран. Например, Санкт-Петербургская биржа открыла совместный проект с финансовым центром в Астане. Даже Альфа-Капитал получил статус иностранного портфельного инвестора в Индии, соответственно, с возможностью инвестировать в определенные активы. Появляется все больше активов, номинированных в валютах дружественных стран, прежде всего в китайских юанях, и, таким образом, представилась возможность для диверсификации активов инвесторов.

Конечно, с тем, что касается привлечения инвестиций из-за рубежа, картина грустная, но и особой необходимости не было: повторю тезис о положительном сальдо текущего счета.

Значительные проблемы возникли с российскими акциями, размещенными за рубежом. Фактически сейчас проводится делистинг на иностранных торговых площадках. Правда, пытаются при этом перейти на дружественные площадки, и уже есть примеры, когда в Астанинском финансовом центре как раз проходит листинг через глобальные депозитарные расписки наших компаний. Они зарегистрированы не в России, но мы прекрасно знаем, что это российские компании (в том числе Русагро), которые теперь пытаются привлечь капитал через другие юрисдикции.

Что можно ожидать в дальнейшем? Конечно, после того как капитал Россию покинул, логично предполагать, что будет иссыхание потоков капитала. С одной стороны, это может быть не плохо. Дело в том, что до этого наш рынок ценных бумаг во многом основывался на капитале нерезидентов. Может быть, настало время сформировать рынок ценных бумаг, основанный на национальном капитале, хотя, безусловно, важно сохранять его открытость и для капитала из дружественных стран.

Что касается внешнеторговых расчетов, то, скорее всего, доля китайского юаня будет продолжать расти. Вопрос, правда, насколько это будет актуально для торговли с третьими странами, но в целом возможен вариант перехода на расчеты в китайских юанях. Безусловно, перспективное направление — использование цифровых валют центральных банков, но пока это еще далеко от практического воплощения, тут очень важно, чтобы были совместимые платформы этих валют.

И очень тонкий момент: необходимо, чтобы наши контрагенты не подпали под вторичные санкции. Это касается, с одной стороны, выхода ценных бумаг российских эмитентов на фондовые площадки дружественных стран, а с другой, возможности вложения российских инвесторов в активы дружественных стран, когда открываются новые

перспективы для финансовой интеграции на евразийском пространстве.

Прошлый год, несмотря на все сложности и трудности, показал, что именно на низовом уровне интеграция существует, и она, пусть в таких неожиданных формах, как открытие счетов, заработала, и теперь, на мой взгляд, есть шанс на ее дальнейшее развитие.

Экономика Южной Азии в условиях мировой турбулентности: между прорывом и кризисом

Куприянов: Нет необходимости рассказывать, чем для нас важна экономика Южной Азии в сложившейся ситуации, когда мы оказались отрезаны от западных рынков, технологий, инвестиций: у нас, по сути, осталось два ключевых потенциальных партнера — это Китай (вторая экономика мира) и Индия (пятая экономика мира). Причем если Китай сейчас сам находится в процессе декаплинга с Соединенными Штатами, то есть частично под санкциями, и, скорее всего, будет под них дальше вползать, то Индия, наоборот, рассматривается Соединенными Штатами, Европой и Японией как один из ключевых партнеров, и они охотно вкладывают в нее деньги и технологии для того, чтобы создать на южной границе Китая своего рода противовес, бастион против роста китайского влияния.

Для России это открывает окно возможностей, потому что индийские власти на нынешнем этапе не собираются превращаться в американского вассала, и их стратегия довольно проста. Она состоит в том, чтобы получить от Запада максимум и отдать Западу минимум. То есть мы теоретически можем использовать Индию сейчас как своего рода хаб, передаточный центр, через который можно получать западные технологии, инвестиции и экспортировать наши товары на западные рынки, и сегодня это уже происходит.

В западных и наших СМИ пишут о том, что индийская экономика не может переварить все те гигантские потоки нефти, которые туда сейчас идут, в итоге она их, по сути, реэкспортирует: либо напрямую отправляет на Запад, либо в переработанном виде.

В обратную сторону процесс идет, но хаотично, потому что мы получаем от Индии инвестиции, технологии и западные товары, однако львиная доля этого импорта, по большому счету, спрятана, так как никто из индийских

компаний не хочет попадать под вторичные западные санкции. Поэтому часть того, что мы получаем от Индии, находится в торговле с третьими странами. Это прежде всего Египет, Китай, Объединенные Арабские Эмираты, Иран и Турция.

Индийские экспортеры, понятное дело, боятся, и поэтому крупные индийские компании с нами взаимодействуют очень слабо, в основном торгуют малые и средние предприятия, которые не боятся риска и охотно идут на довольно авантюристичные с точки зрения крупных компаний действия. И этот процесс будет нарастать, потому что санкции с России снимать не будут, и для того, чтобы хотя бы частично этот процесс легализовать, уменьшить издержки, необходимо понимать, как вообще функционирует южноазиатская экономика.

Первое, что нужно понять, когда мы смотрим на индийскую экономику и вообще на экономику Южной Азии, мы видим только верхушку айсберга, потому что в этой экономике есть огромный, колоссальный теневой сектор. Его точный объем не могут посчитать сами страны, потому что, например, по официальным данным, объем теневого сектора экономики Пакистана составляет от 35 до 40%, а по неофициальным данным — от 50 до 92%.

В Индии по состоянию на январь 2022 года, по данным центрального офиса статистики, в теневом секторе находится 53% всей экономики, при этом — 97% всего аграрного сектора, 75% строительного сектора и 87% всей торговли. И по всем странам региона — порядка 90% рабочей силы занято в теневом секторе. У этого сектора есть своя банковская система — знаменитая хавала, основанная на доверительных отношениях, через нее идут денежные переводы, в том числе за рубеж, и государство никак не контролирует ее. Разнице в цифрах удивляться не стоит, потому что теневая экономика — это вещь пульсирующая. Когда государство, например, успешно сочетает кнут и пряник, предоставляет удобный финансовый сервис и одновременно грозит репрессиями за его неиспользование, то понятно, что им будут пользоваться, объем теневого сектора сократится. Если издержки станут слишком велики, то найдутся обходные пути.

Что это значит в итоге? То, что государства Южной Азии, по сути, собирают только вершки всего того, что произрастает на их земле. В Индии подоходный налог платит 12% всего трудоспособного населения. Государство пытается бороться с этим, но пока безуспешно. Последний пример данной борьбы — это денежная реформа 2016 года, когда буквально за два месяца, даже меньше, правительство экстренно вывело из оборота все купюры достоинством

500 и 1000 рупий, то есть порядка 85% стоимости всей денежной массы. Причем те, кто сдавал большие суммы, обязаны были либо представить декларацию о доходах, либо заплатить налог. Результат был довольно плачевный, потому что на теневую экономику это не повлияло никак, а правящая партия в итоге сильно потеряла в популярности, и с тех пор правительство стало более осторожным. Понятно, что такая экономическая система дает свои плюсы и минусы. Плюс — в том, что любое решение правительства, каким бы неудачным оно ни было, экономику обрушить не может. А минус в том, что эта экономика функционирует помимо государства и не позволяет ему аккумулировать средства для решения каких-то конкретных задач.

Как страны Южной Азии реагируют на текущий кризис? Малые и средние страны сейчас переживают очень тяжелый период, потому что в основном они специализируются на производстве и экспорте товаров легкой промышленности на западные рынки. И к тому же они связаны в единый производственный комплекс: к примеру, Индия и Пакистан входят в первую пятерку производителей хлопка, затем хлопок отправляется в Бангладеш и Шри-Ланку, где меньше расходы на рабочую силу, там шьется одежда и экспортируется на западные рынки. Почти 90% экспорта Бангладеш — это текстиль, который идет в Европу. Очень большой удар по южноазиатскому сектору легкой промышленности нанес ковид, потому что, во-первых, во время локдаунов упало производство и, во-вторых, западные потребители заметно снизили объем закупок текстиля, особенно дорогого.

Отрасль начала более-менее восстанавливаться, и тут в 2022 году засуха в Индии и наводнение в Пакистане нанесли новый удар. В результате Шри-Ланка оказалась в кризисе, то есть к ее проблемам еще добавилось отсутствие турпотока во время ковида. Пакистан стоит в кризисе буквально одной ногой, и Бангладеш сейчас балансирует на грани. В значительной степени две последние страны от сползания в кризис спасает только большой приток иностранных инвестиций, в первую очередь китайских.

С Индией ситуация принципиально иная. Это экономика, которая в силу своего размера, своей многоукладности не подвержена таким резким колебаниям. У нее другие проблемы. Индийская экономика в первые десятилетия XXI века пережила стремительный подъем, когда темпы роста ВВП доходили почти до 10%. В основном происходило это за счет быстрого роста сферы услуг. И с тех пор практически перманентно наблюдается постепенное снижение темпов роста. Это еще не упадок, но это сигнал о том, что нынешняя модель экономики, рост которой обеспечивался

экспортом услуг, близка к исчерпанию, тем более в условиях возможного общемирового кризиса.

Также индийская экономика сталкивается с рядом структурных проблем. Во-первых, это демографическое давление. В Индии продолжается рост населения, и, по разным данным, ежегодно на рынок выплескивается примерно 10–15 млн молодого трудоспособного населения, при этом экономика в состоянии поглотить в лучшем случае 7–8 млн, то есть образуется излишек, который либо эмигрирует, либо прячется в скрытой безработице, потому что официальная безработица в Индии 8%, неофициальная — порядка 30%, включая тех, кто не имеет постоянного заработка и перебивается поденной работой.

Во-вторых, это бедность населения. По официальным данным, порядка 33% индийского населения живут меньше чем на доллар в день. Происходит истощение индийских плодородных почв, прежде всего почв Индо-Гангской равнины, в условиях демографического давления. После того как Индия провела зеленую и белую революции, избавилась от призрака голода, который над ней нависал на протяжении последних двух столетий, запас прочности, который был набран по результатам этих двух революций, похоже, почти исчерпан. Это показали результаты прошлого года, когда в результате засухи очень резко упал сбор пшеницы, из-за позднего муссона начались проблемы с производством риса, в результате индийское правительство было вынуждено ввести запрет на экспорт пшеницы и дробленого риса. Если по пшенице Индия не стоит на первых строчках экспортеров, то по объему экспорта риса она первая, и то, что она ввела временный запрет на одну из основных позиций своего экспорта, много значит.

В-третьих, это политическая нестабильность. Сейчас продолжается стихийная урбанизация Индии, растет число среднего класса, к которому в Индии причисляют все домохозяйства с годовым доходом от 500 тысяч до 3 млн рупий. Рупия сейчас чуть-чуть дешевле рубля. Вы сами примерно можете посчитать, что такое средний класс по индийским подсчетам. Это семья, которая суммарно получает порядка 47 000 рупий в месяц. Это семья, причем, как правило, это отец, мать и несколько детей, а не один ребенок. Формально это средний класс, а де-факто это бедный средний класс, который настроен, во-первых, довольно патриотично, во-вторых, консервативно и, в-третьих, в качестве своего ключевого основного врага рассматривает индийский старый «аппер-мидл-класс» — то, что Модди называет KHAN MARKET GANG, банда с ханмаркета, то есть тех людей, которые связаны с предыдущим режимом в Индии, режимом индийского национального конгресса.

Растет напряжение в деревне. Этим активно пользуются правые, они апеллируют к чувству справедливости и идее величия страны. Сейчас Индия по большому счету расколота надвое между сторонниками прежнего, более секулярного пути и сторонниками новой Индии, более правой и более склонной опираться на индуизм как основу культуры.

Правительство Индии как-то пытается сравить пар из этого котла и делает сейчас ставку на амбициозную программу развития экономики. Оно рассчитывает на то, что противостояние между Соединенными Штатами и Китаем будет углубляться и что Запад будет помогать Индии превратиться в альтернативу Китаю, то есть по большому счету строятся цепочки производства на месте Китая. Западный бизнес под давлением своих правительств будет уходить из Китая в Индию, потому что Индия рядом, там дешевая англоговорящая рабочая сила. В общем, со всех сторон Индия — выгодная площадка для того, чтобы туда прийти.

Проблема в том, что в Индии очень слабо развита инфраструктура. И сейчас Моди активно реализует проект по ее созданию опережающими темпами. План называется Сагармала, он предполагает развитие контейнерных портов, строительство каналов и увязку их с железными и шоссейными дорогами, то есть по сути это своего рода аналог нового курса Рузвельта, потому что, с одной стороны, он позволяет привлечь инвестиции, с другой — дать работу этому излишку рабочей силы, которая копится ежегодно.

Это очень амбициозный и рискованный план, и он уже дал несколько сбоев. Потому что, например, аграрная реформа, которая была нацелена на вывод сельхозсектора из тени, повышение его производительности, перевод традиционной экономики в капиталистическую, под влиянием массовых протестов закончилась в итоге тем, что власти пошли на попятную и реформу отменили. Но запас прочности у этой стратегии очень большой, в том числе за счет изменения самого механизма планирования.

С 2017 года в Индии больше нет пятилетних планов. Сейчас она действует по срокам 3-7-14. То есть на 3 года — конкретное планирование, на 7 лет — общая стратегия, на 4 — своего рода видение.

В общем, если план Моди работает, то вполне возможно, что все для Индии закончится хорошо и она действительно станет третьей экономикой мира к 2040 году. Если по какой-то внутренней причине план провалится, допустим, правящая партия «Бхаратия джаната» погрузится в политический кризис либо изменятся внешнеполитиче-

ские условия, например Соединенные Штаты и Китай найдут общий язык, то стратегия закончится крахом и индийская экономика войдет в рецессию и утянет за собой все экономики Южной Азии.

Что Россия может сделать?

Прямо сейчас мы можем использовать те возможности, которые нам представляет сотрудничество с Индией. Она позволяет нашим нефти и удобрениям выйти на азиатский рынок, а они благотворно влияют на индийскую экономику, на сельское хозяйство. То есть Индия как транспортер товаров получает свою копеечку. Понятно, что, со своей стороны, мы приобретаем нужные товары, технологии, инвестиции дороже, чем раньше.

Дальнейшее сотрудничество зависит от того, насколько сыграет индийская ставка на рывок. Если она сыграет, это нам позволит зацепиться за индийскую экономику и каким-то образом вылезти вверх самим. Если провалится, то мы поможем Индии, возможно, удержаться от падения вниз.

Глобализация 4.0: вызовы и возможности

Иванов: Если мы взглянем на весь процесс познания и производства, мы заметим, что все начинается со знаний. Самое главное — это получение новых знаний. Именно на них базируется образование, создаются новые технологии и, что самое главное, формируется новая культура. В основе этого лежат фундаментальные знания и наука, которые формируют политику и стратегию развития государства, технологии, экономику, оборонную безопасность.

Научно-технический прогресс подчиняется четырем законам. Прежде всего, коммерческая ценность результатов фундаментальных научных исследований постоянно повышается. Казалось бы, парадокс, ведь последние 30 лет мы как раз говорим о том, что фундаментальная наука не монетизируема. Но если иметь в виду, что все образование основано на фундаментальной науке, станет очевидно, что весь глобальный бюджет образования есть не что иное, как коммерческая ценность фундаментальных результатов.

Самый простой пример — фундаментальные законы Ньютона. Именно на них стоят все конструкции. А их действие распространяется в том числе на космические перелеты. Достаточно вспомнить закон всемирного тяготения. То, что технологии не могут противоречить законам природы, казалось бы, — очевидный факт, но недавно мы были свидетелями попытки провести специальную конферен-

цию по проблеме создания вечного двигателя. Наконец, распространение знаний и технологий не имеет границ. Это вполне понятно, поскольку законы — фундаментальные. Они действуют где угодно, независимо от климатических условий и типа развития государства. И так мы можем говорить, наверное, про технологическую глобализацию, с которой мы сейчас сталкиваемся.

В начале XXI века были запущены большие трансформационные процессы. Что послужило их истоком? Прежде всего, мы должны признать, что существующие модели социально-экономического развития исчерпали свои возможности. Это все происходит на фоне расширяющейся номенклатуры высокотехнологичной продукции и ее мало контролируемого распределения. При этом усложняется доступ к ресурсам, происходит переоценка базовых ценностей. Наконец, возникает очень сильное социальное, экономическое, информационное неравенство как между странами, так и внутри отдельных стран. Это все вызывает те самые глобальные трансформации, кризисные явления и даже конфликты, которые мы наблюдаем с начала этого века.

Сейчас можно выделить несколько теорий. Наиболее широко обсуждаемая — теория, выдвинутая Швабом. Наверное, все знают его концепцию четвертой промышленной революции. Один из выводов его теории в том, что если демократия и глобализация будут расширяться, то национальному государству места не останется. То есть речь идет ни много ни мало о том, что все глобальное управление переходит в руки транснациональных корпораций. Именно это и есть один из основных выводов его теории.

Но есть и другие точки зрения. Например, Стиглиц говорит о том, что свободного рынка не существует. В том же русле рассуждает и Дэниэл Белл: в постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки. Именно характер и форма государственной поддержки науки, ее политизация занимают центральное место среди политических проблем постиндустриального общества, то есть наука рассматривается как важный фактор политического развития. Мы можем говорить на этом этапе, что перспективный мировой уклад будет развиваться в виде конкуренции этих двух теорий. С одной стороны, теория постиндустриализма, в основе которой лежит приоритет развития человека. С другой — неокapитализм, который продолжает эту теорию, но самое главное — ориентация на накопление капитала. По какой бы траектории развитие ни шло, в основе будет технологический базис.

Человечество очень дорого заплатило за свое технологическое развитие. Посмотрите на несколько крупнейших тех-

нологических катастроф, начиная от ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Если подумать, что их объединяет, можно рассматривать многие вопросы, технологические и управленческие, то есть их культурно-технологический разрыв. Например, в бомбардировках Хиросимы и Нагасаки на уровне принятия решений не хватило культуры понять, к чему это приведет. Многие другие аварии связаны, скажем так, с разрывами культуры проектирования и культуры эксплуатации. С этим мы столкнулись на ряде электростанций. Нам еще предстоит оценить с этой позиции, наверное, катастрофу, которая произошла на Каховской ГЭС.

Нам уже надо рассматривать технологическую среду как элемент среды обитания и говорить об экологии технологии. Впервые об этом было сказано в 2010 году. Здесь есть два основных положения: применение технологий, не соответствующих уровню культурного развития, приводит к катастрофам. Любая, даже самая прогрессивная социально направленная технология имеет пределы своего применения, при переходе через которые она может нанести постоянно возрастающий ущерб. Самый простой пример — это лекарства. Если их употреблять столько, сколько рекомендовано врачом, то есть надежда на выздоровление. Если больше или меньше, эффекты могут быть непредсказуемые.

Среду обитания человека надо рассматривать не только как природную среду, но и как совокупность природной, технологической, информационной и культурной среды. Мы можем выделить четыре основных технологических сектора, которые отвечают за сегодняшнее технологическое развитие.

Прежде всего, это энергетика. Далее — информационные технологии. Мы живем в информационном пространстве. Новые материалы — тоже важнейшая отрасль, начиная от лекарств и заканчивая всем необходимым для той же энергетике и мобильных систем. И наконец, технологии жизнеобеспечения, куда входит и сельское хозяйство, и здравоохранение, и пищевая промышленность. Мы вплотную подошли к понятию, о котором уже упоминали, — гуманитарно-технологическая революция. Суть ее заключается в том, что технологическое развитие имеет социально-гуманитарный вектор. Необходима новая система образования, которая позволяет воспринять суть происходящих трансформаций и адекватно на них реагировать.

И наконец, один из ключевых вопросов — в какой парадигме мы живем: человек для экономики или экономика для человека? Это те вопросы, на которые дает ответ гуманитарно-технологическая революция. Отсюда мы формулируем глобальные вызовы, на которые нам нужно искать

ответ. Одна из первостепенных задач — изменение системы ценностей и выработка новых. И вопрос: мы можем следовать традиционным ценностям или они тоже должны быть ограничены чем-то? Ответа на него пока нет.

Новая культура непосредственно связана с технологическим развитием, трансформацией среды обитания и гуманитарно-технологической революцией, в результате которой будет сформирован новый мировой уклад.

При этом мы должны четко понимать, что в новом укладе свой суверенитет и свое лидерство могут обеспечить только страны, которые обладают собственным технологическим суверенитетом, то есть способностью самостоятельно выпускать высокотехнологическую продукцию, необходимую для решения стратегических задач развития. Именно технологический суверенитет является фундаментом инновационного развития. Эта задача была обозначена не сегодня. Еще в 2018 году в Послании Президента РФ Федеральному Собранию были сформулированы четыре основных направления, был задан новый вектор развития государства. Прежде всего, это повышение качества жизни, ликвидация отставания от технологических лидеров, развитие территорий, обеспечение оборонной безопасности. И вот эти вопросы сейчас выходят на первое место. С учетом санкций очевидно, что мы должны переходить к экономике полного инновационного цикла, когда мы умеем делать все — от фундаментальных исследований до выпуска продукции и ее рыночной реализации. Возникает вопрос: а в принципе это возможно сделать или нет?

Вернемся к истории: после победы в Великой Отечественной войне за 15 лет страна превратилась в мирового технологического лидера. Тогда у нас была запущена первая в мире АЭС, первый в мире искусственный спутник. Советские ученые получили Нобелевскую премию за открытие лазеров. И вообще, несмотря на тяжелые послевоенные годы, страна очень быстро восстанавливалась и развивала свои технологии. По-видимому, нам нужно, если нельзя копировать прошлый опыт, по крайней мере, воспользоваться тем положительным, что было тогда.

Перечислю некоторые проблемы, которые требуют решения уже сейчас. Прежде всего, мы должны принять четкую стратегию перехода к экономике полного инновационного цикла, обеспечить конструктивный диалог власти, науки, общества и бизнеса. Здесь же нам надо четко определить те критические технологии, которые нам необходимо освоить в первую очередь. Понятно, что по всему спектру мы двигаться не можем. Надо сконцентрироваться на том, что необходимо сейчас. Я замечу, что у нас сегодня действует несколько систем приоритетов научно-техноло-

гического развития. По-видимому, их надо привести в единое целое.

Одним из ключевых вопросов является восстановление системы фундаментальных исследований под руководством Академии наук. Я замечу, что до 2020 года такая система существовала. В новой программе ситуация оказалась несколько размытой. Давайте вспомним, что наша система образования была заложена фактически примерно тогда же, когда и Российская академия наук, 300 лет назад. В первом положении об Академии была проведена линия: академия — университет — гимназия. С тех пор в мире ничего лучше не создали. Наверное, нам надо подумать о том, как нам вернуться и восстановить эту связь науки, высшего и общего образования.

Наконец, нужно обеспечить взаимодействие научно-технологического и производственного секторов, в том числе на условиях частно-государственного партнерства со снижением административных барьеров. Это очень сложная задача, и, несмотря на многие декларации по этому поводу, она до сих пор у нас не решена. Сейчас нам надо подумать о том, как сконцентрировать усилия научного сообщества на выработке новой теории социально-экономического развития, которая бы уже исходила из имеющихся вызовов и глобальных тенденций. Ибо, как говорил член-корреспондент Петербургской академии наук Густав Кирхгоф: «Нет ничего практичнее хорошей теории».

INTERLOCUTORS:

Valery Anatolyevich Kryukov,
Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (RAS), member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists (IUE), academician of RAS

Wang Wen,
Director of the Chongyang Institute of Financial Studies of the People's University of China, co-chairman of the Expert Business Council of the VEO of Russia and IUE on the development of Russian-Chinese cooperation, expert of the Valdai Club

Alexander Alexandrovich Shirov,
Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS, member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the IUE, corresponding member of the RAS

Mikhail Yuryevich Golovnin,
Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, corresponding member of RAS

Elena Vladimirovna Panina,
Director of the Institute of International Political and Economic Strategies - RUSSTRAT, member of the Presidium of the VEO of Russia, Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics, Professor

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
co-chairman of the MAEF, president of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists (IUE), corresponding member of RA

GLOBAL TRENDS IN ECONOMIC DEVELOPMENT: THE ROLE AND PLACE OF RUSSIA. 2ND PART

We have entered a period of acute phase of transition to a new world order. These new conditions require clarification of strategic guidelines for our country and the formation of a new model of its economic development based on them.

Based on materials from MAEF-2023

Alexey Vladimirovich Kupriyanov,
*Head of the Center for the Indian Ocean Region at IMEMO
named after E. Primakov of RAS*

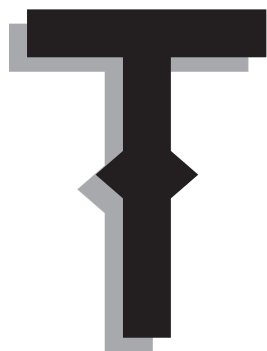

Andrey Nikolaevich Klepach,
*Chief Economist of VEB.RF Corporation, Member of the Board
of VEO of Russia, Member of the Presidium of IUE*

Vladimir Viktorovich Ivanov,
*Deputy President of RAS, Corresponding Member of RAS,
Member of the Presidium of the VEO of Russia*

The task of a technologically and economically independent national system

Bodrunov: We proceed from the fact that the goal and value of the development of any society, any economic system is a person living in harmony with himself and nature. This humanistic, but at the same time objectively necessary for the survival of society, idea permeates our Constitution. Its formulation, however, is as true as it is abstract. We have specified it both in our works and at our congresses in the framework of previous forums, showing that the long-term perspective of the development of society is a movement towards a new industrial society, substantiating the conclusion about the inevitable objectively determined gradual transition of civilizational development to a new way of meeting needs, on a material basis which lies smart atomized and intellectualized industrial production, to public spaces in which the development of a creative, cultural, non-economic person occurs, figuratively speaking, to the world of noo, not zoo.

At the same time, we understand that the contradictions of modern civilization are deep, the old world is unyielding, strives not to lose its current positions, and where possible – to take revenge, but such a world in today's practice is a world of aggression, sanctions, intense struggle in any, even sometimes unacceptable, varieties. It stands at our borders and rules the roost in many other centers of political and economic interests. We have entered a period of acute phase of transition to a new world order. These new conditions require clarification of strategic guidelines for our country and the formation of a new model of its economic development based on them. The last year has shown that humanism must be able to both defend itself and attack, and that a powerless, stable, highly independent economic and political system for the development of man and society within the framework of its traditional eternal humanistic values will be under threat.

What does this mean for us? Our country faces the challenge of a technologically and economically independent national system, which at the same time provides both current social guarantees and adherence to promising global civilizational trends. Let me emphasize an important point: independence does not mean autarky. I say this and have said it repeatedly. It is necessary, to the extent and where possible, to develop international technological cooperation and partnerships, industrial cooperation, to take the best, to join forces, but also to build up our own industrial potential as part of the reindustrialization of the economy on a qualitatively new basis, replacing technological damage from the departure of former partners and ahead of competitors for through the development of the most advanced areas of the industry.

However, independence of technology and import independence of the economy cannot be achieved only by solving the important, but still situational task of simple import substitution. The main solution to the problem – achieving technological sovereignty – can and should be ensured only by reaching a level of development when the outside world will be dependent on one or another of our domestic technologies and developed economic institutions. And such guidelines must be set. They are achievable.

In Russia we have experience of similar breakthroughs in space, aviation, nuclear energy, chemistry, physical disciplines and technologies, etc. There are considerable advances, including in academic institutions, that need to be preserved and advancedly developed. A decisive turn is needed to strengthen the role of science; only science will ensure the technological sovereignty of the country. The possibility of a technological and, accordingly, economic breakthrough is also evidenced by the experience of China, which has made a giant leap in technological development

over the past 30 years and has called into question the technological leadership of Western companies in telecommunications, in the creation of multifunctional transport and logistics systems, and in many other technological counterpoints and areas economic development.

Determining the role and place of Russia in the new world order is a task of extreme importance.

As they say today, and this is indeed true, it is existential. Its solution largely depends on the accuracy of identifying the true trends in the development of civilization, not only in the coming years, but in the future for decades or more. A powerful transformation of society is underway. These questions need to be explored in detail and deeply. In world social science, this is now given enormous importance. The academic community of Russia has something to answer to this challenge, perhaps the main one for all of us, Russians, but this is a systemic, synthetic, complex task; it cannot be solved without a certain coordination of the work of the Academy's structures in this area and, without exaggeration, scientists outside to the Academy, who can work under its methodological guidance.

In this regard, the VEO of Russia proposes to create a special scientific council within the structure of the Russian Academy of Sciences under the Presidium of the Academy, on the problems of modern transformation of society giving it the authority to consolidate research in this area. Considering the extreme importance of this area and limited resources given, the VEO of Russia could quickly take over full organizational and financial support for the activities of such a council. Cooperation between the Russian Academy of Sciences and the VEO of Russia throughout our long common history has always been close and has yielded many positive results. It seems that joint work on this project could also be effective and important for society in connection with the upcoming 300th anniversary of the Academy, since it will help determine the main positions in strategizing the country's development. After all, only a verified, scientifically based development strategy, understood and supported by society, will allow Russia to take its rightful place in the new world.

Development of Asian Russia: problems, factors, scenarios

Kryukov: The Asian part of Russia is a huge part of both the Russian and world economies in terms of mineral reserves, biodiversity and scientific and educational potential. But what is happening to Asian Russia? The population is declining and the labor force is declining, fixed assets are aging, gross value added is rapidly decreasing. The highest population density is in the south of the region, urbanization is concentrated there as well as

local industrial development. As a rule, these are centers that go back to the technological structure associated with industrialization, that is, with the classical structure of the economy, which precedes what we talk a lot about and what we dream about in our various analyses and proposals. Road density and market potential in terms of population density and presence of economic agents are low. Small and medium-sized businesses are developing rapidly especially in the service sector, but, unfortunately, their share is clearly insufficient in high-tech industries.

And here we have a problem of spatial imbalance. To some extent, it exists in European territory, but for Asian Russia, in connection with large geopolitical projects that are being implemented in the Arctic or at the local level in individual very remote centers of economic activity, that gap arises and intensifies. I would call it the fragmentation of the space of Asian Russia between the scientific and industrial potential of the south and what is being realized in the north and in the middle zone. The scientific-industrial and production-technical potential of the central and especially southern zone of Asian Russia is very weakly involved in the implementation of these projects. This applies to NSR, LNG projects and projects related to the development of many types of minerals.

This problem formed the basis of a major scientific project which was supported by the Academy of Sciences. We have completed the work, and the conclusions and considerations that I will present are based on this work. For its implementation a consortium was created, in which our institute became the coordinator. I thank all its participants, especially the Institute of National Economic Forecasting, Siberian Federal University, Institute of Catalysis and Siberian Research Institute of Geology, Geophysics and Mineral Raw Materials.

The goal of the project is to create methodological, technical and information bases for the development as well as justification of development directions. We have got the liberty, with the help of modern information technology, to work with this reality and try to offer a solution. We have developed spatial policy principles. This project is different from others in sense that it is based on synergy and interaction within spatially distributed chains of creation not of value, but of social value, that is, those economic multipliers, but these multipliers must be project-based, connected with the space in the east of Russia and serve as a framework for the implementation of further technological structures.

The ideological core of the approach is the synergy within the value chains of various components that are either being realized or have the potential to be realized. It seems to us that only on the basis not of local or industry projects, but of such

synergistically connected and complementary chains is it possible to realize the goals that our respected colleagues spoke about. I agree with the view that there needs to be a focus on increasing the complexity of our economy. This is largely due to foreign economic and foreign policy circumstances. Increasing complexity should be a public policy goal. We need not just GDP growth, we need a materially determined structural characteristic of the indicators that stand behind these metrics. It is necessary to build up programs to support a complex industrial economy, closing the missing elements. Additional difficulties arise in the formation of vertically integrated chains. Unfortunately, those chains and their prototypes that were in the Soviet economy have largely either exhausted themselves or have been greatly shortened. All this presupposes the formation of new approaches to the indicative planning system.

We analyzed the dynamics and opportunities that can be realized in Asian Russia within the framework of traditional areas - metallurgy, the coal industry, everything related to hydrocarbons. Their potential is far from being exhausted. The experience of Canada, Norway, and Australia clearly shows this. Unfortunately, we are implementing a model in which the most high-tech, most significant components and equipment are 2/3 imported. In value terms, they make up only 10%, but from the point of view of economic returns and the impact on the final result of the activities of resource companies and projects implemented in the east, this is all 90% which means a huge imbalance. On the one hand, we are talking about localizing 60% of the oil industry, and on the other, 10% of imports provide the main result and the main economic efficiency.

We have developed a set of scenarios for the relationship of target indicators for Asian Russia. We created a modern database that works with a large number of projects, and developed a basic, pessimistic and moderately optimistic scenario. Clearly, the latter shows the most acceptable results.

What do our calculations show? If we take the knowledge base and database of all projects that are mentioned in the media, we get growth rates of at least 3%, that is, Asian Russia cannot serve as a trigger, a catalyst for economic development. What does this mean? Horizontal interaction and deepening, expansion of relationships are necessary, that is, supplementing the project component with developments that can be obtained on the basis of modern technologies, creating a knowledge base on 70 thousand investment projects. A huge amount of work has been done. Now we are developing it with our colleagues from the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, that is, we are trying to understand how to expand our understanding of the opportunities that open up the potential of the territory.

Based on knowledge and understanding of the interaction of chains, projects should be assembled and formed. What conclusions does this lead to? They would seem obvious. We need fundamentally different solutions from those that have been implemented. For example, we need not one railway line, but a network, tree-like structure of the railway and transport network, which is the basis of economic interactions over a vast territory and without which it is impossible to implement those interactions, those horizontal connections that we offer.

And most importantly, we present to your attention a modern approach based on information technology for a deep understanding of industries and the interaction of various economic entities over vast areas with an awareness of their role and place in the Russian economy.

The economic future of China and Russian-Chinese cooperation

Wang Wen: For many years, the international community has not welcomed the development of Chinese-Russian cooperation. In recent years, the United States has launched a trade war against China, is trying to block China's access to modern technology, and is seeking to separate its economy from China's. The Ukrainian crisis of 2022 led to more than 10 thousand sanctions being imposed against Russia. These new factors have added uncertainty to Sino-Russian cooperation. However, evidence shows that bilateral trade between China and Russia has grown rapidly in recent years, shattering the imposed notions of Sino-Russian cooperation.

In 2015, total trade between China and Russia was \$68 billion, rising to \$107 billion in 2018, approximately \$147 billion in 2021, and nearly \$195 billion in 2022. Over the past seven years, the average growth rate has exceeded 20%. In the first four months of 2023, trade between China and Russia reached US\$73 billion, up 41% year-on-year. If this trend continues, the goal set by the leaders of China and Russia of \$200 billion in trade turnover between the countries in 2024 will be achieved ahead of schedule and trade turnover may even reach \$250 billion.

As you know, the Western world has imposed more than ten packages of sanctions against Russia, a total of more than ten thousand sanctions, in an attempt to defeat Russia. However, they underestimated the country's political, social and economic stability and its ability to withstand pressure. The West underestimated the collective cohesion and strategic will of the Russian people. The Russian economy not only did not collapse, but also shows an inflation rate even lower than in other European countries.

The ruble turned out to be the strongest currency in the world in 2022. In the global ranking of total GDP in 2022, Russia rose from 12th to 8th place. All this fully proves its stability. While pursuing a policy of hard blocking Russia, some countries are also making attempts to soft block China. We see restrictions on Chinese companies' investment abroad, abuse of export control rules, pressure on Chinese high-tech companies, etc. Such attempts to block China's progress have failed to limit the country's technological development. For example, China is the world leader in 5G technology, the launch of the new C919 airliner broke the monopoly of European and American Airbus, and Chinese microchip manufacturers were able to launch a revolutionary 14 nm process.

External pressure from the West on China and Russia is forcing these two countries to rapidly move towards deepening and expanding comprehensive cooperation. Sino-Russian cooperation is promoted not only by external circumstances, but also by internal factors at three levels.

First, at the strategic level, the leaders of China and Russia have a high degree of mutual trust. China has held the largest number of bilateral meetings at the highest level with Russia. Over the past ten years, the leaders of the two countries have met more than 40 times. The joint statement signed by the two sides in March this year further demonstrated the commitment of the leaders of China and Russia to practical cooperation.

Second, at the economic level, China and Russia complement each other. From energy and agriculture to highly skilled workers and infrastructure, China and Russia have their own strengths. Deepening comprehensive economic and trade cooperation between China and Russia is actually a matter of seeking mutual complementarity, in which countries learn from each other's strengths and compensate for weaknesses.

Third, at the public level, China and Russia have a social basis for deepening comprehensive cooperation even in everyday life. Until recently, the Chinese's knowledge of Russia was limited to modern Russian literature and art, for example, they were familiar with Gorky and "Moscow Nights." In recent years, kvass, Russian ice cream and Russian stores on Chinese e-commerce platforms have rapidly become popular in China, where there is no end to buyers.

President Putin is the most famous foreign leader with the largest following in China. In Russia there is also an increase in sympathy for the Chinese. It can be seen that external factors, such as pressure from European and American countries, and internal factors of a political, economic and social nature in both countries have their influence. Chinese-Russian cooperation does not and will not have any upper limit to its development.

The “theory of reaching a peak in Russian-Chinese trade”, widespread in Western media, is doomed to bankruptcy. Of course, unrestricted trade between China and Russia does not mean that trade cannot be optimized.

Next, I would like to make some suggestions to optimize five aspects of trade: trade structure, energy cooperation, agricultural cooperation, investment financing and infrastructure projects.

One such aspect is the structural optimization of Chinese-Russian bilateral trade. In addition to the fact that China and Russia should steadily increase their overall trade volume, they should also strive for structural optimization and look for potential opportunities for it. China has been Russia’s largest trading partner for 13 years in a row. The bulk of exports from Russia to China are energy resources; in 2022 they accounted for 75% of all exports. Obviously, the excess share of energy resources does not make the trade structure between the two countries diversified.

From January to April 2023, exports from China to Russia amounted to US\$33.6 billion, representing a 67% year-on-year increase. According to the latest data, in April China exported goods worth US\$9.6 billion to Russia and imported US\$9.6 billion from Russia. Export to Russia of Chinese cars, smartphones, household and construction equipment, etc. has increased significantly, and bilateral trade has become more balanced and diversified. In 2022, Chinese exports of high-tech products to Russia grew by 51%, and automobiles and spare parts by 45%.

Remarkably, in the first quarter of 2023, Russia became the largest overseas market for Chinese car exports. However, the total share of Sino-Russian trade is still relatively small. In 2022, trade between China and Russia accounted for only 3% of China’s total foreign trade, less than the total trade between China and Malaysia, China and Vietnam, and only about a quarter of trade between China and the United States. Russia is only China’s tenth largest trading partner.

Nevertheless, I am confident in the prospects for Chinese-Russian trade. If current growth rates continue, Russia will overtake South Korea in 2030 and become one of China’s three largest trading partners. In this regard, China and Russia should seize this opportunity and turn a short-term initiative to solve short-term problems into a long-term program of deep mutually beneficial cooperation.

Secondly, China and Russia should strive for a breakthrough in energy cooperation. They should steadily develop cooperation in the field of traditional energy and at the same time strive for breakthroughs in its methods and expand the prospects for cooperation in the field of green energy.

China is the largest energy consuming country in the world, and Russia has the richest natural resources and energy reserves in the world. China should become the largest buyer of Russian energy resources. In February 2023, Russia overtook Saudi Arabia to become China's largest oil importer, a trend that is expected to continue.

Regarding cooperation in the field of natural gas, China and Russia have opportunities for development in this matter as well. In 2022, China's LNG import volumes from Russia are still lower than those from Australia, Qatar and Malaysia, accounting for only 10% of total LNG imports. Imports of natural gas via pipelines are also lower than imports from Turkmenistan, amounting to only 25%. With the modernization of existing pipelines and the construction of new lines, natural gas imports to China via pipelines from Russia should increase from the current 15 billion cubic meters to about 25 billion cubic meters per year in the next few years.

While maintaining the steady development of cooperation in the field of traditional energy, China and Russia should also seek and explore new models of partnership: for example, in the field of natural gas, both countries should explore opportunities for expanding cooperation under the China-Russia + third party scheme. In the future, they can continue to exchange and collaborate on technologies such as energy conservation, energy efficiency, carbon capture and recovery.

Third, China and Russia should strive to develop cooperation in the field of agriculture. To optimize the business environment, countries should establish channels for investment cooperation in related areas. From 2010 to 2020, agricultural trade volume between China and Russia increased from US\$617 million to US\$5.55 billion, with an average annual growth rate of more than 10%. In 2022, trade in agricultural products between the two countries increased by 43%, and exports from Russia to China increased to \$7 billion. But this is clearly not the limit of Chinese-Russian cooperation in the field of agriculture.

Every year, China imports about 110 million tons of grain, of which only about 1 million tons are imported from Russia, which is less than 1%. Russia accounts for only 1% of China's total soybean imports. The population in China is 10 times larger than in Russia, while the area of arable land in Russia even exceeds that in China. The high degree of complementarity in agricultural development between the two countries has not yet been fully reflected.

Cooperation between China and Russia in the field of agriculture is not only an aspect of overall trade and economic cooperation, but also a factor in food security, which can help both sides reduce dependence on Western food supplies. China and Russia should explore and formulate an agricultural

cooperation strategy, resolve differences in approaches, jointly create a favorable business environment for agricultural cooperation, and resolve a number of issues and problems such as high investment prices lawsuit for Chinese agricultural enterprises in Russia, difficulties in moving labor to Russia, differences in standards for importing and exporting agricultural products and political barriers.

Fourth, China and Russia should promote harmonized rules on finance and investment. Both countries should establish independent financial institutions, continue to promote settlements in their own currencies, and pragmatically increase mutual direct investment. The local currency settlement ratio for trade between the two countries has risen rapidly, exceeding 45% in 2022, but mutual investment between the countries is low. China's annual non-financial direct investment in Russia is no more than \$1 billion, which is less than 1% of China's foreign investment. Russia's direct investment in China totals more than \$10 million, that is, less than 0.1% of China's foreign investment.

Sino-Russian financial and investment cooperation must keep pace with the pace of bilateral political, economic and trade cooperation. Creating a Sino-Russian financial ecosystem and promoting the creation of independent Sino-Russian financial institutions can help the two countries overcome the risks and restrictions associated with European and American financial sanctions.

Fifth, China and Russia should complement each other in infrastructure construction. Both countries should increase investment in infrastructure, especially to improve communications in surrounding areas. In 2022, the first Chinese-Russian road bridge across the Heilongjiang border river was opened, connecting the cities of Heihe and Blagoveshchensk. The construction of the Tongjiang Railway Bridge, the first cross-border railway bridge between the two countries, was completed and put into operation in 2023.

I assessed the situation in 21 Russian cities and saw that Russian infrastructure is developing relatively slowly. There is great potential for the construction of high-speed railways, expressways and networks. China is "obsessed" with infrastructure projects; the country can actively participate in filling the Russian market, adapt a number of its infrastructure projects, contribute to the rapid development of Russia and help implement the comprehensive integration of the transport systems of the two countries.

One of the important issues in the railway industry is the need to build a fourth Sino-Russian railway between the Chinese region of Xinjiang and the Russian border region of Altai, given that the capacity of the two railway junctions of Khorgos and Alashankou in Xinjiang is almost exhausted. We need a highway

that directly connects the western regions of China and the central regions of Russia without crossing the borders of third countries.

In addition, there are still many opportunities for cooperation between China and Russia in the fields of high technology, exchange of skilled professionals, education, digital economy, local cooperation and cultural exchanges. I will not touch on these aspects here due to lack of time.

Summarizing what has been said, I would like to note once again that Chinese-Russian cooperation is a long and wide road that will become wider and longer.

China and Russia should take advantage of the opportunities that the new situation brings, actively guide and stimulate the explosive growth of cooperation, and make it full-scale. At the same time, we should analyze and correct the shortcomings of the past in Sino-Russian relations associated with active contacts at the highest level against the backdrop of weak activity at the grassroots level, as well as a strong political component with a weak economic one. In addition, formalism in cooperation, as well as non-fulfillment of previously concluded agreements, should be eliminated.

In the future, Sino-Russian cooperation should pay special attention to such aspects as pragmatism, timeliness and bringing projects to actual implementation. In addition, when implementing specific projects, it must also work ahead of the situation. At the same time, such cooperation should actively shape public opinion, strengthen comprehensive communication and mutual trust between the two sides. Chinese companies and society are gradually discovering Russia's development potential, and China's vast market is opening its arms to Russia.

全球经济发展趋势： 俄罗斯的角色和地位

我们已经进入了向世界新秩序过渡的急速阶段。其新形势要求我国明确战略方针，并在此基础上形成经济发展新模式。
基于第五届莫斯科学术经济论坛2023的材料

对话者：

米海尔·尤里耶维奇·戈洛夫宁，俄罗斯科学院经济研究所所长、俄罗斯自由经济协会主席团成员、国际经济学家联合会主席团成员、俄罗斯科学院通讯院士

阿列克谢伊·夫拉季米罗维奇·库普里亚诺夫，普里马科夫俄罗斯科学院国家世界经济与国际关系研究所印度洋地区中心主任

叶列娜·夫拉季米罗夫娜·帕妮娜，俄罗斯战略国际政治经济研究所所长，俄罗斯自由经济协会主席团成员，俄罗斯工业家和企业家联盟副主席，经济学博士，教授

俄

俄罗斯联邦的战略规划——地缘政治方面

帕妮娜：在特别军事行动之前，复杂的威胁就开始出现在俄罗斯面前。无条件信任西方控制的国际金融机构以及依赖所谓的国际分工的政策，即我国所需要的一切来换取原材料，事实证明其概念完全站不住脚的。我不会详述俄罗斯已经和正在为这种幻想上付出了多少代价。

现在更重要的是如何在短时间内从根本上改变现状。不仅仅不输掉战争，但维护我国的主权，在正在取代旧世界秩序的新世界秩序中的世界保持政治和经济中心之一的地位。这是俄罗斯到2050年的地缘政治目标。

为了实现其地缘政治目标，需要解决以下长期问题。

首先，当然不要在军事对抗中输给西方集体。其次，将俄罗斯提升为地缘政治权力中心之一。第三，确保形成一个能够有效抵抗西方集体的国家集团。

这所一切都离不开经济的几个部门的多重增长。首先期涉及到机械工程、机床制造、电子、微电子，所有这些相关高科技领域。换句话说，苏联以苏联公民几十年无私劳动为代价所寻求和实现的东西，俄罗斯将不得不在未来最多5年内要完成。我不能谈论这此分阶段。我们不会有机会分阶段行动。最多就5年，而在军事技术领域上最多1到2年。

很明显，俄罗斯联邦的战略规划系统应该充分地考虑到今天的地缘政治方面，特别是长期方面的因素。

让我们关注影响我们战略规划的主要地缘政治因素。首先是世界秩序的转变以及有利于集体西方之外国家的影响力的重新分配。对我们来说，这是需要考虑到经济技术合作的贸易流向其他地区重新定位，并考虑到我们现在所说的友好国家的发展战略。或者说，无论如何，是我们今天正在更大程度发展并注重发展经济合作的国家。并且需要在我们的战略规划中考虑到向地缘经济战略的过渡。

世界经济中心的转移开始得更早。如果我们观察主要经济体名义上在世界总产值中所占份额的动态，我们会发现从1970年到2021年，美国的份额显著下降——从31%下降到23.9%，德国、法国的份额也重要下降。但中国和印度进入了前五名。并且，按名义国内生产总值计算，中国位居世界第二，按购买力平价计算，早在2014年就领先于美国。据伦敦经济与商业研究中心预测，到2030年，印度将超过德国，位居第三。我只列举了这些国家，但很明显，今天印度尼西亚、越南和伊斯兰世界的经济发展潜力巨大。土耳其正在成为西亚和中亚的主要参与者。

世界也正在走向多极货币制度。因此，2000年美元在世界贸易中的份额是75%，今年已经是43%。美元在国际外汇储备中的比重仍然较大，但也明显下降。2000年为72%，今年为54%。

当然，工业生产量具有代表性。这里也正在进行多年的转型，为了追求高利润，美利坚合众国实现了国家非工业化，将工厂转移到其他国家。如今，全球工业25%在中国生产，生产量大约超过美国2.5倍。尽管俄罗斯排名第四，但与中国和美国领先者的多重差距超过了2倍。

全球经济的这些变化是显而易见的，因此，我们的战略规划系统应向世界其他地区调整方向。

我们战略规划的第二个地缘政治因素是我们需要考虑到国家结构的长期重大变化。它是从第一个因素开始的，也是世界上正在进行的制裁战争的结果。因此，俄罗斯在国际经济合作中的战略载体是由新的外交政策概念设定的。这首先是在独联体、独联体联盟国、欧亚经济联盟、上海合作组织、东南亚国家联盟、以及金砖五国。扩大与拉丁美洲和加勒比国家的伙伴关系。

我们看到对外贸易发生了什么样的变化。仅去一年，与中国的贸易额增长了29.3%，土耳其的份额增加了2倍。当然，通过它和其他国家的平行进口在这里产生了非常重要的影响。但不仅仅是它。我们已经认真开始开发联合物流项目，投资项目。

现在让我们看看我们的物流，我们的运输基础设施是否已经准备好进行贸易，经济和投资合作的重新定位。

因此，现有铁路基础设施的领土集中在乌拉尔的左侧。多年来，我们一直在制定我们的政策，专注于与西方的互动。因此，只有乌拉尔以外的关键高速公路，显然不足以解决我们面临的任务。高速公路也是如此。我们必须建设和重建南北运输走廊、西伯利亚大铁路、滨海边疆区、西欧-中国西部公路、高速公路、铁路分支和运输。管道运输也是如此。新项目面向南部和东部。但这些都是物流的巨大，大规模的变化，而不仅仅是物流。我们必须在基础设施旁边建造城市，因为企业需要劳动力资源。我们面前有一大堆任务，它们是相互关联的。它们通常是根据部门战略和计划在部门方向上解决的，不幸的是，这些战略和计划往往不相互联系。

俄罗斯战略规划中的第三个地缘政治因素是需要考虑到我们需要考虑到我们正在与之建立新关系的世界上那些友好经济体的发展战略，我们需要建立相互协调的机制或制度。

最大经济体和西方的经济发展，不仅是中国和印度，还有市场经济发达的西方国家，都是基于其中的战略规划体系。很明显，加强与中国、印度和土耳其的经济伙伴关系不仅涉及到考虑这些国家的发展战略，还涉及制定一种机制，将我们的战略目标与这些国家结合。没有这一点，就不可能达到最大的经济效果。

例如，俄罗斯和中国需要就军事技术、核能、太空等关键领域的双边合作进行广泛而详细的共同规划。与其他国家的互动也有类似的发展潜力。比如，中印两国都有统一的国家长远发展战略，都有共同的五年规划。我们还没有一个完整的国家发展战略规划体系，没有统一的规划。有预测，有部门和地区战略。据俄罗斯审计院估计，有6万种不同的策略。很难将它们与中国或印度的发展战略结合起来。

这就产生了建立一个跨部门的战略规划协调机构的问题。我们并不在谈论国家计委的复兴。关键是，如果没有国内战略规划的集中协调，没有集中体系的垂直整合机制，没有与其他国家相关机构的互动，在解决这些地缘政治问题上几乎不可能实现互动协调。

在所有发达经济体的当局系统中也有类似的协调机构，在美利坚合

众国此是总统领导的机构。中国和印度都有相关机构。印度非常积极地使用现代战略分析和规划机制。它们结合了长期规划20-25年·中期计划五年和当前计划—年度。印度考虑到了世界的经验·当然也考虑到了苏联的经验。五年计划发挥了主要作用。因此·如果我们谈论扩大与各国的合作·我们需要考虑到我们的战略规划系统是如何相互联系·并找到互动·控制·监测·执行既定计划·实现既定目标的机制。

俄罗斯战略规划中的第四个地缘政治因素是需要考虑到世界主要经济体向超国家地缘经济战略规划的过渡。虽然其他国家也有地缘经济战略项目·中国今天在这方面发挥着主导作用。2013年中国启动了全球地缘经济项目«一带一路»·其项目由两个项目组成:丝绸之路经济带和海上丝绸之路。中国的«一带一路»项目被列入中国政府制定的战略任务·并被纳入国家五年发展规划。也就是说·这不是某种未来战略·而是一种已经转变为当前计划的战略·包括年度计划。

在俄罗斯·这样的地缘经济战略项目可以而且正在逐渐成为北极地区的开发计划。此发展领域是符合新的外交政策概念·将北海航线发展为有竞争力的国家运输动脉·而且有可能将其用于欧洲和亚洲之间的国际运输·运输时间将变更短·成本也将变更低。

我们还有其他地缘经济战略规划的机会。这是一条交通走廊·特别是南北交通走廊。最后·总而言之·我想说的是·地缘政治现实对我国经济管理提出了新的要求。首先·因为任务的规模对俄罗斯来说至关重要。这需要加强单一决策中心的作用·并为此创建必要的管理和方法体系以及垂直整合的基础设施。

第二·在国家战略规划体系中·在全国范围内已经有必要制定一系列国家五年发展的长期战略规划。全面规划·结合五年的规定性和指示性方法以及一年的持续计划。

第三·粗放编制预算的限制已经耗尽。我们需要将资源集中到新的地缘政治挑战所决定的领域。为此·预算必须成为实施国家战略计划的重要工具之一。

最后一个·第四·有必要确保俄罗斯战略计划与新的地缘政治伙伴的互动发生转变·不是用东方或南方的进口替代失去的西方进口·而是实施联合项目·包括经济项目。

俄罗斯金融部门在不断变化的全球金融体系

戈洛夫宁:在不断变化的条件下(在报告范围内)不可能涵盖与俄罗斯金融部门相关的所有问题。我将集中讨论与这一部门的开放性有关的问题。当然·这里的核心作用是对俄罗斯实施的制裁。其导致了资本流动几乎完全堵塞。即使在没有直接实施制裁的情况下·例如·对于已经进行的一些直接投资·我们也观察到了所谓的外国公司自愿退出俄罗斯的过程。

有一个总体指标表明经济的金融开放程度。它的计算很简单 - 作为进入俄罗斯的直接投资和其他投资的总和和离开俄罗斯的投资·因为该国既是资本的出口国又是资本的进口国。因此·为了考虑两种类型的流量·将它们相加。这是国际方法论中采用的方法。

此指标显示了什么?2007-2009年危机前·我们参与国际资本流动达到顶峰·随后急剧下降·文献中称之为“资本流动骤停”。然后2014-2016年在我们这里发生了危机·第一制裁·我们看到指标从此到2020年显着严重下降。

然后一个有趣的观点：在2021年，我们的资本流动突然增加，并且在2022年增加。为什么这不是自相矛盾的？从绝对数字来看，流量确实很大，但在2022年，俄罗斯的资金几乎完全流出，流入完全是由于资产减少。换句话说，这些不是俄罗斯经济的新外国投资，而是我们的经济代理人分别从国外撤出的资产。

现在让我们来看看与金融部门参与开放经济相关的主要组成部分。第一个与金融交易无关，但非常重要。金融部门进行计算。我们就在进行外贸结算方面遇到了重大问题。我们看到了这些计算的货币结构的有逻辑的变化。我们看到了，有时即使是一个数量级，人民币的份额在2022年中增加，卢布的份额也显著增加。很明显，这是由于美元和欧元的份额减少了。至于其他友好国家的货币，它们的份额没有发生重大变化，这是有客观原因的。一方面，这些货币对俄罗斯卢布没有流动性市场，不像人民币市场，因为它现在实际上是俄罗斯外汇市场的主要市场，逐渐挤出卢布和美元。另一方面，这些是在各自国家使用的限制。我们都很清楚与印度的外贸结算问题，包括与该国有严重货币限制相关的问题。现在，关于俄罗斯的国外和国内投资。

我们在国外大幅增加了投资，但我们不应将其完全视为一种消极现象。我提醒大家，在2022年有一个非常明显的国际收支经常账户的正余额，它从2021年的122十亿增加到233十亿。我们实际上无法增加储备资产，只能在一定程度上使用友好货币。因此，引导资金的唯一选择是资本外流。当然，在这里，向友好国家的外流也发挥了作用，即使在制裁下，风险也要减少得多。当然，这部分和纯粹的形式是资本外流，但服务外贸活动有关的业务也非常重要，正如我已经提到的那样。

同时也出现了单独的项目，这对于建立对友好国家资产的投资是很重要的因素。例如，圣彼得堡交易所与阿斯塔纳金融中心开设了一个联合项目。甚至俄罗斯阿尔法资本平台也因此获得了印度外国投资证券投资者的地位，有机会投资相关资产。越来越多的资产以友好国家的货币（主要是人民币）计价，相应地，投资者资产多元化的机会也出现了。

当然，关于吸引来自国外的投资，情况是可悲的，但也没有特别的需要：我重复关于经常账户盈余的命题。

俄罗斯股票在国外出现了重大问题。事实上，目前正在国外交易平台进行退市。然而，他们试图在同一时间切换到友好的平台，已经有例子，当阿斯塔纳金融中心刚刚通过我们公司的全球存托凭证上市。他们没有在俄罗斯注册，但我们很清楚这些是俄罗斯公司（包括俄罗斯农业集团），现在正试图通过其他司法管辖区筹集资金。

接下来我们可以期待什么？当然，资本离开俄罗斯后，资本流动将会枯竭是合乎逻辑的预期。从一方面，这有可能并不是不好的现象。事实上，在此之前，我们的证券市场很大程度上是建立在非居民资本的基础上的。也许时间到了创建一个以国家资本为基础的证券市场了，对友好国家的资本保持开放当然很重要。

在外贸结算方面，人民币的比重很可能会继续增长。然而问题是，这对于与第三国的贸易有多大影响，但总的来说，改用人民币支付的选择是大有可能的。当然，一个有前途的方向是使用中央银行的数字货币，但这离实际实施还是很远，关键的是为这些货币提供兼容的平台。

还有一个非常微妙的一点：我们的交易对手需要不受到二级制裁。这一方面涉及到了俄罗斯发行人的证券进入友好国家的证券交易

所，从另一方面也涉及到了俄罗斯投资者在欧亚金融一体化新机遇下投资友好国家资产的可能性。

去年，尽管遇到了各种困难和限制，但表明整合存在于基层，并且已经开始发挥作用，尽管是以开户等意想不到的形式，而现在，在我看来，整合是有机会再进一步的发展。

全球动荡背景下的南亚经济：突破与危机之间

库普里亚诺夫：在目前的情况下，当我们发现自己与西方市场、技术、投资隔绝时，没有必要解释为什么南亚经济对我们很重要：事实上，我们还剩下两个关键的潜在合作伙伴——中国（世界第二经济体）和印度（世界第五经济体）。此外，如果中国本身现在正处于与美国脱钩的过程中，即部分受到制裁，并且很可能将继续在制裁之下蠕动，那么印度则相反，被美国、欧洲视为日本作为主要合作伙伴之一，愿意在其中投资资金和技术，以在中国南部边境建立一种制衡，成为对抗中国影响力增长的堡垒。

对于俄罗斯来说，这打开了一扇机会之窗，因为现阶段的印度当局并不打算成为美国的附庸，他们的策略也很简单，就是从西方获取最多，向西方给予最少。也就是说，理论上我们现在可以利用印度作为一种枢纽、一个转移中心，通过它我们可以接收西方技术、投资并将我们的商品出口到西方市场，现在这已经发生了。

西方和我们的媒体报到，印度经济无法消化目前流向那里的所有巨大石油量；最终，印度基本上将它们重新出口：要么直接将它们发送到西方，要么以加工形式。

这个过程正在朝着相反的方向进行，但很混乱，因为我们从印度获得投资、技术和西方商品，但这些进口的大部分是隐藏的，因为没有一家印度公司希望落入二级西方制裁，所以从印度得到的一些东西会与第三国进行贸易。这些国家主要是埃及、中国、阿拉伯联合酋长国、伊朗和土耳其。

印度出口商当然害怕，因此大型印度公司与我们的互动非常糟糕，主要是中小型公司，这些公司不怕风险，愿意从大公司的角度采取相当冒险的行动。而且这个过程会增加，因为俄罗斯的制裁不会取消的，并且为了至少部分地使这个过程合法化，降低成本，有必要了解南亚经济总体上如何运作。

首先要理解的是，当我们总体上看到印度经济和南亚经济时，我们只看到冰山一角，因为这个经济体中有一个巨大的，巨大的影子部门。它的确切数量不能由国家自己计算，因为例如，根据官方数据，巴基斯坦经济的影子部门的比例从35%扩大到40%，根据非官方数据，从50%扩大到92%。

在印度，截至2022年1月份，根据中央统计局的数据，整个经济的53%处于影子部门，整个农业部门的97%，建筑业的75%和所有贸易的87%。而在该地区的所有国家约90%的劳动力就业在影子部门。这个部门有自己的银行系统即著名的哈瓦拉，基于信任关系，汇款通过它，包括国外，国家政府不以任何方式控制它。数字的差异并不奇怪，因为影子经济是一个脉动的东西。例如，当国家成功地结合了皮鞭加蜜糖饼干政策，提供了便利的金融服务，并威胁不使用它的报复时，很明其会被使用它，影子经济的数量就会减少。如果成本变得太高了，就会有解决方法绕路。

这到底意味着什么？事实上，南亚国家只收集在其土地上生长的所有东西的顶部。在印度，所得税由总劳动年龄人口的12%支付。国

家正试图与此作斗争，但到目前为止没有成功。这场斗争的最新例子是2016年的货币改革，当时在两个月内，甚至更短时间，政府紧急退出流通所有500和1000卢比的纸币，即整个货币供应量价值的85%左右。此外，那些交出大笔款项的人必须提交收入申报表或纳税。结果相当可悲，因为它没有以任何方式影响影子经济，执政党最终失去了很多人气，从那以后政府变得更加谨慎。很明显，这样的经济体系有它的利弊。好处是，任何政府的决定，无论多么不成功，都不能拖累经济。而缺点是，这种经济的运作脱离了国家，不允许它积累资金来解决任何具体问题。

南亚国家如何应对当前危机？中小国家现在正经历一个非常困难的时期，因为它们主要专注于生产轻工业产品并向西方市场出口。此外，它们连接成一个单一的生产综合体：例如，印度和巴基斯坦是排名前五的棉花生产国，然后棉花被运往劳动力成本较低的孟加拉国和斯里兰卡，衣服在那里缝制并出口到西方国家市场。孟加拉国几乎90%的出口产品是纺织品，销往欧洲。新冠疫情对南亚轻工业部门造成了非常大的打击，因为首先，封锁期间产量下降，其次，西方消费者明显减少了纺织品的购买量，尤其是昂贵的纺织品。该行业开始慢慢地复苏，然后在2022年，印度的干旱和巴基斯坦的洪水遭受了新的打击。结果，斯里兰卡发现自己陷入了危机，那就是新冠期间游客流量不足更是雪上加霜。巴基斯坦实际上已经一只脚陷入了这场危机，而孟加拉国现在正摇摇欲坠。在很大程度上，最后两个国家之所以免于陷入危机，只是因为外国投资（主要是中国投资）的大量涌入。

印度的情况则完全不同。由于其规模和多样性，这个经济体不会受到如此剧烈波动的影响。印度经济存在着其他方面的问题。21世纪头几十年，印度经济快速增长，GDP增长率接近10%。这主要得益于服务业的快速增长。从那时起，增长率几乎永久地逐渐下降。这还不是经济下降，而是一个信号，表明当前由服务出口确保增长的经济模式已接近枯竭，特别是在可能发生全球危机的背景下。

印度经济还面临一些结构性挑战。首先，人口压力。印度人口持续增长，根据各种消息来源，每年大约有10-1500万年轻劳动年龄人口涌入市场，而经济最多只能吸收7-800万，也就是说，有盈余形成的要么移民，要么隐藏在隐性失业中，因为印度的官方失业率是8%，非官方失业率在30%左右，其中包括那些没有固定收入、依靠日常工作的人口。

其次，这是人口的贫困。根据官方数据，约33%的印度人口每天的生活费不足一美元。印度肥沃的土壤正在枯竭，主要是在人口压力的条件下印度恒河平原的土壤。印度进行了两场绿白革命，摆脱了两个世纪以来笼罩在其头上的饥荒幽灵之后，从这两次革命中获得的安全边际似乎已经接近耗尽。去年的结果就表明了这一点，当时，由于干旱，小麦收成大幅下降；由于季风来得晚，水稻生产开始出现问题；结果，印度政府被迫推出了一项减产计划。禁止出口小麦和碎米。虽然印度不是小麦最大出口国之一，但在大米出口方面却位居第一，而印度对其主要出口项目之一实施临时禁令意义重大。

第三，政治不稳定。现在印度的自发城市化仍在继续，中产阶级的数量正在不断增长，在印度，中产阶级包括所有年收入在50万至300万卢比的家庭。卢比现在比卢布稍微便宜一些。你自己可以根据印度的计算大致算出什么是中产阶级。这是一个每月总共收到约47,000卢比的家庭。这是一个家庭，通常是由父亲、母亲和几个孩子组成，而不仅仅只有一个孩子的家庭。表面上，这是中产

阶级，但事实上，这是一个贫穷的中产阶级，他们一是相当爱国，二是保守，三是视印度“中上层阶级”为主要敌人。莫迪称KHAN MARKET GANG为来自Khanmarket的帮派，即那些与印度前政权有联系的人，即印度国大党政权。

村里的紧张局势正在加剧。右翼正在积极利用这一点，他们呼吁正义感及国家的伟大。印度现在基本上分为两派：一派是旧的、更世俗的道路的支持者，另一派是新印度的支持者，后者更右翼，更倾向于依赖印度教作为文化基础。

印度政府正以某种方式试图释放这台锅炉的蒸汽，现在正押注于一项雄心勃勃的经济发展计划。它预计美国与中国之间的对抗将会加深，西方将帮助印度成为中国的替代品，即生产链总体上是以替代中国的位置而建立起来的。西方企业迫于政府压力，将离开中国前往印度，因为印度离中国很近，并且拥有廉价的英语劳动力。总的来说，从各方面来看，印度都是一个有利进入的平台。

问题是印度的基础设施并不发达。现在莫迪正在积极实施该项目，以更快的速度创建它。该计划被称为萨加马拉，它涉及开发集装箱港口，修建运河以及将它们与铁路和公路连接起来，也就是说本质上这就是罗斯福新路线的一种类比，因为一方面，它可以让你吸引投资，另一方面，它可以为每年积累的剩余劳动力提供就业机会。这是一个非常雄心勃勃、风险巨大的计划，而且已经遭受了多次挫折。因为，例如旨在使农业部门走出阴影，提高其生产力，将传统经济转变为资本主义经济的土地改革，在大规模抗议的影响下，最终以当局的让步而告终。并且改革被取消。但这种策略有非常大的安全边际，包括由于规划机制本身的变化。

截至2017年，印度不再制定五年计划。印度目前在实施“3-7-14”的计划。也就是说，3年是值得具体规划，7年是总体战略，14年是一种愿景。

总体说，如果莫迪的计划成功，那么印度很有可能一切都会好起来，到2040年印度确实会成为世界第三经济体。如果由于某种原因，该计划在内部失败，比如执政的印度人民党陷入政治危机，或者外交政策条件发生变化，比如美国和中国找到共同点，那么该战略就会以失败告终，印度经济将陷入衰退，并将拖累南亚所有经济体。

俄罗斯能做什么？

现在我们可以利用与印度合作给我们带来的机遇。印度允许我们的石油和化肥进入亚洲市场，对印度经济和农业产生有利影响。也就是说，印度作为货物运输国获得了自己的份额。很明显，就我们而言，我们可以以比之前更高的价格获得了必要的商品、技术和投资。

进一步的合作取决于印度对这一突破的押注效果如何。如果她上场，我们就能抓住印度经济的机会，并以某种方式提升自己。如果失败了，那么我们也可能会帮助印度免于崩溃。

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Российская экономика в 2022 году подвергалась беспрецедентным шокам как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Такая комбинация ударов предъявляет исключительно серьезные требования к политике государства, и в особенности к финансовой и денежно-кредитной политике. Как российская финансовая система смогла ответить на эти требования?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 11.11.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

*Александр Дмитриевич Некипелов,
вице-президент ВЭО России, директор Московской школы
экономики МГУ имени М.В. Ломоносова,
академик РАН*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза
экономистов, член-корреспондент РАН*

Бодрунов: В сегодняшних сложных условиях возникает много вопросов о приоритетах финансовой политики. Нужно и поддержать население, а также какие-то группы предпринимателей, чтобы сохранить устойчивость экономики. Но здесь же встают вопросы и контроля инфляции и другие. Как вы считаете, Александр Дмитриевич, какие задачи в сегодняшней ситуации являются приоритетными?

Некипелов: Вы правы, Сергей Дмитриевич, в том, что сейчас приходится решать многие в некотором смысле конфликтующие друг с другом задачи. Необходимо обеспечить и минимальный уровень финансово-экономической стабильности, без которой экономические агенты не могут нормально функционировать, необходимо противодействовать тем силам, которые стремятся обрушить экономику, вызвать безработицу, обострить социальные проблемы. Конечно, нужно держать в поле зрения инфляцию и адаптироваться к новым условиям. Необходимо также и решать крупные производственные задачи по модернизации нашей экономики, которые сегодня вышли на передний план, решать колоссальные логистические проблемы. И во всем этом наборе проблем очень важная роль принадлежит финансовой и денежно-кредитной политике.

Бодрунов: Александр Дмитриевич, а какие в этой ситуации должны быть главные особенности денежно-кредитной политики?

Некипелов: Возникают очень серьезные вопросы, связанные с тем, нужно ли стремиться к максимально быстрому снижению инфляции до уровня 4%? Или имеет смысл двигаться помедленнее в этом направлении, имея в виду, что слишком быстрое снижение инфляции несовместимо с уменьшением уровня процентной ставки. А она и сейчас остается завышенной с точки зрения реального сектора экономики, блокируя во многом инвестиционные процессы.

Другая очень важная проблема связана с внешним аспектом — валютной политикой, которая тоже является частью денежно-кредитной политики. И в стране ведется дискуссия по поводу желательного уровня курса. С озабоченностью смотрят, например, на укрепление курса рубля.

Бодрунов: Да. Полагают его достаточно искусственным.

Некипелов: Вот денежно-кредитную политику, по моему глубокому убеждению, нужно рассматривать в тесной связке с бюджетно-финансовой политикой. Тут важно сочетание этих видов политики.

Бодрунов: Я полностью поддерживаю именно этот подход.

Некипелов: То, что в английском языке называется policy mix — выбор сочетания этих двух видов политики.

Бодрунов: У нас эта увязка наблюдается или не наблюдается сейчас в реальных мероприятиях Центрального банка, правительства России?

Некипелов: Я должен сказать, что первый и, наверное, самый тяжелый период вообще очень достойно был пройден и финансовый сектор удалось стабилизировать. Да, есть колебания, но в общем и целом удалось стабилизировать валютный курс рубля, удается последовательно снижать инфляцию.

Это, конечно, замечательные достижения. Кстати говоря, в международном плане это тоже вполне достойный результат — все-таки удалось удержать от обвала реальный сектор экономики. Конечно, может быть, импортозамещение идет не так везде быстро и успешно, но все-таки удается решать очень многие проблемы, которые казались трудно решаемыми. Приходится балансировать. Возникает вопрос, а хватит ли ресурсов, мобилизуемых государством

для того, чтобы решать задачи модернизации структурной политики ускоренного развития высокотехнологических отраслей?

Бодрунов: Да. Здесь действительно очень сложная ситуация с точки зрения балансирования, потому что, с одной стороны, необходимо технологическое переустройство России, и не только промышленности, а в целом инфраструктуры — вплоть до бытовой. С другой стороны, необходимо поддержать движение экономики и в то же время не перегреть ситуацию, особенно в условиях искусственно создаваемой волатильности. Понятно, что эти все вещи не проходят бесследно для экономики. Стоит ли людям при той ситуации опасаться высокого уровня инфляции в следующем году? Бытовой инфляции, по крайней мере.

Некипелов: Ну власти нацелены на быстрое снижение уровня инфляции до 4%. И в принципе, они могут этого добиться.

Бодрунов: Но, как вы только что сказали, это не так уж хорошо для экономики.

Некипелов: Я не уверен, что это самый лучший ход в данной ситуации. Существуют и механизмы адаптации к инфляции, которые позволяют снизить ее негативный эффект. Это и различные варианты индексации контрактов, целевой поддержки и так далее. Одна из таких серьезных проблем — проблема уровня экспорта и импорта. У нас экспорт существенно превышает импорт. (По итогам 2022 года разница составила более 340 млрд долларов. — Прим. ред.) А что означает чистый экспорт? Это означает, что мы поставляем продукцию и не получаем взамен продукцию.

ЭКСПЕРТ

АЛЕКСАНДР НЕКИПЕЛОВ
Академик РАН, ученый с мировым именем, крупный специалист в области сравнительных исследований и теории функционирования экономических систем.

Во главе Московской школы экономики МГУ, которая была открыта в 2004 году, активно работает над созданием новой российской школы экономического образования. Как экономист-практик Александр Дмитриевич — эксперт в области ТЭК, входит в комиссию при Президенте РФ по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, является официальным представителем России в Программном комитете Мирового нефтяного совета. Руководит секцией по проблемам экономической и социальной безопасности научного совета при Совете Безопасности России. Автор и соавтор свыше 250 научных публикаций.

Бодрунов: Соответственно, мы беспроцентно кредитуюем остальной мир.

Некипелов: Да. Мы это делали и в 15 предыдущих лет. Более чем триллион долларов суммарно составляет актив текущих статей платежного баланса. Это очень большая величина. К этому не надо относиться сугубо отрицательно. Нет. Хуже было бы, если бы мы просто сократили экспорт на соответствующую величину и обеспечили бы балансирование за счет снижения экспорта. Это означало бы создание очень серьезных проблем для наших экспортеров. Сам факт наличия крупного актива по текущим операциям свидетельствует о том, что курс рубля в этих условиях остается заниженным. И когда выступают за то, чтобы его опустить еще ниже для решения некоторых про-

блем наших экспортеров и бюджетных проблем, то цену этого решения надо очень тщательно взвешивать.

Бодрунов: Это могла быть первая победа.

Некипелов: Цена заключается в том, что мы продолжим и будем расширять в условиях, когда стране нужны ресурсы для модернизации и так далее, а мы будем продолжать беспроцентное кредитование остального мира. Может быть к этой проблема... Эту проблему нельзя быстро решить. Но подходить к ней надо все-таки с перестройкой всех элементов экономической политики с тем, чтобы проблемы, возникающие на уровне экспортеров, не решать просто фактически субсидированием. Механическим субсидированием этих экспортеров через валютный курс. И вот это очень серьезная проблема. Тем более что данные, которые появлялись в печати, говорят о том, что в принципе на эти годы в расчетах использовались именно понижающиеся курсы рубля к доллару.

Ну вот в 2023 году средний курс использовался 68,3 рубля за доллар, в 2023-м — 70,9, в 2024-м — 72,2, 2025-м — 72,2. Но, конечно, взвешивать это и учитывать, как будут меняться цены, какая будет инфляция и так далее. Надо иметь в виду, что есть такая опасность, что, идя на снижение курса рубля, мы реально будем способствовать тому, что экспорт — это просто беспроцентное субсидирование остального мира.

Бодрунов: Александр Дмитриевич, проблема, которую многие обсуждают, состоит в том, что инвестиций зарубежных не хватает. А те, кто инвестируют, чаще выступают сегодня как саботажники, а не как инвесторы. Показательный пример — с ExxonMobile о смене оператора на проекте «Сахалин-2». Это очень серьезная проблема. Многие рецепты выглядят так: давайте напечатаем денег, сколько надо. Это будут инвестиции со стороны государства. Как вы к этому относитесь?

Некипелов: Строго говоря, печатание денег — это прямое кредитование Центральным банком правительства. Некоторые действительно предлагают такое прямое кредитование под реализацию крупных проектов. Но у меня позиция по этому вопросу такая, что смягчение лучше проводить через снижение процентной ставки. Можно увеличивать денежное предложение, но не путем прямого финансирования государства. Дело в том, что иногда высказывается такое мнение, что если деньги эмитируются для реализации крупных проектов, то инфляционные эффекты — небольшие, но это не совсем так, а может быть, и совсем

не так. И дело не в том, чтобы обеспечить должный контроль за использованием средств. Дело в том, что деньги же потом расходятся по всей экономике: через заработную плату, через оплату поставщиков продукции и так далее.

Прямое финансирование правительства, конечно, иногда встречается и может встречаться, но оно всегда чревато тем, что конфликт интересов возникает и финансовая власть начинает считать, что вообще-то денежный ресурс слишком доступен. Деньги перестают быть ценностью. Я в этом плане консервативный человек. Я считаю, что денежно-кредитную политику можно и, наверное, целесообразно было бы несколько смягчить. Но, разумеется, тоже, следя за тем, чтобы за определенные пределы не выходить. Но делать это не стоит через прямое печатание денег под реализацию тех или иных проектов. Проекты обязательно нужно осуществлять, но деньги на них нужно собирать иным способом. У нас достаточно крупные средства накоплены в фондах. Например, в Фонде национального благосостояния.

Бодрунов. Еще один вопрос в связи с этим. Некоторые раньше ссылались на опыт США, утверждая, что он был позитивным, когда, метафорически говоря, вертолетом деньги разбрасывались в период пандемии. Но сейчас приумолкли эти голоса, потому что инфляция в США подскочила неожиданно страшными темпами. Как вы относитесь к этому? У нас же тоже какая-то поддержка населения осуществляется.

Некипелов: Считаю, что американцы достаточно успешно прошли трудный период пандемии. Да, они печатали много денег, но они избежали серьезного обвала в производстве, социальных проблем и так далее. И в общем, они развивались достаточно неплохо. Это во многом связано и с особым положением их валюты.

Бодрунов: Это импортируемая инфляция.

Некипелов: Совершенно верно. У нас ситуация принципиально иная. Если мы печатаем рубли, они прежде всего остаются здесь за очень небольшим исключением. У нас в этом смысле нет тех возможностей, которые есть у Соединенных Штатов. Разумеется, то, что власти уделяют самое серьезное внимание социальной обстановке в стране, поддержке людей, которые либо находятся, либо могут оказаться в тяжелом положении, — это совершенно верно. Но это не означает, что эта проблема может решаться исключительно за счет печатания денег. Это и вопрос перераспределения ресурсов, и создание условий для занятости.

Бодрунов: То есть вы не поддерживаете такой механизм для нашей страны.

Некипелов: Надо очень внимательно смотреть за развитием экономики. Вообще нет запретных методов, но только надо меру знать. Надо следить за тем, как эти методы влияют на экономику, а просто так огульно говорить: давайте напечатаем деньги и решим проблемы доходов населения, так, конечно, действовать нельзя. Но смягчать денежно-кредитную политику в разумных пределах, мне кажется, возможно.

Бодрунов: Вы абсолютно правы. Нужна точечная работа в этом направлении. Все хорошо в меру. В связи с этим — один вопрос в заключение нашего разговора. Меры, которые принимаются правительством, принимаются в существующей экономической модели, некоторые из них имеют краткосрочный эффект и характер, некоторые рассчитаны на длительное время, но они часто друг другу противоречат. Это очень сложная штука — связка денежно-кредитной политики, бюджетно-финансовой политики, экономической политики и промышленной политики с учетом всех этих задач — и краткосрочных, и перспективных.

Некипелов: В сущности, все в конечном счете и сводится к поиску баланса кратко- и долгосрочной перспективы. Вы абсолютно правы. По большому счету, это самая серьезная проблема, которую с разных сторон приходится регулятору — Центральному банку — решать. Но отношение к краткосрочным и долгосрочным перспективам в экономической теории менялось. Первоначально в совершенной конкуренции действовал закон Вальраса — о том, что все рынки всегда в равновесии, потому что как только наблюдается неравновесие, тут же цена снижается или повышается и соответственно происходит регулирование.

В этих условиях интересовала именно долгосрочная перспектива. Считалось, что в краткосрочной рынок все решает. А потом произошла Великая депрессия. Выяснилось, что, оказывается, не все рынки так работают, что возможна вынужденная безработица в огромных масштабах в течение длительного времени. И появился новый курс Рузвельта и теоретик Кейнс, который сказал, что долгосрочные планы — это хорошо, если остался жив краткосрочный.

И он делает упор на меры краткосрочной политики, которые призваны не допустить гибели в краткосрочном плане. А у нас реально стоит очень острая проблема нахождения баланса. Нельзя позволить обвал экономики в текущем плане, обвал социальной сферы, и в то же самое время нет другой возможности, как одновременно пытаться закладывать долгосрочные траектории развития в тех же самых высокотехнологичных отраслях. Это действительно самая сложная проблема, и эффективность всех видов политики будет зависеть от того, как нам удастся вот эту проблему решить.

Бодрунов: Это действительно очень важная, серьезная задача, которая говорит о том, что управление экономикой — сродни не только большой науке, но и большому искусству. Есть множество факторов, которые влияют на те или иные экономические эффекты, показатели. Они могут быть и не предсказуемыми, и случайными. Не все можно предусмотреть и предугадать. Конечно, макроэкономическая политика государства должна учитывать возможные варианты развития событий. Не хватает, может быть, иногда инструментария и мощностей каких-то для того, чтобы спрогнозировать все возможные варианты развития экономики и правильно посчитать эффекты, которых мы ждем от применения тех или иных мер, хоть краткосрочных, хоть долгосрочных. И задача наша с вами как профессоров — правильно учить экономистов, чтобы они были знакомы с этими вещами, правильно все это осознавали и были готовы применять, разрабатывать новые меры поддержки экономики развития.

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: ПЕРЕХОД НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Правительство России предлагает предпринимателям меры инфраструктурной, финансовой, регуляторной поддержки: от предоставления промышленных площадок и отмены проверок до выдачи льготных кредитов и гарантированного выкупа продукции. Какие еще шаги могли бы помочь нашим отечественным предпринимателям повышать эффективность экономической деятельности в новых условиях?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 9.12.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

Александр Васильевич Мурычев,
член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-
президент Общероссийской общественной организации
«Российский союз промышленников и предпринимателей»,
д.э.н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
Союза экономистов, член-корреспондент РАН

Бодрунов: Уважаемый Александр Васильевич, как обстоят дела с динамикой показателей деловой активности в стране на текущий момент по вашим оценкам?

Мурычев: РСПП в ежемесячном режиме проводит анализ индекса деловой среды, опрос ведется среди 400 наших ведущих компаний и корпораций. Понятно, что очень разные могут быть оценки, — я буду опираться на итоговые цифры, которые говорят о том, индекс деловой среды стал улучшаться. С июня он начал потихонечку расти, и сейчас он находится в плюсе: свыше 50% составляет индекс деловой среды. Это, наверное, обнадеживает. Значимый результат восьми месяцев говорит о том, что пока мы находимся в более-менее благоприятных условиях. В частности, улучшилась ситуация во взаимодействии с властью, хотя до этого была понижающая оценка. С учетом общих условий, в которых мы все оказались, действительно, сейчас реально идет трансформация экономики. Я считаю, что предложения РСПП власть оценивает и воспринимает. Я могу привести пример по доработанному соглашению о так называемом СЗПК — о защите и поощрении капиталовложений. Вы знаете, что была корректировка действующего закона. Я думаю, что это будет большой плюс, потому что стабилизационная оговорка будет действовать и заключать соглашение с властями самому бизнесу будет менее рискованно.

В этой связи мы, кстати, недавно направили даже предложения в правительство о том, что надо госгарантии делать обязательными. Пока это не так, они фактически не являются инструментом поддержки инвестиционных вложений, да и банки их особо не принимают.

Бодрунов: Особенно в условиях нестабильности. Это был бы такой просто якорь стабилизации.

Мурычев: Да. Если говорить об инвестиционной деятельности, мы ежемесячно производим замер, какой процент компаний сохранили свою инвестиционную активность и в каких объемах. Я могу сказать, что больше 66% компаний сохранили инвестиционную активность. Это неплохой результат с учетом текущей ситуации.

Вместе с тем, если по октябрьскому замеру делать какие-то выводы, то уже почти треть компаний отстает от графиков своей деятельности по инвестиционным вложениям. К сожалению, рост есть небольшой. Пятая часть компаний сократила объемы инвестиционных вложений.

Бодрунов: Александр Васильевич, я недавно беседовал с академиком Аганбегяном, а он, как вы знаете, — большой специалист по инвестициям в основные средства производства, исследует эти вопросы на протяжении десятилетий. И он как раз отмечает, что основная проблема российской экономики на сегодняшний день — инвестиции в основной капитал. И тенденция снижения, которая есть, пусть и небольшая, — это, конечно, такой тревожный симптом на этом фоне.

Мурычев: Тревожный, Сергей Дмитриевич. Почему? Мы в РСПП на эту тему уже неоднократно формулировали предложения, потому что мы считаем, что в такой ситуации, когда идет трансформация вообще всех наших экономических институтов, ставку нужно уже давно делать на внутренние ресурсы. И ожидать, что какое-то время пройдет, дело будет улучшаться и мы можем вернуться к какому-то обычному режиму нашей внешнеэкономической деятельности в том числе, — мне кажется, бесперспективно.

Бодрунов: Пора от этих иллюзий отказаться. Мы должны заниматься внутренними инвестициями и поощрять внутреннего инвестора.

Мурычев: В этом я с вами совершенно солидарен. Нужно включать инструменты мотивирования, для того чтобы эти внутренние инвестиции заработали как для частного бизнеса, так и для государственных институтов — и для бюджета, и для внебюджетных возможностей, — потому что нужно включить роль правительства и Центрального банка прежде всего. Роль Центрального банка, мне кажется, пока еще недооценена. Почему, например, не может Центральный банк, условно, выкупать бумаги у Министерства финансов?

Бодрунов: Нормальный инструмент абсолютно.

Мурычев: И отдавать это правительству для целевого их использования, инвестирования, под очень низкие проценты, а может быть, и нулевые.

Бодрунов: Я бы считал даже, что в качестве поощрения можно установить отрицательную ставку.

Мурычев: С отрицательной ставкой, да. Но это целевые деньги должны быть, долгосрочные и дешевые. Должны быть гарантии государственные, соответственно, потому что есть определенные риски. Если вкладывать будет бизнес, тем более в какие-то рискованные технологические проекты, понятно, что не все они могут достигать стопроцентной результативности. Если за этим будет стоять государство, то, конечно, минимум рисков в этой связи будет.

Бодрунов: Александр Васильевич, недавно в Совете Федерации говорили о том, что элементы планирования во всем мире существуют так или иначе, особенно в условиях высокого уровня волатильности рынков, неопределенности. Отсюда понятно, что будут и инвестиции проще, и кредит с господдержкой. Может быть, есть смысл еще раз поднять вопрос о том, что нам необходимы элементы, может быть, индикативного планирования? Я не думаю, что нужно говорить в целом об экономике, но о каких-то элементах экономики.

Мурычев: У нас мнение, что если мы вводим Госплан, Госснаб и так далее по перечню — это плохо, потому что мы многие пережили советский период и у многих сохранилось отрицательное отношение, прежде всего у либеральной экономической общественности.

Бодрунов: У мейнстрима, так сказать.

Мурычев: Я сторонник того, чтобы в нынешних условиях обязательно включать эти инструменты государственного планирования там, где есть для государства чрезвычайно важные проекты и программы.

Бодрунов: Северный морской путь, например.

Мурычев: Строительство автомагистралей: Москва — Казань, Казань — Екатеринбург, условно говоря. Это очень важные вещи, куда бизнес вкладывать не будет, если не почувствует роль и место государства, и где не будет государственных инструментов планирования в этой связи и не будет инструментов гарантий.

Бодрунов: У нас в Вольном экономическом обществе был создан экспертный деловой совет по сотрудничеству с китайскими коллегами в плане оценки перспектив нашего сотрудничества и проектов, которые могут быть реализованы. Один из сопредседателей этого делового совета, очень известный китайский специалист Ван Вэнь, сказал следующее: «Мы, китайские предприниматели, готовы вкладывать в Дальний Восток огромные средства, потому что мы видим перспективу российского Дальнего Востока. Он на таком месте находится, что он может стать мировым хабом, новым центром развития». Но он также сказал: «Мы планируем свою работу, а у вас никакого планирования мы не видим». Если была бы какая-то комплексная программа, план, этапы, у них были бы другие взгляды на собственные возможности инвестирования. И тогда, может быть, иностранные инвестиции были для нас полезными. Как вы полагаете?

Мурычев: Я полагаю, что это правильное размышление, Сергей Дмитриевич. Если мы говорим про Китай, то мы пока слабо представляем, как вообще с китайскими предпринимателями работать, потому что очень много разных ограничителей и разная ментальность у нас.

Мы привыкли работать с Европой, с Соединенными Штатами Америки. И при всем желании и стремлении сейчас работать больше с Азией, с Китаем прежде всего, нужно преодолеть ряд барьеров.

Прежде всего — барьер расчетов в национальных валютах. Когда мы говорим сейчас о так называемом государственном планировании, я могу привести пример, что принят план, дорожная карта Совета глав государств ШОС по переходу на расчеты в национальных валютах до 2025 года. Расчеты — это первое, логистическая цепочка — второе. У нас с запада на восток нужно перевозить очень много чего, но главная проблема, которую наши ведущие предприниматели отмечают, — ухудшение условий поставки. Это логистика, проблемы с транспортом, а уже потом идет снижение спроса на продукцию, которую мы изготавливаем. Когда разорваны цепочки, десятилетиями сложившиеся, их куда-то нужно перенаправлять, значит, надо понимать, кому это нужно.

Ну и курсовая валютная нестабильность сдерживает развитие. И поэтому мы предлагали, что надо в большей степени сейчас ориентироваться на расчеты в национальных валютах, активно внедрять цифровые технологии, которые нам помогут уйти от доллара и переходить на цифровые инструменты, связанные с созданием расчетных клиринговых центров, созданием цифрового расчетного рубля или какой-то иной наднациональной валюты, которую можно было бы принимать в расчетах, в том числе в странах ШОС, СНГ и ЕАЭС. Но для этого Центральный

банк должен активнее заниматься, например, резервированием юаней, если брать пример с Китаем, чтобы был доступ юаней на нашу биржу, а мы имели возможность доступа на биржевые площадки Китая. Пока это очень ограничено, очень сложно идет. Поэтому, прежде чем работать с Китаем, мы должны проделать вот эту важную работу, связанную с расчетами, платежами, резервированием наших валют, чтобы была корзина валют, которая была бы обеспечением и минимизировала бы риски по расчетам. И главное здесь, Сергей Дмитриевич: нам важно уходить от доллара, не просто уходить в юань, в рубль и опираться опять на ценообразование через доллар, а уходить на качественно новый уровень, и ценообразование должно быть в активах, которые мы друг другу поставляем, и их нужно ценообразовывать и усреднять. У нас же есть очень много позиций, условно, там несколько десятков, с чем мы выходим на китайский или иной рынок, чем мы торгуем — классические традиционные товары.

Бодрунов: Да, у нас такие товары, которые будут востребованы.

Мурычев: Ну вот, их нужно, извините за выражение, токенизировать.

Бодрунов: Мне кажется, что ваша идея очень сильно перекликается с теми вещами, которые сегодня исследуются, в виде проектов обсуждаются в Совете Федерации. В частности, Сергей Николаевич Рябухин, который работает в комитете по бюджету и рынкам, недавно делал презентацию в Вольном экономическом обществе новой идеи двухконтурной системы. В том числе в качестве подложки под выпуск такой валюты предлагаются те самые товары, которые имеют определенную стоимость и которые, в общем-то, не привязаны ни к каким другим вещам типа доллара. И конечно, мне кажется, есть огромные возможности у России продвинуться в этом плане.

Мурычев: Я с вами совершенно согласен с точки зрения того, что мы — богатейшая в мире страна по ресурсной базе.

Бодрунов: Собственно, на этих ресурсах можно выстроить финансовую систему.

Мурычев: Это наши ресурсы. Почему мы должны ориентироваться на стоимость в долларовом измерении? У нас ресурсы есть, значит, на это нужно ориентироваться, ставку делать на стоимостное выражение этих ресурсов, которые мы можем рассчитать и согласовать с нашими ведущими партнерами.

Бодрунов: Дедолларизация нашей экономики должна идти через использование в качестве основы наших ресурсов.

Мурычев: наших активов, наших ресурсов. И вот это главная, мне кажется, проблема — ментальная — которую нужно сейчас нам преодолеть, повернуть, и это гораздо проще. Если бы у нас не было ничего, условно говоря, как у ряда европейских стран. Но мы почему должны на это ориентироваться, тем более в этих условиях? Ставка должна быть на внутренние возможности и ресурсы.

Бодрунов: Я бы еще хотел к этому добавить регуляторную нагрузку, связанную с валютным законодательством, потому что валютное законодательство у нас было и остается заточенным на ту ситуацию, которая была до специальной военной операции и вообще до вот этих всех санкций и так далее.

А в условиях, когда начинают чинить нашим предпринимателям препятствия на зарубежных валютных площадках, отключают наши банки от расчетов, мне кажется, регуляторная ситуация должна меняться у нас. Мне кажется, из того, что было, надо многие вещи повернуть ровно наоборот, чтобы средства шли к нам, а мы не чинили препятствия нашим гражданам в плане возврата средств сюда в Россию.

Мурычев: Совершенно с вами согласен. Вы, наверное, знаете предложения, которые мы в правительство и регулятору отправляли, связанные с введением моратория на привлечение к ответственности за валютные правонарушения на сумму свыше 100 млн рублей. Это же такая ситуация, которая не зависит только от одной страны.

Бодрунов: Конечно. В чем виноват предприниматель, если его там заблокировали?

Мурычев: Его там тормозят, ему не могут эту операцию провести, и он должен еще нести здесь в российской юрисдикции ответственность.

Бодрунов: Материальную, вплоть до уголовный.

Мурычев: Но, как вы знаете, было принято решение в том числе на основе этого предложения. Мы все-таки продолжаем настаивать на том, что мораторий на привлечение к ответственности, если уж продолжать вводить в соответствии с законом, то хотя бы это должно быть свыше 100 миллионов рублей и на срок более продолжительный, пока мы не стабилизируем общую ситуацию. Это первое.

Второе предложение — рассматривать передачу долга по любым экспортно-импортным контрактам резидентам Российской Федерации. Мы могли бы юридически более свободно и комфортно эти требования реализовывать. Также в связи с валютным вопросом мы предложили допустить возможность предоставления и погашения займов партнерам вне Российской Федерации. Потому что у них есть партнеры — они сохраняют нашу устойчивую работу. Решение можно было бы найти по возможности предоставлять займы в иностранной валюте. Нужно искать нестандартные пути решения.

Бодрунов: Это и есть деловой климат. Если наша отечественная власть не поддержит предпринимателей в этих условиях, не пойдет навстречу, с пониманием не отнесется к этим проблемам, не изменит регуляторике, мы будем создавать только дополнительные барьеры и препятствия для развития этих инвестиционных процессов внутри страны.

Мурычев: Если не решать эти перечисленные вопросы, в том числе в валютном регулировании, это ослабляет наш бизнес, экономически его подрывает, снижает его капитал, возможности развивать и инвестировать в российскую экономику тоже.

Бодрунов: Потому что каждый, условно говоря, отток капитала, миллиард долларов — это средней руки завод. Средней руки завод — это тысяча рабочих мест. Если 200 млрд ушло, значит, это 200 заводов не построено. 200 умножьте на тысячу — 200 тысяч рабочих мест. Не меняя законодательство, мы ухудшаем ситуацию для нашего бизнеса, ухудшаем общую экономическую ситуацию в целом. А потом мы говорим: государство нас должно поддержать. А за счет чего? Налоги должны быть получены с этих предприятий, а их нет.

Мурычев: Эта проблема не связана с финансовыми вложениями — нужно просто взглянуть на ситуацию более системно, по-новому. Мы находимся в процессе трансформации всей экономики, поэтому трансформировать нужно всю нормативную базу.

Я бы вообще затронул проблему, связанную с тем, что и в новой, трансформированной экономике нам, конечно, нужны и новые кадры. Повсеместно не хватает кадров, профессионально обученных кадров. Тем более когда частичная мобилизация прошла. Но как восполнять их? Нужна государственная программа по переобучению специалистов, может быть, даже в краткосрочном режиме по тем специализациям, которые необходимы сейчас для произ-

водства. В том числе за счет, конечно, частных вложений, но и с государственными возможностями, потому что это системная задача, которую нужно решать, если мы хотим расширять производство.

Бодрунов: Построить инфраструктуру можно за несколько лет. Построить завод можно за год-два, купить оборудование, технологии и так далее. Но за год-два воспитать, вырастить с молодых ногтей до серьезного уровня такое количество специалистов — очень важная комплексная задача. Возможно, это самая сложная задача.

А вот какие меры правительства дают возможность бизнесу дышать прямо сейчас? Не только социальная поддержка, но и какие-то налоговые изменения, какие-то другие вещи. Из этих мер какие наиболее эффективные? Может быть, что-то надо будет еще дополнительно очень оперативно ввести кроме того, что мы сегодня с вами обсудили?

Мурычев: Предложения, которые звучат от бизнеса, правительство рассматривает, и часть из них реализуется. Я не случайно привел пример о корректировке законодательства СЗПК. Но я бы здесь привел очень позитивный пример по капитализации Фонда поддержки промышленности, который очень активно работает как инструмент. Очень неплохо работает корпорация МСП, под 2,5% дает кредиты для средних предприятий, под 4% — для малых предприятий.

Бодрунов: Нужно отметить, что если раньше мы критиковали эти институты, то сейчас они активизировались очень сильно.

Мурычев: Сейчас они развернулись к интересам промышленности, и там большие запросы. Почему капитализовали Фонд поддержки промышленности? Потому что запрос был гораздо больше, чем возможности этого фонда. Поэтому важно, чтобы эти инструменты, которые появились, были максимально использованы. Но этого, конечно, недостаточно, потому что есть много возможностей поддержки, связанных с тем, что у предприятий не хватает оборотных средств и, наверное, будет не хватать в больших объемах.

Бодрунов: Да, рост всегда сопровождается увеличением объемов.

Мурычев: Необходимо расти, обеспечить этот рост. Соответственно, нужны деньги. И это уже вопрос опять же государственного планирования и роли регулятора. Роль Центрального банка нужно усиливать в экономике.

Бодрунов: Наполнение экономики деньгами становится важнее, чем риски инфляционной нагрузки. В Соединенных Штатах, например, мы видим, сейчас инфляция.

Мурычев: Мы с вами прекрасно понимаем, из чего исходят регулятор и правительство: инфляция повышает стоимость товаров первой необходимости.

Тем не менее если поставлять больше денег в экономику, то есть инструменты социальной поддержки со стороны правительства незащищенной группы населения. Нужно использовать такие инструменты поддержки через повышение минимальной оплаты труда.

Бодрунов: И незащищенным группам населения, и незащищенным группам бизнеса нужны дешевые деньги на погашение инфляционных всплесков.

Мурычев: Да, но, тем не менее, нужно находить баланс. У государства достаточно ресурсов еще есть для поддержки социально незащищенных слоев населения.

А смотреть нужно прежде всего на развитие производства, на развитие промышленности. Для этого деньги нужны. Пусть они немного повлияют на эту инфляцию. Именно через этот путь нужно нам сейчас пройти, и нам нужно преодолеть этот психологический барьер: эти действия нужно совершать сегодня, чтобы у нас было успешное завтра.

ИСЛАМСКИЙ БАНКИНГ В РОССИИ

В 2023 году Центральный банк России должен запустить пилотный проект по исламскому банкингу в Чечне, Дагестане, Татарстане и Башкортостане. Основные его правила основаны на соблюдении шариата. Главный запрет касается процентных доходов — они запрещены на любые сделки. Такая система во многих исламских странах — уже устоявшаяся практика.

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 28.10.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

*Анатолий Геннадьевич Аксаков,
член Правления ВЭО России, председатель Комитета
Госдумы РФ по финансовому рынку*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
Союза экономистов, член-корреспондент РАН*

Бодрунов: Анатолий Геннадьевич, а для чего вообще этот инструмент нужен в России?

Аксаков: Начну с того, что, строго говоря, мы не называем этот инструмент исламским. Мы используем термин «партнерские финансы». Это сделано намеренно, потому что инструмент могут использовать любые люди, не только те, кто исповедует ислам, но и православные, и иудеи, и кто угодно, независимо от вероисповедания. Но именно ислам запрещает получать проценты от своих финансовых вложений.

Бодрунов: То есть отличие этого банкинга от традиционного — в том, что мы не можем получать банковский процент.

Аксаков: Мы не можем формировать вклад для того, чтобы получать проценты, и мы не можем давать кредит под проценты.

Бодрунов: Потому что это ростовщичество в исламском понимании, в шариате.

Аксаков: Да. Ислам запрещает ростовщичество. Но при этом разрешает управление капиталом, совместное финансирование разных проектов и получение какой-то выгоды благодаря этому совместному финансированию от реализации проекта. Он не запрещает, например, лизинг, поскольку вы даете оборудование в пользование человеку. Человек использует это оборудование, получает деньги и потом расплачивается с вами за предоставленный ресурс на осуществление лизинговой деятельности. Но вы не можете получать проценты и не можете использовать так называемые фиктивные инструменты, фиктивный капитал, то есть вложение в ценные бумаги, в инструменты хеджирования, операции с ценными бумагами. Все очень просто, наглядно и, как правило, закреплено в натуре.

ЭКСПЕРТ

АНАТОЛИЙ АКСАКОВ
 Много лет занимается
 вопросами финансовой
 политики.

Он — автор многих действующих законов и актов, в том числе в области цифровой экономики, совершенствования банковской системы, лизинга, рынка ценных бумаг, рынка доступного жилья. Он был одним из авторов законодательного обеспечения системы страхования средств вкладчиков, индивидуальных предпринимателей и малых предприятий, а также защиты прав заемщиков и инвесторов. Депутат удостоен многочисленных государственных наград за вклад в развитие парламентаризма и активную законотворческую деятельность.

Бодрунов: Насколько я помню, еще запрещается или не поощряется получение в залог, например, того, чего еще нет физически. Например, урожай будущего года нельзя заложить. И это приводит к тому, что риски вместе с заемщиком этого капитала несет также и банкир. Урожай может не состояться, и тогда банкир тоже терпит убытки.

Аксаков: Да. Это очень похоже на управление капиталом, на то, что происходит на рынке ценных бумаг. Но, как я уже сказал, в ценные бумаги вкладывать нельзя, поскольку там то, о чем вы сказали, более ярко выражено. Но при этом вы можете доверить человеку свои средства, а этот человек вложит в конкретный, узкий достаточно перечень инструментов. Например, купит оборудование и предоставит его в лизинг и с вами будет расплачиваться по мере эксплуатации этого оборудования, вложит в какой-то производственный проект. Довольно простая схема. Вы можете в рассрочку предоставить эти деньги. Покупается товар, и по мере эксплуатации, использования этого товара с вами расплачиваются.

Бодрунов: В процессе цена товара может изменяться: условно сегодня станок стоит 1 млн рублей. На первом этапе вернулось полмиллиона рублей банку, на следующем — 600 тысяч, потому что цена товара изменилась.

Аксаков: Поэтому инструмент и называется «партнерский».

Бодрунов: Ты зарабатываешь — и я зарабатываю. Ты пролетаешь — я и тоже с тобой в какой-то доле.

Аксаков: Да. Тот, кто эксплуатирует вложенные средства в виде оборудования либо товара, делится с вами по-партнерски теми доходами, которые получает.

Бодрунов: Мне кажется, такой способ финансирования вполне может прижиться в России, и не только в тех регионах, которые исповедуют в значительной степени ислам. Возможно, по традиции выбраны такие регионы для эксперимента. На самом деле я хорошо понимаю, что это прекрасный инструмент с точки зрения инвестиционного участия, софинансирования проектов предприятий. Он позволяет не перекладывать все риски на предприятие, не доводить его до банкротства в случае, если оно не может рассчитаться, а брать какую-то часть риска на себя.

Аксаков: Кстати, да, в данном случае процедура банкротства, все традиционные схемы взаимоотношений кредитора и должника не действуют. Вы не можете банкротить того, кому вы предоставили средства, если вдруг проект, который реализовывается с помощью ваших средств, не пошел. В этом отличие.

И почему взяли четыре, так скажем, относительно исламских региона? Я много раз выходил с такой инициативой, но она почему-то не шла. Банки со стороны правительства критически отзывались, говорили, что такой инструментарий, в принципе, есть и в разных форматах реализуется, под иным названием все и так работает. Но сейчас пришло понимание, что нужно все-таки выделение отдельного вида финансирования, и мировой опыт показывает: он неплохо работает, в том числе из-за того, что риски финансовых рынков здесь менее актуальны, так как используется более консервативный подход и осязаемый продукт покупается, а не эфемерные ценные бумаги или непонятный проект будущего. Здесь все-таки понятен итог того вложения, которое вы вместе осуществляете.

Бодрунов: Здесь еще, мне кажется, очень важный нюанс заключается в том, что в этом случае у банка возникает некоторое несоответствие тем законодательным требованиям, установкам, которые сегодня существуют в традиционном банковском деле. Например, о резервировании под заем. Мне кажется, что как раз это и явилось основой для того, чтобы вводить некое новое законодательство.

Аксаков: Я бы так сказал: есть инициативные группы людей, прежде всего, в тех республиках, где ислам более активно проповедуется и развивается, — Чечне, Дагестане, Татарии, Башкортостане, Чувашии. Я депутат от Чувашии — там тоже есть активные инициаторы этой идеи. Идея не пробивалась, поскольку, например, формирование резервов подорожает. Если даже вложишь и не получишь тот доход, на который ты мог бы рассчитывать.

В данном случае мы освобождаем от этих инструментов, в том числе опираясь на то, что организация, участвующая в этом исламском финансировании, меньше рискует, поскольку более детально изучает проект. Она фактически участвует в проекте, и если проект не пойдет, то сама проигрывает. Поэтому в данном случае естественно более глубокое изучение того, куда деньги вкладываются. И нет смысла заставлять формировать резервы, поскольку они и так уже рискнули, поняли и максимально застраховались от возможных рисков.

Бодрунов: Мне кажется, стоит пояснить, почему именно исламский банкинг, ведь мы — многоконфессиональная страна. Если верующие мусульмане не могут участвовать по своим убеждениям в традиционной банковской деятельности из-за ссудного процента, конечно, это сдерживает развитие их бизнеса и экономики, участие в экономике. Поэтому, конечно, именно они стали инициаторами внедрения в России такого типа участия в финансовой деятельности. Мы должны это учитывать. То, что законодатели эту задачу восприняли и начинают работу, это позитивный момент для нашей большой, разнообразной, разноликой, в том числе в профессиональном плане, страны.

Аксаков: Я согласен с вами. Важно то, что Центральный банк изменил свою позицию и активно участвует в этой работе. Создали специальную группу под руководством первого зампреда ЦБ Алексея Симановского. Мы с ней очень плотно взаимодействуем, получаем много дельных советов. Эта группа будет следить за пилотным проектом. Конечно, в этом контексте важно сотрудничество с арабскими странами — Турцией, Индонезией, Малайзией, Ираном. Мы с ними плотно взаимодействовали по этим вопросам. Я лет 15 назад начал консультации с коллегами из этих стран и несколько раз инициировал законопроекты как раз после встреч, понимая, что у них есть интерес во вложении своих финансовых ресурсов в российские проекты через такой инструмент, как исламские финансы. Ну и сейчас, поскольку мы создаем правовое пространство, очевидно: организации или физические лица, обладающие деньгами, с большим интересом пойдут в проекты. А это о чем говорит? Что они через этот проект готовы войти в наш проект.

Бодрунов: Это очень важный момент. Надеемся, что эксперимент пройдет у нас хорошо.

Аксаков: Причем законопроект очень простой. Определяется перечень инструментов, соответствующих принципам партнерского финансирования. Устанавливается, что те, кто хочет работать по этим инструментам, должны входить в реестр Центрального банка. Все очень просто. Это может быть и банк, и финансовая организация, и какая-то иная организация.

Бодрунов: Нужно получить лицензию определенную.

Аксаков: Войти в реестр Центрального банка (это сродни лицензии) для того, чтобы Центральный банк мог контролировать, соблюдаются ли принципы, которые заложены

ны в этом законе, чтобы это не превратилось в способ обхода банковского законодательства. Очень важно регулировать этот процесс, и Центральный банк это будет делать.

Бодрунов: Что ж, это действительно позитивный шаг, но всегда на пути что-то не получается или что-то не идет, всегда возникают проблемы по пути. Вы видите какие-то барьеры, которые могут встретиться на пути внедрения этой системы в России?

Аксаков: Честно говоря, я с оптимизмом смотрю на это направление с учетом запроса рынка на финансовые ресурсы, более упрощенное получение этих ресурсов от добросовестных участников. Например, Ингушетия активно обращается с просьбой включить республику в эксперимент. Я бы включил, но это не только мое решение. Как бы то ни было, интерес, который мы наблюдаем от тех, кто хотел бы применить эти инструменты, в том числе из зарубежных стран, велик. Всегда есть те, кто с удовольствием пришел бы не в банк, а в другой институт для того, чтобы получить деньги на реализацию своего проекта.

Бодрунов: Когда мы говорим об этом новом для нас инструменте, мы понимаем, что он будет все равно вписываться в тот набор, который сегодня есть у банковской системы и в нашем законодательстве. Мы понимаем, что какие-то вещи могут где-то не совпадать. Не потребуется ли, помимо закона, который сейчас рассматривается, изменения каких-то серьезных инструкций ЦБ или изменения законодательной базы, положим, в налоговой системе и так далее.

Аксаков: Я думаю, что в налоговом законодательстве ничего не надо менять. В принципе, эти инструменты в том или ином виде работают, но с нюансами. Этих нюансов не будет при использовании партнерских финансов. С точки зрения регулирования однозначно нужны будут отдельные правила, потому что, как я уже сказал, могут быть и те, кто просто хочет этим законом воспользоваться как определенной лазейкой, чтобы обойти существующие правила.

В ЦБ понимают важность вопроса и риски, которые могут возникнуть. К сожалению, бывает и такое, что не всегда добросовестные лица используют новые инструменты, которые появляются благодаря закону.

Бодрунов: Насколько мы видим, традиционные банки используют такие инструменты, как, например, портфели для управления. В портфеле это депозит, акции, голубые фишки, бумаги второго эшелона. Можно выбрать более или менее рисковый портфель. Эти финансовые структуры такой партнерский банкинг использовать не могут?

Аксаков: Нет, они выбирают один инструмент и с этим инструментом работают. При этом, конечно, по договоренности с теми, кто выделяет деньги, они могут пустить средства на конкретный инструмент. Допустим, на финансирование лизинга, но только по договоренности с тем, кто доверил деньги в управление, и с теми, кто получает, соответственно. Эти деньги могут пойти на финансирование совместной реализации проекта.

Бодрунов: Традиционный банк получает деньги, как правило, от вкладчика. А если, допустим, исламский банк в неудачный проект вложился, то каким образом ответственность перед вкладчиком состоится?

Аксаков: Во-первых, здесь, конечно, вкладчика нет — есть участие в капитале. Это похоже на акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью. Но здесь стороны вместе создают капитал.

Бодрунов: Что-то вроде паевого фонда.

Аксаков: Да-да. Либо совместное финансирование проектов.

Бодрунов: Если у меня есть свободные средства и я не хочу вкладывать в традиционный банк по ряду причин, но готов участвовать в таком софинансировании. Я в этом случае подписываю какое-то соглашение, договор о софинансировании.

Аксаков: Да. Это фактически управление деньгами.

Бодрунов: Вы берете мои деньги в управление и дальше сами работаете.

Аксаков: Но в управление берете таким образом, чтобы эти средства направлялись только на те инструменты, о которых мы раньше говорили. Вы отдаете деньги, доверяете для вложения в разные проекты, которые соответствуют принципам шариата, если мы говорим об исламском направлении, об исламе.

Бодрунов: И сколько организация заработает, столько я заработаю. Нет — значит, нет.

Аксаков: Да. Это две формы привлечения средств от тех, кто хочет участвовать в проекте.

Бодрунов: Как президент Вольного экономического общества России я тоже часто встречаюсь и с представителями финансовых структур. Одна из идей, которые сейчас очень активно разрабатываются в мире — в рамках геополитического переустройства мира, — это такая концепция мирового развития, в которой было бы более справедливо устроено распределение доходов от экономической, в том числе финансовой деятельности. И мне кажется, когда мы об этом говорим, помимо того, что есть теоретические модели, необходимо искать и практические инструменты. И сама жизнь, может быть, дает такие инструменты на основе древних устоявшихся традиций, в том числе в исламе, есть определенное понимание экономической справедливости и в православии.

Социологические исследования показывают запрос населения разных стран на справедливость, и этот запрос растет. Возникает вопрос о практических инструментах. Каким же образом все-таки реализовать этот запрос, не ломая то, что есть сегодня, внутри выращивать какие-то другие инструменты? Мне кажется, что этот подход, который сегодня мы обсуждали, родился не так давно. Хотя и нормы шариата существуют давно, я хочу сказать, что еще Аристотель возражал против того, что мы сегодня называем экономикой, называя это хрематистикой, то есть бессмысленным извлечением выгоды ради выгоды, прибыли ради прибыли. Поэтому тот подход, который родился в XX веке, наверное, связан с тем, что появился более выраженный общественный запрос на такого рода деятельность.

И мне кажется, что, с учетом миссии, которую берет на себя наша страна, — показать какое-то новое направление жизни в новом геополитическом пространстве, это один из инструментов, который позволит финансовой системе аккуратно идти к более справедливому доступу к благам всех сторон экономического процесса, если философски оценивать с точки зрения макроэкономики и философии подобную деятельность.

Аксаков: В определенном смысле это действительно ответ на ту ситуацию, которая сложилась на финансовом рынке. Сформировался очень мощный финансовый пузырь,

оторванный от реального производства, мирового ВВП, причем в десятки раз, — это факт. И естественно, этот пузырь рано или поздно должен лопнуть. Люди, понимая, где-то даже интуитивно, подсознательно, что есть большой риск в этом финансовом пузыре, сформированном, прежде всего, на фондовом рынке, на валютных рынках, ищут выходы в более осязаемых вещах, которые могут принести доход. Многие хотят освободиться от рисков фондового рынка, который, как мы сейчас наблюдаем, уже подвергается большим испытаниям. И боюсь, что будет серьезнейший мировой финансовый кризис из-за того, что этот фондовый финансовый рынок лопнет.

Бодрунов: Мы это наблюдали в той или иной степени неоднократно. И эта шапка на финансовом рынке, которая называется деривативы — выпуск расписок на акции, расписок на расписки, акций на акции и так далее, — чисто спекулятивный инструмент. И за ним, как правило, не стоит никаких реальных активов. Соответственно, как только возникает проблема с реальными экономическими потрясениями, тут же возникает резкое обрушение таких рынков.

Мне представляется, что новый инструмент будет стимулировать экономическую и финансовую активность наших инвесторов — граждан, которые предпочитают работать на таких условиях, а у нас таких людей довольно много. Это дополнительная возможность для развития реального сектора экономики, для привлечения инвестиций, вхождения в новое мировое финансовое пространство, которое формируется на наших глазах.

РОССИЯ И ИНДИЯ: УКРЕПЛЯ ПАРТНЕРСТВО

В советское время наша страна была одним из ключевых индийских партнеров, выходила на второе место в товарообороте. Много советских специалистов работало в Индии. Как это зачастую было во времена СССР, торговля с политическими сторонниками была не особенно выгодной. Неплохие индийские джинсы и сумки до сих пор многие помнят. С началом падения Советского Союза, в 1991 году, торговля схлопнулась до всего лишь 8—9 млрд долларов. В 2000-м Россия подписала с Индией соглашение о стратегическом партнерстве, но торговля долгое время почти не росла. Как обстоят дела сейчас, в новой геоэкономической реальности, и какие есть перспективы у российско-индийского экономического партнерства?

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 14.10.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

*Алексей Владимирович Куприянов,
руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО
имени Е.М. Примакова РАН, к.э.н.*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
Союза экономистов, член-корреспондент РАН*

Бодрунов: Алексей Владимирович, вы можете оценить, как развивается у нас сотрудничество с Индией в последние 10–15 лет? Или стоим на одном и том же уровне?

Куприянов: После того, как в 2000 году мы подписали с Индией соглашение о стратегическом партнерстве, и с тех пор наша торговля очень медленно доросла примерно до 11 млрд долларов. И это был тупик по большому счету. Например, у индийцев с китайцами был товарооборот 80 млрд при том, что они не являются стратегическими партнерами. Проблема в том, что нам было особо нечего друг другу предложить. И у нас было три ключевых столпа в структуре торговли: атом, ВТС и энергетика...

Бодрунов: Давайте переведем: ВТС — это военно-техническое сотрудничество.

Куприянов: Да, это оружие, которое мы поставляли, атомная электростанция «Куданкулам», которую мы строили, и та нефть, которую мы продавали, а также проекты на Сахалине, в которых индийцы участвовали.

Бодрунов: Сегодня эти три направления тоже полностью функционируют всюду, может быть, появилось что-то еще.

Куприянов: В результате получилось то, что мы попали в тупик, то есть у нас не было ресурсов, за счет которых можно было бы дальше наращивать торговлю. Формально у нас медленно, но рос товарооборот, но если посмотреть на инфляцию доллара, то он в лучшем случае стоял на месте. И тут у нас случились известные события февраля 2022 года, и неожиданно обнаружилось, что Россия оказалась отрезанной от западных рынков.

Бодрунов: Вы сказали, что были небольшие показатели. Но вот, по данным Министерства торговли и промышленности Индии, за 6 месяцев 2022 года товарооборот между Россией и Индией составил 13 млрд долларов. Это в 2,7 раза превышает значение за аналогичный период предыдущего года.

Куприянов: Да, и это далеко не окончательные цифры — будет больше, скорее всего. Связано это с тем, что мы оказались отрезанными от западных рынков, западных инвестиций и западных технологий. И у нас осталось 2 ключевых партнера: Индия и Китай. И, поскольку с Китаем у нас более-менее налажены связи, а товарооборот с Индией — совершенно ничтожный, и Индия оказалась самым перспективным торговым партнером, и все кинулись заниматься Индией.

Бодрунов: Вы работаете в институте, который носит имя Евгения Максимовича Примакова, который всегда был сторонником самого активного развития российско-индийского сотрудничества, понимая перспективы и геополитические реалии. Я помню те времена, когда по инициативе Примакова создавался российско-индийский деловой совет, и ваш покорный слуга был одним из 5 человек, подписавших документ о создании такого совета. Тогда Евгений Максимович, открывая деловой совет, сказал, что мы недооцениваем перспективу отношений с Индией. Мы должны вернуться к типу отношений советского времени, когда мы понимали друг друга, и нам необходимо в новых условиях возрождать вот эти отношения. И мне кажется, что сейчас самое время вспомнить слова Примакова.

Куприянов: Да, полностью с вами согласен. Тем более что индийская сторона увидела, что Россия может поставлять дешевую нефть, дешевые удобрения, дешевое зерно. И я думаю, что у нас 20 млрд долларов точно будет товарооборот в 2022 году, а возможно, и 30 (по итогам года достиг 39 млрд долларов. — Прим. ред.). Это, конечно, прорыв, и главное — этот прорыв сохранить после того, как мы прекратим давать большие скидки. Главное — сейчас заложить фундамент, на котором дальше могли бы развиваться отношения и у среднего, и у малого бизнеса.

Бодрунов: В свое время поставлялось технологическое оборудование, в том числе самолеты. Может быть, и сейчас есть спрос не только на нашу продукцию в энергетике? Хорошо, что растет товарооборот, но важно, чтобы в структуре этого оборота была продукция технологического характера.

Куприянов: Хорошо бы, но, скорее, пока все наоборот: индийцы сейчас реализуют программы по переносу производств, индустриальной релокации, в частности из Китая в Индию, потому что американские и западноевропейские компании из Китая уходят потихоньку из-за начавшейся холодной войны, разрыва связей. Индийцы им предлагают

не возвращаться в Штаты, например, где большие налоги, а вот, пожалуйста, — не только дешевая рабочая сила и англоговорящее население, но и вся инфраструктура, которая нужна, только приходите из Китая и начинайте у нас работать.

Бодрунов: Да, и через 30 лет у нас будет то же самое, что у вас с Китаем сейчас. Но американцы на эту удочку могут уже второй раз не попасться.

Куприянов: Скорее всего, попадутся.

Бодрунов: Впрочем, да, для частных компаний, которые работают на коротком периоде времени, 10–15 лет, не имеет значения большая геоэкономика.

Куприянов: Бизнес есть бизнес. Дело в том, что мы очень сильно порушили свои высокотехнологичные отрасли, а индийцы, наоборот, их активно развивают и развивали. То есть сейчас, насколько я понял из общения с нашими средними и мелкими бизнесменами, они преимущественно ездят за хайтеком в Индию, а не наоборот.

Надо искать какие-то новые формы взаимодействия, возможно, совместные предприятия, например с выносом к нам НИОКР, чтобы у нас были начало и конец цепочки. Условно говоря, чтобы мы могли продавать ресурсы, а на основе наших НИОКР открывалась сборка в Индии, и это было бы взаимовыгодно. Это выгодно индийцам, которые хотят сократить торговую зависимость от китайцев, так как в значительной степени индийская экономика живет за счет потока товаров, который идет из Китая, и этот поток мешает им развиваться.

Бодрунов: С другой стороны, есть ШОС, где Индия активно начала какие-то действия. И очевидно, она будет их продолжать с учетом той политики, которую ведет правительство. Это долгосрочная, на мой взгляд, политика, которая обусловлена трендами мирового развития.

Куприянов: Индийское правительство еще при Модии, в самом начале его правления, в 2015 году, запустило мощную программу перестройки экономики. Нам сложно эти цифры осознать, потому что там десятки миллионов молодых людей выплескиваются на рынок. И мощная программа перестройки экономики направлена на то, чтобы страна с пятого места, на котором она сейчас находится, переместилась на третье место в мире. Это предусматривает фантастические цифры, например, переподготовку 400 миллионов человек. Индийское правительство над этим работает,

и оно, скорее всего, добьется своей цели. Не так быстро, как планировали, но добьются: индийцы создают максимально благоприятный режим для функционирования компаний, развития экономики.

Бодрунов: Эта политика стала заметной при Моди. И тут мы стали понимать, что сбываются слова Примакова о том, что индийский рынок — не только для того, чтобы там что-то продать или что-то купить, но он — и для инвестиций, более того, этот рынок для нас не слишком открыт, за него надо побороться.

Куприянов: Я бы хотел две вещи отметить. Первое — то, что большинство процессов в индийской экономике, которые мы связываем с именами каких-нибудь популярных премьер-министров, начинаются еще при прежних премьер-министрах. Это очень долговременный процесс. Например, открытие индийской экономики, либерализация, которую связывают с именем Нарасимха Рао, началась еще при Радживе Ганди. Процессы, которые сейчас идут при Моди, начались еще при Манмохане Сингхе.

Второе. У нас очень часто не понимают, что индийский рынок — это рынок, на котором играют вдолгую. Такова индийская бизнес-культура, восточная бизнес-культура, которая похожа больше на культуру стран Персидского залива, чем на китайскую. Она предусматривает партнерство на десятилетия, и, скорее всего, ваши дети будут бизнес-партнерами. Это бизнес-связи, которые устанавливаются поколениями. То есть индиец, скорее всего, будет тщательно выбирать себе контрагента и с очень большой долей вероятности пойдет на убыточную сделку для себя для того, чтобы развить, укрепить с вами связи, а дальше вы с ним будете уже взаимовыгодными партнерами: он вам будет доверять, вы будете доверять ему.

Бодрунов: Это очень соответствует тому, что я наблюдал. Бывали ситуации, когда споры о цене, сроках поставки и прочее были довольно жесткие, но тем не менее можно было договориться. Я всегда говорил, что менталитет индийского предпринимателя — комфортный для нас, мы можем договариваться и ориентироваться на то, что с ними можно работать.

А что у нас в плане импорта из Индии? Что мы можем получать? Может быть, какие-то аналоги европейского оборудования, которое нам сейчас очень необходимо, может быть, какие-то IT-решения, ведь в Бангалоре — крупнейшая в мире на сегодня софтверная структура.

Куприянов: Индия сейчас — это одна из мощнейших индустриальных держав, несмотря на то что экономика у нее растет преимущественно за счет сферы услуг. Это, например, крупнейший в мире производитель тракторов, о чем у нас часто забывают. Это страна, которая входит в пятерку крупнейших производителей грузовых и легковых автомобилей. Сейчас, например, тайваньские фирмы переносят в Гуджарат производство полупроводников. То есть это страна, у которой наши бизнесмены, с которыми я общался, закупают широчайший круг продукции. Я просто приведу три примера: помпы для всяких колодцев, системы полива для аграриев, беспилотники для обработки полей.

Бодрунов: Это все — современное сельскохозяйственное оборудование.

Куприянов: Это оборудование для сельского хозяйства, это и машинное оборудование: в Индии, например, крупнейший сборочный цех японской автомобильной промышленности, крупнейший хаб, где собираются автомобили.

Бодрунов: Индийские тойоты.

Куприянов: По большому счету да. И из Индии товары идут, как правило, в Австралию, в Восточную Африку, в страны Залива, то есть это огромный сборочный цех.

Бодрунов: Мы могли бы импортировать тогда и эту продукцию.

Куприянов: У нас уже импортируют эту продукцию, правда, пока это не особо афишируют. У нас сейчас колоссальный объем параллельного импорта, который, как правило, идет в обход всех санкций.

Бодрунов: Не думаю, что, если кто-то продаст автомобиль из Индии в Россию, попадет под санкции.

Куприянов: Это, как правило, не автомобили. Отправляются контейнерами части автомобилей. Сейчас крупный индийский бизнес боится с нами работать, потому что он очень сильно интегрирован в западные структуры. Боятся работать с нами финансовые индийские структуры по той же самой причине. Мелкий и средний бизнес видит в этом колоссальные возможности, прям буквально заполняет ниши.

Бодрунов: Мне кажется, что, если мы будем ориентироваться не на крупный бизнес, а как раз на мелкий и средний, о чем, кстати, тоже говорил Евгений Максимович

Примаков, потому что Индия — одна из тех стран, где МСП составляет основу экономики, можно получить вполне качественную продукцию достаточно дешево.

Куприянов: У нас проблема в том, что мы не привыкли работать с такими форматами.

Бодрунов: Да, у нас купил — так купил на полстраны сразу.

Куприянов: А теперь надо привыкать, потому что будет совершенно другая структура экономического взаимодействия и надо привыкать работать с индийскими партнерами.

Вся эта бизнес-структура, бизнес-климат — это климат, который существует там уже не первое столетие, то есть все правила хорошо известны, надо их выучить и приходиться на этот рынок. Это плюс. Минус — в том, что пора привыкать к тому, что это не страна третьего мира, это не туземцы, которые радостно к вам прибегут золото менять на бусы. К этому очень сложно привыкнуть после общения с западными партнерами. Я знаю бизнесменов, которые с колоссальным трудом перестраиваются с западных традиций на индийские.

Бодрунов: И еще один вопрос, который мне хотелось бы затронуть, это вопрос взаиморасчетов. Может быть, есть какие-то идеи по поводу того, чтобы работать в национальных валютах более расширенно. Сегодня рупия не та, что была раньше, и на доллары инфляция — 12%.

Куприянов: С рупией и рублем есть две большие проблемы. Рупия — слабая и падает, а рубль показал чудовищную волатильность весной 2022 года, когда скакал до 120 рублей за доллар, а потом неожиданно упал чуть ли не до 50 рублей за доллар. Очень сложно в этом плане планировать. Пока ключевой вариант — привязываться к третьей валюте, и здесь есть два основных варианта: или дирхам какого-либо из государств Персидского залива, например, эмиратский, потому что он устойчивый, крепкий, с ним все понятно, или юань.

Бодрунов: Индия с юанем, может быть, не очень захочет работать?

Куприянов: Нет, они очень хорошо работают, очень любят юань.

Бодрунов: Политические разногласия не мешают.

Куприянов: Никак. Как раз получается, что Индия не является стратегическим партнером Китая, но при этом товарооборот у них на зависть нам. И юани в Дели охотно берут. Без всяких проблем юань можно обналечить. Юань сейчас — достаточно устойчивая валюта.

Бодрунов: Я понимаю, что текущий момент требует быстрых решений. Но быстрые решения не примешь, если пока нет ничего, кроме идей.

Куприянов: У нас очень медленно идет взаимодействие, к сожалению, огромное число бюрократических препон. И это не только наша, но и индийская проблема. Наша забюрократизированность, чего уж тут греха таить, приводит к тому, что, когда надо решения принимать быстро, обсуждения тянутся годами. У нас сколько лет уже идет обсуждение зоны свободной торговли между ЕАЭС и Индией!

Бодрунов: Может быть, у вас есть какой-то рецепт, как в таких случаях выстроить расчеты и логистику? Ведь компании опасаются вторичных санкций, крупные порты не принимают наши корабли и так далее.

Куприянов: Основная проблема, на самом деле, в страховщиках и перестраховщиках, там даже не в кораблях. Для начала, во-первых, я бы создал или, по крайней мере, запустил центры, которые занимались бы четким информированием: у нас очень много торговцев, которые хотят торговать с Индией, особенно сейчас, и не знают, где брать информацию. Например, в наш институт стучатся регулярно. Люди ищут информацию в интернете, летают туда сами, пытаются понять, что происходит.

Наши торгпредства в Индии хорошо работают, ничего не могу сказать, индийское торговое крыло в Москве хорошо работает, но этого мало в нынешних условиях, когда товарооборот растет взрывными темпами.

Бодрунов: Вот — поле деятельности для делового совета Россия — Индия.

Куприянов: Проще говоря, я бы сконцентрировался на том, чтобы дать понять, что Индия — это наш партнер на будущее всерьез и надолго. Надо разрабатывать механизмы и сконцентрироваться на этом направлении не как на второстепенном до снятия санкций. С Индией нам надо сразу разрабатывать механизмы, которые будут работать в течение десятилетий, на будущее. Индия выйдет на уровень третьей экономики мира, и это будущий мировой гигант.

Бодрунов: Я слышал такую фразу, что Индия — это отдельная планета, потому что это самодостаточная в значительной степени страна, в которой в то же время где-то ресурсов не хватает для такого количества населения. И значительная часть индийцев подготовлена к модернизации, и народ сам по себе — очень восприимчивый к инновациям, учится хорошо, студенты индийские показывают во всем мире хорошие результаты. Индия — это древняя культура интеллекта.

Куприянов: И плюс есть консенсус среди политических элит — это очень важно, потому что, невзирая на то, что правительства сменяют друг друга, ссорятся, спорят, внешнеполитическая линия неизменна. Это люди, которые руководствуются интересами Индии и очень трезво их воспринимают. У нас до сих пор очень часто смотрят на Индию как на страну, на которую можно как-то повлиять, идут разговоры, как бы нам оторвать Индию от Америки, еще что-то сделать.

Бодрунов: Никто ничего не оторвет — Индия живет своей жизнью и идет своим путем.

Куприянов: Индийское руководство — это люди, которые прекрасно понимают, чего они хотят и, в общем, не питают никаких иллюзий.

Бодрунов: Очень важно, в том числе и для нас, для понимания ситуации с Индией то, что происходит сегодня в ШОС. Это интеграционное объединение стало за последнее время центром принятия глобальных решений. Хотя говорят, что это региональное объединение, на самом деле, оно уже не региональное — там живет половина населения земного шара и находится треть мировой экономики. Такие разнокалиберные страны, как Россия, Индия, Китай и другие некоторые ШОС, — что у них общего, что их объединяет? Мне кажется, общее — то, что в ШОС нет давления, доминирования кого-то одного, нет главного суверена, который всем навязывает свои правила, и поэтому можно развивать отношения в рамках партнерства, имея свои главные интересы и не нанося при этом ущерба партнеру.

Куприянов: Индийцы проводят сейчас политику, которая называется мультиприсоединение, то есть они готовы присоединяться к любым форматам до тех пор, пока их жизненные интересы не ставятся в зависимость от жизненных интересов других стран.

Бодрунов: Совершенно верно.

Куприянов: Поэтому Индия совершенно спокойно одновременно участвует, например, в ШОС и QUAD — организации, куда входят Соединенные Штаты, Австралия, Япония и Индия. QUAD — это неформальный клуб, он ни к чему не обязывает. Если Индия хочет участвовать в каких-то учениях, программах оказания помощи, она участвует, не хочет — не участвует.

Бодрунов: Эта позиция позволяет говорить об Индии как о будущем устойчивом надежном партнере, потому что у этого партнера есть четкая программа жизни, долгосрочная, понятная. Таким образом, Индия в этом плане — не только экономический контрагент, но и как партнер по геоэкономикополитическому взаимодействию, который тоже для нас очень важен. Так что в этом смысле нам надо продолжать развивать отношения с Индией, наращивать их и не только ради сиюминутного хлеба насущного, но и для того, чтобы иметь надежный тыл, надежную сторону одной из наших границ, одного из пространств, примыкающих к нам.

Куприянов: Так получилось, что у нас с Индией совпадают взгляды на будущее. И мы, и Индия видим мир полицентричным, и мы, и Индия видим в качестве одного из центров себя, причем взаимно: с нашей точки зрения, одним из центров должна быть Индия, с индийской точки зрения, одним из центров должна быть Россия. И у нас нет пересекающихся проблем и интересов, то есть нам комфортно в отношениях друг с другом.

Бодрунов: Да, у нас нет тех точек, которые вызывают какое-то противостояние, конфликтогенность. Будем надеяться, что все эти факторы позволят нам расширять наше торгово-экономическое и геополитическое сотрудничество. Мне кажется, что для России, на которую оказывается очень большое давление в мире, и, видимо, это давление будет продолжаться, иметь таких партнеров, как Индия, очень важно.

Куприянов: Я бы сказал, жизненно важно — это вопрос выживания на самом деле для нашей страны — понимание того, что надо ориентироваться на Китай, Индию, азиатские экономики, учиться работать с Африкой, с Латинской Америкой, то есть все то, чего наши предприниматели, наши бизнес-круги в последнее время избегали, потому что в Европе комфортно, а в Азию лезть не очень хотелось. А теперь придется.

РОССИЯ И КИТАЙ: ПУТЬ В НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД

Китай и Россия — соседи и стратегические партнеры. Если говорить коротко, среди приоритетных целей развития двух стран — приверженность социально ориентированной модели экономики и приоритет технологического развития. России близка и концепция «Сообщество с единой судьбой человечества», предложенная генеральным секретарем Си Цзиньпином в 2012 году. Ее суть — в создании мира, в котором установлена «всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность, чистота и красота».

По материалам программы «Дом Э» на телеканале ОТР от 2.12.2022

СОБЕСЕДНИКИ:

Ван Вэнь,
исполнительный декан Института финансовых
исследований «Чунъян» Китайского народного
университета, профессор

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного
Союза экономистов, член-корреспондент РАН

Бодрунов: Мы сегодня поговорим об итогах XX съезда Коммунистической партии Китая, где были установлены приоритеты развития этой огромной страны, нашего соседа и партнера. Уважаемый профессор, прокомментируйте, пожалуйста, экономические итоги съезда, как вы видите перспективы развития КНР в свете принятых решений?

Ван Вэнь: Спасибо за ваш вопрос касательно XX съезда Коммунистической партии Китая, который состоялся в прошлом месяце. На мой взгляд, для Китая это мероприятие имеет очень большое значение, потому что сейчас речь идет о том, чтобы сформулировать основную задачу Коммунистической партии Китая на ближайшие 30 лет — до 2049 года.

Это комплексная задача: нам нужно построить для страны мощное и современное социалистическое будущее, а привести к нему величайшую нацию — нацию Китая — мы можем, благодаря китайскому подходу к модернизации.

Вы спросите: что такое китайский подход к модернизации? В докладе, представленном на съезде, обозначены пять особенностей китайской модели модернизации.

Так, китайская модернизация предполагает работу с огромной численностью населения, достижение всеобщего благосостояния, обогащение духовной жизни китайского народа, содействие гармоничному сосуществованию человека и природы, а также следование по пути мирного развития.

В докладе обозначена перспектива развития Китая, которая позволит 1,4 миллиардам населения заниматься модернизацией и повышать свое благосостояние. Речь идет не только о материальном благосостоянии, но и о духовном богатстве.

Также очень важно уделять внимание снижению выбросов углерода и развитию так называемой «зеленой» экономики, не вставая при этом на так называемую тропу войны, как раньше.

Я уверен, что Коммунистическая партия Китая сможет привести Китай к такому будущему в течение следующих 30 лет, добившись успеха в развитии страны с таким большим населением, а также в защите окружающей среды и мирном сотрудничестве с другими странами.

Вот так бы я ответил на ваш вопрос.

Бодрунов: Основа китайского технологического чуда — это реализация инновационного потенциала страны, Китай в этой области — один из мировых лидеров, и это является залогом быстрого роста экономики страны. Однако инновационное развитие носит циклический характер, и отсюда вопрос: на каком цикле сейчас находится Китай? Можно ли оценить в цифрах долю производительных сил, например, пятого технологического уклада, сколько приходится на шестой технологический уклад?

Ван Вэнь: Вопрос об инновационном цикле крайне важен. Как вы знаете, в 1939 году известный экономист Йозеф Шумпетер создал так называемую теорию инновационных циклов. Он обобщил закономерности технологических инноваций на основе всестороннего анализа производственных факторов, а также условий производства.

Если говорить про Китай, то с точки зрения инвестиционной политики, населения, предприятий, рынка и многих других условий инновационный цикл становится все выше. Китай перенимает стратегию развития технологических инноваций и поощряет рост объемов инвестиций в такие инновации. В ближайшие 30 лет численность среднего класса в Китае вырастет еще на 300 млн человек, что обеспечит стабильность огромного потребительского рынка инновационных продуктов.

Что еще более важно, мировые рынки открываются для китайских инновационных продуктов. Возьмем в качестве примера рынок микросхем и полупроводников. За последние два года импорт чипов и полупроводников обошелся Китаю в 380 долларов США. Эта сумма превышает расходы на импорт энергоносителей. Импортозамещение в данной сфере позволит высвободить значительные ресурсы, которые можно направить на инновации.

За последние 30 лет Китай много сделал в сфере чипов по всем направлениям: от домашних бытовых приборов до аэрокосмических технологий, дальнемагистральных больших самолетов, товаров и технологий связи 5-го поколения (5G). Именно чипы и полупроводники станут следующим направлением китайской инновационной продукции.

ЭКСПЕРТ

ВАН ВЭНЬ

Профессор, занимает посты заместителя декана Института шелкового пути Китайского народного университета, генерального секретаря Комитета зеленого финансирования Китая и исполнительного директора китайско-американского исследовательского центра по гуманитарному обмену при Министерстве образования Китая.

Ван Вэнь — сопредседатель экспертно-делового Совета Международного Союза экономистов и ВЭО России по вопросам российско-китайского сотрудничества. Лауреат специальной премии за политические исследования Китайского народного университета, премии национального конкурса «Тысяча талантов», признан одним из 10 лучших сотрудников Китайского аналитического центра. Автор более 30 книг.

Кроме того, в данный момент отмечается стремительный рост доли китайских товаров и технологий 5-го поколения, а также новых решений в сфере энергетики на мировом рынке. С этой точки зрения Китаю предстоит осуществить еще немало в плане инновационного развития. Так я вижу ситуацию.

Бодрунов: Председатель Си Цзиньпин, выступая на съезде, назвал одним из важнейших достижений Китая, и с этим трудно не согласиться, ликвидацию за 10 лет абсолютной бедности. Какие вы видите возможности для повышения благосостояния населения, дальнейшей борьбы с бедностью в свете решений XX съезда Коммунистической партии? И какие вы видите возможности роста экономики за счет повышения доходов населения?

Ван Вэнь: За последние 10 лет количество китайских граждан за чертой бедности сократилось на 100 млн человек. Таким образом, план правительства по борьбе с бедностью выполняется с опережением на 10 лет и уже помог более 7% населения планеты. В то же время в отчете XX съезда Коммунистической партии Китая мы признаем, что по-прежнему существует большой разрыв между развитием городов и сельских районов, а также неравномерное распределение доходов.

ВВП Китая составляет всего 18 триллионов долларов США, что по-прежнему меньше одной пятой от ВВП США. С этой точки зрения задачи развития по-прежнему весьма трудоемки.

Таким образом, главными целями развития Китая к 2035 году являются стабильный экономический рост, научно-техническое развитие и всестороннее укрепление государства, что и станет залогом значительного прорыва страны. ВВП Китая должен достигнуть размеров ВВП переломной, развитой страны.

Уровень жизни людей повысился, а доход от капитала выходит на новый уровень, также значительно увеличилась доля населения со средним доходом.

В ходе съезда официальные лица выдвигали множество предложений, много говорили о наших новых целях до 2035 года. Что касается уровня доходов, то, если экономика вырастет на 40%, ВВП Китая может сравняться с ВВП США.

Так что, думаю, такая цель вполне достижима. Я верю в это.

Бодрунов: Уважаемый профессор, вы не раз бывали в России, проводили исследования по вопросам социально-экономического развития нашей страны, выступали на Восточном экономическом форуме. То есть в целом хоро-

шо знаете нашу страну. Если говорить о российско-китайских отношениях: что сегодня ограничивает, с вашей точки зрения, возможности экономического сотрудничества между нашими странами. Какие решения могут способствовать развитию наших отношений?

Ван Вэнь: Этой осенью я пробыл в России 2 месяца и побывал в 21 городе. Мои русские друзья были очень ко мне добры, но их представления о Китае, честно говоря, показались мне весьма ограниченными.

Российско-китайские экономические отношения в последние годы развивались динамично. Как мы знаем, в 2021 году товарооборот между Китаем и Россией достиг рекордного объема в 145 млрд долларов США. В 2022 году он приблизится к 200 млрд долларов США. Я думаю, что это довольно примечательное достижение.

На мой взгляд, проблемы, которые нужно решить, в ближайшем будущем, позволят довести объемы двусторонней торговли до 300 млрд долларов, а возможно, даже выше. Это более чем достижимые цели. Почему я так думаю?

Я полагаю, что для дальнейшего роста этого показателя необходимо выполнить 3 условия.

Во-первых, стимулировать торговлю, потому что в 2023 году рынок Китая станет крупнейшим потребительским рынком в мире при ежегодном импорте товаров на сумму в 2,5 триллиона долларов США. Однако только 3% импорта приходится на Россию. К примеру, ваша страна не является крупнейшим поставщиком нефти и газа в Китай. Верно? Мы вполне способны исправить эту ситуацию, стимулируя торговлю.

Во-вторых, необходимо создать прозрачные условия для инвестиций. Китай стал крупнейшим в мире иностранным инвестором с ежегодными вложениями в экономику других государств в размере более 150 млрд долларов США, но лишь 1% от этого объема приходится на Россию. Если Россия откроет для Китая свой рынок в больших объемах и улучшит условия для бизнеса, то сможет привлечь больше, намного больше инвестиций со стороны Китая.

Наконец, третье условие — это расширение взаимодействия стран и их граждан на бытовом уровне, потому что в постковидное время и Россия, и Китай должны работать над вопросами взаимопонимания, сотрудничества в области вооружений, энергетики, культуры, технологий и науки.

Таковы мои предложения касательно модели отношений между нашими странами.

Бодрунов: Более 20 лет назад председатель КНР Цзян Цзэминь и Президент России Владимир Путин подписали договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между нашими странами. С тех пор уровень двусторонних отношений с каждым годом повышается. У Китая и России есть общее видение долгосрочных перспектив разумного, справедливого общественного развития. Наши подходы к решению глобальных и региональных проблем схожи. Но если мы хотим наращивать уровень экономического сотрудничества, нужно решать текущие проблемы, по большому счету Китаю нужно заново открывать для себя Россию, а России — заново открывать для себя Китай.

RUSSIA AND CHINA: COMMON MODERNIZATION WAY

China and Russia are neighbors and strategic partners. In short, among the priority goals for the development of the two countries is the commitment to a socially oriented model of the economy and the priority of technological development. Russia is also close to the concept of “Community with a Common Destiny for Humanity”, proposed by General Secretary Xi Jinping in 2012. Its essence is to create a world in which “universal security, common prosperity, openness and tolerance, purity and beauty” are established.

Based on the materials of the program “Dom E” on the OTR TV channel as of December 2, 2022.

INTERLOCUTORS:

Dr. Wang Wen,

*Executive Dean of the Chongyang Institute for Financial Studies,
Renmin University of China, Professor*

Dr. Sergei Dmitrievich Bodrunov,

*President of the VEO of Russia, President of the International
Union of Economists, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences*

Bodrunov: Let us talk today about the results of the XX Congress of the Communist Party of China, where the priorities for the development of this huge country, our neighbor and partner, were set. Dear professor, please comment on the economic results of the congress. How do you see the prospects for the development of the PRC in the light of the decisions made?

Wang Wen: Thank you for your comment and questions on Party congress. Last month we just held the XX National Congress of the Communist Party of China. I think this Congress conference meeting is very important. It is very significant for China's development.

The most important point is to propose the essential task of the Communist party of China in the next 30 years to 2049. That is a comprehensive task to build a powerful, modern, socialist country and to achieve this goal by promoting the greatest nation of China nation through China-style modernization.

And you ask what is China-style modernization? I think in the Congress report, it assures five categories or five features of the Chinese model of modernization.

It is the modernization of a huge population, the modernization of common prosperity for all the people, the modernization of harmonic material civilization and spiritual civilization, modernization of harmonic coexistence between man and nature and the modernization of peaceful development.

It establishes the prospect of China development, which enables 1.4 billion people to realize modernization together and become richer and richer.

This is not only about to be rich on the material level, but also about to be rich on the spiritual level. More importantly, it is necessary to achieve low carbon emissions and green development without repeating the path of so-called “rising by wars in the world”.

In other words, I think, the Communist party of China will lead China to achieve this rise in the next 30 years, which is a process of rising with a huge population, benefits development, green environmental protection and peaceful cooperation.

That’s how I want to answer your question.

Bodrunov: The basis of the Chinese technological miracle is the realization of the country’s innovative potential, and China is one of the world leaders in this area, and this is the key to the rapid growth of the country’s economy. However, innovative development is cyclical, and hence the question: what cycle is China currently in? Is it possible to estimate in numbers the share of productive forces, for example, of the fifth technological order, how much is accounted for by the sixth technological order?

Wang Wen: Your question on the innovation cycle, I think it’s a very important, very significant question because so-called “innovation cycle theory” in which the famous economist Joseph Schumpeter in 1939 summarized the law or rule of technological innovation based on the comprehensive analysis of production factors and production conditions

From China’s perspective, the innovation cycle is on the rise in terms of investment policy, population, enterprises, market and many other conditions.

China adopts the development strategy of technological innovation and encourages more and more to be invested in innovations. In China in the next 30 years there will be another 300 hundred million middle class supporting a huge consumer market for innovative products.

More importantly, the world markets are opening up to Chinese innovative products. For example, I’ll give you an example. Let’s take chips or semiconductors as an example.

China needed to pay 380 billion US dollars to import the chips and semiconductors in 2020. I mean in the last two years, 2 years ago.

Which is higher than the energy imports. If China adopts local substitution, it will save a lot of cost, which will form a huge innovation stimulus. In the past 30 years from household applications to aerospace technologies, to large aircraft, to 5G products China’s next road of local innovation products will be chips and semiconductors.

On the other hand, China’s 5G products and new energy products are also rapidly expanding in the global market.

From this perspective, China’s innovative development still has a lot to do for improvement. That is my understanding.

EXPERT

WANG WEN

Professor, is Vice Dean of the Silk Road Institute of Renmin University of China, Secretary General of the China Green Finance Committee, and Executive Director of the Sino-American Humanitarian Exchange Research Center under the Chinese Ministry of Education.

Wang Wen is co-chairman of the Expert and Business Council of the International Union of Economists and the VEO of Russia on issues of Russian-Chinese cooperation. Winner of the Special Prize for Political Studies of the Renmin University of China, National Thousand Talent Award, recognized as one of the top 10 employees of the China Think Tank. Author of over 30 books.

Bodrunov: President Xi Jinping, speaking at the congress, called one of the most important achievements of China, and it is hard to disagree with this, the elimination of absolute poverty in 10 years. What opportunities do you see for improving the well-being of the population and further combating poverty in the light of the decisions of the 20th Congress of the Communist Party. And what opportunities do you see for economic growth by increasing the incomes of the population?

Wang Wen: Yes, you've mentioned the poverty issue. I think over the past 10 years one hundred million people in China have been lifted out of poverty fulfilling UMSGT 2030 package 10 years ahead of schedule accounting for more than 70% of the world's people out of poverty.

At the same time in the report of XXth National Congress of the Communist Party of China we acknowledge that there's still a large gap between urban and rural development and income distribution.

China's capital GDP is only 18 trillion US dollars which is still less than one fifth of that of the United States. So, from this perspective, China's development tasks are still very heavy.

Therefore, by 2035 one of the overall goals of China's development is economic strengthening, scientific and technological strengthening and comprehensive national strengthening, to jump significantly. Capital GDP is to reach a new level which means the level of a developed country.

People's lives are happier and better, and the capital income has reached a new level, the proportion of the middle-income group has increased significantly and so on.

The officials said a lot of sentences about our new targets and new goals by 2035. From the perspective of the income level, as long as the current basis is increased by 4% China's economic aggregate can be equal to that of the United States.

So, if it came (далее неразборчиво), and average (неразборчиво) of 4.7% in 2035, China's GDP will double to 36 trillion US dollars, which is 1.5 times that of the current United States.

So, I think, the target, the goal, is fully achievable. I trust.

Bodrunov: Dear Professor, you have been to Russia more than once, conducted a study on the socio-economic development of our country, in connection with the Eastern economy. That is, in general, they know our country well. If we talk about Russian-Chinese relations: what today limits, from our point of view, the possibilities of economic cooperation between the countries. What decisions have been made to develop our relations?

Wang Wen: You mentioned Russian and China relations. As you may know I've stayed in Russia for 2 months this autumn and visited 21 cities. All Russian friends were very friendly

to me, but their understanding of China, honestly, is very-very limited.

And China-Russia economic relations have developed rapidly in recent years, because as we know in 2021 China-Russia trade reached 145 billion US dollars, a record high. In 2022 it will be close to 200 billion US dollars; I think it is pretty amazing progress.

But, the problem in my opinion is maybe in the near future. 200 billion or even higher US dollars is also possible for our bilateral trade. How come?

I think there are at least 3 possible conditions. First one is to stimulate trade, because in 2023 China will be the largest consumer market in the world importing 2.5 trillion US dollars to the world every year.

But the problem is that only 3 percent comes from Russia. Even for oil or natural gas China is not the largest import destination. Right? We can improve it by further stimulating the trade.

The second is open opportunities for investments. China has become the world's largest foreign investor with annual foreign investments of more than 150 billion US dollars.

But the problem is that 1 % of it goes to Russia. If Russia opens its market and improves its business environment it can attract more investments from China, many more investments from China.

The last but not the least is to enhance personal exchange, people exchange, because in the post-pandemic era both Russia and China should strengthen their understanding, their mutual understanding and strengthen their cooperation in arms, fuel, culture, technologies and academics.

And so, as to create the model of major countries' relations, these are my sincerest suggestions.

Bodrunov: More than 20 years ago, Chinese President Jiang Zemin and Russian President Vladimir Putin signed an agreement on good neighborliness, friendship and cooperation between our countries. Since then, the level of bilateral relations has been increasing every year. China and Russia have a common vision of the long-term prospects for reasonable, fair social development. Our approaches to solving global and regional problems are similar. But if we want to increase the level of economic cooperation, we need to solve current problems. At large, China needs to rediscover Russia for itself, and Russia needs to rediscover China.

Развитие темы

КИТАЮ НЕОБХОДИМО ЗАНОВО ОТКРЫТЬ ДЛЯ СЕБЯ РОССИЮ

Как изменится баланс сил в глобальной экономике в ближайшие десятилетия и что может стать движущими силами более динамичного поворота России на Восток? Об этом «Вольной экономике» рассказал исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета профессор Ван Вэнь.

Материал из номера 24 журнала «Вольная экономика», ноябрь 2022

СОБЕСЕДНИКИ:

Ван Вэнь,
исполнительный декан Института финансовых
исследований «Чунъян» Китайского народного
университета, профессор

Андрей Прокофьев,
шеф-редактор журнала «Вольная экономика»,
член Правления ВЭО России

Прокофьев: В одной из аналитических статей вы отметили, что рассматриваете Большой Дальний Восток — Китай, Японию, Южную Корею, КНДР, Юго-Восточную Азию, Австралию, Новую Зеландию и российский Дальний Восток — как «мировую надежду на будущее развитие». Каковы, на ваш взгляд, шансы у Большого Дальнего Востока стать центром мировой экономики и торговли в новой геополитэкономической реальности?

Ван Вэнь: На мой взгляд, текущие геополитэкономические конфликты ускорят процесс подъема Дальнего Востока. Европейские инвестиционные фонды и производство устремятся на Дальний Восток, ускорится тенденция к дедолларизации. Если рассматривать Дальний Восток как совокупность стран Западно-Тихоокеанского региона, можно сказать, что он находится на пути к тому, чтобы стать мировым экономическим и торговым центром.

И это дорога с односторонним движением. То есть это неизбежно произойдет. На то есть три причины. Во-первых, совокупность экономических показателей. К 2035 году совокупность экономических показателей и объем внутрирегиональной торговли «10+3» (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Китай, Япония и Южная Корея) превысят аналогичный совокупный показатель Северной Америки и Евросоюза. Во-вторых, в 2022 году объем промышленного производства Китая был сопоставим с объемом промпроизводства всех стран «Большой семерки». В 2023 году Китай обгонит США и станет крупнейшим в мире потребительским рынком. В-третьих, удобство торговли. Соглашение о зоне свободной торговли «Всестороннее региональное экономическое партнерство», которое подписали десять членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а также Япония, Китай, Южная Корея, приведет к беспрецедентному росту торговли в Западно-Тихоокеанском регионе.

Прокофьев: Что касается российского Дальнего Востока, какие решения могли бы повысить его инвестиционную привлекательность, способствовать развитию торгово-экономического сотрудничества со странами Большого Дальнего Востока?

Ван Вэнь: Российский Дальний Восток — регион с большим потенциалом развития и богатейшими ресурсами. Во время своего визита в Россию я побывал в Якутске, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском и еще более чем в пятнадцати городах, общался с сотнями российских предпринимателей и чиновников и смог в полной мере ощутить настоятельную потребность российских местных элит в экономическом развитии.

На мой взгляд, есть как минимум три решения. Первое — раскрепостить разум, сосредоточиться на развитии, поменять текущее консервативное мышление местных органов власти, препятствующее экономическому развитию из соображений «безопасности». Практика доказала, что чем выше уровень экономического развития — тем безопаснее, чем выше уровень экономической отсталости — тем опаснее.

В этом отношении местная политика на Дальнем Востоке России должна быть более решительной. Второе — следует улучшить деловой климат, проводить более благоприятную политику для иностранных бизнесменов и предприятий, предоставлять льготное налогообложение, выдавать визы на долгий срок. Третье — проводить политику «открытости», привлекать международные инвестиции и улучшать инфраструктуру на Дальнем

Востоке, например расширять скоростные магистрали, ускорять железнодорожное сообщение, создавать более удобные сети, увеличивать количество гостиниц и улучшать туристические условия. Такая политика сможет в течение десяти лет радикально изменить Дальний Восток России.

Прокофьев: Если говорить о российско-китайских отношениях, что сегодня ограничивает возможности экономического сотрудничества между странами? Какие политические решения могут привлечь на российский рынок китайский капитал, технологии и производственные мощности?

Ван Вэнь: За последние десять лет политические отношения между Китаем и Россией развивались семимильными шагами и стали международной моделью стратегического взаимного доверия между крупными державами. Это произошло благодаря многолетней личной дружбе президента Си Цзиньпина и президента Владимира Путина. Однако на уровне элит сохраняется взаимная подозрительность. Многие представители российской элиты недооценивают опыт Китая в области социально-экономического развития, видят угрозу в подъеме Китая на Дальнем Востоке. Некоторым представителям китайской элиты также не хватает хорошего отношения к России. Как я уже говорил в своем выступлении в Высшей школе экономики, Китаю необходимо заново открыть для себя Россию, а России — заново открывать Китай.

С этой точки зрения, привлечение китайского капитала, технологий и производственных мощностей на российский рынок требует выстраивания долгосрочной дружественной стратегии. Например, в настоящее время остается строгим визовый режим России для китайских рабочих и инвесторов. Китайцы должны покинуть страну на один, два или максимум три года, чтобы обратиться за новой визой. Такая политика лишает китайских бизнесменов и инженеров, приезжающих в Россию, чувства стабильности.

Россия обладает большим потенциалом и нуждается в долгосрочных друзьях, особенно на Востоке. Китай может стать другом, на которого Россия может положиться. Последние тридцать лет Китай поставлял в Россию высококачественные и дешевые товары, в больших объемах закупал у России энергоресурсы, развивал сотрудничество в области инвестиций в инфраструктуру. Китай — это мир и 4 000 километров незащищенных границ. Почему бы не поменять подход к Китаю на более дружественный и доверительный? Как насчет политики?

Прокофьев: В одной из статей вы отмечали, что сегодня как никогда необходимо практическое расширение китайско-российского сотрудничества. В каких секторах и областях экономики? Какие российско-китайские проекты и инициативы могли бы способствовать развитию нашего сотрудничества?

Ван Вэнь: Потенциал развития китайско-российского экономического сотрудничества велик. В 2021 году китайско-российская торговля достигла нового максимума, превысив 140 млрд долларов, однако она по-прежнему составляет лишь 1/5 от общего объема торговли между Китаем и США и 1/2 от общего объема торговли между Китаем и Японией. В 2021 году инвестиции Китая в Россию составили всего около 1 млрд долларов. Это менее 1% иностранных инвестиций Китая. Кроме того, насколько мне известно, Китай и Россия за последние двадцать лет подписали тысячи соглашений о сотрудничестве в экономической, торговой и смежных областях. По слухам, степень реализации сотрудничества составляет менее 10%. С этой точки зрения, есть много областей, где нам нужно расширять сотрудничество. В китайско-российских отношениях наблюдается феномен отставания в сотрудничестве. Готовность стран к сотрудничеству намного превышает количество сотрудничества. Те, кто создает практические препятствия для него, далеки от понимания важности китайско-российского сотрудничества. Институциональная основа и политическая сила сотрудничества между двумя странами недостаточны. Откровенно говоря, китайско-российское сотрудничество не может строиться только на «промоушене» председателя Си и президента Путина, оно должно выстраиваться в двух направлениях — сверху вниз и снизу вверх. Я написал в соавторстве с академиком РАН Сергеем Глазьевым книгу на основе пятилетних исследований, в которой мы предлагали создать специальный уровень вице-преьера, включающий руководителей всех экономических секторов. В Китае Российский комитет по сотрудничеству в этом случае занимался бы созданием пятилетних планов сотрудничества, подготовкой совещаний у вице-преьера, всесторонним продвижением всеобъемлющего сотрудничества между Китаем и Россией в торговле, инвестициях, финансах, инфраструктуре, образовании и других областях. Эта рекомендация по-прежнему актуальна.

Прокофьев: Поворот на Восток как стратегия российской внешнеэкономической политики начался недавно, и у многих есть опасения, что Россия может остаться сырьевым вассалом восточноазиатских стран. Как нам не попасть в ловушку «обмена ресурсов на товары и технологии»?

Ван Вэнь: Так называемая ловушка «обмена ресурсов на товары и технологии» является спекулятивной. Существует китайская басня под названием «Чашка лука и тень змеи», в которой говорится, что тень лука, отражающаяся в чаше с вином, ошибочно принимается за змею, тем самым вызывая необоснованный страх. Адам Смит и Давид Рикардо более 200 лет назад утверждали, что экономическое развитие стран должны обеспечивать их сравнительные конкурентные преимущества. Изобилие ресурсов является самым большим сравнительным конкурентным преимуществом России, в то время как дефицит вложений в инфраструктуру, технологии, образование в настоящее время является сравнительным недостатком России. Используя свои преимущества и преимущества стран Восточной Азии, Россия может перейти к экономическому росту в условиях западных санкций. В этом отношении России нужно быть более напористой.

Прокофьев: Что касается вопросов развития валютно-финансового сотрудничества между Россией и Китаем, какие направления вы бы выделили как ключевые? Будут ли расти расчеты в национальных валютах между странами?

Ван Вэнь: Сейчас наступает звездный час китайско-российского валютно-финансового сотрудничества. Ожидается, что в 2022 году доля китайско-российских торговых расчетов в национальной валюте превысит 50% или даже достигнет 65%. Но в целом механизмы поддержки, надзора и обмена информацией в области финансового сотрудничества между Китаем и Россией несовершенны. Необходимо активизировать по крайней мере три направления финансового сотрудничества между Китаем и Россией. Во-первых, двум странам необходимо создать более эффективные каналы платежей и расчетов, чтобы минимизировать влияние долларовых санкций. Во-вторых, странам необходимо больше инструментов для предотвращения рыночных рисков, а также следует изучить вопрос о создании координационного механизма для предотвращения финансовых рисков и борьбы с ними. В противном случае риск изменения курса рубля будет слишком велик, что повлияет на финансовый бизнес Банка Китая с Россией. В-третьих, для оптимизации китайско-российского сотрудничества в сфере финансовых услуг следует рассмотреть возможность создания китайско-российской экосистемы финансовых услуг, создание цифровых валютных бирж и клиринговых центров, платформ трансграничных финансовых услуг, платформ онлайн-платежей трансграничной электронной коммерции, платформ инвестиций и финан-

сирования в России и в китайско-российских приграничных районах.

Прокофьев: В прессе была информация, что Китай и Евразийский экономический союз, в который входит Россия, задумались о создании независимой международной валютно-финансовой системы. Для этого страны решили внедрить единую международную валюту. Ее стоимость будет рассчитываться как индекс нацвалют стран-участниц и цен биржевых товаров. Как вы оцениваете перспективы этого проекта?

Ван Вэнь: Китай и Евразийский экономический союз наращивают расчеты в национальных валютах и прилагают все усилия, чтобы избавиться от гегемонии доллара. В обозримом будущем это произойдет. Однако мы должны признать, что на доллар по-прежнему приходится около 60% мировой валютной платежной, резервной и транзакционной системы. В краткосрочной перспективе сложно создать транснациональную валютно-финансовую систему, полностью независимую от доллара. Рождение евро заняло почти полвека с момента создания Европейского объединения угля и стали в 1953 году. Долгим будет и путь к появлению единой международной валюты в Евразии. Создание интегрированного рынка в Евразии, общее стремление к этому всех стран-участниц также является важной частью возрождения древнего Шелкового пути. На этот рынок приходится более 60% населения, более 50% общего объема экономической продукции и более 40% территории мира. Благодаря прагматичным усилиям, шаг за шагом, дорога к общему будущему будет становиться все шире и шире. У меня есть полная уверенность в том, что большинство стран Евразии в будущем «поднимутся» вместе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДО И ПОСЛЕ. ПРОГНОЗЫ
НАЧАЛА И КОНЦА 2023 ГОДА

**«МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ 2023»**

**КОНСЕНСУС-ПРОГНОЗ: ЧТО ЖДЕТ РОССИЙСКУЮ
ЭКОНОМИКУ В 2024 ГОДУ И ДАЛЕЕ**

**WHAT AWAITS THE RUSSIAN ECONOMY:
FORECAST FOR 2024 AND BEYOND**

ДО И ПОСЛЕ. ПРОГНОЗЫ НАЧАЛА И КОНЦА 2023 ГОДА

«МИРОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 2023»

На площадке Международного Союза экономистов, родственной организации Вольного экономического общества России, традиционно проходит презентация доклада, название которого вынесено в заголовок этой беседы. Доклад этого года был подготовлен Департаментом по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций в сотрудничестве с ЮНКТАД и рядом региональных комиссий ООН. Дискуссия этого года в Каминном зале Дома экономистов в Москве была особенно яркой, поскольку в новых геоэкономических условиях традиционные прогнозы буквально на глазах проваливаются.

*По материалам презентации доклада «Мировое экономическое положение и перспективы 2023»
25 января 2023 года в Международном Союзе экономистов*

СОБЕСЕДНИКИ:

Маргарита Анатольевна Ратникова,
вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России,
вице-президент Международного Союза экономистов

Владимир Валерьевич Кузнецов,
директор Информационного центра ООН в Москве

Александр Александрович Дынкин,
вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного
Союза экономистов, президент ИМЭМО
имени Е.М. Примакова РАН, академик-секретарь Отделения
глобальных проблем и международных отношений РАН,
академик РАН

Владимир Алексеевич Сальников,
заместитель генерального директора Центра
макроэкономического анализа и краткосрочного
прогнозирования (ЦМАКП), руководитель направления
анализа и прогнозирования развития отраслей реального
сектора ЦМАКП

Ирина Борисовна Ипатова,
ведущий эксперт ЦМАКП

Михаил Юрьевич Головнин,
директор Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н.

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России, главный директор
по финансовым исследованиям Института энергетики
и финансов, профессор Финансового университета
при Правительстве РФ, д.э.н.

Елена Владимировна Панина,
директор Института международных политических
и экономических стратегий — РУССТРАТ,
д.э.н., профессор

Борис Николаевич Порфирьев,
член Президиума ВЭО России, научный руководитель
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
руководитель секции экономики Отделения общественных
наук РАН, академик РАН

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра политических
технологий

Андрей Ниязович Карнеев,
руководитель Школы востоковедения факультета мировой
экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, к.э.н., профессор

Георгий Львович Мурадов,
член Правления ВЭО России, заместитель председателя
Совета министров Республики Крым — Постоянный
Представитель Республики Крым при Президенте РФ,
профессор МГИМО

Александр Владимирович Данильцев,
директор Института торговой
политики НИУ ВШЭ, д.э.н.

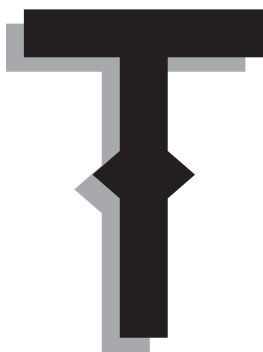

Алексей Павлович Портанский,
профессор департамента мировой экономики факультета
мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий
научный сотрудник Сектора внешнеэкономической
политики ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН

Владимир Михайлович Давыдов,
член Правления ВЭО России, научный руководитель
Института Латинской Америки РАН,
член-корреспондент РАН

Ратникова: Традиционно основной доклад Организации Объединенных Наций презентуется в конце января ежегодно, и этот год не стал исключением. Доклад WESP-2023 («Мировое экономическое положение и перспективы») разработан Департаментом по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций в сотрудничестве с ЮНКТАД и рядом региональных комиссий ООН.

Организатором презентации, также традиционно, выступает Информационный центр ООН в Москве. Мы очень признательны центру и лично его директору Владимиру Валерьевичу Кузнецову за долговременное и очень плодотворное сотрудничество и выбор Международного Союза экономистов в качестве площадки для обсуждения основных докладов ООН. Я напому, что Международный Союз экономистов имеет генеральный консультативный статус Экономического и Социального Совета ООН вот уже на протяжении 24 лет.

Мы всегда рады видеть представителей Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, потому что ЦМАКП любезно всегда соглашается презентовать этот доклад.

Модерировать дискуссию будет Александр Александрович Дынкин. Я хотела бы отметить, что, несомненно, доклад имеет важное значение и вызывает интерес у экономического экспертного сообщества. Мы полагаем также, что те комментарии, критические замечания, которые будут высказаны в ходе дискуссии нашими экспертами, — это тоже очень полезная обратная связь для авторов доклада. Прежде чем передать слово модератору дискуссии, я хотела бы попросить Владимира Валерьевича как основного организатора презентации доклада сказать несколько слов.

Кузнецов: Очень рад оказаться сегодня вновь в вашем гостеприимном доме в наступившем 2023 году по такому значимому и знаменательному поводу, как ежегодная презентация доклада «Мировое экономическое положение и перспективы 2023». Мы впервые собираемся очно после определенного перерыва, который был связан

со всеми ограничениями в ковидное время, но сейчас наша экономическая жизнь, надеюсь, входит в определенное русло, и я думаю, что мы продолжим нашу совместную работу.

Разумеется, первые добрые слова в адрес наших замечательных партнеров — Вольного экономического общества и Международного Союза экономистов. Как уже говорилось, МСЭ носит очень значимый — генеральный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС). Мы благодарим их за любезное согласие представить столь важный документ. Особые слова благодарности в адрес уже традиционного модератора — академика Дынкина.

Доклад УЭСП ведет свою историю с 1947 года, когда согласно мандату Генеральной Ассамблеи ООН генеральному секретарю был адресован запрос о ежегодном представлении отчетов Экономическому и Социальному совету ООН о текущей экономической ситуации и основных тенденциях в области экономического развития. Доклад обновляется 2 раза в год. Основной документ публикуется в январе, а в мае выходит обновленная версия, которая входит в повестку дня июльского этапа заседания высокого уровня ЭКОСОС Организации Объединенных Наций. Как уже говорила Маргарита Анатольевна, этот документ является плодом взаимодействия и партнерства между целым рядом структур ООН. Основное выпускающее звено — это Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, также ряд организаций и агентств, включая ЮНКТАД, редкомиссию ООН, Всемирную туристскую организацию, Международную организацию труда. Доклад УЭСП стал авторитетным изданием и по праву считается ценным аналитическим материалом, источником данных для научных работников, экономистов и журналистов.

Особая значимость доклада в том, что в его подготовке принимает участие большое количество национальных экспертов институтов от стран, от различных стран, экономистов, включая Российскую Федерацию. И как мы понимаем, сегодняшние наши презентеры тоже имели отношение к предоставлению данных, статистических данных и к подготовке данного доклада.

Презентация, которая проходит сегодня, является частью глобальной презентации, которая проходит и в Нью-Йорке, а региональные запуски, помимо Москвы, проходят в ряде крупнейших городов и столиц.

Я не буду сейчас говорить о содержании, потому что я не хочу предвосхищать ту дискуссию, которую мы ожидаем, но, действительно, даже беглое содержание этого доклада, с которым я ознакомился, не дает особого повода

для оптимизма. В то же самое время те цифры, которые там приведены, не такие апокалиптические, как ожидалось до этого.

Я бы хотел привести здесь слова генерального секретаря ООН, который сказал, что сейчас не время для неординарных подходов и не время для необдуманной экономии бюджетных средств, которые приводят к углублению неравенства, увеличению страданий и могут сделать цели устойчивого развития в еще большей степени недостижимыми. Наступившие беспрецедентные времена требуют принятия беспрецедентных мер. Эти меры включают в себя революционный пакет стимулов для достижения целей устойчивого развития, созданы благодаря коллективным и согласованным усилиям всех заинтересованных сторон.

Для меня, как руководителя Информационного центра, который представляет коммуникационное звено Организации Объединенных Наций, а я также являюсь и координатором, председателем систем организации ООН, которые работают в России, принципиально важно взаимодействие с профессиональным экспертным экономическим сообществом, а именно таковое здесь и представлено.

Особо важно для меня, как коммуникатора, — это то, чтобы профессиональный разговор на важнейшие темы не создавал ощущение безысходности, какой-то фатальной безысходности у российской мировой общестственности и мы могли бы сосредоточиться если не на каких-то позитивных вещах, то, по крайней мере, на конструктивном анализе, который позволяет говорить о том, что нужно делать для того, чтобы самые пессимистичные предсказания и прогнозы не сбылись.

Дынкин: Сегодня мировая экономика находится на переломе очень многих долгосрочных тенденций, которые сложились в последнюю четверть века. И соответственно, есть большие ожидания по поводу новых теоретических концепций, которые бы каким-то образом отражали те вещи, которые видим. Экономика — наука апостериорная, которая не так успешна в прогнозировании, как в осмыслении того, что произошло.

Надо отдать должное авторам доклада за прямоту, когда они пишут, что серия взаимно усиливающихся шоков поразила мировую экономику и стала причиной дальнейших неудач прогресса устойчивого развития. Это признание, конечно, сквозь зубы, в том, что цели устойчивого развития достигнуты не будут. Эти цели были сформулированы в 2015 году на 2030 год, то есть сегодня мы фактически находимся на середине срока.

Для нас в Институте было давно ясно, что многие пожелания — очень нереалистические, тем не менее они существуют, и я думаю, что нынешний генеральный секретарь Организации Объединенных Наций не возьмет на себя смелость признать очевидный для большинства экономистов факт.

Когда мы пришли к такому выводу, мы начали разрабатывать другую концепцию, которую мы назвали «Концепцией ответственного развития», Responsible Development. Лидер этого исследования — член-корреспондент РАН Ирина Семеновко.

Конечно, и пандемия, и конфликт на Украине, и попытка идеологически мотивированного энергоперехода, и санкционная война, которая была объявлена России, привели к тому, что конвенциональные неолиберальные условия глобализации, которые существовали в последнюю четверть века, а именно дешевые деньги, дешевая энергия, дешевый труд, относительно недорогая и глобальная логистика, — сегодня перестали существовать. Эту реальность надо осознать. В докладе Давосского форума тоже есть некое признание, потому главным риском в ближайшие 2 года они назвали стоимость жизни. Такая констатация — следствие того, что конвенциональные неолиберальные условия сегодня не работают.

На мой взгляд, сейчас время для теоретических парадигм, которые объяснят то, что произошло, и наметят какие-то контуры будущего.

В докладе сказано, что 85% центральных банков стран-членов Организации Объединенных Наций повысили в прошлом году учетную ставку. Это небывалое единодушие центральных банков поднимает проблему того, как сдерживать инфляцию, но при этом не нанести серьезный ущерб экономическому росту. Однозначного ответа здесь нет. Как сделать, чтобы будущий экономический рост был как минимум нейтральным по отношению к увеличению неравенства — это тоже прикладная задача, на которую пока нет однозначного ответа.

Очевидно, что и новые технологии, и геополитическая конфронтация разрушают традиционное производство и подрывают сложившиеся цепочки поставок. Что с этим делать? Недавно стало популярным выражение *friend shoring* (дружеский офшоринг. — Прим. ред.), что означает перенос американских производств из Китая, скажем, во Вьетнам, Индию, Мексику и другие страны. Что с этим делать? В японских журналах по экономике была такая как бы мантра *just in time*, то есть главное — поставки вовремя. Сейчас появилось выражение *just in case* (на всякий случай. — Прим. ред.), то есть надо закладывать разрывы логистических цепочек. Это все серьезные новые обстоятельства.

Премьер-министр Сингапура недавно предупредил американцев: «Не заставляйте нас выбирать между Китаем и Соединенными Штатами. Наш ответ вам может не понравиться».

Сальников: Заглядывая в будущее на 2023, 2024 годы и подводя итоги прошедшего года, мне кажется, очень важно вспомнить, что было годом ранее, когда только начинался 2022-й. Изначально эту позицию важно понимать. Это был фактически третий год непрерывных шоков. Мощнейший шок произошел в 2020 году в связи с ковидом, и он породил массу последствий, которые тоже можно рассматривать как своеобразные шоки, потому что глобальная экономическая система, во-первых, была во многом не готова к ряду возникших вызовов, а во-вторых, ответные действия на первичный шок часто были не согласованы как по странам, так и по инструментам внутри стран.

В 2020–2021 годах в мировой экономике уже появился ряд проблем, которые к началу 2022 года не были решены. Во-первых, ситуация с ковидом была гораздо более острой. Уже упомянутое нарушение цепочек поставок возникло в полный рост и проявлялось в виде локальных дефицитов сырья и материалов, удорожания логистики, что вкупе со стимулированием спроса породило мощнейший рост цен, который вначале был сконцентрирован на сырьевых рынках.

Одной из основных тем 2021 года стала мощнейшая инфляция издержек. Правда, она в тот период еще не трансформировалась на потребительские рынки, но было понятно, что рано или поздно это произойдет. Уже тогда мы видели обострение международных отношений и рост политических рисков, что особенно к концу 2021 года добавляло неопределенности и дезориентировало бизнес, инвестрешения и так далее. В 2022 году эти проблемы начали вставать уже в полный рост прежде всего в виде мощнейшего ускорения инфляции.

Важно отметить, что, помимо уже названных факторов, сработали несколько эффектов, которые вначале точно никто не прогнозировал. Как мне кажется, и это упомянуто в докладе («Мировое экономическое положение и перспективы, 2023», ЮНКТАД. — Прим. ред.), один из интересных моментов — это переключение спроса с услуг на товары. В условиях действия разного рода ограничений был мощнейший всплеск спроса именно на товары. Это мало кто предвидел, и тенденция была зафиксирована только постфактум. Россия была в этом тренде, и я помню, как мы сами с удивлением наблюдали практически двукратный скачок продаж основных товаров длительного пользования, который был стимулирован ковидом. При том что в нашей стра-

не стимулирующие программы носили ограниченный масштаб по сравнению с тем, как это происходило в развитых странах.

Понятно, что ситуация вокруг Украины внесла вклад в этот тренд, прежде всего в части энергетических рынков. В докладе также упоминаются и продовольственные рынки, хотя там, наверно, влияние было все-таки не столь масштабным. Фактор перекалывания цен от сырьевых рынков на потребительский рынок безусловно работал, хотя это четко и не отмечено в докладе. Были определенные лаги, но за 6–9 месяцев этот процесс пошел, и мы получили высокую инфляцию, ускорение которой было беспрецедентным, особенно для развитых стран. Если говорить о мировой инфляции, то мы повторили рекорд, который был в 1994 году, но если мы возьмем развитые страны, то более высокий уровень наблюдался только во время кризиса начала 1980-х годов — речь идет практически почти о двузначных темпах роста.

Такая инфляция обусловила снижение реальных доходов населения и рост бедности. Особо подчеркивается в докладе, что это явление стало болезненным не только для наименее развитых стран, но наблюдалось и в развитых странах, где компенсации, начиная с 2022 года, особенно для наиболее бедных слоев населения, не компенсировали удорожание жизни. Со второй половины 2022 года инфляция замедляется, и, наверно, это тоже создает некоторые основания для сдержанного оптимизма.

Практически все страны отреагировали тем, что начали бороться с инфляцией, резко повышая ключевую ставку. В результате был запущен целый ряд других процессов, которые дополнительно разбалансировали экономику. Прежде всего речь идет о том, что повышение ставок в развитых странах, особенно ФРС, запустило ослабление валют развивающихся рынков и отток с них капиталов. Понятно, что усилилось давление на платежный баланс и в принципе обострилась проблема долговой устойчивости, включая и рост суверенных кредитных рисков. Надо заметить, что мировая экономика, то есть очень большое число стран, уже и так испытывало проблемы с обслуживанием долга. Эта проблема дополнительно усугубилась. Это происходило в условиях перманентных для большинства стран бюджетных дефицитов. Соответственно, возможности для одновременного применения стимулирующей политики, которая бы купировала вот эти возникшие риски, тоже были весьма и весьма ограничены.

В докладе весьма интересно представлен тезис о том, что отрицательный баланс бюджетов развивающихся стран на протяжении долгого времени эти дефициты уси-

лил, это не были фактически бюджеты развития. Понятно, что развитие сложно измерить, но если хотя бы примерно посмотреть на валовое накопление основного капитала в развивающихся странах, то видно, что только Восточная Азия здесь показывала явный прогресс, при том что все остальные развивающиеся страны уже где-то как минимум с середины десятилетия демонстрировали стагнацию в этой части, а вот в Южной Америке наблюдается довольно устойчивый регресс в этой части.

Это все, конечно, создает очень серьезные проблемы для достижения целей устойчивого развития. Практически по всем направлениям либо прогресс затормозился, либо вообще были сделаны определенные шаги в обратном направлении. Авторы доклада подчеркивают, что с благосостоянием и доходами населения сейчас все идет пока по негативной траектории. Даже в Европе увеличение минимальной оплаты труда везде было практически ниже и часто просто кратно ниже, чем инфляция по итогам прошлого года.

В докладе тоже отмечаются весьма интересные феномены, связанные в том числе и с такими структурными эффектами: чем больше работа предполагает возможность удаленной работы, тем большие проблемы испытывают эти рабочие места как в части оттока рабочей силы, так и обеспеченности вакансий притоком рабочей силы. Казалось бы, парадоксальный феномен, когда при некотором общем ухудшении ситуации с доходами работник становится более требователен и избирателен в части того, что он хочет получить от рабочего места.

В ковидный период стимулирующие усилия по поддержанию доходов приводили к добровольной безработице, когда люди фактически отказывались работать и предпочитали пособия. В этом смысле, кстати говоря, это показывает некие пределы стимулирующей политики, когда мы, пытаясь сдержать некоторые негативные явления, обуславливаем проблемы в других сегментах — в данном случае у бизнеса.

Сейчас мы подошли к тому, что если раньше развитие очень долгое время опиралось на дешевые ресурсы в самом широком смысле и низкие издержки, прежде всего транспортные, что и стимулировало глобализацию, то сейчас у нас ситуация ровно обратная, и пока непонятно, как она будет купирована. Технический прогресс в части повышения эффективности, похоже, замедляется, и даже последний хайп цифровизации, который давал большие надежды на то, что у нас будет дальнейший скачок в производительности, неясно, насколько сможет компенсировать те негативные тенденции прежде всего в виде глобального удоро-

жания ресурсов. Причем под удорожанием здесь речь идет не просто о повышении цен, а о том, что в целом издержки на добычу и первичное преобразование ресурсов действительно сильно растут. Что с этим делать, до конца непонятно.

Сейчас политика находится между Сциллой и Харибдой в том смысле, что нужно найти золотое сечение, пройти через игольное ушко, то есть между стимулированием роста и борьбой с инфляцией. Причем непонятно, как побороть все побочные эффекты инфляции, особенно в развивающихся странах. В докладе ООН сделан большой акцент на том, что, видимо, инфляция до какой-то степени неизбежна. По крайней мере (в докладе ООН. — Прим. ред.), есть рекомендация по повышению таргетов и по расширению вилки таргета по инфляции. В налоговой и бюджетной политике тоже есть противоречия в том смысле, что, с одной стороны, конечно, стимулирование необходимо, с другой стороны, как было сказано, большинство бюджетов уже имели приличные дефициты, а уровень накопленного долга весьма высок.

Если все подытожить в виде цифр прогноза, доклад предполагает существенное замедление роста мировой экономики, очень резкое прежде всего для развитых стран, где в наступившем году мы практически не увидим роста. Китай остается локомотивом, но, правда, там сохраняется неопределенность по поводу того, какие конкретно темпы будут. Ожидается хотя бы в районе 4–5% прироста ВВП. Китай, если мы говорим о развивающихся странах, — самое позитивное звено.

Хотя общая картина по темпам роста все же не настолько плохая. В целом удастся относительно успешно пройти этот, наверное, один из самых неприятных последних лет, если не считать 2020 года. В 2024 году прогнозируется постепенное ускорение роста, хотя, конечно, не теми темпами, которые предполагались даже в конце прошлого десятилетия.

Ипатова: Один из разделов доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2023» посвящен странам СНГ и Грузии, тому, насколько ситуация вокруг Украины повлияла на все страны региона.

В России прогнозировалось падение ВВП на 10–15%, однако по итогу 2022 года это примерно 3,5%. И этому во многом способствовало то, что на фоне санкций Россия смогла переориентировать свои экспортные потоки с Запада на Восток, несмотря на снижение спроса со стороны Европы и других уже недружественных стран. РФ значительно увеличила экспорт в Китай, Индию и Турцию, стоимостной экспорт был высок.

Кроме того, у предприятий оставались высокие запасы на складах материалов и комплектующих, которые необходимы для продолжения производства, поэтому второй и третий квартал прошли достаточно гладко. Производство в оборонной промышленности также внесло вклад в рост ВВП. Помимо этого, ЦБ предпринял ряд мер по сохранению стабильности на финансовом и валютном рынках. Сначала он увеличил процентную ставку, а после укрепления рубля это позволило перейти к смягчению монетарной политики, что также стимулировало корпоративное и розничное кредитование.

Авторы доклада отмечают, что исчерпание запасов у предприятий может вызвать сложности для дальнейшего роста Российской Федерации, соответственно, на 2023 год они прогнозируют падение на 2,9% с небольшим восстановлением до 1,5% в 2024 году.

Беларусь также затронули санкции, были нарушены цепочки поставок через Европу. Сейчас на снижения последствий там направлено внедрение программы импортозамещения и предоставление кредитов от России по более низким ставкам.

Страны региона также показали результаты лучше, чем ожидалось вначале, в том числе из-за того, что люди мигрировали из России в эти страны и происходила релокация производств. Армения и Грузия, не входящие в СНГ, увеличили денежные переводы из России в 2 раза. Экономика Казахстана выигрывает от релокации производств. Увеличился экспорт с Россией за счет использования национальных валют.

Экспортные страны — Азербайджан и опять же Казахстан — выиграли от роста цен на нефть и газ. Росту Киргизии способствовала добыча золота. При этом национальные валюты сильно укрепились на фоне укрепления рубля, что может вызвать в дальнейшем риски для бизнеса, обесценивая те экспортные доходы, которые страны получили. Еще один минус для национальных экономик — подорожание жилья.

Инфляция наблюдалась высокая, в некоторых странах она двузначная, за счет роста цен на энергию и продукты питания. Все центральные банки также ужесточали свою монетарную политику, и правительства ввели программы социальной помощи, субсидируя расходы на топливо и продукты питания.

Дынкин: Спасибо большое, коллеги. Я вам очень признателен за такое краткое, но вместе с тем абсолютно полное, с моей точки зрения, изложение материалов доклада. Владимир Алексеевич как-то дух доклада почувствовал

и старался его до нас донести. Я имею в виду его замечание о том, что доклад традиционно рекомендует повышение таргетов по инфляции — это традиционно леволиберальная повестка ЮНКТАД, которая на протяжении десятилетий практически не меняется.

Владимир Алексеевич, у меня в этой связи к вам один вопрос. Против тренда идет одна крупная экономика — это Турция. Вы знаете об этом. Там инфляция порядка 80% годовая, а ставка — где-то, если я не ошибаюсь, 17%. У вас есть какой-то комментарий на эту тему, почему такая крупная экономика идет против мирового тренда?

Сальников: Феномен, безусловно, интересный. Я не являюсь специалистом по Турции, поэтому в данном случае мне сложно профессионально комментировать. Отмечу лишь, что для Турции это история не новая, это такая специфическая политика, которая не совсем понятно, к чему приведет. Страна вообще необычная, там постоянно высокая инфляция, девальвации.

Дынкин: Хорошо. Давайте, коллеги, перейдем к обсуждению, и я прошу первому взять слово Михаила Юрьевича Головнина.

Головнин: Период с 1990-х годов прошлого века и до 2007 года часто характеризовался английским словосочетанием *grade moderation*. Это сложно перевести на русский, у каждого свой перевод, но смысл в том, что были низкие темпы инфляции и высокие темпы экономического роста.

После мирового кризиса 2008–2009 года темпы роста замедлились, но темпы инфляции оставались низкими. Это была характерная черта глобализации, и очень много работ писалось о влиянии глобализации на инфляцию. В 2021-м и особенно в 2022 году мы, пожалуй, впервые заметили повышение инфляции в мировой экономике. В связи с этим стоит, помимо конъюнктурных моментов, задаться вопросом, не произошел ли сбой вот тех самых сдерживающих механизмов глобализации? Пока я это оставлю как вопрос. Но весьма возможно, что мы от модели низкой инфляции и высокого или умеренного роста можем перейти к модели мировой экономики с более высокой инфляцией. Об этом косвенно свидетельствует повышение целевых темпов инфляции центральными банками.

Что касается рисков, я в большей степени сосредоточусь на рисках со стороны мировой финансовой системы. В докладе они обозначены главным образом с точки зрения развития долговых кризисов, хотя напрямую об этом не говорится. Но в целом сценария масштабного финансового потрясения в докладе нет. Хотя совсем недавно вышел комментарий Кеннета Рогоффа (профессор Гарвардского уни-

верситета, в 2001–2003 годах занимал должность главного экономиста в Международном валютном фонде. — Прим. ред.), где он говорит о возможном глобальном финансовом стрессе, подчеркивая, что он чудом не произошел в 2022 году и весьма вероятно произойдет в 2023-м.

Будет ли этот стресс со стороны долга? Возможно. Действительно, велики риски долгового кризиса в связи с ростом стоимости издержек колоссального глобального долга, который, по оценкам Международного института финансов, на середину прошлого года составил 349% глобального ВВП. К этому прибавляется рост стоимости обслуживания долга в связи с увеличением процентных ставок.

Но насколько это проблема именно 2023 года? Здесь большой вопрос. Мы видим уже и по 2022 году, что это в основном проблема стран с низким уровнем дохода, в которых уже и дефолты есть, и некоторые из них приближаются к дефолту. The Economist выделил 53 страны, которые находятся в наиболее критической ситуации с точки зрения долга. Только вот совокупный ВВП этих 53 стран — примерно 5% мирового ВВП.

Реальные проблемы, на мой взгляд, могут возникнуть, если это коснется ряда крупных стран с формирующимися рынками, потому что мы знаем, что из этих стран традиционно начинают распространяться эффекты заражения на другие страны с формирующимися рынками. Эти риски пока не очень видны, но есть несколько факторов, которые могут их увеличить. Первый — геополитика, которая создает надбавку к стоимости обслуживания долга, которую мы, кстати, наблюдали даже применительно к российской экономике, где долговые проблемы вообще, строго говоря, не стоят. И второе — это обесценивание национальных валют. В странах с формирующимися рынками валютная составляющая долга — очень серьезная.

В развитых странах, на мой взгляд, риски меньше, хотя именно Рогофф много пишет о Японии как о слабом элементе. Это звучит в диссонанс с оценкой ситуации в Японии в докладе ЮНКТАД.

На мой взгляд, краткосрочные риски больше — в повышении волатильности на финансовых рынках. Мы ее наблюдали уже в 2022 году. Индекс VIX (индекс волатильности СВОЕ. — Прим. ред.) в 2021 составил 19,6, в 2022 — 25,6, то есть мы видим фон роста волатильности, может быть, не столь показательный с точки зрения масштабов, но яркий. Не стоит забывать о рынке криптовалют: мы видели, как сильно упал биткоин в прошедшем году.

Неопределенность, на мой взгляд, связана с международными потоками капитала. Во-первых, происходит снижение потоков капитала из стран с формирующимися рын-

ками. В докладе ЮНКТАД это совершенно справедливо отмечено, но непонятно, что будет дальше. Скорее всего, если сохранится геополитическая напряженность, возрастет неприятие инвесторами рисков, и, соответственно, эти негативные тенденции в отношении международных потоков капитала продолжатся. А я напомню, что эти потоки сейчас находятся не на столь высоком уровне, они довольно сильно схлопнулись после 2008–2009 года и с тех пор не так уж существенно выросли.

И самая главная угроза в 2023 году, которая, впрочем, едва ли полностью реализуется, — это фрагментация мировой финансовой системы. Яркий показатель — сокращение спроса на международные резервные активы. До 2014–2015 года он устойчиво рос, в 2015-м было первое сокращение спроса, потом рост возобновился, и в 2022 году мы увидели снова сокращение спроса на международные резервные активы. На примере России страны увидели те риски, с которыми они могут столкнуться в ситуации накопления активов. А это, напомню, в основном — как раз страны с формирующимися рынками.

Без международного сотрудничества, конечно, эти проблемы нельзя решить, а проблемы с сотрудничеством, если будет нарастать фрагментация, увеличатся. На мой взгляд, развитие этого сотрудничества вряд ли возможно, если не будут усилены позиции стран с формирующимися рынками при принятии решений. Их голос по-прежнему, к сожалению, в части реформирования мировой финансовой системы не очень слышен.

А в целом набор предложений очевиден. Это решение проблемы долгового кризиса, которая может реализоваться в полной мере. Это решение проблем финансовой волатильности, особенно в тех сегментах, которые оказались менее урегулированы в ходе реформы мировой финансовой системы. (Регулирование было налажено только в банковском секторе, остальные сегменты не были затронуты в значительной степени этой реформой.) Подчеркну еще раз: без сотрудничества и без более равномерного распределения голосов при принятии решений вряд ли удастся достичь серьезного прогресса.

Ершов: Инфляция сейчас достигла 40-летних максимумов, замедление в странах существенно больше, чем ожидалось. В этой новой ситуации возникает проблема, и нам от нее никуда не деться и в будущем — как нам одновременно и стимулировать экономический рост, и придавливать инфляцию. Центральные банки ставят рекорды роста ставок, но те же МВФ и ЮНКТАД в недалеком-недалеком прошлом писали, что сохранение именно мягкой денежно-

кредитной и фискальной политики остается ключевым фактором для восстановления экономик. Сейчас имеем дело с ситуацией, когда политика уже становится далеко не мягкой и в сфере ДКП, и в сфере бюджетов, и как тогда в этой ситуации решать проблему восстановления роста экономик?

Мы сейчас входим в полосу, где государство будет играть все более и более фундаментальную роль в рыночных экономиках, возобновляется тематика частно-государственного партнерства, где государство является центральным звеном, к которому будет подтягиваться и бизнес. И видимо, в такой системе взаимоотношений бизнеса и государства нам в ближайшие годы так или иначе надо быть готовыми функционировать.

Еще одна тема — неравенство. Она важна не только с точки зрения экономического роста и экономического благополучия, но и с точки зрения социальных проблем и много чего. Поэтому о ней уже говорится не первый год в мировом экспертном сообществе. Но опять напомню: в предыдущий период пандемии и после пандемии меры поддержки экономик усилили неравенство, потому что влитые деньги пошли на фондовые рынки, фондовые рынки стали резко расти, держателями акций были более богатые семьи, соответственно, они стали более богатыми, а бедные — более бедными, разрыв увеличился. Мягкая политика усилила неравенство.

ООН пишет в докладе, что ужесточение политики будет негативно влиять на самые уязвимые слои общества и, соответственно, вновь способствовать росту неравенства.

Получается порочный круг: мягкая политика, как недавний пример показал, неравенство усиливает, и жесткая политика, которая начинается сейчас, неравенство будет усиливать. А тогда где решение проблемы, коль скоро ни мягкая, ни жесткая политика проблему неравенства не решают? Это фундаментальный, серьезный, системный вопрос, который, конечно, нам всем, и экспертам, и регуляторам, и бизнесу многие-многие годы, вероятно, придется решать. Здесь должен быть тщательный отбор механизмов, очень выверенный, который позволил бы в экономических подходах очень селективно, точно найти разумный баланс, чтобы и проблемы роста решить, с одной стороны, и проблему неравенства не обострить.

Сохраняется и даже усугубляется больше, чем во время пандемии, напряженность в сфере цепочек поставок. Геоэкономическая фрагментация является важным риском для их восстановления. То есть сейчас нарушившиеся из-за пандемии цепочки трудно будет восстанавливать. Более того, они, скорее всего, будут иметь другой характер.

Геополитическая и геоэкономическая фрагментации, которые все более и более отчетливо начинают проявляться, конечно, будут сильно мешать всем этим эффективным взаимодействиям между странами и между подходами, методами, политикой и так далее. И поэтому дискуссия экономистов во всем мире в этой сложной ситуации позволит хоть как-то нащупать какие-то вот такие прорывные, может быть, прорывные без каких-то чрезмерных эмоций, а, скорее, по результату, решений, которые можно было бы все-таки предъявить сообществу, предъявить миру для того, чтобы ситуацию как-то восстановить и сделать устойчивой. Потому что иначе, боюсь, мир может действительно войти в очень сложную полосу, мировая экономика и многие страны — в очень сложную полосу таких вот рецессий, плюс геополитические стрессы, плюс геоэкономическая неопределенность, будет что-то такое ни то ни се, и всем будет плохо, и никто не будет знать, как эту проблему решить. Поэтому надо быть готовым к нестандартным мерам, которые бы нам и всем могли помочь.

Дынкин: Михаил Владимирович, вы констатировали, что и ограничительная политика, и мягкая усиливают неравенство. Это справедливое наблюдение и это дефект целей устойчивого развития. С моей точки зрения, решение этой проблемы — инвестиции в себя, в здоровый образ жизни, в человеческий капитал. И вот эта тематика — часть того, о чем я говорил в преамбуле, во вступительном слове — часть ответственного развития. Понимаете? Это совершенно другая постановка. И если вы посмотрите статистику, вы увидите, что индекс человеческого развития впервые в истории, а его измеряют с 1990 года, сокращался в 2010–2021 годах. Проблема здесь во многом. Это не огульные инвестиции по всему полю, а таргетированные. Пожалуйста, Елена Владимировна Панина.

Панина: Складывается впечатление, и Александр Александрович абсолютно четко подметил в своем вступительном слове, что разработчики, авторы доклада застыли в реалиях примерно 2015 года, когда как раз и разработывалась впечатляющая программа целей устойчивого развития. Здесь указаны следствия, но не названы причины той ситуации, в которой сегодня оказался мир.

Мы хорошо понимаем, что когда идет война и военные расходы во всех странах резко возрастают, то это не может не влиять на мировую экономику и на региональную экономику разных стран. Но я даже не хочу останавливаться на этом факторе. Я бы хотела остановиться только на факторе тех санкционных войн, которые не просто нарушают принципы либерального развития экономики, свободного развития экономики, на котором была построена вся эта

программа достижения целей устойчивого развития, но прямым образом нарушают и международное право. Сегодня мы имеем дело с тем, что политика вмешивается в экономику очень жестко, причем вмешивается деструктивно. А в связи с этим, когда мы говорим о достижении каких-то целей, каким образом выходить из этой ситуации, оставив в стороне данный фактор, невозможно предложить реальные шаги и методы по выходу из кризисной ситуации.

По итогам санкций произошло переформатирование всей мировой торговли, в первую очередь — за счет перераспределения нефтяных потоков. То, что происходит сегодня, будет влиять и на мировую экономику, и на экономики региональные. Взять, к примеру, ту же Саудовскую Аравию: она сегодня использует дешевую российскую нефть для развития собственной экономики и получает дешевые энергоресурсы. Естественно, у нее будет большой прогресс внутри страны, поскольку свою нефть по намного более высоким ценам она отправляет на мировые рынки. И Саудовская Аравия — не исключение. Почти все страны делают это. Индия также использует ситуацию для развития своей экономики. Она перерабатывает очень много, а нефтепродукты поставляет по высоким ценам на мировые рынки. Естественно, все это не может не влиять на развитие экономики как мировой, так и регионов.

Но это работает не только в части нефти. Санкции США в отношении развития полупроводниковой промышленности Китая точно так же будут влиять на экономику и Соединенных Штатов Америки, и Китая, и всего мира, потому что это сегодня тот элемент, который лежит в основе всей современной экономики.

Когда мы говорим о том, что замедлился темп роста в Европе, в странах Евросоюза, надо называть вещи своими именами. Больше всего, конечно, в результате этой санкционной политики пострадала Европа. Я могу привести только одну цифру: сальдо торгового баланса по всем странам Евросоюза упало более чем на 20 млрд евро, то есть Европа оказалась впереди планеты всей в части падения. Поэтому прогноз о том, что европейские страны в следующем году как-то будут выходить на маленькие темпы, но все-таки роста, у меня вызывает большое сомнение.

В основе хорошего, устойчивого роста последних лет были дешевые ресурсы, но что делать с этим, авторы доклада не говорят. По-моему, совершенно понятно: надо прекратить санкционную войну, и, наверно, ЮНКТАД и разработчики доклада могли бы хотя бы в качестве предложения внести такой момент.

Еще один вопрос, который я бы выделила: вызывает очень большое сомнение, что для оживления глобальной

экономики нужны более решительные фискальные меры, а с другой стороны — не время для бюджетной экономии. Естественно, если сейчас будет вбрасываться больше средств на поддержание населения, поскольку уровень жизни падает и ухудшается экономическое положение целых социальных слоев, то у нас, конечно, инфляция будет еще больше, но я не уверена, что фискальные меры не приведут также к ужесточению всей инфляционной спирали.

Конечно, ценность этого доклада — очень большая, особенно в том огромном статистическом материале, таблицах, диаграммах, графиках. К сожалению, на базе этих статистических данных сделаны неправильные выводы. Но мы понимаем почему. Потому что они также связаны политическими обязательствами и не могут делать, как честные ученые-экономисты, выводы, которые вытекают из этого статистического материала.

Порфирьев: Прочитав внимательно доклад по глобальным рискам экспертов Всемирного экономического форума, скажу, что авторы «Мирового экономического положения и перспектив» сильно преуспели в оценках. Это, на мой взгляд, доказывает, что в различного рода экспертных исследованиях надо, безусловно, использовать опросы экспертов, их оценочные суждения, но без объективной статистики при всех ее погрешностях обойтись нельзя. Авторы этого доклада положили в основу своих выводов результаты определенного статистического анализа. И в этом смысле если мы сравним те приоритеты, которые прозвучали в докладе по глобальным рискам, краткосрочная перспектива, где первый глобальный риск в двухлетней перспективе — это рост стоимости жизни, потом идут климатические и экологические риски, а только на пятом месте у них возникает геоэкономический кризис. А в десятилетней перспективе вообще все светится зеленым цветом.

Первое: хотел бы согласиться с авторами доклада и с нашими уважаемыми презентерами, которые эти обстоятельства подчеркнули, в том, что, несмотря на некоторое ослабление прессинга, который был связан с пандемией ковида, определенное давление остается и довольно ощутимо. Авторы доклада выделили два момента: один связан с определенным структурным сдвигом в занятости и перемещением рабочей силы в другие сектора. Это довольно солидные цифры. Если мы возьмем Соединенные Штаты, 1,6 млн человек переместились в виртуальную реальность именно во время кризиса.

Второй момент, на который обращают внимание авторы доклада: последствия затяжного ковида мешают возврату рабочей силы на рабочие места. Это прежде всего относится, конечно, к обрабатывающей промышленности.

Цифра поразительная. По тем данным, которые есть в моем распоряжении, в Соединенных Штатах это 3,7 млн человек, то есть это по-прежнему люди, которые страдают от различного рода последствий болезни. Прежде всего это влечет за собой уменьшение продуктивности, производительности, креативности.

В Соединенных Штатах, по данным на январь, по-прежнему от 200 до 400 человек в сутки умирают от ковида. Если говорить в целом о 2020–2022 годах, по различным оценкам медиков, которые почти в 5 раз превышают официальные данные, заболеваемость составляет 700 млн человек. Это примерно миллиард человеко-дней, потерянных рабочих часов. Я попробовал сделать небольшой расчет. В среднегодовом выражении это означает торможение экономики примерно на 0,25% ВВП в год.

Мне кажется, когда мы смотрим на нашу действительность, тоже нужно иметь в виду, что эти проблемы остаются, эффект влияния на рабочую силу очень серьезен и его ни в коем случае нельзя недооценивать.

В докладе обращают внимание на те бедствия, которые поразили мировую экономику в 2021–2022 годах. Совокупный ущерб достигал в среднегодовом выражении 175 млрд долларов. Он сравнивается с числами, которые были 40 лет тому назад, которые были примерно в 6 раз меньше, но при этом нет, естественно, никакой коррекции ни на рост ВВП и, главное, на то, что за 40 лет немножко изменилось размещение производительных сил. Они сдвинулись в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, во-первых, а во-вторых — в сторону природных рисков.

Если мы проведем такую нормализацию, то увидим, что на самом деле все остается на том же уровне. А вот если уже сравнивать с ситуацией действительно экологической и тем, во сколько она обходится по заболеваемости и по дополнительной смертности, получим совершенно другие числа, которые уважаемые докладчики, видимо, немножко постеснялись нам сообщить.

Там же подчеркиваются большие успехи с возобновляемой энергетикой: инвестиции составили почти полтора триллиона, это три четверти всех инвестиций в энергетику. Наверно, это правда. Но тем не менее, если мы посмотрим на то, во что эти инвестиции конвертируются, увидим, что значительная часть вложений не имеет отношения к возобновляемой энергетике. Там есть элемент, который называется «зеленой отмывкой» или green washing. То есть не учитываются те обстоятельства бурного роста, которые влекут за собой колоссальный рост спроса на соответствующие материалы, в том числе так называемые зеленые металлы, включая РЗМ. А этот рост транслируется на дру-

гие сектора экономики, и там возникает целый ряд проблем, потому что эти сектора оказываются очень высококапитало- и материалоемкими, что не сулит таких радужных перспектив, как рисуют это уважаемые докладчики.

Раз уж они залезают на климатическую поляну, остается только изумляться, почему они с упорством, достойным лучшего применения, — и сами, и многие другие коллеги — совершенно упускают из виду проблему так называемой адаптации, все сводя в основном опять к проблеме выбросов парниковых газов. А буквально перед этим вышел мощнейший доклад ООН, который показал, что примерно 170 млрд долларов ежегодно недоинвестируются в адаптацию, что, соответственно, влечет за собой те ущербы, о которых авторы говорят.

Дынкин: Борис Николаевич, мне очень понравилось ваше сравнение этого доклада и доклада Давоса. И я хотел бы немного защитить авторов, потому что в нулевые годы мне приходилось с ними общаться. Я бы сказал, что это высокие профессионалы, статистики, которые бесконечно дискутируют. Этот документ проходит одобрение в региональных комиссиях Организации Объединенных Наций. То есть это не легковесные суждения, которые очень хорошо продаются в Давосе. В Давосе принцип какой: нанимается несколько модных консультантов, футурологов, визионеров, они делают 2–3 социологических опроса среди топ-бизнеса, и на базе этого пишется вот этот доклад с такими очень звонкими, красивыми формулировками. И пиар-бюджеты доклада Давоса несопоставимы с тем, что мы видим здесь. Поэтому сейчас все бизнес-консультанты в мире понесут какие-то фразы и Давоса. Вот так это работает, к сожалению. Конечно, серьезные компании мало обращают внимание на Давос, но для бизнеса, бизнес-консультантов это такое незаменимое сырье, и в этом гений Шваба, который всю эту историю придумал, я считаю.

Портанский: По данным руководства Всемирной торговой организации, рост торговли в 2023 году составит 1%, то есть в пределах статистической ошибки. Как сказала генеральный директор ВТО Нгози Оконджо-Ивеала, если самые серьезные риски материализуются, то может быть и минус 1%. В прошлом году было плюс 3,5%.

Какие проблемы сегодня чаще всего упоминаются прежде всего в развитом мире? Это растущая обеспокоенность по поводу влияния Китая и распространение климатической политики на сферу торговли.

Что касается отношений Китая и Соединенных Штатов. Избрание президента Байдена сначала породило надежды, что та конфронтация, которая существовала между Китаем и Соединенными Штатами, утихнет. Но этого не произо-

шло. Знаменитая торговая сделка, о которой много говорилось и которая должна была увенчать торговую войну между США и Китаем, от февраля 2020 года, постепенно ушла в песок. Вот что говорится в последней версии Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов: «Мы будем уделять приоритетное внимание сохранению устойчивого конкурентного преимущества перед Китаем».

Чем отвечает Пекин? Есть несколько областей, в которых Китай пользуется рычагами влияния. Это редкоземельные металлы, огромные запасы казначейских облигаций США, доминирующее положение в производстве основных фармацевтических материалов и потребительский рынок, на который десятки транснациональных корпораций США наряду с фондовыми рынками США полагаются в плане прибыльности. Конечно, и в самых передовых технологиях у Китая тоже есть очень серьезные достижения. Можно говорить о технологиях 5G, об искусственном интеллекте.

В свое время Соединенные Штаты вместе с ЕС строили планы противостояния Китаю. На этой идее был построен проект Трансатлантического торгового инвестиционного партнерства, который сегодня подзабыт, его сразу разрушил Трамп, как только он пришел к власти, и сегодня этого проекта не существует. Вместо этого есть так называемый Совет по технологиям и торговле, но это проект пока что еще очень молодой, и в его рамках особых достижений нет. Поэтому сегодня США с ЕС не могут вместе противостоять Китаю. Более того, между США и ЕС существует очень серьезные противоречия. Они связаны с тем, например, что ЕС видит позитивную и перспективную роль во Всемирной торговой организации. Соединенные Штаты делают ставку на региональные соглашения, двухсторонние соглашения и не считают, что существующие проблемы в торговле можно успешно решить в рамках ВТО.

И в наступающую эпоху с учетом этих противоречий результаты торговли все больше будут определяться вмешательством правительства, главным образом в форме торговых ограничений и субсидирования преференциальных торговых блоков, исключаящих другие страны, естественно, и создания условий для игры в пользу внутреннего производства. Торговые правила и прежние нормы «хорошего» поведения будут соблюдаться только тогда, когда это удобно. То есть послевоенный дух сотрудничества в торговле и приверженности общему благу в значительной степени рухнул. Все чаще вместо него выходит на первый план непримиримость в торговой политике, ориентированность на внутренний рынок, независимо от ущерба партнеров.

Здесь уже говорилось о рисках фрагментации. Да, эти риски тоже довольно велики. О них говорило совершенно недавно руководство Всемирной торговой организации. Есть риски разделения мировой торговли в ближайшее время на 2–3 блока, и в этом случае потери для мировой экономики составят 5–7%. Это вполне сопоставимо с потерями, которые понесла мировая экономика в результате кризиса 2008 года.

Далее перейду сразу к зеленой повестке. Это еще один предмет глубокой озабоченности не только стран первого мира, но и вообще всех государств: на данном этапе нет способа значительно сократить выбросы CO₂ без падения экономики. Значит, предстоит найти способы обеспечения роста без выбросов. И это серьезнейший вызов для глобальной экономики в 2023 году и в ближайшие годы. Пока что любые попытки сократить выбросы углекислого и других газов приводят к сдерживанию роста.

Реализация зеленой повестки чревата нарастанием противоречий между государствами. Уже есть основания полагать, что зеленая повестка будет не только спасать человечество от климатических катаклизмов, но и служить прикрытием для программ мощного технологического рывка в отдельных экономиках. В этой связи генеральный директор ВТО предостерегла мировых лидеров от гонки субсидирования на декарбонизацию экономики. Если это гонка, то мы должны, сказала она, отдавать себе отчет в том, что развивающиеся страны не смогут в ней участвовать. Субсидии могут быть полезным инструментом, но они должны стимулировать всех, не только избранных. В ЕС выражают недовольство экологическими субсидиями правительства США — вот еще один пункт нынешних противоречий между США и ЕС. Эти субсидии чреваты ущербом для производителя в экономике ЕС в целом. И принятый летом закон, вы знаете, о сокращении инфляции — это тоже, конечно, закон, который содержит в себе элемент зеленой повестки, и в настоящее время он вызвал очень серьезное противодействие со стороны Европейского союза. Дело может дойти до подачи жалобы в ВТО.

Очень много говорят, конечно, о так называемом SIBAM, английская аббревиатура, по-русски это менее благозвучное ПКУМ — пограничный корректирующий углеродный механизм. Его введения мы ожидаем уже в скором времени. С 2023 года началась информационная фаза перехода к этому налогу, с 2026 года он уже вступит в силу. Этот механизм призван служить важным элементом инструментария ЕС для достижения климатической нейтральности к 2050 году путем устранения риска утечки углерода. Проект регламента ЕС о SIBAM дает возможность полного исключе-

ния некоторых стран и территорий и, соответственно, их товаров из сферы применения SIBAM. Это такие государства, как Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария и ряд территорий, я не буду их перечислять, которые будут освобождены от действия этого механизма. Можно получить исключение от действия SIBAM, но для этого необходимо выполнить некоторые условия. В результате применения SIBAM Евросоюз изменит условия конкуренции на своем рынке для импортных товаров, охваченных этим механизмом. Обеспокоенность вызывает возможное снижение конкурентоспособности ряда товаров вследствие высоких расходов на выполнение требований SIBAM, в том числе из-за роста акционной цены на выбросы парниковых газов.

По этому поводу выпущен был не так давно доклад ЮНКТАД, где сказано, что последствия SIBAM будут значительно различаться в зависимости от страновой структуры экспорта и углеродной интенсивности производств. Например, развитые страны как группа не пострадают от сокращения экспорта, поскольку многие из них, как правило, используют менее углеродоемкие методы производства. В докладе ЮНКТАД также указывается, что SIBAM создаст разрыв между развивающимися и развитыми странами с точки зрения благосостояния, одни станут богаче, другие — беднее. Прежде всего SIBAM будет касаться наиболее уязвимых для этого механизма стран-экспортеров, а именно Российской Федерации, Китая и Турции, потому что прежде всего там речь идет о таких товарах, как железо, сталь, удобрения, электричество и некоторые другие. Причем в дальнейшем действие SIBAM может распространиться на другие товары вплоть до сельского хозяйства. Председатель Еврокомиссии пообещала, что введение этого налога будет согласовано с ВТО, но в это пока не очень-то верится.

Для нашей экономики это будет иметь огромное значение и последствия. На Восточном экономическом форуме 2021 года во Владивостоке было 6 комиссий под председательством первого вице-преьера Андрея Белоусова, был даже назначен переговорщик с ЕС. Проблема никуда не ушла. Мы так или иначе должны будем разговаривать с Евросоюзом, должны будем решать в ВТО эту проблему, потому что она серьезно бьет по нашему экспорту.

Масленников: Вероятность глобального кризиса образца 2008–2009 годов, по крайней мере в ближайшие несколько кварталов, немного отступила. На рынках довольно много оптимизма. Инфляция в Штатах и в Еврозоне, видимо, прошла свой пик. Глобальный долг в прошлом году за 3 квартала стал меньше на 15 трлн долларов, правда, остался на уровне 290 трлн, но сокращение

за счет инфляции есть. Все воодушевлены постковидным восстановлением Китая.

Какой там будет рост? Он не слишком будет, на мой взгляд, отличаться от прошлогоднего показателя: был 3% ВВП, будет 4–4,5%, но ниже официальной цели. Тем не менее китайские акции идут как горячие пирожки, и это тоже медицинский факт. Рабочий сценарий на 2023 год — неглубокая относительно непродолжительная рецессия в нескольких крупнейших экономиках мира при довольно умеренном росте в Поднебесной.

Дальше начинаются, на мой взгляд, не слишком позитивные. Перспективы мировой экономики после 2023 года остаются крайне неопределенными. Возможно, начался длительный период слабой макродинамики при высокой инфляции. Еще в конце августа Банк международных расчетов опубликовал доклад, в котором было сказано, что к пяти процентам в 2023 году развитые экономики подойдут, но путь до таргета в 2% будет на четверть длиннее.

Весьма вероятно, что длительное время текущая инфляция будет как минимум вдвое превышать официальные цели. Может быть, это будет продолжаться 3–4 года, может быть, и 5 лет. Это значит, монетарная политика в ближайшей перспективе будет достаточно жесткая, а те бюджетные стимулы, о которых говорится в докладе, при позитивном краткосрочном эффекте подталкивают к нарастанию долговых кризисов. На этом фоне всплеск оптимизма, который мы сегодня наблюдаем на рынках, может быть довольно неустойчивым. Если суммировать экспертные ожидания от экспертов — от МВФ до Bloomberg — две трети респондентов в течение 12 месяцев считают глобальную рецессию высоковероятной.

Ситуация отягощается существенной деформацией международного экономического порядка. Сегодня уже говорилось о докладе по глобальным рискам Всемирного экономического форума. Там действительно первое место по коротким рискам занимает кризис стоимости жизни, второе — экологический риск, стихии, катастрофы и их последствия, а третий — геэкономическая конфронтация, то есть последствия протекционизма, торговых войн, разрушение цепочек и так далее. При этом, если сравнить наборы рисков двухлетней продолжительности и до 2033 года, они удивительным образом практически совпадают. Разница — в две позиции.

Поэтому на 10 лет прогнозируют высокий риск распада текущего международного экономического порядка и вообще всей системы международного сотрудничества. Резкое увеличение в публикациях, высказываниях финан-

совых аналитиков и участников рынка частоты употребления словосочетаний «экономическая фрагментация» или «экономическая конфронтация» тоже, на мой взгляд, совершенно очевидная примета января. Кристилина Георгиева, директор МВФ, заявила, что в ее организации видят признаки новой холодной войны.

Риск необратимого распада ткани международного экономического сотрудничества достаточно высок, и необходимость всеобщего ответа на глобальные вызовы тоже очевидна. Но вот что интересно: мы с коллегами попытались посмотреть, какие темы сейчас наиболее актуальны с точки зрения поиска отправных точек для некоей реанимации, реинкарнации международного экономического порядка.

Судя по анализу частоты упоминаний, в первую очередь это, конечно, реформа ВТО. Это сегодня очень активно обсуждается. Призыв постепенного движения в этом направлении рассматривается сегодня многими аналитиками как достаточно серьезный, чтобы быть толчком к серьезной реформе Всемирной торговой организации.

Второе — это проблема долга. Сегодня говорили, что она вроде как бы отступила, но она действительно не является, может быть, непосредственным триггером, зато очень серьезным раздражителем, серьезно напоминающем о риске. Поэтому вот опять-таки январь — огромное количество упоминаний о необходимости проведения круглого стола по суверенному долгу и продвижения вот этой рамочной инициативы большой группы 20 по решению долговых проблем наиболее уязвимых стран.

И третье. Судя по высокочастотным характеристикам информационного потока, происходит перезапуск климатической повестки. Очень интересно, о чем говорят финансовые гуру: цель — не допустить потепления к 2050 году на 1,5 градуса — категорически провалилась, сегодня надо быть реалистами и хотя бы не допустить потепления на 2,7 градуса по шкале Цельсия. Поэтому нам, как финансистам, важно не вникать во все корректирующие механизмы, а заниматься практическими вещами — таксономией инвестиционных проектов по зеленой повестке, стандартизацией, проблемами международного софинансирования — очень многие проекты требуют участия большого количества заинтересованных и вовлеченных стран, и это необходимо решать.

Мне кажется, к этому надо прислушаться, может быть, даже этот вопрос надо как-то специально обсудить, в том числе и российскому экспертному сообществу. Если возникают реперные точки, основанные на идее о том, что далеко еще не все потеряно и можно как-то восстановить меж-

дународную ткань экономического сотрудничества для всеобщего интереса, пользы и выгоды, это надо и рекомендовать нашим международным дипломатическим инстанциям, которые способны это продвигать дальше в публичном внешнеполитическом дискурсе России.

Данильцев: Мне кажется, в современных условиях фрагментация — наиболее существенный риск как для международной торговли, так и для мировой экономики в целом. Речь идет уже не о формировании каких-то полюсов и многополярности, а о создании относительно обособленных (не только в смысле торговых потоков, но и технологически, регуляторно) конгломератов государств в зависимости от их уровня развития, причем с довольно сложными проблемами взаимодействия.

Второе по значимости — это слом правил игры. Право в сфере экономического сотрудничества, международной торговли существенно пострадало. Из-за этого может произойти деградация механизмов регулирования: если у вас нет общих правил и подходов, то выигрывает на рынке тот, у кого регуляторика хуже, кто создает меньше социальных правил и подходов. Это некая гонка по наклонной плоскости, которая может и привести к деградации социальных механизмов, и нанести ущерб человеческому капиталу.

Следующий момент. Помимо того, что под угрозой правила игры, мне кажется, определенные сдвиги произошли и с инструментами. Вопрос: какие факторы сейчас могут быть наиболее эффективными с точки зрения конкуренции на мировом рынке, обеспечения своих позиций? Традиционно всегда были какие-то доминирующие элементы, которые могли эксплуатироваться, и часто они имели некую монополистическую природу. Когда-то давно это было наличие колоний. Сейчас это доступ к энергетическим ресурсам, ресурсы дешевой рабочей силы. Мы видим, что цикл смены этих факторов резко-резко ускорился. Тот же фактор дешевой рабочей силы, который был ключевым лет 15–20 назад, сейчас уже теряет свое значение, и непонятно, что будет дальше. И в этой связи не совсем ясно, а на что надо ориентироваться, кто получит следующий набор преимуществ и как долго они сохранятся.

Сейчас действительно очень неблагоприятный период для мировой экономики. Но давайте посмотрим, с чем мы сравниваем? Мы интуитивно сравниваем нынешний период с первым десятилетием XXI века. Можно ли сравнивать? Это был период, когда мировая экономика получила колоссальный допинг, когда в нее вошли на рыночных основах республики СССР, Восточная Европа, а также

Китай. Понятно, что такого снова не будет. Нам нужно привыкнуть к мысли, что мы находимся в совершенно другом мире, без допингов.

Это очень важный фактор, потому что из любого кризиса, стагнации можно выйти достаточно быстро и эффективно двумя способами: либо устранить причины, либо найти какой-то драйвер, который вытащит всю экономику, то есть будет настолько эффективным и интересным, что, несмотря на проблемы и трудности, все равно будет быстро развиваться. Конечно, сейчас можно обратить внимание на цифровизацию — это на слуху — но этот фактор не сконцентрирован, размазан по всем секторам, производствам, и поэтому не является явным ярким драйвером.

Представляется, что выход из существующей ситуации будет довольно трудным, длительным и очень-очень противоречивым.

Карнеев: Прогноз доклада ЮНКТАД «Международное положение и перспективы» по поводу Китая, 5% роста ВВП в 2023 году, очень близок к тому, что прогнозируют китайские специалисты, до 6%. Официально цифра будет объявлена на весенней сессии Китайского парламента.

В целом позиция мейнстрима китайской экономической науки состоит в том, что примерно до 2035 года Китай сможет расти темпами 6%, после 2035-го — 4%, и к 2049 году, то есть к столетию КНР, подушевые показатели ВВП в Китае составят половину от показателей в США. Считается, что это как раз будет реализация так называемой китайской мечты председателя Си Цзиньпина.

Прогнозы роста для Восточной, Южной и Западной Азии — соответственно, 4,4%, 4,8% и 3,5% — свидетельствуют о том, что у Азии больше оснований для оптимизма по сравнению с другими регионами.

Напомню, что по прогнозам ряда экспертов, в XXI веке азиатские страны постепенно будут двигаться в центр мировой политико-экономической системы. В 2019 году Всемирный экономический форум опубликовал прогноз, согласно которому в 2020 году совокупный ВВП по ППС стран Азии впервые превысит ВВП остального мира. Естественно, тогда никто не знал масштабов ковида, и этот прогноз оспаривается многочисленными критиками, которые приводят много всяких контраргументов.

Австралия как страна, которая посередине Азии себя позиционирует, в 2015 году создала Институт века Азии, который старается суммировать основную информацию по этой теме. Этот институт прогнозирует на ближайшие годы замедление в регионе, поскольку геоэкономические конфликты нанесли удар по азиатской экономике.

СОБЕСЕДНИКИ:

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов (МСЭ), директор ИНИР имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН

Борис Николаевич Порфирьев,
научный руководитель ИНП РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума МСЭ, заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, руководитель и модератор Научного форума «Абалкинские чтения»

Михаил Александрович Минченков,
заместитель директора НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова

Андрей Николаевич Клепач,
главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, член Правления ВЭО России, член Президиума МСЭ, заслуженный экономист РФ

Алексей Леонидович Ведев,
заведующий лабораторией финансовых исследований Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, заведующий лабораторией структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС, член Правления ВЭО России, д.э.н.

Михаил Владимирович Ершов,
член Президиума ВЭО России, член Президиума МСЭ, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.

Абел Гезевич Аганбегян,
заведующий кафедрой экономической теории и политики факультета финансов и банковского дела РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН

Михаил Юрьевич Головнин,
директор Института экономики РАН, член Президиума ВЭО России, член Президиума МСЭ, член-корреспондент РАН

КОНСЕНСУС-ПРОГНОЗ: ЧТО ЖДЕТ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

Пессимистичные прогнозы так и не оправдались. Их было немало. Российская экономика адаптировалась к новым геополитическим вызовам. Она стала более пластичной, устойчивой и второй квартал подряд показывает результаты выше, чем ожидал Центробанк, профильные ведомства и министерства. Но что последует за этой адаптацией?

По материалам научного форума «Абалкинские чтения» от 27.09.2023

Илья Борисович Воскобойников,
ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ, к.э.н.

Альберт Рауфович Бахтизин,
член Президиума ВЭО России, член Президиума МСЭ,
директор ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН

Наталья Васильевна Акиндинова,
директор Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

Александр Александрович Широ́в,
директор ИНП РАН, член Президиума ВЭО России,
член Президиума МСЭ, член-корреспондент РАН

Никита Иванович Масленников,
ведущий эксперт Центра
политических технологий

Бодрунов: Мы по традиции открываем новый сезон Абалкинских чтений с разработки консенсус-прогноза, прогнозирование — важная часть нашей работы как экономистов. Мы проанализируем, что имеем на текущий момент, с каким результатом подойдем к концу года, обсудим, что нас ждет за его горизонтом. Итак, в какой точке мы находимся сейчас? Я пару слов скажу, открывая сегодняшнее мероприятие.

Согласно предварительной оценке Росстата, по итогам второго квартала нынешнего года ВВП России ускорился на 4,9%. Это выше прогнозов, сделанных ранее. Так, Банк России ожидал 4,8%, Минэкономразвития — 4,6%. Недавно, вы знаете, Владимир Владимирович Путин, президент нашей страны, констатировал, что восстановление российской экономики до уровня 2021 года в целом завершено.

Росстат фиксирует рекордно низкую безработицу и даже увеличение зарплатных плат, что очень примечательно. Рост заработной платы в первом полугодии 2023 года составил 6% по отношению к аналогичному периоду прошлого года. В регионах растет потребительская деловая активность, по данным доклада Банка России, с сентября она особенно существенно повысилась. Неплохо себя чувствует малый и средний бизнес. Впервые за 2 года продажи МСП оказались в зоне подъема в соответствии с индексом Russia small business. По итогам второго квартала текущего года почти все сектора нашей экономики вышли в плюс. В частности, хороший рост в сельском хозяйстве — около 4%, строительстве — 11,5%, обрабатывающей промышленности — тоже больше 10,5%. Что касается промышленного производства, то ряд аналитиков указывает на увеличение выпуска в ОПК, что естественно сказывается на общем показателе, однако стоит обратить внимание и на другие сектора.

Так, во втором квартале текущего года производство компьютеров, электронных оптических изделий выросло на 38,6%, выпуск готовых металлических изделий помимо ОПК увеличился более чем на 36%, транспортные средства и оборудование — рост на 28,5%, кокс, нефтепродукты — на 8,4%, металлургическое производство — 8%. Это по данным Росстата, опубликованным 8 сентября 2023 года. Так что в рост промышленности вклад вносит не только оборонка, но и другие важные отрасли. И это говорит о том, что экономика немножко диверсифицируется, выходит в более надежное, более устойчивое состояние. Я бы так сказал, что грозовые тучи, нависшие над нашей экономикой, не повлекли мощной грозы. Это факт.

Общая картина тем не менее далека от безоблачной, остаются серьезные вызовы для социально-экономического развития страны.

В частности, речь идет о падении по понятным причинам экспортных доходов, о потенциальном сокращении инвестиций в частном секторе. Эти и другие риски выделяют наши коллеги из ИНП РАН в выпуске квартального прогноза. Поэтому сегодня важен детальный анализ факторов, сдерживающих рост российской экономики, и условий для сохранения и развития наметившихся позитивных трендов. Нужны оценки экономического потенциала страны, предложения научно обоснованных мер по преодолению ограничений научно-технологического, социально-экономического развития России. Очень важно, чтобы оценки наших экспертов были выверены, так как далее они попадают в программы органов власти, и вот сегодня у нас одна из возможностей сделать это в Вольном экономическом обществе. Абалкинские чтения — это как раз площадка для того, чтобы сверять позиции, дискутировать и так далее.

Порфирьев: Нам предстоит заглянуть в некое обозримое будущее, учитывая название сегодняшней сессии — «Консенсус-прогноз». Вы знаете, что прогноз был опубликован правительством, появились первые отклики, но важны не только первые отклики, а важно его глубокое обсуждение со своими взглядами на эти позиции.

Широв: Я считаю правильным оттолкнуться от того, что мы увидели в прогнозе социально-экономического развития на 2024 и на период 2025–2026 годов, который был опубликован Правительством Российской Федерации 22 сентября. Это важно потому, что, анализируя этот документ, с одной стороны, мы можем говорить о каких-то собственных взглядах на развитие экономики и соотносить их с правительственным прогнозом, с другой стороны, мы можем анализировать экономическую политику, кото-

рую кабмин предполагает реализовать в среднесрочной перспективе. Главная задача экономического прогноза, по моему убеждению, — это обоснование экономической политики.

Если мы посмотрим на прогноз правительства, то можем сказать, что в некотором смысле изменились подходы к формированию экономической политики. О чем речь? Если мы посмотрим на цифры роста экономики, а это 2,8% в текущем году, 2,3% в следующем и примерно столько же в трехлетней перспективе, увидим, что граница ожидаемых темпов сместилась в область роста, а раз так, этот прогноз обосновывает более активную экономическую политику. Несмотря на то, что бюджет довольно консервативен, были сокращения, я бы рассматривал этот прогноз именно так.

Что это означает с точки зрения формирования бюджета? Если раньше мы зачастую исходили из того, что более консервативный прогноз дает правительству возможность сконцентрировать ресурсы в течение года и потом их перераспределять в зависимости от того, как изменяется экономическая ситуация, то сейчас, по сути, балансирующим показателем экономической динамики становится дефицит бюджета. Что это дает? Это поднимает потолок государственных расходов в текущий период времени и одновременно предполагает более жесткую бюджетную политику. Это, на наш взгляд, если мы правильно понимаем логику, — серьезное изменение позиции в отношении того, как должны быть выстроены механизмы бюджетных расходов.

Говоря о формировании экономической динамики, нужно отметить, что в экономике сформировалось определенное напряжение, связанное с высокими темпами роста в обрабатывающих производствах. По сути, у нас происходит форсированный структурный сдвиг. Мы всегда говорили о том, что такой структурный сдвиг позитивен для нашей экономики. Безусловно, это так, но когда двузначными темпами растут машиностроительные производства, другие связанные с конечным производством виды деятельности, то так или иначе встает вопрос загрузки мощностей и того, как мы его должны расширять. Здесь у нас два варианта: первый — инвестиции, второй — импорт. Соответственно, в первом случае мы должны понять, как быстро эти инвестиции трансформируются в фонды, во втором случае это будет попытка купирования этого напряжения за счет импорта, и она консервирует проблемы, которые были в нашей экономике.

Безусловно, важнейший вопрос — это курсовая политика. С одной стороны, если мы имеем более слабый курс рубля, то формируем более благоприятные условия для конкуренции с импортом на внутреннем рынке, а также

для экспортеров и номинальных доходов бюджета, но одновременно с этим мы создаем условия для демотивации части инвестиционных вложений, потому что импорт так или иначе связан с инвестициями, ведь машины и оборудование в значительной степени — это импорт. И при таком слабом курсе рубля возникает дополнительное давление на государственные инвестиционные вложения, возможности наращивать которые в рамках жесткой бюджетной конструкции будет крайне сложно.

Если же предположить, что произойдет укрепление курса, то возникает другая проблема: импорт начинает дешеветь, так что в условиях дефицита и промежуточной продукции, и инвестиционных товаров мы можем получить увеличение импорта и рост зависимости от него. При этом понятно, что в текущих условиях при жесткой денежно-кредитной политике, снижении ресурсов компаний для инвестиций в основной капитал возникает проблема собственных средств предприятия. Как будут сбалансированы инвестиции с точки зрения источников финансирования — серьезный вопрос. Я бы хотел отметить, что в следующем году, в соответствии с прогнозом Минэкономразвития, темпы роста инвестиций и валового накопления основного капитала составляют всего 1,4%, после 6% в этом году. В нашем прогнозе динамика похожа. И это, конечно, самый серьезный, наверное, вызов, который мы видим, потому что если поддержки со стороны инвестиционного спроса не будет, то вся конструкция, которая ориентирована на использование потенциала внутреннего рынка для формирования приемлемой экономической динамики, в некотором смысле оказывается под вопросом.

Что еще нужно сказать? Конечно, ключевые риски среднесрочной перспективы — это, безусловно, внешняя экономическая конъюнктура. Это и ужесточение санкций, и неблагоприятные изменения на мировых товарных рынках, и факторы, связанные с внутренним спросом, в том числе с государственным потреблением. Пока мы видим только верхнеуровневые значения, и там — стагнация государственного потребления в реальном выражении. Причем речь идет прежде всего о расходах на такие виды деятельности, как образование и здравоохранение, что, безусловно, с одной стороны, вычитается из экономической динамики, а с другой стороны, бьет по приоритетным для нашей страны секторам. И каким образом эта коллизия, с учетом роста эффективности затрат, перераспределения, будет разрешена, пока остается серьезным вопросом.

Одним словом, можно сказать о том, что серьезный импульс, который получила экономика в результате и действий правительства, и адаптационных мероприятий биз-

неса, продолжает оказывать позитивное влияние, но в следующем году есть целый набор рисков, как я уже отмечал, и внешнего, и внутреннего характера, и они будут серьезным образом сдерживать развитие. И возможность преодоления этих рисков, в том числе за счет более активной экономической политики, — это то, что в этом прогнозе доносит до нас Правительство. С другой стороны, понятно, что для того, чтобы цифры были такими, как мы видим в правительственном прогнозе, требуются довольно серьезные усилия. Нельзя утверждать, что эта ситуация однозначно разрешится положительно. Действительно, можно лишь говорить о том, что мы переходим в другую стадию экономического развития, то есть на смену адаптационной, защитной, я бы сказал, модели, которую мы реализовывали в последние 2 года, должна прийти более активная политика, которая бы позволила преодолеть эти ограничения, прежде всего связанные с напряжениями в секторе производства.

И последнее, что я хочу сказать, — это занятость. Снижение числа безработных, которое мы видим, — конечно, результат масштабного структурного сдвига, когда у нас большая часть обрабатывающих производств, прежде всего машиностроительных, начала работать с принципиально иной интенсивностью, серийностью, сменностью. И конечно, это приводит к перетоку занятых в том числе из сферы услуг в сферу обработки. И все это вроде бы неплохо, но уже сейчас нужно подумать, что будет происходить, когда ситуация, во-первых, как-то стабилизируется, а во-вторых, когда потребность в значительном количестве товаров, которые производит сейчас машиностроительный комплекс (понятно, что я имею в виду), начнет снижаться. И это — некоторый вызов для нашей экономики, может быть, в более отдаленной перспективе, потому что то, как мы этот высокий уровень загрузки и мобилизации и оборонно-промышленного, и машиностроительного комплекса будем завершать, нужно думать уже сейчас.

Клепач: Так или иначе, наша экономика сильно зависит от цены на нефть. В прогнозе Минэкономики, и это во многом позиция Минфина, заложена понижающаяся траектория нефтяных цен. Если на этот год Brent оценивается Минэком в 84 доллара, что, наверно, достаточно реалистично, учитывая пиковый рост за последние месяцы, то к 2026 году прогнозируется 76 долларов. Про биржевую цену можно не говорить, потому что сейчас все смотрят на так называемые контрактные экспортные цены. При этом у нас большая разница между тем, что идет по трубопроводу ВСТО, где цена нефти даже выше, чем Brent, и санкционный дисконт, который мы вынуждены давать с балтийских и чер-

номорских портов, составляет порядка 6–8 долларов за баррель, а не 20 с лишним, как это было в начале года. Поэтому поступления высокие, но, тем не менее, я думаю, что цена на нефть и в 2024 году, скорее, окажется выше.

А вот насчет 2026 года и дальше — большой вопрос, потому что недоинвестирование в нефтяной комплекс в последние годы, в том числе и под «зеленым» флагом, обернется, впрочем, уже оборачивается дефицитом нефти. Но если экономика будет расти и будут вводиться те мощности, которые сегодня есть, и не только в Саудовской Аравии, то, возможно, в 2026 году начнется снижение цен, хотя я не думаю, что такое резкое, как сейчас заложено в прогнозе и проекте бюджета. Но это, скорее, некоторая условная цифра, для того чтобы никто не разевал рот на высокие доходы и сохранились большие запасы, как традиционно делает Минфин.

Я думаю, что динамика экспорта нефти, а особенно — нефтепродуктов — будет, к сожалению, более консервативная, чем закладывают Минэко и Минэнерго, хотя надо отдать им должное: те ожидания резкого снижения экспорта, которые были и в 2022 году, и на начало 2023-го, не оправдались. Тем не менее та же Индия так заливаться нашей нефтью вряд ли сможет. И здесь вопрос даже не в том, что туда нельзя столько продать и вывезти, а в том, что у нас в прошлом году экспорт в Индию был примерно 72 млрд долларов, а импорт — порядка 6, соответственно торговое saldo — 60 млрд с лишним, которое в значительной мере состоит из рупий, которые мы не можем нормально конвертировать. И пока решение этого вопроса не найдено. Поэтому дело не в том, что мы не можем продать больше нефти, а в том, кто и как это оплатит. Если механизм будет найден, то, возможно, оптимизм Минэнерго и Минэко оправдается. Мы здесь придерживаемся более консервативных цифр, но не буду сейчас их подробно комментировать.

При этом важно то, что экспорт газа, кроме СПГ, который растет и будет расти (его активные закупки делает и Европа, несмотря на антироссийские действия), едва ли имеет радужные перспективы. Если раньше мы экспортировали более 200 млрд кубометров трубопроводного газа, то по этому году наша оценка — где-то 97 млрд кубометров, то есть ниже 100. Я думаю, что дальше этот объем стабилизируется. Скорее, в 2025–2026 году будет рост за счет Китая и расширения «Силы Сибири». Тем не менее полностью компенсировать падение экспорта в Европу мы в обозримом будущем не сможем, и с учетом динамики мировой экономики, которая затормозилась, ожидать бума ненефтяного или несырьевого экспорта сложно, хотя, скажем, экспорт зерна у нас высокий, бьет рекорды. Надо

отдать должное властям: наша политика создает самоограничение экспорта зерна. Государство забирает пошлину плюс де-факто Минсельхоз предпринимает действия по таргетированию цен и уже по факту срывает часть контрактов, которые были с Египтом. Может быть, идея увеличить поставки в Африку, конечно, увеличит экспорт, и он, видимо, будет около 50 млн тонн, но пока наши механизмы регулирования не стимулируют его рост.

Второй момент, касающийся прогноза.

Несмотря на санкции, у нас мощный отток капитала. По нашей оценке, на этот год — 90 млрд, может быть больше, и дальше — примерно на таком же уровне. То есть капитал распахивают за рубеж, в любые офшоры, лишь бы никто не нашел. Сейчас комментировать ситуацию сложно. Про валютный курс надо сказать следующее: проблема в том, что здесь макроэкономические факторы и динамика экспорта не играют определяющей роли, о которой говорит Центральный банк, потому что объемы торгов, если брать биржевые — мизерные, небиржевые — побольше, но, по сути дела, нормального механизма воздействия на курс и его регулирование еще не сложилось, поэтому даже несколько крупных сделок могут как унести его вверх, так и укрепить. То, что заложено в прогнозе, который уже стал официальным, — тенденция к некоторому снижению курса рубля. Если брать среднегодовое значение (у Минэка это 85 рублей за доллар и у нас примерно такое же), это означает некоторое укрепление к концу года — до порядка 92–93 рублей.

Но важнее то, что дальше. Минэко закладывает 90 рублей за доллар на следующий год и 92 — на 2026-й. Я думаю, что если исходить из динамики экспорта и сохранения достаточно высокого торгового баланса, то рубль будет укрепляться, а не снижаться. Среднегодовое значение на следующий год будет ниже, по нашему прогнозу, — где-то 89 рублей. Тем не менее дальше, если не брать в расчет разных черных лебедей, курс будет уходить к 85–86, может и крепче быть. Если бы большую часть валюты Роснефти или еще какой-то крупной компании продали в России, было бы опять где-нибудь 60 или 70. Но продать некому или надо по-другому выстраивать механизм импорта. Это, по сути дела, другая промышленная политика, потому что понятно, что те, у кого есть валюта, должны ее прятать, чтобы не арестовали, и они не заинтересованы в таком массивном импорте, а потому механизм перераспределения здесь толком не работает. И собственно говоря, чем выше будет доля экспорта и импорта за рубли, тем ситуация будет более сбалансированной, но мы не восстановим импорт так, как это следовало бы, чтобы покрыть 90-миллиардные положительные сальдо по текущим опера-

циям. 90 млрд долларов в качестве добавочного импорта ни Газпрому, ни Роснефти, ни химикам не нужны. У нас он в этом году уже восстановился, вышел на докризисный уровень. Но сделать скачок — это означает просто принципиально другую промышленную политику, поэтому сейчас таких решений нет.

По поводу инвестиций у нас тоже оценка достаточно низкая — 1,3% на следующий год. То есть у нас существует декларация об очень амбициозных планах, и я рад, что им настало время, потому что 15 лет в наших стратегических документах фигурировали высокоскоростные железные дороги, но мы не построили ни одного километра. Заявлено, что это все стоит 10 с лишним трлн рублей — 10,8–11. Сколько будет точно стоить — никто не знает. Но я предполагаю, что хотя бы одну дорогу, между Москвой и Питером, начнут делать, потому что железнодорожный узел Москвы и Питера реконструируется с учетом высокоскоростной магистрали. Технологически даже с точки зрения производства подвижного состава мы к 2027 году будем к этому готовы, поэтому я думаю, что строительство начнется. Откроют ли к 2027-му движение в Питер или нет — не знаю, но это заявлено. В принципе, все можно сделать. На моей памяти в первый раз это было записано в 2008 году. С тех пор китайцы проложили 40 тысяч километров, а мы — 0, как известно. Тем не менее при такой высокой ставке и высокой степени неопределенности ожидать инвестиционного бума достаточно сложно, хотя потенциал роста инвестиций есть. Драйвером и в этом году, и, видимо, в ближайшие годы является рост доходов населения. Он рекордный: это и увеличение заработных плат, и повышение денежного довольствия. Одна из проблем — то, что темпы роста реальных доходов могут резко затормозиться, потому что четко обозначенных индексаций бюджетникам и пенсионерам, особенно на 2025–2026 год, нет, поэтому я думаю, параметры существенно поменяются.

Что касается бюджета, у нас в прогнозе тоже не получается рекордных доходов: в 2024 году — 35 трлн рублей, расходов — 36 трлн. Я сомневаюсь, что получится сделать скачок расходов почти на 5 трлн в 2024-м. Если кто-то помнит, у нас в законе о бюджете на 2023 год стояли расходы 27 трлн, потом 32, что фактически означает, что около двух трлн рублей — это остатки, которые переползут на 2024-й. Не исключаю, что подобная картина будет и в 2024 году даже с учетом роста оборонных расходов. В конфигурации бюджета нет увеличения, даже номинального, расходов на здравоохранение, образование, науку. Если я правильно помню, в номинале видно даже сокращение на 2024 год. Поэтому, с одной стороны, бюджет оптимистичный, стиму-

лирующий, но, с другой стороны, реальный макроэкономический эффект этих дополнительных расходов еще надо разбирать с учетом структуры. Видимо, это будет что-то в части инвестиций жилищного строительства, но что касается остальных секторов, кроме оборонки, я думаю, будет довольно жесткая и консервативная политика. Тем не менее, по нашей оценке, это даст темпы роста. Правда, касательно его размера у нас большие различия с Минэкономразвития. По нашей оценке, рост в этом году у нас — 2,7%, а не 2,8%, на следующий год мы видим его торможение, исходя из более консервативных оценок по экспорту углеводородов.

На наш взгляд, есть большая неопределенность с точки зрения запасов, учитывая ту картину, которую дает Минэко. Дальше — рост 2,2% с лишним.

Чтобы выйти на показатели, которые у нас есть в разных целевых документах, то есть темпы роста на уровне или выше мировой экономики, нужна принципиально другая политика и структурные изменения как с точки зрения инвестиций, так и с точки зрения развития секторов социального комплекса — я имею в виду образование и здравоохранение. Пока таких решений не принято, хотя они обсуждаются, в частности, на площадке «Форсайт — 2040», в группах по стратегическим инициативам. Если эти решения будут приняты, то даже при более низких доходах и большем дефиците экономика может расти на 3,3 с лишним процента в год, даже выше. Эти расчеты не учитывают в полной мере то, что у нас так или иначе почти 5 млн человек являются гражданами России в новых субъектах. Оттуда мигрировали частью к нам, а большей частью — на Украину, еще миллиона 3. Это люди, которые работают, и их производство влияет уже на наш урожай и его цены, там есть и действующие машиностроительные мощности. И на самом деле это существенный фактор дополнительного ускорения развития российской экономики, который мы в полной мере еще не учитываем. Есть закрытые цифры, но этот эффект потенциально будет больше, чем от присоединения Крыма.

Ведев: Наверное, ключевой вопрос на краткосрочную перспективу — как мы проживем четвертый квартал этого года, насколько положительная инерция будет устойчива, не встретимся ли мы со значительным торможением? По текущей ситуации можно отметить, что у нас инфляция разгоняется, что связано с изменениями как в бюджетной, так и в денежно-кредитной политике.

Остановлюсь на ключевых факторах роста (или, напротив, торможения, я всегда вынужден это добавлять) российской экономики.

Первая группа факторов — это санкции. Здесь два ключевых аспекта: первый состоит в том, что в последние 3 года мы строили открытую экономику и, естественно, ориентировались больше на эффективность. То есть если импорт у нас был более эффективный, чем товары внутреннего рынка, то мы всегда выбирали его, и это привело к тому, что примерно в последние лет 10, наверно, 30% российского импорта — это машины и оборудование, а то, что называется «инвестиционный импорт», — это 7–8 трлн рублей в год. Конечно же, в последние полтора года у нас меняется логистика, но концептуально вопрос остается — что нам с этим делать. Этот выбор между надежностью, самостоятельностью и эффективностью, наверно, сохранится на ближайшие 10 лет точно.

И второй аспект, связанный с санкциями, — то, что с 2007 года мы активно развивали промышленную сборку, она была с льготным налогообложением и составляла 40% российского импорта так называемых товаров промежуточного или промышленного потребления — это порядка 12–13 трлн рублей в год, которые также обладают сильным мультиплицирующим эффектом. И эта проблема, конечно, многослойная: нам удастся каким-то образом смягчить санкции, мы найдем других поставщиков, может быть, менее качественных? Либо мы вообще откажемся от этого? И это вопрос, конечно, выбора и промышленной, и экономической политики.

Вторая группа факторов — это внешняя торговля (здесь мои коллеги об этом уже говорили). Два ключевых вопроса — это цены и физические объемы. Если в прошлом году многие международные финансовые организации оценивали по развитым странам вероятность рецессии достаточно высоко, то сейчас прогнозы более оптимистичные, и, конечно, мы можем рассчитывать на поддержание физических объемов торговли на более или менее приемлемом уровне.

Третий пункт. Это так называемые факторы «микромасштаба», отношения между иностранным и российским бизнесом. Позитивно влияет на потребительские рынки уход крупных сетей, крупных предприятий, их замена (замена достаточно мутная, что важно) либо другими собственниками, либо путем смены топ-менеджмента (я правда не понимаю, что такое смена топ-менеджмента). Это позитивно влияет на потребительский рынок, поддерживает потребительский спрос, но с точки зрения стратегии здесь ситуация, конечно, абсолютно непонятная и туманная. Мы должны признать, что Россия — это экономика крупных и средних предприятий, каким образом здесь можно осуществлять какое-то стратегическое планирова-

ние и прогнозирование в рамках таких замен собственников или топ-менеджмента — открытый вопрос.

И четвертая группа факторов — это экономическая политика правительства и Банка России. На мой взгляд, в 2022 году мягкая или стимулирующая денежная и бюджетная политика выступила в качестве основного фактора столь небольшого снижения ВВП, всего на 2,1%. Сейчас мы сталкиваемся объективно с ужесточением денежной политики, а возможно, и с консолидацией бюджетной политики. И конечно же, то, как это снизит темпы роста, я думаю, мы увидим в четвертом квартале. На мой взгляд, это будет негативное влияние, но до какой степени — открытый вопрос.

Хотелось бы также остановиться на некоторых внешних рисках. В первую очередь это замедление экономического роста, на что указывают как раз прогнозы международных финансовых организаций, снижение ВВП в мире и развитых странах, замедление глобальной инвестиционной активности и ужесточение условий финансирования.

Что касается внутренних рисков развития, отмечалось оживление в обрабатывающей промышленности, но необходимо отметить ухудшение ситуации в добывающих отраслях и, конечно же, снижение возможности финансирования инвестиций. Повышение ключевой ставки ведет не только к удорожанию кредита, но и к общему росту процентных ставок и влияет на рынок внутреннего долга всего финансового рынка, и понятно, что более надежные и существенно подорожавшие облигации федерального займа меняют баланс сбережений в экономике, отвлекают ресурсы от каких-то инвестиционных программ к финансированию внутреннего долга.

Курс рубля — проинфляционный риск и, наверно, риск для модернизации и инвестиционной активности. Эта опасная игра в девальвацию началась где-то в апреле-мае. И несмотря на то, что Банк России демонстративно не прогнозирует, не обращает внимания на курс рубля, сконцентрировавшись на инфляционном таргетировании, я считаю, что контролировать курс рубля, который стремительно вырос, — общенациональная, общеэкономическая проблема.

Дополнительная проблема, которая, на мой взгляд, также мало обсуждается, — это банковская система. Наша банковская система, подавляющей частью состоящая из государственных банков, нацелена на рекордную прибыль, превышающую 2,5 трлн рублей. Я не хочу сказать, что эти деньги уйдут из экономики, но так или иначе всем остальным отраслям эту прибыль придется оплатить, и это заметные издержки для всей экономики, что, по-моему,

очень важно, когда мы находимся на стадии восстановительного роста.

С точки зрения прогноза мы, естественно, несколько подняли среднюю цену на нефть на текущий и 2024 год. Далее мы строим до 2030 года прогноз в рамках пессимистичного коридора 50–60 долларов за баррель, но я думаю, что сейчас о цене на нефть в 2027–2030 годах нет смысла говорить, — можно принять только в качестве гипотезы.

Я бы хотел сделать важное замечание, что для нашего модельного комплекса, наверно, две третьих прогноза осуществляется из номинального ВВП, поскольку он определяет институциональный финансовый баланс: это и бюджет, и доходы и расходы населения, и банковская система. Поэтому, когда мы сравниваем реальные темпы роста, например наши 2% и правительственные 2,8%, нужно иметь в виду, что номинальный ВВП у нас на текущий год получается больше, чем у правительства. Помимо институционального баланса это и балансы финансовых инструментов, и то, насколько мы можем вложиться в акции, в кредиты, баланс банковской системы. Я думаю, что это важно, потому что помимо реальных темпов роста, конечно, неопределенность с дефлятором, с ростом цен накладывает свой отпечаток. Мне кажется, и реальный, и номинальный темпы роста на прогнозный период достаточно важны. Мы считаем, что рост в этом году будет в районе 2%, после этого будет некая коррекция, небольшой спад, и дальше уже в прогнозе мы исходим по традиции из потенциального ВВП, то есть прогнозируем в районе 1,5–2%.

Акиндинова: Я согласна с тем, что в целом российская экономика за прошедшие полтора года в значительной степени адаптировалась к широкомасштабным санкциям, но тем не менее сохраняются определенные негативные эффекты и риски, которые оказывают воздействие на текущую ситуацию. В частности, средства нерезидентов в целом удалось заместить внутренними ресурсами, однако санкции против активов ЦБ и Минфина ограничивают возможности интервенций и влияние на волатильность валютного курса, и последствия этого мы постоянно наблюдаем. То же самое — санкции против банковского сектора. В целом удалось сформировать альтернативную систему расчетов, но в результате изменения в валютной структуре расчетов, как уже говорили мои коллеги, сложились существенные дисбалансы на спрос и предложение разных видов валют, что также является фундаментальным фактором динамики курса рубля.

Что касается санкций против торговых операций России и инвестиций, то здесь в значительной степени произошла адаптация как в экспорте, так и в импорте, но тем

не менее остается очень ограниченным доступ к инвестиционному импорту и технологиям, что окажет негативное воздействие на потенциальные темпы роста в будущем. В транспортном сообщении также сформировались новые пути, новые логистические потоки — через Турцию, Китай, Казахстан и другие дружественные страны, но поскольку логистическое плечо очень увеличилось, то издержки стали существенно больше, чем раньше, и узкие места остаются.

Замораживание активов наших предприятий было в какой-то степени компенсировано тем, что наши компании получили дешевле, чем по рыночной цене, активы ряда ушедших фирм. Тем не менее большие риски остаются в части вторичных санкций против компаний из дружественных стран, которые помогают нам эти санкции обходить. Таким образом, здесь еще сохраняются заметные риски, которые повлияют на наши будущие темпы роста.

Следующий вопрос, который я хотела прокомментировать.

У нас очевидным драйвером достижения ВВП уровня 2021 года стало восстановление промышленности, которое особенно ярко проявилось в последние месяцы первого полугодия 2023 года. Но здесь у нас отрасли промышленности разделились на 3 группы, в которых довольно разная ситуация.

С одной стороны, это ряд быстрорастущих секторов — готовые металлические изделия, компьютеры, электрооборудование. По большей части спрос на эти товары индуцирован бюджетом и ОПК. Этот фактор ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Другим фактором быстрого роста в ряде отраслей является заполнение ниш ушедших компаний. В целом он является высоким, но о его потенциале, устойчивости мы сейчас судить не можем, поскольку он зависит во многом от неопределенности внешней и долгосрочной бюджетной политики. Большую часть промышленности составляют сектора, в которых уже к середине прошлого года был достигнут досанкционный уровень, то есть уровень начала 2022 года, и эти сектора сегодня находятся на пределе своих производственных возможностей, там уже заняты мощности, кадры, с учетом того, что часть кадров перетекла в первую группу отраслей. И здесь дальнейший рост действительно невозможен без привлечения новых инвестиций и технологий, что связано с определенными ограничениями. Потенциал восстановительного роста относительно того падения, которое произошло, сохранился на данный момент в совсем небольшой группе отраслей. Конечно, главные из них — это производство автомобилей, деревообработка и добыча полезных ископа-

емых. Но понятно, что в этих секторах, во-первых, есть большие препятствия для восстановления объемов, а во-вторых, это уже не такая существенная часть экономики.

На мой взгляд, во многом с этим связано то, что большинство экспертов оценивают темпы роста после 2023 года ниже, чем, например, Минэкономразвития в своем настоящем прогнозе.

Я использую 3 прогноза: прогноз правительства; консенсус-прогноз «Центра развития», который я представляю, — в нем участвуют обычно от 25 до 30 ведущих макроэкономистов; консенсус-прогноз Банка России, где во многом пересекающиеся участники, их просто больше, около 40 человек.

Мы видим, что темпы роста, ожидаемые экспертами в 2024 году, составляют до 1,5%, что соответствует не базовому, а, скорее, консервативному прогнозу МЭР. При том что, в отличие от этого прогноза, который базируется на предполагаемом усилении санкционного давления и ухудшении ситуации в мировой экономике с точки зрения спроса на нашу продукцию, оценки независимых экспертов по внешним условиям, то есть по ценам на нефть, а также по показателям внешней торговли, в общем-то, мало отличаются от оценок Минэкономразвития. Таким образом, скепсис касается в основном внутреннего потенциала российской экономики, способности переваривать эти внешние потоки и обращать их в темпы роста, то есть в инвестиции, доходы и так далее.

Конечно, ситуация с бюджетом имеет ключевое значение. В принципе, когда эксперты делали свои прогнозы в августе-сентябре, они не знали, какие параметры бюджета будут, но предполагали, что будет сокращение дефицита бюджета и этот бюджетный импульс, который, по текущим оценкам, в 2022–2023 году составлял до 10% ВВП, снизится и таким образом окажет негативное воздействие на темпы экономического роста. Что касается параметров бюджета, то я не готова полностью согласиться с тем, что он — реально консервативный. Все-таки объем расходов, заложенный в бюджет с точки зрения совокупного спроса, который будет предъявлять государство, в том числе индуцированного спроса через доходы занятых в оборонной сфере, существенно увеличится.

Согласно текущему плану, государство предполагает собрать 35 трлн доходов, но, если делать грубые прикидки, исходя из макропараметров бюджета при текущей налоговой нагрузке, это будет тяжело. Там несколько триллионов дефицита образуется, что наводит на мысль о том, что, возможно, придется прибегать к дополнительным налогам

разового характера. В целом мы уже видим такие налоги — на сверхприбыль, дополнительное налогообложение ненефтегазового экспорта. В принципе, они позиционируются как налоги на сверхприбыль и теоретически не должны влиять на нормальную рентабельность и инвестиционную активность.

Бахтизин: Учитывая, что уже многое было сказано, постараюсь не повторяться, тем не менее пару цифр приведу относительно ключевых прогнозов, которые дает Минэкономразвития и Центральный банк. Очевидно, что они по-разному формулируют среднесрочный прогноз, и Минэк ни разу, кроме одной позиции, не попало в диапазоны цифр Центрального банка. Если почитать их комментариев к прогнозам, в первую очередь МЭР видит обозначенный рост за счет увеличения обрабатывающей промышленности (в структуре ВВП ее доля возрастет с 12,8 до 13,4%), роста строительства, транспорта и внутреннего спроса. При этом риски (то, что коллеги говорили) состоят в замедлении мировой экономики, ужесточении денежно-кредитной политики, дефиците кадров.

Почему предполагается определенная стабильность? Курс рубля будет примерно на одном уровне в диапазоне 90–92 за доллар. ЦБ видит себе это немножко по-другому. Они предполагают снижение темпа прироста денежной массы, то есть по-прежнему удушение экономики, ее недомонетизацию с текущего прироста в 24 до 6–11% в год. На самом деле это создает принципиальную проблему, о чем уже говорили, сильной девальвации нашей национальной валюты, которая плохо выглядит относительно тех стран, с которыми мы конкурируем и находимся в противостоянии. Ни одна из валют за 23 года так сильно не девальвировалась, а некоторые, наоборот, ревальвировались. И учитывая, что такое провальное снижение курса рубля не позволяет рассматривать его ни как резервную валюту, ни как средство инвестирования, это создает угрозу национальной безопасности.

Кстати, на это много раз обращали внимание разного рода исследователи. К примеру, еще в прошлом веке считалось, что соотношение ВВП по ППС к ВВП — по-своему это можно назвать коэффициентом искажения национальной валюты — средство грабежа метрополией зависимых стран. Для России сейчас это соотношение составляет порядка трех раз, и эта зависимость, в общем-то, сильно занижает потенциальные темпы экономического роста. Кстати, у Китая подобного рода зависимость в начале века тоже была порядка 3 раз, но они в течение 20 лет смогли ситуацию выправить, и сегодня это соотношение составляет порядка 1,5 раза.

Другой момент — метод, выбранный ЦБ, по таргетированию инфляции состоит в том, чтобы каждый раз дергать ключевую ставку. Частота изменения ключевой ставки за период с прихода команды Набиуллиной (с 2013 года) и по настоящее время, то есть за 10 лет, составила 45 раз. На что это влияет? Чем чаще мы дергаем ставку, тем чаще сбиваем с толку бизнес, инвесторов и так далее, потому что непонятно, чего ожидать в следующий момент — будет ли она опять опущена, будет ли поднята? Более того, если говорить про курс рубля, исследование МВФ по 46 странам за период с 1990 по 2022 год показывает, что ослабление курсов на 1% в среднем приводит к увеличению цен на импортные товары в течение месяца на 0,7%, и на товары внутреннего производства в течение года — на 0,16%. Вот еще одно любопытное исследование МВФ от августа этого года — изучение влияния изменения денежной массы на индекс потребительских цен по двум ключевым международным валютам, евро и доллару США. Для построения соответствующих моделей авторегрессии был использован довольно большой массив данных, для США — с 1961 по 2022, для Еврозоны — с 1971 по 2022 год. Получилось, что на протяжении всех этих лет отклик на изменение денежной массы был минимальным.

Честно говоря, такие результаты вводят в недоумение, учитывая то, сколько лет доктринальная установка МВФ по отношению к развивающимся странам заключалась в том, что ни в коем случае нельзя увеличивать денежную массу, потому что это будет приводить неизменно к инфляции. И сами же опубликовали отчет, где показывают, что никакого влияния нет, кроме 2022 года, когда, как сами они признают, произошли глобальные изменения производственных, торговых цепочек и в результате неконтролируемый вброс привел к всплеску.

У нас денежная масса на данный момент примерно в 3 раза ниже среднемирового уровня, и опять-таки в силу доктринальной установки МВФ. Считается, что это неизменно должно привести к инфляции. Наши расчеты в ЦЭМИ РАН, которые мы неоднократно проводили, показывают, что это не так. Вопрос — в направлении инвестиций и их механизмов через каналы влияния. В период усиленного наращивания денежной массы в России с 1999 по 2013 год, а это рост в 60 раз, ВВП России, как его ни измерять, хоть в рублях, хоть в долларах США, хоть по ППС, показывает превышение среднемировых темпов. А когда масса выросла всего в 3 раза, с 2013 по 2022 год (опять-таки выбран промежуток, связанный с приходом команды текущего главы ЦБ), и темпы роста — сильно ниже мировых, а в ряде случаев просто отрицательные.

Мы у себя в ЦЭМИ под руководством Валерия Леонидовича Макарова и вместе с нашим коллегой Сергеем Дмитриевичем Бодруновым опубликовали не так давно работу под говорящим названием «Что делать?», где определили приоритеты для развития нашей страны (причем все эти меры были оценены с помощью соответствующих моделей): это развитие производств с высокой добавленной стоимостью, строительства, инфраструктуры. Более подробная разбивка с использованием расширенного межотраслевого баланса показывает наиболее приоритетные отрасли промышленности с точки зрения их мультипликативного влияния на валовый выпуск. Коллеги говорили, насколько важно дорожное строительство. Наши расчеты также показывают, что инфраструктурное строительство — это необходимая мера, которая, несомненно, даст дополнительный импульс темпам экономического роста.

Также необходимо межрегиональное сглаживание. Наша страна, к сожалению, антилидер по региональным различиям, в частности по ВРП на душу населения. Расчеты показывают, что сглаживание за счет налоговых льгот наиболее проблемным субъектам, целевых трансферов федерального бюджета даже без дополнительной эмиссии даст серьезный прирост экономики.

Еще одна мера — это налоговое маневрирование, связанное с модификацией текущей системы налогообложения, дифференцированной в зависимости от доходов. В ключевых странах мира — Китае, США, Индии (все перечислять не буду) — многоступенчатые системы, кроме России. Формально она тоже двухступенчатая, 13 и 15, но, если сравнить со всеми мировыми лидерами, получается, что у нас верхняя шкала минимальная. А если привести ее в соответствии с общепринятой шкалой в тех странах, на которые мы ориентируемся, это увеличит темпы экономического роста. Без дополнительной эмиссии за счет механизма более справедливого изменения доли распределения налоговых сборов между уровнями бюджетной системы также можно получить дополнительный прирост ВВП.

Сергей Дмитриевич говорил про темные тучи, которые сгущаются. К сожалению, у меня поводов для оптимизма нет, потому что я читаю аналитику и МВФ, и ЦБ, и радужной картины они не рисуют. Те факторы, которые неоднократно озвучивались, к сожалению, в ближайшие годы сохранятся. Речь идет в первую очередь о давлении со стороны США, которое, наверно, будет сконцентрировано на нашей стране. Оно включает и сбор технологической ренты, и давление на отрасли промышленности, и информационное воздействие (большой вопрос, что больше наносит вреда — какие-то секторальные санкции либо инфор-

мационные войны), и установление невыгодного обменного курса, невыгодное регулирование денежной массы, биологические атаки, занижение оплаты труда, перенос производств с низкой добавленной стоимостью в зависимые страны, неэквивалентный товарный обмен, завышение ставок ЦБ. Все эти меры, конечно, будут на нас воздействовать, мне кажется, с усилением. И мы неоднократно публиковали данные о последствиях таких мер.

Последняя статья у нас вышла в «Экономических стратегиях» совсем недавно, в 2023 году, под названием «Гибридные войны. Макроэкономическая суперсистема XXI века». Мы вместе с Валерием Леонидовичем и рядом коллег, в том числе из Китая, провели расчеты.

В конце августа мы общались с коллегами из Шанхая относительно перспектив развития мировой экономики, и они говорят, что в информационном пространстве все чаще разгоняется мысль о неизбежности конфликта между Китаем и Тайванем в ближайшие несколько лет, причем приводятся различные оценки: кто-то называет 2 года, кто-то — 3. Но 90% представителей международного бизнеса и опрашиваемых экспертов утверждают, что это противостояние произойдет в течение ближайших 5 лет точно. Поэтому, принимая во внимание опыт России, прогнозируется, что давление США и на нашу страну, и на Китай будет, к сожалению, только возрастать. Поэтому те меры, которые мы обозначили в книге, наверно, придется как-то отдельно применять и делиться своими результатами.

Головнин: Я сосредоточусь на проблеме финансирования экономического роста. Здесь уже говорилось отчасти про денежно-кредитную политику, но вот на что я хотел бы обратить внимание. У нас ставка не первый раз повышается, но если два предыдущих повышения были связаны со смягчением макроprudенциального регулирования, то есть, в принципе, Центральный банк одной рукой боролся с инфляцией, а другой все-таки стремился кредитовать экономику, то сейчас макроprudенциальные нормы остаются стабильными, даже, скорее, линия направлена на их постепенное ужесточение. Также обращает на себя внимание разница между темпом инфляции и процентной ставкой: до этого у нас была реактивная денежно-кредитная политика после увеличения инфляции, а сейчас Центральный банк, скажем так, очень заранее ориентируясь на инфляционные ожидания, решил повысить процентную ставку. И опять же, если бы при этом продолжались бюджетные стимулы, но здесь, по-моему, все участники более-менее схожи во мнении о том, что, по всей видимости, бюджетно-налоговая политика тоже будет ужесточаться. При этом внешнее экономфинансирование у нас прак-

тически перекрыто. Андрей Николаевич уже говорил о росте оттока капитала. Здесь я не столь оптимистичен хотя бы в силу того, что у нас обычно во время кризисов потоки капитала иссушаются в обоих направлениях. Как раз в 2022 году был масштабный отток капитала, понятно, связанный в том числе с большим положительным сальдо текущего счета, но у меня пока ощущение, основанное на предыдущем опыте, что нас ждет как минимум несколько лет обмеления потока капитала, естественно, в обоих направлениях, в первую очередь, конечно же, входящем.

Что у нас остается? Остается финансовый сектор: банки и финансовые рынки. В принципе, банковское кредитование у нас растет в последнее время относительно неплохо, до повышения ставки темпы роста кредитов корпоративного сектора приблизились к 20% в годовом выражении. Скорее всего, они, конечно, замедлятся и это создаст серьезный негативный эффект. Это при том, кстати, что у нас все основные и относительные показатели банковской системы в 2022 году ухудшились по сравнению с 2021 годом. Я имею в виду активы, кредиты и капитал к ВВП, а также капитал к активам, что, в общем-то, наводит на мысль о стабильности нашей банковской системы.

По финансовым рынкам: с одной стороны, на долговом рынке ситуация — относительно благоприятная, он растет, причем не только в части госдолга, а в большей степени — корпоративных долговых инструментах, облигациях. Рынок акций до последнего времени показывал результаты гораздо хуже, но и здесь буквально в последние 2 месяца, вразрез с теорией, при повышении ставки у нас неожиданно резко растет фондовый индекс и, более того, увеличиваются объемы торгов, которые до сих пор были на минимальных уровнях. Но все-таки есть ощущение, что это рост не очень устойчивый и в целом необходима дальнейшая поддержка финансового сектора, а главное, построение его на основе национального капитала, потому что предыдущая модель, когда он у нас строился на капитале нерезидентов — я имею в виду сейчас прежде всего, конечно, рынок акций, — продемонстрировала в 2022 году все связанные с этим риски.

И все-таки что необходимо нам для восстановления среднесрочного и долгосрочного роста? Я немножко отойду от своей темы. Все говорили о том, что мы упираемся в потенциальные возможности экономики, но тогда надо стимулировать рост потенциального выпуска. Я понимаю, что это не так просто и есть разные мнения, но тем не менее без инвестиций, без активной промышленной политики, особенно в условиях происходящей структурной перестройки, нам не обойтись, поэтому здесь мой тезис такой: нам необходима активная промышленная политика.

Аганбегян: Я думаю, что прогнозировать в условиях специальной военной операции на Украине бессмысленно, и я в своем выступлении исхожу из того, что, видимо, в обозримое время эта операция кончится мирным урегулированием и произойдет смягчение ряда санкций. Конечно, возврата к старому уже не будет, значительная часть санкций, наверно, останется, но все-таки они будут не такие жесткие, так как это невыгодно и тем странам, которые эти санкции вводят. Поэтому мой субъективный прогноз, вернее, не прогноз, а предложение по нашему социально-экономическому развитию будет долговременным, а не до 2026-го, 2027-го, скорее — до 2030-го, даже до 2035 года.

Тезис первый. Нам жизненно важно возобновить реальный социально-экономический рост, исходя из приоритета повышения уровня жизни. Этот рост должен быть за счет интенсивных мер, прежде всего базирующихся на технологическом развитии и повышении эффективности, а также использовании экономики знаний. Где сейчас у страны предпосылки для такого роста? Если прямо сказать, их нет. Состояние нашей экономики, ее структура, доля инвестиций ВВП, экономики знаний, если их кардинально не изменить, не дают надежд на экономический рост. И вы видите, что прогноз Минэкономразвития — это возвращение к стагнации. Министр заявил, что до 2030 года ВВП (с 2021 года) вырастет на 17%, реальные доходы — на 20%, инвестиции — на 30%. Какой же это экономический рост? Это та же стагнация, если учесть, что с 1990 по 2022 год, по данным Росстата, наш валовый внутренний продукт увеличился на 20%, в то время как Европейский союз вырос в полтора раза, США — в 2, Китай — в 7, развивающиеся страны — от 3 до 5 раз. В последние 10 лет, с 2013 года, когда началась стагнация, мы увеличили ВВП на 8%, США — на 24%, развивающиеся страны — на 40% и так далее. Нельзя все время находиться в стагнации. В конце концов, если это продолжится еще сколько-нибудь длительный период, мы превратимся во второстепенную державу, потому что по всем международным рейтингам мы, как известно, пятимся назад. И у нас катастрофическое отставание по многим важнейшим показателям. Прежде всего — по ожидаемой продолжительности жизни, жилищной обеспеченности, инновационной деятельности, финансовым рейтингам всех финансовых показателей и так далее.

Нам нужна коренная перестройка нашей экономической системы. Совершенно ясно, что если 30 лет вы не растете, то дело в том, что вы создали неэффективную систему без двигателя. У нас нет рыночного двигателя, настоящего рынка капитала и цивилизованной конкурентной среды, которая движет рынком, с одной стороны. С другой стороны, мы не используем и дополнительный рычаг развития — стратегическое планирование, которое использова-

ли около 40 стран в своей послевоенной истории. Мы не можем начать коренную структурную перестройку, грубо говоря, структурные реформы, потому что наше население не приемлет их, так как все крупные реформы (последняя из них — пенсионная) приводят, к сожалению, к негативным последствиям для людей. Поэтому нужна двухэтапная прогнозная перспектива. Первый этап: необходимо любой ценой возобновить хотя бы 3–4-процентный экономический рост на несколько лет, в течение этих лет заметно повысить благосостояние большей части населения, даже влезть в долги и сделать крупное перераспределение средств в эту сторону, и только после этого можно начать перестройку, серьезную трансформацию нашей системы.

Мы создали систему государственно-олигархического капитализма с недоразвитым рынком, без полноценного рынка капитала, с отсталой социальной сферой. Мы не можем называться социальным государством.

Мы не соблюдаем никаких норм Международной организации труда ни по минимальной зарплате, ни по пенсиям, ни по пособиям по безработице. Здесь мы отстаем в 2–3 раза, в отличие от стран среднего уровня экономического развития. У нас огромное социальное неравенство. Мы занимаем 20-е место в мире среди 189 стран по финансированию образования, 140-е — по финансированию здравоохранения. Вы знаете, что мы всего 1% тратим на НИОКР, и так далее, и так далее. (В СССР — 3%.) И нам нужна коренная реформа собственности с приватизацией, ведь государственные предприятия и подконтрольные им организации типа Газпрома, Роснефти и так далее, по оценке Мирового банка, производят 71% ВВП, а 75% активов держат государственные банки или банки, находящиеся под их влиянием.

Это огромная доля для отстающей страны, какой является Россия, в целом огромная доля бюджета и вообще государственных расходов. Нам нужны коренные реформы и налоговая, и финансов предприятий, и бюджета, и его структуры, и многого другого (например, фондовая биржа у нас — полуспекулятивная). Нам необходима реформа наших 89 регионов, региональной системы управления и, конечно, крупнейшие социальные реформы. У нас совершенно негодная пенсионная система, система финансирования здравоохранения, все больше отстает образование, мы пятимся назад по рейтингам и так далее. Но все это можно начать, только возобновив социально-экономический рост.

Социально-экономический рост, как известно, зависит прежде всего от доли инвестиций в основной капитал в ВВП и от доли экономики знаний в ВВП. Эти два факто-

ра — определяющие. Если их сложить с точки зрения их доли в ВВП, то это 33–35%. А экономический рост, если возьмете статистику стран, которые растут, начинается примерно с 45%. В развитых странах главный источник — это экономика знаний, а в индустриальных — инвестиции. Развивающиеся государства имеют долю инвестиций в валовом продукте в основной капитал — 30–35%, Китай — 45%, поэтому они и растут. А у нас 17% по видимым инвестициям и 22% — с учетом теневых инвестиций, но только видимые можно регулировать.

Как нам возобновить экономический рост? Нам нужно на 10–15% в течение 3–4 лет увеличивать инвестиции в основной капитал, в основной капитал, и правильно их использовать, подняв доли инвестиций хотя бы до 25–27% и 20% соответственно. Куда направить такие инвестиции? Нам нужно массово начать технологическую реконструкцию с расширением действующих предприятий. То есть выбрасывать старое оборудование, менять эргономику и изменить амортизационные нормы. Это сделать не очень трудно, потому что у нас ликвидированы многие проектные организации, которые бы могли это осуществить, но эксперты остались, люди остались, можно иностранцев из дружественных стран приглашать в качестве экспертов. Каждое предприятие должно быть оценено с точки зрения того, как его реконструировать, чтобы в 2–3 раза поднять производительность, эффективность, технологические качества продукции, пристроить цеха, которые нужно. Чтобы достичь уровня развитых стран к 2035 году, нам нужно в 4 раза увеличить ввод новых мощностей среднетехнологических и высокотехнологических отраслей. Среднетехнологические — это основное машиностроение, основная химия, а высокотехнологические — полупроводники, авиация, фармацевтика и так далее. И конечно, нужны вложения в недвижимость, в транспортную систему, о чем здесь говорилось.

Но все это должно быть пропорционально. Грубо говоря, у нас сейчас видимые инвестиции в основной капитал составляют 27 трлн рублей и 18 или около того — в экономику знаний. Может быть, побольше. Поэтому вы видите, что нам нужно на 2–2,5 трлн рублей с точки зрения сегодняшних объемов ежегодно увеличивать эти инвестиции. Где взять деньги? Самые главные деньги — банковские активы. У нас банковский инвестиционный кредит — 8–10% всех инвестиций предприятий, организаций. В развитых странах — 50–60%. В неразвитых странах, развивающихся, — 30–40%, но с более высокой долей инвестиций. Поэтому нам нужно коренным образом изменить структуру кредитования. Это должны быть не короткие кредиты,

не короткие деньги, а длинные, и, конечно, они не могут предоставляться более чем под 5%, а лучше — 3%, потому что новые мощности — это 10–12 лет окупаемости. И всю недвижимость, дороги тоже нужно строить на кредиты: 20–25 лет окупаемости под 1–2%, как в Китае, как и во многих других странах это делают.

У нас в бюджете 5 трлн — расходы на национальную экономику, как в других статьях, как вы понимаете, в том числе в транспортном строительстве. Некоторые объекты окупаемы частично и так далее. Это главный источник. Второе — освободить от налога на прибыль амортизационный фонд, откуда берутся инвестиции — это даст 1–2 трлн. Сократить сроки амортизации, фонд вырастет, можно будет делать инвестиции за ее счет.

Есть две важнейшие отрасли с точки зрения динамики, с самым большим мультипликатором — это производство легковых автомашин и жилищное строительство. Это можно сделать за счет займов у населения — тех, кто хочет приобрести автомобиль со скидкой и дешевым автокредитом, то же самое касается жилищных займов.

И наконец, долги. Мы — единственная страна почти без государственных долгов. У нас государственный внешнеэкономический долг — немногим более 3%. У Китая — 67%, к примеру, в Европе больше, в Америке — 120%, в Японии — 250%. Почему не занять несколько сот миллиардов у Китая, Саудовской Аравии, стран ОПЕК, у которых лежат триллионы?

После того как начнется 3–4-процентный рост, он не будет устойчивым. Вообще, наши докладчики злоупотребляют этим словом. Устойчиво — это не значит неизменно. Это слово сейчас трактуется 16 определениями, которые ввела Организация Объединенных Наций для устойчивого развития. Чтобы перейти к настоящему устойчивому росту, нам нужно систему преобразовать из государственно-олигархического капитализма в развитую, с рынком капитала, конкурентной средой и социальным государством. А для того, чтобы государство было социальным, нужно минимум вдвое повысить зарплаты за счет средств предприятий. У них активы — 29 трлн, а это стоит 6 трлн рублей. Пускай своим работникам поднимут минимум зарплат.

Необходимо вдвое поднять пенсию за счет отчислений из зарплат, которые нужно индексировать на эту величину. Пособие по безработице должно быть увеличено в 3 раза: у нас средний размер этого пособия ниже прожиточного минимума — я пытался вторую страну такую найти, пока не нашел. Наверное, кто-то есть, кроме нас, с таким позорным пособием по безработице. И самое труд-

ное — это поднять доходы 50 млн людей, работающих в сельском хозяйстве, живущих в малых городах, где душевой доход — 30 тысяч против среднего 46, и 50–60 — в городах-миллионниках и близких к ним, это за исключением Москвы и Ленинграда.

Воскобойников: К счастью, коллеги уже осветили очень много тем, посвященных будущему развитию российской экономики. Это дает мне возможность сконцентрироваться на достаточно узком аспекте — производительности. Уже на протяжении многих лет российская производительность снижается. В последнее десятилетие мы наблюдали в этой области стагнацию, и предыдущие 2–3 года, связанные с серьезными шоками, оптимизма не прибавляют.

Санкционное давление, конечно, не способствует росту производительности. В первую очередь импортозамещение в краткосрочном периоде ведет к снижению производительности. Соответственно, и оборудование, и промежуточные продукты, с которыми мы должны будем иметь дело в ближайшее время, будут более низкого качества. Выпадение российских компаний из множества глобальных производственных цепочек — это довольно серьезный удар, потому что в таких цепочках как раз участвовали передовые предприятия. И особенно важно подчеркнуть, что источником инноваций для российской экономики были как раз те предприятия, которые были встроены в эти цепочки. Свои технологии они распространяли на внутренний рынок. Сегодня этот канал во многом обрезан, произошло усложнение и удорожание высокотехнологичного импорта, а усложнение связано с увеличением расходов. Все варианты обхода санкций возможны, реализуемы, но это приводит к росту издержек. На это накладывается снижение доступности инвестиционных ресурсов из-за утраты доступа к мировым финансовым рынкам, о чем сегодня было довольно много сказано, рост неопределенности из-за интенсификации внешних шоков.

Мы наблюдаем снижение качества промежуточных продуктов, рост издержек экспортно-импортных операций, причем мы столкнулись с таким явлением, как поступление валютной выручки в разных валютах, и, наконец, усложнился естественный приток новых технологий из-за прекращения прямых иностранных инвестиций.

Одним из вопросов сегодняшней конференции был ключевой фактор восстановления темпов роста российской экономики. На мой взгляд, это поддержание конкурентной среды. Именно конкурентная среда и сохранение рыночного сегмента позволили России устоять перед санкциями. Расширение доступа на внешние рынки, конечно, хорошо для производительности, увеличения масштаба

продаж. Но откуда эти продажи взять? Здесь уже говорилось о новых возможностях экспорта энергоносителей, которые не компенсируют старые, но все-таки обеспечивают некоторые возможности для экспорта в целом. Конкурентное товар России, дешевую энергию, можно экспортировать не только в чистом виде энергоносителей, но и в повышении экспорта энергоемких продуктов. Я бы особо отметил, например, рост экспорта удобрений в Германию. Выяснилось, что российские удобрения в условиях санкций побеждают в конкурентной борьбе у BASF из-за высоких издержек на энергию в Германии. Возможно, этот канал стоит развивать.

Особое внимание я хотел бы обратить на экономическую политику, направленную на последовательное снижение отрицательного влияния дефектов рынка. Мы очень много говорим о том, что долгосрочный экономический рост — это вложение в человеческий капитал, это инвестиции, другими словами, это расширение границ производства. Но на границе производства работает не так много российских компаний, значительно большая их часть находится внутри этих границ, и есть масса причин, по которым даже в рамках существующих технологий и человеческого капитала предприятия не могут продавать и производить продукцию с минимальными издержками.

Дефекты рынка — это все то, что повышает издержки производства и усложняет эффективное перераспределение ресурсов. Например, налоги. Это не значит, что их надо убирать, но само по себе регулирование налоговой системы, их изменение без снижения налоговой выручки может дать ощутимый эффект. Еще один пример — наценки в неконкурентной среде. Это препятствие инфраструктурного инвестиционного характера. Например, скоростная дорога из Москвы в Питер, о которой мы сегодня говорили, в принципе, это снижение издержек перемещения, устранение логистических препятствий, но это только одна дорога. Несовершенство мобильности рынка труда, капитала, сырья, финансовых ресурсов — это все масса причин наценок. Сюда же относится несоответствие сложившейся структуры межотраслевых связей технологическим потребностям конкретного производителя. Тот факт, что некоторые технологические цепочки у нас укоренились 20–40 лет назад, порождает дополнительные издержки. Хорошо бы понять, где и какими средствами это можно исправить, и может оказаться, что это существенно менее амбициозная задача с точки зрения затрат по сравнению с какими-то крупными инфраструктурными проектами.

Дальше мы имеем дело с некоторым смещением понятий технологической и аллокативной эффективности при

принятии инвестиционных решений. Нам кажется, что нам не хватает технологий. А может быть, проблема в искажающей роли относительных цен на промежуточные факторы? И наконец, нет учета социальных издержек несовершенств рынка. Социальное напряжение создает препятствия в том числе и для производства.

Каковы резервы роста для производительности, если предположить, что мы некоторым образом смогли оценить влияние дефектов рынка. Я, конечно, сошлюсь на двух американских экономистов, которые оценили эффект от дефектов рынка для экономики США. Так вот, они задались целью досчитать цену продукта, исключив маржу, но не эффективность, сформулировать, как агрегировать различные отрасли и продукты, и ответить на вопрос, как изменилась бы производительность США за период с 1997 по 2015 год, если бы произошло перераспределение долей рынка в пользу предприятий с более высокой аллокативной эффективностью, то есть если бы были устранены перекосы в распределении ресурсов из-за того, что наценки были неэффективно разбросаны в географическом плане. Ответ: производительность бы выросла вдвое, а всего лишь при более рациональном географическом распределении она бы увеличилась на 15%. И это касается экономики с гораздо более совершенным рынком по сравнению с множеством других стран. Это повод взглянуть на проблемы российской экономики с точки зрения множества несовершенств, узких мест, всего того, что мы называем дефектами рынка, устранение которых может оказаться более существенным источником роста. Если говорить об экономической политике, то наряду с теми предложениями, которые здесь высказывались и со значительной частью которых я согласен, может быть, стоило бы подумать о некотором последовательном устранении дефектов рынка, которые при общих сравнительно небольших затратах могли бы дать очень большую отдачу даже в условиях санкций.

И если говорить о прогнозе, я бы сказал так: мы плохо понимаем сегодня, что происходит с потенциальным ВВП в России. На конференции были представлены оценки МВФ по поводу изменения потенциального выпуска в глобальные экономики. Эти оценки, наверное, следовало бы рассматривать как предварительные, потому что слишком мало времени прошло для того, чтобы учесть влияние всех шоков. Но если рассуждать о российской экономике, то принципиальным для прогноза является вопрос: а что есть ответная реакция экономики в ответ на шоки? То ли мы отмечаем, что произошел некоторый сдвиг траектории потенциального ВВП — может быть, мы на 2–3 года назад

откатились, а теперь должны исходить из восстановления прежних темпов роста (и об этом говорят все прогнозы), то ли мы переходим на какую-то новую траекторию с более низкими темпами роста. Это вопрос. К сожалению, точный ответ на него мы сможем дать года через 2–3. Мне кажется, то, чего нам не хватает, и что упускается в наших дискуссиях, — это некоторая последовательная работа по устранению дефектов рынка и повышению производительности за счет внутренних факторов.

Ершов: Коллеги, начну с эмоционального вывода о том, что я по-прежнему, несмотря на все обстоятельства, остаюсь оптимистом, потому что считаю, что есть еще большое количество неиспользованных возможностей, которые могли бы сыграть очевидно позитивную роль.

Несколько месяцев назад на высшем уровне было обозначено, что необходимо переходить к экономике предложения. Да, это вещь, конечно, очень интересная, заслуживающая внимания, потому что это концептуально иная парадигма и модель развития, где уже производитель, реальное производство выдвигаются во главу угла. Это, кстати, коррелирует с мыслью Абега Гезевича не только и не столько об опыте рейганомики, сколько, скорее, о необходимости повышения наших реальных доходов, уровня жизни населения, потому что если вы фиксируетесь на экономике предложения, то исходите из того, что этот товар должен быть кем-то потреблен, значит, спрос должен быть адекватно финансово обеспечен. К этой же идее об экономике предложения относятся и длинные деньги, и низкие ставки, и амортизация, и налоговые льготы, и все то, что эту матрицу может создать.

Второй блок вопросов — валюта. Сегодня этот вопрос звучал неоднократно. Недавний опрос РСПП, где наш крупный бизнес говорит о том, что им больше всего сейчас мешает, вновь показал в числе основных факторов «валютную нестабильность». И речь не только о валютном курсе: на старую тему, что рубль недооценен, накладывается то, что чем он нестабильнее, тем труднее планировать и бюджетировать деятельность и все остальное. Мы помним, что перед ним сейчас ставится задача выхода во внешнюю сферу для расчетов в рублях. Чем он нестабильнее, тем сложнее найти желающих для подобных расчетов. Поэтому стабильность — важный фактор того, чтобы рубль интернационализировать.

На недавних дискуссиях в Минэкономразвития высшие должностные лица министерства говорили о двухконтурном валютном курсе — будто бы это будет офшорный и внутренний рубль. Если будут некие офшорные рубли, у них должны быть какие-то свои курсы входа-выхода, как

раньше у нас был нал и безнал, то есть будет система множественных курсов?

Валютная проблематика — в принципе, одна из самых важных, потому что валютный курс — это уникальное сочетание стратегических элементов и чисто операционных. В начале санкционной войны против нас и Байден, и какие-то функционеры из их ведомств заявили о цели обрушения рубля. Значит, и ответ должен быть в том, чтобы рубль был стабилен.

И в завершение — чисто теоретическое рассуждение о финансировании роста. Глобальная практика создания нового продукта предполагает новые деньги. Многие годы ведущие страны (США, Япония делают это уже десятки лет), по сути, во главу угла ставят политику финансирования своего экономического роста путем покупки центральными банками госбумаг, то есть банки напрямую участвуют в финансировании своих госрасходов. Не рынок, а национальный центральный банк играет главную роль. Мы в своем развитии не участвуем, не используем огромный потенциал, что во всем мире многие годы практикуется.

Минченков: Я выступаю по просьбе Сергея Николаевича Рябухина презентовать тот материал, который у вас есть на столе в виде книги. Этот материал создан в рамках работ, которые мы ведем по поручению Президента РФ по созданию системы внутренних и внешних расчетов с использованием финансовых инструментов, обеспеченных сырьевыми активами, валютами дружественных стран и иными активами.

В прошлом веке наш ученый (многие из вас его знают, это Михаил Иванович Гельвановский) увидел интересную закономерность: группа биржевых товаров имеет относительное постоянство цен независимо ни от каких событий, которые происходят во внешнем мире. Мы исследовали этот феномен и увидели, что такая закономерность существует и связана не просто с набором товарных сырьевых позиций, а еще и якорями, вокруг которых наблюдается сгусток ценовых соотношений. Наши математики с мехмата сумели решить очень сложную задачу, построив модель индексов ценовых устойчивостей, которые позволяют этот феномен превратить уже в реально действующий фактор, то есть на его базе можно создавать финансовые инструменты, например цифровые финансовые активы (ЦФА), и дальше конструировать различные платежные системы, в том числе ту, что мы предлагаем и будем обсуждать на грядущем саммите БРИКС 2024 года. Он будет посвящен созданию национального платежного средства.

Эта книга открывает серию, касающуюся создания мультивалютных индексов ценовых устойчивостей, потому что оказалось, что и валюты дружественных стран, не резервные валюты, имеют такой же точно феномен — образовывать ценовые индексы устойчивости с возможностью формирования синтетических валют, например синтетического доллара, юаня или евро. Поэтому эти работы сейчас активно продолжаются. Мы благодарны за возможность сегодня представить эту книгу и будем крайне вам благодарны за рецензии, которые вы могли бы дать, потому что это работа живая, она требует корректировки обогащения.

Масленников: Первое, что хотелось бы отметить: Минэкономразвития нам выдало два варианта прогноза — базовый и консервативный. На самом деле, базовый — это целевой. Так вот текущий базовый прогноз — это тот целевой, что был еще 5 лет тому назад. А, стало быть, сбываемость его целиком и полностью зависит от содержания экономической политики, другого тут не дано. При этом все мы уже сегодня понимаем: что бы мы ни говорили, какие бы предположения ни делали, по базовым своим параметрам это содержание остается крайне неопределенным.

Что касается бюджетного импульса. С 2014 по 2023 год средняя доля бюджетных расходов по статье «Национальная экономика» — 15%. На 2024 год — 10,7%.

Если вспомнить прогноз Центрального банка, верхний предел средней ставки в этом году — 13,6%. Что мы будем иметь до конца года? Как минимум, еще одно повышение. А в 2024-м верхний предел этой самой ставки — 12,5%. Получается, у нас двойное ужесточение. При этом темпы экономического роста нам рисуют 2,3%. Естественно, сразу возникает вопрос об инвестиционных рисках, потому что когда ВВП и инвестиции в 2024 году примерно растут одинаково, то возникает вопрос: откуда, собственно, 2,3% при такой жесткой бюджетной и денежно-кредитной политике? Правительство очень много делает, чтобы создать некий массив инвестиционных стимулов. Но пока это лишь строящееся здание, даже не 1-й или 2-й этаж, а скорее только котлован. Пока этой системы нет, она не работает. Мы это видим по проектам частно-государственного партнерства, которые в этом году резко пошли вниз.

У нас есть риски на рынке труда, но мы даже в проекте этого бюджета пока не видим каких-то четких мер по переквалификации, подготовке кадров, новому перепрофилированию того потенциала рабочего, который у нас имеется. Что касается внешних рисков, то здесь один большой вопрос относительно нефти, которая или вырастет, или будет 10 долларов к декабрю. У нее есть одна загадочная

штука: чем дальше растет нефть, тем быстрее реализуются риски рецессионного характера для глобального экономического роста. И что мы в итоге получим? Ну 2024 год мы еще кое-как проскакиваем, а 2025-й — это реальные очертания нового мирового кризиса, похожего на 2008–2009 годы. Поэтому здесь вопрос на вопросе.

Курс рубля — безусловно одна из важнейших тем, сейчас весьма актуальная в силу волатильности. Я согласен с коллегами: важен не столько номинальный курс — пусть хоть 200, но пусть он в течение года не меняется, а лучше двух лет. Стабильность валютного курса — принципиальная вещь. К сожалению, Минэкономразвития нас заводит несколько в другую реальность. Сегодня мы уже получаем 42% в расчетах экспорта в рублях. Из них в России — только 35%, остальные 7% — в офшорной зоне. Но если мы выберем двойной курс, то надо понимать, что это будет аналог китайской модели с тотальным валютным контролем. Его риски для нашего бизнеса и населения после многих лет абсолютной либерализации — довольно существенные. И это с точки зрения геополитической логики может работать только при одном обстоятельстве: если действительно мы выходим на такую тотальную дефрагментацию мирового хозяйства: там коллективный Запад, здесь — коллективный Восток, между ними — промежуточная зона нейтральных стран, которые из двух маток все высасывают и хорошо живут.

Двигаться в этом направлении я бы сильно повременил. Я помню свою работу в правительстве в 1990-е годы и не забыл, что такое множественность валютных курсов: сколько было коррупционных дел, сколько бардака, и, слава богу, от этого мы хоть куда-то ушли. Как к этому возвращаться сейчас, не очень себе представляю. Мне кажется, что более плодотворно — то, что написано в книжке сенатора Рябухина. Я считаю, тут есть над чем подумать, потому что здесь дан некий прообраз органичной стабилизации валютного курса при перезагрузке обеспеченности рубля. А также видны перспективы, которые не мешают ни открытости, ни нашему характеру продолжения интеграции в глобальное хозяйство.

Самое простое было бы — это взять базовый прогноз и консервативный, сложить их и поделить надвое. Получается, что 2-процентного роста мы в следующем году не получим, но будет где-то 1,5–1,6%. Ну может быть, если очень сильно повезет с нефтью, 1,8%. Пока примерно так, к сожалению.

INTERLOCUTORS:

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists (IUE), Director of the Institute of New Industrial Development named after S.Yu. Witte, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS)

Boris Nikolaevich Porfiriyev,
scientific director of the Institute of National Economic Forecasting of RAS, vice-president of the VEO of Russia, member of the IUE Presidium, head of the economics section of the Division of Social Sciences of RAS, academician of RAS, director and moderator of the Abalkin Readings Scientific Forum

WHAT AWAITS THE RUSSIAN ECONOMY: FORECAST FOR 2024 AND BEYOND

A lot of pessimistic forecasts for 2023 have not come true. The Russian economy has adapted to new geopolitical challenges. It has become more flexible, stable and for the second quarter in a row shows results higher than expected even by the Central Bank of Russia, relevant departments and ministries. But what comes after this adaptation?

Based on Abalkin Readings scientific forum, September 27, 2023

Alexander Alexandrovich Shirov,
*Director of the Institute of Economic Forecasting of RAS, member
of the Presidium of the VEO of Russia, member
of the Presidium of the IUE, corresponding member of RAS*

Andrey Nikolaevich Klepach,
*Chief Economist of the State Development Corporation VEB.RF,
Member of the Board of the VEO of Russia, Member of the IUE
Presidium, Honored Economist of the Russian Federation*

Bodrunov: Traditionally, we open the new season of Abalkin Readings with discussing a consensus forecast, as forecasting is an important part of our work as economists. We will analyze the situation at the moment, as well as results as we approach the end of the year, and discuss what awaits us beyond the horizon. So where are we now? I'll say a few words when opening today's event.

According to preliminary estimates by Rosstat, in the second quarter of this year, Russia's GDP accelerated by 4.9%. This is a higher number than previously predicted. The Bank of Russia expected 4.8%, the Ministry of Economic Development put 4.6%. Recently, as you know, Vladimir Vladimirovich Putin, the President of our country, stated that the restoration of the Russian economy to the level of 2021 has been generally completed.

Rosstat records low unemployment and even an increase in wages, which is very remarkable. Wage growth in the first half of 2023 was 6% compared to the same period last year. Consumer business activity is growing in the regions; according to a report by the Bank of Russia, it has especially increased since September. Small and medium-sized businesses are doing well. For the first time in 2 years, sales of SMEs were in the growth zone in accordance with the Russia Small Business Index. At the end of the second quarter of this year, almost all sectors of our economy turned positive. In particular, growth in agriculture is about 4%, construction is 11.5%, and the manufacturing industry grew also more than 10.5%. As for industrial production, a number of analysts point to an increase in output in the defense industry, which naturally affects the overall indicator, that is why it is worth paying attention to other sectors.

Thus, the second quarter of this year showed a 38.6% growth of the computers, electronic optics production, the production of finished metal products increased by more than 36%, vehicles and equipment showed an increase of 28.5%, coke, petroleum products grew by 8.4%, metallurgical production – 8%. All the data are by Rosstat data on September 8, 2023. So, not only the defense industry, but also other important sectors of our industry contribute to the growth of industry. And this suggests that the economy is diversifying a little bit and is entering a more reliable, more stable state. I would say that the storm clouds hanging over our Russian economy did not cause a powerful thunderstorm. It is a fact.

The overall picture, however, is far from rosy; serious challenges remain for the country's socio-economic development.

In particular, we are talking about a drop in export revenues, and a potential reduction in investment in the private sector. These risks are highlighted by our colleagues from the Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences in the release of their quarterly forecast. Therefore, today it is important to conduct a detailed analysis of the factors constraining the growth of the Russian economy and the conditions for maintaining and developing the emerging positive trends. We need assessments of the country's economic potential, proposals for scientifically based measures to overcome the limitations of scientific, technological, socio-economic development of Russia. It is very important that the assessments of our experts are verified, since they then fall into the programs of the authorities, and today we have one of the opportunities to do this in the Free Economic Society. The Abalkin Readings is just one of the platforms for comparing positions, discussing, and so on.

Porfiryev: We have to look into some foreseeable future, given the name of today's session Consensus Forecast. You know that the Government issued a new forecast to which the first responses appeared, but not only the first responses are important, but a deep discussion of it with your own views on these positions.

Shirov: Since today we are talking about a certain general view of how the economy will develop in the near future, I think it is correct to build my speech on what we saw in the forecast of socio-economic development for 2024 and for the period 2025–2026 published by the Government of the Russian Federation on September 22, 2023. This is important because, by analyzing this document, on the one hand, we can talk about some of our own views on economic development and correlate them with the government forecast, and, on the other hand, we can analyze the economic policy that the Cabinet of Ministers intends to imple-

ment in the medium term. The main task of an economic forecast, in my opinion, is to substantiate economic policy.

If we look at the Government's forecast, we can say that the approaches to the formation of economic policy have changed in some sense. What are we talking about? If we look at the economic growth figures, which are 2.8% this year, 2.3% next year and approximately the same for the next years of the three-year forecast, we will see that the boundary of the expected rates has shifted to the growth area, and if so, this forecast should be seen as justifying more active economic policy. Even though the budget is quite conservative and there have been cuts.

What does this mean in terms of budgeting? If earlier we often proceeded from the fact that a more conservative forecast gives the government the opportunity to concentrate resources during the year and then redistribute them depending on how the economic situation changes, now, in fact, the budget deficit becomes the balancing factor of economic dynamics. What does this give? This raises the ceiling on government spending in the current time period and simultaneously implies a tighter fiscal policy. This, in our opinion, if we understand the logic correctly, is a serious change in position regarding how budget spending mechanisms should be structured.

Speaking about the formation of economic dynamics, it should be noted that a certain tension has formed in the economy associated with high growth rates in manufacturing industries. In essence, we are experiencing a forced structural shift. We have always said that such a structural shift is positive for our economy, but when machine-building production and other activities related to final production are growing at double-digit rates, then one way or another the question of how we should expand capacities arises. Here we have two options: the first is investment, the second is import. Accordingly, in the first case, we must understand how quickly these investments will be transformed into funds; in the second case, this will be an attempt to relieve this tension through imports, and it will preserve the problems of import dependence in our economy.

Of course, the most important issue is exchange rate policy. On the one hand, if we have a weaker ruble, we create more favorable conditions for competition with imports on the domestic market, more favorable conditions for exporters and more favorable conditions for nominal budget revenues, but at the same time we create conditions for demotivating part of the investment investments, because imports are, to one degree or another, related to investments, since machinery and equipment are largely imported. And with such a weak ruble exchange rate, additional pressure will be on public investments, the ability to increase them within the framework of a rather rigid budget structure will be extremely difficult.

If we assume that the exchange rate will strengthen, then another problem arises, as imports begin to become cheaper, and in conditions of shortages of both intermediate products and investment goods, we can get an increase in imports and an increase in dependence on them. At the same time, it is clear that in the current conditions, with a tight monetary policy and a decrease in enterprises' resources for investment in fixed capital, the problem of the enterprise's own funds exists. How we balance investments in terms of funding sources is a serious question. I would like to note that next year, in accordance with the forecast of the Ministry of Economic Development, the growth rate of investment and gross fixed capital formation is only 1.4%, after 6% this year. In our forecast the dynamics are similar. And this, of course, is probably the most serious challenge that we see, because if there is no support from investment demand, then the entire structure, which is focused on using the potential of the domestic market to create acceptable economic dynamics comes into question.

Of course, the key risks in the medium term are, of course, the external economic environment. This includes tightening sanctions, unfavorable changes in global commodity markets, and factors related to domestic demand, including government consumption. So far we see only high-level values, and there is stagnation of government consumption in real terms. Moreover, we are talking primarily about spending on activities such as education and healthcare, which, of course, on the one hand, is a deduction from economic dynamics, and on the other hand, hits sectors that are priority for our country. And how this conflict will be resolved remains a serious question given the increase in cost efficiency and redistribution.

We can say that the serious impetus that the economy received as a result of both the actions of the Government and the adaptation measures of business continues to have a positive impact, but next year there is a whole set of risks, as I already said, both external and internal character that will seriously hinder development. And the possibility of overcoming these risks, including through a more active economic policy, is what the Government translates to the society in this forecast. On the other hand, it is clear that in order for the numbers to be the same as we see in the government forecast, quite serious efforts are required. It cannot be said that this situation will definitely be resolved positively. Indeed, we can say that we are moving to another stage of economic development, that is, the adaptive, protective, I would say, model that we have been implementing in the last 2 years should be replaced by a more active policy that would allow us to overcome these limitations related to tensions in the manufacturing sector.

The last thing I want to say is that decrease in the number of unemployed that we see is, of course, the result of a large-scale structural shift, when most of our manufacturing industries, primarily machine-building, began to work with a fundamentally different intensity, seriality, and shifts. And, of course, this leads to a flow of employment, including from the service sector, to the processing sector. And all this seems to be not bad, but now we need to think about what will happen when the situation, firstly, somehow stabilizes, and on the other hand, when there is a need for a significant amount of goods that the machine-building complex is currently producing (it is clear that I mean) will begin to decline. And this is a challenge for our economy, perhaps in the longer term, nevertheless, we need to think about how we will complete this high level of workload and high level of mobilization of both the defense-industrial and machine-building complexes now.

Klepach: One way or another, our economy is highly dependent on the price of oil. The forecast of the Ministry of Economy, and this is also the opinion of the Ministry of Finance, includes a downward trajectory of oil prices. If for this year Brent is estimated by the Ministry of Energy at \$84, which is probably quite realistic, given the peak price increase in recent months, then by 2026 it is predicted to be \$76. There is no need to talk about the stock exchange price, because now everyone is looking at the so-called contract export prices. At the same time, we have a big difference between what goes through the ESPO pipeline, where the price of oil is even higher than for Brent, and the sanctions discount that we are forced to give from the Baltic and Black Sea ports is about 6-8 dollars per barrel, and not 20-odd, as it was at the beginning of the year. Therefore, revenues are high, but, nevertheless, I think that the price of oil will most likely be higher in 2024.

But as for 2026 and beyond, there is a big question about it, because underinvestment in the oil complex in recent years, including under the “green” flag, will result, and is already resulting in an oil shortage. But if the economy grows and the capacities that currently exist are introduced, and not only in Saudi Arabia, then perhaps in 2026 prices will begin to decline, although I don’t think it will be as sharp as is currently included in the forecast and draft budget. But this is, rather, some kind of conditional figure put in order no one expects high incomes, and reserves are kept large, as the Ministry of Finance traditionally does.

I think that the dynamics of oil exports, and especially oil products, unfortunately, will be more conservative than expected by the Ministry of Economy and the Ministry of Energy,

although we must give them their due: the expectations of a sharp decline in exports that were both for 2022 and at the beginning of 2023-th were not justified. However, only one India is unlikely to be able to flood itself with our oil. And here the question is not even that it is impossible to sell and export so much there, but that last year our exports to India were approximately 72 billion dollars, and imports were about 6, respectively, the trade balance was more than 60 billion, which largely consists of rupees, which we cannot convert normally. And so far a solution to this issue has not been found. Therefore, the point is not that we cannot sell more oil, but who will pay for it and how. If a mechanism is found, then perhaps the optimism of the Ministry of Energy and the Ministry of Economy will be justified. We stick to more conservative figures here, but I will not comment on them in detail now.

It is important that the export of gas, except for LNG, which is growing and will continue to grow, and which Europe is actively purchasing, despite anti-Russian actions, hardly has bright prospects. If previously we exported more than 200 billion cubic meters of pipeline gas, then for this year our estimate is about 97 billion cubic meters. I think that this volume will not change soon. Rather, in 2025-2026 there will be growth due to China and the expansion of the Power of Siberia pipeline. However, we will not be able to fully compensate for the fall in exports to Europe in the foreseeable future, and given the dynamics of the global economy, which has slowed down, it is difficult to expect a boom in non-oil or non-resource exports, although our grain exports are high and breaking records. We must pay tribute to the authorities: our policy creates self-limitation of grain exports. The state increased the duties, plus de facto the Ministry of Agriculture takes action to target prices which breaks some of the contracts that were with Egypt. Perhaps the idea of increasing supplies to Africa will, of course, increase exports, and it will apparently be about 50 million tons, but so far our regulatory mechanisms have not stimulated an increase in exports.

The second point regarding the forecast.

Despite the sanctions, we have a strong capital outflow. According to our estimate, for this year it is 90 billion, maybe more, and then will stay at approximately the same level. That means that the capital is shoved abroad, into any offshore, so that no one finds it. It is difficult to comment on the situation now. The following must be said about the exchange rate: the problem is that here macroeconomic factors and export dynamics do not play the determining role that the Central Bank talks about, because trading volumes, if we take exchange trading, are scanty, non-exchange ones are larger, but, in fact, a normal mechanism for influencing the exchange rate and regulating

has not been yet developed, so even a few large transactions can either push the rate up or strengthen it. What is included in the forecast, which has already become official, is a tendency towards a slight strengthening of the ruble. If we take the average annual value (at the Ministry of Energy it is 85 rubles per dollar, we have approximately the same value), this means some strengthening by the end of the year, to about 92-93 rubles.

But what's next is more important. The Ministry of Energy envisages 90 rubles per dollar for next year and 92 for 2026. I think that if we proceed from the dynamics of exports and maintain a sufficiently high trade balance, the ruble will strengthen and not decline. The average annual value for next year will be lower: according to our forecast, around 89 rubles. However, further, if you do not take into account various black swans, the rate will go to 85–86, and maybe even stronger. If most of the currency of Rosneft or some other large company were sold in Russia, it would again be somewhere around 60 or 70. But there is no one to sell it to, or the import mechanism needs to be structured differently. This, in fact, is a different industrial policy, where imports are coordinated, because it is clear that those who have foreign currency must hide it so as not to be arrested; they are not interested in such massive imports, and therefore the redistribution mechanism does not really work here. Strictly speaking, the higher the share of exports and imports in rubles, the more balanced the situation will be, but we will not restore imports as it should be in order to cover the 90 billion positive balance on current operations. Neither Gazprom, nor Rosneft, nor chemistry need \$90 billion in additional imports. Our imports have already recovered this year and reached pre-crisis levels. But making a leap simply means a fundamentally different industrial policy, so there are no such solutions now.

Regarding investment, our estimate is also quite low at 1.3% for the next year, that is, on the one hand, we have a declaration of very ambitious plans, and I am glad that the time has come for them, because 15 years are in our strategic high-speed railways appeared in the documents, but we did not build a single kilometer. It is stated that all this costs more than 10 trillion rubles. No one knows exactly how much it will cost. But I assume that at least one road, between Moscow and St. Petersburg, will begin to be built, because the railway junction of Moscow and St. Petersburg is now being reconstructed taking into account the high-speed line. Technologically, even from the point of view of rolling stock production, we will be ready for this by 2027, so I think construction will begin. I don't know whether traffic to St. Petersburg will be opened by 2027 or not, but it has been announced. In principle, everything can be done. As far as I remember, the first time this was recorded in plans in 2008.

Since then, the Chinese have built 40 thousand kilometers, and we have built 0, as you know.

However, with such a high rate and a high degree of uncertainty, it is quite difficult to expect an investment boom, although there is potential for investment growth. The driver both this year and, apparently, in the coming years may be the growth of household incomes. It is record-breaking because of both an increase in wages and an increase in military monetary allowances. One of the problems is that the growth rate of real incomes may slow down sharply, because there are no clearly defined indexations for state employees and pensioners, especially for 2025–2026, so I think the parameters may change significantly.

As for the budget, our forecast does not show record revenues. In 2024 we see 35 trillion rubles with expenses of 36 trillion. I doubt it will be possible to make a jump in spending by almost 5 trillion in 2024. If anyone remembers, in our budget law for 2023 the expenditures were 27 trillion, then 32, which actually means that about two trillion rubles are the balances that will creep into 2024. I do not rule out that we see a similar picture in 2024, even taking into account the increase in defense spending. In the budget configuration there is no increase, even nominal, in spending on health care, education, and science. If I remember correctly, the nominal value even shows a reduction for 2024. Therefore, on the one hand, the budget is optimistic and stimulating, but, on the other hand, the real macroeconomic effect of these additional expenses still needs to be analyzed taking into account the structure. Apparently, this will be something in terms of investment in housing construction, but as for the rest sectors, except for the defense industry, I think there will be a rather tough and conservative policy. However, according to our estimates, this will anyway provide growth rates. To tell the truth, regarding its size we have big differences with the Ministry of Economy. According to our estimates, our growth this year is 2.7%, not 2.8%; next year we see a slowdown in growth, based on more conservative estimates for hydrocarbon exports.

In our opinion, there is a lot of uncertainty in terms of reserves, given the picture that the Ministry of Energy gives. Further we foresee growth of 2.2% and maybe a bit more.

To reach the indicators that we have in various target documents which require growth rates at or above the levels of the world economy we need fundamentally different policies and structural changes both in terms of investment and the development of sectors of the social complex. I mean education and healthcare. So far, no such decisions have been made, although they are being discussed, in particular, at the Foresight 2040 group discussions, in groups on strategic initiatives. If these

decisions are made, even with lower incomes and larger deficits, the economy could grow 3.3-plus percent a year, even higher. These calculations do not fully take into account the fact that, in one way or another, almost 5 million people are citizens of Russia in the new constituent regions. From there many people migrated, partly to us, and mostly to Ukraine, in total, another 3 million. These people work, moreover, this already affects our harvest and its prices. There are also machine-building capacities there. And in fact, this is a significant factor in the additional acceleration of the development of the Russian economy, which we have not yet fully taken into account. There are some closed figures, I cannot comment on them, but this effect will potentially be greater than when Russia retook its Crimea region.

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2023, Москва
Научно-популярное издание

Том XII

Под редакцией С.Д. Бодрунова,
члена-корреспондента РАН, д.э.н., профессора

© Институт нового индустриального развития (ИНИР)
имени С. Ю. Витте,

© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 15.10.2023, тираж 400 экз.
Заказ №03237-23

Отпечатано в типографии
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

ISBN 978-5-00020-112-1

